

В. Л. Мальков

Путь к имперству АМЕРИКА

в первой
половине
XX века

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF GENERAL HISTORY

V. L. Malkov

THE PATH TO EMPIRE

AMERICA

**in the first half
of the twentieth
century**

MOSCOW NAUKA 2004

В. Л. Мальков

**ПУТЬ
К ИМПЕРСТВУ
АМЕРИКА
в первой
половине
XX века**

МОСКВА НАУКА 2004

УДК 94(73)
ББК 63.3(7Coe)
М21

Рецензенты:
академик Г.Н. СЕВОСТЬЯНОВ,
доктор исторических наук Е.А. ЛАРИН

Мальков В.Л.

Путь к имперству: Америка в первой половине XX века / В.Л. Мальков; Ин-т всеобщей истории. – М.: Наука, 2004. – 604 с. – ISBN 5-02-009854-X (в пер.)

В книге анализируется исторический путь, проделанный США от индустриального общества и достижения страной статуса великой державы в начале XX в. до превращения ее в лидирующую державу биполярного мира после 1945 г. В контексте мировых процессов рассмотрена динамика экономических, социально-культурных и политических изменений в американском обществе. Важнейшее место уделено ключевым моментам – “прогрессивной эре”, эпохе “нового курса”, начальной фазе “холодной войны”.

Для историков, политологов и широкого круга читателей.

ТП 2004-II-№ 257

ISBN 5-02-009854-X

© Мальков В.Л., 2004
© Российская академия наук, 2004
© Издательство “Наука”, художественное оформление, 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Последние 10 лет в Соединенных Штатах Америки ведется широкая дискуссия по поводу имперской политики в ее многостороннем измерении – геостратегическом, экономическом, дипломатическом, культурном и военном. События, произошедшие после 11 сентября 2001 г., война в Афганистане и военное сокрушение Ирака (без признаков окончательной победы), подогрели интерес к теме, вызвав появление множества книг, статей, острые дебаты на политических форумах. Спектр идей, поднятых в связи с этим, самый широкий – от новых попыток объяснить ниспосланный самой судьбой “удел” Соединенных Штатов быть воплощением свободы и преобразователем мира до самых последних высказываний, затрагивающих особую роль и долгосрочные задачи США в однополярном мире после окончания холодной войны и распада СССР. Нет смысла специально останавливаться на различиях в толковании терминов “имперская политика” и “имперство”. При всех разногласиях (о них будет сказано ниже), имеющих у разных авторов, эти толкования сводятся к констатации доминирующей, ни с кем не сравнимой и не разделенной роли Америки в молчаливо признавшим ее флагманом прогресса в мире.

Декан Гарвардской школы государственного управления им. Джона Кеннеди и автор книги “Парадокс американской мощи: почему единственная сверхдержава не должна делать это в одиночестве” Джозеф Най-мл. выдвинул следующий тезис в опубликованной им в авторитетном журнале “Форин афферс” статье: «Баланс в мире нарушен. Если кто-то еще сомневался в полном превосходстве американской военной силы, Ирак разрешил эти сомнения. Рядом с Соединенными Штатами, представляющими почти половину всех средств, направляемых странами всего мира на военные нужды, любая противостоящая им коалиция не в состоянии восстановить традиционный военный баланс. Со времен Рима ни одна страна не выглядела таким великаном рядом с остальными. И в самом деле, слово “империя” обрело реальное, а не условное значение. Компетентные и уважаемые ана-

литики как левой, так и правой ориентации начинают охотно использовать термин “Американская империя” для выражения сути XXI в. Кажется, военная победа в Ираке только подтвердила факт возникновения именно такой новой мировой системы»¹.

Разумеется, существуют различные нюансы в подходе к проблеме. Теоретическое осмысление феномена империи применительно к нашему времени, которое отличается от того, когда мир был поделен между колониальными державами, а в ходу были территориальные захваты и экономическая сверхэксплуатация отсталых стран, неизбежно вызывает появление неодинаковых точек зрения и гипотез. Есть смысл сказать о некоторых из них.

Большинство исследователей, как это подтверждает в одной из последних работ профессор Найал Фергюсон, считают вполне оправданной и корректной проводимую параллель “имперской власти” современных США и Британской империи в том виде, в каком она существовала сто лет назад. При этом Фергюсон замечает, что аналогичного взгляда придерживаются такие видные исследователи, как Уолтер Рассел Мид и Джозеф Най-мл.² Другая активно участвующая в полемике часть ученых и публицистов полагает, что всякие ассоциации и аллюзии с прошлым если и не неуместны, то во всяком случае поверхностны, выглядят натяжкой, поскольку к концу XX – началу XXI в. изменились “обстоятельства”, в которых США принуждены действовать в своем ранге единственной сверхдержавы, облеченной многообразными функциями – от полицейской до гуманитарной. Известный обозреватель газеты “Нью Йорк таймс” М. Игнатьев в статье от 5 января 2003 г., названной им “Бремя”, писал: «Американская империя не похожа на империи прошлых времен с характерными для них колониями, захватами и бременем белого человека. Мы уже миновали эру “Юнайтед фрут компани”, когда американские корпорации с помощью морской пехоты защищали свои инвестиции в чужих землях. Имперство XXI в. – совершенно новое изобретение политической науки, просвещенной империи, по сути это политика глобальной гегемонии, в основе которой лежат идеи свободного рынка, человеческие права и демократия, подкрепленная внушающей благоговейный страх неведомой донныне военной силой. Это империализм народа, помнящего, что его страна добилась независимости посредством мятежа против империи, народа, который хочет видеть себя другом свободы повсюду. Америка, не осознавая того, что она на самом деле явля-

---

¹ Nye J.S., Jr. U.S. Power and Strategy After Iraq // Foreign Affairs. 2003. July–Aug. P. 60.

² Ferguson N. Hegemony or Empire? // Ibid. Sept.–Oct. P. 154, 155.

ется империей, постоянно неприятно удивляется тому сопротивлению, которое встречают ее добрые намерения за рубежом»³.

Третья сторона – участник этой полемики – решительно опровергает “имперский тезис” в его различных вариантах. Речь идет о властных структурах, прессе, их обслуживающей, многочисленных национал-патриотических (как либеральных, так и консервативных) организациях. Ее контраргументы высказывались неоднократно. Так, в 1999 г. С. Бергер, советник по вопросам национальной безопасности президента У. Клинтона, заявил, что Соединенные Штаты – “первая в истории мировая держава, которая не является империалистической страной”. Годом позже во время президентской кампании Джордж Буш-мл. буквально повторил слова Бергера: “Америка никогда не была империей... Может быть, мы и есть та единственная великая держава в истории, которая имела возможность стать империей, но отказалась это сделать”. И уже в качестве президента, находясь на борту авианосца “Авраам Линкольн”, Буш 1 мая 2003 г. вернулся к этой животрепещущей теме сегодняшней Америки: “В прошлом другие народы не раз сражались на чужих территориях и оставались там с тем, чтобы подвергнуть их оккупации и разграблению. Американцы, окончив войну, не хотят для себя никаких привилегий, кроме возвращения домой”⁴.

В дискуссию на тему империи вовлекаются все более широкие круги американской общественности, зарубежные ученые и политические деятели⁵. События текущей политики не дают ей угаснуть, а одной из самых существенных примет всех рассуждений является обращение к истории. В ней находят подтверждение или опровержение той или иной системы взглядов, тех или иных выводов, порой прямо противоположных. Но одно очевидно: никто не подвергает сомнению важность обсуждения проблемы, прослеживая ее до изначальных истоков. Современность может быть адекватно понята только через историю. Но поскольку в данном случае речь идет о прошедшем XX столетии, не представив себе облика той эпохи с характерным для нее беспримерным вовлечением масс в политику, мировыми войнами, революциями и реформами, особо тесной взаимосвязью внутривластных изменений (включая технологические) с положением страны в системе государств, нельзя объяснить мотивацию внешнеполитической деятельности, все равно касается ли это ее доктриналь-

---

³ New York Times. 2003. Jan. 5.

⁴ Цит. по: *Ferguson N.* Op. cit. P. 155.

⁵ Two Hegemonies: Britain 1846–1914 and the United States 1941–2001 / Ed. by P.K. O'Brien and A. Clesse. Aldershot, U.K. Asghate, 2002.

ных основ или дипломатической практики как таковой. Сказанное избавляет автора от разъяснений, почему исследовательская задача ставится и решается им в двух пересекающихся плоскостях – внутриаполитической и внешнеполитической.

Композиционно работа отражает понимание автором особого характера сосуществования Соединенных Штатов с внешним миром, а также комбинации факторов, обеспечивших этой стране к середине XX в. лидирующие позиции одной из двух сверхдержав, а в перспективе позволивших им заявить о претензиях на амплуа, как выразился один из ведущих политологов сегодняшних США, Роберт Джервис, “безусловного мирового гегемона, если не империи”⁶. Внимание автора сосредоточено на рубежных участках этого пути, на которых США своей расчетливой (до цинизма) и самонадеянной (до чванливости) внешней политикой, поддержанной мобилизацией внутренних ресурсов, с большим или меньшим успехом, терпя порой поражения, упорно добивались поставленных целей, в коих они видели смысл существования всего человечества⁷. И в структурном отношении, и в содержательном плане в центре работы находится эпоха Великой депрессии (1929–1939), реформ “нового курса”, последовавших за ними войны с фашизмом и послевоенного международного кризиса.

Вместе с глубочайшими потрясениями внутреннего и внешнего порядка американская нация пережила за 20 лет после экономического краха октября 1929 г. как бы несколько качественных состояний. Сначала – обвальный переход от “процветания” к всеобщему экономическому хаосу и упадку. Затем самоотверженное преодоление изживших себя фетишей, обретения новой веры и стабильности в реформированном правовом обществе, в котором высшая власть открыто заявляла о необходимости преодоления “индивидуального группового эгоизма ради блага всего народа”⁸. И, наконец, участие в коалиционной войне с фашизмом, завоевание внеконкурентных позиций в мировой экономике и в части материального благосостояния своих граждан. Можно назвать множество причин и факторов, способствовавших этому преобразению Америки, выходу ее из экономического коллапса и превращению в витрину западного благополучия. 50% мирово-

---

⁶ Jervis R. An Interim Assessment of September 11: What Has Changed and What Has Not? // September 11, Terrorist Attacks, and U.S. Foreign Policy / Ed. by D.J. Caraley. N.Y., 2002. P. 197.

⁷ Л. Харц – известный американский историк и политолог, называя эти цели американским абсолютизмом, писал, что они были воплощены в политике, которая “резко раздвигает горизонт нации как внутри страны, так и на рубежом” (Харц Л. Либеральная традиция в Америке. М., 1993. С. 22).

⁸ Рувельт Ф.Д. Беседы у камина. М., 2003. С. 345.

го ВВП после Второй мировой войны, неоспоримое мировое лидерство в новейших технологиях и в сфере фундаментальной науки, единственные на планете вооруженные силы с “действительно глобальным охватом” (если следовать дефиниции З. Бжезинского) и в самом деле впечатляющий итог динамичного развития страны за первую половину XX столетия. В появлении этого “нового общества”, располагающего к тому же абсолютным оружием – атомной бомбой, – огромную роль сыграли и благоприятные внешние обстоятельства, и внутренний потенциал модернизации, и безошибочный выбор лидера в самый трудный для нации момент. Именно этим объясняется то, что в центре предлагаемой вниманию читателя книги (хотя она и не носит биографического характера) оказалась фигура Франклина Делано Рузвельта, 32-го президента США, чье лидерство в период великих испытаний и реформ сконцентрировало восстановленные и развившиеся силы нации на выполнении объективно совпавших национальных и глобальных общечеловеческих задач. Продолжение могло не соответствовать тому, о чем думал и к чему стремился сам Рузвельт, но объективно оно опиралось на сложившийся гигантский материальный задел и новую интерпретацию роли США в мире и во времени.

Автор приносит благодарность коллегам и друзьям, на разных этапах работы над темой оказывавших ему поддержку советами, критикой и просто участием. Слова признательности должны быть высказаны также в адрес работников архивов, библиотек и научных изданий, которые в разное время публиковали фрагменты книги, позволяя тем самым услышать суждения широкой читательской аудитории. Разумеется, автору трудно представить себе осуществление замысла в целом без поддержки и прямого участия жены И.К. Мальковой, чья инициатива, беспредельное терпение и труд при подготовке текста позволили рукописи стать книгой.

ШАГИ КОМАНДОРА: ОТ КОНТИНЕНТАЛИЗМА К МЕССИАНСКОМУ ИМПЕРИАЛИЗМУ ЯНКИ

О “ПОДВИЖНОЙ ГРАНИЦЕ” И САМО СОБОЙ НАПРАШИВАЮЩИХСЯ ПАРАЛЛЕЛЯХ

Один из самых проницательных мыслителей XX столетия П.А. Сорокин, исходя из предложенного им собственного понятия социокультурного процесса, имманентно присущих ему замедлений, ускорений и изломов, выдвинул идею смещения творческого центра человечества последовательно, в порядке очередности к середине XX в. на пространство “Тихоокеанского и Атлантического побережья”. Он высказался при этом таким образом, что Соединенные Штаты Америки, оказавшиеся в силу ряда причин в наиболее благоприятных условиях, уже к началу XX в. превзошли остальные страны в динамических изменениях в науке, праве, экономике, политике, преобразовании социальных институтов, в пересмотре системы ценностей, публичного поведения и т.д.¹

Трудно, однако, отделаться от мысли, что П.А. Сорокин, давший блистательный анализ изменений “всего спектра” социальных отношений (понимаемого в самом широком планетарном аспекте) на рубеже XIX–XX вв. по линии возрастания роли насилия, “принудительно регулируемых форм”, не думал, помимо всего прочего, и о стране, которая стала его второй родиной. Тот, кто внимательно читал Сорокина, видел, что он не делал для нее исключения. Очевидный фаворит в гонке за мировое лидерство – Соединенные Штаты, последовательно наращивая свой многосторонний потенциал, так же как и другие великие державы, не испытывали трепета перед святостью договоров и не стеснялись нарушать принцип “*pacta sunt servanda*” (договоры должны соблюдаться), делая ставку на силу и заменяя право соображениями “целесообразности”. «Если у меня есть сила, – рассуждал П. Сорокин, нигде не оговаривая какой-либо особый этический кодекс великой республики Нового Света, – чтобы заставить всех остальных выполнять мои условия, то что может удержать меня от этого “целесообразного” и “выгодного шага”?»².

Здесь само собой напрашивается сравнение с Россией, которая тоже, по определению Алексиса де Токвиля, появилась на мировой “сцене неожиданно” и тоже располагала огромным потенциалом³, но не сумела эффективно распорядиться им тем единственно вер-

ным способом, который мог бы сделать страну конкурентоспособной в предлагаемых обстоятельствах конца XIX – начала XX в. Рынок Европы и Америки в индустриальном развитии, модернизация внутренней структуры – пример того, как это должно было произойти. Но те, от кого это зависело в России, не смогли понять, как об этом провидчески писал Ф.И. Тютчев, что “настоящая политика России – не за границей, а внутри ее самой, т.е. в ее последовательном, безостановочном развитии”⁴.

Каждый был занят своим делом и жил по своему уставу. Пока Россия, сталкивавшаяся со множеством внешних трудностей, мучительно решала свою главную внутреннюю проблему – стоит ли ей модернизироваться по европейскому образцу или держаться самобытного пути⁵, США, покончив с рабством и сепаратизмом в результате победы Севера в Гражданской войне, буквально семимильными шагами двигались к созданию развитого индустриального общества. Результат не заставил себя ждать. Форсированная технологическая революция на базе внедрения научных новшеств полностью изменила облик Америки за годы жизни одного поколения. К 1900 г. Соединенные Штаты предстали перед глазами пораженной, встревоженной и сдержанно восторженной Европы промышленным колоссом, превосходящим по основным показателям Англию и другие индустриализующиеся страны. За 1870–1900 гг. ежегодный прирост валового национального продукта составлял 4%, и к концу XIX в. в стоимостном выражении промышленная продукция превысила сельскохозяйственную⁶. В 90-х годах XIX в. США вышли на первое место в мире по выплавке чугуна и стали и по добыче каменного угля.

Феноменальный рывок в экономике базировался на поливалентной революции: внедрении массового конвейерного производства в фабричной системе, строительстве и горном деле, модернизации транспорта и связи, финансово-банковской системы, политехнизации образования и механизации сельского хозяйства и (не в последнюю очередь) совершенствовании организации и управления производством. Особую роль в развитии производительных сил и в жизни общества в целом играло изобретательство, прикладные исследования ученых и открытия самоучек, получивших простор и поддержку в своей деятельности⁷. Технологические усовершенствования обеспечили создание совершенно новых видов потребительских товаров и производство их в невиданных доселе количествах с постоянно обновляемым ассортиментом. Бум на железнодорожном транспорте, в судостроении и судоходстве позволил интенсивно осваивать национальный и международный рынок, связывая добывающие регионы с индустриальными центрами и быстро урбанизирующимися мегаполисами.

Телеграф и телефон, новая бытовая техника, новые транспортные средства – автомобиль, городской общественный транспорт на электрической тяге – внедрялись повсеместно, преобразовывая

жизнь, делая ее удобней и полнокровней. Радикально изменились структура и само содержание такой важной компоненты американской рыночной системы, как маркетинг. До Гражданской войны промышленные товары доходили до покупателя благодаря оптовым торговцам, располагавшим довольно ограниченными возможностями для сбора информации о потребительском рынке и примитивными средствами ее обработки. В 80–90-х годах все изменилось. Крупные компании, такие, например, как “Зингер” (швейные машины), “Ремингтон” (пишущие машины), “Маккормак” (сельскохозяйственное машиностроение), основали функционирующую в международном масштабе маркетинговую сеть, располагающую представительскими во многих странах и на всех континентах, патронирующую розничных торговцев и ремонтные мастерские, имеющую свои филиалы для координации снабженческой и торговой деятельности. Расширение видов услуг американских компаний, их агрессивная рекламная экспансия в кратчайший срок вывели США в число стран, непосредственно и кровно заинтересованных в режиме политического благоприятствования в различных регионах земного шара и прежде всего в устранении всех препятствий для проникновения американских товаров. Доктрина континентальной замкнутости (последствие антиевропеизма) сковывала растущие жизненные силы нации. Разочарование в ней заставляло искать выход в ставшей популярной государственности особого типа, чей высший смысл заключался в ее ранней истории, т.е. в началах раздвигающегося пространства, осваиваемого белыми переселенцами. Где-то в недрах государственно-правовой культуры возникло понятие “подвижной границы” – символа жизнеспособности и прогресса нации.

Внезапный сбой в механизме промышленного воспроизводства посеял панику. Побуждаемые депрессией и кризисом 90-х годов и невероятным затовариванием внутреннего рынка американские корпорации обратили повышенное внимание на внешние рынки. Подстегиваемые страхами перед экономическим коллапсом они преумножали свою организационную активность за рубежом. Названия этих корпораций получили известность во многих странах: “Зингер”, “Армур”, “Истмен Кодак”, “Дженерал Электрик”, “Форд”, “Стандард Ойл К”, “Интернешнел Харвестер”⁹⁰ и др. Одни интенсивно прибирали к рукам сырьевые ресурсы в “ближнем зарубежье” (в странах Центральной Америки, Карибского бассейна и т.д.), другие прибегали к энергичной интервенции на территориях, отстоящих за тысячи километров и столетиями являвшихся неприкосновенными для всех, кроме тех, кому они искони принадлежали. Открытие залежей золота и других драгоценных минералов в Южной Африке вызвало натиск американских горнодобывающих компаний на позиции англичан. Последние еще острее, чем прежде, почувствовали жесткое рукопожатие вчерашних инсургентов. К 1907 г. только в Лондоне функционировали более 200 американ-

ских фирм, которые играли приметную роль в столичном бизнесе, влияя попутно на стиль жизни страны. Кстати сказать, именно в английской печати на рубеже столетий появились первые предупреждения относительно “американской угрозы” и “американизации” Европы. Впечатляющие сведения о торгово-промышленном освоении США российского плодородного “пласта” приводит в одной из своих книг американский исследователь Норман Сол⁸.

Примерно с конца 70-х годов XIX в. начался опережающий импорт рост объема американского экспорта, причем первую строчку в нем занимали товары обрабатывающей промышленности (продукция машиностроения, паровозы, корабли, станки и т.д.). Параллельно увеличивалось потребление “чужого” минерального сырья, поступавшего буквально со всех континентов. Появление отраслей массового производства (таких, как автомобильная, химическая и др.) превратило порты США на западном и восточном побережье не только в гигантские перевалочные пункты, но и одновременно в средоточие мировых хозяйственных связей, где скрещивались и переплетались интересы большинства индустриальных стран. Штормовым предупреждением становились обсуждения вопроса о зависимости высокотехнологической, взявшей курс на массовое производство американской экономики от емкости и открытости внешних рынков. “Если бы мы сообразовывали свою деятельность целиком с возможностями нашего отечественного бизнеса, – заявил крупнейший американский нефтяной магнат Джон Рокфеллер еще в 1899 г., – мы уже давно обанкротились бы. Мы были принуждены расширять наши рынки сбыта и экспортные возможности”⁹. Ничто в США не воспринималось так равнодушно, как угроза утраты внешних рынков или столкновение с запретом на свободное обращение американских товаров и капиталов. Любые признаки снижения уровня деловой активности рассматривались как предвестие национальной катастрофы, массового обнищания и краха “американской мечты”. Экономические кризисы 1873–1878 и 1893–1897 гг. навсегда остались болезненным напоминанием о невозможности достичь процветания, ориентируясь лишь на внутреннее потребление.

Особенно агрессивно вели борьбу за рынки сбыта американские нефтяные тресты. Важно подчеркнуть, что их деятельность поддерживалась и координировалась правительством США. Сменившая “эру керосина” “эра мазута и бензина”, совпавшая с концом XIX – началом XX в., связана была со стремительным возвышением знаменитой “Стандард Ойл Ко”. В свою очередь, феноменальный успех этого типичного продукта американской цивилизации в большей мере был обусловлен внешнеторговой экспансией нефтяной империи Рокфеллеров, буквально на глазах превращавшейся в самостоятельный фактор мировой политики. Из 1392 млн долл. чистой прибыли “Стандард Ойл” в 1891–1914 гг. значительная часть была “за-

работана” на внешних операциях. В отдельные годы процент прибыли, полученной Рокфеллером за рубежом, достигал 35–40%¹⁰.

Территориально ареал экспансии нефтяных баронов оказался чрезвычайно обширным. Американский континент, Европа, страны Дальнего Востока. В силу же объективных причин вплоть до начала XX в. главными соперниками в этой подчас смертельной борьбе гигантов нефтехимии являлись по большому счету только две страны – Америка и Россия. Черное золото – дар природы – одинаково доступное и для США, и для России, становилось для них яблоком раздора как раз из-за проблемы рынков сбыта, стремления прибрать их к рукам, удержать под своим контролем и тем самым обеспечить поступление дополнительных инвестиций в дорогостоящее дело нефтедобычи, нефтепереработки и транспортировки жидкого топлива из самых малодоступных регионов. Характерно, что в Санкт-Петербурге довольно настороженно следили за попытками американских компаний подобраться к природным, в том числе нефтяным, богатствам Баку, российского Дальнего Востока, в частности Сахалина¹¹. Исподволь приходило понимание того, каково стратегическое значение нефтяных ресурсов, которые становились объектом особой заинтересованности президентов, премьер-министров и монархов.

Нефть благодаря ее свойству быть своеобразным всеобщим энергетическим эквивалентом XX в. перешла в разряд абсолютных приоритетов в политике всех без исключения индустриальных стран. “Жидкое золото” предъявляло новые требования и диктовало новые правила игры. В их числе на первый план выдвигались следующие: мобилизация финансовых ресурсов для дорогостоящих геологоразведочных и буровых работ, создание соответствующей промышленной базы для освоения месторождений, хранения, транспортировки и переработки нефти, усовершенствование методов использования и сбыта нефтепродуктов и, наконец, не в последнюю очередь, предприимчивость в отработке способов проникновения на территории, находившиеся под юрисдикцией других государств.

США первыми осознали и в полной мере использовали свои инновационные, организационно-правовые преимущества и поисковые навыки в состязании за лидерство в нефтяном бизнесе, решительно объявив войну за беспрепятственную торговлю и пренебрегая многими традиционными понятиями о добропорядочности в конкурентной борьбе. Более того, по примеру нефтяных магнатов американский бизнес, в целом склонный уже в конце XIX в. ставить знак тождества между американским и мировым рынком, ничего не прощал странам и их правительствам, оказывавшим ему сопротивление с целью ограждения национальной экономики от подчинения ее заморскими кланами крупного бизнеса. «Нации, – пишет в своей книге “Циклы американской истории” известный историк А.М. Шлезингер-мл., – стремившиеся защититься от американской

экономической агрессии, объявлялись угрожающими американской свободе»¹². Пример с вытеснением России с мирового рынка нефтепродуктов – хорошая иллюстрация этого тезиса.

Россия до революции 1905 г. находила широкий сбыт своего керосина в Англии, куда шло свыше половины всего вывоза этого продукта в Европу. В 1903 г. доля русского и американского экспорта керосина (крайне дефицитное осветительное средство) в Англии была примерно одинакова, но уже в 1908 г. это отношение изменилось и выражалось цифрами 6 : 1 в пользу Соединенных Штатов¹³. Экспортные возможности нефтедобывающей промышленности России резко сократились, а это нанесло тяжелый удар по финансовому положению России и планам ее индустриализации¹⁴. В “бензиновую эру” страна самой высокой в мире нефтедобычи в 1898–1901 гг. (53% от мировой) входила совершенно неподготовленной, уступив на внешних рынках сбыта свое некогда прочное первое место расчетливым и предприимчивым американским трестам, манипулировавшим ценами, заключавшим между собой соглашения о разделе “сфер влияния”. Американские тресты, используя средства, создавали дочерние предприятия, перекрывали рынки сбыта российским конкурентам и широко практиковали к собственной выгоде промышленный шпионаж¹⁵. Исследователям еще предстоит выяснить, какую роль в русском “нефтяном голоде” и в упадке российской нефтяной промышленности накануне Первой мировой войны сыграло многолетнее соперничество с ее конкурентом – рокфеллеровской “Стандард Ойл”. Но бесспорно одно – соревнование на внешних рынках сбыта сильнейшая в мире в начале XX в. российская нефтедобывающая промышленность к началу Первой мировой войны (всего за 9–10 лет) проиграла вчистую своему главному конкуренту – нефтяным трестам США.

“...ОНИ НИЧЕГО НЕ БОЯТСЯ И ВСЕ ПОКОРЯЮТ”

Быстрое “взросление” американской экономики после Гражданской войны было также тесно увязано с бурным развитием и совершенствованием банковской системы. Принятое новое законодательство придало ей дополнительную устойчивость, число банков к 1900 г. стремительно возросло, а их депозиты увеличились во много раз¹⁶. Постепенно параллельно с вывозом товаров набирала силу и американская кредитная экспансия, хотя внешняя задолженность США и в начале XX в. оставалась весьма солидной. Только в 1900 г. США разместили за рубежом 500 млн долл. (больше всего в Канаде и Мексике)¹⁷. Всего же с 1897 по 1914 г. американские инвестиции за рубежом выросли в пять раз, с 700 млн долл. до 3,5 млрд¹⁸. Крупные промышленные тресты и картели (такие, как “Стандард Ойл”) сами

активно искали унии с банками, справедливо считая, что именно она облегчит им выход на зарубежные рынки и закрепление на них путем активного размещения капиталов в строительство, торговлю, добычу полезных ископаемых, машиностроение и т.д.

Финансово-промышленный капитал США, полагая (и не без основания), что ресурс рынков американского континента может быть исчерпан раньше, чем удастся найти противоядие от периодических сокращений потребительского спроса и бедности в радиусе “прямого видения”, с конца XIX в. с возрастающей настойчивостью вел наступление в “дальнем зарубежье”. После “маленькой победоносной войны” с Испанией (1898), аннексии Кубы, Пуэрто-Рико, Гуама, Гавайских островов и Филиппин Америка очень основательно приступила к подготовке широкомасштабной операции на Дальнем Востоке. Этот регион был отнесен к числу “спорных территорий”, где преобладание любой из великих держав не могло быть признано окончательным. “Наиболее подходящими для них (для американских концернов. – В.М.), – писал в донесении посол России в Вашингтоне А.П. Кассини министру иностранных дел М. Муравьеву в марте 1900 г., – являются едва еще не початые рынки Китая, Японии и Кореи”¹⁹. На этом направлении Соединенные Штаты неотвратимо должны были столкнуться с интересами уже давно обосновавшихся здесь держав, в частности России, отношения с которой начали обретать довольно причудливый характер (взаимное недоверие вперемешку с остаточным дружелюбием), по сей день вызывающий непонимание и как следствие – порой взаимоисключающие трактовки.

Дипломатии обеих стран в поисках той комбинации, которая дала бы им шанс устойчиво вести свою линию, не опасаясь натолкнуться в том или ином случае на жесткое сопротивление, оказались в итоге на распутье. И в Санкт-Петербурге, и в Вашингтоне на уровне политических элит не было желания видеть друг в друге недругов, и там и тут не вынашивали каких-либо тайных замыслов с целью подрыва внутренних устоев. И все же холодок ощущался все сильнее, причем главное обстоятельство обнаружило себя в узнаваемости целей и мотивов как одной, так и другой стороны. Более того, судя по источникам, столкновение между державами, разделенными пограничной линией Берингова пролива, виделось почти неизбежным. Различия в их политических и государственных системах играли при этом не столь существенную, как может показаться, роль. Рост взаимной настороженности и напряженности возникал из коллизии сформировавшихся в самосознании *народов обеих* стран взглядов на свое предназначение в мире и на безопасность в геополитическом, экономическом, демографическом, культурно-историческом и (не в последнюю очередь) религиозно-нравственном значении этого понятия.

Движение американцев в западном, а русских в восточном направлении сопровождалось параллельной пропагандой точки зре-

ния на историческую миссию самоопределяющихся в поисках национальной цели народов, соответственно США и России. В одном случае в Соединенных Штатах, как пишет об этом современный американский исследователь Дональд Уайт, социал-дарвинисты, найдя, что естественный отбор наделил американцев высочайшим интеллектом, энергией и патриотизмом, объявили их обязанностью “овладеть без всяких ограничений таким пространством на земле, которое им под силу”²⁰. В другом случае носителем всемирно-исторической идеи предлагалось видеть Россию, которой также предсказывалась, как об этом писал П.Н. Милюков, “великая миродержавная роль”²¹. Разумеется, такое совпадение в осмыслении и пропаганде мессианской роли своей страны выразителями национальной идеи соответственно в США и России второй половины XIX в. не могло остаться без последствий.

Бесчисленное число раз повторяемая констатация своеобразия и даже противоположности характера социально-экономического и политического развития России и США – верная сама по себе – отодвинула “в тень” высказанное еще А. де Токвиллем положение о существующих с давних времен не столь уж больших различиях поведенческих стереотипов россиян и американцев в важнейшей сфере их исторической жизнедеятельности – внешнеполитической. Ведь речь идет о самоустроении, если употребить термин В.И. Ключевского, на географическом пространстве сообразно природно-климатическим, этнодемографическим, геополитическим и экономическим условиям и интересам²².

И в самом деле, пора сказать, что алгоритм пространственного расширения, территориальной экспансии США и России в XVIII–XIX вв. обнаруживает много общего. Это, в свою очередь, позволяет говорить о параллелях в формировании идеи национальной идентичности и национального мироощущения, естественным образом увязанных с мировым развитием и порождаемыми им рисками и возможностями. Можно ли в таком случае забывать о заданных *самой историей* имперских умонастроениях, которые были присущи этосу обоих народов? Кстати сказать, поставленный еще П.Б. Струве именно так вопрос невольно наводит на размышления об издержках современной полемики о природе и характере внешней политики обеих стран в современную нам эпоху перемен, смены ценностных ориентиров и политических трансформаций. Прежде и чаще всего эти издержки и непомерная горячность спорящих проявляются в избыточности критицизма специфической роли обеих стран в мире, когда пытаются в далеком прошлом искать существующие и несуществующие источники и мотивы злонамеренности как той, так и другой, тенденциозно или намеренно предвзято излагая версии их деструктивной (во все времена), эгоистической, противоречащей гуманным началам международной политики.

Однако вернемся к сути проблемы “подвижной границы”, этого воплощения непрерывно прирастающего могущества США, приблизившего их в начале XX в. к положению лидирующей державы. Всем ясно, что путь к этой цели не был беспорочным, оставаясь вместе с тем абсолютно естественным, органичным для нации, которая еще только сотворяла себя²³. Самая же существенная сторона дела состояла в том, что показатель динамичного внутреннего роста не оставлял выбора – внешняя экспансия со времен Э. Джексона прочно вошла в самую суть национальной идеи, превратившись в мерило “жизненных отправлений” (термин П.Б. Струве) молодого государства. Так, не без преклонения перед американской удачей, в километрах освоенных земель оценивают внешнеполитические успехи предыдущих поколений американские аналитики наших дней. Наблюдая тот же процесс в начале XX в., П.Б. Струве констатировал повышенный тонус внешнеполитической активности Соединенных Штатов: “Они ничего не боятся и все покоряют”²⁴.

Приведем длинную цитату из А.М. Шлезингера-мл. Она необходима, в частности, для последующего понимания значения идеологической атрибуции современного российско-американского диалога. Шлезингер писал о появлении (“на протяжении жизни последнего поколения”) в США серьезной аналитической теории американского империализма: «Она утверждает, что еще до завоевания независимости у американцев было ... нечто большее, чем изначальный инстинкт экспансии; у них было цельное видение империи. К 1783 г. Вашингтон уже назвал новорожденную республику “поднимающейся империей”». “Расширять сферу” призывал и Дж. Мэдисон в 10-м номере “Федералиста”²⁵. В 14-м номере он говорил о “расширенной в своих пределах республике”, как “о единой великой, уважаемой и процветающей империи”. Как бы ни расходились между собой А. Гамильтон и Т. Джефферсон, Джон Куинси Адамс и Э. Джексон в других вопросах, они сходились в одном – необходимости территориальной, культурной и экономической экспансии. Соединенные Штаты, “зародившиеся как империя, – писал историк Р.У. Вэн Элстайн, – по самой своей сути расширяющаяся имперская держава”²⁶.

Другой современный историк, Брюс Майроф, заявивший о себе интересной работой об американских политических лидерах и сфокусировавший внимание на колоритной и во многом символичной фигуре Александра Гамильтона, первого министра финансов Соединенных Штатов и ближайшего сподвижника Джорджа Вашингтона, отметил, что лидер федералистов лелеял грандиозную мечту: возглавить американские вооруженные силы, которые, будучи поддержанными британским флотом, могли бы (англофобия должна уступить место принципу целесообразности) изгнать испанцев из их колоний и сделать англо-американцев хозяевами Северной и Южной Америк. Майроф заключает: “Империя, которую Гамильтон меч-

тал создать с помощью Англии, должна была дать невиданные преимущества американским финансовым институтам и принести ему (Гамильтону. – В.М.) славу и величие”²⁷.

Обратим еще раз внимание на тезис относительно значения “огромности территории”, которая, по мысли авторов “Федералиста” (Александр Гамильтон, Джеймс Мэдисон, Джон Джей), сама по себе давала особые преимущества американской нации и одновременно ко многому ее обязывала²⁸. Высказанный в 1787 г., этот тезис по сути был сродни тому, о чем примерно в то же время писала русская императрица Екатерина II в знаменитом отрывке “О величии России...”²⁹. Очень характерное совпадение мыслей столпов республиканизма и российской самодержицы. Не менее существенным представляется сходство в том, как осуществлялась территориальная экспансия обеих стран. Общим было то, что она развивалась поначалу как привидение под руку центральной власти континентального пространства в форме главным образом переселенческих, миграционных движений на “свободные земли”. “Встреч солнца” для русских и “вслед за солнцем” для американцев. И там и тут присоединение и освоение новых земель землепроходцами, трапперами, собирание территории мотивировалось глубокими экономическими и прочими вполне прагматическими мотивами, но облакались, как правило, в броские идеологические одежды религиозного, культурного, морально-этического и политического мессианства³⁰. И там и тут это мессианство уже изначально предполагало идею “избранности” народа-носителя, его превосходства над нецивилизованными либо отставшими в развитии соседями.

Но родившееся в Америке понятие “подвижной границы” только там обрело значение государственного символа на все времена. Историк Фредерик Джексон Тёрнер в 1893 г. в своем ставшем почти мгновенно необычайно популярным докладе “Значение границы в американской истории” объявил экспансию на Запад фундаментальным фактором американской жизни, не только обеспечившим ресурсами и сплотившим американцев, но и сделавшим их динамичной нацией инициативных, решительных, неуспокаивающихся людей³¹. Тот факт, что Тёрнер в первом же абзаце своего выступления перед собранием американских историков в разгар напугавшего всю Америку экономического кризиса обрушил на присутствующих “новость” о конце заселения Запада, отнюдь не противоречил общему оптимистическому пафосу доклада. Из него следовало только одно – американцы, натолкнувшись на препятствие, найдут способ, как его преодолеть. Тёрнер апеллировал к воображению американцев, к их уверенности в самих себя, к исконному чувству неотъемлемой зависимости благосостояния и свободы всех и каждого от раздвигающихся границ, их безостановочной изменчивости в западном направле-

нии. Постоянство идей “границы”, как это верно отметил американский исследователь Говард Кушнер, нашло свое отражение и подтверждение в концепции Тёрнера, обеспечив ей долгую жизнь вплоть до планов покорения Луны и Марса.

Притязания на установление контроля над североамериканским континентом – и более того – над всем Западным полушарием во второй половине XIX в., благодаря теории “границы” получив санкцию самой истории, превратились в то, что Карл Густав Юнг называл вероисповеданием, бессознательным коллективным убеждением, наподобие религии. К этому следует добавить необычайно развившееся чувство собственного достоинства (переходящее даже в самолюбование) и гордости за страну в связи с достижениями в экономике, технологии и науке, правовой системе, в сфере образования. Американец твердо усвоил, что ему нет равных на континенте, и вместе с мифологизированной историей фронта в его сознание и фольклор вошел образ покорителя “Дикого Запада”, символизировавший неудержимое движение на Запад к “земле обетованной”. Последняя простиралась, в принципе, дальше кромки Тихоокеанского побережья и дальше очерченных договорными соглашениями границ с Новой Испанией на юго-западе и Англией на севере и северо-востоке. Заполнение геополитических “пустошей” становилось частью национального менталитета.

“Золотая лихорадка” в Калифорнии (позднее и на Аляске), открытие трансконтинентальной железной дороги (1869), соединившей Нью-Йорк и Сан-Франциско, и превращение Калифорнии и Орегона в крупнейшие торгово-транспортные терминалы мирового значения, высокодоходные фруктовые фабрики, необычайно выгодные территориальные приобретения и впечатляющие внешнеполитические успехи внушали доверие к философии “деятельной жизни”, ставшей народным идеалом и вызовом Старому Свету. Одновременно *Zeitgeist* (дух времени – наиболее употребляемое просвещенными американцами в конце XIX – начале XX в. понятие) обозначало, как считалось, чувство оптимизма, веру в прогресс, культ естественнонаучного знания, промышленных технологий и мечты о беспредельных возможностях для поисков успеха. Но этот перечень был бы не полон без упоминания еще одной важной черты нового мышления – представлении о ситуации на североамериканском континенте как об исключительно *внутреннем деле* Соединенных Штатов³². Границы “расселения” нации идентифицировались не с географическим, а геополитическим пространством (включая и буферные зоны безопасности), обозначаемым понятием “империя”. Причем ни то, ни другое никто не пробовал заранее зафиксировать. Учение о “предопределении судьбы” (Manifest Destiny) с этим было попросту несовместимо³³. Ожидаемая коммерциализация Азии превращала Тихий океан в глазах американцев рано или поздно во внутреннее море³⁴.

Со времени появления в 1950 г. замечательной книги Генри Нэша Смита “Целина: американский Запад как символ и миф” идут споры о том, чьи интересы стояли за политикой американского экспансионизма – коммерческих кругов или аграриев³⁵. Есть, однако, мнение, что эти споры носят схоластический характер. Но если принять во внимание, чем с конца XVIII в. была торговля продовольствием для Соединенных Штатов, экономика которых вплоть до конца XIX столетия сохраняла преимущественно аграрный тип развития, то станет ясно, что это различие имеет существенное значение. Город еще тешил себя мыслью об экономической самодостаточности и конкурентоспособности за счет технологического прогресса. Для американских же фермеров, занимавшихся тем, что называлось “степным промышленным скотоводством”, завоевание внешних рынков всегда было и остается условием *sine qua non* экономического процветания, а для крупных монополистов-землевладельцев и связанных с ними денежным капиталом вовлечение новых земель в “аграрный клин” и установление контроля за потребительским рынком внутри страны и за рубежом – залогом их долгожительства и процветания. Реализация идеала Джефферсона – создание великой фермерской республики, – как справедливо замечает В.О. Печатнов, предполагало необходимость территориальной экспансии³⁶. И если эта мечта оказалась мифом, то сам вопрос с повестки снят не был, перевоплотившись в один из приоритетов индустриального общества.

Едва ли справедливо ограничиться констатацией “почвенности” взглядов Джефферсона на внешнюю политику американской республики. Сами по себе эти взгляды были сложнее и многограннее, неся в себе начало, ставшее в дальнейшем ведущей идеологемой американской дипломатии, – сакрализацию демократических свобод и республиканских институтов в том виде, в котором они сформировались в США. Два американских автора, Роберт Таккер и Дэвид Хендриксон, справедливо отмечают, что все это, однако, не означает, что Джефферсон видел мир под властью Соединенных Штатов. Но то, что он хотел, чтобы мир был *похож* на Соединенные Штаты, – несомненно. Более того, его не покидала тревога, что победа Американской революции неокончательна, пока в других странах господствуют монархия или диктаторские режимы³⁷.

Но в конкретно-исторических условиях XIX столетия на первом плане еще долго оставались меркантильные приоритеты аграриев – освоение новых территорий и закрепление на заморских рынках продуктов американских сельских товаропроизводителей. Идеологизированный тезис историка Фредерика Джексона Тёрнера о “подвижной границе” или экспансии как главном и неперемennom условии демократии и процветания в Америке по существу заимствован им у Джефферсона, мысленно расселявшим вольных землепашцев по

всему Западному полушарию по мере вытеснения главных конкурентов могучей поросли американских сынов свободы – испанцев, французов, англичан, русских и разрозненных групп туземного населения³⁸. В мироощущении простолюдина-поселенца в приграничье с его воинствующим джингоизмом и напористостью сквозила стихийная потребность следовать упованиям отцов-основателей³⁹.

ОНИ ОБОЗНАЧИЛИ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ

Идеи отцов-основателей впоследствии были воплощены в геополитической интерпретации притязаний США стать вровень с европейскими державами и превзойти их. Она возникла под пером многочисленных политиков и общественных деятелей, ученых и литераторов. Одни предпочитали говорить о мессианском империализме, другие об “империи без осознания себя таковой”. Но так или иначе эта интерпретация, все еще сохраняя отчасти свою аграрную мотивацию (у Т. Джефферсона и Ф. Тёрнера), во второй половине XIX в. уже включала в себя и планы выхода на страны Тихоокеанского региона. Как следствие такого смещения внимания в западном направлении в поле зрения неизбежно должны были оказаться и религиозно-мессианские цели России и ее экспортные возможности⁴⁰. Учет их становился обязательным, в том числе в свете проблем чисто внутреннего развития США.

Устремляя взоры в сторону Дальнего Востока, сторонники экспансии, ряды которых множились⁴¹, молчаливо расставались со своим континентализмом, приспособлявая его к растущим запросам аграрного сектора, решительно вышедшего на внешние рынки во всеоружии маркетинговой технологии, налаженной системы хранения и переработки продукции и при наличии лучшего для того времени транспортного обеспечения. Самую серьезную роль начинали играть также горнодобывающие компании, воплощавшие собой неукротимый поисковый нрав культуры янки⁴². Все это совпало с возникновением геополитики – науки о влиянии комплекса географических, климатических и военно-стратегических факторов и ресурсной базы на состояние и перспективы мировой политики. Уильям Джилпин, как его иногда называют, “первый американский геополитик”, еще в 1846 г. советовал президенту Джеймсу Полку превратить Орегон с устьем реки Колумбия в форпост похода за присоединение Азии к внутреннему рынку для американских сельскохозйственных производителей⁴³. Вторя ему, удачливый коммерсант Аза Уитни, сделавший состояние в Китае, обосновывал строительство трансконтинентальной железной дороги, связанной напрямую через порты Орегона, с коммерческим судоходством на Тихом океане. Смысл идей ранних американских геополитиков состоял, таким образом, в том, чтобы в конечном счете замкнуть весь “азиатский про-

ект” – бездонный рынок Азии и Дальнего Востока – на бурно развивавшемся аграрном и промышленном производстве США с их источником “цивилизующей” энергии в традиционных фермерских районах в долине реки Миссисипи, промышленных и культурных центрах Востока и Северо-Востока.

Мощным встречным движением в западном направлении, подкрепленным всем нараставшим экономическим потенциалом США, опережавшими Европу темпами роста продуктивности, рвущимися буквально наружу инициативой и энергией предприимчивости ставилась задача оттеснить старых колониальных тигров, привычно рассматривавших Азию как свою территорию, и приучить их уважать интересы Америки. Вызов адресовался Англии, Франции, Германии, Нидерландам. Россия, чьи притязания в Китае и Юго-Восточной Азии вызывали неприятие уже одним своим акцентом на политику внеэкономического подчинения, первой должна была почувствовать, с кем ей следует считаться при “обустройстве” своих дел в Тихоокеанском регионе. Поспешная продажа Аляски Россией Соединенным Штатам в 1867 г. может рассматриваться в качестве одного из первых успехов в ходе этого натиска с позиции консолидированной мощи экономики, духа предприимчивости и политической воли. Характерно, что влиятельная в коммерческих и более высоких сферах Санкт-Петербурга газета “Биржевые новости” этот удививший весь мир акт откомментировала следующим образом: “Продажа эта будет иметь весьма благоприятное влияние на наши политические отношения к Америке, так как этим устраняется всякая возможность политического столкновения между нами и Соединенными Штатами”. Ничего лучшего, помимо похвалы чужой силе и своей слабости, не могли придумать.

Доктрина геополитического централизма (США берут на себя инициативу освоения огромных нетронутых западной цивилизацией территорий) получила отражение в практической деятельности плеяды энергичных “следопытов”, рассматривавших Сибирь, российский Дальний Восток и Китай в качестве важнейшего форпоста для наведения моста между Азией и Европой, историческую роль в котором призвана была играть новая американская цивилизация, продолжавшая в духе фронта свое неудержимое движение на Запад. В числе этих “следопытов” яркой фигурой был Перри Макдональд Коллинз⁴⁴, чьи идеи создания под эгидой американского бизнеса международных коммуникационных систем стали существенным доводом в пользу обоснования мирной американизации планеты. Этот витавший в воздухе со времен шестого президента США Дж.К. Адамса⁴⁵ проект воплотился в речах и статьях его верного последователя государственного секретаря США (1861–1869) Уильяма Г. Сьюарда. По убеждению последнего, сама природа не простила бы Соединенным Штатам, если бы они упустили возможность утвердить свое гос-

подство на Американском континенте, установить полный контроль над торговлей с Европой и, подчинив себе весь Тихоокеанский регион и Азию, выйти к берегам Атлантического океана⁴⁶.

Опровергая доводы противников экспансии и критиков великодержавности, Сьюард обосновывал и то, и другое правилом “больших структур”, делающим естественно неизбежным обзаведение “далеко отстоящими опорами”, способными обеспечить стратегическую безопасность Соединенных Штатов и (не менее важное) безопасность их граждан на максимальную дистанцию от их официально признанных границ. Правда, сами эти границы оставались, по Сьюарду, в состоянии подвижности, нефиксированной данности, по той только причине, что упадок Европы после 1848 г. посеял представление об особой роли США в выполнении цивилизаторской миссии на тех континентах и территориях, где передовая культура еще не пустила свои корни⁴⁷. Вот это, по мнению Сьюарда, и означало следовать тому обыкновению, которое характеризовало по большому счету смысл существования США⁴⁸.

Покупка Аляски у России, провозглашение протектората над Кубой после победы над Испанией (1898), аннексия Гавайских островов (1898), Филиппин (1899), установление полного контроля над бассейном Карибского моря, центрально-американскими государствами, строительство военных баз в весьма отдаленных от берегов страны местах (на отвоеванных у Испании и Германии в 1898–1899 гг. островах Гуам и части о-ва Самоа), переход в 1903 г. под юрисдикцию США зоны Панамского канала – все это знаменовало собой реализацию стратегии безопасности⁴⁹. Ее официальный лейтмотив – понятие о святости американских интересов и защита жизни и имущества американских граждан – обрел поистине универсальное звучание, превратившись в подобие нового брэнда, призванного стать атрибутом самой запоминающейся витрины. Он как нельзя лучше отвечал представлению американцев о новой эпохе с ее культом личного преуспевания и инициативы без границ, коммерции и богатства, что делало как бы само собой разумеющимся право американского государства вмешиваться в дела других государств в случае, если безопасность его граждан, сделавших весь мир полем приложения их предпринимательского гения, оказывалась под угрозой.

Апелляция к постулатам протестантского рационализма давала немало преимуществ перед всеми другими мифологемами имперской политики, в том числе и перед панславизмом. Прежде всего потому, что они не имели безусловного характера, наподобие абсолютизма славянофильской идеологии, и исходили не из особого народного духа, который предполагал замкнутость, статичность, культурно-историческую и религиозную обособленность, а из чисто деловой меняющейся природы коммерческих связей и экономической деятельности вообще. Американский историк Бредфорд Перкинс выразил эту особенность экспансионистской политики США следу-

ющим образом: “Американцы расширяли ареал своей коммерции скорее путем освобождения от пут, нежели методом регламентации и контроля”⁵⁰. Раскованность американского бизнеса давала США все преимущества перед грандами Старого Света, все еще считавших государственным призванием подчинять себе инициативы деловых кругов.

Но общепризнанным и даже прямо-таки сакральным достоянием Америки, по мнению американских политиков-экспансионистов, дающим их стране нечто вроде эксклюзивного права на замещение Европы в осуществлении исторической цивилизаторской миссии в полуварварском мире еще не проснувшихся континентов Азии, Африки, Океании, на Ближнем Востоке становились политическое, правовое и идеологическое наследие Американской революции. В самых общих чертах его можно представить себе как некий комплекс идей и ценностей, сложившийся в трехслойную конструкцию. В основание ее легла унаследованная американцами от их европейских праотцов традиция законности, веротерпимости и конституционализма; в XVIII в. к ней добавились идеи естественных прав человека и либерализма; и наконец, в XIX в. эту конструкцию увенчали концепции представительной демократии, местного самоуправления и судебной власти, подконтрольных народу и сменяемых народом. На уровне массового сознания все это было представлено в психологической установке, которая бросалась в глаза и поражала многих европейцев, сталкивавшихся с американцами на разных широтах и в разных ситуациях. Американские исследователи выразили ее следующими словами: “Это была смесь ревностного убеждения в том, что США добились идеальной политической системы, которую надо распространить как можно дальше...”⁵¹.

Исторически в сознании американцев сосуществовало две внешнеполитические ориентации. Одна (интервенционизм), выраженная в представлении о необходимости для Соединенных Штатов играть активную (и все более значительную) роль в международных делах вплоть до принятия на себя бремени мирового лидерства, и вторая (изоляционизм), выраженная в сопротивлении внешнеполитическому активизму, в стремлении, используя выгоды географического положения и не давая связать себя никакими обязательствами, способными втянуть страну в блоковую политику, в глобальные конфликты, добиваться максимальной свободы для решения тех или иных вопросов международной политики прежде всего в интересах самих Соединенных Штатов⁵².

Разумеется, неверно было бы проводить абсолютное различие между этими двумя основными типами внешнеполитической ориентации хотя бы потому, что изоляционизм, или невмешательство в мировые дела, всегда выступал как явление *относительное*, касающееся до поры до времени преимущественно (и не безоговорочно) только европейского измерения американской политики. Исстари

со времен первых переселенцев окрашенное в религиозно-нравственные тона стремление американцев оградить свою страну, Новый Свет, от “скверны”, конфликтности Старого Света не отменяло желания переподчинить себе другие регионы. Принцип невмешательства к ним не применялся. Напротив, защита Западного полушария от колониальных вторжений европейских стран подразумевала энергичные наступательные действия экономического, идеологического, дипломатического, “гуманитарного” и военного характера⁵³.

Стоит повторить, что конечной целью этих действий являлся рост могущества и благосостояния прежде всего самих Соединенных Штатов, но с ней постоянно соседствовала, ей постоянно сопутствовала другая цель – осчастливливание народов и стран, стоящих на ступень ниже, почему-либо сбившихся с пути или ставших жертвами объективных, независящих от них самих обстоятельств. В сознании американцев утвердилось представление о внешней политике как о роде социально ориентированной, гуманитарной деятельности. Необязательно видеть в этом порыве только злонамеренность или тщательно просчитанный на годы вперед корыстолюбивый умысел. Существовали еще и пуританская приверженность идеям праведности, веротерпимости и искренняя вера в высокое предназначение Америки противостоять подавлению демократических свобод и деспотизму олигархических групп повсюду, где они продолжали творить беззаконие и унижать человеческое достоинство. Вечный искатель истины и самый, пожалуй, читаемый писатель Америки Герман Мелвилл (1819–1891) выразил исторически развившееся в устойчивую черту национального характера двоемыслие американцев – одержимость собственной выгодой и альтруистическое чувство долга перед нуждающимися в помощи – в следующем фрагменте своего романа “Белый бушлат”: “Мы несем ковчег свобод всего мира... И давайте всегда помнить, что почти впервые за всю историю человечества наш национальный эгоизм находит выражение в безграничной филантропии, ибо мы не можем делать добро Америке, не подав милостыню остальному миру”⁵⁴. Р. Эмерсон утверждал, что при всех присущих ей недостатках и болезнях Америка остается прибежищем вольномыслия, последним пристанищем интеллектуальной свободы. Америка, говорил он, протягивая руку помощи страждущим ее получить, является страной, “предоставляющей человеческому уму такие возможности, которые не знал ни один другой край...”⁵⁵.

Экспансия без границ именем свободы и демократии именовалась американским “экспериментом”. Последний же объявлялся многими началом подлинной истории человечества. Фредерик Джексон Тёрнер не допускал и мысли о приостановке этого процесса. Даже такой критик темных сторон американской жизни, как Уолт Уитмен, полагал, что повсеместное внедрение “американской системы” послужит залогом всеобщего счастья. Все “ве-

ликие достижения современности” в его глазах были воплощены в удивительных успехах американской техники. Гимн им он пропел в поэме “Путь в Индию”⁵⁶.

Еще с большей силой убежденности этот мотив находит отражение в творчестве Марка Твена, в самых крупных произведениях которого мыслитель берет верх над юмористом и сатириком. В аллегорически прозрачной форме Твен поднимает занимавший американцев (многих, а может быть большинство, на уровне подсознания) вопрос о великом предназначении их страны, созданного ими общества, динамично развивавшегося и притягивавшего к себе как магнит гонимых и сильных духом людей, жаждущих достойного существования в условиях, максимально благоприятствующих самореализации. В двух своих больших романах “Янки из Коннектикута при дворе короля Артура” (1889) и “Личные воспоминания о Жанне д’Арк” (1896) Твен обрисовал неприятие рядовыми американцами романтической зачарованности великолепием замков своей прародины (Европы) и преклонение перед бутафорским и несправедливым миром, где все еще царили устаревшие условность, авторитарность, ортодоксия и совсем уж малопочтенное мистическое обожание короны и митры, столетиями помыкавших простыми людьми.

Янки из Коннектикута, утверждал своими опоэтизированными образами Твен, были призваны сеять повсюду семена равенства. Где бы они ни оказывались, они чувствовали себя обязанными смело бросать вызов изжившему себя порядку, расшатывать его моральные устои, пробуждать недовольство, просвещать и обращать в свою веру подавляющее большинство политически инертных, одурманенных культовым поклонением монарху, феодалу, личной власти людей. Прячась за муляжными фигурами из рыцарских времен, Твен с негодованием, как и миллионы его соотечественников, отвергал прошлое, цепляющееся за невежество и сословность с тем, чтобы попрежнему, как и в феодальные времена, шестеро из тысячи могли заставить всех остальных гнуть на себя спину. Это Твен, сам того не ведая, вооружил будущие поколения американцев знаменитым девизом радикальных реформаторов, дав им сжатое и выразительное обоснование исторической правоты начатого Американской революцией дела, все еще не востребованного в Старом Свете, чей образ жизни, как он думал, катастрофически не поспевал за временем: “Мне казалось, что девятьсот девяносто четыре, оставшихся в дураках, – писал он, – должны перетасовать карты и выбрать новый курс”. Господствующий анахронизм неизбежно должен был уступить место современной цивилизации во всем ее величии с разделением властей, отсутствием сословных перегородок и поклонением техническим новшествам.

Аллегория Твена была легко узнаваема: только технологически вооруженный “до зубов” янки, опираясь на свое техническое умение и на успехи процветающих в Америке прикладных наук, сможет

одолеть тиранию родословной, притеснения, бедность, бесправие и понести идеи раскрепощения личности туда, где материальная не-свобода делает человека рабом архаичных режимов, сословности, суеверия, национальных предрассудков, религиозного фанатизма и социальной розни. Полемическая в своей основе книга “Янки из Коннектикута” Марка Твена несла на себе печать антиевропеизма и превознесения “американской системы” как высшего достижения человеческой цивилизации. Но, разумеется, главный пафос был обращен в истинно джефферсоновском духе против монархии как всеобщего тормоза, с чем он, Твен, готов был вести беспощадную войну пером, “раскаленным в адском пламени”⁵⁷. Республиканизм и равенство – опорные ценности свободного человека. Вслед за Твеном эти слова повторяли миллионы американцев.

Пассионарность призыва Твена с учетом особенностей его темперамента показывает, как остро американцы на рубеже XIX–XX вв. ощущали свою причастность к социально-политическому обновлению мира, несмотря на демонстративное дистанцирование от его “горячих точек”. Унаследованное от отцов-основателей священное право на справедливую войну за новый образ жизни, за ценности передовой демократии снижало уровень самокритичного восприятия собственного опыта и приводило к дурной привычке переносить его механически в качестве всеобщего стандарта на любую ситуацию и на все случаи жизни. Россия на себе должна была вскоре испытать давление американского почвеннического универсализма вплоть до некоторых его крайних проявлений, укладывающихся в понятие воинственный англосаксонский шовинизм.

Одно не исключает другое. И прямо и косвенно М. Твен признавал, что в своем энергичном продвижении идеи обновления мира согласно американской модели его соотечественники могут преступить грань, отделяющую воздействие примером от *поучения* примером. По словам великого сатирика, это могло привести к саморазоблачению с выдачей “тайных порывов нашей национальной души”. Опасность такого рода перегибов Твен в отличие от множества своих сограждан ощущал очень остро и хотел предупредить ее: «Не знаю, к худу или к добру, – писал он в 1906 г., – но мы продолжаем поучать Европу. Мы занимаемся этим уже более ста двадцати пяти лет. Никто не приглашал нас в наставники, мы навязались сами. Ведь мы – англосаксы. Прошлой зимой на банкете в клубе, который называется “Дальние Концы Земли”, председательствующий, отставной военный в высоком чине, провозгласил громким голосом и с большим воодушевлением: “Мы – англосаксы, а когда англосаксу что-нибудь надобно, он *идет и берет*”». Во всем этом проявилась тревога М. Твена, основанная на конкретном опыте осчастливливания “народов, ходящих во тьме”, дарами “нашей Цивилизации”. Опасения писателя в отношении “недостатка благоразумия” у соотечественников, несущих

свет “варварам” после боксерского восстания в Китае (1899–1901), и англо-бурской войны (1899–1902), возросли многократно⁵⁸.

Идея технологического покорения Европы и остального мира, установление некоей милосердной диктатуры, опирающейся на результаты самой полной индустриализации, научное знание и просвещение народа, органически вплетались в крепнущий американский национализм и концепцию имперства. Последняя пришла на смену стесняющей движение концепции континентализма, географически ограниченной береговой полосой Атлантического и Тихого океанов и стратегическими островами в Карибском море. В ней акцент переносился с территориальной экспансии на комплекс американского лидерства, что к тому же превосходно согласовывалось с бумом социал-дарвинистских идей в стране. Блестящим популяризатором этих идей в контексте мировой роли Америки в переломную эпоху скачка к индустриализму заявил о себе гарвардский философ и историк Джон Эдмунд Фiske. Крупнейший исследователь истории общественной мысли США Мерл Керти писал, что Фiske “был одним из наиболее широко известных американских интеллектуальных вождей последней четверти XIX столетия”⁵⁹.

Оставим в стороне вопрос о многогранности творчества Фiske. Остановимся лишь на его взглядах на США как венце мироздания в результате естественного отбора и торжества англосаксонской расы. Не всеми соотечественниками Фiske принимался всерьез, но он первым в Америке в духе космической философии Герберта Спенсера поставил вопрос относительно факторов зрелости, ускоренной модернизации и отсталости, совершенно по-новому на рубеже XIX–XX вв. расставивших на геополитическом пространстве тяжелые, легкие и совсем бесплотные фигуры и сделавших одних ведущими, господствующими, а других ведомыми, зависимыми, несамостоятельными (сырьевыми) придатками передовых стран⁶⁰. Не случайно своим научным методом Фiske сделал метод сравнительного анализа.

Скорее всего, другой историк общественной мысли Вернон Паррингтон преднамеренно не захотел отметить вклад Джона Фiske в идеологию американского имперства, когда написал в своем знаменитом исследовании, что последний был не более чем популяризатором контовского закона применительно к прошлому Америки⁶¹ и потому не может претендовать ни на что иное. В действительности же, в своем главном историческом труде, сыгравшем огромную роль в обосновании национального интереса США, вопреки критике антиимпериалистов в начале XX в., окончательно воплотившегося в идее мирового лидерства, Фiske нарисовал картину эволюционного перехода первенства в цивилизационном развитии безоговорочно к Соединенным Штатам. Это должно было произойти благодаря прежде всего опережающему росту индустриализации страны и прево-

сходству англосаксонской расы в ключевой сфере человеческой деятельности – организации и управлении производством. Фiske сформулировал и общий геополитический прогноз с учетом многовекового кровавого опыта решения споров о верховенстве в мире силовыми методами, войнами, завоеваниями, физическим истреблением слабых, ставших объектом хищнических инстинктов сильных.

В новых условиях и в полном соответствии с эволюционной теорией национальной мощи, утверждал Фiske, эта самая мощь выражается уже не в количестве солдат, которое то или иное государство способно мобилизовать ради осуществления своих геополитических интересов, а в его экономическом потенциале и умении использовать человеческие ресурсы в целях достижения максимальных результатов в конкурентной борьбе за право руководить миром и строить его по своему образу и подобию. Таким путем, считал Фiske, попутно будет решена задача избавления человечества от войн. Проиграв экономическое соревнование, великие европейские державы окажутся вынужденными распустить свои армии и, взяв за эталон американскую модель индустриального развития, пойти по пути создания федерального союза в Европе по образцу Соединенных Штатов. Тогда можно будет говорить не только о Соединенных Штатах от полюса до полюса, но и о начале эры подлинной христианской цивилизации⁶².

Как видим, рассуждая о феноменальных, исключительных дарованиях англосаксонской расы, способной дать человечеству абсолютно рациональный идеал, универсальную модель развития, Фiske не испытывал чувства раздвоенности Н.Я. Данилевского, примерно в то же время изложившего свои взгляды на исторические судьбы России. Оптимизм Фiske прочно опирался на реальные экономические и культурные достижения Соединенных Штатов, на вполне осязаемые (несмотря на превратности экономического цикла) и вызывающие к себе уважение итоги (конец XIX в. позволял подводить их, используя широкий спектр критериев) гигантского эксперимента, авторы которого делали ставку на индивидуализм, республиканизм, открытую систему, самоуправление и другие либеральные ценности. Сначала Европа, а затем и остальной мир должны пойти этим и только этим путем, утверждал Фiske. “Катехизис славянофильства” Данилевского, напротив, предлагал соединить новое научное обоснование (использование естественнонаучного знания) создания грандиозной всеславянской федерации с Россией во главе и с Константинополем, как столицей федеративного союза с проповедью *неповторимой* славянской самости, выраженной в великоросском начале, в принципе неизменяемом. Восставая против эволюционной теории, Данилевский исключительное значение придавал форме, которая никак для него не сливалась с материей, с изменяющимся экономическим базисом. Для Фiske же американский опыт был вершиной эволюции, вобрав в себя все лучшее, что дали другие на-

роды, прежде всего в области материальной культуры, развития производства и потребления. К тому же у Данилевского Россия развивалась как обособленный “культурно-исторический тип” вне всемирно-исторического контекста, вне непрерывно меняющейся Среды, оставаясь наедине сама с собой, как некое воплощение “великой совести”.

Таким образом, одна модель (славянофильская) делила мир на две отчужденные друг от друга части и предполагала, как об этом писал П.Н. Милюков, “невозможность передачи европейской культуры славянству”⁶³, сохранение на долгий срок старых форм государственности и зависимости от прошлого. Другая (англосаксонская, или америкоцентристская) строилась на идее активного вмешательства передовой технически развитой цивилизации в дела других народов, отставших в своем развитии и еще не осознавших преимуществ приобщения к новым культурным ценностям, плодам просвещения и индустриализации, носителем которых стала великая заокеанская республика, “первая новая нация”⁶⁴. Глобальный характер экономических интересов, обостренное чувство нового и предпринимательский гений англосаксонской расы, рационализм мышления обеспечивают США, как считал Фиске и плеяда его последователей, прочное первенство на морях и торгово-промышленное превосходство над любым конкурентом⁶⁵.

Главная книга Фиске, появившаяся в 1885 г., в относительно благополучный для периода экономического цикла год, не отличалась еще тем агрессивным тоном, присущим его последователям и единомышленникам чуть более позднего времени. Без преувеличения можно сказать, что они, получив ожог от охватившего страну в начале 90-х годов кризиса перепроизводства и проникнувшись идеей спасения от краха национальной экономики путем отказа от континентализма в пользу глобальной экспансии в направлении Океании и Азии, отбросили прочь “ложный” академизм и благодушие. “Кризис 1890-х годов был важнейшим поворотным пунктом в американской истории, — утверждал известный американский историк Вильям Эпплмен Вильямс. — ...в эти годы в США появляется идеология новой корпоративной системы, основанной на корпорациях и подобных крупных и высокоорганизованных группах американского общества”⁶⁶. Справедливость этих слов подтверждала происходящая в то время заметная переакцентировка в идеологическом обосновании концепции “расширяющейся границы” с континентального на глобальный масштаб, с уровня освоения “свободных земель” (переселенческая колонизация) на уровень закрепления на заморских территориях и рынках и установление экономического (преимущественно), политического и военного (в особых случаях) контроля над ними. Такую политику Вильямс называл политикой “неофициальной империи”. Первое место среди ее общепризнанных и популярных идеологов и пропагандистов,

безусловно, принадлежало адмиралу Альфреду Тайеру Мэхэну и историку и политологу Бруксу Адамсу.

Книга А. Мэхэна “Влияние морской мощи на историю”, оказавшая прямое влияние на оформление всей внешней политики США во вневременном диапазоне⁶⁷, в некоторых своих частях напоминала прямой парафраз идей Фиске об особых преимуществах и врожденных задатках американцев достичь поэтапно геополитической гегемонии. Здесь и коммерческий талант, смелая предприимчивость в поиске путей к успеху, здесь и выгодное географическое положение, изменчивость которого, правда, в перспективе может поставить перед США много неожиданных задач, и заложенное в американцах изначально глубочайшее понимание законов производства и эффективных способов управления им. Плюс – властный инстинкт, который, если воспользоваться словами почитателя Мэхэна президента США (1901–1909) Теодора Рузвельта, “только один и мог сделать расу великой”⁶⁸.

Однако в своих больших работах и многочисленных статьях, содержащих призыв создать превосходящий другие державы военно-морской флот и строить военные базы практически повсюду, где того требуют интересы страны⁶⁹, Мэхэн, будучи человеком военным, в отличие от Фиске разработал довольно стройную стратегию экспансии. Она предусматривала выход к наиболее перспективным торговым и сырьевым рынкам, а также закрепление на них с обозначением военного присутствия. Сначала США должны овладеть Карибским бассейном, затем – Гавайи, Филиппины, но главная их цель – это Дальний Восток. Именно здесь на просторах владений китайского богдыхана США должны быть готовы бросить вызов самым вероятным своим соперникам – России, Японии и Германии.

Взгляды Мэхэна приходили в известное противоречие с доктриной Монро, как бы предполагавшей отказ США от вмешательства в дела других континентов, кроме Америки, и воспринимавшейся как выражение изоляционизма. Переведа рассуждения в плоскость меняющегося силового баланса в мировой политике, Мэхэн заявил, что интересы США простираются дальше географических границ Американского континента. В 1902 г. он уже утверждал, что новый меркантилизм Америки безграничен в своих притязаниях на роль мирового лидера в преддверии окончательной утраты Англией ее права называться “владычицей морей” в силу растущей торговой экспансии не имеющей себе равных американской индустриальной системы. В рамках этой новой стратегии Тихоокеанский регион объявлялся сферой особых интересов США, более того, возник соблазн видеть в нем некое дополнение к стремительно выросшей на притоке иммигрантов из стран Азии хозяйственной инфраструктуре Западного побережья.

Необычный для общественно-политических трактатов, время от времени появлявшихся на книжных прилавках США, воинствен-

но непререкаемый пафос сочинений Мэхэна подтверждал, что умы американских политиков и идеологов все больше занимает идея свободы торговли, не скованной произволом колониальной системы и ее поползновениями на то, чтобы подчинить себе все новые территории, на которые негласно распространялось покровительство Соединенных Штатов по праву первой антиколониальной державы. Возмущение народов колоний политикой старых империй, их коррумпированным чиновничеством и феодальными порядками воспринималось американским общественным мнением как доказательство правильности курса на сокрушение старой колониальной системы и завоевание симпатий жертв этой системы. И напротив, его провал рисовался как угроза великому проекту присоединить колониальное пространство к сфере экономических интересов США.

Неудивительно, что Россия по причине ее активной политики на Дальнем Востоке и далеко идущих планов в отношении Китая оказалась в числе первых в ряду держав с “опасными наклонностями”, ибо не отказалась от претензий в отношении территорий, ставших объектом повышенного внимания американских промышленных и коммерческих кругов. Прежде всего имелся в виду все тот же Китай. Заключение в 1887 г. Россией недолговечного договора с Германией вызывало уже прямые ассоциации с созданием некоего Священного союза двух императоров (угроза, не покидавшая воображение американских дипломатов очень долго), скрепленного родственной унией и способного противопоставить мощи США объединенную морскую мощь. Вместе с проснувшимся опасением увидеть в акватории североамериканских и южноамериканских портов непрошенных визитеров – военные корабли Германии и России – невозвратно в прошлое уходили благодарные воспоминания о русских эскадрах, осенью 1863 г. продемонстрировавших поддержку северянам (Россия была единственной великой европейской державой, вставшей на сторону Союза), и англофобия, имевшая чуть ли не вековые традиции⁷⁰.

Этот аргумент в пользу пересмотра традиционных предпочтений и в поддержку беспрепятственного продвижения американских интересов все дальше на Запад, утверждения прав Америки как посланца передовой западной цивилизации на присутствие в Тихоокеанском регионе был развит в работах эксперта в области геополитики Б. Адамса⁷¹. Именно в его трудах идея англо-американского сближения перед лицом притязаний на ресурсы и территориальные владения в Азии со стороны виртуального германо-российского блока обрела особое звучание как веление времени. Б. Адамс вел речь о создании базирующейся на американском экономическом и технологическом превосходстве геополитической системы со сместившимся из Англии в Америку центром торговли и обменов. Человечество в результате такой перестройки (согласно нарисованной

Адамсом картине будущего) окажется ведомым “комбинацией передовых народов”, левый фланг которой будет находиться на Британских островах, а правый (имелись в виду США) – на оконечности Тихого океана. Предложенная им геополитическая конструкция, смахивающая на обруч, по словам Б. Адамса, должна была вызывать ассоциации с Римской империей, причем Индийский океан становился в этом случае внутренним “озером”, наподобие Средиземноморья во времена Рима⁷².

Кто-то в этих рассуждениях Брукса Адамса обнаружит своеобразный парафраз утонченно-возвышенной идеи Т. Джефферсона, рассуждавшего об “империи свободы” в масштабах двух континентов, Северной и Южной Америки, что должно было, по мнению автора Декларации независимости, защитить идеалы либерального республиканизма от посягательств со стороны не сошедших еще со сцены сил феодального прошлого, а главное, отодвинуло бы “величайшую опасность (т.е. угрозу со стороны внешних врагов. – В.М.) для нашего мира”⁷³. В них можно усмотреть и развитие доводов Сьюарда о “далеко отстоящих опорах”, обеспечивающих безопасность США, и генно-расовую теорию Джона Фiske. Но Брукс Адамс (так же, как и Мэхэн) принадлежал к плеяде внешнеполитических идеологов, чей взор простирался за ограниченные горизонты того континентализма, который руководствовался принципами локально-географического детерминизма в духе доктрины Монро, политики отгораживания от Европы (изоляциялизм в традициях “прощального послания” Дж. Вашингтона), уклоняющейся от союзов, блоков и партнерства. В своем воображении они уже видели Америку в центре мирового порядка как естественного воплощения новой торгово-промышленной эры, убедительно продемонстрировавшей единство западной цивилизации и ее превосходство над гигантской периферией, включая Россию, Оттоманскую империю, Азию и т.д.⁷⁴

По логике в такой новой организации мирового сообщества Америка не могла играть прежнюю пассивно созерцательную роль, дистанцируясь от мировых дел, пребывая в самоизоляции и оставаясь над схваткой. Ссылки на географию, традиции, заповеди и конституционные установления в новой непрерывно обострявшейся ситуации теряли смысл. На первый план (как это некогда предчувствовал Т. Джефферсон) выдвигался вопрос *целесообразности*⁷⁵. Ему (а не общим принципам) следовало отдавать предпочтение при определении степени вовлеченности Америки в мировые дела, выборе союзников и партнеров, приоритетов внешней политики и способов ее осуществления. И уже политикам и дипломатам надлежало определять и обосновывать меру соответствия законности, морали и целесообразности в отстаивании национальных интересов в XX в. с учетом грядущих опасностей, непредсказуемых открытий и изменений, спонтанных приливов и отливов социальных возмущений, экономических циклов и появления новых фетишей. Б. Адамс был че-

ловеком XX в., предвосхитившим его главные конфликты, включая и русско-американское соперничество.

В конце XIX – начале XX столетия в США, как писал американский исследователь Джон Чеймберс, сформировалось ядро “новой, интернационалистски ориентированной, планетарно экспансионистской элиты”⁷⁶, завладевшей контролем над республиканской партией и поддерживавшей теоретиков “неофициального имперства”, представлявших индустриальный, финансовый и торгово-сервисный потенциал уже вполне сложившегося олигархического корпоративного капитализма США. Эта элита была готова принять глобальный вызов, сопроводив, разумеется, переориентацию своей внешней политики усилением морской мощи и перестройкой всей американской военной машины на новых принципах организации армии и флота и их оснащении технологически совершенными средствами ведения войны. Всему этому сопутствовал переход на управленческие и мобилизационные схемы, отвечавшие новым реалиям XX в. Вплоть до своей смерти в результате выстрела анархиста Л. Чолгоша в начале сентября 1901 г. президент У. Маккинли приближал к себе эту группировку политиков-интервенционистов, среди которых выделялись Генри Кэбот Лодж, Джон Хэй, Марк Ханна, Уильям Тафт, Альберт Беверидж и многочисленная команда владельцев и редакторов печатных органов, давно поддерживавших идею повышенной профессионализации офицерского корпуса, создания “большого флота”, хорошо оснащенной регулярной армии и обученного резерва, находящегося в федеральном подчинении и способного в случае участия США в широкомасштабной войне в короткие сроки поставить под ружье сотни тысяч солдат. Роль политического лидера этой сплоченной и необычайно влиятельной партии протогобалистов после гибели Маккинли взял на себя унаследовавший его президентское кресло вице-президент и бывший первый помощник военно-морского министра Теодор Рузвельт. Заметим, кстати, что именно ему суждено было стать ведущим архитектором “русской политики” США в условиях радикально изменившейся в начале XX в. социально-политической, геополитической и военной обстановки.

В РАНГЕ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ

Появление “Лихого рейнджера” в ряду мировых лидеров совпало с удвоением заинтересованности американского бизнеса в свободном доступе на азиатские и ближневосточные рынки сырья и сбыта и всеобщим признанием за Соединенными Штатами статуса великой державы сообразно их растущей экономической мощи, морально-политическому весу и (не в последнюю очередь) военному потенциалу⁷⁷. Олицетворяя всем масштабom своей незаурядной, ки-

пучей личности эту наступательную тенденцию, Теодор Рузвельт – политик и историк – выразил в 1889 г. философию цивилизаторской миссии англо-американизма в следующем патетически националистическом постулате его главной книги “Покорение Запада”⁷⁸: «Занятие англоязычным народом пустующих земель на земном шаре (термин “пустующие территории” – чистый эйфемизм, речь шла всегда о подчинении тех или иных регионов, уступающих в своем развитии США и Англии, влиянию превосходящей их культуре англо-американизма. – В.М.) было не только самой впечатляющей чертой мировой истории, но и выделяющимся из всех остальных явлением по своим результатам и значению”⁷⁹.

Однако “благодетельный империализм” реального политика (не в метафорическом, а практическом значении этих слов) Теодора Рузвельта (губернатора штата Нью-Йорк в 1898–1900 гг. и президента США в 1901–1909 гг.), впитавшего в себя с юношеских лет идею исключительной роли своей страны в преобразованиях мирового порядка на принципах американизма, отличался от схоластических рассуждений многих видных идеологов американского экспансионизма своим прагматичным подходом к решению неотложных задач и определению пределов возможностей США влиять на мировые дела. Упованиям на автоматизм достижения США экономического и политического превосходства над остальными странами в силу физических законов “концентрации энергии” (как у Брукса Адамса), либо увеличивающейся разницы потенциалов между политически активными (пассионарными) американцами и “неполитическими варварскими расами” (как у Джона Барджесса) Т. Рузвельт противопоставил более осторожно – реалистическую оценку перспектив выхода США за пределы Западного полушария и тесных контактов с Европой. Заявив себя сторонником сотрудничества с Англией и полагая, что английский флот в случае необходимости займет передовые позиции обороны Западного полушария, Рузвельт отверг советы разного рода “политических шарлатанов”, “доктринеров” и “вульгарных материалистов”, настаивавших на сохранении унаследованной от отцов-основателей удаленности от дряхлеющего Старого Света. Презрение к европейской “патине” и англофобия даже очень близких ему друзей не находили в нем поддержки.

Драчливость и воинственный нрав Т. Рузвельта, обманывавшие многих его биографов, служили нередко пропагандистским инструментом для поджога общественных настроений или сами были вызваны взрывом патриотизма. Отвергая несправедливый риск при решении больших задач мировой политики, Т. Рузвельт полагал, что сведение его к минимуму находится в прямой зависимости от постоянного наращивания военной мощи. Риторика его с каждым разом обретала более контрастную милитаристскую окраску. В широко цитируемой речи перед слушателями Военно-морского колледжа в

Ньюпорте, произнесенной им в качестве первого помощника военноморского министра 2 июня 1897 г., он изложил свои взгляды на этот вопрос с предельной четкостью, говоря: “Дипломатия полностью бесполезна, если не опирается на силу”. И далее: “Никакое торжество мира не может быть столь же неодолимым, как ни с чем несравнимый триумф военной победы”⁸⁰. Став президентом, Рузвельт осуществил самую широкую программу морских вооружений, уравнивавшую флот США с королевским флотом Англии.

Итак, снедавшая Т. Рузвельта жажда деятельности не допускала отказа от самых амбициозных глобальных целей, но при обязательном условии, что они подкреплены трезвой расчетливостью, жизненной энергией нации и возрастающим экономическим потенциалом. “Мы стоим перед выбором, – говорил он, – который предопределен. Никто нас не спрашивает, будем ли мы или нет играть выдающуюся роль в мировых делах. Все, что от нас требуется, это решить для себя, окажемся ли мы на высоте положения или оплошам”⁸¹. Исторический опыт, повсеместно к началу XX в. засвидетельствовавший ограниченный во времени характер старого имперства, его растущую внутреннюю нестабильность и упадок, научил Т. Рузвельта приводить национальные интересы США прежде всего “в точное соответствие с фактами”, не следуя слепо за наукообразными, но в сущности книжными метаидеями вдруг проснувшихся в разных концах страны, в клубах деловых людей, университетах поборников неограниченной экспансии.

Неспособность реализовать те или иные глобальные замыслы в случаях, когда слова оказываются подкреплены исключительно силовыми действиями, но не подкреплены силой примера, Теодор Рузвельт приравнивал к публичному посрамлению, смертельно опасному для великой державы. Однако мысленно выстраивая свою имперскую модель⁸², Рузвельт не хотел, чтобы его отступление от монодетерминистских взглядов ультраэкспансионистов воспринималось прессой, формирующей общественное мнение, как отступление от идеи последовательного выхода США на позиции, где у них не было конкурентов. Свое отношение к разрываемой внутренними противоречиями старой мировой системе, управляемой колониальными державами по правилам “двора короля Артура” (путем сговора избранных), Т. Рузвельт в 1906 г. сформулировал в виде постулата о постоянной готовности везде и всегда добиваться торжества “справедливости”, как ее понимали в США. Это, говорил он, “поважнее мира”. Иными словами, никто не должен был усомниться в решимости Америки действовать, если понадобится, с позиции силы⁸³.

Быть на “высоте положения”, бороться за “справедливость” означало не только бдительно охранять интересы Америки, не останавливаясь перед применением силы повсюду, где возникала угроза, но и противостоять “военному деспотизму” и авторитаризму, не имеющих в принципе национальности, но тем не менее более всего

ассоциировавшегося с Османской империей, Германией, Россией и Австро-Венгрией, хотя не могло быть и речи, чтобы идти на пролом или, как пишут сегодня почитатели 26-го президента США, выходя за рамки “идеализма без утопии”. Лидер прогрессизма, обличитель трестов, и “глупости” их владельцев, славивший “честный труд” в поте лица, не пожелал закрыть глаза на все еще очень сильные пацифистские настроения большинства американцев, их недоверие к погоне за прибылями за рубежом. Отдавая себе отчет в антиевропеизме нации иммигрантов, остро реагирующих на социальное неравенство и возмущенных не меньше Марка Твена сохранением в Старом Свете сословных порядков и привилегий, преследованиями национальных меньшинств и захватническими поползновениями наследников династических кланов, Рузвельт с каждым годом своего нахождения в Белом доме все сильнее убеждался в необходимости подкрепления (и не на словах, а на деле) растущей экономической и военной мощи США⁸⁴ как основы их мирового лидерства стратегией миротворчества. Проповедь гражданских свобод (в классическом понимании “отцов-основателей”) и оказания гуманитарной помощи отсталым народам, сделало Рузвельта приметной фигурой для левого спектра американской общественности. Кстати сказать, в этой озабоченности безопасностью стран ближайшего окружения США и их нищего населения сквозило довольно рано проявившееся осознание угроз со стороны имперской Германии для Западного полушария в целом. Позднее Т. Рузвельт выражал эту мысль открытым текстом, требуя не допустить распространения германского влияния на страны Центральной и Южной Америки⁸⁵.

Существовал еще один источник демократизма Т. Рузвельта, любящего поминать слова Линкольна о “простом народе”. Непосредственное соприкосновение с популизмом и социалистическим движением в их различных формах, грозивших взорвать либеральный консенсус в стране и порой достигавших, как пишет биограф Рузвельта Натан Миллер, масштабов “религиозного возрождения”⁸⁶, сделало Теодора Рузвельта чутким к идеям “социального дирижизма” в духе сплава гамильтоновского стейтизма и джефферсонизма. Он высоко ценил, например, мысль известного американского публициста Г. Кроули о достижимости всеобщего благоденствия при поддержке социально ответственного сильного государства и управляемых им корпораций⁸⁷. Впрочем, еще задолго до появления книги Кроули “Будущее Америки” (1909) Т. Рузвельт распознал интернациональный характер вызова, перед лицом которого оказалось на рубеже веков индустриальное общество, испытывавшее обострение всех своих хронических и вновь приобретенных недугов, отягченных разрегулируемостью экономического механизма, соперничеством держав на мировой арене и политической нестабильностью мировой периферии. Ощущение переломного момента в истории страны и в мировой истории содействовали дистанцированию

Теодора Рузвельта от “старой гвардии” его собственной партии, со скрипом согласившейся видеть на посту сначала вице-президента, а потом политика, в речах которого слова “народ”, “служить народу”, “доверие народа”, “всеобщее благо”, “прямая демократия” повторялись чаще всего. Очень многих неприятно поразило известие о том, что среди приглашенных на обед в Белый дом по случаю инаугурации оказался Букер Вашингтон – первый афроамериканец, переступивший порог президентской резиденции, вскоре ставший советником Рузвельта. Но этот вызвавший неоднозначную реакцию жест, символизировавший возобновление (после А. Линкольна) внутренней деколонизации, создавал благоприятный фон для пропаганды “американизма” и противодействия экспансии европейских держав в Латинской Америке.

Обличая колониализм, Теодор Рузвельт мастерски (и очень часто без согласования своих действий с конгрессом) провел ряд военно-политических операций в Западном полушарии, показавших всему миру, кому здесь принадлежит вся полнота полицейских обязанностей. В 1902 г. Рузвельт остановил военное вмешательство европейских держав (Англии, Германии, Италии) в дела Венесуэлы (предлогом стало требование выплатить просроченные долги) и, став арбитром, заставил их считаться с ролью и приоритетом интересов США. В 1903 г. он вынудил Кубу признать право США на “вмешательство” в дела островного государства в интересах его “независимости” (поправка Платта). В том же году Рузвельт, спровоцировав и в военном отношении поддержав революцию в Панаме, подчинил Америке ее “независимое” правительство и добился подписания вашингтонского договора о передаче США в вечное пользование зоны Панамского канала шириной в 10 миль. Считая аннексию части панамской территории своим “самым важным делом”, Рузвельт представлял ее как величайшую гуманитарную акцию. Экономическое банкротство Доминиканской республики и угроза вооруженной интервенции со стороны ее европейских кредиторов (прежде всего со стороны Италии и Франции) дали возможность Т. Рузвельту весной 1904 г. выступить с доктриной “превентивной интервенции”, придав ей форму правового атрибута (короллария) к доктрине Монро. Согласно короллария Рузвельта, США брали на себя обязательство в случае возникновения в странах Западного полушария ситуации, грозящей “ослаблением уз цивилизованного общества” и хаосом, открыто вмешаться и, прибегнув к силе, восстановить дееспособность властей. Действуя в духе короллария, Т. Рузвельт в 1906 г. фактически установил протекторат на Кубе. Американская морская пехота остановила разгоравшуюся гражданскую войну и добилась “умиротворения” страны с помощью управляемого из Вашингтона правительства. Войска США покинули Кубу в 1909 г. после того, как сформированное ими правительство страны почувствовало под ногами твердую почву.

Пропагандой эталонного образа жизни, религиозно-просветительской деятельностью армии миссионеров и благотворительных фондов, призывами поддержать стремление к самоуправлению и отказаться от ненавистного для местных патриотов правила экстерриториальности, инвестициями и предоставлением рабочих мест Соединенные Штаты добивались “ненасильственного” вытеснения своих экономических и политических конкурентов из самых многообещающих частей (с точки зрения ресурсов) мировой периферии. Огромное значение имели поощряемые правительством США с конца XIX в. консультации американских специалистов (экономистов и администраторов), перестраивавших на территориях, подвластных зачастую старым колониальным державам, денежно-финансовую систему, таможенные правила, банковские институты и т.д. Результаты не заставили себя ждать. Подкупом и щедрыми вливаниями в цивилизационные проекты США обращали культурный слой “чужих” колоний лицом к Америке. Многие авторы, говоря об этой политике, используют термин “социальный империализм”.

Весь остальной мир, таким образом, столкнулся с нетрадиционной трактовкой тезиса “о бремени белого человека”, которая в недалеком будущем обещала принести значительные дивиденды. Доктрина “открытых дверей” Джона Хэя, сформулированная в 1899–1900 гг. государственным секретарем в администрации Маккинли и Т. Рузвельта, в сущности являлась органичным воплощением нового империализма, его целей, арсенала применяемых им средств и “эстетики”. Касаясь данного вопроса, известный американский историк и политолог Луис Харц писал, что, осуждая империализм европейских держав, сторонники “нового империализма” вроде сенатора Бевериджа, заверяли, что «военное подавление Америкой Филиппин или ее “дипломатия доллара” в странах Латинской Америки резко отличается от зарубежных “автократических” поползновений, ибо на самом деле миссия Америки ограничивалась только распространением локковского варианта идеи либеральной свободы»⁸⁸. Представитель историографии “новых левых” (американских шестидесятников) Гэбриэль Колко выразил ту же мысль в более общей форме: «Доктрина “открытых дверей”, – писал он, – предполагала совпадение интересов всего мира с интересами Соединенных Штатов», хотя на самом деле она закладывала базис той мировой экономической системы, в которой США принадлежит доминирующая роль⁸⁹.

Не вступая в открытую полемику с влиятельными антиимпериалистами, представители “имперской школы”, вроде Альфреда Мэхэна, Джона Барджесса, Альберта Бевериджа, генерала Леонарда Вуда, выступали за широкую внешнеполитическую экспансию и интенсификацию военных приготовлений как обязательного условия поддержания благополучия Америки. Не боясь идти против течения, Теодор Рузвельт, будучи публичным политиком,

не отказывал себе в пересказе многих идей, заимствованных им у демократических и даже леворадикальных оппонентов⁹⁰. Он высказался, в частности, достаточно внятно в том духе, что Соединенные Штаты не стремятся к созданию колониальной империи, вроде британской или французской, хотя и принимают на себя большую часть цивилизаторской и полицейской миссии, дающей право по собственному усмотрению, “говоря мягко”, применять “большую дубинку” в обстоятельствах, безотлагательно того требующих с точки зрения геостратегической безопасности США (понятия отнюдь не статичного в географическом отношении и совсем не тождественного старому континентализму)⁹¹, их экономических интересов и поддержания общего порядка в тех или иных взрывоопасных регионах⁹². В теории доктрина “открытых дверей” не предполагала каких-либо предпочтений (США как бы декларировали свою равноудаленность от любых блоков и любых стран за пределами Американского континента), в реальной же жизни отчетливо проявлялись симпатии и антипатии Америки к странам и режимам по политическому, идеологическому и этно-конфессиональным принципам. Англия приобрела статус стратегического партнера⁹³, что еще раз доказывало – воинствующий антиколониализм Теодора Рузвельта отмечен был пуританской идеей избранного народа, англо-саксов, на стороне которого Бог и вселенские моральные заповеди. Рузвельт покончил со старыми поведенческими стереотипами доиндустриального, замкнутого на себя социума с присущим ему ощущением удаленности от эпицентра конфликта и стойким нежеланием быть вовлеченным в дела Европы и прародины.

Расставаясь с традиционной трактовкой континентализма (территориальные приобретения в географических границах Северной Америки – венец державного успеха) и исподволь готовя американское общественное мнение к более решительному и осмысленному в духе идеологической Realpolitik утверждению “идеалов свободы и демократии” за пределами Нового Света, Теодор Рузвельт мысленно ранжировал реальных и потенциальных противников вхождения Америки в круг великих держав на категории по степени “лояльности” их внешнеполитических курсов с точки зрения интересов “англосаксонских народов”. Россия занимала в этой иерархии угрозу национальным интересам США одно из первых мест, уступая (по причине увеличивающейся неконкурентоспособности) только кайзеровской Германии. В 1901 г., будучи еще вице-президентом, Т. Рузвельт одарил своим откровением английского дипломата Сесилия Спринг-Райса, заметив: “На протяжении жизни одного или двух поколений, а возможно, и целого столетия Германия может оказаться (по сравнению в Россией) *еще более* (курсив мой. – В.М.) грозным соперником для англоязычных народов; не исключено, что это проявится в военных конфликтах и почти со стопроцентной вероятно-

стью в промышленной конкуренции”⁹⁴. В характерной для Рузвельта грубовато откровенной манере в этой максиме выражено ожидание столкновения несовпадающих (по целеполаганию и по духу) интересов “англоязычных народов” и самодержавной России в ходе начавшегося переустройства мировой системы. В ней сквозило и допущение второочередности конфликта интересов России и США (по сравнению с мрачным прогнозом германской экспансии), но ее острота на момент формулирования сама по себе была достаточно значительной, чтобы говорить с оптимизмом о планах налаживания каких-то более тесных (хотя бы по типу того, что наблюдалось после Гражданской войны) американо-российских отношений.

Товарооборот между странами оставался незначительным, и в то же время Россия начинала проявлять повышенное внимание к латиноамериканскому рынку, неприятно задевая чувствительные струны сторонников популярной формулы “Америка для американцев”. Но озабоченность активизацией России в “уязвимом подбрюшье” Америки была несравнимо меньшей, чем тревога по поводу политики Петербурга на Ближнем Востоке, на Балканах и в особенности на Дальнем Востоке, которая воспринималась в США как “все более агрессивная, все более дерзкая, все более игнорирующая мнение других стран”⁹⁵. Известный американский историк Джон Гэддис отметил еще одну вполне прозаическую причину осложнений между двумя странами – транспортную. Строительство и ввод в действие Транссибирской магистрали со стороны России и модернизация флота (торгового и военного) со стороны США по-новому ставили вопрос о влиянии в “северо-восточной Азии в тот момент, когда Китай, древняя империя, длительное время господствовавшая в этой части мира, оказалась на грани краха”⁹⁶.

Теодор Рузвельт – человек своей эпохи и воспитания, настоящего на социал-дарвинистских идеях, подводил философско-этическое обоснование под преобладание сил отталкивания над силами притяжения в российско-американских отношениях. Делал он это подчас в духе нейтивистских концепций (стопроцентный американизм), широко распространенных в США на исходе XIX – в начале XX в., на государственном уровне выраженных в идее исключительности и превосходства англосаксонской расы, ее этико-моральных, интеллектуальных и деловых качеств перед всеми другими народами⁹⁷. Ко всему прочему неприятие Рузвельтом российских притязаний на господствующее положение на “своем берегу Тихого океана”⁹⁸ по всему периметру азиатского материка совпало с искусно подогреваемым прессой возмущением американской общественности и торгово-промышленных кругов по поводу многочисленных проявлений гражданского бесправия в царской России, гонениями и погромами, неуважением верхов к достоинству низших классов и сословий, сохранением архаичных институтов и культа тупого, до предела коррумпированного и связанного круговой порукой чиновничества⁹⁹.

Приравнивая деспотические, авторитарные и схожие с ними режимы к сохранившейся еще на планете “зоне несвободы” с характерными для нее остаточными формами примитивной социальности, порядками и повадками властей предрержащих, напоминавшими варварские обычаи, идеологическая элита США относила Россию (как, впрочем, и Японию) к числу квазицивилизованных стран, чьи претензии на “окультуривание” пространства за пределами Средней Азии и Сибири, с точки зрения уверенных в лидирующей роли США политиков в Вашингтоне, должны были быть решительно отвергнуты. Любое мало-мальски заметное укрепление позиций России в Китае, не говоря уж о задержке вывода войск из Манчжурии, вызывало немедленно соответствующую реакцию и сближение США с Японией, способной, как выразился в одном из частных посланий государственному секретарю Джон Хэй, проучить Россию, “вцепившись ей в глотку”¹⁰⁰. Современный флот Японии был построен на верфях США и Англии. Бесспорным представляется следующий факт: идеологи и проводники новой роли США в мире разделяли идеи необычайно популярных тогда в стране англичан Чарльза Дарвина и Герберта Спенсера, подводя во многих случаях биологическое обоснование под те или иные свои начинания и внешнеполитические акции¹⁰¹. Именно в этом контексте следует рассматривать особое толкование многими американцами (и среди них Брукс Адамс и Теодор Рузвельт) событий на Дальнем Востоке как столкновение цивилизаций – славянской и англосаксонской¹⁰². С этим связано известное замечание Рузвельта, что Япония, втягиваясь в конфликт с Россией “играет нашу (т.е. американскую. – В.М.) игру” и что он “в полном восторге”¹⁰³ от военных успехов японцев, внезапным (без объявления войны) сокрушительным ударом по русскому флоту в Порт-Артуре в феврале 1904 г. начавших русско-японскую войну и выигравших ее при моральной и дипломатической поддержке США.

Поражение России в войне с Японией стало если не первой, то самой значительной (и одновременно бескровной) победой в политике “принуждения к миру” с позиции силы, право называться главным архитектором которой, бесспорно, принадлежит Теодору Рузвельту. Его гибкая и одновременно жесткая дипломатия в сочетании с военно-политическим давлением на Россию и ее возможных союзников привела к желаемому результату: обе воюющие стороны, а с ними весь мир признали за Америкой роль мирового судьи и судебного пристава в одном лице, чье посредничество оплачивалось обязательством быть политически лояльными к посреднику со стороны враждующих сторон и их уступчивостью в отношении торгово-экономических интересов и привилегий “честного маклера”¹⁰⁴. Рассчитывая добиться оптимального результата – ослабления России, вытеснения ее из Китая и закрепления принципа “открытых дверей”, – Рузвельт преднамеренно выказывал благосклонность к японцам и инсценировал публичные размолвки с русской делегацией в Порто-

муте. Это вызывало внутреннее негодование С.Ю. Витте (главы делегации России), вынужденного, впрочем, его подавлять ради достижения главной цели – благополучного завершения переговоров¹⁰⁵. Задетыми могли посчитать себя и крупнейшие европейские державы, в том числе Англия, обнаружив, как напористо, “по-хозяйски” ведут себя Соединенные Штаты в дальневосточных делах.

Прояпонская тактика Теодора Рузвельта не была, как это утверждают ряд исследователей, такой уж недальновидной в свете стремительно выросших после русско-японской войны империалистических амбиций Японии. Во-первых, Рузвельт добился от Японии признания прав США на островные владения в Тихом океане. Перерастающая в хронический нарыв “филиппинская проблема” и Гавайи требовали обеспечения гарантий прежде всего со стороны Японии, отказ которой от притязаний на эти территории не мог остаться без оплаты. Во-вторых, Япония как торгово-экономический партнер имела все преимущества перед самодержавной Россией, чья неповоротливость и неподатливость инициативе американских предпринимателей во многих случаях являлась причиной срыва нескольких масштабных технических проектов. Условия, которые выдвигали обе стороны – американские инвесторы и российские правительственные эксперты, – как правило, оказывались неприемлемыми для их обеих¹⁰⁶. В отличие от российских финансово-промышленные круги США (и прежде всего банкирский дом Кун-Леб энд К°) воспринимали Японию исключительно как привлекательный объект своих интересов: дипломатические контакты и внешнеторговые связи со страной Восходящего Солнца становились все более масштабными, вырисовывались и все более благоприятные перспективы и для проповедников модернизации “по-американски”. Япония вестернизировала свое законодательство и делала это намеренно в ускоренном темпе явно с расчетом на привлечение иностранного капитала. Американцы же стремились не упустить свой шанс и таким путем вынудить Японию стать их союзником в разделе азиатского рынка на основе отказа от “белого империализма” и признания принципа “открытых дверей”¹⁰⁷. Командор Перри превращался в символ деколонизации и модернизации всей Азии.

Отчасти в этом заключалась причина той неприязни, которую Рузвельт открыто демонстрировал в Портсмуте по отношению к российской делегации и ее главе С.Ю. Витте, и жесты расположения к японцам во главе с Комурой, поведение коих он, кажется, вполне искренне удостоил высшей похвалы. Совершенно открыто Т. Рузвельт проводил грань между упрямым упорством русской дипломатии, не желавшей расставаться с военно-политическим контролем над значительной территорией Китая, и Японией, обещавшей всем своим видом стать форпостом в Азии для новой культурной политики преобразований в духе приобщения континента к западным ценностям, не сводимым исключительно к меркантильным интересам.

Американский исследователь Томас Бейли¹⁰⁸, касаясь портсмут-

ских переговоров и характеризуя нетерпение президента-охотника, всем своим существом почувствовавшего близость неожиданной удачи (военное поражение России), писал, что русские ему опротивели затягиванием переговоров, “китайскими или византийскими” хитростями, “непорядочностью”, “уклончивостью” и еще многим другим в том же духе. Японцы представлялись Рузвельту понятливее, честнее, сговорчивее, благороднее и в целом цивилизованнее русских. Чувствовалось по всему, что в стране Восходящего Солнца он видел надежного и послушного партнера в освоении новых земель “к западу от Калифорнии”, соратника в реализации идеи “подвижной границы” уже на азиатском континенте. Президент США рассыпался в комплиментах по поводу правдивости японцев, независимости их суждений и способности действовать сообща, чем они выгодно, по его мнению, отличались от русских, вечно препирающихся друг с другом, лгущих друг другу и демонстрирующих “самые низкие примеры широко распространенной коррупции и себялюбия”¹⁰⁹. Нигде так, как в этих фрагментах из письма сэру Джорджу Отто Тревелиану от 12 сентября 1905 г., не выражена уверенность Рузвельта в возможности договориться по-деловому с японцами и раздражение в отношении России. Разумеется, просыпались и сомнения, порождаемые ошеломляющими военными успехами Японии.

“Японский гамбит” принес серьезные преимущества. Его удачное завершение с возложением лавров миротворца на президента США окрылило сторонников стратегии борьбы за “справедливость” с позиции силы, уверовавших в складывание абсолютно новой конфигурации сил на Тихом океане и в Азии путем расширения взаимодействия “антиколониалистских” США и Японии. Еще до подписания Портсмутского мира (5 сентября 1905 г.) США заключили в Токио соглашение в форме протокола секретной беседы, состоявшейся 29 июля 1905 г. между японским премьер-министром Кацурой и личным представителем Т. Рузвельта, военным министром США У. Тафтом, предусматривавшее одобрение США установления японского протектората над Кореей в обмен на признание Японией американских прав на Филиппины¹¹⁰. США довольно последовательно проводили ту же политику и дальше, хотя в перспективе она как будто бы должна была прийти в противоречие с их долгосрочными стратегическими интересами на Дальнем Востоке. По-видимому, не желая содействовать возрождению в Санкт-Петербурге идеи реванша и перешагивая при этом через собственные подозрения в отношении планов Японии в Тихоокеанском регионе, США упрямо шли к выработке общего соглашения с этой страной, явно рассматривая ее в качестве стратегического партнера, готового оказывать существенные услуги и поддержку США в “землеустройстве” в Азии¹¹¹. В своем амплу миротворца Т. Рузвельт активно использовал возросший авторитет США в урегулировании Марокканского кризиса (1905–1906).

В ноябре 1908 г. государственный секретарь США И. Рут и японский посол в Вашингтоне Такахира путем обмена нотами заключили новое соглашение (соглашение Рута–Такахиры), которое знаменовало важный этап в строительстве, если позволительно так сказать, контактной зоны двух новых членов в клубе великих держав. Его сокровенная суть выражалась в идее согласования общих целей политики на Тихом океане, провозглашении принципа признания территориальных владений каждой из присоединившейся к нему сторон (для России это означало увековечивание потери Южного Сахалина, для Японии признание ее особых прав на Корею и Манчжурию, для Америки – ее суверенитета над островными территориями в Тихом океане, Филиппинами и Аляской) и подтверждении принципа “равных возможностей” (“открытых дверей”) для всех стран на территории Китая. Соглашение предусматривало консультации двух стран (США и Японии), в случае если этому принципу будет что-либо или кто-либо угрожать. Заметим, что военные планировщики США накануне Первой мировой войны не отличались пристрастием к “вегетарианской” политике, в чем можно было заподозрить государственный департамент. В 1912 г. в министерстве военно-морского флота был готов “План Орандж” на случай войны с Японией за контроль над западной частью Тихого океана¹¹².

Но как бы то ни было, оба соглашения (Тафта–Кауры и Рута–Такахиры) создавали нечто подобное режиму двусторонней опеки в районе Тихого океана и в Китае с закреплением за США (как казалось в Вашингтоне) положения ведущего партнера, действующего в согласии с ведомым. Самоутверждаясь в новой роли великой державы, Соединенные Штаты не без самодовольства воспринимали достижение согласия с Японией как начало новой эпохи в истории народов Азии¹¹³. Революционное происхождение Соединенных Штатов должно было сделать свое дело. Для каждого, кто внимательно наблюдал за этим “приходом” новоявленного гиганта в регион, напрашивалась параллель с доктриной Монро, которая давала народам американского континента формально гарантии неприкосновенности, воспринимаемые как непосредственное продолжение завоеваний их собственных национально-освободительных революций.

Одна из самых красноречивых оценок положения США после прохождения ими в 1905–1907 гг. очередной “точки роста” была дана человеком, так сказать, с самого близкого расстояния наблюдавшего происходящее в Азии после русско-японской войны и дипломатического прорыва США. Речь идет о российском после в Токио Н.А. Маевском-Малевице, писавшем в донесении министру иностранных дел А.П. Извольскому 11 декабря 1908 г. под грифом “Весьма секретно” следующее: «...не следует ли нам считаться и с нынешним “империалистическим” направлением американской государственной идеи. Мы присутствуем при стихийной эволюции Со-

единенных Штатов, когда после сорокалетних трудов по накоплению сил внутри своей территории федеральная республика начинает выходить из прежних рамок и стремиться к колониальным приобретениям. С 1897 г. Гавайские острова, а с 1898 г. Филиппинские стали ее владениями в Тихом океане. Но можно ли поручиться, что на этих двух архипелагах остановится поступательное движение американских интересов на Дальнем Востоке. Наши чукчи давно знакомы с предприимчивыми “янками”, а хозяйничание последних на Чукотском полуострове ни для кого не тайна»¹¹⁴.

Н.А. Маевский-Малевич намеренно остановился на внешнеполитической составляющей “американской государственной идеи”, последовательно реализуемой в момент выхода на новые рубежи фронта (“подвижной границы” уже за пределами американского континента и без обозначения пространственных ограничителей). И вместе с тем он дал понять, что этот “рывок на Запад” своим источником имеет динамично развивающуюся (при всех временных заминках и даже откатах назад) экономику страны и ее производное – высокий жизненный тонус американцев, их нацеленность на завоевание лидирующих позиций как в части показателей экономического роста, так и в части борьбы с внешними конкурентами, что давно стало чертой национального характера.

Начиная с конца XIX в. США шли впереди других стран по темпам роста производительности труда. Но одно это не позволило бы им ускользнуть от “мальтузианской ловушки” (если воспользоваться терминологией видного историка и политолога Пола Кеннеди) в связи с ростом рождаемости и огромным притоком иммигрантов. Избыточное население для многих стран становилось трудноразрешимой проблемой, подталкивающей одних к внешнеполитическим авантюрам, других к болезненным экспериментам ради смягчения последствий демографического бума. США выбрали иной, надежный и эффективный путь, который к началу Первой мировой войны вывел их на лидирующие позиции в мировой экономике и политике: сочетание индустриализации с аграрной революцией.

“Прогрессивная эра”, начало которой совпало с первым десятилетием XX в. и завершившаяся с переходом к эпохе “нормальности” (или эпохе процветания) 20-х годов, как справедливо принято считать, заняла совершенно особое место в летописи перевоплощения Америки из преимущественно аграрной в развитую высоко урбанизированную страну с передовой технологически оснащенной, наукоемкой промышленностью и в целом доступной народу образовательной системой. И вместе с тем особенно впечатляют итоги аграрных преобразований: в считанные десятилетия страна превратилась в главный источник продовольственных ресурсов для доброй половины человечества, в модель фермерского пути развития капитализма в аграрном секторе, основы экономической безопасности общества и его привлекательности в глазах миллионов граждан других стран.

Уже в самом начале XX в. обнаружилось, что при сохранении стабильной численности сельскохозяйственного населения (фермерских хозяйств) и даже при ее сокращении (этот процесс наметился сразу после Первой мировой войны) эффективность аграрного сектора возрастала столь ощутимо, что Соединенные Штаты в любой неурожайный год сохраняли за собой роль главного поставщика продовольствия в мире, безусловно застрахованного от внутренних недородов. Форсированная механизация и химизация сельского хозяйства, быстрое расширение его транспортной и снабженческой инфраструктуры, современные формы кредитования и умелое, грамотное ведение аграрной экономики сделали американский фермерский путь неким эталоном развитого сельскохозяйственного производства XX в. Цифры впечатляли: с 1897 по 1917 г. объем продукции сельского хозяйства Америки вырос на треть¹¹⁵. “Золотой век сельского хозяйства” означал еще и радикальные изменения в структуре потребления пищевых продуктов стремительно выросшей численности (также на треть, с 76 до 106 млн) населения страны за первые два десятилетия XX в. Рацион американцев и в количественном и в качественном отношении превратился в отдельную тему обсуждения в европейских странах, даже весьма благополучных по тогдашним меркам. Успехи в селекционной работе выдвигали США на ведущие позиции в экспорте ноу-хау в выращивании сельскохозяйственных культур и продуктов животноводства.

Американский исследователь Гэвин Райт, специалист в области экономической истории, утверждает, что “индустриальная доблесть” США в первые десятилетия XX века держалась еще на одной прочной опоре – на изобилии природных ресурсов и их эффективном использовании. В 1913 г. США производили 65% добываемой в мире нефти, 56% – меди, 39% – угля, 37% – бокситов и 36% – железной руды¹¹⁶.

Первое десятилетие XX в. продемонстрировало, что США достигли экономического превосходства по отношению к европейским державам и что эта тенденция становилась определяющей. Первая мировая война обеспечила ей полный триумф. В 1914 г. американские активы за рубежом достигли суммы в 3,5 млрд долл., в то время как инвестиции всех европейских держав в экономику США составили в том же году 7,2 млрд долл.. В 1919 г. только частные американские активы за рубежом составляли 6,9 млрд долл. против 3,9 млрд долл. иностранных вложений в экономику США¹¹⁷. В 1919 г. американский экспорт достиг в стоимостном выражении 8 млрд долл., в четыре раза превышая средние цифры за 1910–1914 гг. На этом фоне падение британского экспорта (более чем вдвое) с 1913 по 1921 г. выглядит его полной катастрофой для Туманного Альбиона¹¹⁸. Великобритания до Первой мировой войны занимала первое место среди кредиторов США. В 1918 г. она задолжала Америке 4,1 млрд долл.¹¹⁹

Неоспоримые преимущества Америки материализовались в промышленной статистике, в данных о доходах и структуре потребительского спроса населения. В первые два десятилетия XX в. массовое производство стало характерно для всей американской промышленности. Как следствие валовой национальный продукт с 1897 г. вплоть до 1914 г. увеличивался в среднем каждый год на 6%. Национальный доход возрос за тот же период на треть. Инфляция не превышала 3% в год. И хотя Америка пережила ряд острых экономических кризисов, их воздействие перекрывалось широкомаштабным внедрением технологических новшеств, революционными изменениями в структуре и организации производства, ростом производительности труда и общим повышением уровня жизни. В невиданных даже для западноевропейских стран размерах проводился перевод промышленности на новый источник энергопитания. Более трети американской обрабатывающей промышленности к 1920 г. перешла на электроснабжение. Гений Джорджа Вестингауза, помноженный на эффективность маркетинговой деятельности его ставшей знаменитой электротехнической компании, привел к массовому внедрению электромоторов в производство бытовой техники. Потребительский рынок Америки в кратчайший срок обзавелся совершенно новым сегментом – первыми моделями электрических вентиляторов, пылесосов и стиральных машин¹²⁰. О быте американцев стали говорить как о насыщенном диковинными вещами повседневном празднике.

Еще в большей мере воображение всего мира было покорено и другим американским экономическим чудом – “фордизмом”, конвейерным производством доступных по цене автомобилей на базе непрерывно совершенствующейся технологии. Фордовская “модель Т”, сошедшая в 1913 г. с конвейера на заводе близ Детройта, олицетворяла собой промышленную революцию начала XX в. и ее многообразные фундаментальные последствия (чисто экономические, социальные и поведенческие) в рамках начинающей крутой разбег современной машинной цивилизации. Вместе с “фордизмом” началась стремительная интервенция американской автопромышленности на мировых рынках, эра массового потребления и сервисного обслуживания, борьба за потребителя в масштабах межконтинентальных. Европейские страны волею неволей были вынуждены признать первенство Соединенных Штатов в продвижении на рынки продуктов длительного пользования, чьи высокие качества не мешали их последовательному удешевлению, и различных ноу-хау, в том числе и в торговле. Европа с трудом противостояла натиску американских брэндов – от жвачки и мыла до автомобилей и комбайнов. Вопрос о первенстве и пограничных барьерах решался потребителем, он же обеими руками голосовал за свободный доступ американских товаров на национальные рынки.

Торгово-экономическое нашествие янки на владения их европейских конкурентов и колониальный мир сознанием рядового европейца воспринималось тем спокойнее, чем шире и полнее распространялась информация (правдивая и ложная) об уровне благополучия, достигнутом американским обществом, степенью развития гражданских свобод в Америке и характере законодательства, обеспеченности правовыми гарантиями основной массы населения страны. Понятие “уровень жизни” (о “качестве жизни” узнали после Второй мировой войны) еще не стало обычным в международном обиходе, но элементарные сведения о доходах, заработной плате, условиях труда и социальной мобильности в Новом Свете становились доступными все большему числу людей, входя в фольклор и обретая одновременно значение фактора огромного политического значения. По ним судили, кто выигрывает приз народных симпатий и кого следует взять за образец. В цифрах же первых статистических обзоров это выглядело впечатляюще. Так, если по данным выполненных в начале XX в. в Нью-Йорке исследований семья американцев из пяти человек (муж, жена и трое детей) могла сносно прожить, имея годовой доход в 900 долл., то достаточное представление о достижимости этого минимума дают цифры, приведенные в классическом для своего времени исследовании экономиста и статистика Скотта Ниринга. Половина всех занятых в промышленности США взрослых работников-мужчин, по его данным, получала около 600 долл. в год, три четверти – около 750 долл. и одна десятая часть – около 1000 долл. Эти же подсчеты показали, что 10% занятых в промышленности взрослых работников-мужчин получали более 800 долл.¹²¹ Естественно, доходы представителей среднего класса – многочисленных владельцев собственных мелких и средних предприятий, лиц свободных профессий и т.д. – были выше этого уровня. Нужно учесть также, что семейный доход (особенно в иммигрантских семьях) складывался из заработков трех-четырех ее членов.

Филипп С. Фонер в своей фундаментальной работе, появившейся уже после Второй мировой войны, приводил примерно аналогичные данные, но он фиксировал внимание на доходах низкооплачиваемых рабочих в низкооплачиваемых сферах экономики. При этом не учитывалось, что во вновь возникающих отраслях (таких, как резиновая или мясообрабатывающая) и на предприятиях крупных корпораций и преуспевающих фирм доходы работников были значительно выше среднестатистической. Вот некоторые сравнительные данные. В швейной промышленности больше половины рабочих зарабатывало 1–12 долл. в неделю. А в то же время Форд, стремясь избежать забастовок, внедрил план “пять долларов в день и восемь часов работы”¹²². Чикагские возчики на предприятиях мясообрабатывающей отрасли смогли уже в 1902 г. добиться повышения своей зарплаты до 21 долл. за семидесятичасовую неделю¹²³ и т.д.

Последовательное улучшение качества жизни, ставшее предметом мечтаний в истстрадавшей в революциях, войнах и этноконфликтах Европе, в скованных колониальной и полуколониальной зависимостью странах Ближнего и Среднего Востока, Азии, Центральной и Южной Америки, выражалось в показателях и цифрах, несопоставимых с достижениями всех известных ранее цивилизаций. Успехи здравоохранения и медицины, улучшение питания привели к снижению уровня заболеваемости, детской смертности и ликвидации ряда серьезных болезней таких, как оспа и малярия. Продолжительность жизни мужчин, например с 1900 по 1920 г., выросла на 20%, с 46 до 55 лет¹²⁴. О беспрецедентном внимании к технологическим новшествам на производстве, облегчающим условия труда, о высоких заработках специалистов в Америке, получающих больше жалованья, чем президент США, постоянно шла речь на форумах европейских социал-демократов. Легенды о “моральном капитализме” в Новом Свете доходили до “медвежьих углов” в Европе.

И, наконец, последнее по счету, но не по важности, о чем здесь следует сказать, так это отличное от положения даже в таких передовых странах Европы, как Англия, состояние дел с жильем для миллионов американских семей со средним и низким достатком. Примерно с 1870 и до 1920 г., в Америке благодаря буму в жилищном строительстве и облегченной системе его кредитования (золотой век индустрии домостроения) возникла основанная на инновационных началах североамериканская городская культура. Европа в конце XIX в. переживала глубокий жилищный кризис, препятствовавший ликвидации трущоб, в США, напротив, по поводу шансов и способов стать домовладельцем, хозяином собственного доступного и вполне приличного жилья царил оптимизм. Информация об этой революции, достигая Европы, магнитом притягивала к бывшей британской колонии весьма состоятельные английские, французские, немецкие семьи, сотни тысяч итальянцев, греков, поляков, ирландцев, русских, евреев. “Дом, который можно улучшить или даже построить заново на купленном участке земли, – пишут авторы основательного исследования по истории урбанизации США в начале XX в., – делал понятие “нового мира” вполне достоверным и осязаемым”¹²⁵.

Активизация рабочего, фермерского и общедемократического движения (прогрессивизм) – движения необычайно пестрого и по природе и по составу инициативного ядра, выдвинула на авансцену политической жизни США в первые два десятилетия XX в. плеяду выдающихся лидеров-реформаторов, очень несхожих по взглядам на методы модернизации страны. Однако все они, вступая в ожесточенные споры между собой, фактически разделяли общую метаидею “американизма”: страна, чего бы ей это ни стоило, должна осознанно быть открытой вызовам индустриальной эры и развиваться опережающими темпами. Данное положение относится как к базисным факторам (экономике с ее меняющимися параметрами), так и к

сфере гражданского общества (трудовым отношениям, социальной инженерии в целом, образованию и здравоохранению, местному самоуправлению, правовым институтам и т.д.).

Рассуждая о двух столпах либерального реформизма в “жизнеутверждающие времена” Теодора Рузвельта и Вудро Вильсона (президент США в 1912–1920 гг.), Луис Харц пишет о принципиальном сходстве их стратегических целей вопреки бросающемуся в глаза различию придуманных вывесок для соперничающих партийных платформ: “...едва ли можно согласиться с утверждением Герберта Кроули (Харц прибег к важному контраргументу в спорте с теми, кто стремился спрятаться за спиной авторитетов. – В.М.), о том, что существует большая и “глубокая разница” между “новой свободой” Вильсона и “новым национализмом” Рузвельта, если мы примем во внимание их общую приверженность демократическому капитализму; Уильям Аллен Уайт (другой видный публицист периода “прогрессивной эры”. – В.М.) проявил необычайную проницательность, когда охарактеризовал различия между ними как различия между близнецами, имеющими лишь разные имена. ... Не следует отрицать, что оба эти движения призывали к принятию законодательства о рабочем дне и о заработной плате, т.е. таких мер, которые полностью не укладывались в представления “американизма” и которые в какой-то незначительной степени отвечали настроениям европейских либеральных реформаторов”¹²⁶.

Не во всем можно согласиться и с самим Харцем, однако он убедителен, когда говорит об общей заинтересованности Т. Рузвельта и В. Вильсона во что бы то ни стало отвоевать и сохранить за Соединенными Штатами право быть признанным двигателем прогресса, силой, не только обеспечивающей его технологически, но и озабоченной его одушевленностью в духе “века простого человека”, соблюдением его интересов. Если попытаться вычленить существенное из программ “близнецов”, то кратко оно может быть представлено следующим образом. Вектор истории распознаваем, сама она имеет четко обозначенную цель, и Соединенные Штаты, опираясь на свои самоочевидные, материальные и гуманитарные достижения, готовы преодолеть недостатки прежнего индивидуализма в его социал-дарвинистской ограниченности, воспевающей социальное неравенство, и предложить миру успехи “морального капитализма” в качестве образца для подражания. Осуществление социальных программ новым либерализмом в его основных разновидностях (включая идеи прогрессивизма) было просто обязано стать альтернативой движению европейского радикализма – от крайне левых до умеренных социал-демократов и центристов, открыто, впрочем, солидаризирующихся с идеями “социального долга” и коллективизма.

Сменившие друг друга республиканские администрации (Теодора Рузвельта и Уильяма Тафта), следуя вышеозначенной философии прогрессивизма, внесли в политическую повестку дня нации со-

лидный пакет реформ, при этом одни были осуществлены только на бумаге, другие, напротив, превратились в настоящие символы эпохи. Это относится прежде всего к антитрестовскому законодательству и ужесточению ответственности крупных корпораций за уклонения от налогообложения и прочие экономические преступления. Весьма характерно, что расследованием незаконной практики корпораций, грабительские наклонности и жульничество которых несказанно возмущало общественность, было призвано заниматься новое министерство торговли и труда, что должно было подчеркнуть равенство верхов и низов перед законом. По инициативе Рузвельта в 1906 г. был принят закон, регулирующий железнодорожный транспорт и позволяющий, в частности, контролировать тарифную политику железнодорожных компаний (закон Хепбёрна). Проводилась последовательная политика консервации природных ресурсов и контроля за деятельностью крупного капитала с целью недопущения их разграбления, а также в целях рекультивации. Имя Теодора Рузвельта, рассорившегося со своей партией и выставившего свою кандидатуру от Прогрессивной партии на президентских выборах 1912 г., ассоциировалось мировым сообществом с образом активного миротворца, врага незаконно сколоченного богатства, радетеля общественного блага, ставящего интересы большинства выше интересов монополий¹²⁷. Произнесенные им слова “человек, который ошибочно считает, что права людей являются чем-то второстепенным по отношению к его доходам, должен сегодня уступить дорогу поборнику общественного благополучия...”¹²⁸ ошеломили прессу и показались оговоркой. Лидеры американских социалистов заявляли о вероломстве кумира прогрессивных республиканцев, пытавшегося отнять у них электорат. Они были очень близки к истине.

Президентские выборы 1912 г. преподнесли социалистам еще больше неприятных сюрпризов. Как им казалось (и небезосновательно), главные претенденты, представляющие другие ведущие партии – Т. Рузвельт от прогрессистов, У. Тафт от республиканцев, В. Вильсон от демократов – вели игру на их социалистическом поле, стремясь там самым отобрать голоса у популярного лидера левых – Юджина Дебса. Все кандидаты справа от него дружно демонстрировали свою приверженность реформам, подавая пример всему остальному миру открытостью процедуры выборов, чуткостью к запросам избирателей и в отношении местных проблем, апелляцией к христианским заповедям, критикой несправедливого распределения богатств и стяжательства за счет и в ущерб неимущим, вниманием к вопросам морали, верностью принципам прямой демократии и клятвенной присяге долгу – всегда быть на стороне “маленького человека”. Наблюдатели отмечали лояльность всех участников кампании конституционным нормам, в противовес тягавшейся к революционному пути Европе. Благодаря ораторскому дарованию основных конкурентов интеллектуальный уровень этого соревнования за об-

щенародное признание оказался весьма высоким. Участие в избирательной борьбе кандидата демократов губернатора штата Нью-Джерси Вудро Вильсона – известного историка, политолога и просветителя – придавала ей особый колорит.

Именно ему, демократу Вудро Вильсону, одержавшему победу в борьбе с сильными соперниками на выборах 1912 г., предстояло продолжить реформу американской политической системы путем возвращения к подзабытой со времен Линкольна идее “народного правления”. Она предполагала расширение демократических функций исполнительной власти, преодоление отрыва элиты от низов общества, признание ею гражданской ответственности за судьбы тех, кто оказался жертвой индустриального прогресса, принимавшего подчас уродливые формы в рамках циклов капиталистического воспроизводства, либо испытывал неустроенность или дискриминацию в силу законов рынка по признаку расы или пола. Опираясь на выдвинутую им концепцию “новой свободы” и богатый личный опыт университетского профессора, ректора Принстонского университета и губернатора штата Нью-Джерси, В. Вильсон предпринял важные шаги к установлению эффективной взаимосвязи между президентской властью и диверсифицирующимся в структурном отношении гражданским обществом, в котором параллельно возросшему влиянию корпоративных интересов обозначились признаки нового явления – массовой демократии, становящейся под знамена “иноподобных”, занесенных извне идейных течений преимущественно леворадикальной ориентации.

Внутреннее чутье Вильсона помогло ему увидеть, что массовая демократия (в лице движений на уровне, как стало принято говорить, “корней травы”) потребовала от исполнительной власти установления более широких контактов с ней политических институтов. Только такие контакты могли обеспечить США классовую и сословную солидарность, в то время как во многих странах о ней уже вообще не принято было говорить. Следуя своему плану, Вильсон решительно поменял сам стиль президентства. Он установил теснейшие связи с конгрессом, став первым за сотню лет президентом, появившимся в его стенах с важными посланиями, а также напрямую апеллировал к общественному мнению, создав новую традицию общения с масс-медиа на пресс-конференциях в Белом доме. Изначально придерживаясь джефферсоновских идей о самоуправляемости штатов, Вильсон пошел навстречу всеобщему желанию урезать самоуправство местных магнатов и прирученных ими властей, установив надлежащий федеральный контроль за всем происходящим на рынке труда, обеспечивая свободу конкуренции в предпринимательской деятельности, соблюдение справедливого налогообложения, ценовой и тарифной политики, помощь аграрному сектору. Принцип коррекции в распределении национального богатства в пользу неимущих и малоимущих слоев на основе компромисса и договора,

настойчиво проводимый Вильсоном в жизнь, был призван снимать внутреннее напряжение в стране и шаг за шагом продвигать идею социального партнерства при посредничестве “честного маклера” – государства.

Начало XX в., отмеченное новой чередой революций в России, Мексике, Китае, вынудило Вильсона пойти на серию мер, дающих дополнительную прочность гражданским институтам в США¹²⁹.

Из компромисса интересов вырос новый закон о тарифах (1913), снижавший ввозные пошлины почти вдвое и рассчитанный на понижение цен внутри страны, от чего должны были выиграть фермеры, городские рядовые потребители и средний монополизированный капитал, заинтересованные в отказе от протекционизма. К этой же мере примыкала и другая – новое законодательство о подоходном налоге. Оно распространялось только на 5% населения, имевших годовые доходы свыше 4000 долл., и обрело характер важной социальной реформы, поскольку расширяло возможности для финансирования растущих федеральных расходов, связанных с регулированием рынка труда, затратами на народное образование и т.д. Вся страна понимала острейшую необходимость в реорганизации кредитной и банковской системы, но добиться консенсуса в вопросе о том, какой она должна быть – находиться ли в частных руках или контролироваться государством посредством центрального банка, – казалось почти невозможным. Вильсон искусно обошел все подводные препятствия и реализовал концепцию, соединяющую государственное участие и контроль с частным интересом. Закон о создании Федеральной резервной системы (закон Гласса 1913 г.) все ставил на свои места, подтверждая демократическую направленность главной реформы, поскольку ограничивал возможность Уолл-стрита сосредоточить в своих руках контроль на финансовом рынке и в сфере денежного обращения без серьезного ущемления инициативы частных банков, которые, взаимодействуя с государством, обеспечили себе полновесный голос в руководстве двенадцати региональных федеральных банков. Влияние нью-йоркских коммерческих банков по-прежнему сохранялось, однако состоявший во многом из правительственных чиновников директорат Федеральной резервной системы, являясь по сути вполне нейтральным и влиятельным механизмом, был теперь в силах поставить в рамки эгоистические инстинкты финансовых магнатов и биржевых спекулянтов, поглощенных гонкой приобретательства (термин А.М. Шлезингера), забывавших о чувстве меры и не признававших, что далеко не все может сделать “невидимая рука рынка”¹³⁰.

Отметим и ряд других важных шагов по выполнению той части программы реформ, которая прямо или косвенно затрагивала конституционное устройство страны и общие условия функционирования гражданского общества. Сторонники принципа непосредственной демократии как большую победу восприняли ратификацию

конгрессом в 1913 г. 17-й поправки к Конституции, устанавливавшей прямые выборы сената избирателями в штатах вместо прежнего порядка, когда члены сената США избирались выборными от штатов. Существенные усилия после начала Первой мировой войны были предприняты Вильсоном по улучшению социальной обстановки в стране путем внедрения цивилизованных норм трудового законодательства. Так получилось, что на фоне погружения Европы в пучину военных невзгод, огромных людских потерь, голода, призывов к “затягиванию поясов” и политических кризисов Америка впервые, пожалуй, всерьез занялась устранением застарелых болезней фабричной системы “свободного предпринимательства”, закладывая основы “капитализма всеобщего блага” (Welfare capitalism). В конце сентября 1914 г. Вильсон подписал закон о создании Федеральной торговой комиссии, получившей довольно широкие полномочия по мониторингу предпринимательской деятельности и предупреждению “нечестной предпринимательской практики”, т.е. сверхэксплуатации наемых рабочих. Смысл этого пункта профсоюзы трактовали в свою пользу как намерение правительства нанести удар по промышленному феодализму и практике бесконтрольного хозяйничанья предпринимателей. Почти одновременно вошел в силу закон Клейтона (15 октября 1914 г.), усиливший антитрестовское законодательство, частично снявший с профсоюзов бремя ограничений на их деятельность, подтверждавший право рабочих на организацию и фактически признавший равноправность тред-юнионов как субъектов экономической практики наряду с объединениями предпринимателей и корпорациями.

Накануне своего переизбрания в 1916 г. на второй срок, предвидя вступление США в мировую войну, Вудро Вильсон принял новый приступ на бастионы консерватизма. Если в передовых странах Европы (с точки зрения рабочего законодательства) – Англии, Франции и Германии – профсоюзы и рабочие партии вынуждены были подчиниться военной дисциплине, их принуждали отказываться от завоеванных прав и свобод, то в США, напротив, их собраты добивались существенных уступок, находя в администрации Вильсона если не поддержку, то сочувствие и нежелание искусственно сдерживать их экономическую самоорганизацию.

Впервые в истории правительство демократов открыто демонстрировало дружелюбие к профсоюзам Американской федерации труда, Братствам железнодорожников и другим объединениям рабочих, лояльным к власти и сотрудничающим с ней. Самуэль Гомперс – президент АФТ – стал собеседником, консультантом и советником высших правительственных чиновников, Белого дома. Вильсон поручает ему важные международные миссии, с помощью которых с одобрения правительства завязывались тесные контакты с европейским рабочим движением, пропагандировался “американизм”, идеи классового мира и самоустранения от политической борьбы.

Лидерам АФТ при этом было что предъявить европейским коллегам: сотрудничество с правительством приносило существенные материальные результаты. В преддверии новой кампании 1916 г. по выборам президента Вильсон, привлекая к себе голоса рабочих, фермеров, стремительно численно выросших городских средних слоев, сделал новые шаги им навстречу. В 1915 г. он произвел очень важное назначение, добившись в ходе жесткой полемики от сената согласия на кандидатуру Луиса Брандейса при заполнении вакансии члена Верховного суда США. "Народный адвокат" из Массачусетса приобрел к тому времени широчайшую известность благодаря своей правозащитной деятельности в пользу социально необеспеченных слоев общества, отстаивая права рабочих, идеи контроля за деятельностью крупного бизнеса и участвуя во всех крупных проектах по реорганизации государственной службы с целью придания ей большей демократичности и эффективности. Влияние Брандейса в прогрессивном движении было общепризнанным, его избрание в состав Верховного суда само по себе означало большую политическую победу, предвещавшую дальнейший сдвиг настроений в стране в направлении, как будто совпадавшим с атмосферой национального обновления, заставившей фундаменталистов в обеих главных партиях отступить, уйти в тень.

Цепочка законов в области трудовых отношений, поддержанная Вильсоном, давала право говорить о том, что концентрированное богатство в лице могущественных монополий настойчиво понуждалось к признанию правового ограничения их властолюбия на рынке труда, к взаимным уступкам, терпимости и цивилизационным методам решения споров совместно с профсоюзами. Вильсон подписал ряд законов, в том числе об условиях труда моряков торгового флота, в значительной степени улучшающих их положение, закон, регламентирующий детский труд, закон Адамсона о восьмичасовом рабочем дне на железнодорожном транспорте, долгожданный закон о кредитовании фермеров и в дополнение к нему федеральный закон о дорожном строительстве. Последним было положено начало создания разветвленной транспортной инфраструктуры на огромном пространстве страны, уравнивающей условия жизни в городе и деревне, отвечавшей интересам повышения рентабельности сельскохозяйственного производства. В ряде штатов прогрессистски настроенные законодатели подошли в своих начинаниях к той грани, за которой можно было говорить о сходстве со скандинавской моделью социально ответственного государства. Так, например, весной 1919 г., законодательное собрание штата Нью-Йорк едва не приняло широкую программу предоставления бесплатных медицинских услуг промышленным рабочим и членам их семей¹³¹.

Одним из важнейших источников реформаторской деятельности В. Вильсона была христианская мораль и заповеди кальвинистской теологии, глубоко усвоенные им благодаря воспитанию в семье

пресвитерианского священника. В обосновании своих поступков и программных посланий он очень часто прибегал к идеям любви к ближнему, слабому, к богоугодности бескорыстного дарения сильным помощи тем, кто нуждался в ней. В одной из своих речей-проповедей осенью 1917 г. Вильсон говорил: “Мы имеем обыкновение называть различных людей выдающимися, воздавая должное им за различного рода деяния, но благородным мы называем только такого человека, который, имея огромный потенциал, отдает его другим, забывая о себе. Мы не воздвигаем монументы всем нашим выдающимся соотечественникам, но мы охотно делаем это в отношении людей высоких помыслов, которые сначала думают о других и только потом о себе”¹³². В словосочетание “братство свободы и равенство привилегий”, часто употребляемое Вильсоном в связи с ситуацией в межклассовых отношениях внутри США, вкладывался им и более общий смысл, например, тогда, когда он принимался резонировать о международных делах или демонстрировать свою равноудаленность по отношению к Антанте и Центральным державам после того, как в Европе 1 августа 1914 г. заговорили пушки.

Религиозный морализм Вудро Вильсона, как важная составляющая его общего представления о роли США в эпоху внезапного выхода на поверхность гибельных конфликтов глобального масштаба, отличался от Realpolitic Теодора Рузвельта, хотя в подходе к определению главных целей между двумя ведущими фигурами на политической сцене США начала XX века было больше общего, нежели различного¹³³. Рузвельт тоже говорил о высоком значении этики в международных отношениях, но никто так, как Вильсон, не способствовал созданию привлекательного образа США, страны, не только не преследующей эгоистических целей, но и умеющей установить тесный контакт с разобщенными империализмом народами мира, предлагая человечеству универсальную жизнеспособную модель. Не случайно после своего избрания президентом в 1912 г. В. Вильсон поначалу отдал руководство внешней политикой в руки популярного лидера прогрессистского движения Уильяма Дженнингса Брайана, чьи пацифизм и антиимпериализм наводили многих на мысль либо о глубокой наивности Вильсона, либо о его разрыве с внешнеполитическим курсом У. Маккинли, Т. Рузвельта и Дж. Хэя¹³⁴.

Слово Вудро Вильсона о по-христианских бескорыстных услугах США, никак не воспринятое или воспринятое с иронией и даже с издевкой его оппонентами в период избирательной кампании 1912 г. и сразу после нее, внезапно поднялось в цене, едва только выяснилось, что война в Европе принимает затяжной и никем не предвиденный крайне разрушительный характер¹³⁵. По убеждению оппонента Вильсона Теодора Рузвельта, Соединенные Штаты были призваны немедленно вмешаться и выполнять свои созидательно-карательные (полицейские) функции на основе сохранения или (если это необходимо) восстановления в Европе или других регионах выгодного

им баланса сил. Только таким путем “реалисты” рассчитывали достичь желаемого сочетания национальных интересов Соединенных Штатов – носителей здравого смысла, передового самосознания и новаторского духа – с интересами народов остального мира, находящихся на грани самоуничтожения и нуждающихся не в сочувствии, а настроенной по-деловому и соответствующе оснащенной службе спасения. По всему получалось, что США должны были взять на себя эту миссию с прицелом на крупные дивиденды от посредничества. Оспаривая такой подход, Вильсон по прошествии первого года своего пребывания на посту президента заявил, что считает неприемлемым определять внешнюю политику, беря за исходное “материалистический интерес”. Это не только несправедливо, – бросил он своим оппонентам, – по отношению к тем, с кем вы ведете дела, но это принижает вас самих... Мы не отступим ни на шаг от принципа, согласно которому мораль, а не выгода должна быть положена в основу наших действий”¹³⁶. Было много причин, почему Вильсон не торопился вступать в войну на стороне Антанты. Одна из них – желание избежать упреков в меркантильной заинтересованности извлечь выгоду из трагедии европейских народов. Были и другие.

Вильсон, в отличие от своих оппонентов, многие из которых были поклонниками силовых решений, сделал ставку на миротворчество и посредничество. И не проиграл. Провальные миссии примирения Эдварда Хауза (ближайшего советника Вильсона), отправленные президентом в мае 1914 г., в январе–мае 1915 г. и вновь в декабре 1915 г. позволили США, еще не воюя, прочно овладеть инициативой в деле, которое касалось всех и каждого, – каким быть миру после войны. Все промахи Вильсона и его сквозивший во многих публичных выступлениях антиевропеизм не так бросались в глаза на фоне изо дня в день повторяемого в форме проповеди твердого намерения превратить Америку в решающую силу, объединяющую расколотый мир в эпоху конфликтов, раздоров, революций и международных кризисов начала XX в. В Америке в тот исторический момент было множество других государственных и общественных деятелей, литераторов, публицистов и ученых, высказывающихся на ту же тему красноречиво и с самозабвенной убежденностью¹³⁷. Но именно Вудро Вильсон, используя возможности президентской власти и созданный им пропагандистский аппарат, придал тщательно отработанную им самим имиджу США как стране уникального опыта наибольшую цельность и стратегическую осмысленность, включая главные детали плана создания под эгидой Америки нового мироустройства, опирающегося на согласие (а не на баланс сил), механизм предотвращения военных конфликтов, контроля над вооружением и широкое сотрудничество в экономической, социальной и гуманитарной сферах¹³⁸. Само понятие “интернациональные обязательства Америки”, вытекающее из достигнутого ею материального благополучия и возникшее в ходе общенациональной дискуссии о

приоритетах внешней политики и предпосылках добровольного присоединения к плану всех воюющих сторон, предполагало строительство мировой системы, последовательно американизирующейся. Как не без иронии писал об этом А.М. Шлезингер-мл., с младенческой восторженностью человечество должно было осознать, что оно своим спасением обязано Американской революции¹³⁹.

Историк Шлезингер, критикуя вильсоновский универсализм, не был до конца справедлив к историку Вильсону, не только настаивавшему на праве США быть “главным толкователем” принципов цивилизованной жизни, но и подававшему в качестве президента США определенные надежды народам других стран на выход из тупика мирового кризиса, как выразился Альфред Вебер, на “шве истории” в конце XIX – начале XX в.¹⁴⁰ Первая мировая война была еще и временем духовного опустошения, разочарования, смуты и привела, по Юнгу, к всеобщей “атаке первобытных сил”. Многим виделось, что только Вильсон знал, как остановить это падение и мог это сделать. Его оценки ситуации были хорошо известны. Народы Европы, некогда признанные поборники прогресса, как бы утратили внутренний стимул к продолжению исторической линии, их созидательная энергия затухала, подавляемая разрушительным возобновлением старых распри и отсутствием притока новых конструктивных идей. Духовная распушенность¹⁴¹ наложила свою печать на мышление политической элиты континента, последняя закоснела в снобизме и предрассудках, с тупым упрямством ведя курс на подготовку, развязывание и затягивание мировой войны, хотя именно эта война неминуемо должна была приблизить революционный взрыв. Ожидать, что возрождение витальной силы цивилизации придет из Европы, не приходилось, она не справлялась со стихией индустриализма, теряя лучших своих сынов, покидавших ее в поисках удачи, счастья и свободного приложения талантов. Все, что существовало за пределами Европы, должно было быть спасено от нее, – более того, Европу следовало спасти от нее самой. Вкрапленные в многочисленных трудах и речах Вильсона, эти постулаты обретали особую достоверность на фоне европейских конфликтов, войн, революций¹⁴².

Спасти Европу от нее самой в понимании Вильсона означало уберечь ее от новой катастрофы по типу “безумного заговора”, осуществленного в 1914 г. “наглыми и невежественными Гогенцоллернами”, и неминуемых его последствий¹⁴³. Эти поучения Европы не всем были по душе, и у вильсоновского универсализма появились критики даже среди почитателей президента. Но для сына пресвитерианского священника с почти маниакальной верой во всевидение Господа Бога целый континент после того, как он порвал со своим гуманистическим прошлым и окунулся в моральный нигилизм, стал воплощением грехопадения, за что его неминуемо ждет кара божья. В метаниях из крайности в крайность и разрыве с традицией рационализма Европа шла к распаду, в то время как Америка сохраняла

верность себе и предначертанному ей пути. Более того, по твердому убеждению Вильсона, она являлась единственной в мире страной, которая переживала постоянное возрождение. Эту мысль, на фоне начавшейся в Европе Великой войны, Вильсон развил в речи в Филадельфии в мае 1915 г., имевшей принципиальное значение для его понимания роли США в мировой политике. “Обращение к вновь натурализованным гражданам”: “...американцы должны иметь сознание, отличное от сознания народов других стран. При этом у меня нет ни малейшего намерения критиковать другие народы... Понятно, почему Америка должна иметь иное сознание, – она открыта общению со всех сторон, она соприкасается локтем и сердцем со всеми народами, составляющими человечество. Пример Америки – это особый пример... Мы имеем дело с особым случаем – наш народ ощущает себя настолько правым, что он не нуждается в убеждении в своей правоте силой”¹⁴⁴. США завоюют мир силой примера. Так коротко можно было бы передать суть выступления Вильсона.

Соблазн обвинить Вильсона в лицемерии и в чисто пропагандистском характере рекламы духовной продвинутой Америки и ее особого альтруизма был велик и совершенно оправдан. У критиков (и среди у одного из самых ярких интеллектуалов Америки – У. Липпмана) имелось достаточно оснований для язвительных замечаний. Во-первых, в “отставшей” и разобщенной Европе, как это отмечал А. Тойнби в 1926 г, еще до 1914 г. много думали над идеей европейского союза как средства возрождения¹⁴⁵. И второе: Америка уже имела за плечами свою “колониальную” войну и не одну. Она безжалостно подавила национально-освободительное движение на Филиппинах, осуществила военные интервенции в поддержку “дружественных режимов” в Панаме, Санто-Доминго и Гаити. Отражая атаки своих критиков, Вильсон ухитрился отмежеваться от “агрессивных целей и алчных устремлений” США в прошлом, объяснив их “безрассудной молодостью” американской нации, и проведя различие между войнами, ведущимися за эгоистические цели (их Америке следовало, по его мнению, избегать), и войнами во имя великой цели – во имя, как он выразился, “служения человечеству”. Поскольку Америка, пояснял Вильсон, “имеет великую цель, не ограниченную только американским континентом”, постольку она не может отказать себе в использовании силы в любой точке Земного шара. Таким образом, духовности и морали воздавалось должное, но и о силе не было забыто¹⁴⁶.

Оппоненты Вильсона издевательски советовали ему перечитать его же выдержанную в приторном резонерско-пацифистском духе внешнеполитическую программу 1912 г. или речи государственного секретаря У. Брайна, который призывал не прибегать к силе. Непоследовательность Вильсона в вопросе морального эквивалента силы действительно выглядела слишком заметной. Но в отличие от “реалистов” из числа влиятельных политиков в обеих

партиях критерии для принятия решения об использовании силы были конкретизированы Вильсоном в логической увязке с идеей обновления мира на гуманистической и международно-правовой основе через объединение в мировом сообществе (семье наций), не разделяющем народы в правовом отношении на привилегированные и непривилегированные, большие и малые. Эту уступку сторонникам пацифизма Вильсон делал сознательно, стремясь нейтрализовать изоляционистскую пропаганду, широко распространенную в среде, где он сохранял популярность. Для более “национально ограниченного” прогрессиста Теодора Рузвельта такой тотальный идеализм был неприемлем по определению, а его отношение к возможности США стать неформальным гарантом всеобщей безопасности – более чем сдержанной¹⁴⁷.

Аргументы Вудро Вильсона строились по образцу парадигмы, в некоторых ключевых моментах удивительно совпадавшей с резолюциями антимилитаристов и социалистов – сторонников Ю. Дебса. Вплоть до 1917 г., даже после потопления немцами пассажирского судна “Лузитания” (1915) Вильсон оставался внешне нейтральным к обеим сторонам в мировом конфликте, все еще намеренно позиционируя себя над схваткой. Но так продолжаться вечно не могло. Одержав победу на президентских выборах 1916 г., Вильсон отчетливо понял, что США, оставаясь вне войны, при любом ее исходе проигрывают. Вступление в войну становилось неизбежным. Достойная цель также нашлась, закрыв собою все остальные задачи – алчные запросы корпораций, расчеты военных ведомств, планы в отношении сырьевых рынков и т.д. Большой, поистине планетарной целью, оправдывающей любые жертвы, могла быть только война за уничтожение всех войн, делающая мир “безопасным для демократии”. Еще одна важная задача – построение системы всеобщей безопасности, удовлетворяющей американским стандартам демократии. Страна, голосовавшая за Вильсона-пацифиста, рукоплескала ему 22 января 1917 г., когда он твердо объявил воюющим сторонам, каким Америка видит будущее Европы и мира¹⁴⁸. В его основание должны были быть положены универсальные ценности “американизма”.

Не провокационная стратегия кайзера и месть, а защита неотъемлемых прав человека, “единственным поборником” которых является Америка и только она, – вот оправдание участия США в войне. Таким был лейтмотив еще одной важной речи Вильсона перед объединенной сессией конгресса 2 апреля 1917 г. по случаю объявления “состояния войны с Германией”. Не могло быть и речи ни о какой другой стране, кроме США, которая после победы могла бы взять на себя заботы по выращиванию древа демократии нового типа, чьим прообразом служит Америка.

Отступление от этой позиции недопустимо, ибо никто другой из союзников, борющихся с “эгоистичной и авторитарной властью”, не в

состоянии вызвать по-настоящему к себе доверие разочаровавшихся людей и народов. Никто, кроме Америки. Ее совесть чиста, а побуждения лишены малейших признаков корыстолюбия и лукавства. “У нас нет эгоистических целей, – утверждал Вильсон. – Мы не стремимся к захватам и господству над другими. Мы не добиваемся контрибуций для себя, материального возмещения за жертвы, которые мы добровольно принесем. Мы хотим быть только защитником прав человечества... Толкнуть на войну наш великий миролюбивый народ, на самую страшную и разрушительную из всех войн – поистине ужасно. Но правое дело дороже мира (здесь Вильсон почти слово в слово повторил известный постулат Т. Рузвельта. – *В.М.*), и мы будем бороться за то, что нам дороже всего на свете, – за демократию, за права рядовых людей влиять на деятельность своего правительства, за права и свободу малых народов, за торжество повсюду правого дела в результате достижения свободными народами такого согласия, которое принесет наконец всем им мир, безопасность и свободу”¹⁴⁹.

Заведомо нельзя было ожидать, что правительства (не народы) союзных держав положительно отреагируют на этот новый Билль о правах человека, обращенный ко всему мировому сообществу, включая малые и колониальные народы, с предложением забыть старые распри, отказаться от мести и перестроиться, руководствуясь “испытанными принципами политической свободы”. Слишком уж пафос военных посланий Вильсона напоминал попытку перехватить инициативу у леворадикальных течений, явно одерживавших верх в воюющих странах в политической борьбе за симпатии людей¹⁵⁰. Что стоило выраженное в ноте Вильсона от 18 декабря 1916 г., обращенной ко всем воюющим странам, убеждение, что все народы имеют “естественное право на самоопределение” – лозунг, выдвинутый и пропагандируемый левой социал-демократией. Союзники по Антанте немедленно отреагировали на это выступление Вильсона, найдя его “оскорбительным”. В своей речи “Мир без победителей” в сенате 22 января 1917 г. Вильсон, оставив без внимания возмущение Лондона, Парижа и Петрограда, вновь заявил, что ни с одним народом нельзя обращаться “как с собственностью”, лишая его права на суверенитет. Вильсон едва не поссорился со всей либеральной Европой. Но в конце концов сам Ллойд Джордж, глава английского кабинета, вынужден был признать, что именно Вильсон помог союзникам не столько выиграть войну, сколько не проиграть мир¹⁵¹. Это означало, что в лице Вильсона европейский радикализм столкнулся с очень сильным препятствием, нейтрализовавшим в значительной степени протестную энергию огромных масс своим обещанием поставить “новый человеческий эксперимент”¹⁵² по образцу Соединенных Штатов, дав истерзанной войной народам благополучие, свободу и безопасность.

Бросающаяся в глаза высокопарность риторики Вильсона была способна у очень многих вызвать скептицизм. Однако считать такой

строй мыслей исключительно следствием мании величия или даже психическим отклонением, как порой это делается в литературе¹⁵³, никак нельзя. Речь шла, как это убедительно показано американским историком Ллойдом Гарднером, о модели нового капитализма или, точнее, о трансформации капитализма после войны в его улучшенный вариант – в капитализм “с человеческим лицом”, как мы сказали бы сегодня, в капитализм с равными возможностями для всех стран, больших и малых, живущих по западным стандартам или развивающихся в русле традиционной культуры. Ему предстояло избавиться от железных тисков “специальных интересов”, очиститься от скверны, приблизиться к простому человеку и устранить социальную пропасть между богатством и нищетой. Вильсон сполна учитывал опыт мексиканской, китайской и русской революций, антиколониальных движений в Азии, желая показать, что новый либерализм – “новая свобода”, – дорогой которого идет Америка, может достойно принять вызов левого радикализма и обеспечить всеобщее “преобладание американских принципов – достоинство, честную практику и справедливость”¹⁵⁴.

Идея Лиги наций, выдвинутая Вильсоном и считавшаяся многими видными политиками Запада утопической, должна была служить целям возрождения человечества, переналаживания всех его внутренних побуждений на созидание в духе грандиозной программы реконструкции, сложившейся в голове президента США и предусматривавшей перевод стрелок часов мировой политики на новое время. Но само это время должно было быть американским, поскольку старый порядок, Европа сполна продемонстрировали бесплодность своих усилий избежать общей катастрофы методами и приемами традиционной дипломатии великих держав, сколачивая военные блоки, отдавая предпочтение тайному сговору, равновесию сил и ничуть не считаясь с общественным мнением, малыми странами и мировой периферией – колониальными и зависимыми странами. Легко понять, почему в головах окружавших и внимавших Вильсону политиков возникла путаница: в его плане видели и неумное подражание Христу, и коварную расчетливость, за которой скрывались гегемонистские устремления Соединенных Штатов. Участник Версаля (он входил в состав английской делегации) мудрый Джон Мейнард Кейнс тактично высмеял амбиции Вильсона, посчитав, что его убеждения и темперамент имеют “преимущественно теологические, а не интеллектуальные истоки”¹⁵⁵.

Ни Кейнс, ни кто бы то ни было из политиков и дипломатов стран-победителей, думается, не уяснили для себя до конца неконъюнктурный характер мотивации Вудро Вильсона, заявившего (со ссылкой на реальные обстоятельства), что промедление опасно и что конференции в Париже надлежит стать великим рубежом в мировой истории, а великим державам следует “стать на совершенно новый путь действия”. Американский президент разъяснил тут

же свою позицию, определенно указав на необоримое стремление народов “к новому строю”, за который американцам и их союзникам придется бороться “по возможности добром, а если потребуются – злом”¹⁵⁶.

По убеждению Вильсона, подлинная проблема, до конца неосознанная Западом, состояла в дилемме двух путей, ведущих к созданию нового строя – альтернативного старому капитализму, разрушительного, революционного в самых своих начинаниях (по образцу России) или созидательного, реформистского (по образцу Америки). Последний в тысячу раз предпочтительнее, но “яд большевизма” быстро распространяется по планете, не оставляя времени для размышлений и спокойной перестройки политического сознания европейской элиты, пребывавшей после ноября 1918 г., как представлялось Вильсону, в состоянии опьянения победой, бездеятельности, паралича мысли. В сущности, у нее нет выбора: она должна либо принять историческую смерть, либо ответить на вызов той “латентной силы”, которая породила большевизм и которая притягивает к себе огромные симпатии масс бунтом против “специальных интересов”, сделавших весь мир своим данником¹⁵⁷. В этой аргументации – ключ к разгадке вильсоновской патетики и его самозванного богоизбранничества: идеологический концепт “нового мирового порядка”, проповедуемый президентом США, был призван выдержать сопротивление с утопией “мировой коммунистической революции” и во что бы то ни стало одержать верх. Американская мечта предикативно превращалась в американский мир. В одних случаях добром, в других – злом.

* * *

Призрак всемирной революции, способный вызвать коллапс западной цивилизации, преследовал творца вильсонизма до конца жизни. Внутренне Вильсон был убежден, что питательная среда вируса революции – не только пороки или провалы в экономике и политике. Его питала, как полагал Вильсон, бесплотность, тусклость и непривлекательность той либеральной идеи, которой Европа была привержена столетиями, сохраняя как музейную реликвию пережитки “автократической, самовлюбленной власти”¹⁵⁸, своего словесного прошлого, поддерживая классовое неравенство и классовую рознь, традиционные бюрократические институты, этнокультурные привилегии титульных наций и территориальные претензии друг к другу. Либерализм XX в. (или новый либерализм), по убеждению Вильсона, был обязан следовать иному примеру. Ему максимально надлежало впитать в себя элементы нового демократизма, приняв, наряду со свободами индивидуума, правом народов на самоопределение и приматом открытой дипломатии еще и социальную ответственность государства, идею поддержания мира механизмом и

авторитетом международной организации безопасности. Америка, утверждал Вильсон, своей гуманитарной, попечительской деятельностью демонстрировала качественно новую черту либерального мышления. Оно было несовместимо с узколобым эгоизмом право-наследников европейской аристократии, за который народам приходилось расплачиваться отчуждением, культурной деградацией, а в итоге – войнами, лишениями и революциями. А посему, считал Вильсон, его страна по праву должна была играть роль флагамена, прокладывающего путь. Испытываемая им постоянно подозрительность в отношении целей союзников в войне только удваивала его антиевропеизм и упование на новый мировой порядок.

При всей внутренней неоднозначности дипломатии Вильсона, она носила черты отхода от ориентации на возобладавшие было со времени Маккинли приемы силовой дипломатии и возвращение к истокам. Как и отцы-основатели, связывавшие с самим фактом существования Соединенных Штатов начало новой эры в международных отношениях, Вильсон в религиозном экстазе убеждал себя, что само его появление в Париже означало одно – с идеей реставрации старого миропорядка (возвращение практики сколачивания равновесных военных блоков, территориальных переделов, секретной дипломатии и т.д.) было покончено раз и навсегда. США как страна, лучше других народов знающая, что для них хорошо, станут гарантом нового взаимопонимания между народами, “отлитого” в уставе Лиги наций. Мера моральной ответственности Америки безгранична, альтернативы ей нет (если не считать химерические и опасные проекты левых и правых радикалов), но вместе с ней Промысел Божий дарит американцам уникальный шанс руководить духовным возрождением мира.

В контексте вильсоновской концепции американского лидерства в деятельности администрации совершенно особое место занимал русский вопрос, наследованный от прошлого, но в связи с событиями мировой войны превратившийся во встроенный фактор внутренней и внешней политики США. Русская революция 1917 г. в двух ее фазах – буржуазно-демократической и большевистской – побудила Вильсона предпринять, с одной стороны, непопулярные шаги в сфере внутренней политики (усиление охранительных мер в отношении радикальных элементов, ужесточение государственного контроля за положением в отдельных отраслях экономики), а с другой – переформулировать предложения к проекту послевоенного мирного урегулирования, сблизив их вербально с лозунгами нараставшего повсеместно в мире демократического движения за мир и равноправие народов. Левая оппозиция в лице партий и групп была блокирована разнообразными полицейскими и пропагандистскими мерами, президент лично осуществлял прессинг в отношении активизировавшихся рабочего, фермерского и впервые ставшего принимать консолидированный вид негритянского движений. Одновременно

столкнувшись с прямой опасностью коллапса рынка акций железнодорожных компаний, грозившего параличом всей экономики, Вильсон 28 декабря 1917 г. национализировал железные дороги Америки, передав их в ведение государственной Администрации железных дорог. Правительство становилось на путь “организованного капитализма”, отражающий вектор главных перемен. Важным катализатором их послужил 1917 год в России¹⁵⁹.

Сложное отношение Вильсона к событиям в России после свержения монархии (бросавших, как он говорил, в “холодный пот” от мук нахождения нужных решений) отражено официальными биографами Вильсона во главе с профессором А. Линком, составителями наиболее полного собрания его бумаг. В предисловии к 45-му тому они пишут: «...противоречивые и вызывавшие замешательство сообщения о способности большевиков упрочить их контроль над Россией приходили от американских и других дипломатических источников в этой стране. Но один факт был абсолютно очевиден к началу декабря 1917 г.: Россия вышла из войны, и ни США, ни союзники ничего не могли сделать, чтобы заставить ее возобновить боевые действия. После флирта с тайной поддержкой казаков, которые пытались установить самостийный режим на Украине, Вильсон решил следовать политике невмешательства в Гражданскую войну в России и попытался наладить неформальные отношения с большевистским правительством». Поставленный перед фактом обращения большевиков с призывом заключить всеобщий мир и принять участие в брест-литовских переговорах с Центральными державами «Вильсон изобретает то, что с этого момента стало называться “Посланием о четырнадцати пунктах”, озвученное им на совместной сессии палат конгресса 8 января 1918 г.»¹⁵⁹

Далее авторы предисловия к 45-му тому бумаг президента специально выделяют из речи Вильсона слова о том, что в обращении большевиков надежды русского народа были представлены “искренним широким взглядом, благородством помыслов и симпатией к человечеству, которые должны вызвать восхищение всех, кто любит людей”. На той же высокой моральной ноте Вильсон решил ответить на инициативу “русских представителей” программой “всеобщего мира” (Четырнадцать пунктов)¹⁶⁰, которая, как пишут его биографы, включала в себя в качестве ключевых моментов идею создания международной организации безопасности и план решения “русского вопроса”, учитывающий, в частности, право русского народа самому выбирать тот или иной способ государственного устройства. Но уже весной и летом 1918 г. Вильсон изменил свою позицию, санкционировав участие в интервенции против Советской России и поддержку самых пестрых сил, которые, исходя из собственных, часто нестыкуемых интересов, добивались уничтожения большевизма¹⁶¹.

На гребне своей популярности, после победы в войне и заключения Версальского мира (1919 г.), Вудро Вильсон с горечью обнару-

жил, что Америка не согласилась с главными пунктами его проекта всемирного урегулирования в том виде, в котором они были “прописаны” в документах Версаля и в Уставе Лиги наций. Отчасти он сам был в этом виноват, но только отчасти. Изоляционисты, особенно влиятельные на Юге и Западе США, решительно возражали против участия страны в международной организации безопасности на принципах равноправия с Англией и Францией. Республиканская оппозиция во главе с сенатором Генри Кэбботом Лоджем, сохраняя верность наставлениям Теодора Рузвельта, рьяно отстаивала неограниченную свободу рук для Соединенных Штатов в проведении ими внешней политики, включая право конгресса объявлять войну, и сохранение ими “специфической” роли супервайзера в Западном полушарии. Не менее проблематично выглядели перспективы продолжения курса на внутренние реформы с углублением их социальной направленности. Страна поправела из-за распада прогрессистской коалиции, самоотстранения правящей партии демократов от поддержки массовых движений и подогреваемых “большой прессой”, консерваторами в конгрессе, местными ультрапатриотами и соответствующими правительственными службами антирадикальных, конформистских настроений. Гонения на мнимых и реальных экстремистов добавили ощущение опасного раскола общества. Присоединение США к Лиге наций многими воспринималось как заражение вирусом европейского неблагополучия, конфликтности, увлечения “измами”.

Известный американский историк, прекрасно знавший переломную эпоху начала XX в., Генри Стил Коммаджер писал в начале 60-х годов в одном из своих эссе: “...Первая мировая война направила реформаторские движения предыдущих десятилетий в русло всеобъемлющего похода за мировую демократию... Последовавшая со всей неизбежностью идеализация похода за демократию вызвала почти столь же неизбежную реакцию цинизма, а отождествление реформ с именем Вильсона привело ко всеобщему отрицанию Вильсона и вильсонизма”¹⁶². Больной Вильсон был сражен отказом конгресса ратифицировать Парижский договор и Устав Лиги наций, поражением ведомой им демократической партии на выборах 1920 г. и неблагодарностью соотечественников. Финал его карьеры оказался вдвойне трагичным из-за того, что дискредитацией его взглядов была надолго скомпрометирована сама идея активного участия Соединенных Штатов в мировых делах в качестве опорной силы новой дипломатии.

Не желая мириться с забвением, в своей последней статье – “прощальном послании” (1923), Вильсон утверждал, что эта идея сохранит свое непреходящее значение навсегда и в самых удаленных местах планеты. Демократия американского типа, полагал Вильсон, способна поправить все, нейтрализовав злые умыслы противников и смягчив самые ожесточенные сердца обманутых радикальной про-

пагандой людей. Но для этого американцы, осознавая себя избранным народом, должны, не замыкаясь на самих себе, активно и широко идти на самый тесный контакт с другими народами и странами, используя новые формы и приемы общения. Таким путем американская мечта, перевоплощаясь в общемировую религию, во всеобщий культ, сможет обрести второе дыхание, достичь универсального звучания. Вильсон как бы брал моральный реванш за раскромсанную и растоптанную веру в благоразумие американцев в связи с откатом конгресса ратифицировать Версальский договор и продолжить начатое. Экс-президент при этом демонстрировал недюжинные способности и в одиночестве оставаться верным себе. В предвидении наихудших последствий неконтролируемого и неустойчивого мирового процесса, которые (он был в этом уверен) не минуют и США, Вильсон сделал неутешительный прогноз для сторонников отката назад. Он писал: “Демократия еще не обезопасила мир от безрассудной революции. Перед демократией стоит исключительно важная, настоятельная и неотложная задача спасения цивилизации. Мы не можем уклониться от ее выполнения, если не хотим, чтобы все созданное нами превратилось в прах. Америка как величайшая из демократий должна взять эту обязанность на себя...”¹⁶³. Уход Вильсона и реабилитация консерватизма означали разрыв с той наметившейся было тенденцией совмещения моральных основ нации, воплощенных в достижениях и надеждах “прогрессивной эры”, с внешнеполитической деятельностью страны.

ЧТО ХОРОШО ДЛЯ АМЕРИКИ...

Разочарование в абстрактных принципах и цинизм в отношении будущего Европы, культ стяжательства, распространение спенсеровской концепции “крайнего индивидуализма” на фоне стремительного погружения “спасенной” Европы в коллективистские эксперименты и классовые конфликты, культуру милитаристского сознания и тоталитаризма привели новых политических лидеров Америки, пришедших к власти после победы республиканцев в 1920 г., к судьбоносному решению – замкнуть страну на себя. Верх взяла линия на противопоставление “процветающей” Америки внешнему миру (в житейско-бытовом и в международно-правовом планах), отгородившись стеной из страхов, предубеждений, предрассудков и еврофобии, от “нежелательных” идей и неконтролируемого притока иммигрантов – их носителей. Двойная бухгалтерия в политике – один аршин для себя, другой – для “чужих” стала самым типичным проявлением почерка США в мировых делах. Новая волна ксенофобии сопровождала выработку концепции внешнеполитического изоляционизма, одной из своих граней обращенного к послевоенному “потерянному” поколению американцев, растерявшемуся

в условиях депрессии 1920–1921 гг., ошеломленного смутой в странах выжившего благодаря его поддержке мира. “Широко распространилась враждебность к иностранцам и иностранным идеям, — пишет Коммаджер, — вообще идеи как таковые стали чем-то подозрительным, противным истинному американизму”¹⁶⁴.

Закрывая свои границы — в прямом и переносном смысле, — Соединенные Штаты попытались отстоять естественные преимущества и благополучие общества, не затронутого разрушениями войны. В крестовом походе Вудро Вильсона с целью осчастливливания других народов путем приобщения их к социально-историческим ценностям американизма, воспитанная в духе культурной замкнутости традиционалистски настроенная Америка разглядела еще одну опасность уступки “подрывателям основ” и растворения неповторимой самости “первой новой нации” во всеобщей уравниловке и взаимозависимости, а главное, в возведенных в принцип перманентном территориальном переделе и социализации гражданского строя. Сбежать подальше от всего мира — такой по преимуществу была реакция американской глубинки, не принявшей абстрактный морализм Вильсона и прочих “умствований” либералов-интернационалистов.

Движение за “стопроцентный американизм” и негативизм по отношению ко всему происходящему во внешнем мире (в особенности по отношению к “европейскому Вавилону”) приняло довольно уродливые (с учетом обстоятельств времени и места) формы внешнеполитического изоляционизма и духовного фундаментализма. Оплот либерализма — Гарвардский университет — превратился в очаг ксенофобии и антисемитизма. Великий гуманист и пацифист Брайан предстал религиозным фанатиком, ярким противником естественнонаучного знания. Фигура, не менее приметная, У. Липпман — один из столпов нового либерализма — отказывается от интеллектуальной поддержки демократических низов (радикализм европейских масс, пестрой иммигрантской диаспоры и черных американцев, очевидно, напугал его, заставив задуматься над вопросом о векторе развития народных движений) и переходит на позиции элитарной теории демократии, передоверяющей управление обществом касте экспертов и ученых. Несмотря на критику со стороны левых и прогрессистов, липпмановская модель постепенно завоевывает популярность. Признаки активизации антинегритянского террора в лице Ку-клукс-клана, в сущности, также находились в этом ряду преображений в состоянии умов¹⁶⁵. Синклер Льюис находил, что в Соединенных Штатах господствовал взгляд на мир, поделенный на “белые нации” во главе с Америкой, и всеми остальными “ордами”, лишь имитирующими “нашу цивилизацию”¹⁶⁶. Приравненный к рангу национального достояния изоляционизм придавал этой жесткой житейской философии некую пикантность: глобальные притязания заокеанского колосса, как бы растворяясь в декларациях на тему незаинтересованности в делах остального мира, сохраняли свое реальное значение в

основополагающем принципе “свободы рук” для США¹⁶⁷, обладающих превосходящей всех мускульной силой – экономической и военной – и занимающих исключительно выгодное географическое положение¹⁶⁸.

Пропагандируемая прессой абсолютная самодостаточность граждан США легко переросла в националистическое самовосхваление. Литература, как американская, так и европейская, зафиксировала этот синдром эпохи во многих ярких зарисовках. Суммируя их смысловой контекст, историк Дэвид Кеннеди пишет: «Американцы почувствовали себя не просто удаленными от старого мира, но еще и отличными от него. Это различие для многих определило смысл и превосходство американской национальной идентичности. Вовлеченность в международные дела поэтому представлялось не только излишним, но и чем-то похуже этого. В ней содержалась опасность порчи национального характера. “Отрицание Европы, как сказал однажды новеллист Джон Дос Пассос, есть то, в чем выражается суть Америки”»¹⁶⁹.

Сознание превосходства, как полагали, дающее право на культурное отгораживание от неизлечимо больной Европы и всего остального мира, проистекало не столько из унаследованной от отцов-основателей веры в то, что счастье демократической Америки заключается в обособлении от Старого Света, обреченного на упадок и вырождение, сколько преимущественно из вполне осязаемых материальных предпосылок, в создании которых Первая мировая война имела особое значение. А. Тойнби высказался по данному вопросу так: “Полный переворот в отношениях Европы с Соединенными Штатами, происшедший с 1914 г., сообщает им новое измерение, ибо мировое движение с центром в Европе превратилось из центробежного в центростремительное. Соединенные Штаты, прежде чем оказаться в том состоянии, в котором они находились в 1914 г., были в течение трех столетий объектом излучения европейской энергии. Их население – более 100 млн человек – было создано живой силой Европы, а кривая миграции через Атлантику шла резко вверх до того самого года, когда разразилась Первая мировая война. Опять же развитие материальных ресурсов огромной территории Соединенных Штатов, сравнимой со всей Европой без российской части, зависело не просто от влияния европейской живой силы, но и от импорта европейских товаров и услуг. Положительный ток экономической циркуляции в форме эмигрантов, товаров и услуг в 1914 г. тек в сторону Соединенных Штатов; отрицательный ток в форме переводов выплаты процентов за товары и услуги, поставленные в кредит, тек в обратном направлении – из Соединенных Штатов в Европу. В результате двух войн направление тока изменилось на диаметрально противоположное”¹⁷⁰.

Современный исследователь внешней политики США Джон Гэддис подчеркивает, что, поднявшись на самую высокую ступень в рейтинге экономически наиболее развитых стран мира, Америка

(большинство ее граждан) не увидела серьезной пользы от сотрудничества в экономической сфере с остальным миром. Ни пойти на встречу с трудом выходящим из военной разрухи странам Европы, ни присоединиться к разработке мер перестройки мировых хозяйственных связей в США не пожелали. Особняком стояла лишь Германия, рассматриваемая в качестве ключевого фактора европейской стабильности. Гэддис пишет, что, по контрасту с другими странами, экспорт США между 1921 и 1940 г. оставался непропорционально очень низким, составляя только 4,2% от НВП¹⁷¹. Экономическому национализму полностью соответствовала тарифная политика. Начиная с 1922 г. и вплоть до 1930 г. правительство США непрерывно повышало протекционистские барьеры, стремясь оградить внутренний рынок от дешевых зарубежных (преимущественно – европейских) товаров, содействуя его монополизации американскими производителями и обеспечивая таким образом возрастание их прибылей. О последствиях мало кто задумывался, полагая, что процветающая, конкурентноспособная Европа не нужна для поддержания стабильно развивающегося мира, коль скоро он в лице США обрел надежный центр всеобщего притяжения.

Структуры, созданные Лигой наций с целью упорядочить отношения между странами и устранения угрозы войн, без всякого почтения были отнесены к категории бутафорского реквизита, только мешающего проявлению инициатив великих держав в деле наведения надлежащего порядка в мире при возникновении малейшей опасности. Едва утихло ликование по поводу победы союзников, такой случай представился в связи с быстро меняющейся ситуацией. Появление на политической карте большевистской России, обуреваемой желанием подставить плечо революциям в колониальном мире, и одновременно стремление Японии довершить дело с подчинением себе Китая (“двадцать одно требование”) и выйти за рамки, оговоренные ее соглашениями с США и странами Антанты, вынудили Вашингтон показать, кому на Дальнем Востоке принадлежит решающее слово. При этом Соединенные Штаты продемонстрировали неоспоримое преимущество сочетания экономических рычагов давления, продуманной стратегии морской мощи и умелой дипломатии перед обескровленными войной, конфликтующими друг с другом по любому поводу и зависимыми от благоволения США бывшими союзниками по Антанте, смертельно боявшимися поднимающего голову немецкого реванизизма, большевизма и нацелившейся на их азиатские владения Японии.

По инициативе Соединенных Штатов 12 ноября 1921 г. в Вашингтоне была созвана конференция девяти держав по ограничению морских вооружений, тихоокеанским и дальневосточным вопросам. Конференция длилась до 6 февраля 1922 г., а ее итогом были: договор о расторжении англо-японского союза, заключенного в 1902 г.; договор девяти держав о принципе “открытых дверей” в Ки-

тае; договор пяти держав об ограничении морских вооружений. Уже один этот перечень показывает, сколь крупные задачи брали на себя Соединенные Штаты, чтобы исправить итоги Первой мировой войны, “дописав” историю Версаля. Даже принимая во внимание признаваемый многими временный характер Вашингтонских решений, ненадежность поставленных под ними подписей представителей европейских стран, Японии и Китая, Соединенные Штаты добились значительного успеха. Во-первых, им удалось внедрить в сознание общественного мнения в странах Запада, что параллельно неэффективной Лиге наций возникла неформальная Ассоциация наций под эгидой США, дающая возможность решать сложные вопросы, не забалтывая их и не откладывая в долгий ящик. Во-вторых, сложилась (по крайней мере так могло показаться) новая форма сотрудничества великих держав, имевших интересы на Дальнем Востоке, способная превратиться в региональную организацию коллективной безопасности. США, используя свою превосходящую морскую мощь, как угодно долго могли играть в ней ключевую роль. И в-третьих, США добились очень важного результата, усадив за один стол европейские и дальневосточные державы: сбывались надежды совместными усилиями поставить преграду распространению большевизма в Азии. Другими словами, была взята еще одна важная ступенька на пути к установлению контроля над обширным Тихоокеанским регионом. Япония подтвердила свою управляемость.

Разрушительный эффект тарифных войн, инициированных США, для международной торговли, расстроенной войной, недооценивался. Политика и мораль, согласительные процедуры и социальная инженерия становились второстепенным делом по отношению к бизнесу. Позаботьтесь о бизнесе, и он позаботится о вас, о национальном благополучии Америки и ее мировом лидерстве. В “эпоху нормальности” (что означало отказ от новаций эпохи прогрессизма, откат назад) эта счастливая находка противников государственного дирижизма, ставшая паролем десятилетия, воплотилась в безоговорочной поддержке капитализма промышленных и финансовых олигархов. В гигантских корпорациях (из них 200 ведущих контролировали в 1929 г. половину промышленного потенциала США), их самоуправном хозяйничании и экспансии видели вернейшее средство продвижения национальных интересов США, возможность куда результативнее, чем с помощью морального крестового похода в духе Вильсона, добиться новых успехов в стратегии фронта. Гамильтоновский коммерческий меркантилизм, “реализм” во внешней политике без особых усилий одержал верх над вильсоновской доктриной “гуманитарного интервенционизма”¹⁷². (А.М. Шлезингер пользуется термином “сентиментальный империализм”).

Особенно интенсивно американские корпорации внедрялись в хозяйственную жизнь Латинской Америки, энергично выталкивая оттуда своих европейских конкурентов. Образованный в 1910 г. и

активизировавший свою работу с 1923 г. так называемый Панамериканский союз благодаря решающему голосу Соединенных Штатов превратился в нечто напоминающее филиал внешнеторговой службы США. Принимаемые им решения содействовали беспрепятственному проникновению американского капитала в страны Западного полушария. Повышенную активность проявляли нефтяные компании, буквально захватывающие целые территории и без особого труда изменявшие в свою пользу законодательство о недрах, тарифной и ценовой политике и т.д. Достаточно сказать, что на долю нефтяных магнатов США в 1929 г. приходилось 55% добычи венесуэльской нефти. Расчеты экономистов показывают, что под контролем нефтяных компаний США находилось 30 млн га земли Венесуэлы¹⁷³. “Стандард Ойл оф Нью-Джерси”, “Мексикан Галф компани” и другие гиганты играли ведущую роль в разработке нефтерождений и в других странах. И повсюду, имея за спиной поддержку госдепартамента и Белого дома, используя Панамериканский союз, они бесцеремонно вторгались во внутренние дела латиноамериканских стран, “избирали” президентов и меняли диктаторов.

Политическая история Мексики в 30-х годах в каждом своем звене несет все признаки присутствия “нефтяного пятна”. Сильнейшее недовольство прежде всего американских нефтяных компаний и правительства США принятием в Мексике “большевистской” конституции 1 мая 1917 г., объявлявшей недра государства принадлежностью народа, привело к тому, что США вплоть до 1923 г. отказывали Мексике в дипломатическом признании. Янки-нефтедобытчики (yankee petroлерos, как называли их в Мексике), используя локауты, вызывали рабочие волнения с целью оказания давления на мексиканское правительство, изменение его состава и социально-политического курса¹⁷⁴.

“Юнайтед фрут К^о” (ЮФК) и ряд горнорудных, табачных и сахарных компаний США фактически контролировали всю экономику и торговую инфраструктуру стран Центральной Америки, закрепляя за ними прижившийся и небезопасный брэнд – “банановые республики”, символ всеобщей коррупции, беззакония и нестабильности. Источник снабжения США дешевыми субтропическими фруктами по определению должен был функционировать бесперебойно. Когда в результате гражданской войны в Никарагуа в 1926 г. возникла угроза для существования этих компаний и американского присутствия в целом, страна была оккупирована вооруженными силами США¹⁷⁵. Вторжение в Никарагуа оставило кровавый след.

С 1919 г. крупный американский банковский и промышленный капитал предпринял наступление на позиции англичан, голландцев и множества мелких независимых компаний, энергично с начала века осваивавших богатейшие нефтяные месторождения Венесуэлы. Полем особо ожесточенных сражений стали нефтяные поля в районе озера Маракайбо. В этой войне все преимущества были на стороне

американских монополий. Одним из решающих факторов стало то, что вопрос “кто кого?” был поднят в США на самый высокий правительственный уровень. Известный американский журналист Харви О’Коннор так писал о выводах правительственных экспертов относительно нефтяных ресурсов США: “Они заявили, что пополнение нефтяных запасов Американской империи является приоритетным, с тем, чтобы подтвердить ее независимость в экономике, – в частности, в случае мирового конфликта. С этой точки зрения озеро Маракайбо – такая же часть Соединенных Штатов, как и нефтяные поля Восточного Техаса”¹⁷⁶.

Другого и быть не могло: множество высших государственных чиновников США в качестве владельцев нефтяных компаний и банковских домов задавали направление “нефтяной дипломатии”, выстраивая политику по образу и подобию преуспевающего и развивающегося финансово-промышленного холдинга – с организацией рекламной кампании, доведением до банкротства конкурентов, прямым давлением на законодателей и т.д. В сражении за венесуэльскую и колумбийскую нефть особая роль принадлежала министру финансов США Э. Меллону, министру торговли Г. Гуверу, министру юстиции Г. Догерти, государственному секретарю Ч. Хьюзу, министру внутренних дел А. Фоллу¹⁷⁷. Общими усилиями они добивались устранения главного препятствия для приватизации американскими корпорациями национальных сырьевых ресурсов латиноамериканских стран, их “мексиканизации”. Финансовые эмбарго, прямой подкуп чиновников и законодателей, политический шантаж – вот далеко не полный перечень приемов и средств, заставлявших латиноамериканских лидеров, и правой и левой ориентации, становиться управляемыми, уступчивыми, а главное – предпочесть могущественного северного соседа, а не европейских инвесторов¹⁷⁸.

В других регионах (и в самой Европе) американский финансово-промышленный капитал в лице крупнейших корпораций, банковских и торговых домов также успешно теснил европейских и японских конкурентов, не оставляя им шанса вернуть те позиции, которые некогда принадлежали владельцам всемирно известных брэндов из Старого Света¹⁷⁹. Восстановление германской тяжелой промышленности шло за счет и с помощью американских финансовых вливаний (план Дауэса и план Юнга), что позволило американцам наладить тесные связи с германскими концернами. Таким способом были созданы многообещающие анклав в центре индустриальной Европы. Ведущая американская нефтяная корпорация “Стандард Ойл оф Нью Джерси” – рокфеллеровский домен – установила прочные деловые отношения с могущественным химическим концерном послеверсальской Германии “И.Г. Фарбениндустри”. Президент “Стандард Ойл” Уолтер Тигль гордился приятельством с могущественным Германом Шмицем – президентом “И.Г. Фарбен”. Образованный в середине 20-х годов концерн “Америкен И.Г.”, дочерняя

фирма “Стандард Ойл оф Нью Джерси”, оказывала разностороннее влияние на реорганизацию германской экономики с ее ярко выраженным милитаристским уклоном. Самую существенную роль в этом процессе играли автомобильные империи Форда и “Дженерал моторс”, химические концерны “Дюпон” и “Юнион карбид и карбон”, электротехнический гигант “Дженерал электрик”, банкирский дом Моргана. Все они, поощряемые правительством США, становились донорами и партнерами германского крупного капитала. Не чувствуя себя связанными репрессивно-ограничительными статьями Версальского договора, американские корпорации и финансовые магнаты, во многих случаях оставляя без внимания опасения французов и англичан, посредством картельных соглашений становились совладельцами германской тяжелой и обрабатывающей промышленности, производства новых материалов и химической промышленности. Сближению и деловому сотрудничеству содействовало общее чувство антипатии к нелюбимой Версальской системе: в среде германских промышленных магнатов ее называли “политически мотивированной”. У обеих сторон руки оказались развязанными. Это означало, что по крайней мере часть военно-промышленного комплекса будущего “третьего рейха” создавалась при участии американского капитала. Общий размер американских инвестиций в Германии за 1924–1931 гг. исчислялся огромной цифрой, превышающей 2,6 млрд долл.¹⁸⁰

Германии (как некогда Японии) предстояло стать полем большого эксперимента в рамках неформального “плана Меллона”, негласной программы долларовой дипломатии, названного так в честь министра финансов в администрации республиканцев Гардинга и Кулиджа, миллионера, банкира и промышленника из Питтсбурга Эндрю Меллона. Ярче всего это проявилось в бесконечных дебатах, бывших в центре европейской политики в 20-х годах, по поводу военных долгов и репараций Германии. Реализуя преимущества страны-кредитора, Соединенные Штаты фактически присвоили себе право на урегулирование главного вопроса послевоенной политики, подключив к его решению своих “независимых” экспертов и финансистов. Не вступая в пререкания на правительственном уровне с бывшими партнерами по антигерманской коалиции, Вашингтон отделял репарационную проблему от проблемы признания военных долгов, которые, с точки зрения американцев, не могли быть уменьшены ни при каких обстоятельствах. Напротив, в США открыто выражали негативное отношение к репарационным планам, разработанным в Лондоне и Париже, считая их слишком тяжелыми для Германии и настаивая на приведении их в соответствие с “германской способностью расплатиться за нанесенный ущерб”. Политическое поражение Франции в результате авантюры с оккупацией Рура (1923) позволило США взять инициативу в деле восстановления германской экономики в свои руки.

Высказав свое намерение участвовать в комитетах экспертов по репарациям, США предложили зашедшим в тупик европейцам план, разработанный в 1924 г. видным чикагским банкиром Чарлзом Дауэсом и предусматривающий, в частности, предоставление частными банковскими домами (50% взял на себя “дом Моргана”) займов Германии, а главное, коммерциализацию и капитализацию германских репарационных долгов. План Дауэса в 1929 г. был скорректирован планом Юнга (по имени Оуэна Юнга, партнера Джона Пирпонта Моргана). Суть дела это не меняло. Не американское государство, а представители частного американского капитала определяли условия выплаты Германией репараций, получая которые, Англия, Франция и другие европейские страны расплачивались с США по военным долгам.

Личная, “неформальная” дипломатия американских и немецких банкиров на переговорах в Париже во время конференции весной 1929 г. о репарациях и долгах создала особую атмосферу, в которой оказалось возможным для германского представителя Ялмара Шахта, президента Рейхсбанка, поставить вопрос о ревизии территориальных и политических статей Версальского договора. Подталкивая немцев к принятию плана Юнга, его автор в частных беседах с тем же Шахтом делал многообещающие заявления о вполне допустимом пересмотре тех или иных “стесняющих” Германию статей Версальского договора, что в Берлине воспринимали как поощрение линии на ревизию Версальской системы и вынужденной для Веймарской республики политики “франко-германского понимания”. Вашингтону казалось, что он, восстанавливая равновесие сил в Европе, предотвращает сползание ее к новой войне.

План Юнга, принятый на Гаагской конференции в августе 1929 г., Соединенные Штаты могли записать в перечень достижений своей дипломатической стратегии. Формально оставаясь в стороне от европейских дел, они решающим образом влияли на складывание новой, послеверсальской конфигурации системы отношений между ведущими державами континента. Уходило в прошлое доминирование Франции, вынужденной согласиться на прекращение оккупации Рейнской области. Резко возросла роль Германии, обязанной своим экономическим возрождением и дипломатическим урегулированием своих споров с Францией и Англией Америке¹⁸¹. Используя механизмы плана Дауэса, финансово-промышленный капитал США добился высокой степени интеграции с фактически зависимой от него экономикой Германии.

Идеология американской корпоративной системы и маскультуры, легко проникающей через охраняемые и неохраняемые границы других государств так, как ее понимали президенты-республиканцы – У. Гардинг (1920–1923), К. Кулидж (1923–1929) и Г. Гувер (1929–1933), – отнюдь не исчерпывалась культом крайнего индивидуализма, свободной конкуренции и антистейтизма. Все они смотре-

ли на внешнюю политику почти исключительно сквозь призму национально-эгоистических устремлений, будучи уверенными, как и большинство американцев, что попытки Вильсона породнить международную политику с идеализмом и новыми этическими принципами мирового сообщества провалились. Но каждый из них мог бы подписаться под теми в патетической форме выраженными Вильсоном восхвалениями абсолютного и недостижимого превосходства и величия Америки во всех без исключения сферах человеческой деятельности – от экономики до музыки и кино, – обеспечивающих ей неотъемлемое моральное право владеть командными позициями в мире. Присутствие и в том и в другом случае комплекса американской правоты уравнивало фактически идеалистов (мечтателей и филантропов) и реалистов (уповающих на силу и рационализм), их подходы к целеполаганию во внешней политике. Их критерии в оценке исторической обоснованности генерального проекта (что хорошо для Америки, хорошо для остального мира) совпадали.

Где расхождение давало себя знать очень заметно, так это в той сфере правительственной деятельности, которая напрямую была связана с наращиванием темпа экономического потенциала нации, модернизацией ее индустриальной базы, научно-технического и человеческого ресурса. Отвергнув социальный крен правительств “Прогрессивной эры”, их принцип социально ответственного государства, практику “рестрикционного” законодательства, республиканцы новой формации (новой эры) сделали ставку на гений топ-менеджеров корпораций, полностью передоверив им выбор рациональной модели рыночных отношений, способов управления производством и установление режима труда, условий найма. Достижения прогрессизма подвергались уничтожению.

Конгресс перестал отражать интересы групп населения, занимавших нижние этажи социальной пирамиды, и переключился на обслуживание бизнес-сообщества. Все внимание было приковано к великому эксперименту создания “капитализма всеобщего благополучия”. Корпорации поощряли тотальное внедрение так называемых научных методов повышения результативности производства, рационализацию труда и мониторинг поведения наемных работников (фордизм, система Тэйлора, система Мэйо и т.д.)¹⁸². Широко распространенное мнение о служении бизнеса обществу серьезно ослабило критику олигархов, позволив им буквально в кратчайшее время восстановить их имидж ревнителей всеобщего блага. Роль независимых профсоюзов была низведена к минимуму, сами они, катастрофически теряя в численности, начинали воспринимать как должное уверения в собственной ограниченной полезности и даже непатриотичности организованного рабочего движения¹⁸³. Поражение на президентских выборах 1924 г. рабоче-фермерской, прогрессистской коалиции во главе с сенатором Р. Лафоллетом-ст. символизировало победу политэкономии

крупных собственников, капитализма индустриально-финансовых олигархов и топ-менеджеров.

Сложившиеся в мире после окончания Первой мировой войны уникально благоприятные условия, равно как и созданные республиканскими администрациями особые льготы для ничем неограниченной предпринимательской инициативы, интенсивное внедрение технологических новшеств и не в последнюю очередь положительные результаты новых методов управления производством, изменившие облик целых отраслей американской промышленности, помогли Соединенным Штатам сравнительно легко преодолеть тяготы послевоенного экономического кризиса (1920–1921) и реконверсии и выйти на показатели экономического роста, о которых не могли даже мечтать европейские конкуренты Америки. Она первая проложила путь к массовому производству и культуре массового потребления. Десятилетие 20-х годов вывело США по этому важному показателю новой экономики на такие позиции, когда уже никто не мог их “сбросить с вершины горы”. Весь остальной мир оказался у ее подножия.

Наиболее ярко это проявилось в автомобильной промышленности – подлинном детище второй индустриальной революции. С 1919 по 1929 г. число сошедших с конвейеров автомашин в США выросло с 7 млн до 23 млн. На заводах Форда автомашина “вставала на дорогу” каждые 10 секунд. В 1929 г. каждый пятый американец стал счастливым владельцем автомобиля. Автомобильная революция могла служить показателем последовательного роста потребительских возможностей населения страны. Если в 1900 г. автомобиль оставался роскошью и был доступен немногим (в этом году удалось продать всего 4 тыс. автомобилей), то в 1929 г. в Америке насчитывалось 26 млн автомобилей, а продано было 5 млн единиц. Благодаря внедрению новой технологии и снижению цен на автомобили (что являлось политикой Генри Форда) американский рабочий в конце 20-х годов мог приобрести автомобиль за треть своей месячной зарплаты. До Первой мировой войны он должен был отдать за этот же автомобиль двухгодичный заработок¹⁸⁴. Форд инициировал ряд программ с целью, как говорилось, повышения уровня жизни рабочих на предприятиях компании до уровня среднего класса¹⁸⁵. “Фордизм” (или “новый капитализм” по-американски) превратился в явление международного значения. В нем видели прообраз будущего той индустриальной эры, начало которой совпало с созданием автомобильных империй Форда и “Дженерал моторс”.

Достижения в других отраслях промышленного производства, выраженные как в абсолютных цифрах, так и в общей культуре, были не менее впечатляющими на фоне едва-едва приближавшейся к довоенному уровню европейской экономики. Лишь в 1929 г.¹⁸⁶ Германия с помощью американских вливаний повысила на 13% довоенный объем промышленной продукции, экономика же Англии и

Франции находилась в состоянии стагнации, прерываемой спадами в 1924 и 1927 гг. Тотальное техническое переоснащение американской промышленности, обновление ее основных фондов, внедрение новейших научных достижений (в том числе, в организацию и условия труда на производстве) привели к таким результатам, о которых во всех остальных странах принято было говорить как об экономическом чуде¹⁸⁷. Только с 1923 по 1929 г. выплавка стали в США возросла с 49 млн до 61,7 млн тонн, добыча нефти – с 732 млн до 1007 млн баррелей, а производство электроэнергии – с 71,4 млрд до 116,7 млрд квт.ч. В целом же по сравнению с довоенным уровнем промышленное производство США увеличилось к концу 20-х годов на 72%¹⁸⁸. Ускоренными темпами развивались новые отрасли промышленности: электротехническая, химическая, радиопромышленность, самолетостроение. Стремительным был рост энерговооруженности американской индустрии: в 1929 г. 70% промышленного производства США использовало электроэнергию¹⁸⁹. Ни одна страна на индустриальном Западе не могла похвастаться такой мускульной силой, наращивание которой шло за счет вступающих в строй все новых и новых электростанций, в том числе гидроэлектростанций.

Не только динамо-машина оказалась мощным ускорителем индустриального прогресса в США, его мерой стало также интенсивное приращение знаний, прежде всего прикладных, но также и фундаментальных. Их экспоненциальный рост был едва ли не самым заметным явлением американской жизни, университеты приумножали свой научный потенциал, в том числе и за счет притока эмигрантов-ученых. Во многих отраслях теоретической и прикладной науки были осуществлены прорывы, которым сопутствовали большие и малые революции в области транспорта, связи, наращивания продовольственных ресурсов, здравоохранения и т.д. К этому следует добавить особые достижения в налаживании систем распространения научной и технической информации, расширение корпорациями производственных исследований и разработок. Повышался уровень образования населения, чему способствовал взятый в стране курс на обеспечение каждого ребенка школьными знаниями. К 1930 г. фактически все дети и подростки в стране были охвачены школьным обучением. Созданная сеть технических училищ не имела себе равных в мире. Заметно увеличилось число высших учебных заведений. США явно опережали западноевропейские страны в создании широкой системы распространения и имплантации научно-технических знаний. Традиция паломничества американцев в европейские университеты затухала сама собой. Более того – наблюдался обратный процесс¹⁹⁰.

Непрерывное внедрение технологических новшеств, рационализация и совершенствование организации труда и системы управления на производстве, практика разного рода поощрений за эффективный труд и снятия психологической нагрузки и т.д. в условиях

ужесточения трудовой дисциплины – все это привело к беспрецедентному росту производительности труда, в первую очередь в новых отраслях массового производства. За десятилетие, окончившееся в 1929 г., выработка на каждого рабочего выросла на 43%¹⁹¹. На этой базе, несмотря на сохранение относительно высокого уровня цен, заметно выросли доходы семей, заработки рабочих, транспортников, многочисленного персонала торговых заведений, коммунальных служб и т.д. Исследовавший тенденции в области производительности труда Дж.У. Кендрик констатировал, что если в 1889–1919 гг. выпуск продукции в расчете на человеко-час рос со средним темпом 1,6% в год, то в 1919–1957 гг. – 2,3%, и сделал следующий вывод: одна из важных причин такого роста – повышение уровня образования менеджеров и создание стройной системы научной информации¹⁹².

Дэвид Кеннеди пишет: “Для рабочих на промышленных предприятиях процветание казалось явлением удивительным, хотя и вполне осязаемым. Они получали зарплату, которую они никогда не имели в прошлом, перед их глазами предстал поражающий разнообразием выбор новых товаров, ждущих только того, чтобы люди потратили на них заработанные деньги: не только автомобили и консервированные продукты питания, а еще и стиральные машины, холодильники, синтетические ткани, телефоны, произведения кинематографа (после 1927 г. – звукового) и, наряду с автомобилем, самое революционное новое технологическое достижение – радио”¹⁹³. В целом было положено начало созданию развитого потребительского общества – могучего оружия (через товары, индустрию досуга, услуги, рекламу, продукцию масс-культуры и т.д.), продвижения “американизма” в любые страны и его воздействия на любые структуры (в том числе, традиционные, глубоко консервативные, инертные). Политики “новой эры” обнаружили в культуре потребительства и укоренения ее повсеместно с помощью целенаправленной рекламы (благопристойного обмана, как называет ее Джон Гэлбрейт)¹⁹⁴ более эффективное средство, чем все усилия вильсонизма, направленные на преобразование “пригодного для демократии” мира, апеллируя к договорам, посредничеству и принципу “служения человечеству”.

Фордовская “модель Т”, продукция голливудской фабрики грез и приключений, джаз и стиль рэгтайм придали формуле “подвижной границы” поистине планетарный характер. Многим хотелось верить, что “новый капитализм” снимает все проблемы, унаследованные от прошлого, превращая США в страну изобилия и социального мира, локомотив мирового прогресса.

¹ См.: *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. Исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000. С. 9–11. Примечательно, что другой выдающийся русский ученый, В.И. Вернадский, в 1927 г. примерно в тех же выражениях писал о США как о стране, “куда быстро переносится центр человеческого творчества” (цит. по: *Болховитинов Н.Н.* Теория евразийства и многотомная история России Г.В. Вернадского // *Scripta Gregoriana*. Сб. в честь семидесятилетия Г.М. Бонгард-Левина. М., 2003. С. 376).

² Там же. С. 538, 539.

³ *Токвиль А. де.* Демократия в Америке. М., 2000. С. 295, 296. Можно также отметить, что тему сходства двух стран затрагивает в своей книге “Россия и Соединенные Штаты” и П.А. Сорокин (*Sorokin P.A.* Russia and the United States. N.Y., 1944).

⁴ Цит. по: *Кожин В.* Пророк в своем отечестве: Федор Тютчев. М., 2002. С. 418.

⁵ Логическое следствие рассуждений о самобытности пути и сохранении патриархальной России – усиление в экономических кругах страны позиций традиционалистов, сторонников исключительно аграрного развития. Противник такой точки зрения С.И. Рагозин писал в 1898 г., что “ее пропагандисты видят в России, аграрной стране житницу Европы... т.е. считают ее своего рода колонией для Европы точно такой же, какими являются Индия и Канада для Англии” (цит. по: *McCaffray S.P.* The Politics of Industrialization in Zsarist Russia. De Kalb, 1996. P. 59). В конце-концов и в этом не было ничего удивительного. В Америке джефферсонянцы долго благоговели перед моделью аграрного развития, видя в ней идеал демократии и способ слияния человека с природой.

⁶ *Chambers H J.W.* The Tyranny of Change: America in the Progressive Era, 1890–1920. N. Y., 1992. P. 19.

⁷ Для гостей из России, приехавших в США ознакомиться с достижениями научно-технического прогресса, здесь прежде всего восхищал, вызвав зависть, статус ученого, инженера и изобретателя. Ректор Харьковского технологического института В.Л. Кирпичев, побывавший на Всемирной Колумбийской выставке в Чикаго, устроенной в ознаменование четырехсотлетия открытия Америки в 1893 г., писал в отчете: “Америка есть по преимуществу страна изобретений, в ней беспрестанно появляются новые конструкции; все наперебой занимаются улучшением приемов производства, машин, аппаратов. Успешность такого общего стремления к усовершенствованию существующего происходит вследствие того, что в Америке есть большая потребность в технике, в улучшениях и изобретениях” (*Кирпичев В.Л.* Отчет о командировке в Северную Америку. СПб., 1895. С. 68).

⁸ *Saul N.E.* Concord and Conflict. The United States and Russia, 1865–1914. Lawrence (Kan.), 1996. P. 529–557.

⁹ *Chambers H J.W.* Op. cit. P. 77.

¹⁰ См.: *Фурсенко А.А.* Нефтяные тресты и мировая политика, 1880-е годы – 1918 г. М.; Л., 1965. С. 6; см. также чрезвычайно информативную работу: *Jergin D.* The Prige: The Epic Quest for Oil, Money, and Power. N.Y., 1991.

¹¹ *Saul N.E.* Op. cit. P. 454, 455. Показательна в той же связи опубликованная переписка между наместником на Дальнем Востоке Е.И. Алексеевым, министром иностранных дел В.Н. Ламздорфом и другими о возможной продаже Россией Америке о-ва Сахалин в разгар русско-японской войны (см.: Россия XX век. Документы. Россия и США: дипломатические отношения 1900–1917 / Ред. Г.Н. Севостьянов, Дж. Хэзлем. М., 1999. С. 79–85).

¹² *Шлезингер А.М.* Циклы американской истории. М., 1992. С. 191.

¹³ См.: *Иголкин А.А.* Загадка русской нефти // Россия – XXI век. 1997. № 1/2. С. 45; см. также: *Randall S.J.* United States Foreign Oil Policy, 1919–1948: For Profits and Security. Kingston, 1985.

¹⁴ *Дьяконова И.А.* Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях // Экономическая история: Исследования. Историография. Полемика. М., 1992. С. 137.

¹⁵ *Фурсенко А.А.* Указ. соч. С. 234–236; *Saul N.E.* Op. cit. P. 435.

¹⁶ *Саломатин А.Ю.* Формирование индустриального общества. США в последней трети XIX века. Пенза, 1997. Ч. 1. С. 131–155.

¹⁷ *Фурсенко А.А.* Указ соч. С. 189; *Nearing S., Freeman J.* Dollar Diplomacy: A Study of American Imperialism. N.Y., 1925. P. 11, 12.

¹⁸ *Chambers H.J.W.* Op. cit. P. 77.

¹⁹ См.: *Зубок Л.И.* Экспансионистская политика США в начале XX в. М., 1969. С. 17.

²⁰ *White D.W.* The American Century. The Rise and Decline of the United States as a World Power. New Haven; L., 1996. P. 3, 4; см. также: *Hofstadter R.* Social Darwinism in American Thought, 1860–1915. Philadelphia, 1944; *Pratt J.W.* Expansionists of 1898: The Acquisition of Hawaii and the Spanish Islands. Baltimore, 1936.

²¹ *Милюков П.Н.* Очерки истории исторической науки. М., 2002. С. 419.

²² Подробнее об этом см.: *Павловская А.В.* Россия и Америка: Проблемы общения культур. Россия глазами американцев 1850–1880-е годы. М., 1998.

²³ На это обстоятельство указывал П.Б. Струве, вкладывая позитивный смысл в то, что он называл “завоевательным национализмом” англосаксонского типа, который, по его словам, был свидетельством силы и здоровья большой нации (*Струве П.Б.* Patriotic. Россия. Родина. Чужбина. СПб., 2000. С. 95–97).

²⁴ *Mead W.R.* The Jacksonian Tradition and American Foreign Policy // National Interest. Winter 1999/2000. № 58. P. 6; *Струве П.Б.* Указ. соч. С. 95.

²⁵ Сборник из 85 статей, написанных А. Гамильтоном, Дж. Мэдисоном и Дж. Джеем и опубликованных сначала в нью-йоркской газете за подписью Publius в 1787 и 1788 гг.

²⁶ *Шлезингер А.М.* Указ. соч. С. 188. Справедливость вывода Шлезингера относительно “цельного видения империи” у отцов-основателей подтверждают уроки внешнеполитического реализма, преподанные Александром Гамильтоном американцам в 1796 г. посредством созданного им серийного издания “Камиллуса”. В одном из его выпусков, призывая соотечественников трезво оценивать соотношение сил США и Англии, он безоговорочно отнес свою страну к числу слабых государств, но одновременно просил воспринимать это состояние как временное. “Мы относимся к этому последнему разряду (экономически отсталых стран. – В.М.), – писал он, – хотя и являемся зародышем великой империи” (цит. по: *Печатнов В.О.* Гамильтон и Джеффер-

сон. М., 1984. С. 233). Ближайшими задачами Гамильтон считал подрыв испанской колониальной империи, захват Луизианы и Флориды, а затем и установление господства над всем Западным полушарием.

²⁷ Майроф Б. Лики демократии. Американские лидеры: герои, аристократы, диссиденты, демократы. М., 2000. С. 66.

²⁸ См.: "Федералист": Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Медисона и Джона Джея. М., 1993. С. 86.

²⁹ Записки императрицы Екатерины Второй (репринт, 1907). М., 1989. С. 644.

³⁰ См.: Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. М., 1990. С. 149. Признавая особую роль Америки в мировых делах, представители российской интеллектуальной элиты самых разных направлений пытались предсказать ее великое будущее. Довольно типичным было высказывание А.И. Герцена (1850) в главе XI "Былого и дум": "Америка – я ее очень уважаю, верю, что она призвана к великому будущему, знаю, что она теперь вдвое ближе к Европе..." (Герцен А.И. Былое и думы. М., 1962. Ч. 5–8. С. 31). Интересна мысль Герцена о том, что Америка "не приняла оседлости". Н.Я. Данилевский также полагал, что США совместно с Россией могут благотворно влиять на мировые дела, положив "основание истинному мировому равновесию" (Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2003. С. 458).

³¹ Turner F.J. The Frontier in American History. N.Y., 1921; Hofstadter R., Lipset S.M. Turner and the Sociology of the Frontier. N.Y., 1968. Для понимания сути проблемы "границы" и окружающей ее интеллектуальной истории свое значение сохраняет работа Н.Н. Болховитинова "Западные земли и развитие капитализма" (см.: Болховитинов Н.Н. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980. С. 301–388). Оригинальную трактовку вопроса предложил известный американский историк Говард Кушнер (см.: Кушнер Г. Постоянство "идей границы" в американской мысли // Американский ежегодник, 1992. М., 1993. С. 136–151).

³² Литературная история Соединенных Штатов Америки: В 3 т. / Отв. ред. Р. Спиллер, У. Торп и др. М., 1977–1979. Т. III. С. 19.

³³ Weinberg A.K. Manifest Destiny. Baltimore, 1935; De Voto B. The Course of Empire. Boston, 1952.

³⁴ Graebner N. Empire in the Pacific. N.Y., 1955. Пользующийся заслуженной популярностью в США романист Лэрри Макмертри писал, что "покорение Запада было актом, основанным на мечте об империи", и, следовательно, непременно должно было иметь продолжение (Макмертри Л. Покорение Запада: Ретроспекция // Диалог – США. 1991. № 48. С. 37). Это стало призванием тех самых реалистов, которые пришли на смену первопроходцам-романтикам и которые не допускали, чтобы Запад был утрачен вместе с разорением мелких скотоводов, поставлявших свою продукцию в городские предместья.

³⁵ Smith H.N. Virgin Land. The American West as Symbol and Myth. Cambridge, 1950.

³⁶ Печатнов В.О. Указ. соч. С. 301.

³⁷ Tucker R., Hendrickson D. Empire of Liberty: The Statecraft of Thomas Jefferson. N.Y., 1990.

³⁸ Печатнов В.О. Указ. соч. С. 302; Демиховский М.В. Экспансия США на Запад // Американский экспансионизм: Новое время / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 1985. С. 70.

³⁹ Weeks W.E. John Quincy Adams. "Great Gun" and the Rhetoric of American Empire // *Diplomatic History*. Winter 1990. Vol. 14. № 1. P. 25–42. В своей новой книге известный американский историк А. Стефансон находит, что "джефферсонский эпизод" в политической истории США был поворотным пунктом в развитии американского национализма. Аграрный интерес, пишет он, в качестве цементирующего начала "империи справедливости" делал территориальную экспансию и конфронтацию с европейскими державами неизбежными (*Stephanson A. Manifest Destiny: American Expansionism and the Empire of Right*. N.Y., 1995. P. 21).

⁴⁰ Россия, катастрофически отставая по многим показателям экономического развития от Запада, в 1861 г. производила зерна больше, чем любая другая страна мира (см.: *Gregory P.R. Russian Economic History. What We Know and Do Not Know // An Economic Appraisal*. June 1995. Prepared for the Conference on Russian and U.S. Economic History in Transition, held at Moscow State University on 23–25th June 1995. P. 9). Экспортные возможности сельского хозяйства России оставались высокими и накануне Первой мировой войны. По сборам зерновых культур она находилась тогда на втором месте в мире (см.: *Ден В.Э. Положение России в мировом хозяйстве: Анализ русского экспорта до войны*. Пг., 1922).

⁴¹ *Дементьев И.П.* Идеинная борьба в США по вопросам экспансии: (На рубеже XIX–XX вв.). М., 1973.

⁴² *Noer Th.J.* Briton, Boer, and Yankee: The United States and South Africa, 1870–1914. Kent, 1979.

⁴³ *Gilpin W.* The Central Gold Region: The Grain, Pastoral and Gold Regions of North America. Philadelphia; St. Louis, 1860.

⁴⁴ *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски. С. 143–166, 252.

⁴⁵ Джон Куинси Адамс (1767–1848) был первым посланником США в России и шестым президентом США.

⁴⁶ *Аленко А.В.* К вопросу об американских проектах железнодорожного строительства в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке во второй половине XIX–XX вв. // *Americana*. Волгоград, 1998. Вып. 2. С. 112–117; The Works of William H. Seward / Ed. by G.E. Baker. N.Y., 1853–1884. Vol. 1–5.

⁴⁷ *Vevier Ch.* American Continentalism: An Idea of Expansion, 1845–1910 // *American Historical Review*. 1960. Vol. LXV. Jan. № 2. P. 331.

⁴⁸ В разных вариациях многие американские государственные деятели и дипломаты на протяжении трех-четырех десятилетий после Гражданской войны воспроизводили аргументацию Сьюарда, слегка подправляя или развивая ее в зависимости от обстоятельств времени и места (см., например: *Moore J.B.* Four Phases of American Development. Federalism, Democracy, Imperialism, Expansion. Baltimore, 1912). Деятельность государственных секретарей США Джеймса Г. Блейна (1880–1884) и Джона Хэя (1898–1903), популярных политиков, с именем которых была связана вся история республиканской партии на рубеже XIX–XX вв. очень характерна. Оба они самым решительным образом поддерживали курс Сьюарда, несмотря на критику антиимпериалистов (см.: *Фонер Ф.* Испано-кубино-американская война и рождение американского империализма, 1895–1902. М., 1977. Т. 1–2).

⁴⁹ См.: *Куропятник Г.П.* Захват Гавайских островов США. М., 1958; *Bailey Th.A.* A Diplomatic History of the American People. N.Y., 1946; *Billington R.A.* Westward Expansion: A History of the American Frontier. N.Y.,

1949; *Dulles F.R.* America's Rise to World Power, 1898–1954. N.Y., 1954; *Fischer L.* Empire. N.Y., 1943; *Hannigan R.E.* The New World Power: American Foreign Policy, 1898–1917. Philadelphia, 2002.

⁵⁰ *Перкинс Б.* Парус и призма // Американский ежегодник, 1992. М., 1993. С. 53.

⁵⁴ Цит. по: США: политическая мысль и история / Отв. ред. Н.Н. Яковлев. М., 1976. С. 61.

⁵² *Малашенко И.Е.* Эволюция внешнеполитических ориентаций в американском массовом сознании // Проблемы американистики / Отв. ред. Е.Ф. Язьков. М., 1987. Вып. 5. С. 273–292.

⁵³ См.: *Болховитинов Н.Н.* Доктрина Монро: Происхождение и характер. М., 1959. Теоретические вопросы этой темы см.: *Mead W.R.* The Jacksonian Tradition and American Foreign Policy; *Huntington S.P.* Robust Nationalism // *National Interest*. Winter 1999/2000. N 58. P. 5–40.

⁵⁴ Цит. по: *Перкинс Б.* Указ соч. С. 54.

⁵⁵ *Emerson R.W.* The Complete Works of Emerson. L., 1875. Vol. II. P. 306.

⁵⁶ См.: *Мендельсон М.* Жизнь и творчество Уитмена. М., 1969. С. 246, 257, 267.

⁵⁷ *Твен М.* Избр. романы: В 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 195–479; см. также: *Фонер Ф.* Марк Твен – социальный критик. М., 1961. С. 136, 137, 139.

⁵⁸ См. *Твен М.* Собр. соч. М., 1961. Т. 12. С. 309, 310, 480, 482, 486–494.

⁵⁹ *Керти М.* Литература идей // Литературная история Соединенных Штатов Америки. Т. III. С. 53.

⁶⁶ О Джоне Фiske см.: *Паррингтон В.Л.* Основные течения американской мысли. М., 1963. Т. III. С. 264–273; *Дементьев И.П.* Идеиная борьба в США... С. 71–81; *он же.* Формирование идеологии империалистической экспансии на рубеже XIX–XX веков // Американский экспансионизм: Новое время. С. 134–155.

⁶¹ *Паррингтон В.Л.* Указ. соч. С. 264, 273.

⁶² *Fiske J.* American Political Ideas: Viewed from the Standpoint of Universal History. N.Y., 1885. P. 152.

⁶³ *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 423.

⁶⁴ *Heald M., Kaplan L.S.* Culture and Diplomacy. Westport (Conn.), 1977; *Hunt M.H.* Ideology and U.S. Foreign Policy. N.Y., 1987.

⁶⁵ *Berman M.* John Fiske. The Evolution of a Popularizer. N.Y., 1961.

⁶⁶ *Вильямс В.Э.* Трагедия американской дипломатии. М., 1960. С. 229.

⁶⁷ *Mahan A.* The Influence of Sea Power upon History: 1660–1783. Boston, 1890. О Мэхэне подробнее см.: *Дементьев И.П.* Идеиная борьба в США... С. 119–151; *Полетика Н.П.* Предисл. // Мэхэн А. Влияние морской силы на историю (1660–1783). М.; Л., 1941; США: политическая мысль и история. С. 86–91; *Livezey W.E.* Mahan on Sea Power. Norman, 1947.

⁶⁸ *Roosevelt Th.* Letters of Theodore Roosevelt. 8 Vol. / Ed. by Elting E.E. Morison. Cambridge (Mass.), 1951–1954. Vol. 1. P. 741.

⁶⁹ *Mahan A.* The Influence of America as Sea Power. Present and Future. Boston, 1897; *Idem.* The Problem of Asia. N.Y., 1900.

⁷⁰ *Thompson J.A.* The Exaggeration of American Vulnerability: The Anatomy of a Tradition // *Diplomatic History*. Winter 1992. Vol. 16. N 1. P. 25.

⁷¹ *Vevier Ch.* Brooks Adams and the Ambivalence of American Foreign Policy // *World Affairs Quarterly*. April 1959. N XX. P. 3–18; о разработке “азиатской темы” в трудах ранних американских геополитиков см.: *Мурадян А.А.* Аме-

риканская историография тихоокеанской политики США в XIX веке. М., 1975. С. 35–51.

⁷² *Adams B.* America's Economic Supremacy. N.Y., 1900. P. 12, 13, 25, 190, 196. Эта книга была написана под непосредственным впечатлением от успеха всемирной выставки в Чикаго в 1893 г., на которой США блистали каскадом научно-технических достижений.

⁷³ См.: *Шелдон Г.* Политическая философия Томаса Джефферсона. М., 1996. С. 111.

⁷⁴ *Pratt J.* The Large Policy of 1898 // *Mississippi Valley Historical Review*. August 1932. P. 233, 229–230; *Beringhouse A.* Brooks Adams. N.Y., 1955.

⁷⁵ “Строгое соблюдение того, что записано в законе, есть, без сомнения, одна из высших обязанностей хорошего гражданина, – писал Т. Джефферсон, – но не самая высокая. Законы необходимости, самосохранения, спасения нашей страны от угрожающей ей опасности – вот высший долг. Потерять нашу страну из-за скрупулезного следования букве закона значило бы потерять сам закон, а вместе с ним – жизнь, свободу, собственность и всех тех, кто обладал ими вместе с вами. Таким образом, абсурдно жертвовать целью ради средств” (*Melone D.* Jefferson and His Time: Jefferson the President. First Term. Boston, 1970. Vol. 4. P. 112).

⁷⁶ *Chambers H.J.W.* To Raise an Army. The Draft Comes to Modern America. N.Y.; L., 1987. P. 77.

⁷⁷ *Beale H.K.* Theodore Roosevelt and the Rise of America to World Power. Baltimore, 1959; *Bishop J.B.* Theodore Roosevelt and His Time. N.Y., 1930. Vol. 1–2; *Белянская И.А.* Теодор Рузвельт и общественно-политическая жизнь США. М., 1978; *Blum J.M.* The Republican Roosevelt. Cambridge (Mass.), 1977; *Collin R.H.* Theodore Roosevelt: Culture, Diplomacy and Expansionism. Baton Rouge, 1985; *Miller N.* Theodore Roosevelt: A Life. N.Y., 1992.

⁷⁸ *Roosevelt Th.* The Winning of the West: An Account of the Exploitation and Settlement of Our Country from the Alleghenies to the Pacific. N.Y., 1926. Vol. 1–2.

⁷⁹ Цит. по: *White D.W.* The American Century. The Rise and Decline of the United States as a World Power. New Haven; L., 1996. P. 4.

⁸⁰ Цит. по: *Miller N.* Op. cit. P. 254, 255.

⁸¹ *Beale H.K.* Op. cit. P. 173.

⁸² Тема появления и оформления имперских планов США разработана в превосходной кн.: *La Feber W.* The New Empire: An Interpretation of American Expansion, 1860–1898. Ithaca, 1963; историографические аспекты проблемы см.: *Crapol E.P.* Coming to Terms with Empire: The Historiography of Late-Nineteenth Century American Foreign Relations // *Diplomatic History*. Fall 1922. Vol. 16. N 4. P. 573–597.

⁸³ *The Letters of Theodore Roosevelt*. Vol. 1–8 / Ed. by E.E. Morison, J.M. Blum. Cambridge (Mass.), 1951–1954. Vol. 5. P. 345–346.

⁸⁴ Когда Т. Рузвельт в 1901 г. стал президентом, США были пятыми среди морских держав. В 1907 г. они имели 20 построенных на собственных верфях дредноутов. США приступили к созданию военно-морских баз.

⁸⁵ *Roberts P.* The Anglo-American Theme: American Visions of an Atlantic Alliance, 1914–1933 // *Diplomatic History*. Summer 1997. Vol. 21. N 3. P. 344.

⁸⁶ *Ibid.* P. 218.

⁸⁷ См.: *Согрин В.В.* Политическая история США XVII–XX вв. М., 2001. С. 199, 200.

⁸⁸ Харц Л. Либеральная традиция в Америке. М., 1993. С. 272.

⁸⁹ Kolko G. Politics of War: The World and United States Foreign Policy, 1943–1945. N. Y., 1968. P. 265.

⁹⁰ Miller N. Op. cit. P. 385.

⁹¹ Очень близкий Т. Рузвельту по духу сенатор Г. Лодж говорил: “У великой нации должны быть и великие обязанности. Это – одно из наказаний статуса великой державы. Но все выгоды, отсюда вытекающие, идут рука об руку с тем бременем, которое она несет. Если такая страна пытается уклониться от этого бремени, то она утратит и все выгоды” (цит. по: США: политическая мысль и история / Отв. ред. Н.Н. Яковлев. М., 1976. С. 103).

⁹² В момент глобального кризиса, озаменованного началом Первой мировой войны, Т. Рузвельт уточнил возможности применения Соединенными Штатами насильственных методов в разрешении международных конфликтов. Предпочтение в ряде чрезвычайных случаев, по его словам, следовало отдавать не миротворчеству, а принуждению к миру, не заботясь о последствиях, человеческих жертвах и моральных издержках. Он говорил в декабре 1914 г.: “Если я должен выбирать между политикой крови и железа и политикой молока и воды... то я выбираю политику крови и железа. Это лучше не только для нашей страны, но и в конечном счете для всего мира” (цит. по: Chambers II J.W. To Raise an Army. P. 136). Как это должно было совмещаться с им же провозглашенным принципом обязательного сохранения верности этическим нормам, Т. Рузвельт не пояснял.

⁹³ Perkins B. The Great Rapprochement: England and the United States, 1895–1914. N.Y., 1968.

⁹⁴ Spring Rice C. The Letters of Sir Cecil Spring Rice / Ed. by S. Gwynn. Boston, 1929. Miller N. Op. cit. P. 388.

⁹⁵ Abbott J.F. Japanese Expansion and American Policies. N.Y., 1916. P. 57.

⁹⁶ Gaddis J.L. We Now Know. Rethinking Cold War History. N. Y., 1997. P. 3.

⁹⁷ Burns E.M. The American Idea of Mission. Concept of National Purpose and Destiny. New Brunswick, 1957; Higham J. Strangers in the Land: Patterns of American Nativism, 1860–1925. N.Y., 1963; Hofstadter R. The Paranoid Style in American Politics and Other Essays, N.Y., 1965.

⁹⁸ История внешней политики России: Конец XIX – начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции) / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 1997. С. 164.

⁹⁹ См.: Фоглесонг Д.С. Истоки первого американского похода за “Свободную Россию”: Торжество “миссионерского” мышления над русофилией, 1885–1905 гг. // Россия XXI. 2002. № 5. С. 100–133.

¹⁰⁰ Saul N.E. Concord and Conflict. The United States and Russia, 1867–1914. University Press of Kansas, 1996. P. 472; Clyner K.J. John Hay. The Gentlemen as Diplomats. Ann Arbor, 1975. Активная роль Хэя в подогревании антироссийских настроений в американской печати постоянно отмечалась в донесениях российских дипломатов в Санкт-Петербург (см.: Россия и США: дипломатические отношения 1900–1917. С. 18, 27, 30, 38, 50, 51, 172 и др.).

¹⁰¹ Очень выразительно по этому поводу высказался Дональд Уайт: “Американские социал-дарвинисты, усвоив дарвиновское учение о естественном отборе и о выживании сильнейшего, убедили себя, что американцы должны овладеть таким пространством на планете, которое им по силам, причем они должны вести себя агрессивно с тем, чтобы построить империю. Им необходимо расширить свой бизнес и коммерцию на мировых

рынках. Перед ними стоит задача построить современный флот на паровых двигателях и приобрести угольные терминалы в иностранных портах. Им никуда не деться и от того, чтобы вступить в борьбу миссионеров за сердца людей. Экспансия таким образом становится необходимостью, обусловленной научным законом" (*White D.W.* Op. cit. P. 3, 4; см. также: *Hofstadter R.* *Social Darwinism in American Thought, 1860–1915.* Philadelphia, 1944).

¹⁰² *Дементьев И.П.* Формирование идеологии империалистической экспансии... С. 149; *Носков В.В.* Русский фактор во внешнеполитической стратегии США после Портсмута // *Внешняя политика США в первой половине XX века.* СПб., 1996. С. 7; см. также: *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.; Л., 1955.

¹⁰³ *Miller N.* Op. cit. P. 443; см. также: *Saul N.E.* *Concord and Conflict.* P. 468, 478. Отголоски этого "цивилизационного" вызова как бы с противоположной стороны можно почувствовать в опубликованном лишь недавно очерке В.И. Вернадского "Мысли за океаном", написанного под впечатлением поездки в Канаду и США летом 1913 г. Свои рассуждения о векторе территориальной экспансии "русских землепроходцев" на Восток, ее приобретениях и потерях, Вернадский заключил констатацией триумфа "англосаксов" – англичан и американцев, выигравших "историческую ставку" в Новом Свете и Тихоокеанском регионе (см.: *Независимая газета.* 1998. 11 марта. С. 8).

¹⁰⁴ "Не подлежит сомнению, – писал в декабре 1904 г. русский посол в Вашингтоне А.П. Кассини министру В.Н. Ламздорфу в Санкт-Петербург, – что Соединенные Штаты, сила и значение которых растет со дня на день, видят в настоящих событиях на Дальнем Востоке удобный случай, чтобы переменить свое нынешнее второстепенное положение в этой части света на положение более влиятельное, более отвечающее их могуществу и особенно вождениям как самого г-на Рузвельта и его статс-секретаря (Хэя. – *В.М.*), так и значительной части американского народа. Вождения эти, обнимавшие еще столь недавно только коммерческую сферу, несомненно, идут далее, перерождаются в вождения политического характера" (*Россия и США: дипломатические отношения 1900–1917.* С. 74).

¹⁰⁵ *Bumte С.Ю.* Избранные воспоминания 1849–1911 гг. М., 1991. С. 493.

¹⁰⁶ *Калмыков С.В.* Американское предпринимательство в России // *Иностранное предпринимательство и зарубежные инвестиции в России.* Очерки. М., 1997. С. 243–288; Самодержавие и крупный бизнес в России в конце XIX – начале XX в. М., 1982. Вполне возможно, что Теодор Рузвельт счел проявлением мстительности оскорбленного портсмутским унижением С.Ю. Витте, когда особое совещание под председательством последнего в декабре 1905 г. постановило образовать комиссию для изучения вопроса о предоставлении железнодорожной концессии американским предпринимателям в Сибири. Американский синдикат "Аляска–Сибирь", предполагавший начать строительство железной дороги от Берингова пролива, с самого начала натолкнулся на глухую стену неуступчивости, проявленную российскими властями – от приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера до правительственных чиновников в Петербурге. В 1907 г. после длительных и бесплодных переговоров грандиозный проект американцев правительство России отклонило, дав пищу для различных толков по обе стороны все того же Берингова пролива, как правило, неблагоприятных для развития межгосударственных отношений. В Америке критически выска-

зывались об “устаревшем” представлении российских чиновников о патриотизме, в России – о непомерных аппетитах американских компаний в отношении чужих территорий и об опасности для целостности России, исходящей от Нового Света.

¹⁰⁷ *Dennett T.* Roosevelt and the Russo-Japanese War. Garden City, 1925. Ch. IV, V; *Korostovetz I.* Pre-War Diplomacy: The Russo-Japanese Problem. Diary of Korostovetz. L., 1920.

¹⁰⁸ *Bailey Th.A.* America Faces Russia. Russian American Relations from Early Times to Our Day. Ithaca, 1950.

¹⁰⁹ *Bishop J.* Theodore Roosevelt and His Time. Vol. 1. P. 418–419.

¹¹⁰ История внешней политики и дипломатии США, 1867–1918. Т. 2. / Отв. ред. Г.П. Куропятник. М., 1997. С. 209.

¹¹¹ Вплоть до начала Первой мировой войны в американской внешнеполитической мысли отчетливо обозначились прояпонские (в ущерб России и европейским конфидентам Америки) настроения. “...нашим реальным соперником на китайском рынке, – писал известный специалист по проблемам Дальнего Востока в своей книге, выдержавшей два издания, – является Европа, а не Япония. Ничто не соответствует так целям Европы, как отвлечение интересов Америки от этой важнейшей территории путем разжигания антагонизма между Японией и нами” (*Abbott J.F.* Op. cit. P. 247).

¹¹² История внешней политики и дипломатии США 1867–1918. С. 209; *Miller E.S.* War Plan Orange: The U.S. Strategy to Defeat Japan, 1897–1945. Annapolis. 1991.

¹¹³ Подавляющее число будущих политических и государственных деятелей США (включая, например, Франклина Делано Рузвельта) прошло школу приобщения к политике “патерналистского империализма”, противопоставляемого коррумпированному, военно-политическому империализму европейских держав, вызывающего все более бескомпромиссный протест колониальных народов. Известный американский исследователь Ф. Фридел отмечал, что Франклин Рузвельт был воспитан всей внешнеполитической практикой США начала XX в. именно в этом духе (*Fridel F.* Franklin Roosevelt: The Apprenticeship. Boston, 1952. Ch. 13, 16).

¹¹⁴ Россия и США: дипломатические отношения 1900–1917. С. 129.

¹¹⁵ *Chambers II J.W.* The Tyranny of Change. P. 75.

¹¹⁶ *Wright G.* The Origins of American Industrial Success, 1879–1940 // American Economic Review. 1990. N 80. P. 651–668.

¹¹⁷ *Ratner S., Soltow J., Sylla R.* The Evolution of the American Economy. N.Y., 1979. P. 466.

¹¹⁸ *Potter J.* The American Economy between the Wars. N.Y., 1974. P. 18.

¹¹⁹ *Burk K.* Britain, America and the Sinews of War, 1914–1918. Boston, 1985. P. 266.

¹²⁰ *Chambers II J.W.* The Tyranny of Change. P. 61, 62.

¹²¹ *Nearing S.* Wages in the United States. 1908–1910. A Study of State and Federal Wage Statistics. N.Y., 1914. P. 213.

¹²² См.: *Фонер Ф.* История рабочего движения в США. М., 1966. Т. III. С. 11–19; Т. IV. С. 367.

¹²³ *Piott S.L.* The Chicago Teamsters’ Strike of 1902 // Labor History. Spring 1985. Vol. 26. N 2. P. 265.

¹²⁴ *Chambers II J.W.* The Tyranny of Change. P. 81; *Kennedy J.C.* Wages and Family Budgets in the Chicago Stockyards District. Chicago, 1914.

¹²⁵ Doucet M.J., Weaver J.C. Material Culture and the North American House: The Era of the Common Man, 1870–1920 // Journal of American History. 1985. Vol. 72. Dec. N 3. P. 587.

¹²⁶ Харц Л. Либеральная традиция в Америке. М., 1993. С. 210.

¹²⁷ Цит. по: Chambers II J.W. The Tyranny of Change. P. 141.

¹²⁸ В одном из самых солидных исследований “эры Теодора Рузвельта”, принадлежащих перу Джорджа Маури, причины сдвига Рузвельта влево в 1907–1908 гг. анализируются в контексте роста социальной напряженности в стране (см.: Mowry G.E. The Era of Theodore Roosevelt and the Birth of Modern America, 1900–1912. N.Y., 1958. P. 209–225; Майроф Б. Указ. соч. С. 223).

¹²⁹ Данная проблема получила освещение в исследовании известного американского историка Ллойда Гарднера (*Gardner L.C. Safe for Democracy. The Anglo-American Response to Revolution, 1913–1923. N.Y., 1984*; см. также: Романов В.В. Истоки внешнеполитической философии Вудро Вильсона // Американский ежегодник, 2000. М., 2003. С. 178–203.

¹³⁰ Шлезингер А.М. Указ. соч. С. 49.

¹³¹ Hoffman B. The Wages of Sickness: The Politics of Health Insurance in Progressive America. Chapel Hill, 2001.

¹³² The Papers of Woodrow Wilson / Ed. by A.S. Link et al. Princeton (N.J.), 1984. Vol. 45. P. 239.

¹³³ Глубокий анализ позиции Т. Рузвельта в связи с войной дан И.А. Белявской (Указ. соч. С. 260–290); см. также: Miller N. Op. cit. P. 540–566. Некоторые авторы, принадлежащие к неоконсервативному направлению американской историографии и политологии, видят глубокие различия во взглядах Т. Рузвельта и В. Вильсона на внешнюю политику. Говорят, например, что Рузвельт в противовес стопроцентному идеализму Вильсона исповедовал “практический идеализм”, “идеализм без утопии”, “вооруженный идеализм” и т.д. (Rose G. Present Laughter or Utopian Bliss? // The National Interest. Winter 1999/2000. N 58. P. 43). Другие, напротив, полагают, что эти различия касались лишь формы, но не существа.

¹³⁴ Весьма детально международная и внутренняя политика Вильсона накануне вступления США в Первую мировую войну рассмотрена в кн.: Brands H.W. Woodrow Wilson. N.Y., 2003.

¹³⁵ В современных, широко практикуемых в США дискуссиях о морали во внешней политике подчеркивается эксклюзивная роль В. Вильсона в постановке этого вопроса. «...никто из современных лидеров мирового масштаба, – утверждает, например, в редакционной статье журнал “Форин эфферс”, – до Вудро Вильсона не ставил этику и общечеловеческие ценности в центр национальной внешней политики» (Foreign Affairs. 2003. Vol. 82. May–June. N 3. P. 3). Несколько иной точки зрения придерживаются авторы крупных исторических трудов, выдвигающие тезис о дихотомии морализма и прагматизма во внешней политике США с первых их шагов на международной арене. Интересный очерк на эту тему см.: Егорова Н.И. Изоляционизм и европейская политика США, 1933–1941. М., 1995. С. 12–26.

¹³⁶ The Public Papers of Woodrow Wilson / Ed. by R.S. Baker, W.E. Dodd. Vol. 1–6. N.Y., 1925–1927. Vol. 1: The New Democracy: Presidential Messages, Addresses, and Other Papers (1913–1917). P. 67, 69.

¹³⁷ Среди республиканцев наиболее близкую Вильсону позицию занимал Элиу Рут, военный министр и государственный секретарь в кабинетах

Маккинли и Т. Рузвельта. В своей речи 1914 г. по поводу получения им Нобелевской премии мира за 1912 г. Рут высказался в том же духе, что и Вильсон: военные методы защиты эгоистических интересов стран в новых условиях XX в. с характерными для них широчайшими возможностями достижения благосостояния путем развития чисто экономической деятельности не только не оправдывают себя, но и способны нанести непоправимый урон всем, в том числе и самому агрессору. Мир неделим, процветание каждой страны в отдельности приумножается процветанием всех остальных стран. Эти и другие постулаты Э. Рута прямо отражали превращение вчерашней мировой периферии во всемирный торгово-промышленный и инновационный центр и присутствие американского бизнесмена в любой точке земного шара. Тем самым возникали важные предпосылки для выработки двухпартийного консенсуса, хотя позиции изоляционизма сохранялись с тем, чтобы дать о себе знать в будущем (*Addresses on International Subjects by Elihu Root / Ed. by R. Scott, J. Brown. Cambridge (Mass.), 1916. P. 153–174.*)

¹³⁸ *Knock Th.J.* To End All Wars: Woodrow Wilson and the Quest for a New World Order. N.Y., 1992.

¹³⁹ *Шлезингер А.М.* Указ. соч. С. 82; см. также: FRUS. 1917. Suppl. 1: The World War. Wash., 1931. P. 24–29.

¹⁴⁰ *Вебер А.* Указ. соч. С. 457.

¹⁴¹ Этим термином А. Вебер обозначал обособление от реальной жизни, от ее острейших проблем креативного слоя европейской культурной элиты, не замечавшей за внешним благополучием приближение катастрофы.

¹⁴² *Gardner L.C.* Op. cit.

¹⁴³ Цит. по: *Гарднер Л.К.* Вильсоновское понятие “либеральной” политики в контексте событий в имперской Германии и революционной России в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: Пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998. С. 325.

¹⁴⁴ *The Papers of Woodrow Wilson. Vol. 33. P. 149.*

¹⁴⁵ См.: *Тойнби А.Дж.* Цивилизации перед судом истории. М., 2002. С. 341.

¹⁴⁶ *The Papers of Woodrow Wilson. Vol. 33. P. 149.* “Служение человечеству” вылилось в возложение на себя полицейских обязанностей и было отмечено вмешательством Вильсона в 1913 г. в гражданскую войну в Мексике. Предлогом послужило отстранение от власти “законного” режима Франсиско Мадеро. Вооруженная интервенция США в Мексику закончилась благополучным финалом. С благословения Вильсона страна обзавелась конституцией, избрала президентом лидера Конституционалистской партии Венустиано Карранза и избавилась от тягот американского непризнания. В более жесткой манере, прибегнув к оккупации страны, Вильсон навел “конституционный порядок” на Гаити – стране, настигнутой в 1915 г. войной переворотов и контрпереворотов (см.: *Луцков Н.Д.* Оккупация Гаити Соединенными Штатами Америки // Американский экспансионизм / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 1986. С. 33–47).

¹⁴⁷ *The Letters of Theodore Roosevelt. Vol. 8. P. 1416.*

¹⁴⁸ FRUS. 1917. Suppl. 1. P. 24–29.

¹⁴⁹ *Ibid.* P. 194–203. Тему дегуманизации, обюрокрачивания и окостенения государственных режимов в европейских странах Вильсон не оставлял никогда, в том числе в беседах-инструктажах с ближайшими сотрудниками.

Так, приближаясь к берегам Франции в начале декабря 1918 г. на борту парохода “Джордж Вашингтон”, Вильсон в беседе со своими советниками о Лиге Наций сказал: “... На мирной конференции (в Париже. – В.М.) мы окажемся *единственным бескорыстным народом* и что люди, с которыми нам придется иметь дело, не выражают мнения своих народов...” Доктор Исайя Боумэн, ведущий сотрудник Исследовательской группы, сделавший запись этой знаменитой беседы с президентом Вильсоном 10 декабря 1918 г., зафиксировал совершенно четко и недвусмысленно выраженную Вильсоном мысль о свободном народе США и несвободных народах “других европейских стран”, коим следует воспользоваться помощью и опытом Америки, чтобы включиться в “очистительный процесс” с целью “воссоздать и возродить мир” (Архив полковника Хауза. М., 1944. Т. IV. С. 219–221). Вильсон в Париже действовал в полном соответствии со своим постулатом о пропасти, разделяющей народы и правительства европейских стран. Показательно, что в ряде случаев он обращался к народам этих стран как бы через головы их лидеров.

¹⁵⁰ О специфической идеологической функции нового либерализма писал А. Тойнби, констатируя, что Россия с момента коммунистической революции, последовавшей за либеральной революцией в 1917 г., бросила Вызов Западу, какого он не знал со времен второй оттоманской осады Вены в 1683 г. “Под предводительством России, – писал он, – коммунизм вознамерился соревноваться с либерализмом за умы и сердца незападного большинства человечества, которое еще не предалось ни одному из этих двух соперничающих жизненных путей. Российский коммунизм также бросает Вызов либерализму на его родной земле, в западных странах. До 1917 г. Запад обращал весь мир в идеологию духовной западной революции XVII в. С 1917 г. Запад начал обороняться от идеологического контрнаступления” (Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. Сборник. М., 2002. С. 220).

¹⁵¹ Цит. по: *Gardner L.C. A Covenant with Power. America and World Order from Wilson to Reagan.* L., 1984. P. 17.

¹⁵² *Wilson W. The Freedom.* N.Y., 1961. P. 161.

¹⁵³ См.: Буллит У., Фрейд З. Вудро Вильсон. Психологический портрет. М., 1993; Проблемы американистики, 9: Конценции “американской исключительности”: идеология, политика, культура / Отв. ред. Ю.К. Мельвиль, Е.Ф. Язков. М., 1993. С. 181. *Ross D. Woodrow Wilson and the Case for Psychohistory // Journal of American History.* 1982. Vol. 69. Dec. N 3. P. 659–668.

¹⁵⁴ *Gardner L.C. Op. cit.* P. 16.

¹⁵⁵ *Keynes J.M. Essays in Biography.* N.Y., 1951. P. 21.

¹⁵⁶ Архив полковника Хауза. Т. IV. С. 220.

¹⁵⁷ *Levin N.G. Woodrow Wilson and World Politics. America's Response to War and Revolution.* N.Y., 1968; *Mayer A.J. Politics and Diplomacy of Peacemaking. Containment and Counterrevolution at Versailles, 1918–1919.* L., 1968. P. 21. В своей, опубликованной в 1959 г. работе, признанной классической в послевоенной вильсонниане, А. Мейер писал: “Глубоко убежденный в правоте тезиса о том, что идеи являются мощным оружием, Вильсон... был решительно настроен не дать Ленину захватить монополию на планы реконструкции послевоенного мира, особенно еще и потому, что многие дипломатические формулы Ленина были взяты из арсенала западного либерализма” (*Mayer A.J. Political Origins of the New Diplomacy, 1917–1918.* New

Haven, 1959. P. 371). Между тем, почему бы не задаться вопросом, что было взято Вильсоном из арсенала социал-демократии и антиимпериалистов? У Ленина на этот счет было совершенно определенное мнение.

¹⁵⁸ Критика Вильсоном авторитаризма была высказана им в наиболее развернутом виде русским деятелям после февраля 1917 г. (см.: "Россия и США: дипломатические отношения 1900–1917. С. 672–674), созданный специально для распространения идей вильсонизма после вступления США в войну огромный пропагандистский аппарат концентрировал свою деятельность вокруг тезиса, согласно которому война велась во имя торжества демократии и против авторитаризма (см.: *Startt J.D. American Propaganda in Britain During World War I // Prologue. Spring, 1996. Vol. 28. N 1. P. 17–33; Fleming Th. The Illusion of Victory: America in World War I. N.Y., 2003.*

¹⁵⁹ The Papers of Woodrow Wilson. Vol. 45. P. VII, VIII.

¹⁶⁰ Ibid. P. VIII, 536. Хотелось бы обратить внимание на неверное утверждение Н.А. Нарочницкой о том, что "14 пунктов" Вильсона не имели никакой связи с большевистским Декретом о мире и что своим существованием эта версия обязана конъюнктурной оценке "советской литературы" (см.: *Нарочницкая Н. Указ. соч. С. 222*). Документальные материалы свидетельствуют как раз об обратном, американская историография также подтверждает "советскую версию".

¹⁶¹ Детально все эти вопросы рассмотрены во многих работах отечественных и зарубежных историков. Вот некоторые названия: *Ганелин Р.Ш. Советско-американские отношения в конце 1917 – начале 1918 г. Л., 1975; Уткин А.И. Дипломатия Вудро Вильсона. М., 1989; Мальков В.Л. От интервенции к признанию: из истории политической борьбы в США по вопросу о нормализации советско-американских отношений (1917–1933) // Из истории Европы в новое и новейшее время / Отв. ред. А.М. Самсонов. М., 1984; Он же. Вудро Вильсон и новая Россия (февраль 1917 – март 1918) // Новая и новейшая история. 1999. № 6; 2000. № 1; Williams W.A. Raymond Robins and Russian-American Relations, 1917–1938. Madison (Wis.), 1950; Maddox R.J. William E. Borah and American Foreign Policy. Baton Rouge, 1969; Kennan G. Decision to Intervene. Princeton (N.J.), 1958; Unterberger B.M. The United States, Revolutionary Russia and Rise of Czechoslovakia. Chapell Hill (N.C.), L., 1989; Foglesong D.S. America's Secret War against Bolshevism. Chapell Hill (N.C.), L., 1995.*

¹⁶² *Коммаджер Г.С. Мечта о реформе // Литературная история Соединенных Штатов Америки: В 3 т. Под ред. Спиллера, Горна, Джонсона, Кэнби. М., 1979. Т. III. С. 213.*

¹⁶³ *Wilson W. War and Reace. Presidential Messages, Addresses and Public Papers / Ed. by R.S. Baker, W. Dodd. 2 vol. N.Y., 1927. Vol. 1. P. 536–539; см. также: Ambrosius L.C. Woodrow Wilson and American Diplomatic Tradition. The Treaty Fight in Perspective. Cambridge, 1988.*

¹⁶⁴ *Коммаджер Г.С. Указ. соч. С. 214.*

¹⁶⁵ *Попова Е.И. США. Борьба по вопросам внешней политики 1919–1922. М., 1966. С. 65–85; Печатнов В.О. Уолтер Липпман и пути Америки. М., 1994. С. 101–155.*

¹⁶⁶ *Льюис С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1967. Т. 7. С. 95.*

¹⁶⁷ См.: *Манькин А.С. Изоляционизм и формирование внешнеполитического курса США 1923–1929. М., 1980.*

¹⁶⁸ О важнейших составляющих изоляционизма как социально-политического явления см.: *Егорова Н.И.* Указ. соч.; *Наджафов Д.Г.* Нейтралитет США, 1935–1941. М., 1991; *Золов А.В.* Леворадикальный изоляционизм США середины 30-х годов XX в. // Проблемы новой и новейшей истории. М., 1979. С. 25–42; Американское общество на пороге XXI в.: итоги, проблемы, перспективы / Отв. ред. А.С. Маныкин, Ю.Н. Погулев, Е.Ф. Язков. М., 1996; *Hunt M.H.* Ideology and U.S. Foreign Policy. New Haven; L., 1987 и др.

¹⁶⁹ *Kennedy D.M.* Freedom From Fear: The American People in Depression and War, 1929–1945. N.Y., 1999. P. 387.

¹⁷⁰ *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории. С. 334.

¹⁷¹ *Gaddis J.L.* We Now Know. Rethinking Cold War History. P. 34.

¹⁷² Интересные соображения по этому поводу см.: *Mead W.R.* The Jacksonian Tradition and American Foreign Policy // National Interest. Winter 1999/2000. N 58. P. 5–29.

¹⁷³ История Латинской Америки, 1918–1945 / Отв. ред. *Н.П. Калмыков*. М., 1999. [Т. 3]. С. 5, 278, 417.

¹⁷⁴ *O'Connor H.* Mellon's Millions. The Life and Times of Andrew W. Mellon. N.Y., 1933. P. 187–189; История Латинской Америки, 1918–1945. С. 17–26.

¹⁷⁵ История Латинской Америки, 1918–1945. С. 56–69; *Янчук И.И.* Политика США в Латинской Америке, 1918–1928. М., 1982.

¹⁷⁶ *O'Connor*. Op. cit. P. 192.

¹⁷⁷ Подробнее см. в интересном очерке: *Ермакович Л.М.* Венесуэла: диктатура Хуана Висенте Гомеса. Политические силы в поисках пути развития страны // История Латинской Америки, 1918–1945. С. 274–297.

¹⁷⁸ *Denny L.* America Conquers Britain: A Record of Economic War. N.Y., 1930.

¹⁷⁹ Подробнее см.: *Язков Е.Ф.* Американское “процветание” // История США, 1918–1945 / Отв. редактор Г.Н. Севостьянов. М., 1985. Т. 3. С. 90–150; *Wilson J.H.* American Business and Foreign Policy, 1920–1933. Lexington, 1971.

¹⁸⁰ *Offner A.A.* American Appeasement. United States Foreign Policy and Germany 1933–1938. N.Y., 1976. P. 6, 7, 102, 103; *Sutton A.* Wall Street and the Rise of Hitler. Seal Beach (Cal.), 1976; *Higham Ch.* Trading with the Enemy. An Exposure of the Nazi-American Money Plot 1933–1949. N.Y., 1983.

¹⁸¹ *Jacobson J.* Locarno Diplomacy. Germany and the West. 1925–1929. Princeton, 1972; *Costigliola F.* Awkward Dominion. American Political, Economic and Cultural Relations with Europe (1919–1933). Ithaca, 1984.

¹⁸² *Энштейн С.И.* Индустриальная социология в США. М., 1972; *Сивачев Н.В.* США. Государство и рабочий класс. М., 1982; *Керов В.В., Шнотов Б.М.* Этические концепции эффективного менеджмента в США и России в конце XIX – начале XX века // Американский ежегодник. 1999. М., 2001. С. 164–193; *Zunz O.* Why the American Century? Chicago; L., 1998.

¹⁸³ Среди увидевших свет в последнее время исследований по данному вопросу могут быть упомянуты следующие: *Buhle P.* Taking Care of Business: Samuel Gompers, George Meany, Lane Kirkland, and the Tragedy of American Labor. N.Y., 1999; *Stronthon A.* US Labor and Political Action, 1918–1924: A Comparison of Independent Political Action in N.Y., Chicago and Seattle. N.Y., 2000; *O'Brien.* Workers' Paradox: the Republican Origins of New Deal Labor Policy, 1886–1935. Chapel Hill, 1998; *Dubofsky M.* The State and Labor in Modern America. Chapel Hill, 1994.

¹⁸⁴ *Kennedy D.M.* Op. cit. P. 21.

¹⁸⁵ *Meter S.* The Five Dollar Day: Labor Management and Social Control in the Ford Company. 1908–1921. Albany, 1981.

¹⁸⁶ *Howley E.W.* The Great War and the Search for a Modern Order: A History of the American People and Their Institutions, 1917–1933. N.Y., 1979.

¹⁸⁷ Н.И. Бухарин в своих знаковых для истории внутрипартийной борьбы в СССР “Заметках экономиста”, опубликованных в “Правде” в конце сентября 1928 г., писал, что США продемонстрировали максимальные мощь и размах индустриального развития, чудеса роста производительности труда (*Бухарин Н.И.* Избр. произведения. М., 1988. С. 399). Он связывал это с наличием емкого внутреннего рынка. Важные данные на этот счет содержатся в статьях: *Лапишина И.К.* Дядюшка Сэм: партнер или враг? Образ США в отечественной центральной прессе первой половины 1920-х годов // *Американский ежегодник*, 1999. М., 2001. С. 194–207; *Шпотов Б.М.* Компания Форда и Россия, 1909–1929 // *США–Канада: экономика, политика, культура*. 1999. № 5. С. 86, 87.

¹⁸⁸ *Язьков Е.Ф.* Указ. соч. С. 90, 91.

¹⁸⁹ *Kennedy D.M.* Op. cit. P. 20.

¹⁹⁰ См.: *История США*. Т. 3. С. 467–484; *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М., 1999. С. 225–361.

¹⁹¹ *McElvaine R.S.* The Great Depression. America, 1929–1941. N.Y., 1984. P. 39.

¹⁹² *Белл Д.* Указ. соч. С. 262; *Denison E.F.* The Sources of Economic Growth in the United States and the Alternatives Before US. N.Y., 1962.

¹⁹³ *Kennedy D.M.* Op. cit. P. 22, 23.

¹⁹⁴ *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М., 1969. С. 382.

“НЕТ ПОВОДА ДЛЯ СТРАХА, КРОМЕ САМОГО СТРАХА”

“ПРОЦВЕТАНИЕ” В РУИНАХ

Для неоконсерваторов в Америке давно стали правилом похвалы по адресу “эпохи Калвина Кулиджа”, почти десятилетия правления республиканцев в 20-х годах XX в., отмеченного промышленным бумом, ростом доходов населения, стремительным обогащением олигархической верхушки общества на финансовых аферах. В еще большей степени это обогащение происходило на базе обеспечения монополиями США ведущих позиций в мировой хозяйственной системе за счет конкурентов США, обескровленных и обессиленных войной, послевоенной разрухой, застоєм и внутренними политическими кризисами. Хотя большинство американских историков (и среди них много весьма умеренных по своим убеждениям) считают “эру процветания” самым большим провалом в истории государственных институтов США, тем не менее приверженцы идеи антистейтизма и ничем и никем неограниченного, не регулируемого верховенства бизнеса во всех без исключения сферах социально-экономической жизни нации стоят на своем. Рональд Рейган, например, заявлял, что в годы деятельности администрации Кулиджа США “пережили, возможно, самый большой подъем процветания за всю свою историю”¹. В этих утверждениях есть доля истины. Следовало бы только сказать о том, чем обеспечивалось это процветание, если иметь в виду общество в целом, и, что еще более важно, чем все это кончилось.

Спору нет, осуществив благодаря золотому дождю военных прибылей широкую технологическую модернизацию, американская экономика сделала огромный рывок вперед, оставив позади весь остальной мир. Небывалая предпринимательская лихорадка и спекулятивная горячка на фондовых биржах, поощряемые правительственным оптимизмом, в сознании многих людей создавали ложное впечатление, будто привычные опасности капиталистического цикла позади, что в Америку уже никогда не вернуться кризисы, массовые банкротства, нищета и голод, а вместе с ними социальные конфликты. Средства массовой информации, исследовательские центры бизнеса усердно культивировали эти представления, утверждая, что в экономике США действуют новые экономические законы и

новая индустриальная этика, позволявшие говорить о безоблачном и идеально гладком “Американском пути”. Концепция развития “нового, специфически американского типа цивилизации”, гармонически сочетавшего в себе возможности ничем не ограниченной капиталистической конкуренции и социального партнерства, культ техницизма и нового просвещенного менеджмента (новый капитализм), была возведена в ранг официальной идеологии. Она персонифицировалась в фигуре министра торговли в администрациях У. Гардинга и К. Кулиджа, увековечившего себя при жизни помощью голодающим в Европе, Герберта Кларка Гувера. Судьба не просто уготовила ему будущее президентство, она отняла у всех его оппонентов малейший шанс завоевать доверие американцев в 1928 г.

Но вскоре выяснилось, что невидимых потерь и утрат оказалось больше, чем разрекламированных достижений. Агрессивное наступление корпоративного капитала по всем линиям привело к свертыванию мелкого и среднего бизнеса, многих институтов, призванных оградить общественные интересы от своекорыстных посягательств денежных магнатов, к росту консервативных настроений среди широких масс населения, проникшихся недоверием к “большому правительству” и “большим профсоюзам” и поверивших рекламе “нового капитализма”. Одним из основных принципов политической философии эпохи “нормальности” было противодействие любым нововведениям, неугодным и несанкционированным крупным “ассоциированным” капиталом. Олигархия подавляла креативность бизнеса, сковывала инициативу либералов в конгрессе. “Это был период, – писал видный американский историк А. Линк, – почти уникальный благодаря необыкновенно сильной реакции против идеализма и реформ”². Прогрессивизм растворился в словословиях “новому капитализму” и “новым капиталистам”. Массовые движения – фермерское, антиимпериалистическое, женское, афроамериканцев – утратили способность решающим образом влиять на общественное мнение, законодателей и исполнительную власть.

Особо тяжкий урон в результате спада общедемократического движения понесло рабочее движение. Лишенное динамичного руководства, разобщенное и скованное установками профсоюзного экономизма в его наиболее крайних проявлениях (“верность ложке и тарелке”), политически зависимое от двухпартийной системы, ослабленное полицейскими репрессиями и травлей в годы “красной паники” (1917–1920), поверившее в наступление эры неограниченного процветания и “естественной гармонии интересов”, рабочее движение США переживало период затяжного спада и внутреннего застоя. Прогнозы на будущее даже сочувствующих наблюдателей из числа либеральных аналитиков не сулили ему ничего утешительного: данные свидетельствовали о сокращении числа организованных в профсоюзы рабочих. Казалось, “рабочий вопрос” вот-вот будет

снят с повестки дня окончательно. Как найти верные ориентиры, какой путь избрать – вот чем были заняты мысли тех немногочисленных групп рабочих радикалов, которые и сами порой не верили в то, что они могут еще кому-то пригодиться.

Правительственный курс республиканцев в 1921–1930 гг. в целом как нельзя лучше отвечал далеко идущим планам деловых кругов, в особенности их лидирующих группировок. Фетишизация политической экономии Адама Смита, ничем не ограниченной стихии рыночных отношений, свободной от прямого (впрочем, и косвенного тоже) правительственного регулирования и контроля, стала краеугольным элементом экономической стратегии федерального правительства. Его активная роль признавалась только в фискальной политике, в сфере охранительной деятельности и контроля за иммиграцией. Бизнес настоял на взятии под особую “опеку” охранителей всех форм социальной активности, включая движение афроамериканцев, воспитание молодежи. Не была оставлена без внимания и интеллектуальная деятельность. Распространение антиевропеизма и клерикального фундаментализма привело к деформации духовной жизни общества, вызвав многие негативные последствия. Социалистические течения – от радикальных до умеренных – почти полностью исчезли со сцены. Социально критические мотивы в ведущих либеральных органах печати оказались приглушенными. Фактически распалось и антитрестовское движение, бывшее длительное время влиятельной общественной силой и ставшее инициатором многих преобразований. Лишившись поддержки рабочего и фермерского движения, оно сбилося на повторение старых лозунгов и незаметно очутилось на обочине общественной жизни, в глазах многих утратившим всякий смысл, не имеющим будущего. Беспорядочное отступление либерализма под натиском консервативной ортодоксии приводило к потере им почти всех главных позиций на верхних и средних этажах государственного здания. Никто не мог поручиться, что социально сориентированный либерализм когда-нибудь вновь сможет играть заметную роль в определении вектора общественного развития, не говоря уже о правительственном курсе.

Замешательство среди либералов усиливалось по мере того, как демократическая партия, еще недавно, казалось, стремившаяся превратиться в партию умеренно-популистского толка, свернула вправо, публично объявив устами своих лидеров, что она не меньше республиканцев озабочена тем, как создать лучшие условия для процветания монополистической верхушки общества и не слишком озабочена положением тех, кто находится у подножья социальной пирамиды. В конце 20-х годов новоявленный председатель Национального комитета демократической партии (сам вчерашний республиканец) миллионер Джон Раскоб заявил, что вся разница между двумя главными партиями лишь в том, что демократы были “мокрыми”, т.е. стояли за отмену сухого закона, а республиканцы – “сухими”, т.е. против такой отмены.

Так же решительно (по существу, но не по форме), как и республиканцы, отмежевываясь от европейского иррационализма и обещаая стране “окончательно” ликвидировать последние ограничения деятельности корпораций, демократы, правда, несколько под иным, нежели республиканцы, углом зрения оценивали происходящее за пределами США. Они не склонны были переоценивать возможности Америки, способной якобы в одиночку, не ища союзников и опираясь исключительно на собственную экономическую мощь и прочие преимущества, созданные войной, обеспечить повсюду новый, выгодный США баланс сил. Сохраняя верность постулату В. Вильсона о мессианской роли США, демократы противопоставили самонадеянному изоляционизму республиканцев концепцию внешнеполитической кооперации в международных делах, снятия барьеров и либерализации внешней торговли. В этом они видели основное условие стабильного миропорядка, а вместе с тем и эффективное средство “сдерживания революции”. По-своему демократы более трезво оценивали главные тенденции мирового развития, более чутко улавливая пульс времени и прислушивались к той критике односторонних действий Америки, которая раздавалась в Европе и Латинской Америке.

Необычайно болезненно воспринятое партией поражение на президентских выборах в 1920 г. не означало, что она начисто утратила надежду взять реванш в будущем. Пессимизм, овладевший большей частью руководства партии, не затронул честолубивой группы молодых политиков, среди которых выделялся бывший заместитель военно-морского министра в администрации Вильсона и кандидат демократов на пост вице-президента в 1920 г. Франклин Делано Рузвельт. Энергичный, буквально на ходу улавливающий изменения обстановки, обладавший блестящей интуицией и беззаветно верящий в свою звезду, Рузвельт в просвещенных кругах финансово-промышленного капитала Северо-Востока вызывал неподдельный интерес. В нем видели воплощение всех добродетелей либерализма той его разновидности, которую представлял Вильсон, но сдобренного большой дозой прагматизма в духе очень близкого ему по мировоззрению Теодора Рузвельта. Даже тяжелая болезнь Франклина Рузвельта (1921), в результате которой он стал калекой, лишившись способности ходить, полностью не обесценила его акций в общественных кругах, поддерживавших демократов. К нему продолжали присматриваться, считая перспективным политиком.

В марте 1928 г., после длительного пребывания в тени, Рузвельт сделал первый шаг в новом туре борьбы за национальное признание. Те, кто поддержал Рузвельта на выборах губернатора штата Нью-Йорк осенью 1928 г., разделяли его убеждения, что удар следует нанести там, где позиции противника слабее всего. Мишенью был избран внешнеполитический курс правящей партии, становящийся откровенно провинциальным в условиях все более переплетающихся

межгосударственных и мирохозяйственных связей. До того крайне редко выступавший в печати, Рузвельт принялся за написание статьи для журнала “Форин афферс” чтобы “дать представление о точке зрения демократов на внешнюю политику США”³. Чувствуя, однако, себя не вполне подготовленным к выполнению такой задачи, будущий президент обратился за советом к многоопытному Норману Дэвису, видному американскому дипломату, стороннику “либерального интернационализма” Вильсона. Рузвельт попросил его набросать краткий конспект основных идей внешнеполитической платформы демократов, из которых затем можно было бы предложить нечто цельное, дающее перспективу обновления внешнеполитического курса, поднимающего престиж США как мирового лидера. Акцент, как полагал Рузвельт, следовало при этом сделать на выявлении “ошибок” республиканцев, чреватых в будущем неизбежными серьезными провалами для дипломатии США.

Н. Дэвис откликнулся обстоятельным письмом, в котором весьма определенно была прописана линия размежевания между республиканской доктриной и позицией демократов. Опытный дипломат, в частности, резко критиковал республиканцев за их нежелание использовать возможности Лиги наций и чванливое третирование ими международных форумов. Он не рекомендовал кандидату демократов (кто бы он ни был) немедленно и открыто ставить вопрос о вхождении в Лигу наций по причине изоляционистски настроенного общественного мнения страны, но считал важным объявить о том, что демократы “стоят за сотрудничество с другими странами мира в искренних усилиях, направленных на устранение войн и сохранение мира”⁴. Невежество, неискренность и чванливость, по мнению Дэвиса, во многих случаях завели в тупик внешнеполитический курс Вашингтона, сделав его архаичным и недальновидным. И самые печальные последствия это имело для отношений США с латиноамериканскими странами. Дэвис полагал, что, пока не поздно, Соединенные Штаты должны сменить тон и предстать в глазах своих многочисленных южных соседей эдаким добрым родственником или соседом, самым воплощением миролюбия и бескорыстия. “Я думаю, — писал он, — было бы хорошо для нас заявить, что мы желаем взаимовыгодных отношений дружбы, равноправных и прибыльных торговых контактов с близкими нам латиноамериканскими республиками; нам следует прекратить вмешательство в их внутренние дела, которое обернулось массовыми убийствами американскими солдатами так называемых мятежников, и другие виды несанкционированных вторжений, как это было в случае с Никарагуа”.

Рузвельт был в восторге от этой шпаргалки. Скроить из нее статью, обещанную им влиятельному журналу “Форин афферс” и призванную, как он мыслил себе, быть внешнеполитическим манифестом демократической партии, не составляло труда. И то, что появилось в июльском номере за 1928 г., имело определенную антиизоля-

сионистскую окраску и напоминало прямой вызов внешнеполитическим принципам республиканской администрации. Сказав о том, что в истории Америки были периоды, когда ее политическое руководство подавало цивилизованному миру пример доброй воли и миролюбия, Рузвельт тут же отметил, что с победой республиканцев летом 1919 г. на выборах в конгресс США “сделали очень мало или ничего не сделали” для решения острых проблем, с которыми столкнулось мировое сообщество. Удивив многих, кто был знаком с его политической карьерой и трепетным отношением к созданию превосходящей все остальные страны морской мощи, Рузвельт обрушил критику на программу возобновления военно-морского строительства, начатого республиканцами (в поражающих масштабах)⁵, заодно обвинив их в подрыве “принципов мира” за отказ от сотрудничества с Лигой наций и Международным судом. Он не призывал вступить в Лигу наций, но в духе наставлений Дэвиса ратовал за более активное участие во всех ее процедурах и начинаниях.

В той части статьи, где речь шла о политике Соединенных Штатов в Латинской Америке, Рузвельт заявил о невозможности для США в сложившихся условиях, не считаясь ни с чем, выполнять присвоенные ими самими жандармские функции на континенте. Развивая по-своему идеи Дэвиса, Рузвельт предлагал использовать здесь новые, более соответствующие изменившейся обстановке методы, с тем, чтобы удержать “братские страны” в орбите влияния США. “Пришло время, – писал он, – когда мы должны следовать... новому, улучшенному стандарту поведения в международных отношениях”. Рузвельт считал, что лишь в случае, когда южные соседи окажутся перед угрозой гражданской войны, США должны прийти им на помощь для восстановления порядка и стабильности. “Но, – читаем далее, – Соединенные Штаты не могут и не должны ссылаться на свое право или обязанность прибегать к интервенции без согласования с другими странами региона. Обязанность США – совместное с другими латиноамериканскими республиками изучение проблемы и, если условия того требуют, предоставление помощи (либо в одностороннем порядке, либо вместе с другими странами) от имени всей Америки. Политике вмешательства во внутренние дела других государств на основе односторонне принятого решения должен быть положен конец; в сотрудничестве с другими странами мы обеспечим больше порядка в нашем полушарии...”⁶ В этом пассаже Франклин Рузвельт четко отмежевывается от “короллария Теодора Рузвельта”. Он устарел, ему на смену должна была прийти другая тактика.

Итак, “дипломатия канонерок” должна стать более улыбочивой и более... коллективистской, добрососедской, терпимой. Ведь политика единоличного диктата в отношении южных соседей роняет репутацию Вашингтона, фактически ведя повсюду к сохранению непопулярных авторитарных режимов. Гибкая же тактика придаст внешней политике и дипломатии США благопристойные черты, более

соответствующие демократическим тенденциям в международной жизни, укореняющимся с 1918 г. Разве не этого хотел В. Вильсон? Рузвельт был очень доволен своей статьей. Ее восприняли как новое слово в подходе к внешнеполитическим проблемам в целом, хотя консерваторы обеих партий и пытались замолчать саму тему внешней политики, уповав больше на “триумфальную поступь” материального преуспевания страны и на фантастические способности большого бизнеса без чьего-либо вмешательства решать любые проблемы, усмиряя с помощью инвестиций, подкупа и внутренних расколов сопротивление “американизму”.

Между тем эти самые проблемы продолжали накапливаться. Впрочем, ослепленные внешним благополучием, уверовавшие в нескончаемое капиталистическое “процветание” сторонники республиканцев не замечали никаких опасностей. Однако стало ли материальное благополучие устойчивой реальностью для большинства трудового населения Америки? Факты показывают, что на этот вопрос следует ответить отрицательно. Диспропорции в экономике сохраняли очень острой проблему занятости и потребления и после первого послевоенного экономического кризиса 1920–1922 гг. Безработица и в “хорошие времена” буквально по пятам преследовала рабочих многих отраслей, положение которых оставалось неблагоприятным, а иногда и просто бедственным. Никто не гарантировал им постоянную работу и поддержку со стороны общества в течение нескольких месяцев, а то и года в случае ее утраты. Точное число безработных установить трудно: учет был весьма несовершенным. Но выборочные данные показывают, что в разгар “процветания” безработица почти никогда не опускалась ниже 4% от численности занятых в различных отраслях экономики, исключая сельское хозяйство⁷.

В 1929 г. один из популярных общественно-политических журналов США опубликовал статью председателя Национального комитета демократической партии Джона Раскоба под названием “Каждый должен быть богатым”. Однако приводимые в печати данные развенчивали эти, по-видимому, не очень искренние призывы. В самом распределении доходов содержался ответ на вопрос, устраняли ли бедность и классовая дифференциация в Америке, чего надлежало якобы ждать в будущем. Согласно данным Института Брукинга, доход имеющих самый высокий уровень жизни американских семей (0,1% общего числа) в 1929 г. был равен доходу 42% семей, находившихся на нижних ступенях социальной лестницы. Исследования показывали, что “процветание” сопровождалось не сужением пропасти между бедностью и богатством, а ее расширением, усилением диспропорций между производством и потреблением⁸.

Данные по статьям семейных бюджетов еще более характерны. Почти 80% всех американских семей (21,5 млн) не имели никаких сбережений. 24 тыс. самых состоятельных семей (0,1%) являлись

владельцами 34% всех сбережений, 2,3% семей с годовым доходом 10 тыс. долл. принадлежало 2/3 всех сбережений⁹. К тому же для ряда категорий американцев “процветание” без преувеличения оставалось призрачным явлением и даже в определенной мере бедствием, периодом мучительной ломки, выталкивания их из сферы общественно полезной деятельности в сферу пауперизма. Это относится к рабочим некоторых традиционных отраслей (добыча угля, большинство отраслей легкой промышленности), мелким предпринимателям, бесцеремонно вытесняемым крупным капиталом, и, конечно, к сельскохозяйственному населению, фермерам, арендаторам и издольщикам.

Иногда 20-е годы в истории США называют “ревущими 20-ми”, желая передать дух и особый размах деляческой инициативы, спекулятивной горячки и криминального разгула, которые придали специфическую окраску этому периоду. Применительно к фермерству эта дефиниция пригодна в том смысле, что его протестующий голос выделялся на общем спокойном фоне в силу прямого и самого значительного по своим масштабам почти за всю историю США обнищания под ударами затяжного аграрного кризиса. Все время раздвигающиеся “ножницы” между ценами на промышленные товары, потребляемые фермерами, и сельскохозяйственными продуктами (первые непрерывно росли, вторые так же непрерывно снижались) сделали большинство хозяйств мелких и средних фермеров хронически убыточными. Доля семей фермеров, представлявших 22% населения США, в 1920 г. составляла 15% в национальном доходе страны. Через восемь лет эта доля уменьшилась до 9%. В 1929 г. средний ежегодный доход жителя сельской Америки составлял 273 долл., в то время как средний доход американца-горожанина – 750 долл.¹⁰ Все увеличивающееся бремя задолженности, эпидемия разорения буквально сгоняли фермерское население с земли, которое бежало в города, пополняя армию безработных и заселяя кварталы городских гетто.

Оказавшееся в тисках кризиса перепроизводства, напрасно зывающее о помощи и, пожалуй, больше всех тогда заинтересованное в правительственной поддержке, фермерство и аграрный сектор в целом были прообразом ближайшего будущего всей страны. Стоит повторить, однако, что столь явно заявившие о себе симптомы заболевания, свидетельствующие о надвигающемся крахе, не вызывали общественной тревоги, а отдельные трезвые прогнозы тонули в шумной разногласии восхвалений в адрес экономической стратегии крупного капитала. Даже фактическое признание незаконной социальной доктрины “прогрессивной эры” начала XX в. не заставило американцев выйти из состояния апатии и безмятежности. Как должное и как последнее слово философии делового успеха многими воспринимались нападки на вильсоновских либералов и прогрессистов за допущенные ими “расширительные” толкования конститу-

ции, которые, как говорили и писали, ослабляли правовую защиту от “социалистических посягательств на собственность”. Здесь в первую очередь имелось в виду признание договорных прав профсоюзов, регламентирующих условия труда и тем наносящих якобы непомерный ущерб собственническим интересам бизнеса. Идеология застоя, отказ от поиска новых правовых форм общественных отношений, разумной социальной политики, диктуемой изменившимися условиями, жизнью, нашли свое законченное выражение в постулате, выдвинутом в 1921 г. председателем Верховного суда и экс-президентом У. Тафтом: “Лучше терпеть зло, нежели прибегать к разрушительным нововведениям, в ходе которых эти нововведения могут оказаться хуже зла”¹¹.

Получив столь авторитетную моральную санкцию, “зло” в виде ущемления прав лиц наемного труда, гонений на их организации, стачечную и политическую активность профсоюзов пополам с проповедью индивидуализма и расизма, презрения к неудачникам и обездоленным пустило глубокие корни, порождая новое зло и создавая условия, как выразился однажды Рузвельт, для возвращения эпохи “нового экономического феодализма” – абсолютного, ничем не ограниченного произвола олигархической верхушки общества¹². В 1929 г. продолжительность рабочего дня американского рабочего была больше, чем в других индустриально развитых странах. Системы социального страхования по безработице и пенсий по старости не существовало, в то время как в европейских государствах она давно уже служила средством защиты (пускай несовершенной) трудящихся от превратностей экономической конъюнктуры. Использование детского труда, дискриминация иммигрантов, афроамериканцев и женщин ставили Соединенные Штаты довольно-таки в пикантное положение: Америка по многим показателям не отвечала требованиям Лиги наций. Помимо этого целые регионы и отрасли оказались не затронуты “процветанием”, обнажая все обострившийся конфликт между низким уровнем потребления масс и стремлением технологически перевооруженного производства развивать производительные силы таким образом, как если бы пределом развития были лишь абсолютные потребительские запросы людей. Осенью 1929 г. унаследованный от XIX в. механизм воспроизводства вновь восстал против способа обмена, но на этот раз сила взрыва накопленных горючих материалов не знала себе равных. Было и еще одно обстоятельство, которое говорит о многом: США стали эпицентром мирового экономического кризиса, именно отсюда поступали разрушительные импульсы, подрывающие мировое хозяйство и оказывающие дестабилизирующее воздействие на международную обстановку в целом.

Паника на нью-йоркской бирже в конце октября 1929 г. проложила глубочайшую межу в социально-экономической и политической истории США. В чем-то она вполне сопоставима с взятием

южанами форта Самтер 12 апреля 1861 г. Все стало принято делить на “до” и “после”. Страна была ввергнута в водоворот экономического кризиса в тот момент, когда еще не улеглись страсти избирательной кампании 1928 г., памятной безудержным бахвальством республиканцев по поводу достижений “новой эры”, обещаниями их лидера, избранного президентом, Герберта Кларка Гувера сделать американцев “еще богаче” и натужными усилиями расколотых на две фракции демократов убедить избирателей, что они могут делать все то же самое, только лучше и скорее “великой старой партии”.

Лавина банкротств, падение уровня производства (до самой низкой отметки в 1932 г.), многомиллионная безработица за очень короткий период времени смыли румяна “процветания” и обнажили неустраненные противоречия американской экономики. Общество, привыкшее судить о себе по красочным рекламным щитам, обнаружило, насколько еще малодоступность и дешевизна тех или иных потребительских товаров, вроде автомобиля, отражают прочность базовых основ, которые позволяют ему не только гармонично развиваться, но и просто существовать. Вмиг сотни тысяч семей, еще вчера пользовавшихся благами высоко индустриализованной цивилизации, с потерей кормильцем работы столкнулись с нищетой и голодом, без всякой поддержки и, что хуже всего, без права ее получить. Знаменитый острослов Билл Роджерс мрачно съязвил: “Мы первая в истории человечества нация, которая отправляется в приют для нищих в автомобиле”¹³.

Полнейшая незащищенность трудовой Америки от безработицы, выселений, сгона с земли была самым тяжелым следствием господствующей социально-экономической доктрины. Уровень безработицы мог показаться просто невообразимым, о таких показателях никто раньше не мог и подумать. “Сколько американцев не имело работы в марте 1933 г.? – спрашивал в одном из своих выступлений в 1936 г. ближайший помощник Рузвельта Г. Гопкинс, взваливший на себя бремя организации социальной помощи. – Если вы назовете цифру в 18 или даже в 13 млн, то и меньшая из них способна привести в ужас”. А что же общество? Оно отвернулось от терпящих бедствие сограждан, алчущих помощи и участия, но взамен наталкивающихся на стену равнодушия и... оскорбительную подозрительность. Настроенный на “процветание”, обыватель не признавал ссылок на “независящие” обстоятельства. По словам того же Гопкинса, “существовала тенденция обвинять безработных в отсутствии патриотизма, в попытке жить за чужой счет”. Между тем государственная политика США в вопросе социального страхования на протяжении многих десятилетий выражалась в неуклонном следовании пресловутой формуле “твердого индивидуализма”. В переводе на обычный язык это означало, что забота о миллионах американцев, ставших жертвами кризиса, является их личным делом или, в крайнем случае, прерогативой местных властей и частных благотворитель-

ных фондов. По мнению Гопкинса, этой “социальной слепоте” не было оправдания. “Мы сталкивались со значительной безработицей, – говорил он, – на протяжении 40 лет, но официально для решения этой проблемы вплоть до самого последнего времени не делалось ничего, ее упорно игнорировали”¹⁴.

Нью-Йорк одним из первых среди больших городов США оказался в положении осажденной крепости, оставшейся без всего самого необходимого. Численность армии нищих росла как снежный ком. Каждый новый день увеличивал ее на тысячи семей, подвигая город к критической черте. Нетрудно понять, почему именно здесь, в Нью-Йорке, среди политиков либерального толка (в основном демократов) сложилось убеждение, что уменьшить вероятность катастрофы сможет только энергичное вмешательство властей. Нью-Йоркская действительность 1929–1933 гг. на всю жизнь оставила у многих из них острое ощущение глубины переживаемого страной социального кризиса и опасной близости взрыва в избытке скопившегося повсюду горючего материала. “Будучи причастен, – отмечал Гопкинс в 1936 г., – к руководству программой помощи безработным с первых дней кризиса... я хорошо представляю масштаб бедствия – тех ужасных потрясений, которые заставили тысячи крепких семей обращаться за помощью к благотворительным организациям. Я видел, как удлинялись очереди за куском хлеба и чашкой кофе и переполнялись ночлежки для бедняков... Множество мужчин слонялись по улицам в безнадежных поисках работы... Впавшие в отчаяние, озлобленные толпы безработных брали штурмом местные муниципалитеты и помещения благотворительных организаций только для того, чтобы узнать, что казна пуста, после чего их разгоняли с помощью слезоточивого газа. Женщины, дети и старики, страдая от холода и голода, молили власти о крохах, чтобы хоть как-то продлить свое существование...”¹⁵.

КАК ПОМОЧЬ “ЗАБЫТОМУ ЧЕЛОВЕКУ”?

Главным призом демократов на выборах 1928 г. было губернаторское кресло в штате Нью-Йорк. Победа Рузвельта, похоже, удивила самих боссов партии. Ожидание неудачи объяснилось не только утратой демократической партией популярности у избирателей, но и опасениями, что претендент скорее оттолкнет, чем привлечет, голоса избирателей. У вступившего в борьбу за победу в имперском штате Рузвельта с точки зрения стандартных критериев было слишком много слабых мест. В прошлом он никогда не избирался на выборную должность более высокого уровня, чем скромное место в легислатуре штата, потерпел поражение на президентских выборах в 1920 г., в которых участвовал в качестве кандидата демократов на пост вице-президента, связал себя с

прогрессистским крылом партии в эпоху расцвета консерватизма и, наконец, был частично парализован.

Сам Рузвельт тоже не надеялся на успех, да и не хотел его по той простой причине, что успех неизбежно сделал бы его кандидатом демократов на выборах 1932 г., победить на которых никто в Таммани-холле (штаб-квартира демократической партии) тогда и не рассчитывал. Поскольку демократы считали, что “республиканское процветание” будет длиться долго, Рузвельт и его советник мудрый Л. Хоу в тайне планировали начать борьбу за Белый дом только в 1936 г. Таким образом, Рузвельт помимо своей воли (и это глубоко символично) в 1928 г. сделал первый шаг к президентству. Дальнейший ход событий принуждал его часто изменять самому себе. Ирония судьбы? И да, и нет. Жизнь научила Рузвельта адаптироваться к любой ситуации, быть заранее готовым к любым неожиданностям. Он решил повторить путь кузена Теодора Рузвельта до конца.

Став губернатором Нью-Йорка и оказавшись в эпицентре национального бедствия, Рузвельт в целом сохранял верность принятому плану. В принципе он следовал тем же курсом, что и республиканская администрация, дав повод в будущем рассуждать многим историкам о том, что между Гувером и Рузвельтом было больше сходства, чем различий. Но в части социальных нужд Рузвельт показал себя готовым идти дальше и быть чуть ближе к Европе: в 1930 г. он публично поддержал предложения о введении системы государственного страхования по безработице и пенсий по старости. Правда, затем последовала пауза и лишь в августе 1931 г. губернатор решил создать Временную чрезвычайную администрацию помощи в штате Нью-Йорк (ТЕРА), призванную принять ряд мер, дабы облегчить участь семей безработных. Поначалу Рузвельт полагал, что необходимость в ТЕРА вскоре сама по себе отпадет, и потому заботился главным образом о том, чтобы все начинание выглядело как можно благопристойнее в глазах его консервативных критиков. Ему удалось уговорить Джесси Страуса, председателя правления торговой фирмы “Мейсис и К°”, возглавить ТЕРА. Величественный Страус, не представлявший, как подступиться к делу, дав согласие, занялся поисками такого директора-распорядителя, на которого в случае провала затеи можно было бы свалить вину. А в провале почти никто не сомневался: безработица росла как снежный ком. Увы, все попытки найти нужного человека, какое-то время оставались безуспешными: никто не хотел выступать в роли мальчика для порки. И все же нашелся смельчак – мало кому известный, скромный деятель благотворительной помощи города Нью-Йорка Гарри Гопкинс. Губернатор Рузвельт никогда не жалел о своем выборе.

Весной 1932 г. Страус постарался избавиться от тягостных обязанностей президента ТЕРА и, выхлопотав себе пост посла во Франции, отправился в Париж латать пробоины в американско-французских отношениях. Гопкинсу он предложил поехать вместе с ним в ка-

честве помощника. Последовал отказ. Перспектива стать “салонным шаркуном” Гопкинса не устраивала. Его планы простирались значительно дальше дипломатической карьеры и офисов госдепартамента. Освободившийся пост президента ТЕРА, близость к губернатору открывали кратчайший путь вверх. Гопкинс знал, что Рузвельту импонировали его абсолютная бескорыстность, предприимчивость, лояльность, умение находить выход из труднейших ситуаций, не докучая жалобами и просьбами.

Решающего перелома в положении сотен тысяч семей, оказавшихся в плену нищеты, добиться было невозможно. Это было ясно и Рузвельту, и Гопкинсу. Экономика штата находилась в столь же плачевном состоянии, как и повсюду, хотя по большому счету власти в Олбэни (столица штата Нью-Йорк) охотно шли на контакты с не ортодоксально мыслящими интеллектуалами. Губернатор дорожил этим общением. Слово “реформа” произносили в Нью-Йорке не полушепотом, как где-нибудь в Оклахома-сити, вотчине республиканцев, а спокойно, без страха. Очень важно было и то, что ТЕРА на фоне бездействия федеральных властей и полицейских жестокостей, чинимых правительством повсюду, где происходили бурные сцены уличных беспорядков, давала Рузвельту психологическое превосходство над Гувером, в котором он так нуждался, начиная дуэль за президентское кресло. После дикой расправы над пришедшими летом 1932 г. в Вашингтон за помощью ветеранами Первой мировой войны и членами их семей, вызвавшей бурную реакцию в стране, Рузвельт возблагодарил собственные осторожность и выдержку, удержавшие его от рискованного шага – призыва Национальной гвардии встать под ружье для “усмирения” голодных бунтов в его собственном штате, Нью-Йорке¹⁶. К тому моменту, когда в связи с ростом безработицы обстановка в штате достигла апогея, ТЕРА играла роль громоотвода, хотя коэффициент ее полезного действия оставался невелик, а ресурсы ограничены. “С кризисом ничего нельзя поделать, – заявил как-то Гопкинс, – опираясь исключительно на средства города Нью-Йорка или штата Нью-Йорк”¹⁷.

Впрочем, все заметили, что и в риторике губернатора Нью-Йорка появились новые интонации. И дело было вовсе не в том, что менялись, становясь более решительными, настроения его советников, членов так называемого мозгового треста. Новый язык они постигали на улицах промышленных городов, заполненных возмущенными людьми, бурлящих, готовых ошестиниться баррикадами, на деревенских проселках, в поднявшихся на вооруженную борьбу с полицией и бандами хозяйских наемников шахтерские городки. По стране прокатилась волна манифестаций и общенациональных голодных походов безработных, везде выросла численность и активность их организаций. Как правило, их возглавляли вновь почувствовавшие свою востребованность левые и их попутчики. Вслед за оживлением рабочего движения, опережая его, начало бурно развиваться

ся фермерское движение, вызванное банкротствами, распродажами с молотка, ростом задолжности. Забастовки фермеров сопровождались бойкотом посреднических компаний, вооруженными выступлениями против властей, никак не реагирующих на призывы о помощи, спасении фермерских хозяйств. В конгрессе постоянно велись дебаты вокруг вопроса о неизбежной вспышке стихийных бунтов и перерастании их в нечто более серьезное, чем протест разрозненных групп возмущенных людей¹⁸. Если верить Ф. Скотту Фицджеральду, многие готовились покинуть Америку. Писатель сказал об этом в романе с символическим названием "Последний магнат".

Во что все это могло вылиться? Цепную реакцию локальных мятежей или настоящую революцию? Настораживали события в Европе: исторический опыт свидетельствовал, что США не были отгорожены от нее непроходимым рвом, обострение борьбы низов и верхов, рост насилия в европейских странах все чаще эхом отзывались в Америке. Осенью 1931 г. Рузвельт попросил известного журналиста Ф. Аллена ознакомить его с положением дел в Германии¹⁹. Хорошо усвоивший уроки вильсонизма и либерально-прогрессистской традиции, Рузвельт хорошо понимал, к чему может привести низвержение большинства народа до положения коллективного нищенства, опустившаяся на страну пелена страха и поиски панацеи отчаявшимися людьми. Впервые, может быть, за многие десятки лет никто из политиков не мог сказать, что ждет страну "за углом".

Внутренне Рузвельт, пожалуй, глубже и острее, чем кто-либо другой в руководстве демократической партии, сознавал необходимость назревших перемен, но выработанная с годами привычка быть скрытным, не посвящать никого (даже самых близких единомышленников) в свои планы, вера в эффект внезапности удерживали его от слишком ясных заявлений на этот счет. И тем не менее, рискованно выходя на тему бедности и социальной ответственности государства, он исподволь принялся убеждать Америку, что в его лице она имеет политика-реалиста, обладающего чувством нового, отдающего себе отчет в подлинных причинах потрясений и готового прислушаться к голосу их жертв. Мастерски проведенная Рузвельтом осенью 1930 г. кампания по переизбранию его на пост губернатора Нью-Йорка и одержанная им ошеломляющая (с превышением в 725 тыс. голосов) победа убедили скептиков в руководстве демократов, что этот обреченный, как многим казалось, на бездеятельность, физически немощный политик способен не только спасти партию от бесславного конца, но и вернуть ей положение партии большинства. Джим Фарли, новый лидер демократов в штате Нью-Йорк, через день после выборов сказал журналистам: "Я не знаю, как м-р Рузвельт сможет избежать того, чтобы не стать кандидатом своей партии на президентских выборах 1932 г., даже если никто не пошевелит пальцем в его поддержку". Рузвельт ни слова не говорил Фарли о

своих намерениях, но заявление последнего было тщательно отредактировано Л. Хоу, тогда главным советником губернатора²⁰.

В вышедшей в 1931 г. при содействии того же Л. Хоу и супруги губернатора Э. Рузвельт книге журналиста Э. Линдли Рузвельт был причислен к разряду “прогрессивных политиков”, однако эти авансы были отпущены губернатору Нью-Йорка явно в кредит. Мысли о переформулировании национальной идеи и об экономической реконструкции Рузвельт не торопился выносить на всеобщее “обозрение”. Еще весной 1931 г. Рузвельт говорил о “новых и не испытанных еще средствах”, о необходимости не только экспериментировать, но и доверить государственное управление “позитивному руководству” по причине изменений в “экономическом и социальном балансе” страны²¹. И ничего конкретного и существенного, выходящего за пределы традиционной “лексики”. Но вот в июне 1931 г., высказав ряд нелестных замечаний по адресу экономической доктрины республиканцев, Рузвельт предложил законодательному собранию штата Нью-Йорк программу действий, включавшую ассигнования на прямую помощь безработным и организацию общественных работ. Обращаясь к членам собрания, Рузвельт с присущими ему утвердительными интонациями зачитал следующее место своего послания: “Обязанности штата перед гражданами аналогичны обязанностям слуги перед его хозяином. Одна из обязанностей штата – заботиться о тех гражданах, которые стали жертвами неблагоприятных обстоятельств, лишивших их возможности обеспечить самое необходимое для жизни... Помощь этим гражданам должна быть предоставлена правительством не в качестве благодеяния, а в качестве исполнения общественного долга...”²² Не в качестве благодеяния... На фоне упорного повторения Гувером тезиса о пагубности правительственного вмешательства в дело помощи неимущим эти заявления прозвучали чуть ли не революционно.

А уже весной 1932 г., фактически начав избирательную кампанию за овладение Белым домом, Рузвельт окончательно придал своим речам форму самостоятельной политической платформы, умудряясь при этом не сказать ничего определенного о том, как добиться перелома в экономике, и не касаясь по существу важнейших проблем внутренней и внешней политики США. Основной упор был сделан на том, что новой администрации следует приспособиться к новым реалиям в экономике и политике. Члены “мозгового треста” Рузвельта, выкладывавшие на его стол радикальные проекты перестройки экономики, с немалым удивлением затем узнавали, что большинство из этих проектов превращалось в некое довольно-таки безобидное блюдо и преподносилось общественному мнению в виде туманного призыва к активным действиям, направление которых должен был подсказать его величество “ход вещей” и политическая конъюнктура.

Но Рузвельт показал себя мастером политического общения. Тон его избирательной кампании зададо знаменитое выступление

по радио 7 апреля 1932 г. (речь о “забытом человеке”), более же развернутое отношение к решению национальных проблем Америки было изложено им в другой речи, произнесенной месяцем позже в Оглторпском университете (в мае 1932 г.). Ее можно было бы назвать введением в философию политики реформ. Мгновенно она превратилась в евангелие рузвельтовских либералов и мишень для их критиков. Рузвельт констатировал: “Страна нуждается и, если я не ошибаюсь, страна требует смелого и настойчивого экспериментирования. Здравый смысл подсказывает, что следует прибегнуть к какому-нибудь методу и испытать его. Если он себя не оправдает, надо это честно признать и поискать другой метод. Но прежде всего нужно попытаться что-то сделать”²³. Оба эти немногословные, но запомнившиеся стране выступления, наделавшие много шума и отражавшие новые ценностные ожидания американцев в 30-е годы, обозначили социальный и гуманистический аспекты идеи социально-экономического экспериментирования, ставшего квинтэссенцией “эры реформ” Рузвельта.

Написанная профессором Колумбийского университета Р. Моли, тогда ведущей фигурой в “мозговом тресте”, речь о “забытом человеке” объясняла бедственное положение страны, низким уровнем потребления ее граждан и возвращала американцев (впервые после “прогрессивной эры”) к проблемам перераспределения доходов. Экономическая политика президента Гувера, игнорирующая нужды миллионов простых американцев и целиком ориентированная на запросы имущих классов (“они помогут другим”), была подвергнута сокрушительной критике как проявление обанкротившегося социально-дарвинистского подхода. В речи проводилась параллель между катастрофическим положением в американской экономике и войной и выражалось убеждение в неизбежном изменении роли государства в ходе решения вставших перед нацией проблем. Страна, сказал Рузвельт, нуждается “в планах, наподобие тех, которые были реализованы в 1917 г. (намек на военную экономику США и методы правительственного вмешательства в хозяйственную жизнь на пике вильсоновского реформаторства. – В.М.) и которые строились как бы снизу вверх, а не сверху вниз, другими словами, страна нуждается в планах, учитывающих интересы забытого человека, находящегося у основания экономической пирамиды”. Далее дезавуировалась официальная версия причин экономического краха. Гувер говорил о внешнем источнике кризиса. Средство, способное вернуть экономике устойчивость, заявил Рузвельт “должно уничтожать бактерии внутри системы, а не лечить внешние симптомы заболевания”²⁴.

Речь о “забытом человеке”, короткая и эмоционально яркая, вызвала самые разноречивые отклики: надежды в демократических низах и гнев верхов, усмотревших в ней чуть ли не желание посеять классовую рознь в стране, противопоставив неимущих имущим, бедных богатым, и возродить традиции популизма. Сторонник Рузвель-

та сенатор К. Хэлл (штат Теннесси) с опаской говорил о повторении “еще одной кампании Брайана”, а многолетний лидер демократов А. Смит, длительное время известный своей популярностью у городских средних слоев, сделал заявление в форме протеста, объявив речь Рузвельта чем-то вроде подстрекательства, способного-де вызвать раскол в обществе, а вслед за тем и другие страшные последствия. То, о чем умалчал Смит, было понятно каждому. Напряжение в стране возрастало с каждым днем, заставляя многих рассматривать предстоящие выборы чуть ли не как референдум о судьбах капитализма в США²⁵.

Настороженная реакция на речь 7 апреля показала Рузвельту, что для него самого наибольшей опасностью оставалась возможность вообще выбыть из числа претендентов от собственной партии на пост президента США, ибо отныне никто не мог поручиться, что победу на съезде демократов, который должен был собраться в июне 1932 г., может одержать поборник интересов простолюдина, человека с улицы, выброшенного на обочину жизни системой. Национальный комитет демократической партии, контролируемый Дж. Раскобом и его людьми, побаивался Рузвельта, делая ставку на А. Смита (прогрессивно настроенный республиканец Гарольд Икес назвал его “восторженным младшим братом богатства”) и на Джона Гарнера, сенатора от штата Техас, который некогда пользовался репутацией популиста, но к началу 30-х годов рассматривался руководством партии в качестве “демократического Кулиджа”. К счастью для Рузвельта, те, кто вершил делами в партии, понимали, что, если даже Смит и Гарнер смогут завоевать две трети голосов делегатов съезда демократов, они вместе или порознь погубят шанс демократов прийти к власти, заняв место знаменосцев партии. Настроения в стране изменились круто и, судя по всему, очень надолго.

Без такого молчаливого консенсуса в отношении признания необходимости придать облику демократической партии новые черты²⁶, символизирующие ее близость к массам, Рузвельт, наверное бы, не решился дать указание Моли подготовить записку о переориентации партии в преддверии приближающихся выборов и с целью завоевания большинства избирателей на ее сторону после двенадцатилетнего пребывания в оппозиции. Моли (о близости его с Рузвельтом в то время многие говорили с опаской, полагая, что книжник из Колумбийского университета может сыграть роль Распутина в новейшей истории США) выполнил задание с тщанием, на которое только был способен. В результате на столе у Рузвельта появился длинный меморандум, призывающий демократическую партию проводить “новый курс”, и укреплять массовую базу за счет привлечения под ее знамена рабочих, фермерства, средних слоев. “В стране нет места для двух реакционных партий”, – писал Моли. Народ не хочет выбирать между двумя названиями одной и той же реакционной доктрины. Он жаждет реальной альтернативы²⁷. Моли предло-

жил сделать эти два слова – “новый курс” – эмблемой эпохи, поскольку-де они определяют содержание качественных преобразований (от которых, кстати, сам Моли вскоре отречется), нужных стране как воздух и энергия солнца.

Просочившиеся в прессу сведения о домашних “заготовках” Рузвельта вызвали в недрах демократической партии протестное движение “Остановить Рузвельта”. Давние и непримиримые враги оказались в рядах этой пестрой коалиции – А. Смит, У. Макаду, Б. Барух, У. Херст. По самым благожелательным для Рузвельта оценкам, добиться победы над ней на съезде демократической партии было делом сверхсложным. Так думали многие, но, похоже, это не могло вывести из равновесия самого Рузвельта. Изменив свою позицию по отношению к Лиге наций (Рузвельт слыл сторонником вхождения США в эту международную организацию) и заявив о негативной оценке ее деятельности, Рузвельт добился поддержки Херста, идеолога националистического движения “Америка прежде всего”. Многие “интернационалисты” среди демократов сочли это проявлением беспринципности. Однако сделка с Херстом принесла Рузвельту голоса делегации Калифорнии на съезде демократической партии, которых так не доставало перед последним, четвертым туром голосования. Компромисс с антивильсонистами привел к полюбовному соглашению о снятии кандидатуры Джона Н. Гарнера, расставшегося со своей розовой мечтой стать первым тегасцем-президентом взамен должности вице-президента, которую он ни во что не ставил. Впрочем, переживания старого конгрессмена мало кого волновали в окружении Рузвельта: оказавшийся вторым в списке партии “демократический Кулидж” позволил добиться примирения с Раскобом, Барухом и даже (временно) со Смитом, т.е. со всеми, кто сохранял в партии демократов влияние и кого тревожил или даже пугал “радикализм” губернатора Нью-Йорка.

Речь Рузвельта на съезде демократов в Чикаго 2 июля 1932 г., куда он прибыл, поломав многолетнюю традицию, на самолете, должна была подчеркнуть чрезвычайный характер сложившейся ситуации. Это верно, что ставшее историческим выступление губернатора Нью-Йорка базировалось на либерально-прогрессистских идеях меморандума Р. Моли. Противопоставить им что-либо из арсенала вигизма в тот момент, когда в Вашингтон со всех сторон стекались участники общенационального голодного похода безработных ветеранов Первой мировой войны и с каждым часом нарастало политическое напряжение, никто из оппонентов Моли просто не мог. Несколько важных пассажей речи Рузвельт почти целиком заимствовал у Моли. Так, Рузвельт обрушился на идею “выхолощенного вигизма” о “просачивании”, согласно которой, если богатству будет оказана поддержка, то в этом случае благополучие снизойдет и на “рабочих, фермеров и мелких предпринимателей”. О выборе народа Америки говорилось строкой из меморандума Моли: “Мы должны

быть партией либеральных принципов, спланированных действий, просвещенного подхода к международным делам и трудиться с максимальной пользой для подавляющего большинства граждан". Рузвельт вновь поднял тему "забытых" американцев, которые требуют более справедливого распределения национального богатства²⁸. Им были обещаны общественные работы, улучшение условий труда. Его главный оппонент, президент Гувер, отреагировал моментально, назвав демократов партией "толпы".

Существовали важные, хотя на первый взгляд неувидимые различия между меморандумом Моли и его рузвельтовской "версией". Выступление в Чикаго отличалось подчеркнуто уважительной интонацией к ценностям национального либерализма. Рузвельт говорил о помощи тем, кто находился на вершине социальной пирамиды, и как будто изложенная им программа неотложных мер в целом не могла вызвать серьезного беспокойства у имущих классов, воспитанных на идеях Локка. В частности, он говорил о режиме экономии правительственных расходов, отмене "сухого закона", новом законодательстве, регулирующем рынок ценных бумаг, о мерах по охране лесов, снижении процентных ставок на ссудный капитал и внешнеторговых тарифов и т.д. Однако народ в целом не должен опасаться крутой ломки. Ничего такого, кроме коррекции системы, не произойдет. "Я обещаю вам, – это было кульминацией речи Рузвельта, – и себе самому, что народ Америки будет следовать новым курсом". Во все времена отказ от "глупых традиций" не означал чего-либо большего, чем устранение помех для продолжения экономического роста. Поддержка реформы должна быть всенародной.

Рузвельт пожинал плоды искусного маневра. Партия демократов, за исключением крайне правой группировки демократов – "бурбонов", встала под знамена "нового курса". Более того, в стане ее политических конкурентов оказалось больше симпатизировавших Рузвельту, чем вчерашнему кумиру республиканцев Г. Гуверу. В штатах появились лозунги, призывавшие сторонников республиканцев голосовать за их кандидатов в конгресс, а вместе с ними за Рузвельта на пост президента США. Сенатор-демократ от Луизианы Хью Лонг в присущей ему грубоватой манере заявил репортерам, что "самая большая беда демократов в том, что они контролируют все голоса, но сидят без денег". И тут же предложил: "Мы можем продать президенту Гуверу миллион голосов за полцены, которую он собирается заплатить, чтобы заполучить их. Мы можем обойтись и без этих голосов, а вот деньгам найдем применение"²⁹. Деньги тоже вскоре нашлись: самые крупные взносы в избирательный фонд Рузвельта сделали виднейшие представители финансово-промышленного капитала – Б. Барух, У. Вудин, В. Астор, Дж. Раскоб, У. Херст, П. Дюпон, Дж. Кеннеди, Дж. Хёрли и др. Охотно принимая эти "знаки внимания", Рузвельт стремился придать своим речам дополнительную эластичность, часто вызывавшую недоумение и

тревогу у той части его сторонников (особенно интеллектуалов), которые видели, что в сложившейся обстановке никому не удастся ограничиться разговорами, что нужны практические шаги с целью немедленного улучшения бедственного положения масс в качестве первого условия устранения опасности социального взрыва.

Однако Рузвельт после съезда в Чикаго не изменил тактику. Его выступления по-прежнему были обтекаемыми, а порой даже складывалось впечатление, что они как бы уравнивали друг друга. В Коламбусе (штат Огайо) кандидат демократов атаковал Гувера за чрезмерные, по его мнению, меры в области регулирования экономики и призывал создать условия для конкурентной борьбы. Напротив, в речи в Сан-Франциско Рузвельт подтвердил, что убежден в назревшей потребности правительственного регулирования той же самой экономики. Однажды он удивил Моли, попросив его из двух вариантов речи по тарифу (в одном отстаивалась идея протекционизма, в другом содержалась похвала свободной торговле) сделать один, синтетический. В речи в Питтсбурге (штат Пенсильвания) он ратовал за всемерное сокращение правительственных расходов, сбалансированный бюджет и децентрализацию государственного управления. А в другой речи, произнесенной в Портленде (штат Орегон), Рузвельт пообещал сделать все возможное, чтобы поднять благосостояние народа и защитить его от алчной верхушки общества. Последнее предполагало решительное вмешательство государства во все сферы экономической жизни, расширение его социальной функции и серьезные ограничения хозяйствования олигархов. В итоге никто не знал, что можно ждать от кандидата демократов, хотя все связывали с его именем грядущие перемены. Некоторые из его речей, писал тот же Моли, другие по существу, были предназначены для завоевания избирателя на Среднем Западе, но без того, чтобы вызвать собачий гвалт на Востоке.

В июле 1932 г. Рузвельт получил письмо от губернатора Северной Каролины Макса Гарднера, совсем нерадикала, предупреждавшего его о провале в случае неверного истолкования им настроений масс, недооценки их стихийно бунтарского духа. “Американский народ, – писал Гарднер, – против существующего порядка вещей. Мы больше, чем слепцы, если думаем, что американский народ станет цепляться за status quo... Если бы я был Рузвельтом (т.е. кандидатом в президенты. – В.М.), я бы занял более либеральные позиции. Я бы шел вместе с толпой, ибо массы сейчас находятся в движении, и если мы хотим спасти нацию, то мы должны дать либеральную трактовку тем ожиданиям, которые переполняют сердца людей...”³⁰. В письме сквозила тревога по поводу “гутаперчивой” позиции Рузвельта. У. Липпман отозвался о поведении Рузвельта после съезда демократической партии еще более скептически, чем он это делал прежде в своей переписке с теми, кого он относил к убежденным либералам. “Две вещи в отношении Рузвельта, – писал он Феликсу

Франкфуртеру, близко стоявшему к Рузвельту, 14 сентября 1932 г., – беспокоят меня, а именно: то, что он любит политическую игру саму по себе и прекрасно себя в ней чувствует. Стремление продемонстрировать свое виртуозное искусство толкает его на путь ультраполитиканства. Другое мое опасение связано с тем, что он так дружелюбен и впечатлителен, так хочет всем угодить и, как я думаю, так нетверд в собственных убеждениях, что почти все зависит от предпочтений его советников. Меня полностью убедили в этой мысли последние недели, и особенно вся эта история с заигрыванием с группой Херста–Макаду (Липпман имел в виду уступки Рузвельта его критикам. – *В.М.*). Есть, разумеется, вещи, которые вызывают к нему сочувствие, – это стремление к переменам и его уверенность в необходимости переоценки ценностей. Но я очень медленно прихожу в себя от потрясения, которое произвела на меня его политическая кампания, предшествовавшая съезду демократов”³¹.

Даже в семейном кругу Рузвельт наталкивался если не на оппозицию, то на несогласие с его тактикой. Элеонора Рузвельт, супруга президента и энергичная поборница широких социальных реформ, высказывала опасения (совсем не лишённые основания), что уклонение Рузвельта от четких обязательств в отношении требований масс приведет к росту их разочарования в политическом либерализме и к открытому переходу на позиции поддержки левых сил. Когда много позднее один из ее ближайших друзей признался, что в 1932 г. он голосовал не за Рузвельта, а за кандидата социалистической партии Нормана Томаса, Элеонора Рузвельт не удивилась. “Я бы сделала то же самое, – сказала она, – если бы не была женой Франклина”³². Американский историк Роберт Макэлвейн высказывает на первый взгляд парадоксальную, но в основе своей верную мысль, когда пишет, что Гувер своими обвинениями Рузвельта в приверженности к радикальным переменам привлек на сторону последнего больше избирателей, чем это сделал сам кандидат демократической партии. И в самом деле, пропагандистская антирузвельтовская кампания правых сил, рисовавших его радикалом, объективно делала Рузвельта привлекательным для сотен тысяч избирателей, сочувствующих левым силам. Окажись на его месте А. Смит или Дж. Гарднер, эти американцы отдали бы свои голоса левым. “Настроение в стране такое, – признал после подсчета голосов один из членов администрации Гувера, – что мы, пожалуй, еще удачно вышли из этого положения, получив Рузвельта вместо социалиста или радикала”³³.

Результаты выборов 6 ноября 1932 г. устроили всех. Рузвельт одержал победу даже там, где никто этого от демократов не ожидал, на “дальнем” Юге и Западе. Главное же – выборы подтвердили высказанную Л. Харцем на первый взгляд парадоксальную мысль, что “радикализм” “нового курса” был не чем иным, как претензией на социалистический путь развития США, тщательно “загримированный” американской верой в постулаты Локка³⁴. Может быть, здесь

больше подошло бы слово “имитация”, но миллионы рабочих, фермеров, представителей городских средних слоев, дружно голосовавшие за партию “нового курса”, своей поддержкой подтвердили тот его внутренний подтекст, о котором говорил Харц. Новая демократическая, близкая по духу европейской социал-демократии коалиция левоцентристских сил стала складываться стихийно, как бы помимо Рузвельта. Растущее рабочее движение не играло в этой коалиции руководящей роли, хотя и было ее главной опорой. Заметим к тому же, что идеологически само рабочее движение оставалось расколотым, а в организационном отношении просто слабым. Не потому ли впечатляющая победа демократов, избрание Рузвельта президентом, поражение всех реакционных кандидатов, баллотировавшихся на вакантные места сенаторов и членов палаты представителей конгресса США, не сдвинули с места разработку ясной и четкой программы преобразований, которых так ждали и одновременно пугались американцы? Напротив, начался период политического маневрирования, бесцветных дебатов и препирательств. Складывалось впечатление, что полученный демократами 6 ноября 1932 г. мандат был им в тягость.

Однако события ранней весны 1933 г. заставили новую администрацию действовать более решительно. Накануне вступления Рузвельта в должность президента в Вашингтоне были получены известия о том, что во многих штатах, объявив о банкротстве, закрылись все банки. В дополнение к едва теплившейся деловой жизни это грозило в самое ближайшее время полным экономическим параличом. Паника и страх перед будущим охватили людей. Огромные толпы осаждали банковские учреждения, требуя возврата своих вкладов. Закрывались предприятия, школы и муниципалитеты... Рузвельт позднее говорил, что стоило правительству сделать один неверный шаг и последствия могли быть непоправимыми.

В передовой газеты “Нью-Йорк таймс”, вышедшей утром 4 марта, в день инаугурации Рузвельта, говорилось: “О нем будут думать как о чудотворце”. Да и сам новый президент хорошо понимал, что время выжидания прошло и только действия, немедленные, энергичные и нетрадиционные, могут предотвратить перерастание панических настроений в направленный (кем?) социальный взрыв, способный изменить старый порядок вещей (а не только “глупые традиции”) снизу доверху. Страна оказалась на краю пропасти. Это не преувеличение. Так говорил 7 мая 1933 г. сам Рузвельт³⁵. «Многие высокопоставленные лица в Вашингтоне и других городах, — отмечал в своих воспоминаниях бывший корреспондент “Нью-Йорк таймс” в Вашингтоне Чарльз Хёрд, — искренне благодарили Господа за то, что день вступления нового президента в должность пришелся на субботу, когда банки, биржи и другие финансовые учреждения были официально закрыты. Никто не знал, какое пламя могло бы загореться от искр, высекаемых сменой правительства. Некоторые

или, лучше сказать, многие боялись бунтов и мятежей в городах, которые могли вспыхнуть в задавленных бедностью кварталах или в хибарочных поселениях безработных. Хотя воинские части были введены в Вашингтон для помпы, а штабу генерала Д.А. Макарута отдали распоряжение находиться в состоянии готовности, использовать эти силы и для выполнения более серьезной задачи...»³⁶

Ненастье последних дней перед инаугурацией как бы подчеркивало давящую тяжесть обстановки. Победа Гитлера, ставшего 30 января 1933 г. канцлером Германии, дополнительно окрашивало ее в самые мрачные тона. Даже обычно уверенный в себе вновь избранный президент казался несколько подавленным. Стоя утром 4 марта на ступенях Капитолия, он принял присягу, все время сохраняя необычное для себя напряженное выражение лица. Лишь после того как он произнес первые фразы заготовленной для этого случая речи, напряжение спало, снова появились всегда присущие Рузвельту раскованность, свобода и экспрессия. Слова врезались в сознание стоящих у подножия Капитолия или прильнувших к радиоприемникам американцев как призыв сохранять надежду, не впадать в отчаяние, ждать перемен к лучшему. Наверное, трудно было найти в этой обстановке нужные слова. Рузвельту это удалось. «Итак, прежде всего, – говорил президент, – позвольте выразить мое твердое убеждение, что единственно, чего нам следует бояться, – это самого страха, безликого, неосознанного, неоправданного ужаса, который способен парализовать усилия, столь необходимые, чтобы превратить отступление в наступление».

Рузвельт, еще не зная, располагает ли он временем для перегруппировки сил, говорил о скором контрнаступлении. Это должно было вселять оптимизм, убивать вирус неверия в страну, правительство, «Американский путь». Обрушившись с критикой на некомпетентность банкиров, этих «неразборчивых в средствах ростовщиков», поставивших на место христианских ценностей власть чистогана, Рузвельт обещал положить конец бесконтрольному хозяйничанию экономических «роялистов». Народ не должен был страдать из-за эгоизма кучки людей, владеющих богатством и не умеющих им разумно распорядиться. «Изгнать меня из храма» – повторила за ним вся страна. Из всех обуревавших народ смятенных чувств он выделил только одно – обретенное сознание взаимообусловленности индивидуума и общества, т.е. взаимозависимости людей друг от друга, – сознание того, «что мы не можем просто брать, мы должны также и отдавать». Радио разносило по всей стране слова президента: «Нация требует безотлагательных действий... Мы должны взяться за дело незамедлительно». Создавшееся положение Рузвельт отождествил с войной, потребовав от «народа и конгресса» чрезвычайных полномочий, аналогичных тем, какими пользуется президент в военное время³⁷. Во все хрестоматии по политической истории США речь 4 марта вошла как призыв к преодолению страха.

Во второй половине дня 4 марта 1933 г. в Овальном кабинете Белого дома состоялось первое рабочее заседание новой администрации. Президент обещал нации возвращение уверенности в будущее. Первыми эту уверенность обрели те, кто обитал на вершине социальной пирамиды: кабинет больше чем наполовину был сформирован, как оказалось, из хорошо известных деятелей весьма умеренного толка. Ни один из них не был замечен в желании стать политическим бунтарем. Присягу принесли один из столпов консервативного крыла демократов в конгрессе, сенатор от штата Теннесси К. Хэлл (государственный секретарь); миллионер У. Вудин (министр финансов); независимый республиканец Г. Икес (министр внутренних дел); прогрессист Г. Уоллес (министр сельского хозяйства), влиятельный политик из “фермерского пояса”, снискавшая себе известность на поприще осуществления социальных программ в Нью-Йорке Ф. Перкинс (министр труда); Х. Каммингс (министр юстиции); Д. Роупер (министр торговли), занимавший административные посты еще в правительстве В. Вильсона; Дж. Фарли (министр почт); К. Свэнсон (министр военно-морского флота), вирджинский политик, пользовавшийся поддержкой рузвельтовской партии в сенате; и Дж. Дерн (военный министр). Никто из видных представителей профсоюзов или фермерских организаций в кабинет Рузвельта не вошел, но впервые за всю историю американского государства в нем появилась женщина – министр труда.

РЕФОРМЫ “СТА ДНЕЙ”

Первоочередной проблемой, вставшей во весь свой пугающий рост перед новым кабинетом, был банковский кризис. Все ждали от президента решительных мер, но... Впоследствии радикально настроенный сенатор Бронсон Каттинг писал: “Я с болью в сердце вспоминаю события 4 марта 1933 г. Тогда национализация банков Рузвельтом не встретила бы ни одного протестующего голоса. Это была крупная ошибка президента”. За несколько часов до открытия специальной сессии конгресса Белый дом посетили лидеры прогрессистов – сенаторы Р. Лафоллет и Э. Костиган, намеревавшиеся побудить президента передать банки в общественную собственность. Рузвельт это предложение отклонил³⁸. Вместо этого 5 марта декретом президента было объявлено о четырехдневном принудительном закрытии всех банков, “банковских каникулах”. Одновременно правительство наложило запрет на вывоз золота, серебра и бумажных денег из США.

9 марта, в первый же день работы специальной сессии, на обсуждение конгресса был поставлен проект закона о банках. Некоторые вновь избранные сенаторы еще разыскивали свои места, когда чтение законопроекта уже закончилось. Обсуждение заняло всего

40 минут. Через 8 часов после зачитания билля в конгрессе он был подписан президентом и стал законом. Разработанный банкирами и чиновниками министерства финансов, назначенными еще Гувером, он по большому счету не ущемлял интересов финансовых магнатов. “Президент изгнал меня из столицы 4 марта, а 9 марта они вернулись назад”, – пожаловался один из прогрессивно настроенных конгрессменов. Ему, не скрывая негодования, в частном послании от 9 марта вторил редактор журнала “Нейшн”: “Информация, которую мы получили из Вашингтона, вызывает сильнейшее недоумение. Рузвельт в своей первой речи при вступлении в должность... изгнал меня из храма, а теперь они вновь возвратились в Белый дом и объясняют ему, что он должен делать... Конечно, как это всем известно, банкиры сейчас приутихли, потому что получили страшный удар и не видят возможности в ближайшее время серьезно увеличить свои доходы. Но как только этот шквал уляжется (а это случится), они вернутся к своей старой практике. Их спасли средства, взятые у народа и переданные им правительством в рамках мероприятий по регулированию бизнеса”³⁹. Однако, что бы не говорили некоторые решительно настроенные головы, Рузвельт добился своего. Банковские каникулы и другие меры по оздоровлению банковской системы способствовали ее восстановлению. “Капитализм, – сказал позднее Р. Моли, – был спасен. На это ушло восемь дней...”⁴⁰ Многие нахмурили брови, но Рузвельт убедил страну, что нельзя “плохо судить обо всех”.

Начало большой войны с бедностью чем-то напоминало строительство дамбы во время половодья, грозящего смести все со своего пути. Так уже было во время банковского кризиса. Та же напористость и апелляция к пониманию конгрессом необходимости безотлагательных действий в чрезвычайной ситуации, когда любое промедление могло оказаться непоправимым. 21 марта президент направил конгрессу послание, предусматривавшее ряд мер помощи безработным: организацию специальных трудовых лагерей для молодежи, широкое развитие сети общественных работ по всей стране и, наконец, финансовую помощь штатам для оказания прямой материальной поддержки голодающим семьям. 31 марта на основе Закона о чрезвычайных работах был создан Гражданский корпус охраны природных ресурсов (CCC) с целью привлечения к трудовой деятельности под общим наблюдением армейского командования 250 тыс. молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет. Они сажали леса, строили водоемы и дороги. Каждый получал по 30 долл. в месяц. А 12 мая Рузвельт подписал новый закон, согласно которому создавалась Федеральная администрация чрезвычайной помощи (ФЕРА), получившая в свое распоряжение от казны 500 млн долл. Половина этой суммы предназначалась штатам в виде дотации на организацию помощи безработным, другая – находилась в распоряжении федеральных властей. Главным распорядителем этих средств предстояло

стать Гарри Гопкинсу, завоевавшему в короткий срок огромный авторитет в стране благодаря своей неутомимой энергии и неподкупности. Консерваторы в конгрессе называли эти меры “социализмом”. Рузвельт поправлял их: предложенная программа действий не только оправданна, но и совершенно необходима для национальной безопасности.

Весной вновь стали поступать тревожные сигналы из фермерских округов. 9 мая в Белом доме раздался телефонный звонок из Миннесоты: губернатор штата заявил, что фермеры устали ждать, что они доведены до отчаяния распродажами с молотка их собственности за неуплату долгов и готовы на самые крайние меры. Рузвельт немедленно дал указание подготовить правительственное распоряжение о моратории на фермерскую задолженность⁴¹. 12 мая конгресс согласился вотировать аграрную программу правительства: президент получал беспрецедентные полномочия в дополнение к Закону о восстановлении сельского хозяйства (AAA). Такая отзывчивость и оперативность правительства и конгрессменов легко объяснимы: на 13 мая была назначена национальная фермерская забастовка. Во что она могла вылиться – никто не знал.

AAA явился важной вехой в деятельности правительства “нового курса”. Главная идея закона заключалась в попытке ликвидировать “ножницы” между ценой, затрачиваемой фермером на производство товарной продукции, и той, которую он получал после ее реализации. Чтобы сбалансировать предложение сельскохозяйственных товаров с рыночным спросом, программа AAA предусматривала в качестве главной меры изъятие из сельскохозяйственного производства части земли путем предоставления фермерам различного рода субсидий за отказ от ее обработки. AAA установил одинаковый процент сокращения посевных площадей для всех хозяйств, что, в свою очередь, возымело неодинаковые последствия для крупных и мелких хозяйств. Крупные землевладельцы и зажиточные фермеры часто совершенно безболезненно для себя шли на изъятие из производства неплодородных, а то и вовсе необрабатываемых земель, получая значительные премии и займы от государства и обращая их на цели интенсификации производства, за счет чего еще больше увеличивали валовые сборы и доходы. Мелкому же и части среднего фермерства сокращение посевов, несмотря на предусмотренную компенсацию, не сулило особых выгод. А чаще всего становилось дорогой к разорению.

Эти аспекты аграрной программы правительства предопределили неодинаковое к ней отношение фермерских масс. Американский историк Д.К. Файт, проведя тщательное исследование, пришел к выводу, что фермерство в своей массе согласилось с мерами контроля за размерами производства, но восприняло их как “нелюбимое дитя”. “Совершенно очевидно, – пишет он, – что люди, планировавшие в Вашингтоне аграрную политику, приняли принципиальные реше-

ния независимо от мнения фермерских масс, к которому политики отнеслись уважительно скорее в теории, чем на практике”⁴². Зажиточное фермерство, крупные сельскохозяйственные компании получили определенные выгоды от правительственной регламентации (они весьма энергично поддерживали AAA)⁴³, процесс же разорения мелких фермеров, хотя и не проходил в столь же мучительных формах, тем не менее по существу не был остановлен. Трудно сказать, какой результат принесло бы правительственное регулирование в деле стабилизации цен, если бы не опустошительная засуха, постигшая многие сельскохозяйственные районы США в 1933–1935 гг. и ликвидировавшая естественным путем часть излишков сельскохозяйственной продукции.

Правительственная деятельность протекала в ритме стаккато. Выявление новых потребностей или нарастание кризисных симптомов в какой-либо части общественного организма вызывало спазм активности администрации, которой в спешке далеко не всегда удавалось найти полностью удовлетворяющее ее самое решение. Однако своими действиями, нацеленными на то, чтобы, как говорил Рузвельт, “немедленно облегчить положение”, отзывчивостью на идущие снизу сигналы, открытостью прессе и публике правительство вносило элемент успокоения и надежды, чем достигало весьма важного результата – психологического перелома, который прямо “работал” на авторитет “нового курса” и Рузвельта⁴⁴.

Неимеющей аналога в предшествующей истории США реформой, осуществленной правительством по инициативе сенатора Дж. Норриса и сразу же завоевавшей признание большей части общественности, исповедующей идеи смешанной экономики, явилось создание 18 мая 1933 г. федеральной Администрации гидроресурсов долины реки Теннесси для строительства плотин, обуздания паводков, эксплуатации гидроэнергетических сооружений, проведения мелиоративных работ, производства удобрений и пр. В условиях США это был весьма смелый экономический и политический эксперимент, ибо деятельность нового учреждения базировалась не на частном интересе, а на создаваемой общественной собственности. Невзирая на заявления консерваторов о “социалистическом характере” предлагаемой реформы и “подражании Советам”, Рузвельт добился ее одобрения, утверждая, что она сделает “счастливее сотни тысяч людей”. Еще в 20-х годах группа законодателей во главе с сенатором-республиканцем Дж. Норрисом настаивала на сохранении в руках государства заводов военных материалов и гидросооружений в Масл Шоулс (штат Алабама), построенных в годы войны и способных преобразить огромную территорию, работая на живущих здесь людей. Но президенты Кулидж и Гувер отклонили все проекты Норриса, мотивируя это тем, что государственная собственность несовместима с принципами “американизма”. Характерно, что не-

жданная победа сторонников реформы Норриса расценивалась в то время представителями радикально-демократической мысли как едва ли не самое крупное достижение “нового курса” в борьбе с монополиями⁴⁵.

6 июня был принят Закон о создании федеральной службы занятости. 13 июня конгресс одобрил Закон о рефинансировании задолженности по жилищному кредиту. 16 июня Рузвельт подписал закон о банках и страховании банковских вкладов. В тот же день был обнародован Закон о кредитовании фермерских хозяйств (ФКА) с предоставлением 2 млрд долларов на оплату закладных, принесший немалое облегчение фермерству, задавленному кредиторами и живущему в страхе быть согнанным с земли. Но подлинной вехой в политической истории США этот день стал благодаря еще одному событию.

Американский историк Э. Хоули пишет: «Для группы конгрессменов, окруживших письменный стол президента утром 16 июня 1933 г., момент был поистине уникальный. Только что несколькими росчерками пера Франклин Рузвельт подписал Закон о восстановлении промышленности (НИРА), который, по оценке самого президента, представлял собой “самое важное и далеко идущее законодательство, когда-либо получавшее одобрение американского конгресса”»⁴⁶. Содержание закона еще не стало по-настоящему широко известной публике, а он уже был назван тем рычагом, который способен в самый короткий срок привести в движение весь экономический механизм. Реформистски настроенная часть крупного бизнеса встретила его с одобрением. Джон Рокфеллер-мл. характеризовал НИРА как “многообещающее и великое усилие на пути восстановления”⁴⁷. Генри Гарриман, президент Торговой палаты США, назвал его сводом правил о “конструктивном сотрудничестве”, руководствуясь которым благоразумные лидеры делового мира покончат в своей среде с “промышленными пиратами”, “эксплуататорами рабочих” и “беспринципными ценопонижателями”⁴⁸.

Можно ли отсюда заключить, что НИРА представлял собой обоснованную и всесторонне продуманную систему мероприятий – итог длительных усилий либеральной экономической мысли в поисках оптимального режима капиталистического воспроизводства? Отнюдь нет. Тот же Хоули убедительно показывает, что НИРА больше всего заслуживает называться “продуктом скорого обдумывания”, хотя Рузвельт и его бы отнес к категории “тщательно разработанных планов”. Он был прав только наполовину.

В самом деле, еще в марте 1933 г. у правительства “нового курса” не было конкретных планов экономической реформы промышленности. Сам Рузвельт объяснял это тем, что мнения, рождавшиеся в ходе дискуссии об экономическом планировании и реорганизации, еще не “выкристаллизовались”, что и оправдывало, как ему казалось, неторопливость администрации в этом вопросе. Что же тог-

да вынудило правительство в необычайной спешке в апреле 1933 г. подготовить проект закона о контролируемой экономике и модернизации трудовых отношений? Толчок событиям был дан 6 апреля 1933 г. В этот день сенат, уступив давлению со стороны вновь обретшего уверенность в соответственных силах организованного рабочего движения, неожиданно для правительства большинством голосов одобрил законопроект сенатора Х. Блэка о 30-часовой рабочей неделе на крупных промышленных предприятиях. Его авторы таким способом рассчитывали сократить массовую безработицу, полагая, что это откроет вакансии для почти 6 млн работников. Устами своего президента У. Грина АФТ положительно высказалась о законопроекте, рассматривая его как выход из положения и даже угрожая прибегнуть к всеобщей стачке в его поддержку, если шансы на прохождение законопроекта через конгресс окажутся минимальными.

Для большинства же промышленников подобная уступка была равносильна полной и безоговорочной капитуляции перед принципом самой строгой принудительной правительственной регламентации условий найма. На очень многих из них удручающе действовала жесткость обычно вечно поддакивающего менеджменту У. Грина. В ней угадывалось больше, чем желание просто припугнуть. Правительству было известно об отрицательном отношении крупного капитала к биллю. Сам Рузвельт говорил, что законопроект Блэка нельзя подогнать к расписанию дойки коров. Без лишних дебатов решили “потопить” его в скоропалительно подготовленном Законе о восстановлении промышленности. НИРА (внесен Рузвельтом на рассмотрение конгресса 17 мая 1933 г.), составленному, как писал Хоули, так же как и закон о банковской реформе, “пророками делового мира” принадлежало центральное место в системе реформ “нового курса”. Целями политики регулирования промышленности объявлялись обеспечение “всеобщего благосостояния” путем кооперации между отдельными группами предпринимателей, достижение сотрудничества между рабочими и работодателями (при содействии правительства), устранение “разрушительной конкуренции”, ведущей к снижению прибылей, подрыву деловой устойчивости, сокращению инвестиций и занятости.

Упорядочения отношений между предпринимателями и группами предпринимателей рассчитывали добиться путем принудительного картелирования промышленности. Для увеличения занятости, повышения покупательной способности и стабилизации товарного рынка различные отрасли промышленности приняли обязательство самоограничить себя “кодексами честной конкуренции”. Предполагалось, что в каждой отрасли под наблюдением правительства административными мерами через согласование можно будет остановить пагубный процесс взаимоуничтожения и, следовательно, восстановить силы, выработав строго определенные нормы производства и сбыта, а также определив уровень товарных цен и условия коммер-

ческого кредита. Группам промышленников вменялось в обязанность совместно с профсоюзами и при содействии федерального правительства найти способ определения минимальных размеров заработной платы и максимальной продолжительности рабочего дня, создав тем самым условия, как говорил Рузвельт, для удовлетворения физических потребностей тех миллионов американцев, которые испытывали крайнюю нужду. Вынесение окончательного суждения по выработанным таким образом для каждой отрасли кодексам находилось всецело в руках президента. Подписанные им кодексы становились законом для предпринимателей. Одновременно они становились законом и для рабочих.

Общий контроль за реализацией программы НИРА возлагался на созданную Национальную администрацию восстановления (НАВ) во главе с генералом Хью Джонсоном. Влиятельный сенатор Роберт Вагнер, автор многих законопроектов о труде, был назначен председателем Национального бюро по трудовым отношениям (НБТ), на него возлагалась задача добиваться урегулирования трудовых конфликтов в промышленности. Срок действия НИРА определялся двумя годами, до 16 июня 1935 г. До этого времени все мероприятия, связанные с реализацией программы, исключались из сферы юрисдикции антитрестовского законодательства. Генерал и бизнесмен пятидесятилетний Хью Джонсон, возглавлявший при Вильсоне в 1917–1918 гг. Управление военной промышленности и свято веривший в административно-командный (на американский манер) способ руководства экономикой в кризисной ситуации вроде войны, дал понять, что будет осуществлять свою миссию, не избегая самых крутых мер. “Сначала будет пламя, – говорил он, обращаясь к лексикону командира учебного батальона, – а затем гряда мертвых кошек”⁴⁹.

Не дожидаясь результатов длительной процедуры выработки кодексов для каждой отрасли промышленности, правительство предложило свой типовой образец кодекса (так называемый *blanket code*), который мог быть применен к любой отрасли в качестве временной основы возобновления деловой активности. Примерный кодекс устанавливал для служащих максимум продолжительности рабочего времени – 44 часа в неделю, минимум недельной заработной платы – от 12 до 15 долл.; для промышленных рабочих были приняты иные показатели – 35 часов в неделю и от 30 до 40 центов в час. Все отрасли промышленности довольно быстро разработали кодексы, длительность действия которых была различной. В середине 1934 г., согласно докладу НАВ, насчитывалось около 500 действующих кодексов, охватывавших 95% лиц наемного труда⁵⁰.

В ходе первых же совещаний групп промышленников и профсоюзов, занимавшихся выработкой кодексов для различных отраслей промышленности, выявились неравноправные условия, в которых оказались рабочие и отраслевые ассоциации предпринимателей.

Повсюду ответственность за подготовку проектов временных соглашений была всецело возложена на предпринимательские ассоциации, а участие профсоюзов (все еще очень слабых и маловлиятельных) в их выработке сводилось к критике и внесению поправок. Неорганизованные рабочие, а таких было абсолютное большинство, лишались права голоса. Разработанные представителями корпораций кодексы для основных отраслей промышленности, как правило, фиксировали максимум продолжительности рабочей недели выше, а минимум заработной платы ниже по сравнению с официально установленным уровнем. Однако следует видеть главное: государство впервые довольно решительно вторглось в сферу трудовых отношений, закладывая основы ее модернизации. Собственное видение этих перемен Рузвельт выразил 24 июня 1933 г. в следующих словах: “По этому закону (НИРА. – В.М.) рабочие страны наделены правами, которые у них нельзя отнять и никому не будет позволено свести эти права на нет”⁵¹. За более чем 150 лет существования США так не говорил ни один президент.

Еще одной принципиально важной составляющей новой рабочей политики явилось в необычайно короткий срок создание системы помощи безработным, прежде всего в форме разнообразных по характеру и содержанию общественных работ. Они не только закрыли одну из самых опасных пробоин в тонущем корабле экономики, но и создали особый ее сектор, самодостаточный с точки зрения рентабельности и полностью оправдавший себя в плане восстановления духовного здоровья нации.

Полмиллиарда долларов были ассигнованы штатам на ликвидацию угрозы голода и массовой пауперизации безработных и членов их семей. Из них 250 млн передавались в особый фонд, который контролировала Администрация чрезвычайной помощи. Сразу же встал вопрос: кто ее возглавит? Выбор пал на президента нью-йоркской ТЕРА, Гарри Гопкинса. Однако новый губернатор Нью-Йорка Герберт Леман, сменивший Рузвельта, резко возразил против его перевода из Олбэни в Вашингтон. Гопкинс ответил военной хитростью. Он телеграфировал Леману 19 мая 1933 г.: “Президент сказал, что связался с Вами по телефону и утром в понедельник ждет меня с докладом”. В сильнейшем раздражении Леман отправил Рузвельту телеграмму следующего содержания: “Чтобы сделать выбор, в Вашем распоряжении есть вся страна”⁵². Пока старые приятели – президент и губернатор – ссорились, Гопкинс мог чувствовать себя в безопасности. Ветеран демократической партии Джозеф Дэвис так говорил об этом аскетического вида человеке, вскоре ставшем правой рукой президента в период осуществления беспрецедентных по своим масштабам социальных программ: “Он обладал чистотой святого Франциска Ассизского, сочетавшейся с хитростью маклера на скачках”⁵³.

22 мая 1933 г. Гопкинс был приведен в Белом доме к присяге в качестве главного администратора федеральной программы помо-

щи. Выйдя за стрельчатую ограду резиденции президента США, Гопкинс поймал такси и подкатил к старому, полузаброшенному зданию “Уокер-Джонсон билдинг” на Нью-Йорк авеню, которому надлежало стать штаб-квартирой самого расточительного за всю историю США федерального учреждения. Гопкинс тотчас же принялся за дело. “Он сел за письменный стол, – писал Р. Шервуд, – и начал писать телеграммы, не дожидаясь даже, когда придут люди, чтобы передвинуть стол из коридора в его кабинет”⁵⁴. Как величайшую сенсацию пресса преподнесла публике сообщение о том, что в считанные часы, пока прислуга приводила в порядок помещение, Гопкинс ухитрился истратить 5 млн долл., передав их штатам для оказания помощи безработным. Но эти деньги были истрачены не в форме подаваний. Заработала гигантская машина, создающая за счет казны рабочие места в муниципальном и дорожном строительстве, строительстве аэродромов и портовых сооружений, возрождающая и развивающая художественную культуру страны в виде издательских, театральных и музыкальных проектов и т.д.

Ничем не примечательное на вид “Уокер-Джонсон билдинг” как нельзя лучше соответствовало своему назначению. Правительство “нового курса” всячески подчеркивало свою близость и солидарность с “униженными и оскорбленными”, с “забытым человеком”, что же касается ФЭРА, то ее сотрудникам вообще ничего не нужно было придумывать. Гопкинс и все, кто с ним работал, не случайно остановили свой выбор на старом здании на Нью-Йорк авеню. Им также как и тем, кто связывал спасение с новой стратегией помощи, претило все, что напоминало ледяную помпезность и неприступность опостылевших демократическим низам бюрократических учреждений, которыми так славились правительственные кварталы Вашингтона. Страна все это оценила моментально. Либеральная пресса с восторгом писала об общественно-полезном характере всех начинаний штаба армии труда из вчерашних “лишних людей” и непривычном стиле работы его новых хозяев. Свершилось! Миллионы отверженных теперь имеют своих бескорыстных защитников в новом правительстве. Хотя Гопкинс не являлся членом кабинета, вскоре в нем привыкли видеть главного советника президента. ФЭРА придал всему “новому курсу” мессианские черты одним своим знаменитым девизом “накормить голодных, причем чертовски быстро”.

Подыскать людей, к чьим рукам не прилипали бы деньги, отпущенные на помощь голодающим семьям безработных, и к тому же людей, умеющих действовать по принципу “на войне как на войне”, оказалось делом непростым, но интуиция Гопкинса помогала находить единственно правильные решения. ФЭРА не превратился в питомник идеалистов и бесребреников. Но наряду с “людьми Фарли”⁵⁵, т.е. ставленниками партийной машины демократов, на службу в ФЭРА пришла большая группа молодежи, политические взгляды

которой были порой значительно левее и последовательнее, чем убеждения главного администратора, что, впрочем, не мешало ей, как отмечал журнал “Нью рипаблик”, с комическим усердием копировать манеры и образ действий их шефа – абсолютного аутсайдера для бизнес-элиты⁵⁶. Особую ярость политических врагов новых вашингтонских властей вызывала фигура Обри Вильямса, ближайшего сотрудника Гопкинса. Лидер консервативных республиканцев конгрессмен Гамильтон Фиш называл его «одним из самых больших радикалов в стране... одним из самых розовых в составе розовой администрации “нового курса”»⁵⁷. Гопкинс с санкции Рузвельта к подобной критике не прислушивался⁵⁸.

“Гарри взял Вашингтон штурмом, – написал один известный журналист в 1934 г. – Многие политики стали объектом для его нападков. Те, кто принадлежал к тори, мечтали снять с него скальп”⁵⁹. Чувствуя поддержку президента и потому пренебрегая недовольством со стороны боссов демократической партии, Гопкинс твердо держал курс на обретение все большей самостоятельности в действиях в качестве руководителя ФЭРА. Это отвечало его личным амбициозным замыслам и тайному плану Рузвельта “стреножить”, подчинить своему влиянию партийную машину демократов в штатах. С этой целью Гопкинс пустил в ход собственное изобретение – сеть особых уполномоченных (доверенных лиц с функцией политических осведомителей), призванных не только самолично определять нужды на местах и руководить организацией помощи, но и служить главным источником информации о состоянии умов, о настроениях в низах. Гопкинс называл их “мое бюро погоды”. Со временем Рузвельт использовал эту сеть информаторов в собственных политических целях, которые очень часто не совпадали с тем, что замышляла старая гвардия демократов. Складывалась некая теневая структура, чья близость к “низам” отражалась и в новых мировоззренческих установках.

Основная масса законов и постановлений начального периода “нового курса” принималась в чрезвычайной спешке, за первые три месяца (“сто дней”) пребывания правительств Рузвельта у власти. Зачастую законодатели на Капитолийском холме не имели времени ознакомиться с существом многих предложений. Однако скоропалительность дала выигрыш во времени. 16 июня 1933 г. чрезвычайная сессия конгресса завершила работу, приняв серию реформ, беспрецедентных в истории государственной практики США, вытянувших страну из глубочайшего провала, который Рузвельт называл “экономическим адом”. Уже через полгода можно было сказать, что хотя восстановление проходило далеко не последовательно, все его признаки оказались налицо. Почти вдвое по сравнению с 1929 г. уменьшилось число банкротств промышленных компаний. Число рабочих на автозаводах в Детройте, где безработица охватила три четверти населения, мно-

го возросло. Расплатившись по займам AAA, фермеры Айовы впервые за много лет заполнили универсальные магазины в Де-Мойне. Давка в торговых рядах напоминала дни рождественских праздников. Театры Бродвея вновь засветились огнями, и во многих из них спектакли прошли с аншлагом. Национальный доход в 1934 г. был на четверть выше, чем в 1933 г. И все же сомнения в устойчивости достигнутого прогресса оставались неизменным элементом общественного умонастроения.

«После двух недель пребывания в Пенсильвании, – сообщала в августе 1933 г. Гопкинсу в Вашингтон одна из его наиболее надежных поставщиков доверительной информации, – у меня сложилось впечатление, что безработица вместе с рабочими волнениями там, где вновь открываются предприятия, через несколько месяцев может вылиться в большие беспорядки... Католический епископ, чья епархия включает Питтсбург и район угольных шахт, где забастовки становятся все более частыми, сказал мне: “Какой бы недостаточной ни была правительственная чрезвычайная помощь, она сейчас является самым главным стабилизирующим фактором. Пенсильванское управление помощи осенью может оказаться без денег, не исключено, что оно не сможет немедленно найти эти деньги. Если это случится, федеральное правительство должно будет взять эти расходы на себя, иначе... да, именно так, да поможет нам всем Господь Бог”»⁶⁰.

В Европе видели все иначе: в историческом плане и в правовом отношении “сто дней” представлялись там разновидностью современной революции “сверху”. Америка рывком преодолела отставание от европейских стран, отбросившее ее к концу XIX в. Английский журналист и социолог Ф. Броквей, специально посетивший Соединенные Штаты в конце 1933 г., чтобы своими глазами увидеть происходящее там после марта 1933 г., писал в вышедшей в следующем году в Лондоне книге “Ожидает ли Рузвельта успех?»: “Ни в одной другой стране за эти последние пятнадцать лет социально-экономическое законодательство в столь широком диапазоне не вводилось в практику одномоментно, как это случилось в Америке. Америка в течение одного года сделала столько, сколько другие страны смогли сделать за двадцать пять лет”⁶¹. Но реформы Рузвельта не просто уравнивали страну с лучшими европейскими образцами. Они позволили еще сформулировать приоритетные задачи национальной политики, осуществление которых открывало широкие возможности для модернизации экономики и институтов гражданского общества, включая достижения достаточно высокого уровня социальной защищенности граждан. Но ради этого и при благоприятных внешних условиях предстояло пройти долгий путь, преодолев множество кризисных ситуаций, потрясений в мировом и национальном масштабах, переходов, смены социально-культурных циклов.

“ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ” РУЗВЕЛЬТА:
РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИСТОКАХ ГОСУДАРСТВА
ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ

Наиболее часто повторяющаяся, шаблонная ошибка исторической публицистики и политической пропаганды – представление о реформаторстве Рузвельта как о нагромождении экспериментов, творимых “вслепую”, в спешке, без четкого генерального плана, методом *ad hoc*. Что-то вроде мер по ликвидации пожара на палубе корабля, вспыхнувшего внезапно и вызвавшего панику. Пожалуй, в этом повинны и сам Рузвельт (вспомним его знаменитую инаугурационную речь в марте 1933 г.), и его соратники, усердно подчеркивавшие экспериментальный характер “нового курса”, сконструированного якобы методом проб и ошибок, а также все последующие поколения исследователей и литераторов различной партийной принадлежности, разных политических убеждений, симпатий и антипатий.

Из большого числа наиболее приметных суждений этого рода стоит привести только одно, которое явно того заслуживает, поскольку принадлежит несомненному авторитету, проницательно-му и ироничному Гору Видалу, автору многих знаменитых исторических романов. Обращаясь к анализу перемен в мире, произошедших в 80-х годах XX в., он писал в начале 1990 г. в газете “Обсервер”: «Когда в декабре 1986 г. Горбачев поворачивал ход мировой политики, журнал “Тайм”, этот изначальный пропагандист “холодной войны”, предоставил сомнительную честь именоваться человеком года не вдохновляющей и малосодержательной фигуре Кори Акино. Но все проходит (Екклезиаст) даже в журнале “Тайм”. Вот уже четыре года я сравниваю мастерскую изворотливость и искусство импровизации Горбачева с политическим стилем Франклина Рузвельта. Мою точку зрения называли возмутительной. А теперь “Тайм” 1 января 1990 г. пишет: “Импровизация, скорректированная обратной связью, таким был образ действий Рузвельта... Политический стиль Горбачева вызывает в памяти Рузвельта”. Всему свое время...”⁶². Как видим, Гор Видал не отказал себе в удовольствии снисходительно ухмыльнуться: “джентльмены, взросление дается не сразу”.

Мастерская изворотливость и импровизация. Историки и политологи всегда с этим охотно соглашались, когда говорили о социальной политике “нового курса” как о вынужденной реакции на возникшие в 1929 г. чрезвычайные обстоятельства – стремительную пауперизацию большинства населения, распространение социального недовольства и социального протеста в различных традиционных и нетрадиционных формах (порой экстремистских). Ныне в свете новых данных и нового опыта это представление нуждается в корректировке. Системный взгляд позволяет увидеть

социальную политику Рузвельта на более значительную глубину ее идейной подосновы, чем это делается с привычных позиций, держа в поле зрения лишь общий результат и “не замечая” всего остального.

Начнем с того, что Рузвельту было свойственно ассоциативное мышление, в основе его лежало всем хорошо известное развитое чувство истории, исторического времени, в рамках которого ему приходилось действовать. Далеко не всегда, однако, его биографы учитывают, что это чувство было дано ему не только воспитанием, но и всем жизненным опытом современника и активного участника многих революционных по своему значению событий первой трети XX в. Целый букет революций и войн: русские революции, мексиканская революция, китайская революция, русско-японская война, балканские кризисы, Первая мировая война. Наконец, социальные потрясения в самих Соединенных Штатах – всеобщие стачки, фермерские выступления, рост политического радикализма, расовые бунты и погромы. “Второклассный интеллект, но первоклассный темперамент”, – сказал после встречи с Ф. Рузвельтом 8 марта 1933 г. девяностодвухлетний судья Оливер Уэнделл Холмс, по-видимому, подразумевая, что вновь избранному президенту недостает кругозора, адекватного сложнейшей ситуации, в которой он оказался в момент своей инаугурации⁶³. Не один только мудрый старец Холмс, почитаемый интеллектуальной элитой Америки, обманулся в оценке способности Рузвельта мыслить концептуально, масштабно, системно последовательно, реалистично определяя главное и второстепенное в иерархии национальных приоритетов. Между тем задолго до драматических дней марта 1933 г. Рузвельт совершил ту скрытую от глаз внутреннюю эволюцию и подготовительную работу, которая позволила ему увидеть смысл и назначение политического либерализма середины XX в., делающего следующий шаг вслед за “новой демократией” Вильсона. Рэксфорд Тагвелл написал об этом так: “...он (Рузвельт. – В.М.) знал, что он должен быть президентом всего народа, а не только тех американцев, которые за него голосовали”⁶⁴.

Ощущение всенародной избранности как психологическая, а затем политическая установка родилась не только благодаря какому-то озарению под напором непрерывно растущей с 1929 г. социальной напряженности и, как тогда принято было говорить, “грома слева”. Она оформилась из размышлений по поводу бурно развивавшихся с конца XIX в. процессов и сдвигов в анатомии и физиологии индустриального общества, накопления в его недрах в годы войны неких катализаторов изменений, вызвавших революционные потрясения с такой же неотвратимостью, как приливы и отливы в океане. Летом 1919 г. всегда чутко улавливавшая общественные настроения и отражавшая их в своей обширной переписке супруга будущего президента Э. Рузвельт писала из Вашингтона: “Сейчас все обеспокоены стачками и рабочим вопросом. Я считаю, что наступила но-

вая эра, когда должны быть произведены революционные изменения в идеях, привычках и обычаях, если мы не хотим столкнуться совсем с другой Революцией!”⁶⁵ Революционные методы против революции? Можно понять и так. Главное же: способ мышления выдавал фамильную черту Рузвельтов – отрицание идолопоклонства, отказ от идеализации прошлого и настоящего, устремленность в будущее в сочетании с политическим реализмом.

Ф. Рузвельт, всегда мечтавший о большом политическом успехе, в рискованном для молодого политика идеологически нонконформистском, эпатирующем духе озвучил этот вольтерианский порыв в своей знаменитой речи перед Национальным комитетом демократической партии в мае 1920 г. Предложенную им политическую стратегию он назвал “здравым либерализмом” в противовес политике “консерватизма и реакции” республиканцев. Идея борьбы с привилегиями элиты и акцент на всеобщем благе пронизывали эту по-своему программную, хотя в терминологическом отношении несколько расплывчатую, речь. Ее концовка звучала как призыв к наступательным действиям во имя решительных перемен в социальной сфере общественной жизни. “Итак, – говорил Рузвельт, – мы приближаемся к началу избирательной кампании 1920 г. и подходим к ней, вооруженные основополагающими установками, сориентированными на будущее: консерватизму, социальным привилегиям, дискриминации и разрушению мы противопоставляем либерализм, здравый смысл, идеализм, конструктивность, прогресс”⁶⁶.

Все, как видим, оставалось в рамках и терминах вильсоновской риторики – “здравый смысл”, “идеализм”, “прогресс”, – но Рузвельт явно лучше, чем кумир просвещенного либерализма, Вудро Вильсон, ощущал необходимость укрепления связи партии больших городов и южных плантаторов с пестрым и быстро увеличивающимся сектором электората, чье благополучие в материальном, правовом и социально-статусном смысле в первую очередь зависело от поддержки государства, его готовности прийти на помощь тем, кто испытывал особо острую незащищенность от колебаний экономической конъюнктуры и произвола финансово-промышленных кланов. В августе того же 1920 г. на формальной церемонии открытия избирательной кампании Рузвельт говорил: “Мы против вторжения денег в политику, мы против частного контроля над национальной финансовой системой, мы против превращения человека в обычный товар, мы против передачи городов под власть содержателей салунов, мы против нищенских заработков рабочих, мы против верховенства групп или клик”⁶⁷. Под этой формулировкой мог бы подписаться любой западноевропейский социал-демократ.

Поражение демократов и их кандидатов О. Кокса и Рузвельта на президентских выборах в 1920 г., общественная апатия “эпохи нормальности” и тяжелая болезнь стали испытанием на прочность, но они не отвратили Рузвельта от дальнейшего продумывания новой

социальной доктрины. Напротив. Некогда неутомимое тело оказалось парализованным, но пылкий ум сохранял способность улавливать тонкие нюансы меняющейся внутри и вне страны обстановки. В единственной написанной им самим рецензии на книгу Клода Бауэrsa “Джефферсон и Гамильтон”, опубликованной в популярной тогда “Нью-Йорк уорлд”, Рузвельт идентифицирует свое миропонимание с Джефферсоном, “который вернул правительство рядовому избирателю”, разрушив монополию аристократии богатства на власть (1924). Накануне повторного успеха республиканцев на общенациональных выборах это звучало хотя и смелым, но не вполне своевременным вызовом. После своего многообещающего появления (с целью напомнить о себе) на конвенте демократов в июне 1924 г. Рузвельт не участвовал в подготовке политической платформы партии, но, прибегнув к типичному для себя маскараду, он руками своего идейного alter ego, супруги Элеоноры Рузвельт, внес пакет предложений к программе социального законодательства. В массе своей и в общих чертах они предвосхищали социальное законотворчество “нового курса”⁶⁸, и, хотя были отвергнуты комитетом по резолюциям, тем не менее набрали внушительное число голосов. Это была маленькая проба сил с подстраховкой, позволяющей избежать серьезного риска политической компрометации с последующим отнесением к разряду неисправимых прожектеров и неудачников.

Обреченный болезнью на пассивное созерцание окружающего мира Рузвельт сумел извлечь для себя и из этого определенную пользу. Он в отличие от многих соратников по партии, не посчитал нужным приспособиться к торжествующему консерватизму, позволившему загипнотизировать себя цифрами феноменального роста великой цивилизации потребительства. Символично, что свое понимание вектора этих перемен он изложил в выступлении перед молодежью, выпускниками Мильтоновской академии в штате Массачусетс в мае 1926 г. Темой его выступления стали набирающие темп изменения нового века, повелительно требующего от политиков выработки нового мышления, усвоения новых ценностей. Вывод, который Рузвельт сделал из впечатляющего обзора новой социальной картины мира, в чем-то воспроизводил содержание “завещания” Вильсона, но по эмоциональному посылу был сильнее постулатов из журнального эссе президента-реформатора. Острые проблемы мира, говорил Рузвельт, возникали как по вине тех, кто боится перемен, так и тех, кто зовет к революции... И в системе государственного руководства, и в науке, и в индустрии, и в искусстве бездействие и апатия являются самыми большими потенциальными врагами⁶⁹.

Сознание несбалансированности социальной сферы с экономической и политической в кульминационной точке “процветания” пополам с тревогой за его неблагоприятный исход вынудило Рузвельта изменить своему решению как можно дольше избегать выдвижения на главные роли и согласиться на участие в выборах губернато-

ра Нью-Йорка в 1928 г. Он мог бы с большим правом сказать о себе те слова, которые великодушно адресовал Альфреду Смигу, тогдашнему лидеру партии: “Америка нуждается в поводыре, вознице, который выведет ее на дорогу и сумеет избежать бездонного болота грубого материализма, поглотившего многочисленные великие цивилизации прошлого, и который к тому же обладает волей к победе”⁷⁰. “Бездонное болото грубого материализма” – эвфемизм, обозначающий социал-дарвинистское царство, где бал правит богатство, а социальное неравенство переступило опасный порог.

Неудивительно, что тезис о “забытом человеке” и отказ от романтизации героя материального обогащения составили костяк идейной платформы губернатора Рузвельта. Политико-философский и морально-этический подтекст этой непопулярной в его собственной партии и вызвавшей возмущения у оппозиции объективизации строился на убеждении, что экономика – это средство, а не цель жизни, что человек есть первореальность, что жесткая индивидуалистическая модель развития, при которой выживает сильнейший, а уделом слабого и просто неповоротливого становится благотворительность, милостыня и признание собственной неполноценности, выработала свой моральный ресурс, изжила себя. И еще на одном, в значительной мере интуитивном ощущении, – что государство вследствие развития той же самой экономики, повернутой лицом не к рядовому потребителю – ключевой фигуре рынка, а к эгоистическим интересам бесконтрольно орудующих в ней кланов, обретает ключевое значение как мощный инструмент, способный остановить хищническое дробление миллионов людей, создав тем самым гарантии стабильности хозяйственной деятельности. Сразу после выборов 1928 г. Рузвельт сделал многозначительное заявление-прогноз, вобравшее в себя разнообразные нюансы идущей повсеместно (в Европе и США) с конца войны острой общественной полемики: «Я убежден, – говорил он, – что в будущем государство... возьмет на себя значительно бóльшую роль в жизни его граждан... Сегодня некоторые склонны считать, что эта мысль является типично социалистической. Мой ответ им будет таким: она “социальная”, а не “социалистическая”»⁷¹. Требовалось незаурядное политическое мужество, чтобы упомянуть об этой дифференциации в момент ярых гонений на “европеизмы”...

Но Рузвельт неспроста обращался к этой небезопасной теме в ряде своих публичных выступлений и до и после осени 1928 г., хотя большинство его слушателей, наверное, тогда и не уловило всех тонкостей сделанного им противопоставления (социального и социалистического) вместе с констатацией возрастающего значения социальной функции государственной власти. А между тем во всем этом была своя интрига. Первое. Игра в понятия “социальный” – “социалистический” переводилась как “уже не либерализм и еще не социализм”. Нечто такое, что посередине, к тому же неизменное

в своей зависимости от будущего. Или по-другому: после Великой войны нельзя быть подлинным (не назывным) прогрессистом, если бояться “крутых” мер в социальной сфере, может быть отождествляемых кем-то пусть даже и с социализмом. Второе. Рузвельт не побоялся сформулировать на перспективу новую доктрину социальной ответственности государства за судьбы своих граждан. Но сделал это не в категорической форме, ибо не принадлежал к числу политиков, мыслящих застывшими, отвлеченными категориями, и не в форме импровизации, пусть даже скорректированной обратной связью. Скорее, здесь уместнее говорить о политической доктрине, построенной (как заметил Н.А. Бердяев) на интуиции конкретной жизни и исторической прозорливости. В Европе, да и во всем остальном мире, социал-демократия в послевоенное время усилила и укрепила свое влияние. Гонимая с Востока волна грозила докатиться до берегов Америки. Губернатор Нью-Йорка, чутко улавливая вектор перемен, стремился противопоставить приливу леворадикальных идей стратегию упреждающих действий.

Программа реформ, предложенная Рузвельтом опешившему законодательному собранию штата (где в обеих палатах большинство принадлежало республиканцам), показала, что конкретно понимает губернатор под социальной ответственностью государства: помощь фермерам и фермерским кооперативам, меры контроля за рынком сельскохозяйственных продуктов с тем, чтобы остановить падение цен, улучшение рабочего законодательства, поддержка школы, реструктуризация налогообложения с целью перераспределения доходов, наконец, передача в общественный сектор производства электроэнергии и некоторые вполне для своего времени неординарные меры по реформе системы здравоохранения. Каждая в отдельности из предложенных реформ не была чем-то необычным, но все вместе они составляли что-то вроде критической массы, по крайней мере в глазах консерваторов. Уже один этот перечень показывал, к какой части политического спектра принадлежал губернатор. Призыв положить конец незаконному диктату баронов-грабителей в экономике⁷², венчавший послание губернатора, вернул законодателей в “эру прогрессивизма”.

В 1931 г., в разгар экономического кризиса, губернатор Рузвельт нанес чувствительный удар по идеологии “американизма” в том его понимании, которое культивировалось сторонниками “твердого индивидуализма”, с железной непреклонностью отвергавшими идею наделения государства функцией социальной защиты граждан, обездоленных экономической стихией. Социал-дарвинизм вынужден был оставить важные позиции, когда летом 1931 г. законодательное собрание штата Нью-Йорк, созванное на специальную сессию главой исполнительной власти, без проволочек приняло закон о чрезвычайной помощи по безработице (закон Уикса), предусматривавший создание специальной Временной администрации помощи. Словечко “времен-

ная” оказалось утешительной уступкой фанатикам формулы “выживает сильнейший”. Была пробита брешь в антистейксистском мировоззрении, где оправдание ужасающего неравенства уживалось с культом джефферсонизма и ханжески сентиментальным отношением к праву выбора рядового американца, “маленького человека”. “Возница” предлагал выбираться на дорогу, не теряя даром времени и не пасауя перед критикой хранителей “американизма” и обвинениями в тайном сочувствии радикализму на европейский манер. Пройдет какое-то время, и судья Феликс Франкфуртер, сблизившийся в эти годы с губернатором Нью-Йорка и собравший вокруг него команду интеллектуалов (“мозговой трест”), в письме другу-скептику У. Липпману скажет, что Америке следует идти путем, предложенным Рузвельтом, хотя он и ведет к “чему-то вроде эгалитаризма”⁷³.

Итак, инкубационный период “нового курса” содействовал, а может быть, даже обеспечил создание необходимого интеллектуального задела для реализации будущей программы преобразований. Образно говоря, черновой вариант ответа на вопрос “Что делать?” сложился задолго до “экспериментальных” ста дней. Без накопления интеллектуального капитала, размышлений на опыте других стран этой программы просто бы не было. Далее. В главном и основном Рузвельтом и его окружением была продумана и политическая стратегия реформ, для которой едва ли кто-нибудь другой лучше вновь избранного президента мог бы найти короткое, но метафорически емкое и неповторимо близкое к сути обозначение: “чуть-чуть левее центра”.

Экспериментальный по характеру и, отнюдь не заверченный опыт социального реформаторства, приобретенный Рузвельтом в конце 20-х – начале 30-х годов на посту губернатора штата Нью-Йорк, имел своим продолжением более чем десятилетний бурный период политической активности, вошедшей яркой страницей в историю XX в. При этом социальная политика Рузвельта в годы президентства была настолько органично увязана с каждым его шагом как национального лидера, всем его обликом и риторикой, что в глазах будущих поколений стала идентифицироваться исключительно с личностью великого политика. Однако это было только отчасти справедливо, если учитывать субъективные устремления самого Рузвельта, который мог проявлять и осторожность, и медлительность и нежелание что-либо менять в тех случаях, когда такие перемены угрожали капитальным основам системы, установившемуся равновесию между основными общественными силами, определившийся *modus vivendi* между низами и верхами. Само время и ход событий выступали соавторами реформ, не только во многих случаях диктуя линию поведения Рузвельта, но и формируя энергетику “нового курса” в целом, его внутреннюю динамику, прямо связанную прежде всего с экономическими условиями и с ситуацией в сфере социально-классовых отношений.

Предлагая обществу буквально каскад преобразований и обновленческих идей Рузвельт имел существенное преимущество перед реформаторами прошлого в Америке и в других странах. Весь период реформ “нового курса” в США протекал в обстановке сохранения относительной стабильности государственных институтов и традиционных политических структур в стране как на федеральном, так (в основном) и на местном (штатном) уровнях. Высокоразвитое гражданское общество, воспитанное на уважении к конституционному порядку и дающее возможность выявления общественного недовольства через легитимные каналы – прессу, парламентскую оппозицию, лоббизм, различные формы религиозно-общинной деятельности, просветительство и т.д., – служило своеобразным амортизатором, снимающим избыточное внутреннее давление. Но, бесспорно, многое зависело от политического лидера, способного, как писал Альфред Вебер, служить “образцом индивидуальности”⁷⁴. Рузвельт оказался таким лидером. Его культ к концу 30-х годов приобрел общенациональный характер, что во многом объяснялось взятой с самого начала линией на поддержание “дисциплины демократии”, недопущения раскола общества. Именно поэтому Рузвельт остерегался крутых, пропагандистски эффектных экспромтов, способных в случае неосторожного движения или идеологического “выверта” нарушить равновесие между классами и помешать, как он говорил, достижению более полной “взаимной терпимости”. Он не предавал анафеме прошлое, а лишь требовал хладнокровно демистифицировать его реальный контекст, трезво оценить его плюсы и минусы. Другими словами, будучи реформатором, Рузвельт не стремился продемонстрировать волю к превратностям ради того, чтобы остаться в “памяти на века”.

Хладнокровный учет масштаба кризиса и возможностей его преодоления без великих потрясений – вот что отличало Рузвельта-политика. Здесь кроется объяснение многих “нетипичных” особенностей политической ситуации в стране. Так, имущественные, социально-классовые противоречия в Америке в годы Великой депрессии обострились, но президент искусно и эффективно препятствовал разрастанию социальной розни в обществе, которая подвела к краю пропасти такие страны, как Германия, Испания, Франция. В стране окрепли как леворадикальные, так и правозэкстремистские движения, но они сдерживались изобретательными действиями властных структур снизу доверху, идеологически открыто не противопоставлявших себя ни правым, ни левым, а главное, всерьез при поддержке федерального правительства начавших работу по трудоустройству безработных, улучшению условий труда, организации помощи фермерам, деятелям культуры, перестройке банковской системы, образования, интегрированию в общественные структуры национальных меньшинств и т.д. Социалисты и коммунисты чувствовали себя так, как будто у них отняли привычное поле деятельности. По-

ворот властей лицом к “забытому человеку” вызывал спонтанный оптимизм, от которого, по Кейнсу, зависит большая часть (в отличие от ожиданий, основанных на расчетах и стремлении к выгоде) позитивных устремлений людей, их общий тонус, способность к реальным свершениям. Этот “психологический множитель”, наряду с заимствованием Рузвельтом многих идей из арсенала леворадикальных и популистских движений, перекрыл каналы распространения влияния последних на широкие социальные низы, общественные и профессиональные организации. Подавляющее большинство из них оставалось более или менее последовательными сторонниками “нового курса” до самого конца.

“Выполнимая программа реконструкции” с ударением на первом слове этого словосочетания – вот квинтэссенция той формулы успеха, с которой Рузвельт обратился к народу. Президент-демократ не отказался от “великих замыслов”, но ему казалось важным, выражаясь морским языком не упустить “прилив” и плыть вперед. Помощь “забытому человеку” – фермеру, рабочему, интеллигенту, мелкому предпринимателю – и процветающая, динамично развивающаяся, регулируемая в определенных пределах государством экономика, избавленная от разрушающей ее неконтролируемой конкурентной борьбы и обратной стороны этой медали – монополизации, составляли главные пункты выдвинутой им на всеобщее обсуждение идеологической платформы. Она была предельно проста и понятна, хотя и обладала важной отличительной чертой, оставаясь даже в годы войны в широком плане социально ориентированной, не избирательно адресной. Все же остальные характеристики (вплоть до обвинений в законспирированной прокоммунистической направленности) были по большей части либо приписаны “новому курсу” его противниками (а иногда и сторонниками), либо являлись плодами “творчества” на местах, где те или иные политические группировки, поддерживая в целом президента, уклонялись по собственной инициативе то влево, то вправо, и даже пытались перехватить лидерство у умеренного ядра демократической партии.

Основополагающие принципы Дж. Локка и И. Бентама, это авторитетно удостоверяет Харц, Рузвельтом нарушены не были⁷⁵. Наряду с этим отметим, что и в годы войны, принесшей стране небывалое экономическое процветание, Рузвельт не изменил концепции государственного дирижизма. Его целью было укрепление гражданского общества со сбалансированными социальными и межэтническими отношениями, а главное – не на словах, а на деле озабоченного материальным благополучием и сильных и слабых. Не случайно свою программу социального обеспечения Рузвельт считал краеугольным достижением администрации. Термин “welfare – warfare state” хорошо передавал суть процесса перевоплощения “американской мечты” в силу изменения как внутренних, так и внешних условий в пограничной ситуации военного времени и перехода к постин-

дустриальной эре⁷⁶. В соответствии с новой социальной доктриной, политические механизмы американского федерализма, взаимоотношения центральной власти и местного самоуправления разных уровней, а также партийно-общественные структуры были подвергнуты определенной перестройке. Рузвельт называл это выработкой принципов “социальной справедливости”.

Не упуская из поля зрения оппозицию слева, Рузвельт время от времени шел ей навстречу – главным образом, в форме поддержки тех или иных политических начинаний профсоюзов, общественных сил – но в то же время он намеренно не включал в повестку дня многие острые вопросы, способные идентифицировать его со сторонниками европеизированного социал-реформизма или полумарксизма. Между тем среди них были вопросы, касающиеся межнациональных и межрасовых отношений, гражданских прав для черных американцев, федеральной системы обязательного медицинского обеспечения населения и др. Рузвельт отклонил требования своих критиков слева форсировать принятие соответствующего законодательства по этим вопросам, полагая, что общество не готово принять его на основе добровольного консенсуса, устраняющего риск серьезного всплеска внутренних конфликтов. Отвечая на вопрос о сущности его социальной философии, он заявил как-то, что является и демократом и христианином. В этой притягательной расплывчатости, собственно, и заключалось понимание им задач общественного обновления, идущего дальше классического либерализма, но не порывающего с ним.

Инициативная роль исполнительной власти при Рузвельте в проведении реформ и политики социального партнерства в промышленности сопровождалась усилением института президентства. И это было еще одной приметной чертой новой государственной идеи. Возник феномен “имперского президентства”, способного в обстановке кризиса и войны замкнуть на себе принятие многих важных решений по реформированию экономики и социальной сферы. Сопротивление ему было весьма жестким. Вполне искреннее желание не допустить усиления тенденции к всеобщей бюрократической централизации привело к объединению части либералов и антирузвельтовских консерваторов в конгрессе в связи с выдвинутым в конце 30-х годов президентом планом реорганизации правительства. Окрепшая к этому времени консервативная оппозиция в конгрессе и на местах, поддержанная фермерством Среднего Запада, местными бизнесменами и южными плантаторами, заблокировала попытки осуществить в полной мере кейнсианский вариант финансирования социальных программ и предложения о полной занятости. По этой же причине оказались безуспешными попытки провести в жизнь более последовательный вариант общенациональной системы социального обеспечения и внедрения начал индикативного планирования экономического развития со стороны федерального правительства. Однако драма реформ не стала драмой реформаторов.

Говоря об особом понимании Рузвельтом функций “ответственного правительства”, следует упомянуть о региональном аспекте его “Плана реконструкции”. Особенно характерен пример Юга. К 30-м годам Юг в социально-экономическом отношении если и занимал особое место в экономической структуре, то, скорее всего, как некий реликтовый политико-культурный субстрат, как “зона сплошной бедности” и отсталости. Однако южные политики, представлявшие, в сущности, однопартийную структуру (на Юге полностью доминировали демократы-диксикраты) в рамках национальной двухпартийной системы, играли очень важную роль в конгрессе и его комиссиях, как правило, лидируя в организации сопротивления нововведениям, закладывающим основы “государства всеобщего благосостояния”. Рузвельт сумел добиться здесь перелома. Лидеру демократов, использовавшим свое влияние на комитеты конгресса, удалось сгладить главные противоречия между южным (консервативным) и северным (либеральным) крыльями партии и тем самым не только предотвратить раскол, но и создать предпосылки для превращения “черного пояса” в анклав движения за “социальное государство”. Колоритная фигура спикера палаты представителей Сэма Рейберна, южного демократа и надежного сторонника Рузвельта, в этом смысле показательна. Увы, цена, которую приходилось платить за единство, была достаточно высока: отказ от прямой критики недемократических, расистских порядков на Юге и снятия множества дискриминационных барьеров, лишаящих афроамериканцев элементарных гражданских прав. Неясные и невыясненные (в достаточной мере), но тем не менее существовавшие планы Рузвельта повести дело (после выборов 1940 г.) в направлении реорганизации демократической партии с целью создания на ее базе новой “прогрессивной” партии, очищенной от консервативных элементов, во многом были связаны со сложными отношениями Рузвельта с местными партийно-политическими элитами, особенно на Юге, с различиями в подходе к расовым и межэтническим проблемам, вставшим во весь рост.

Политический ландшафт США 30-х годов, благодаря социальному реформаторству Рузвельта, изменялся очень динамично. Но эти изменения носили порой парадоксальный характер. И большинство из них имело свою специфику в региональных границах, хотя сжатие или расширение социальной базы реформ вело к обновлению обеих ведущих партий в целом – демократической и республиканской. Республиканская партия, вобрав в себя значительную часть городского электората, сблизилась, например, с либеральными реформаторами в промышленных центрах Северо-Востока и в Калифорнии и сползла на более антиреформаторские позиции в некоторых западных штатах. Прогрессивный республиканизм на Среднем Западе, оставивший заметный след в политической истории США в начале XX в., фактически исчез к 40-м годам полностью. Фермерст-

во в условиях устойчивой экономической конъюнктуры охладело к государственному регламентированию, требуя сокращения до минимума вмешательства в его хозяйственную деятельность. Его симпатии возвращались к республиканцам-антистейтистам. Таких примеров можно привести немало. Все они говорят о том, что во многом производная от экономических сдвигов 30-х годов партийно-политическая перестройка требовала от Рузвельта недюжинной гибкости, если он хотел сохранить контроль над избирателями, а также лидирующее положение в собственной партии, где усилилась борьба между левой и правой фракциями.

Видя эти неоднозначные изменения в общественных настроениях, Рузвельт свои конкретные действия не ставил в зависимость от идеологической мотивации. На первом плане для него оставались преимущественно чисто политические соображения. Президент предпочитал взаимодействовать с прочно устоявшимися политическими машинами (все равно демократического или республиканского происхождения), предлагая им взамен поддержки тех или иных начинаний свой патронат, финансовую помощь городу, штату и т.д. Идеологический фактор во взаимодействии президента с общественными силами был преднамеренно приглушен, поскольку он мог только препятствовать осуществлению Рузвельтом его миссии модератора, гаранта политической стабильности, посредника в классовых отношениях. Порой он даже принимал поддержку общественных сил, в которых лидирующую роль играли левые разных оттенков. Таким путем ему удавалось сохранить главное – инициативу.

Эпоха “нового курса” наложила решающий отпечаток на всю последующую экономическую, социально-политическую и духовную жизнь США, на ценностную ориентацию американцев, их представления о том, каким должно быть государство “первой новой нации”, его функции после краха вигистской модели, скроенной по лекалам республиканизма 20-х годов. Идею “государства всеобщего благосостояния” Рузвельт сумел выразить в следующих немногих словах, вобравших суть проводимых им реформ (создание условий для осуществления более справедливого распределения национального богатства при концентрации усилий на решении проблемы бедности): “О мере нашего прогресса следует судить не потому, сколь большим будет приращение к благополучию тех, кто и без того не обделен богатством, а потому, достаточно ли мы поддержали тех, кто владеет очень немногим”⁷⁷.

И самое главное для понимания замыслов Рузвельта в отношении роли США в мировых делах: Америка его устами должна была ответить на вызов времени, отмеченного распространением тоталитаризма, культа насилия и войны. Как пишет известный исследователь Уоррен Кимболл, экстернализация “нового курса” (перенесение программы реформ по типу “нового курса” на национальную почву других стран) превратилась в базовый элемент внешнеполи-

тической стратегии Рузвельта⁷⁸. Права человека, гражданские свободы, равноправие людей в духе джефферсонского романтизма (в его понимании) должны были быть противопоставлены скользящей по наклонной к политическому неолиту цивилизации. “В мире, который во многих случаях пошел недемократическим путем, – говорил Рузвельт в Бостоне во время предвыборной кампании 1936 г., – мы пошли более демократическим”⁷⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Leuchtenburg W.E.* The Perils of Prosperity. Chicago, 1958; *McElvaine R.S.* The Great Depression. America, 1929–1941. N.Y., 1984. P. 14.

² *Link A.S.* What Happened to the Progressive Movement in the 1920's? // *American Historical Review*. 1959. July. P. 833; *Hawley E.W.* The New Deal and Business // *The New Deal. The National Level* / Ed. by J. Braeman and oth. Columbus, 1975. Vol. 1. P. 50–55.

³ Library of Congress. LC. Norman H. Davis Papers. Box 51. (Далее: LC). *F.D. Roosevelt to Davis*, Mar. 30, 1928.

⁴ *Ibid.* *N. Davis to F. Roosevelt*, Apr. 12, 1928.

⁵ В 1927 г. администрация Кулиджа объявила себя сторонницей разработки новой гигантской программы строительства военно-морского флота. Лишь в 1916 г., т.е. в годы Первой мировой войны и накануне вступления в нее США, Вашингтон принял более обширную, чем эта, программу строительства флота. Дебаты вокруг планов милитаризации страны в правительственных учреждениях, в конгрессе и прессе неожиданно вызвали бурю протестов и оживление антивоенного движения. Рузвельт, уклонившись от определения своей принципиальной позиции, все же идентифицировал себя с оппозицией курсу тогдашних “ястребов”, обвинявших пацифистов в сговоре с большевиками и стремлении разоружить Америку (см.: *Манькин А.С.* Изоляционизм и формирование внешнеполитического курса США, 1923–1929. М., 1980. С. 160, 161, 167–169, 197).

⁶ *Foreign Affairs*. 1928. July. P. 573–586.

⁷ *Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957.* Wash., 1960. P. 73.

⁸ *Leven M., Moulton H.G., Warburton C.* America's Capacity to Consume. Wash., 1934. P. 54–56, 93–94, 103–104, 123.

⁹ *McElvaine R.S.* Op. cit. P. 38, 39.

¹⁰ *Ibid.* P. 21.

¹¹ См.: *Сивачев Н.В.* США: государство и рабочий класс. М., 1982. С. 127.

¹² *FDR. His Personal Letters* / Ed. by E. Roosevelt. Vol. 1–4. N.Y., 1945–1950. Vol. 3. P. 119–120.

¹³ *Hughes E.J.* The Living Presidency. N.Y., 1972. P. 121.

¹⁴ *Principal Speeches of Harry L. Hopkins, Works Progress Administrator* (далее: *Principal Speeches*). Address by Harry L. Hopkins before the United States Conference of Mayors at Mayflower Hotel. Wash., 1976. Nov. 17.

¹⁵ *Principal Speeches*. Address by Harry L. Hopkins before a Luncheon Meeting of the United Neighbourhood Houses of New York at Biltmore Hotel. New York City, 1936. Mar. 14.

¹⁶ *Tugwell R.G.* In Search of Roosevelt. Cambridge (Mass.), 1972. P. 193.

¹⁷ *McJimsey G.* Harry Hopkins. Ally of the Poor and Defender of Democracy. Cambridge (Mass.), 1987. P. 47.

¹⁸ *Piven F.F., Cloward R.A.* Poor People's Movement. N.Y., 1979. "Я с замиранием сердца слежу за вашей американской трагедией, — писал Г. Ласки судье Ф. Франкфуртеру в феврале 1932 г. — Кажется невероятным, что человек может спокойно наблюдать за этим спектаклем, как это делает Гувер" (LC. F. Frankfurter Papers. Box 74. H. Laski to Frankfurter. Febr. 2, 1932).

¹⁹ LC. Thomas J. Walsh Papers. Box 183. *F. Allen* to *Walsh*. Dec. 30, 1931.

²⁰ *Lash J.P.* Eleanor and Franklin. The Story of Their Relationship. N.Y., 1973. P. 450.

²¹ The Public Papers of Governor Franklin D. Roosevelt, 1929–1932. Vol. 1–4. Albany, 1930–1939. Vol. 2. P. 734, 740–741.

²² The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt / Ed. by S.I. Rosenman. Vol. 1–13. N.Y., 1938–1950. Vol. 1. P. 458.

²³ Ibid. P. 646.

²⁴ *McElvaine R.S.* Op. cit. P. 125.

²⁵ Уолтер Липпман еще в октябре 1931 г. писал в частном послании: "Встанет очень важный вопрос, а именно: способно ли индустриальное капиталистическое общество сохранить свою жизнеспособность, если его эластичность снизилась из-за скопления благополучия на одном полюсе и растущего бремени всяческих тягот на другом" (LC. F. Frankfurter Papers. Box 78. *W. Lippman* to *Frankfurter*, Oct. 22, 1931).

²⁶ У. Липпман еще в феврале 1931 г. писал, что демократическая партия не обладает ни сплоченностью, ни руководством, ни программой (Ibid. *W. Lippman* to *Frankfurter*. Febr. 5, 1931).

²⁷ *Rosen E.A.* Hoover, Roosevelt and the Brains Trust: From Depression to New Deal. N.Y., 1977. P. 141.

²⁸ Этому тезису Рузвельт не изменял на протяжении всего пребывания на посту президента США. Он был положен и в основу его политики в области налогообложения, хотя, как сейчас утверждают многие исследователи, проведенные Рузвельтом реформы имели чисто символическое значение, никак не затронув существа дела (*Leff M.H.* The Limits of Symbolic Reform: The New Deal and Taxation, 1933–1939. Cambridge, 1984).

²⁹ *Schlesinger A.M., Jr.* The Crisis of the Old Order, 1919–1933. Melbourne; L.; Toronto, 1957. P. 445.

³⁰ Ibid. P. 432.

³¹ LC. F. Frankfurter Papers. Box 78. *W. Lippman* to *Frankfurter*, Sept. 14, 1932.

³² Цит. по: *Lash J.P.* Op. cit. P. 462.

³³ *McElvaine R.S.* Op. cit. P. 133, 134.

³⁴ См.: *Харц Л.* Либеральная традиция в Америке. М., 1993. С. 239.

³⁵ *Рузвельт Ф.Д.* Беседы у камина. М., 2003. С. 33.

³⁶ *Hurd Ch.* When the New Deal was Young and Gay. N.Y., 1965. P. 32.

³⁷ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. II. P. 11–16.

³⁸ *Schlesinger A.M., Jr.* The Coming of the New Deal. L.; Melbourne; Toronto, 1960. P. 5.

³⁹ New York Public Library. N. Thomas Papers. Box 3. *E. Gruening* to *Thomas*. Mar. 9, 1933.

⁴⁰ *Moley R.* After Seven Years: A Political Analysis of the New Deal. Lincoln, 1971. P. 155.

⁴¹ *Blum J.M.* From the Morgenthau Diaries. Vol. 1–3. Boston, 1976. Vol. 1. P. 45.

⁴² *Fite G.C.* Farmer Opinion and the Agricultural Adjustment Act, 1933 // *Mississippi Valley Historical Review*. March, 1962. P. 673.

⁴³ *Rauch B.* The History of the New Deal, 1933–1938. N.Y., 1944. P. 68; *Kirkendall R.S.* The New Deal and Agriculture // *The New Deal. The National Level*. Vol. 1. P. 83–109.

⁴⁴ Республликанец полковник Раймонд Робинс, писал с оттенком удивления: “Это правда, что Рузвельту удалось покорить воображение всей страны и что в данный момент он вершит делами при поддержке и содействии всех партий, слоев и классов нашего общества. Эта поддержка превосходит все, что мне известно о стремительном росте народной популярности президента, захватившей все слои общества, от самых низов до верхушки... Рузвельт обнаружил качества первоклассного политика, несравненные способности преломить в своей деятельности общественное умонастроение и редчайшее мужество...” (WSHSL. R. Robins Papers. Box 25. *Robins* to (фамилия адресата неразборчива), Mar. 17, 1933).

⁴⁵ *Hawley B.W.* The New Deal and the Problem of Monopoly: A Study in Economic Ambivalence. Princeton, 1966. P. 325.

⁴⁶ *Ibid.* P. 19.

⁴⁷ *Hallgren M.A.* The Gay Reformer. N.Y., 1935. P. 171.

⁴⁸ *Hawley B.W.* Op. cit. P. 19.

⁴⁹ *Kennedy D.M.* Freedom from Fear. N.Y., 1999. P. 177.

⁵⁰ *New Deal Mosaic* / Ed. by L.G. Seligman, E.E. Cornwell. Eugene, 1965. P. 274.

⁵¹ *Рузвельт Ф.Д.* Указ. соч. С. 51.

⁵² *Schlesinger A.M., Jr.* The Coming of the New Deal. P. 257.

⁵³ *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс: Глазами очевидца. М., 1958. Т. 1. С. 130.

⁵⁴ Там же. С. 123.

⁵⁵ *New Republic*. 1936. Jan. 1. P. 211.

⁵⁶ *Ibid.* 1935. Apr. 10. P. 235.

⁵⁷ *The New Dealers*. By Unofficial Observer. P. 181.

⁵⁸ *The New Deal. The National Level*. Vol. 1. P. 219.

⁵⁹ *Schlesinger A.M., Jr.* The Politics of Upheaval. Boston, 1960. P. 352.

⁶⁰ *FDRL. L. Hickok Papers*. Box 11. *Hickok to G. Hopkins*. Aug. 7–12, 1933.

⁶¹ *Brockway A.F.* Will Roosevelt Succeed? A Study of Fascist Tendencies in America. L., 1934. P. 192.

⁶² Цит. по: Лит. газета. 1990. 11 апр. С. 15.

⁶³ *Ward G.C.* A First-Class Temperament. The Emergence of Franklin Roosevelt. N.Y., 1989. P. XIII.

⁶⁴ *Tugwell R.G.* In Search of Roosevelt. Cambridge (Mass.), 1972. P. 298.

⁶⁵ *Ward G.C.* Op. cit. P. 448.

⁶⁶ *Ibid.* P. 454.

⁶⁷ *Ibid.* P. 522.

⁶⁸ *Lash J.P.* Eleanor and Franklin. The Story of Their Relationship, Based on Eleanor Roosevelt Private Papers. N.Y., 1971. P. 390–391.

⁶⁹ *Kennedy D.M.* Op. cit. P. 100, 101.

⁷⁰ *Ward G.C.* Op. cit. P. 785.

⁷¹ New York Times. 1928. Dec. 30.

⁷² *Rollins A.B., Jr.* Roosevelt and Howe. N.Y., 1962. P. 272, 273.

⁷³ LC. F. Frankfurter Papers. Box 78. *Frankfurter* to *W. Lippman*. Oct. 23. 1932.

⁷⁴ *Вебер А.* Избранное: Кризис европейской культуры. М., 1999. С. 149.

⁷⁵ *Харц Л.* Указ. соч. С. 237.

⁷⁶ *Leuchtenburg W.E.* In the Shadow of FDR. From Harry Truman to Ronald Reagan. Ithaca; L., 1985. P. 152, 206, 213.

⁷⁷ Цит. по: *The New Deal. The National Level*. Vol. 1. P. 170.

⁷⁸ *Kimball W.F.* The Juggler. Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton, 1991. P. 3.

⁷⁹ *The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt*. Vol. 5. P. 518.

“ТОЛПА” И ХОД СОВРЕМЕННОГО ПРОГРЕССА

ФРАНКЛИН РУЗВЕЛЬТ:

“ОДНА ТРЕТЬ НАЦИИ ЖИВЕТ В ПЛОХИХ ДОМАХ,
ПЛОХО ОДЕТА И ПЛОХО ПИТАЕТСЯ”

Если в области восстановления деловой активности меры, принятые правительством в необычайной спешке, привели к неожиданно скорому улучшению, то решение острейшей национальной проблемы – проблемы занятости – достижения администрации были весьма скромными. Многие исследователи говорят даже о провале программы борьбы с безработицей, которую начиная с 1933 г. реализовывали разные правительственные ведомства. Не помогла революционная мера – отмена в 1934 г. по инициативе госсекретаря К. Хэлла протекционистского тарифа Хоули-Смита.

В самом деле, главная цель всей социальной стратегии рузвельтовских демократов – обеспечение полной занятости или хотя бы снижение уровня безработицы до уровня докризисных показателей – осталась недостижимой мечтой. “Статистика... – писал известный американский исследователь Милтон Дербер, – почти не нуждается в комментариях. Достаточно сказать, что лишь в самый разгар краткосрочного кризиса после Первой мировой войны уровень безработицы составлял 11,7% от общего числа занятых. А чтобы еще яснее представить себе трагические масштабы Великой депрессии, надо вспомнить, что никогда после кризиса 1893–1896 гг. этот уровень не достигал 9%”¹. Сравнение действительно не в пользу “нового курса”. В 1939 г. уровень безработицы составил 17,2% (9,5 млн человек), т.е. примерно в 6 раз превышал уровень 1929 г.² Незадолго до очередных президентских выборов 1940 г., которые сам Рузвельт считал критическим рубежом своей политической карьеры, безработных американцев было больше, чем в 1931 г., т.е. в апогее краха, в момент чрезвычайно низкой деловой активности и массовых увольнений. Фактически только война спасла американскую экономику от очередного спада и нового увеличения числа безработных³.

Обнищание и пауперизацию больших масс населения приостановить полностью, до конца так и не удалось. Зимой 1934 г. число тех, кто получал прямую материальную помощь по безработице, составляло более 20 млн человек. Но размеры этой помощи не превышали 16 долл. в месяц на семью из четырех человек. К 1937 г. это

пособие в связи с ростом стоимости жизни было повышено (до 20 долл.), однако и эта сумма не покрывала самых скромных расходов на питание, не говоря о прочих статьях семейного бюджета⁴. Джон Льюис, – бесспорно, ведущая в ту пору фигура в прогрессивном крыле профсоюзного движения США, был не всегда объективен в оценке деятельности администрации Рузвельта (порой темперамент, болезненное честолюбие или чисто политические соображения мешали ему хладнокровно судить о сути происходящего). Но, выступая на съезде союза горняков в Коламбусе (штат Огайо) в 1940 г., он дал точную оценку сложившейся ситуации в области занятости, которую никто, включая и самого Рузвельта, не мог бы опровергнуть. “Мы вступаем в новый год, – говорил Льюис, – с сознанием, что демократическая партия не выполнила свои обязательства перед американским народом. Находясь семь лет у кормила власти, она так и не смогла решить главный вопрос – вопрос о безработице... По-прежнему над страной витает дух отчаяния...”⁵

Отмечая в целом положительное значение создания системы федеральных общественных работ, левые и прогрессисты критиковали администрацию Рузвельта более всего именно за склонность к полумерам, за стремление подчеркнуть ограниченный характер государственного вмешательства, связать дозированный характер помощи моральными соображениями (нежелание приучить американцев к подаяниям), как многим казалось, совершенно неприемлемыми в возникшей обстановке⁶. А между тем признаки кризиса во всей системе организации помощи безработным, созданной администрацией “нового курса” и продублированной на местах, особенно заметно проявились с середины 1937 г. в крупнейших промышленных штатах – Огайо, Пенсильвании, Иллинойсе и др. В Нью-Джерси власти отказали всем нуждающимся в помощи, предоставив взамен ее лицензии на право сбора подаяния⁷. Губернатор Огайо был вынужден отдать распоряжение организовать одноразовое питание тысяч голодных людей с помощью походных кухонь частей Национальной гвардии⁸.

Обследования подтвердили, что коллективное нищенство и существование тысяч людей за счет городских свалок, с которыми демократы обещали покончить еще в 1932 г., продолжало оставаться печальной реальностью. Общество в целом вынуждено было платить тяжкую дань массовой безработице ослаблением семейных уз, искалеченными судьбами молодежи, упадком морали, ростом уровня преступности, самоубийствами, тяжелыми недугами. Созданная ньюдиллерами система общественных работ под руководством министра внутренних дел Г. Икеса и Г. Гопкинса (ВПА и САВ) сняла лишь часть груза проблем, в итоге даже многие из ее политических сторонников пришли к убеждению, что изменить положение к лучшему без создания мощного государственного сектора в промышленности и строительстве, способного

развиваться на плановых началах и предоставить работу тем, кто лишился ее на частных предприятиях, невозможно.

Оживление экономики, трудовое законодательство “нового курса” в сочетании с главным фактором – решительной борьбой рабочего класса – более заметно сказались на положении занятой части населения. Была сокращена (и в ряде случаев существенно) продолжительность рабочей недели, повышены минимальные ставки заработной платы низкооплачиваемых категорий работников, запрещен и ликвидирован детский труд, улучшены условия труда рабочих в ряде отраслей, где профсоюзы, воспользовавшись расширением своих прав, сумели добиться удовлетворения требований рабочих. Речь идет, разумеется, об известном улучшении материального положения промышленных рабочих в целом. Однако “кодексы честной конкуренции”, разработанные предпринимателями для отдельных отраслей, как известно, отличались один от другого. Одни из них не включали пункты, предусматривающие минимальные ставки зарплаты, в других ничего не говорилось о снижении продолжительности рабочего времени.

Положение в аграрном секторе по-прежнему оставалось крайне тяжелым. Материальная помощь, полученная сельскими производителями в рамках AAA (Закона о восстановлении сельского хозяйства), не отвечала потребности в ней в долгосрочной перспективе, поскольку внешние рынки – основной потребитель американской сельскохозяйственной продукции – были после войны в значительной мере утрачены, а внутреннее потребление резко сократилось⁹. Обследовавшие аграрные штаты Северо-Запада и Среднего Запада информаторы Белого дома находили, что сельская Америка чем-то, как им казалось, начинала напоминать русскую деревню в худшие времена ее существования¹⁰. Неглубокий эффект AAA, его неоднозначные последствия, ухудшение положения беднейшей части сельскохозяйственного населения (особенно среди черных арендаторов и издольщиков) и обострение ситуации на Юге, в “хлопковом поясе”, заставили правительство вплотную заняться проблемой “забытых фермеров”. Толчком послужили удручающие данные сельскохозяйственной статистики за 1934–1935 гг.: более половины семей, живших за счет производства сельскохозяйственной продукции, имели годовой доход не выше 170 долл. Это было ниже того, что семья безработного в городе могла выпросить в виде подаяния у благотворительных организаций и муниципальных чиновников. Один из наиболее ярких представителей ньюдиллеров в непосредственном окружении Рузвельта, министр сельского хозяйства Генри Уоллес, человек необычайно популярный среди фермеров, касаясь наболевших вопросов и обращаясь к тысячной толпе в Де Мойне (штат Айова) говорил, что ему важно знать, хотят ли его земляки (Уоллес был уроженцем штата) вернуться по-собачьи “в блевотину капитализма” или они предпочитают двигаться к новой эре кооперации и взаимопомощи¹¹.

Новый цикл правительственных мер последовал незамедлительно. В апреле 1935 г. Рузвельт объявил о создании Администрации по переселению во главе с Р. Тагвеллом, предназначенной для нового обустройства разорившихся фермеров и покинувших городские трущобы бездомных людей (Resettlement Administration). Ей на смену в 1937 г. пришла Администрация защиты фермерских хозяйств (Farm Security Administration). Было принято законодательство об ассигновании 80 млн долл. для предоставления в виде займов фермерам-арендаторам. Цель – покупка ими собственных ферм. Созданная Администрация по управлению электрификацией сельской местности менее чем за 10 лет снабдила подавляющее число ферм дешевой электроэнергией, превратив сельскую Америку из захолустья в некое подобие городского предместья со всеми атрибутами урбанизированной цивилизации. Но в целом эффект был двояким. Многие цели были достигнуты. Исчезло состояние “накануне бури” в сельскохозяйственных регионах. Производство продукции и цена на нее стабилизировалась, упрочились экономические позиции среднего и крупного фермерства, аграрно-промышленный капитал адаптировался к новым условиям. Но идея сделать фермера (мелкого и крупного, черного и белого, работающего на внутренний рынок и на экспорт) счастливым не удалась.

В теории вся программа должна была содействовать улучшению материального положения прежде всего малоимущих групп сельского населения. На практике же льготами смогло воспользоваться лишь незначительное меньшинство арендаторов¹². Разорение мелкого фермерства и имущественное расслоение продолжались ускоренными темпами. Всего с 1935 по 1940 г. в США исчезло 716 тыс. ферм (10,5% общего числа), увеличилась и задолженность фермерства¹³. “Бедность в сельских районах оставалась в конце 30-х годов такой же частью американской жизни, как и в их начале”, – писал Р. Киркендолл¹⁴. Неутешительный итог непрерывных семилетних усилий в попытке излечить сельское хозяйство страны от одолевавших его недугов! Лишь война, появление огромного рынка сбыта продовольственной продукции в воюющие страны, упадок сельскохозяйственного производства во многих регионах мира и сдвиги в экономическом развитии Юга в связи с военно-промышленной конъюнктурой приостановили кризис в сельском хозяйстве США и создали предпосылки к его модернизации и подъему¹⁵.

Самым противоречивым образом реформы отразились на 12 млн афроамериканцев. Во время избирательной кампании 1932 г. Рузвельт обещал отнестись с полным пониманием и беспристрастно к их включению в сферу воздействия чрезвычайных мер помощи “забытому человеку”¹⁶. Однако на практике эти меры оборачивались для них далеко не однозначными последствиями. Хотя в 30-х годах более половины афроамериканцев жили в сельской местности, главным образом в хлопкосеющих штатах Юга, только 20%

черных фермеров были собственниками земли, которую они обрабатывали. Остальные трудились на земле крупных собственников в качестве арендаторов и батраков. Система кропперства и издольной аренды – своеобразная модификация рабского труда периода, предшествовавшего Гражданской войне, немногим улучшила материальный и правовой статус вчерашних невольников. Невзгоды же аграрного кризиса 20-х годов плюс экономическая катастрофа 1929–1933 гг. сделали положение этой беднейшей части сельскохозяйственного населения Америки просто безвыходным. Администрации “нового курса”, таким образом, представился великолепный случай явить стране свой “непредвзятый” подход в вопросах помощи, политическое бескорыстие и приверженность принципу расового равенства.

Однако первые же итоги претворения в жизнь Закона о восстановлении сельского хозяйства (AAA) показали, что мероприятия по сокращению сельскохозяйственного производства и изъятию из обработки части пахотной земли превратили в страдающую сторону именно эту, самую нуждающуюся часть сельского населения. Они не могли принести никаких выгод тем, кто и без того владел ничтожной площадью земли или же вообще ничего не имел, всецело завися от прихоти лэндлорда. Черные фермеры, издольщики и батраки фактически не могли выправить положение, используя механизм арбитражных комиссий. Осуществлявшие все контрольные и распорядительные функции на местах представители белых лэндлордов не оставили черным арендаторам и кропперам никаких шансов на справедливое рассмотрение их жалоб¹⁷. О решимости “кавалеров” не допустить ослабления зависимости арендаторов от хозяев плантаций разбивались все попытки толкования аграрного законодательства “нового курса” на беспристрастной, равноправной основе.

В свою очередь, федеральные чиновники стремились держаться “нейтрально” ради обеспечения поддержки лэндлордов в реализации общей программы. Воспользовавшись этим, плантаторы не допускали к процедуре выработки рекомендаций и наблюдению за распределением правительственной помощи представителей черных арендаторов, обеспечив за собой все преимущества и льготы, предоставляемые AAA. Результаты не замедлили сказаться. Данные Бюро цензов за 1940 г. показывают, что в этом году в США насчитывалось почти на 200 тыс. меньше черных арендаторов, чем их было в 1930 г.¹⁸ Бросая землю, черные американцы целыми общинами переселялись с Юга на Север, в промышленные центры, оседая в трущобах гетто и пополняя армию безработных.

И хотя реформы “нового курса”, начиная с НИРА, внесли известные перемены к лучшему в положении городского черного населения¹⁹, однако размеры пособия во многих местах (особенно на Юге) были столь малы, что не покрывали и сотой доли расходов не-

гритянской семьи на питание, одежду и кров, а на общественных работах черные сплошь и рядом подвергались унижительному обращению, дискриминации и разного рода ущемлениям²⁰. Тем не менее в целом нужно признать, что положение афроамериканцев уже не было столь трагичным, как двумя годами раньше, в период правления республиканцев, хотя Рузвельт отказался предпринимать что-либо основательное с целью кардинального улучшения их социально-правового положения. Этот аспект проблемы им даже не рассматривался. Сохранение лояльности белого населения Юга и части сочувствующей расовой сегрегации белого населения других регионов имело для Рузвельта приоритетное значение.

Правда, шагом вперед был формальный отказ Национальной администрации восстановления включить в “кодексы честной конкуренции” положения, непризнающие равенства прав белых и черных рабочих в вопросах зарплаты. И хотя предприниматели нашли тысячи лазеек, чтобы уклониться от распространения пункта о минимуме заработной платы на черных, тем не менее в целом правительственная регламентация условий найма налагала известные моральные ограничения на дискриминационную практику предпринимателей на крупных промышленных предприятиях, транспорте и в горнодобывающих отраслях. Известное улучшение положения трудящихся США в связи с претворением в жизнь законодательства “нового курса” не коснулось большинства черных тружеников еще и потому, что они в основном были заняты в сельском хозяйстве, в сфере обслуживания, других отраслях экономики, на которые не распространялось действие этого законодательства. Речь идет прежде всего о наиболее радикальном Законе о социальном страховании (1935). Увы, его статьи, предусматривавшие создание системы пенсионного обеспечения по старости и страхования по безработице, могли быть применены только к 10% от общего числа черных в составе рабочей силы²¹. Сельскохозяйственные рабочие, прислуга, рабочие сезонных профессий (среди которых преобладали черные американцы) и т.д. попросту не были приняты в расчет при определении категорий, которые могли претендовать на пособия и пенсии. Сохранить лояльность демократов-южан и не дать расистам повода для резких нападок на “новый курс” представлялось Рузвельту более оправданным, чем проявлять твердость и последовательность в принципиальных вопросах межрасовых отношений.

Все познается в сравнении. Положение американцев с черной кожей в период правления предшествующих республиканских администраций было столь трагичным, что даже незначительные достижения в годы “нового курса” могли ими восприниматься как слабый луч надежды в конце длинного темного туннеля. В связи с этим питтсбургская негритянская газета писала в январе 1936 г.: “Существование на грани голодной смерти, которое стало их уделом при президенте Гувере, уже не грозит безработным негритянским рабо-

чим. Они нашли работу на объектах ПВА, СВА, ВПА, ФЭРА и т.д. ... Критики еще скажут о практикуемой дискриминации цветных кропперов, квалифицированных и неквалифицированных рабочих-негров... Все это так. Было бы бесполезно пытаться отрицать это... Но какое другое правительство США в прошлом... смогло добиться чего-либо более значительного? Ответ, конечно, может быть только один: никакое”²². На президентских выборах 1936 г. 71% черных избирателей голосовали за Рузвельта, в 1940 г. – 67%²³.

Реальное облегчение почувствовали городские средние слои. Однако и здесь все обстояло очень непросто. С одной стороны, различные слои интеллигенции, учащаяся молодежь, служащие, лица свободных профессий и т.д., несколько лет стоявшие на краю пропасти, смогли наконец почувствовать себя в относительной экономической безопасности благодаря реализации специальных правительственных программ помощи, обеспечивших минимум защиты от хаоса, всеобщего застоя в делах, от банкротств, падения спроса на интеллектуальный труд и т.д. С другой стороны, часть средних слоев, связанная с мелким бизнесом, поначалу поверившая обещанию Рузвельта восстановить права “независимого предпринимательства” и “честную конкуренцию” путем ограничения произвола крупного капитала, вскоре убедилась, что правительство, во-первых, бессильно приостановить концентрацию экономической мощи и, во-вторых, вообще не склонно этим заниматься. Недовольство и метания этой части городских средних слоев, экономически и идеологически связанных с мелким бизнесом, безошибочно указывали на то, что они могут отдать свои симпатии политическим лидерам экстремистского толка. А это предполагало рокировку в расстановке политических сил, либералы сдавали позиции, теснимые политиками-чудотворцами типа сенатора Хью Лонга на Юге или Чарльза Кофлина на Севере.

Бесспорно, Рузвельт уже в конце первого срока пребывания в Белом доме начал сознавать тщетность расчетов достигнуть чего-либо с помощью пожарных полумер и штопанья общественных “дыр” средствами, приносящими лишь временное облегчение тем, кто больше всего страдал от опустошений, связанных с почти полным расстройством экономики. Признание давящей тяжести нерешенных проблем и несоразмерности принятых мер с масштабами бедствия сквозило в каждой фразе его знаменитой речи на церемонии по случаю вторичного вступления на пост президента, произнесенной 20 января 1937 г.: “...нашей демократии брошен вызов. Я вижу десятки миллионов граждан страны – значительную долю ее населения, – которые лишены большей части того, что оценивается по самым низким современным стандартам. Я вижу миллионы семей, ежедневно живущих на столь скудные доходы, что каждый день их жизни омрачен нависшей угрозой семейной катастрофы. Я вижу миллионы людей, чья будничная жизнь в городах и на фермах проходит в условиях, признанных недостойными цивилизованного общества еще полстолетия назад. Я вижу

миллионы людей, лишенных образования, отдыха и возможности изменить к лучшему свою участь и участь своих детей. Я вижу миллионы людей, не имеющих средств на покупку продукции ферм и заводов и тем самым лишаящих миллионы других возможности производительно трудиться. Я вижу, что треть нации живет в плохих домах, плохо одета и плохо питается”²⁴.

Статистика и специальные исследования показывали, что в некотором смысле дело обстояло даже хуже, чем представлял себе это президент. Экономический кризис 1937–1938 гг., начавшийся внезапно и совершенно “некстати”, как повторный толчок землетрясения грозил уничтожить до основания все, что с таким великим трудом удалось восстановить в 1933–1936 гг. Сильнейшие удары нового кризиса подавляли чуть окрепшие ростки благополучия. К ньюдиллерам были обращены гневные упреки. Однако объяснять ненадежность достигнутых к середине второго срока президентства Рузвельта результатов реформ отсутствием политической воли было бы верхом наивности, хотя не было недостатка в возмущенных голосах тех, кто полагал, что президент стал заложником тактики лавирования и приспособленчества, которую он избрал, пытаясь не допустить раскола общества перед лицом сложнейших внутренних и внешних задач. Один решительно настроенный сторонник “нового курса” счел, что именно в этой тактике лавирования таится источник бессилия либерализма, поверженного собственной нерешительностью и непоследовательностью. “...мы слишком охотно, – писал он, – идем на компромиссы с нашими врагами, полагая, что таким образом завоюем их симпатии и вынудим их быть справедливыми”²⁵. Так думали очень многие новые демократы, всерьез полагавшие, что правительство, оказавшись оно потверже и порешительнее, могло добиться радикального перераспределения богатства.

Рузвельт придерживался более сдержанных оценок. Он не видел в “новом курсе” разрыва с традицией “Американского пути”, считая вместе с тем, что успех реформ во многом зависит от энтузиазма всех тех, кто обеспечил своими голосами и повседневной поддержкой ему победу в 1932 и 1936 гг. Печальная судьба прогрессизма и вильсоновского либерализма начала века, порвавшего с массовой демократией, всегда оставалась у него перед глазами. Не повторить ее – означало для Рузвельта сохранить прямую и опосредованную связь с теми пластами электората, которые составляли его наиболее активную и организованную часть.

ЛЕВЫЙ МАРШ

В 1923 г. Америка буквально зачитывалась небольшой по объему, но очень емкой по содержанию книгой кумира делового мира будущего президента (в начале 20-х годов в этом не сомневался ни один человек, включая Франклина Рузвельта) Герберта К. Гувера

“Американский индивидуализм”. В ней автор с жаром опровергал тезис Алексиса де Токвилля об опасности индивидуализма для подлинной демократии, поскольку он способствует развитию эгоцентризма и изоляции членов сообщества друг от друга. Гувер, славу которому принес его вклад в ликвидацию голода в разрушенной войной Западной Европе, решительно отказался видеть в американском индивидуализме что-либо негативное, он назвал его великой духовной силой нации, источником ее богатства, противопоставив ему инстинкты толпы, умеющей лишь чувствовать, но не созидать²⁶.

Рузвельт накануне выборов 1928 г., на пике “процветания” отчетливо сознавал, что отнести “толпу” к балласту истории – непростительная ошибка, порок мышления. Она, эта самая “толпа”, заявил он, может быть генератором идей, более того, “существует вполне определенная зависимость между тем, что мистер Гувер называет толпой и современным прогрессом”²⁷.

Интуитивно, видимо, лучше, чем многие другие, Рузвельт понимал, что страна близка к моменту, когда “забытый человек”, народные низы напомнят о себе, делая это необязательно в экстазе бессмысленного бунтарства. Предвидение полностью оправдалось.

Бурные и драматические сцены у муниципалитетов, осаждаемых сотнями бездомных людей, или у ворот предприятий, захваты помещений законодательных собраний штатов участниками рабочих манифестаций, голодные походы безработных не вызывали такой тревоги в верхних этажах государственного здания, как информация о новых явлениях в организованном рабочем движении. Мятежный дух, который овладевал им снизу доверху, заставлял даже самых “надежных”, с точки зрения предпринимателей и властей, конформистски настроенных лидеров переосмысливать идейные установки гомперсизма и заняться поисками новых ориентиров. Многие в руководстве АФТ чувствовали себя обманутыми и даже брошенными на произвол судьбы. Рекламируемое ими длительное время “процветание” рушилось, как карточный домик, как многоярусное сооружение при девятибальном шторме, погребая под своими обломками красивые, но несбыточные обещания о Царстве социального благополучия, проистекающего из “рачительного эгоизма” новых капиталистов.

Один из самых последовательных пропагандистов концепции “нового капитализма” в профдвижении США, вице-президент АФТ Джон Фрей, в разгар кризиса сделал следующую запись в своем блокноте: “Каждый сейчас хочет возврата процветания. Но появились огромные различия во мнении, каким оно должно быть. Предприниматели и банкиры, возможно, мечтают о том замечательном времени, когда богатство создавалось в невиданных еще размерах, а число миллионеров и мультимиллионеров возрастало за одну ночь. Что же касается тружеников, живущих на заработную плату, то они хотят такого процветания, которое дало бы им гарантию от безра-

ботицы и улучшило бы условия труда. И уж совершенно ясно, что рабочие не хотят возвращения такого процветания, которое было у нас в 1924—1929 гг., потому что оно создало предпосылки пугающей всех депрессии и породило невероятные страдания, вызванные безработицей. Если вернутся прежние времена, мы вновь столкнемся с подобной или еще худшей депрессией. Условия, порождающие перепроизводство, будут означать возврат еще большей нужды или голода. Процветание, которое ведет к перепроизводству, затовариванию и голоду завтра, совершенно неприемлемо”.

В письме от 12 сентября 1932 г. Фрей размышлял уже о том, каким должно быть обновленное рабочее движение США. “Цена, которую трудящиеся платят за некомпетентность, невежество и бесчеловечность капитанов финансов и промышленности, невероятно велика... Я не сомневаюсь, — писал он, — в способности тред-юнионистского движения выдержать шторм. Но я также убежден, что, когда наступят лучшие времена, мы должны проводить более наступательную и далеко идущую политику, чем прежде. Рабочий должен научиться полагаться только на себя и на свою организацию, и ни на кого больше. Мы нуждаемся в новом трудовом законодательстве, особенно в таком, которое определяет и гарантирует права рабочих. Однако наиболее принципиальные вопросы не могут быть решены в конгрессе. Только опираясь на организацию, только путем продуманных боевых действий мы сможем обрести спасение”²⁸.

Кто бы мог подумать двумя годами раньше, что такой верный сторонник гомперсистской ортодоксии, доктрины непротивления капиталу, как Фрей, способен возвысить свой голос до столь решительного тона? Правда, когда волна социального протеста поднялась еще выше, он, испугавшись размаха рабочего радикализма, заговорил иначе и даже обвинил рузвельтовских либералов в разжигании классовой ненависти. Это было уже явное преувеличение: партия Рузвельта не преследовала подобных целей, хотя сам президент порой подчеркивал, что народ отказывается терпеть “злоупотребление властью теми, кто ради прибыли утратил элементарную порядочность”²⁹.

Законодательство “первых ста дней”, вопреки мнению ряда историков о преобладании в нем чисто экономических задач над всеми другими, призвано было создать прежде всего психологический перелом, внести успокоение, проще говоря, выпустить пар из котла, давление в котором достигло критического уровня. И надо сказать, что желаемый эффект, хотя и не полностью, был достигнут. В самом деле, многократное увеличение расходов на помощь безработным, создание системы общественных работ, меры помощи фермерам привели к снижению накала массового движения безработных во многих промышленных центрах³⁰, к приостановке фермерских выступлений общенационального масштаба и стихийных бунтов молодежи. Однако желанной общей “передышки” не получилось. Напротив, рабочее движение продолжало развиваться,

причем эпицентр активности сместился на территории действующих предприятий, в ведущие отрасли промышленности. Отныне его судьба находилась в руках тех, кто своим трудом поддерживал жизненный тонус нации, движения “рядовых”, отвергнувшего старые методы сопротивления произволу предпринимателей, а вместе с ними и старых лидеров.

Воодушевленные тем пониманием, которое нашло у широкой демократической общественности страны требование признания за наемными работниками права на коллективную самозащиту и организацию профсоюзов, и отвергнув старую соглашательскую тактику гомперсизма, трудящиеся включались в прямые действия. Эти непрекращавшиеся все десятилетие 30-х годов жесткие столкновения, отмеченные драматизмом и небывалым для США идейным накалом, стали важнейшим фактором социальной жизни. Более миллиона американских рабочих бастовали уже в 1933 г., отстаивая сносные условия существования и право на организацию в профсоюзы. Но это было только начало. Кривая стачечного движения неуклонно шла вверх. В 1934 г. число участников забастовок достигло 1,5 млн человек³¹. В стачечные пикеты вставали десятки тысяч рабочих автомобильной промышленности (Детройт, Толидо), текстильщики (Фол-Ривер), шахтеры (Алабама), портовики Западного побережья, строители, рабочие алюминиевых предприятий, водители такси Филадельфии, швейники Нью-Йорка, Чикаго, Бостона, Сент-Луиса, Кливленда, обувщики Лина (Массачусетс), рабочие текстильной промышленности и т.д.³².

Самой примечательной особенностью этого нового подъема следует считать то, что рабочие не ограничивались чисто экономическими требованиями, а повсеместно добивались предоставления тех основных прав на коллективную защиту от предпринимательского произвола, которые формально (лишь формально) были гарантированы им НИРА. Используя недомолвки и разного рода недоговоренности в рабочих статьях НИРА (пункт 7А), предприниматели стремились увековечить систему “открытого цеха”, воспрепятствовать созданию массовых профсоюзов в старых и новых отраслях. Целый арсенал средств, включая специальные частные полувоенные формирования, использовался ими для насильственного подавления рабочей инициативы и запугивания активистов³³. Но все было напрасно. Уроки, которые рабочие США вынесли из поражений в предкризисные годы, не прошли даром. И главный из них состоял в осознании великой жизненной силы рабочей солидарности, необходимости действовать сообща, организованно в борьбе за улучшение условий существования и труда.

Движение безработных как нельзя лучше закрепило этот урок. Там, где создавались организации безработных, удавалось кое-что сделать и для нуждающихся семей, а это “кое-что” в условиях кризиса часто являлось последним и единственным шансом не умереть

с голоду, не оказаться в положении бездомных скитальцев. Тяготы, которые пришлось вынести рабочим в их борьбе со своекорыстным старым капитализмом, пекущимся лишь о собственном благополучии, могли быть значительно меньшими, если бы не было разобщенности и дезорганизации в их рядах. Три года страданий сделали этот вывод самоочевидным. Именно эта сознательно протестная реакция рабочего на эгоистическое до жестокости поведение хозяев, демонстрировавших образцы, как говорил Рузвельт, неподвластности и неподчинения демократическим процессам, и послужила самым мощным ускорителем того необычайного подъема движения за организацию рабочих в профсоюзы и их радикализации, который начался с 1933 г. и который не знала еще история США³⁴.

В процентном исчислении количество стачек в защиту права организации в профсоюз увеличилось с 19% в 1932 г. до 45,9% в 1934 г. Вплоть до 1942 г. забастовки такого рода составляли почти 50% общего числа стачек³⁵. За короткий срок был остановлен процесс сокращения численности тред-юнионов, неуклонно развивавшийся с начала 20-х годов, причем численность некоторых профсоюзов выросла в десятки и даже сотни раз. Если в 1933 г., согласно данным рабочей статистики, общее число членов тред-юнионов составляло менее 3 млн человек, то в 1940 г. их было уже более 7 млн³⁶. По существу впервые были пробиты глубокие бреши в антипрофсоюзных заграждениях, которыми корпоративный капитал окружил многие ведущие отрасли промышленности с сотнями тысяч занятых в них трудящихся – электротехническую, металлургическую, автомобилестроение, химическую, автомобильный транспорт, нефтяную, авиационную, станкостроительную, горнодобывающую и т.д. Другая важная особенность: наиболее широкое распространение движение “нового тред-юнионизма” получило среди рабочих основных отраслей промышленности, т.е. там, где степень обобществления труда, рационализации производственных процессов, централизации капитала и рабочей силы достигла наивысшего для своего времени уровня.

С каждым месяцем линия водораздела обозначалась все резче, все определеннее. “Новый тред-юнионизм” (или социальный тред-юнионизм), привлекая под свои знамена большие массы неорганизованных рабочих, оказавшихся в наихудших, прямо-таки бедственных условиях, решительно отверг план мелких, разрозненных действий, предложенный руководством АФТ, которое открыто помышляло “утрясти” весь конфликт с отдельными группами предпринимателей путем кулуарных сделок в рамках старых формул гомперсизма о социальном партнерстве и единстве интересов рабочей аристократии и менеджмента. В полном согласии с этой стратегией руководство АФТ не желало, например, что-либо менять в статусе черных рабочих, отклонив предложения начать кампанию за их вовлечение в профсоюзы³⁷. В то же время, в отличие от национальных и межнациональных

союзов АФТ, стремившихся не допускать в свои ряды черных, “новый тред-юнионизм” сделал важный шаг к разрушению расистских барьеров, распахнув двери для “цветных” трудящихся, подвергшихся наиболее жестокому угнетению и дискриминации.

Ход событий способствовал выдвижению плеяды молодых рабочих-лидеров, тесно связанных с рабочей средой³⁸. Их идейный и политический кругозор не был скован рамками узколобого профсоюзного практицизма, элитарной психологией рабочей верхушки. Особое место и роль среди них принадлежали левым и коммунистам, вышедшим из густой тени и, если так допустимо сказать, легализовавшимся³⁹. Перечень отраслей, где коммунисты, действуя фактически поначалу в одиночку, очень часто маскируясь под кочующих агитаторов без определенной политической ориентации, заложили основы массовых профсоюзов, весьма внушителен: в таких из них, как сталелитейная, электротехническая, химическая, резиновая, текстильная, мясоконсервная и др., коммунисты проявили себя не только мужественными организаторами, но и творцами новой тактики “промышленной войны”, принесшей в конечном счете серьезные успехи⁴⁰. Нельзя не учитывать вместе с тем, что коммунисты и другие левые группы руководили “обучением” рабочего класса стачечной борьбе в особо сложной ситуации – после длительного периода “отвыкания” от роли публичной политической силы и в условиях противодействия со стороны верхушки АФТ⁴¹. Политически они остались “чужаками”, но вклад их в обновление профсоюзного движения неоспорим.

Конец 1934 и начало 1935 г. на внутреннем политическом фронте были ознаменованы рядом событий, которые не оставили сомнений, в каком направлении стремятся развиваться рабочее и демократическое движения. Радикализация широких масс и их прямые действия – всеобщие стачки, выступления безработных, фермерские волнения и т.д. – сочетались с качественно новыми явлениями – повышением уровня синхронизации движений социального протеста и усилением тенденции к их идейному и организационному сближению. Борьбу рабочего класса поддерживали средние слои, демократическая интеллигенция, национальные меньшинства. Укрепились связи между фермерскими организациями и профсоюзами, организации безработных налаживали контакты. Осенью 1934 г. и весной 1935 г. были сделаны важные шаги к объединению движения безработных⁴².

За всю историю рабочего движения оно как политический фактор никогда не обретало такой высокой степени самостоятельности. Его давление на институты власти возросло многократно. Осенние выборы в конгресс в 1934 г. показали, что поддержка рабочего и демократического движения имеет для “нового курса” и рузвельтовских либералов, возможно, решающее значение. Результат голосования наталкивал и на другой вывод: пассивность правительства в деле улучшения законов о труде и социального обеспечения

грозила обернуться на президентских выборах 1936 г. сокрушительным поражением демократов и возникновением мощной политической оппозиции двухпартийной системе под левоцентристским руководством. Принимая во внимание успехи движения Народного фронта во Франции, Испании и ряде других стран, нетрудно было предвидеть, в каком направлении будут в этом случае развиваться события и в США. Альтернативой могла стать какая-либо разновидность американского фашизма.

Из страны социального преуспевания, заповедника консерватизма Соединенные Штаты превратились в страну кипящих страстей и “злых голосов”. Рузвельт в одном из своих выступлений назвал это состояние проявлением многообразия форм поведения. Именно таким путем он выразил свое отношение к необычайно высокому давлению снизу, в прямую связь с которым должен быть поставлен новый цикл реформ (второй новый курс), имеющих не менее важное значение, чем знаменитые “сто дней”. Большинство из них имели своим адресом трудовую Америку, а политической целью, если воспользоваться словами У. Черчилля, “умиротворение классовой горечи”. В числе первых должны быть названы Закон о социальном страховании и Закон Вагнера о трудовых отношениях, принятие конгрессом в спешном порядке на чрезвычайной сессии в июне 1935 г. Едва ли следует пояснять, как много значили для всей страны создание системы социального обеспечения по старости и безработице и закон, гарантировавший рабочим право на объединение в профсоюзы и обязывавший предпринимателей заключать коллективные договоры об условиях найма с представителями официально признанных профсоюзов. Одновременно конгресс принял беспрецедентную по масштабам программу общественных работ.

Принятое в преддверии года очередных президентских выборов (1936) новое законодательство, в корне менявшее роль закона и государства в социальной области, не только выбивало массовую базу из-под ног радикалов как левого, так и правого толка, демагогов и изобретателей панацей. Оно закрепляло и развивало процесс преодоления отставания Америки там, где она оказалась в наибольшем долгу перед самой незащищенной массой своего населения. Рузвельт, как бы подводя итог проделанному, в своей инаугурационной речи 20 января 1937 г. выразил его сокровенный смысл в следующих словах: “Прогресс проверяется не тем, сколько лишнего мы дадим имущим, а тем, достаточно ли мы дадим неимущим”⁴³.

Изменившее облик Америки законодательство не было идеальным, но возможности его улучшения во второй половине 30-х годов были ограничены. Общепризнанной причиной являлось вовлечение массового рабочего движения в острейший внутренний конфликт, который помешал ему играть еще более заметную роль в событиях.

Истоки этого конфликта восходят к идейным разногласиям между прогрессивным и консервативным течениями в организованном

рабочем движении США, проявившимся еще в начале XX в. Но непосредственная причина заключалась в отказе большинства руководства АФТ оперативно откликнуться на жгучие проблемы, с которыми столкнулись в годы Великой депрессии массы трудящихся. Выходу рабочего движения на качественно новый уровень мешала тяжелая война в “рабочем доме”. В то время как рядовые рабочие в ведущих массовых отраслях промышленности выступали за перестройку профдвижения на началах создания широких производственных союзов, сильных солидарностью входивших в них членов, консервативные лидеры в АФТ настаивали на увековечении принципов цеховщины, децентрализации профдвижения. Лозунгом масс становилась последовательная борьба за улучшение своего материального положения и за социальные права с использованием широкого арсенала средств и методов борьбы (всеобщие и сидячие забастовки, голодные походы, демонстрации, политические кампании и т.д.). Напротив, для лидеров АФТ эти методы были неприемлемы, ибо граничили в их понимании с бунтом и даже революцией. Большинство рабочих интуитивно, а иногда и сознательно настаивало на более решительном вмешательстве организованного рабочего движения в политику. Но с этим и подавно никак не могли примириться лидеры АФТ, которые усматривали в любой попытке создать специальный политический механизм, способный защищать интересы трудящихся, происки “красных”, навязанный внешними силами умысел сбить их с дороги политического “нейтрализма”, проложенной Гомперсом.

Лидеры АФТ делали все от них зависящее, чтобы отдалить неизбежное⁴⁴. В 1934 г. в Сан-Франциско собрался очередной съезд АФТ. Уже здесь борьба между сторонниками организации рабочих в профсоюзы по производственному принципу и защитниками цеховщины приняла острый характер, хотя и не дала определенных результатов. Было очевидно, однако, что рано или поздно это произойдет. Те профсоюзные руководители, которые выступали за создание производственных союзов (Дж. Льюис, С. Хиллмен, Ч. Говард и др.), все лучше сознавали, что попытки чинить искусственные препоны почину, идущему снизу, ведут только к росту политического радикализма. И именно эта группа влиятельных лидеров решила форсировать разрыв с утратившим моральный кредит в глазах миллионов рабочих консерваторами из исполкома АФТ. На 55-м съезде АФТ в г. Атлантик-Сити, после открытого столкновения между консервативным большинством и сторонниками производственных профсоюзов, в ноябре 1935 г. в рамках АФТ был создан Комитет производственных профсоюзов (КПП), целью которого объявлялось содействовать объединению неорганизованных рабочих в производственные союзы. В общественной структуре США возник влиятельный центр притяжения для левоцентристских сил. Приход левых к руководству ряда вновь созданных профсоюзов подлил масла

в огонь. Противоборство соперничавших сил в американском профдвижении вступило в фазу острейшего конфликта. Однако сопротивление гомперсистов было не единственным, что пришлось преодолеть прогрессивным силам в борьбе за вовлечение миллионов рабочих в ряды профсоюзов. Сражения на предприятиях с хозяевами и менеджментом оказались еще более ожесточенными. Корпорации были полны желания не допустить вторжения производственных профсоюзов на территорию промышленных империй. Накал индустриальной войны в 1936–1938 гг. достиг высшей точки.

Опираясь на формальное подтверждение конгрессом своих прав, зафиксированных в законе о трудовых отношениях (Закон Вагнера), рабочие повели лобовую атаку на позиции монополий в основных отраслях. Еще невиданная до того волна стихийно возникавших по инициативе рядовых членов забастовок буквально захлестнула крупнейшие промышленные центры США. Главным лозунгом стачечников стало требование признания созданных ими самими профсоюзов, а отличительной особенностью всего забастовочного движения – широкое распространение так называемых сидячих забастовок. Около полумиллиона рабочих приняло участие в таких забастовках с сентября 1936 по май 1937 г.⁴⁵ В 1936 г. число таких стачек достигло 50, в 1937 г. – 170⁴⁶. Объявив стачку, рабочие не покидали территорию предприятия до тех пор, пока их требования не получали удовлетворения. Жестоким репрессиям полиции и частных охранных отрядов рабочие противопоставили стойкость, волю, высокий дух классовой солидарности.

Для Рузвельта используемые рабочими в широких масштабах новые формы борьбы создали чрезвычайно острую политическую проблему. Политический истеблишмент, предприниматели в один голос требовали от правительства подавить (любым путем, включая применение грубой силы) рабочий бунт, грозивший наградить вирусом незаконопослушания и анархии все общество. Президент колебался. У него как-то вырвалось: “Чума на оба ваши дома”. Но стремление сохранить поддержку рабочих, принесшую ему уже внушительные победы на общенациональных выборах, заставило предпочесть сжатому кулаку сдержанность. На пресс-конференции 15 апреля 1937 г., на которой не было репортеров, но где присутствовали ведущие газетные издатели и редакторы, все как один безоговорочно отвергавшие “новый курс” и жаждущие провала Рузвельта, президент объяснил свой отказ публично осудить “сидячие забастовки” убеждением, что отношения между профсоюзами и предпринимателями должны пройти через эти испытания, прежде чем новые принципы будут усвоены и приняты обеими сторонами. Рузвельт апеллировал к благоразумию и призывал к терпимости.

В истории страны еще не было ничего подобного. Пресса писала о сходстве ситуации, возникшей во многих промышленных центрах США, с той, что имела место во Франции и Испании, где у вла-

сти в то время находились правительства Народного фронта, а еще ранее в Италии накануне фашистского путча в 1922 г.⁴⁷ Успехи рабочего движения, его роль и влияние в политической жизни могли быть еще большими, если бы оно сумело преодолеть раскол в своих рядах. Однако ни руководство АФТ, ни традиционалистски настроенная часть общественного мнения не примирились с фактом организации независимого центра и с философией, исповедуемой его сторонниками. Несколько изменив собственную позицию в отношении вовлечения неорганизованных рабочих в профсоюзы, сделав ее более гибкой, лидеры АФТ тем не менее не отказались от мысли добиться ликвидации КПП.

Практически вопрос о конституировании КПП в самостоятельный центр профдвижения был решен на конференции Комитета в Атлантик-Сити (осень 1937 г.), которая приняла программу новой организации⁴⁸. Ее первый съезд, собравшийся в Питтсбурге в ноябре 1938 г., принял устав и официальное наименование – Конгресс производственных профсоюзов. Президентом КПП был избран Джон Льюис, президент профсоюза горняков. Раскол между “простым и чистым тред-юнионизмом” и течением, ориентирующимся на более широкие социальные цели, стихийно тяготеющим к антибуржуазности и политической самостоятельности, стал фактом. В первые годы своего становления и развития КПП был боевой организацией, отражавшей многие черты и боевые традиции американского рабочего движения. Решимостью вести последовательную борьбу за экономические и социальные права рабочих, белых и черных, мужчин и женщин, квалифицированных и неквалифицированных, КПП был обязан тому, что он создавался в ходе схваток в промышленности и опирался на рабочие низы, выдвинувшие из своей среды сотни способных руководителей новой формации⁴⁹.

В качественно новый этап развития вступило в 1935–1936 гг. и движение безработных. Внутри его усилились объединительные тенденции, в связи с чем в значительной степени расширился и диапазон его политического влияния на события. Весной 1935 г. на базе руководимых социалистами организаций безработных был создан Рабочий альянс Америки, который в январе 1936 г. принял решение о слиянии с самым крупным и влиятельным течением в движении безработных – советами безработных, во главе которых стояли коммунисты⁵⁰. Уроки борьбы европейского рабочего движения против фашизма и реакции, опыт Народного фронта положительно сказались на развитии унитарных тенденций. В марте 1936 г. было выработано соглашение об объединении всего движения безработных под эгидой единой организации, принявшей название Рабочего альянса⁵¹. Коммунисты и социалисты в его руководстве оказались в большинстве, бразды правления находились у них в руках. В принятой съездом (апрель 1936 г.) Декларации принципов говорилось о необходимости бороться за “полную свободу” рабочих и фермеров,

используя всю имеющуюся в их распоряжении “политическую и экономическую мощь”. Дальше речь шла и о более высоких задачах, а именно об установлении “нового социального строя, при котором плановое производство в соответствии с нуждами людей заменит сегодняшний хаос в производстве, подчиненном принципу наживы”⁵². Рядовые участники движения едва ли что-то слышали о стратегических и вполне революционных замыслах руководства, но в политических кругах они не могли не остаться незамеченными. Рабочий альянс обрел значительное влияние и вес в общественно-политической жизни страны. И АФТ, и КПП поддерживали с ним тесные отношения. Правительство официально признало Рабочий альянс в качестве законного представителя рабочих, занятых на объектах ВПА (РА). Используя в полной мере оружие непарламентских, массовых действий. Рабочий альянс наряду с другими движениями “маргиналов”⁵³, превратился в одну из важных групп политического давления на правительство и конгресс.

Рабочее движение в своем подавляющем большинстве было на стороне Рузвельта и его политики, но вместе с тем в его рядах крепло убеждение в необходимости вести независимую политику. Уже своим участием в избирательных кампаниях в 1932 и 1934 гг. рабочий класс показал, что отныне он не собирается оставаться сторонним наблюдателем за дуэлью двух буржуазных партий, а, напротив, намерен активно вмешаться в нее и оказать поддержку лишь тем общественным деятелям, кто не на словах, а на деле доказал свою приверженность курсу на социальные перемены. Энергичные и решительные меры, принятые Рузвельтом и его администрацией в самый тяжелый момент национального кризиса, обеспечили им поддержку миллионов трудящихся, хотя реальные результаты нововведений сказались не сразу и удовлетворили далеко не всех. Когда пришло ощущение несоразмерности достигнутого ожиданиям, вместе с ним пришла и заинтересованность в более глубокой реконструкции общественных структур. Остановиться на полпути или идти дальше – на этот вопрос, вставший перед ньюдиллерами во второй половине 30-х годов, у трудовой Америки был однозначный ответ: идти дальше. Воздавая должное усилиям администрации Рузвельта по части помощи безработным и в сфере трудового законодательства, рабочая Америка все более отчетливо сознавала, что все эти меры лишь начало, что они недостаточны и не снимают главного вопроса, как добиться радикального поворота к лучшему.

Современный исследователь, прекрасно знающий предмет, передает напряжение момента в следующих словах: «Политика не в меньшей степени, нежели природа, не терпит пустоты. Рузвельт легко заполнил территорию, которая была освобождена в результате серии провалов Гувера и его политики, но что окажется на месте вакуума в случае провала “нового курса?” Возможно, это был один из таких критических моментов, редких в американской истории, но

то, что он может случиться, доказано опытом других развитых демократий, – примером может служить приход нацистов к власти в Германии, когда движение масс готово перехватить инициативу у вполне утвердившихся политических авторитетов и навязать нации собственную повестку дня»⁵⁴. Низы уже не хотели и не могли, как тогда выражались публицисты в рабочей печати, прибегать для снятия боли к “политическому аспирину”. Требовались не успокаивающие средства, а что-то другое, более основательное.

Показательно, что поддержка профсоюзами возродившейся идеи создания третьих, независимых от двухпартийной системы, рабоче-фермерских партий с каждым годом ощущалась все сильнее. И это обстоятельство, пожалуй, было самым серьезным для Рузвельта и демократов доводом в пользу налаживания более тесных контактов с рабочим движением. Сама же эта идея дебатировалась внутри рабочего движения начиная с 1932 г. Ее приверженцев, как показал ход событий на местах, а также съезды АФТ в 1933, 1934 и 1935 гг., становилось все больше⁵⁵. Такие партии были созданы во многих штатах (Висконсин, Миннесота, Монтана, Северная и Южная Дакоты, Орегон, Массачусетс и др.) и весьма активным образом сразу же заявили о себе на политической арене. Наметилась тенденция, а кое-где принимались меры к объединению этого движения на общей платформе. В порядке зондажа ряд видных деятелей “нового тред-юнионизма” дали понять, что они даже не исключают возможности создания в скором будущем в национальном масштабе независимой рабочей партии. Об этом вскользь упомянул С. Хиллмен, президент Объединенного профсоюза швейников, в 1934 г.⁵⁶ К его мнению Рузвельт все чаще начинал прислушиваться.

В декабре 1935 г. более прямолинейный Джон Льюис заявил в интервью: “Насколько мне известно, рабочие в годы администрации Рузвельта получили больше, чем при любом другом президенте. Совершенно очевидно, что их долг предложить Рузвельту стопроцентную поддержку на следующих выборах (т.е. на президентских выборах 1936 г. – В.М.). Но это вовсе не означает, что рабочие упустили время и не видят необходимости выставить свой собственный избирательный список. Не может быть двух мнений в отношении того, что в нашей стране больше не существует равенства возможностей...”⁵⁷ Увы, профсоюзы, занятые войной в собственном доме, в действительности упустили время. Однако косвенное признание сохраняющихся настроений в пользу создания самостоятельной рабочей партии прозвучало и в речи Джона Льюиса накануне выборов 1940 г., когда он, выступая на съезде рабочих автомобильной промышленности, заявил об утрате в народе доверия “к двум существующим партиям”, о росте популярности идеи формирования “его (т.е. рабочего класса. – В.М.) собственной партии”⁵⁸. Кто-то с радостью приветствовал это заявление, кто-то счел риторической бравадой, смахивающей на шантаж.

Несмотря на то, что социальные реформы и повторный успех Рузвельта на выборах 1936 г. были использованы противниками создания самостоятельной рабочей партии в качестве довода, подтверждающего “мудрость” беспартийной политики, для очень многих рядовых членов профсоюзов он звучал не слишком убедительно. Попыткой компромисса между сторонниками и противниками независимого политического действия в профдвижении явилось создание в 1936 г. по инициативе Дж. Льюиса и С. Хиллмена Беспартийной рабочей лиги, специального политического механизма, призванного оказывать поддержку сторонникам Рузвельта в обеих партиях⁵⁹. “Беспартийной” эта организация была только для незрячих. Тот же маневр был совершен при образовании секции Беспартийной лиги в штате Нью-Йорк, так называемой Американской рабочей партии. За ней стояли буквально все крупные нью-йоркские профсоюзы. Хотя лидеры партии всячески подчеркивали свою приверженность Рузвельту как национальному лидеру, в самом факте активного участия профсоюзов в деятельности партии сквозил намек на возможность в перспективе “свободного плавания”⁶⁰.

До 1935 г. только левые сравнительно малочисленные союзы Лиги профсоюзного единства (коммунисты) на основе полного равноправия принимали в свои ряды негритянских рабочих. Из их среды выдвинулось впоследствии немало активных борцов за рабочую солидарность. Создание Комитета производственных профсоюзов и квазиполитических партий профсоюзов привело к важному сдвигу. Отношение “нового тред-юнионизма” к проблеме гражданских свобод и ликвидации расовых барьеров было сформулировано в программе КПП, принятой на конференции в Атлантик-Сити в 1937 г. В твердых выражениях в ней декларировалось, что КПП борется против ущемления гражданских прав черных американцев, видя в этом свой высокий долг и призвание⁶¹. Впоследствии руководство КПП создало специальный Комитет борьбы с расовой дискриминацией (переименованный позднее в Комитет по гражданским правам)⁶².

Рабочий класс США не остался в стороне и от важных мировых проблем и событий. С начала 30-х годов в Соединенных Штатах развернулось широкое антивоенное движение, роль рабочих организаций в котором была весьма заметна⁶³. Антифашистские и антивоенные демонстрации уже в 1933 г. прошли во многих городах США. Демократическая общественность и многие профсоюзы поддержали созыв 1-го Антивоенного конгресса в США (29 сентября 1933 г.). В числе более чем 2600 делегатов этого конгресса на нем присутствовали представители ряда крупных профсоюзов и организаций безработных⁶⁴. Важным событием стало образование Американской лиги борьбы против войны и фашизма, в работе которой приняли участие многие профсоюзы США⁶⁵.

В 1934 г. происходит дальнейший рост антифашистского движения. На массовом митинге в Нью-Йорке в марте 1934 г. участники проголосовали за резолюцию “Цивилизация против гитлеризма”. В ней, в частности, говорилось: “Мы заявляем, что гитлеровское правительство, установившее деспотическую диктатуру, толкает германский народ на путь варварства, что угрожает прогрессивному развитию человечества в направлении мира и свободы и представляет реальную опасность для цивилизации во всем мире”⁶⁶. Уже второй и последующие конгрессы Лиги свидетельствовали, что это движение становилось все более реальной и весьма влиятельной силой во внутривнутриполитической борьбе в стране⁶⁷. Лига и ее печатный орган журнал “Файт” критиковали политику “нейтралитета”⁶⁸. Многие профсоюзы АФТ, а затем и КПП, поддерживавшие Лигу, выступали в защиту Испанской республики, народа Эфиопии, подвергнутого агрессии итальянского фашизма, суверенитета Австрии⁶⁹. Между тем высшее руководство АФТ, осудив фашизм, безоговорочно поддерживало политику “нейтралитета”.

Отстояв большую степень независимости, расширив собственную массовую базу и повысив многократно организованность, рабочее движение во взаимодействии с партией реформ подняло статус труда в стране. Правовая система общества оказалась перестроена таким образом, что злоупотребления властью работодателя не могли уже остаться безнаказанными, уважение к достоинству наемного работника, его стремлению к материальному достатку и роли в созидании национального богатства перестало быть простой формальностью. Вместе со всем этим пришла, как говорил Рузвельт, величайшая перемена – “изменение нравственной атмосферы Америки”. Были созданы существенные предпосылки для выхода к цели – опережению других развитых стран по важнейшему показателю, именуемому качеством жизни среднестатистического американца.

ПРОГРЕССИВИЗМ ОБРАЗЦА 30-х ГОДОВ: БЛАГО ИЛИ ЗЛО?

Антимонополизм (прямое продолжение антитрестовского движения начала XX в.), казалось бы, изгнанный в годы “процветания” из всех уголков национального самосознания, в 30-х годах вновь стал наиболее существенным элементом всей общественной обстановки в США. Крупный финансово-промышленный капитал утратил свои привлекательные черты “великой созидательной силы” в глазах миллионов простых американцев. Мифы рушились, гении предприимчивости и наживы обретали свой первоизначальный вид “баронов-грабителей”, беззастенчиво наживавшихся на страданиях соотечественников, к бедствию и горю которых они относились с нескрываемым презрением и равнодушием.

Обнаженность основного конфликта и восприятие его через критику эгоистических интересов корпоративного капитала делали распознавание главного источника американской трагедии доступным и понятным большинству рабочих, большой части фермерства, интеллигенции, средним слоям.

Антимонополизм многих общественных деятелей, писателей и художников и в особенности новой плеяды молодых политиков был настроен по камертону развивающегося движения, которое к осени 1936 г. стало важной приметой времени. Никто с ним не мог не считаться, оно давало о себе знать повсеместно, в самых разных, подчас неожиданных формах, обретая силу всенародного протеста. Росло убеждение, что национальные материальные и интеллектуальные ресурсы, присвоенные монополиями, служат не благополучию народа, а чуждым его интересам целям – обогащению верхушки общества, внешнеполитической экспансии, военным приготовлениям и манипуляциям с парламентскими учреждениями в угоду политическим кликам власть имущих.

Сопоставление трагического хода событий в Италии и Германии, вскрывших связи транснационального монополистического капитала с фашизмом, с аналогичными явлениями в США содействовало формированию исключительно негативного представления о монополиях (их связь с милитаризмом стала любимой темой прессы) как носителях крайне опасного начала для демократических свобод и институтов. В целом демократическая Америка с каждым годом бурного десятилетия 30-х годов все теснее связывала себя с преобразовательными стремлениями структурного характера, во многих случаях весьма расплывчатыми, но содержащими общую идею о разумно организованном обществе, в котором труженик перестал бы быть рабом бесконтрольного хозяйничанья кучки финансово-промышленных магнатов, живущих в роскоши и не желающих ничего знать о судьбе стоящих у подножия социальной пирамиды⁷⁰. Рузвельт лучше, чем кто-либо из политиков понимал серьезность этих сдвигов в системе ценностей, прилагая усилия к тому, чтобы они не выходили за рамки нравственно-этического поля.

Антимонополистические настроения вновь получили широкое распространение и в фермерской среде. Очаги самовозгорания накопившегося здесь горячего материала проявили себя в разных местах по-разному, но повсюду фермеры стремились избавиться от гнета крупного финансово-промышленного капитала, опутавшего мелкое и среднее фермерство цепями экономической зависимости, обкрадывавшего его с помощью политики цен, кредита, жесткого контроля за рынком сбыта сельскохозяйственных продуктов и т.д. Именно в этом контексте возрождения социально-протестных, populistских настроений в фермерских массах следует рассматривать появление в перечне требований ряда фермерских организаций лозунгов передачи в собственность государства гидростанций, нацио-

нализации природных ресурсов, банков, корпораций в сфере коммунального обслуживания, линий электропередачи и т.д.⁷¹ Укрепление контактов фермерских и рабочих организаций на местах на почве их общей заинтересованности в создании третьей партии (в штатах и в общенациональном масштабе) указывало на расширение взаимопонимания рабочей и мелкобуржуазной демократии на основе признания общности их интересов в борьбе с засильем крупного капитала и его лоббистами в органах государственной власти.

В целом аграрный радикализм на протяжении всех 30-х годов оставался активным фактором антимонополистического движения, хотя типичное для фермерской демократии явление – зависимость от условий экономической конъюнктуры и разного рода местных особенностей делало фермеров сторонниками консерватизма в политике. Более решительные настроения в борьбе фермеров нашли свое выражение в активизации ряда фермерских организаций, возглавляемыми прогрессивными и левыми деятелями. К их числу следует отнести Лигу объединенных фермеров и Союз южных фермеров-арендаторов, возникший в 1934 г. в штатах Арканзас, Теннесси, Оклахома и Техас⁷². Они боролись за углубление демократических начал аграрного законодательства “нового курса”, за более широкую помощь беднейшему фермерству, за развитие кооперативных начал. В этой борьбе участвовали и многие рядовые члены Национальной фермерской стачечной ассоциации и Национального фермерского союза, отражавших интересы мелкого и среднего фермерства. В то же время значительная часть руководства этих организаций отказала в доверии “новому курсу” и поддержала консервативную оппозицию, рассчитывая использовать свой политический вес для получения уступок после ее победы на очередных выборах.

Экономический кризис 1929–1933 гг. и последовавшая за ним депрессия поколебали доверие к капиталистическим институтам, к морали и этике буржуазного мира в самых широких слоях демократической интеллигенции, в городских средних слоях и учащейся молодежи. Преимущественно социально-этический и эмоциональный характер протеста этих слоев порождал не только неодинаковые представления об идеальной модели нового общества, свободного от кризисов, анархии производства и отношений господства, но и несогласованные и несогласуемые усилия изменить положение, апеллируя исключительно к правосознанию классов и социальных групп. Достаточно неоднозначно в этой среде воспринимался “советский эксперимент”, вызывавший и критику, и одобрение. Переход к “муниципальному социализму” мирным, ненасильственным путем, через серию реформ пропагандировала Лига независимого политического действия (ЛНПД), среди активных членов которой можно было видеть видных представителей американской интеллигенции – философа Дж. Дьюи, экономистов П. Дугласа, С. Чейза, Г. Лейдлера и др. ЛНПД осенью 1933 г. выступила с инициативой создания Фер-

мерско-рабочей политической федерации. Ее платформа провозгласила необходимость постепенного слома старого порядка, основывавшегося на безраздельном господстве капитала, и переводе общества на рельсы всестороннего обновления, признания возможности сосуществования различных форм собственности, внедрения плановых начал и т.д.

Критика “нового курса” социал-реформаторами левого толка толкала их к размежеванию с рузвельтовскими либералами, которые в глазах части разночинной демократии не оправдали надежд на решительное расставание с “наследием” прошлого и переход к более “разумному” управлению экономикой и восстановлению жизненного уровня народа как того требовали часто наспех придуманные утопические квазисоциалистические модели⁷³. На этой почве возникли многочисленные попытки возглавить движение за создание общенациональной третьей прогрессистской партии на базе местных рабоче-фермерских партий, которые в ряде штатов (Миннесота, Висконсин, Мичиган, Южная Дакота и др.) не только пустили основательные корни, но и добились серьезных успехов на выборах. В Миннесоте, например, рабоче-фермерская партия во главе с популярными лидерами Ф. Олсоном и Э. Бенсоном сумела с 1930 до 1938 г. занять положение ведущей политической силы в штате, оттеснив обе “исторические” партии. На какое-то время в 1934–1935 гг. всеобщее внимание привлекло широкое движение “Покончить с нищетой в Калифорнии” во главе с писателем Эптоном Синклером, рассчитывавшее подчинить своему влиянию демократическую партию, сделав ее оплотом социал-демократии.

Первоначально многообещающим с точки зрения общенациональной перспективы был и процесс складывания предпосылок для победы коалиции левых и демократических сил в штате Висконсин, где весной 1934 г. при широкой поддержке рабочих и фермерских организаций прогрессисты братья Филипп и Роберт Лафоллеты, используя давние прогрессистские традиции штата, основали новую Прогрессивную партию. Опираясь на довольно широкую массовую базу, партия в ходе ряда избирательных кампаний нанесла поражения демократам и республиканцам, сумев сохранить за собой на протяжении нескольких лет большинство в законодательном собрании и пост губернатора штата. Прогрессисты открыто отмежевались от ведущих партий как представлявших одни и те же “реакционные интересы” и, сосредоточив свои усилия на обличении “жестокосердия и идиотизма” существующей в США экономической системы, в которой контроль всецело принадлежит “организованному богатству”, пообещали отдать все силы строительству “нового порядка, где американцы будут чувствовать себя в безопасности и жить в условиях изобилия”⁷⁴.

Однако не выработавшее из-за внутренних трений и фракционной борьбы четкой программы движение за создание третьей партии не смогло в 30-х годах подняться выше локальных успехов. Ска-

зались разношерстная природа его социальной базы, неодинаковость устремлений лидеров и гибкие контрдействия администрации Рузвельта. Наталкиваясь на них, лидеры прогрессистского движения чаще всего пытались достичь поставленных задач, агитируя нью-диллеров присоединиться к ним, поддержав их порой фантастические проекты молниеносного решения всех проблем. Все оборачивалось противоположным образом. “Исторические” партии поглощали очаги политического неконформизма, перемалывая их внутри своей “утробы”.

Ни в коей мере не переоценивая масштабы радикализации, а тем более полеведения широких демократических масс в США в годы “нового курса” – рабочих, фермеров, средних городских слоев, интеллигенции, молодежи – тем не менее следует сказать, что достигнутый ими уровень осознания природы общественных противоречий в национальном и международном масштабе и решимость переломить всесокрушающий ход событий представляли собой качественно новый элемент всей общественно-политической обстановки в стране. Не считаться с этим в условиях пугающих успехов тоталитаризма, расширения борьбы за Народный фронт во многих странах Европы и Америки, появления работающей модели советского социализма и неопределенности перспектив для экономики США Рузвельт не хотел, да и не мог, несмотря на яростные атаки тех, кто находился справа и критику слева.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ The New Deal. The National Level / Ed. by I. Braeman and oth. Columbus, 1975. Vol. 1. P. 123. Добавим, что в основе расчетов Дербера – данные официальной статистики, приукрашивавшей истинную картину национального бедствия. Однако и в этом случае сравнение уровня безработицы середины 30-х годов с любым другим за предшествующий период экономического развития Америки указывает на катастрофическую динамику роста численности избыточного населения США.

² Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Wash., 1975. P. 135.

³ Vatter H.C. The U. S. Economy in World War II. N.Y., 1985. P. 1–31.

⁴ Piven F.F., Cloward R.A. Poor People’s Movement. N.Y., 1977. P. 67, 68.

⁵ Wayne State University. Labor History Archives. H. Kraus Collection. Box 16. Jonn L. Lewis Statement. Columbus (Ohio).

⁶ New Republic. 1936. Apr. 29. P. 330.

⁷ Piven F.F., Cloward R.A. Op. cit. P. 83.

⁸ People’s Press. 1937. Apr. 24.

⁹ Подробнее см.: Золотухин В.П. Фермеры и Вашингтон. М., 1968; Язков Е.Ф. Аграрная политика Рузвельта и фермерское движение в США в 1933–1935 гг. // Новая и новейшая история. 1957. № 3.

¹⁰ Kennedy D.M. Freedom from Fear. The American People in Depression and War, 1929–1945. N.Y., 1999. P. 191, 192.

¹¹ *Culver J.C., Hyde J. American Dreamer: The Life and Times of Henry A. Wallace.* N.Y.; L., 2000. P. 129.

¹² *Venkataramani M.S. Norman Thomas, Arcansas Sharecroppers and the Roosevelt Agricultural Politics, 1933–1937 // Mississippi Valley Historical Review.* 1960. Vol. XLVII. N 2.

¹³ См.: *Золотухин В.П. Указ. соч. С. 145, 147.*

¹⁴ *The New Deal. The National Level. Vol. 1. P. 105.*

¹⁵ *Conrad D.E. The Forgotten Farmers: The Story of Sharecroppers in the New Deal.* Urbana, 1965.

¹⁶ *Wolters R. The New Deal and the Negro // The New Deal. The National Level. Vol. 1. P. 170–211.*

¹⁷ *Venkataramani M.S. Op. cit. P. 227.*

¹⁸ *The New Deal. The National Level. Vol 1. P. 174; Conrad D.F. The Forgotten Farmers: The Story of Sharecroppers in the New Deal.* Urbana, 1965.

¹⁹ *Serner R. The Negro's Share.* N.Y., 1943. P. 239–253.

²⁰ *The New Deal. The National Level. Vol. 1. P. 188, 189, 191.*

²¹ *Ibid. P. 194.*

²² *Ibid. P. 211.*

²³ *Weiss N.J. Farewell to the Party of Lincoln: Black Politics in the Age of FDR.* Princeton, 1983. P. 299.

²⁴ *The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. VI. P. 4–5.*

²⁵ MHC. Frank Murphy Papers. Box 15. *John Dingel to Murphy*, Nov. 4, 1936.

²⁶ *Hoover H. American Individualism.* Garden City, 1923.

²⁷ *The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. I. P. 68, 69.*

²⁸ LC. John P. Frey Papers. Box 12. Folder: Notes and Memoranda (2); Box 8. *Frey to Thomas J. Donnelly*, Sept. 12, 1932.

²⁹ *Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша 1789–2001 гг. М., 2001. С. 391.*

³⁰ *Piven F.F., Cloward R.A. Op. cit. P. 76, 77; Rosenzweig R. Radicals and the Jobless: The Musteites and the Unemployed Leagues, 1932–1936 // Labor History.* 1975. Vol. 16. N 1. 1975. P. 63, 72.

³¹ *Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957. P. 99.*

³² *Levinson E. Labor on the March.* N.Y., 1956; *Zieger R. The CIO, 1935–1955.* Chapel Hill, 1995; *Cohen E. Making a New Deal. Industrial Workers in Chicago, 1919–1939.* Cambridge, 1990; *Faue E. Community of Suffering and Struggle. Women, Men and Labor Movement in Minneapolis, 1915–1933.* Chapel Hill, 1991.

³³ *Bernstein I. The Lean Years. A History of the American Worker, 1920–1933.* Boston, 1970. P. 148–151; *Idem. Turbulent Years. A History of the American Worker, 1933–1941.* Boston, 1970. P. 478, 479.

³⁴ *Halpern R. Down on the Killing Floor. Black and White Workers in Chicago's Packinghouses, 1904–1954.* Urbana, 1997; *Horowitz R. Negro and White, United and Fight. Social History of Industrial Unionism in Meatpacking, 1900–1930.* Urbana, 1997.

³⁵ *Bernstein I. The New Deal Collective Bargaining Policy.* Berkeley, 1950. P. 143, 144.

³⁶ *Troy L. Trade Union Membership 1897–1962.* N.Y., 1965. Appendix 1–27.

³⁷ *Karson M., Radosh R. The American Federation of Labor and the Negro Worker, 1894–1949 // The Negro and the American Labor Movement / Ed. by J. Jacobson.* Garden City (N.Y.), 1968. P. 162–170.

- ³⁸ Student Outlook. 1933. Vol. I. Mar. N 4. P. 15.
- ³⁹ Labor History. 1999. Vol. 40. May. № 2. P. 189; *McCartin J.* Labor's Great War. Chapel Hill, 1998.
- ⁴⁰ *De Caux L.* Labor Radical: From the Wobblies to the CIO, a Personal History. Boston, 1970.
- ⁴¹ The CIO's Left-Led Union / Ed. by S. Rosswurm New Brunswick, 1992. В результате тщательного исследования американский историк Киран пришел к однозначному выводу: деятельность коммунистов в автомобильной промышленности имела определяющее значение на всех самых трудных этапах становления профсоюза авторбочих – от первых шагов к освобождению созданных на предприятиях рядовыми рабочими профсоюзов из-под губительной опеки верхушки АФТ до оформления в 1936 г. независимого профсоюза автомобилестроителей. В политическом отношении он сразу же занял свое место на левом фланге профдвижения (*Keeran R.* The Communist Party and the Auto Workers Unions. Bloomington, 1980).
- ⁴² Workers Alliance. 1936; Vol. I. Jan. N 9; Mar. 1; *Piven F.F., Cloward R.A.* Op. cit. P. 75.
- ⁴³ Инаугурационные речи президентов США. С. 393.
- ⁴⁴ *Harris H.* Labor's Civil War. N.Y., 1940. P. 31–32.
- ⁴⁵ *Wechsler J.A.* Labor Baron. A Portrait of John Lewis. N.Y., 1944. P. 69.
- ⁴⁶ *Fine S.* Sit-Down. The Great General Motors Strike of 1936–1937. Ann Arbor, 1969. P. 331.
- ⁴⁷ Detroit Free Press. 1937. Jan. 7.
- ⁴⁸ *Zieger R.* The CIO, 1935–1955. Chapel Hill, 1995.
- ⁴⁹ *Piven F.F., Cloward R.A.* Op. cit. P. 96–180.
- ⁵⁰ Workers Alliance. 1936. Vol. 1. Jan. N 9.
- ⁵¹ Ibid. Mar. 1.
- ⁵² Ibid. Apr. N 13.
- ⁵³ *Mitchell D.I.B.* Townsend and Roosevelt: Lessons from the Struggle for Elderly Income Support // Labor History. Vol. 42. N 3. Aug. 2001. P. 255–276.
- ⁵⁴ *Kennedy D.M.* Op. cit. P. 227.
- ⁵⁵ AFL Proceedings, 1932. P. 374; Ibid. 1933. P. 152, 453; 1935. P. 290, 773; *Brooks R.R.R.* When Labor Organizes. New Haven, 1937. P. 301.
- ⁵⁶ Amalgamated Clothing Workers of America, 10th Annual Convention. Proceedings. 1934. P. 396.
- ⁵⁷ WSHSL. AFL Papers. W. Green Papers 1934–1936. Historical File. Box 1.
- ⁵⁸ Labor History. 1976. Vol. 17. N 2. P. 181.
- ⁵⁹ См.: *Сивачев Н. В.* Политическая борьба в США в середине 30-х годов XX века. М., 1966. С. 211.
- ⁶⁰ См.: *Мальков В.Л.* “Новый курс” в США: Социальные движения и социальная политика. М., 1973. С. 89.
- ⁶¹ Committee for Industrial Organization. The Program of the CIO. Wash., 1937. P. 50, 56.
- ⁶² *Rosen S.M.* The CIO Era, 1935–1955. The Negro and the American Labor Movement. P. 189.
- ⁶³ *Наджафов Д.Г.* Народ США – против войны и фашизма, 1933–1939. М., 1969.
- ⁶⁴ Daily Worker. 1933. Sept. 30; Oct 2.
- ⁶⁵ *Foster W.Z.* History of the Communist Party of the United States. N.Y., 1952. P. 369.

⁶⁶ Advance. 1934. Mar. P. 3.

⁶⁷ Ibid. 1935. Apr. P. 3.

⁶⁸ Fight. 1937. Aug. P. 7, 27.

⁶⁹ Ibid. Jan. P. 27, 28; Mar. P. 27; Apr. P. 27, 28.

⁷⁰ *Taylor B.H., Witney P.* Unionism in the American Society // Labor Law Journal. 1967. Vol. 18. N 5. P. 301.

⁷¹ *Burton R.E.* Democrats of Oregon. The Pattern of Minority Politics, 1900–1956. Eugene, 1970. P. 71, 75; *Shover J.L.* Cornbelt Rebellion. The Farmers' Holiday Association. Urbana, 1965. P. 96.

⁷² Agricultural History. 1968. Apr. P. 127.

⁷³ *McCoy D.R.* Angry Voices: Left-of-Center Politics in the New Deal Era. Lawrence (Kan.), 1958. P. 61–85.

⁷⁴ Ibid. P. 47, 48.

“ЧУТЬ-ЧУТЬ ЛЕВЕЕ ЦЕНТРА”

ФОРМУЛА УСПЕХА

Социально-экономические реформы в США 30-х годов, которые обычно связывают с именем Франклина Д. Рузвельта, вошли в историю страны как эпоха “нового курса”. Однако на деле ничего принципиально нового в том, что сам Рузвельт, получив полномочия от истории, принялся осуществлять, разумеется, не было. Если воспользоваться мыслью Альфреда Вебера, высказанной им в начале 1918 г. по поводу личности Вудро Вильсона, суть происходившего заключалась в способности Рузвельта выразить настроения народа, подобные тем, что испытывали крестоносцы, придав им соответствующую интеллектуальную форму¹. Исторически и структурно обусловленный факт, таким образом, обрел с течением времени в ходе трансформаций законченный вид подлинной революции сверху. Явление типичное для многих стран, хотя этот общетеоретический вывод предполагает в каждом отдельном случае выяснение ряда специальных моментов, и прежде всего: в результате действия каких исторических сил вызваны к жизни глубокие преобразования, осуществленные на почве данного общественного уклада.

Реформы, как правило, следуют за социальным действием, что полностью подтверждает ход развития США в эпоху индустриализма и модернизации. Показательно, что первое серьезное проявление либерального реформаторства после джексоновской демократии на американской почве было прямо связано с подъемом борьбы рабочего класса, оживлением широких демократических движений фермерства и городских средних слоев в конце XIX – начале XX в. Аграрный радикализм в лице популистского движения и усиление бунтарских настроений в рабочем движении с заметным креном в сторону социализма Дебса вызвали к жизни феномен брайанизма. Помня о политической функции брайанизма как инструмента гашения социального протеста, очень важно вместе с тем отметить его способность аккумулировать энергию масс, особенно мелкобуржуазных слоев. 1912 год – пик популярности брайанизма.

Не вдаваясь в частности, заметим, что наиболее типичным для брайанизма, как политической философии прогрессизма было именно это стремление сохранить связь с демократизмом низов, отмеченным недоверием к богатству, плутократии, войне, коррупции,

внешнеполитическому экспансионизму. Не случайно Брайан долгое время не оставлял мысль обратить демократическую партию в партию сторонников муниципальной собственности и пропагандировал лозунг национализации железных дорог². Известно также, что он критически отозвался о попытках Теодора Рузвельта сделать США “мировым полицейским”³. Это на фоне усиления внешнеполитической экспансии США в начале XX в. и роста глобальных appetites американских корпораций, произвело на широкую публику довольно сильное впечатление и не могло не иметь положительного значения. Изобличения грабительских помыслов и практики монополий, доброжелательное отношение к требованиям всячески притесняемых профсоюзов, заверения в верности пацифизму обеспечили “великому простолыдину” симпатии рабочих⁴, городских средних слоев, мелкого фермерства, радикальной интеллигенции, иммигрантов. Отвоевав у социалистов голоса многих неустойчивых сторонников, брайанизм ценой шагов навстречу радикальным настроениям объективно выполнил свою роль – дал толчок новой перегруппировке сил в составе избирательного корпуса демократов, привел к увеличению в нем городского элемента, способствовал приобретению партией репутации партии простых людей за счет расширения и демократизации ее идейной платформы. В дальнейшем освоение искусства мимикрии в сущности весьма дюжинного либерализма стало ведущей политической традицией демократической партии, несмотря на то что это порой стоило ей внутреннего разлада, а временами ослабления поддержки крупных собственников. Уже на заре своей политической карьеры Рузвельт высоко оценил преимущества этой способности к многократному перевоплощению, ставшей отличительной чертой демократической партии с момента знаменитого чикагского съезда (1896 г.). Однако во всем остальном он был противником брайанизма, отзываясь о нем как о малопочтенном прожектерстве и опасной игре с огнем.

Миросозерцанию Франклина Рузвельта ближе всего была другая, более умеренная разновидность либерального реформаторства, которая к 1912 г. выкристаллизовалась в политической философии Теодора Рузвельта и Вудро Вильсона. Ее ядро составляли идеи частичного государственного регулирования капиталистической экономики и модернизации правовых институтов (без ущемления “личного интереса”) в целях упорядочения под эгидой государства социальных отношений. Поскольку в условиях затухания аграрного радикализма к началу Первой мировой войны необычайно выпукло обнаружило себя главное противоречие бурно развивающегося по пути индустриализации общества – противоречие между трудом и капиталом, либерализм этого рода обозначил известную предрасположенность к смещению в сторону решения “рабочего вопроса” по образцу европейских стран с социал-демократической “биографией”.

Сами ведущие фигуры администрации “нового курса”, включая президента, признавали, что рабочий вопрос в годы Великой депрессии занимал центральное место в их деятельности, хотя никогда ранее они и не предполагали, что он может играть столь важную, а порой даже определяющую роль в политической борьбе 30-х годов⁵. События заставили президента, его советников и парламентариев, казалось давно отвыкших думать категориями социальных нужд, да и класс собственников в целом повернуться лицом к самой острой и не терпящей отлагательств проблеме. Письма С. Розенмана, ближайшего советника Рузвельта-губернатора, свидетельствуют, что будущий президент уже зимой 1932 г. был весьма озабочен тем, каким он предстанет в глазах рабочей Америки – ретроградом или человеком прогрессивных убеждений, сторонником перемен или пугалом радикалов⁶.

Благодаря хорошо поставленной еще в ходе избирательной кампании 1932 г. службе информации, психологической разведке новый президент и его “мозговой трест” были неплохо осведомлены о настроениях в промышленных центрах. Сомнений быть не могло – мятежный дух проник в сознание рабочей Америки и может вскоре овладеть им. Лорена Хиккок, опытная и наблюдательная журналистка, добровольно взявшаяся быть информатором Гарри Гопкинса и исколесившая по его поручению вдоль и поперек дороги Востока и Запада, Севера и Юга, в своих регулярно посылаемых в Вашингтон докладах описывала трагические картины нищеты и бедствий, в море которых все глубже и глубже погружалось трудовое население страны⁷. В ее сообщениях резче всего сквозила одна мысль: социальное напряжение достигло сверх опасного предела даже в тех местах, где подавляющее большинство трудового населения издавна отличалось “сто процентным патриотизмом”, политическим консерватизмом и повышенной религиозностью⁸.

Уловив эту зреющую решимость населения промышленной Америки добиваться перемен, Рузвельт делает шаг навстречу его чаяниям, провозглашая курс на постепенные реформы, призванные поначалу ликвидировать лишь самые вопиющие проявления господствующей в обществе системы социального неравенства и сохраняющие в абсолютно неизменном виде ее устои. Знакомясь с программой нововведений, начертанной Рузвельтом в его выступлении в разгар избирательной кампании 1932 г., критики из числа либеральных интеллектуалов отметили, что убеждения избранника демократов недостает соответствующих моменту определенности и продуманности⁹. Это касалось прежде всего проблемы занятости. Не соглашаясь с ними, близко знавший Рузвельта Феликс Франкфуртер писал о его умении молниеносно менять позицию, о его склонности к неожиданным (даже для советников) ходам, рассчитанным втайне им самим, без посвящения посторонних, и целиком подчиненным его собственным тактическим замыслам¹⁰.

Франкфуртер не ошибался: вступив в должность президента, поставленный лицом к лицу с возможностью возникновения кризиса власти, Рузвельт тотчас же отдал распоряжение о созыве особого совещания по “рабочему вопросу” под эгидой нового министра труда Фрэнсис Перкинс, призванного обсудить два главных вопроса: во-первых, чрезвычайные меры, вытекающие из катастрофического положения с занятостью, и, во-вторых, задачи, связанные с реализацией долгосрочной программы “улучшения условий труда в США”¹¹. Названные в повестке дня совещания меры шли дальше туманных обещаний предвыборной платформы демократической партии и существенно уточняли позицию самого президента. Например, было предусмотрено обсуждение широкой программы трудового законодательства, обеспечивающей не только улучшение условий труда, но и восстановление “нормальной занятости”. Президент хотел видеть на этом совещании представителей организованного рабочего движения, т.е. профсоюзов, чье участие на правах младшего партнера в “реконструкции промышленной системы” рассматривалось в качестве весьма важного условия успеха.

Программа совещания в Вашингтоне во многих чертах, как оказалось, не только предвосхищала трудовое законодательство “нового курса”, но и предусматривала создание некоего подобия совещательного органа при министре труда, состоящего из специалистов и представителей профсоюзов. Это был прообраз консультативного совета по труду при Национальной администрации восстановления и его преемников – Национального управления труда и Национального управления по трудовым отношениям. Ничего подобного в предвыборной платформе демократов не было, и, возможно, никто даже из самого ближайшего окружения Рузвельта не подозревал, что президент сделает такой резкий крен в сторону признания неременной роли профсоюзов в регулировании трудовых отношений и одновременно наделения правительства весьма широкими полномочиями в деле поддержания “промышленного мира”. Рузвельт возвращался к наследию Вильсона.

Следуя именно этому плану, Рузвельт уже в марте 1933 г. делает широкий жест в сторону верхушки профлидеров, приглашая их усесться за один стол с министром труда, ведущими боссами делового мира и выработать сообща программу преодоления кризиса в области производства, занятости, социальной помощи. Встречи в Белом доме, порог которого многие профсоюзные лидеры переступали впервые, имели непринужденный и внешне даже доверительный характер. Настороженность растворилась в эйфории надежд и радужных прогнозов. Сидней Хиллмэн, очарованный обхождением президента и его манерами, после обнародования Закона о восстановлении промышленности назвал его чем-то вроде “овеществленной мечты”¹². А после того как Рузвельту в считанные дни удалось предотвратить полный финансовый крах и стать благодаря этому

национальным героем, никто, кроме марксистов, не хотел и слышать о наивных заблуждениях в отношении судьбы “менял”, денежных воротил, которых президент обещал изгнать из “храма”¹³.

Однако единодушно одобрительная реакция “низов” на первые акты администрации “нового курса” посеяла тревогу другой части общества. Подчеркнутый демократизм и общительность президентской четы резко контрастировали с равнодушием к страданиям нищих соплеменников и высокомерием главы ушедшего в отставку “правительства миллионеров” – республиканца Герберта Кларка Гувера, рождая новые опасения и побуждая имущие классы к скрытому сопротивлению. Попытки Элеоноры Рузвельт вызвать сочувствие к курсу на перемены путем пересказа докладов Лорены Хиккок о бедственном положении рабочих в индустриальной глубинке были с возмущением отвергнуты в финансово-промышленных кругах¹⁴. Сострадание к слабым и “неудачникам” было здесь не в почете, так же как и призывы к сдержанности и осторожности в решении трудовых конфликтов, обращенные к хозяевам. И то и другое считалось моральным поощрением актов насилия со стороны рабочих, разжиганием “классовой ненависти”, подрывом прав собственности и авторитета власти.

Раздражение в “верхах” накапливалось по мере того, как Рузвельт, легко улавливая главный тон общественных настроений, превращал тему безнравственности и безответственности большого бизнеса в особый раздел своих воскресных радиопроповедей (беседы у камина) для миллионной аудитории, жадно ему внимавшей. Он делал это (как это не могло показаться удивительным) в знакомой и ненавистой многим манере Брайана, восхваляя стоицизм “простого человека” и порицая промышленных магнатов за безжалостные способы наживы на человеческом труде, за их бьющие в глаза враждебность, нетерпимость и заносчивость в отношении рабочих и профсоюзов, жестокосердие и вероломство. Рузвельт сознательно выбирал слова покруче и похлеще. В той ситуации это казалось ему тактически важным. Неудивительно, что предприниматели платили ему неприязню, выговаривая за недостаток решимости в противодействии “незаконным” притязаниям и обвиняя в угодничестве перед неимущими слоями, мягкотелости, даже в тайных замыслах “советизировать” Америку. С конца 1933 г. в американской печати то и дело стали появляться статьи, обвинявшие Рузвельта в подстрекательстве “низов” к революции.

Белый дом оказался в нелегком положении. Большая ссора с крупным капиталом никак не входила в его планы. Стремясь предотвратить обострение конфликта, Рузвельт доказывал, что он возник из-за упрямого нежелания монополистов постичь истинный смысл “нового подхода к рабочему вопросу”. Он не раз сетовал на то, как много неудобств пришлось ему испытать, приучая предпринимателей к сдержанности и демонстрируя терпимость, а в случае

необходимости – даже обходительность там, где его предшественники, не раздумывая, пускали в ход судебные предписания, полицейские дубинки, слезоточивый газ, пули и даже танки. На фоне многочисленных карательных экспедиций администрации Гувера против движения безработных и фермерских выступлений, мстительных призывов раздавить их применением силы эти заверения в политической благовоспитанности новой администрации звучали вызовом приверженцам “порядка любой ценой”, по всем признакам уже начинавшим терять голову. Это, разумеется, не означает, что Рузвельт отказался от использования чисто охранительных методов и средств в целях контроля за деятельностью профсоюзов, леворадикальных политических организаций, компартии и т.д. Напротив, администрация “нового курса” поставила дело тайной слежки за рабочей оппозицией на широкую ногу. В 30-х годах впервые в политической истории США правительство страны санкционировало подслушивание телефонных разговоров, тайные налеты и обыски в штаб-квартирах общественных организаций и т.д. Полномочия ФБР были значительно расширены, его охранительные функции получили статусное выражение¹⁵.

Однако вплоть до начала Второй мировой войны, стараясь всемерно укреплять социальную базу “нового курса”, Рузвельт не прибегал к политическим репрессиям, сдерживая усердных сторонников крутых мер. Рост радикальных настроений он решил “убить мягкостью” в комбинации с посреднической дипломатией, способной убедить всех, что правительство стоит выше сословных интересов, что оно готово восстановить социальную справедливость и гармонию повсюду, куда простирается его власть. Все другие средства должны были играть подсобную роль. Томас Манн называл Рузвельта “укротителем масс” современного типа. Развивая эти мотивы, супруга президента, чье влияние на стиль и методы социальной деятельности новой администрации было весьма заметным, придавала им форму, близкую той, в которой вели агитацию многочисленные последователи социал-утопических взглядов Эдварда Беллами. Среди рьяных почитателей Беллами нашлись даже такие (в том числе и Эптон Синклер), которые решили, что у них появился влиятельный союзник в Белом доме¹⁶.

Рузвельт не разделял некоторых увлечений супруги (среди ее друзей было много известных левых деятелей, писателей и артистов) и остерегался быть заподозренным в особой дружбе с ними. Тем не менее он придавал особое значение созданию нового имиджа федерального правительства и Белого дома как образцовых институтов государства “всеобщего благоденствия”. Пустяковые усилия, не требующие никаких реальных затрат, с его точки зрения, могли иметь большой психологический эффект и принести солидные политические выгоды демократической партии. Достаточно сказать о специальной службе почтовой переписки, которую широко исполь-

зовал Белый дом с целью активного воздействия на общественные настроения в самых “горячих” районах страны, где брожение умов было доведено до точки кипения ухудшением экономического положения и бездейтельностью местных властей. Видя собственными глазами плоды этих хитроумных усилий, Л. Хиккок поражалась контрасту между реальным значением тех или иных (чаще всего чисто пропагандистских) жестов президента и воздействием их на воображение людей, ищущих спасения от кризиса, нищеты и голода. Но, несмотря на декларативность многих заявлений Белого дома, констатировала она, Рузвельт добивался своего: вера в решимость президента достичь методом либерального лицедейства народного признания предотвращала рабочие волнения там, где, казалось, достаточно было одной лишь искры.

Следующее место из доклада Л. Хиккок Гопкинсу от 8 апреля 1934 г. касается умелого манипулирования Рузвельта наивными представлениями людей с помощью специально отработанной либеральной риторики и других изобретенных президентом и его штабом нехитрых средств политического оболыщения. “Весьма забавно, – писала она, – но все люди здесь (речь шла о шахтерских поселках Алабамы. – В.М.), кажется, полагают, что знают президента Рузвельта лично! Я думаю, это вызвано отчасти тем, что они слышали по радио его выступления, когда он говорил с ними самым дружеским, доверительным тоном. Подумайте только – они воображают, будто он беседовал с каждым из них в отдельности! Конечно же, они не всегда понимают смысл его слов и склонны истолковывать их так, как им хочется. Еще одна забавная штука – это огромное количество писем за подписью Рузвельта и госпожи Рузвельт, которые циркулируют здесь повсюду. Чаще всего они представляют собой всего лишь краткое и чисто формальное уведомление о получении жалобы или просьбы об оказании материальной помощи. Но я очень сомневаюсь, чтобы какой-либо другой президент или его жена были столь пунктуальны в отношении оповещения о получении писем от простых граждан. И люди воспринимают эти формальные извещения вполне серьезно, в качестве доказательства установления личных контактов с президентом. В определенном смысле это приносит огромный положительный эффект. Популярность президента и г-жи Рузвельт очень возросли. Многие из этих людей, привыкших видеть в лендлорде или предпринимателе своих благодетелей, теперь обращают взор к президенту и г-же Рузвельт! Они верят, что последние одарят их заботой и попечением”¹⁷.

Моральный эффект от этой операции по восстановлению доверия к президентской власти на фоне заметного улучшения экономической конъюнктуры превзошел все ожидания. Внедрение новых принципов правового регулирования трудовых отношений в промышленности проходило в острейшей, порой кровопролитной борь-

бе, в которую периодически вынужден был вмешиваться Белый дом с тем, чтобы “водворить мир”. Однако найденный президентом тон, его намерение соблюсти интересы сторон создавали эффект поисков социального равновесия¹⁸. Правительство считало своим долгом поддерживать подобные ложные представления и делало это весьма искусно. Особенно показательны в этом отношении события осени 1936 г. и весны 1937 г., когда ньюдиллеры оказались едва ли не перед самым трудным выбором.

Охватившие в этот период автомобильную промышленность массовые и упорные “сидячие забастовки” внесли во взрывоопасную ситуацию элемент повышенной нестабильности. Переписка губернатора Мичигана Фрэнка Мэрфи показывает, как страстно хозяева корпораций, полицейские чины и консервативные политики в обеих “старых” партиях жаждали реванша: рабочие, захватившие заводы, в их понимании нанесли тяжелый удар по праву собственности, опровергли ее неприкосновенность¹⁹. Губернатора сначала обвиняли в непростительной медлительности, затем в неуважении к закону и, наконец, даже в тайном сочувствии коммунизму. В марте 1937 г. в предпринимательских кругах возникло движение за его отзыв.

Между тем никто лучше либеральных реформаторов (а к ним принадлежал и Мэрфи) не видел, в какую пропасть перманентных социальных потрясений с неясным исходом для самой двухпартийной системы и всей структуры власти могут завести слепая ярость охранителей и сторонников “порядка” любой ценой. Надежда либералов, что нажиму рабочего радикализма, широких движений социального протеста можно противостоять, оставаясь на почве правопорядка, не прибегая без крайней нужды к репрессивным мерам в духе памятной всем “красной паники” 1918–1920 гг. или вашингтонского побоища летом 1932 г., отнюдь не угасла. Своеобразным документальным свидетельством социальной философии либерализма эпохи “нового курса”, как нам кажется, могут служить пояснения того же Мэрфи по поводу мотивов его поведения в разгар острейшего классового конфликта в автомобильной промышленности в 1936 и 1937 гг. В письме от 25 мая 1937 г. губернатор Мичигана, обвиняемый людьми его же круга в соучастии в покушении на священные права собственности, в исповедальном порыве признал, что все уступки рабочим были вынужденной мерой, диктуемой только беспрецедентным характером возникшего кризиса и стремлением отвести угрозу всеобщей политической забастовки²⁰, а, может быть, и кое-чего посерьезнее.

Точно такой же позиции в аналогичной ситуации, но применительно к общенациональному масштабу придерживались и президент Рузвельт, и министр труда Ф. Перкинс, воздавшие должное тактике лавирования и толерантности Мэрфи и поздравившие (в один и тот же день) губернатора с урегулированием конфликта, который, как выразился президент, “был чреват серьезными беспорядками и расстройством”²¹.

Итак, реформы “нового курса” не акт милосердия, не дань христианской добродетели, а прямой результат борьбы рабочих и предпринимателей, профсоюзов и корпораций, “низов” и “верхов”²². Говоря о генезисе реформы рабочего законодательства “нового курса”, очень важно учитывать и внешний фактор, прежде всего прямое и косвенное воздействие формально провозглашенных прав трудящихся в СССР. В 30-е годы там были осуществлены и многие реальные дела. Особое впечатление оказывали работающие предприятия и ликвидация безработицы. Рабочее движение США развивалось не в безвоздушном пространстве, к тому же в кратчайшие сроки рабочие Америки отучились видеть в своей стране некий парадиз для людей труда. Их критика касалась прежде всего либерального реформизма, его ограниченности.

Претензии были справедливы. Начать хотя бы с многочисленных недомолвок и изъянов рабочих статей Закона о восстановлении промышленности, принятого в июне 1933 г., которые были на руку предпринимателям и корпорациям, охотно использовавшим их в своих собственных интересах. Под нажимом крупного бизнеса генерал Хью Джонсон, глава Администрации восстановления, первое время вообще старался не замечать этих статей²³. В довершение всего Рузвельт нанес весьма ощутимый удар по правам профсоюзов, защищавших систему “закрытого цеха”, утвердив в августе 1933 г. “кодекс автомобильной промышленности” с так называемой оговоркой о заслугах. Правительство тем самым санкционировало любые действия предпринимателей в этой отрасли, которые в вопросах найма и увольнения рабочих могли отныне поступать, как им заблагорассудится, исходя из “индивидуальных заслуг” рабочего и не считаясь с тем, состоял ли он членом тред-юниона или нет.

Для большинства тред-юнионистов яростное сопротивление капитала попыткам рабочих воспользоваться правом на организацию, декларированным пунктом 7-а, а также позиция стороннего наблюдателя, занятая Вашингтоном, были неприятным сюрпризом²⁴. Тех, кто стремился видеть в рабочих статьях НИРА свидетельство особого расположения правительства к профсоюзам, могла бы насторожить брошенная президентом в 1934 г. фраза о его глубоком безразличии к тому, что предпочтут рабочие, если пожелают воспользоваться пунктом 7-а, — профсоюз или Королевское географическое общество?²⁵ Небрежение, обструкционизм — такими словами характеризует подход Рузвельта к требованию рабочих предоставить им законное право на коллективную защиту от произвола предпринимателей известный американский историк Д. Броуди²⁶. Однако первое время даже публичное заявление главы Администрации восстановления генерала Джонсона, объявившего о нейтралитете правительства в конфликте между профсоюзами и монополиями²⁷, истол-

ковывалось как самовольная выходка недружественного к профсоюзам бюрократа.

Заинтересованность рабочих в утверждении своего права на организацию в профсоюзы была столь велика, что дефекты НИРА, колебания и уклончивость Белого дома в этом вопросе удивительным образом какое-то время оставались как бы ими не замеченными. Промышленные центры залила волна энтузиазма. Самым популярным был лозунг: “Президент (Рузвельт) хочет, чтобы ты вступил в профсоюз!” Немногие тогда знали, что президент вовсе этого не хотел. В момент окончательного редактирования законопроекта о восстановлении промышленности в мае 1933 г. судьба его рабочих статей могла оказаться плачевной, если бы сенатор Р. Вагнер, знавший о решимости профсоюзов бросить все на чашу весов, не потребовал в ультимативной форме от представителей Национальной ассоциации промышленников отказаться от обструкции и тем самым вынудил президента занять позицию нейтралитета²⁸.

Еще летом 1933 г., используя частные каналы, глава Администрации восстановления Хью Джонсон заверил предпринимателей, что НИРА не может “использоваться в качестве инструмента защиты интересов профсоюзов”. В марте 1934 г. уже сам президент США, выступив заодно с автомобильными магнатами, сорвал намечавшуюся всеобщую стачку рабочих автомобильной промышленности в защиту права на организацию в профсоюз и, отвергнув слабые поползновения АФТ достичь компромисса в выработке “автомобильного кодекса”, буквально навязал рабочим условия, устраивающие монополии и лишь незначительно улучшивших положение “синих воротничков”²⁹. Видный американский исследователь истории рабочего движения в США в 30-е годы Сидней Файн пришел к следующему выводу: “История с принятием кодекса автомобильной промышленности, несмотря на все разговоры о партнерстве правительства, промышленников и рабочих в осуществлении НИРА, рельефно выявила тот факт, что организованное рабочее движение там, где оно не имело достаточных сил бросить вызов союзам предпринимателей, было в лучшем случае партнером с ограниченными правами”³⁰.

Зачастую Рузвельт избегал брать на себя инициативу по части продвижения социальной реформы на исходе второго срока своего президентства (1936–1940). Он молчаливо предлагал ее сторонникам самим позаботиться о сохранении динамики и темпа преобразований³¹. Перемены к лучшему приходили не сами собой и не по воле доброхотов из высоких правительственных сфер: ни один либеральный закон не обретал реальной силы без движения снизу в его поддержку. И наоборот, ослабление этого движения в результате упования на автоматизм перемен в связи с появлением “друзей” рабочих в Белом доме и конгрессе, резко снижало шансы на успех прогрессивного законодательства, тормозило принятие назревших ре-

форм или вообще снимало их с повестки дня. Для понимания многих сторон рабочей политики Рузвельта исключительно важное значение имеет оценка деятельности его администрации в области помощи безработным, в решении проблем занятости и создания системы социального обеспечения.

Проблему занятости Рузвельт увязывал с задачами внедрения принципов регулирования хозяйственной жизни. Но не только. Важным доводом являлись проблема рационального использования и консервации природных ресурсов, а также строительство под эгидой государства и за государственный счет крупных объектов общественного значения – электростанций, дорожных и водозащитных сооружений и т.д. Говорил президент и о нуждах обороны³².

Первый шаг в этом направлении Рузвельт сделал в апреле 1933 г., создав Гражданский корпус консервации природных ресурсов (СКК), представлявший собой по-военному организованную сеть трудовых лагерей для безработной молодежи. В соответствии с Законом о восстановлении национальной промышленности была создана Администрация общественных работ (ВПА) во главе с министром внутренних дел Г. Икесом. Располагая значительными финансовыми средствами, она развернула работу на сравнительно немногочисленных крупных объектах, главным образом в области дорожного, военного и гидроэнергетического строительства. Ни СКК, ни ВПА, конечно, не решили проблемы, но в системе традиционных представлений американцев об экономической системе своей страны как о царстве частного предпринимательства была пробита первая брешь.

Характерно, что в начале своего президентства Рузвельт вопреки заявленным намерениям держался заметно в стороне от активного участия в обсуждении проблемы занятости, вызывая тревожные размышления у всех, кто возлагал надежды на решительные действия новой администрации в этой сфере³³. Лишь в ноябре 1933 г. была создана Администрация гражданских работ (СВА) – одно из самых популярных изобретений Г. Гопкинса, хотя и недолговечных детищ “нового курса”. Цель, которая ставилась перед этой организацией, состояла в том, чтобы в преддверии голодной зимы 1933/34 г. обеспечить в кратчайший срок временной работой за счет казны до 4 млн безработных и таким образом фактически больше, чем на треть, сократить армию безработных. Вопреки ожиданиям президент и конгресс без проволочек согласились с проектом Гопкинса. Объясняя эту беспрецедентную уступчивость, Гопкинс говорил в одном из своих выступлений в 1937 г.: “Многие ведущие лидеры делового мира осенью 1933 г. примчались в Вашингтон и слезно молили выделить дополнительные ассигнования, чтобы занять миллионы безработных и тем самым поддержать существование голодных людей”³⁴. Ища спасения от голодных бунтов и взрывов массового недовольства, власти положили начало поистине уникальному в

условиях США социальному эксперименту: в общей сложности было введено в действие примерно 400 тыс. объектов³⁵. “Социализм”, родившийся в мгновение ока, играл роль буфера между низами и верхами, являя собой, как казалось многим, некий прообраз функционирующей смешанной экономики. На местах СВА вопреки протестам местных бизнесменов поощряла создание кооперативных предприятий самого различного профиля, функционирующих (и весьма успешно) на началах рабочего самоуправления с оплатой труда по расценкам частного сектора.

Воспользовавшись тем, что к весне 1934 г. социальное напряжение во многих местах благодаря принятым мерам и улучшению экономической конъюнктуры несколько ослабло, и уступая давлению справа, Рузвельт поторопился положить конец этим мероприятиям, вызывающим столь противоречивую реакцию в стране³⁶.

Созданная весной 1935 г. в рамках реализации “Национального плана предоставления работы” Администрация по обеспечению работой (ВПА) была начисто лишена всяких признаков, уравнивающих ее с частнокапиталистическим сектором экономики. Но только такой она и могла быть. Рузвельту и Гопкинсу удалось сделать конгресс более сговорчивым, пообещав направить львиную долю ассигнований на военное строительство и установив более низкое денежное вознаграждение за труд на объектах ВПА по сравнению с частным сектором. Хотя дефекты программы общественных работ, осуществлявшейся под эгидой ВПА вплоть до 1943 г., были очевидны, эта программа дружно поддерживалась рабочим движением страны. Не решив полностью проблему занятости, ВПА в отдельные годы предоставляла работу 3,5–4 млн людей, буквально спасая их от голода. К тому же опыт частичного огосударствления рынка наемного труда, каким бы суррогатом по отношению к реальным нуждам он ни был, являлся очень важным способом поддержания равновесия в переходной экономике.

Профсоюзы и организованное движение безработных решительно настаивали на расширении и планомерном развитии общественных работ. Многие влиятельные представители вашингтонской администрации разделяли эту установку, полагая, что она полностью отвечает целям программы поэтапной реконструкции и модернизации капиталистической системы, ее приспособления к изменившимся условиям. Такой позиции придерживался Гопкинс³⁷. Г. Икес с самого начала утверждал, что создание постоянно действующей системы общественных работ в качестве своеобразного придатка частнокапиталистической экономики будет выполнять роль поплавка и стимулятора роста³⁸.

Рузвельт всегда сдержанно относился к проявлениям энтузиазма сторонников правительственного “социализма”. Но еще весной 1933 г. он вынужден был согласиться с идеей создания специального агентства, приданного Администрации общественных работ, с

целью выработки рекомендаций по их планированию, территориальному размещению и рациональному использованию в интересах экономики. Так возникло Управление планирования национальных ресурсов (УПНР)³⁹, которое во многом на свой страх и риск занялось изучением вопросов перспективного экономического планирования главным образом в области занятости и природопользования.

Была только одна область внутренней политики, в которой Франклин Д. Рузвельт охотно выступал с опережающей политической инициативой: охрана и консервация природных богатств. В этой области его личные представления о “сбалансированной цивилизации” и научно обоснованном природопользовании перекликались с концепциями сторонников усиления регулирующей роли государства в экономике в целях ограничения разрушительных (для экологии) последствий частнокапиталистической конкуренции. Природные ресурсы страны, рациональное использование которых под государственным контролем является важнейшим условием экономического благополучия нации, должны были стать, по его мнению, сферой приложения правительственных усилий крупных масштабов. Во имя благополучия будущих поколений американцев Рузвельт предлагал активизировать действия в пользу приобретения государством заброшенных земель, лесных участков, находившихся в частных руках и т.д.⁴⁰

Окружив себя значительным числом весьма энергичных сторонников реформ в области трудового законодательства, Рузвельт уравнивал их политическое влияние сохранением прочных связей с представителями консервативных кругов – лидерами финансово-промышленного капитала (Б. Барух, Дж. Кеннеди и др.), политиками-южанами, местными политическими боссами и т.д. Он охлаждал преобразовательный пыл первых процедурой длительного просеивания идей и проектов сквозь сито “согласительных” комиссий, искусной игрой на противопоставлении мнений, упреждающими мерами, частично снижающими остроту проблем, но не более того. Даже у самых больших почитателей “нового курса” рождались опасения, что политика лавирования и полумер не имеет будущего. Об этом не принято было говорить открыто, но предчувствие недостаточности и ненадежности всех усилий вернуть стране процветание часто беспокоило многих ближайших помощников президента, отлично сознававших, что Рузвельт избрал метод поэтапного продвижения вперед, с переходами к чисто позиционной борьбе и даже отходом назад. “Конечно, я хорошо знаю, – писал в 1940 г. Гарольд Икес в частном письме, – что “новый курс” так же несовершенен, как и любая другая политическая программа. Если говорить о том, что мы имеем на сегодня, то она, вне всякого сомнения, обладает крупными недостатками как в отношении целей, так и способов осуществления. Но время исправит ее дефе-

кты, если, разумеется, у нас его будет достаточно... Я начинаю опасаться, что как раз времени-то у нас может и не хватить для того, чтобы привести в приличный вид наш дом..."⁴¹.

На собственном горьком опыте трудовая Америка познавала политическую механику либеральной эры. Страна была буквально залита потоками официального оптимизма. Однако экономическое положение и социальный статус больших масс трудящихся (женщин, афроамериканцев, мелких фермеров, городских средних слоев и т.д.), если и изменились к лучшему, то лишь в ограниченных пределах. Многие важные требования трудящихся не были удовлетворены. Так, например, после двух лет пребывания администрации Рузвельта у власти дело с подготовкой законопроекта о социальном обеспечении по безработице и старости почти не сдвинулось с места. Было бы ошибочно искать этому объяснение в опасениях Рузвельта натолкнуться на труднопроходимое препятствие в лице оппозиции в конгрессе⁴². Правительство по собственной инициативе тормозило реформу социального обеспечения. В ходе знаменитых "первых ста дней" (1933 г.) оно не сочло возможным поставить ее даже на обсуждение конгресса⁴³.

Послания, которые в январе 1935 г. президент направил в конгресс, были отмечены умеренностью, хотя в них и говорилось о необходимости значительных ассигнований на расширение общественных работ и содержалась рекомендация принять закон о социальном страховании. Характерно, что, выступив наконец с этими давно ожидаемыми предложениями, правительство оказалось в ссоре... с прогрессистским блоком в конгрессе, который справедливо нашел их неудовлетворительными. Конфликт разрастался, тем более что созданная президентом комиссия во главе с Ф. Перкинс предлагала главное бремя забот по осуществлению мер пенсионного обеспечения возложить на штаты, сделав участие федеральных властей чисто символическим. Прогрессисты справедливо увидели в этом уступку консерваторам за счет интересов трудящихся. Вялое течение слушаний в конгрессе проходило на фоне почти полного замирания правительственной активности⁴⁴. Неожиданное одобрение Комитетом по труду палаты представителей подготовленного коммунистической партией и внесенного конгрессменом Ландином билля о социальном страховании, а также вал голосов в поддержку так называемого "Плана Таунсенда" – радикальной схемы, родившейся в голове у пожилого калифорнийского врача, заставили правительство поторопиться и выступить с собственным законопроектом, которому была обеспечена поддержка обеих палат конгресса, но который отличался от билля Ландина не в лучшую сторону.

Настораживающим молчанием окружил президент и повторное прохождение весной 1935 г. через обе палаты конгресса знаменитого законопроекта Вагнера о трудовых отношениях, хотя ему было обеспечено подавляющее большинство голосов членов сената и па-

латы представителей. Ф. Перкинс писала, что билль Вагнера никогда не рассматривался Рузвельтом в качестве части его собственной программы. Более того, администрация и сама Перкинс делали все, чтобы торпедировать билль⁴⁵. Искренний радетель интересов людей труда сенатор Вагнер был так обескуражен этим холодным приемом, что ради сохранения расположения Белого дома выхолостил собственный билль, отказавшись, например, распространить его положения на сельскохозяйственных рабочих. Оправдываясь, он писал в апреле 1935 г., что реальная угроза полного провала билля сделала его податливым любому нажиму⁴⁶. Он ничуть не преувеличивал: опасность преследовала билль буквально по пятам. Накануне решающего голосования в сенате, 15 мая 1935 г., Рузвельт заявил на пресс-конференции, что он никак не определил своего отношения к биллю Вагнера⁴⁷. Это означало, что опасаться следует самого худшего – вето президента.

И вдруг произошел резкий поворот от созерцательности и проволочек к демонстрации приверженности “подлинному” (как писал советник президента Тагвелл)⁴⁸ прогрессивизму, к активной поддержке самого радикального в истории американского государства социального законодательства, включая билли о социальном страховании, о трудовых отношениях, налогообложении крупных состояний и т.д. Существенно поменялась и сама риторика президента. Обличения беспредельной алчности имущих классов и хищничества монополистов в духе популизма Брайана и Лафолетта-ст. сопровождалась признанием приоритета интересов неимущих слоев в государственной политике “национальной реконструкции”. Летопись американского президентства, пожалуй, не знала такого крутого зигзага.

Еще в ежегодном послании конгрессу в январе 1935 г. Рузвельт заявил, что он не хочет вносить изменения в существующую налоговую систему. 7 июня он сказал на пресс-конференции, что проблема налогов его вообще не занимает. Но уже 19 июня в послании конгрессу президент предложил ввести прогрессивный налог на крупные состояния и прибыли корпораций. Оппозиция кричала о “трюках” президента, перехватывающего голоса у левых и правых экстремистов и демагогов типа Х. Лонга или Ф. Таунсенда. Однако Белый дом добился от конгресса одобрения законопроекта. 5 июля 1935 г. Рузвельт поставил свою подпись под законом Р. Вагнера о трудовых отношениях, подтвердившим и усилившим права рабочих на организацию в профсоюз и коллективный договор, зафиксированные в статье 7-а НИРА. 14 августа 1935 г. Ф. Рузвельт подписал Закон о социальном страховании, для США имевший такое же значение, как отмена рабства.

Итак, внезапно, в течение жарких летних месяцев 1935 г., после длительной раскачки и выжидания правительство Рузвельта вновь обрело вкус к социальной реформе. Многие биографы Рузвельта теряются в догадках, размышляя по поводу случившейся перемены.

У. Лейккенберг, например, писал, что Рузвельт сделал это “по причинам не вполне понятным”, а конгресс, в свою очередь, проголосовав за поддержанные правительством билли, также раз и навсегда “поверг всех в недоумение”⁴⁹. Разумеется, разгадку следует искать не только в чисто предвыборных соображениях, хотя и они, конечно, имели значение.

Оценивая обстановку жаркого лета 1935 г., министр внутренних дел Г. Икес высказал убеждение, что “страна настроена куда более радикально, чем правительство в целом и каждый из нас в отдельности”⁵⁰. Движение безработных после того, как наметилось, а затем было осуществлено под руководством левых объединение всех его организаций, поднялось на новую ступень. Нарастала волна всеобщих забастовок в основных отраслях промышленности. Стихийно, снизу ширилось движение за организацию профсоюзов. Накопление взрывчатого материала на почве разочарования в “политике улыбок” шло медленно, но неуклонно и в главных индустриальных центрах и в промышленной “глубинке”. Архив Лорены Хиккок – прекрасное и авторитетное свидетельство вызревания новых настроений, последовательного “самовозгорания” бунтарского духа в рабочей среде, отвергавшей полумеры, ищущей опоры в сплочении, организации и новых конструктивных идеях социального прогресса, выходящих за рамки чрезвычайных мер, купирующих те или иные очаги социальных недугов⁵¹.

Изучив обстановку в промышленном Огайо осенью 1935 г., Хиккок пришла к выводу, что “медовый месяц” в отношениях между рабочими и администрацией в Вашингтоне подходит к концу. О Рузвельте кое-где стали говорить как о всего лишь “еще одном президенте”, при котором “большой бизнес” по-прежнему верховодит в стране. Все реже дознаватель информационной службы Гопкинса сталкивалась с упованиями на благоволение просвещенного правления и все чаще – с убеждением, что реализацию нового законодательства следует контролировать, так сказать, явочным путем, добиваться не только претворения его в жизнь, но и совершенствования в интересах трудящихся. Однако рабочее движение и примыкавшие к нему течения не были единым целым. Самое слабое звено в коалиции “нового курса” – пестрые мелкобуржуазные массы Юга, Дальнего и Среднего Запада, часть городских средних слоев (особенно находившихся под влиянием католической церкви) – было подвержено наибольшему колебаниям. Во многих случаях эти колебания сказывались и на настроении в рабочей среде⁵².

Учитывая рассогласованность в действиях оппозиции слева, Рузвельт постоянно менял тактику, сохраняя, впрочем, неизменной стратегическую цель – борьбу с бедностью. Одолев очередной рубеж, он мог неожиданно дать сигнал к отступлению и даже к “братанию” с противником. Так, уже осенью 1935 г., завершив “сезон реформ”, правительство объявило, что наступила “передышка”. 1936

год, год президентских выборов, как будто бы подтвердил, что перемирие с капиталом лидер демократической партии хотел бы превратить в прочный мир ценой приглушения социального аспекта деятельности администрации⁵³.

Рузвельт по-прежнему от случая к случаю обрушивал потоки гневных слов на “экономических роялистов”, “обворовывающих сограждан”. Но ничего конкретного и особо обнадеживающего в отношении улучшения, усиления и углубления социального законодательства сказано не было. И еще меньше сделано.

Президент оставался глухим к призывам поддержать кампанию в пользу принятия законопроекта Вагнера о государственном жилищном строительстве, в котором были заинтересованы неимущие слои перенаселенных промышленных центров. Распространение трущоб в городах достигло размеров национального бедствия, однако Белый дом оповестил общественность, что не считает рекомендации сторонников государственного жилищного строительства для неимущих семей приоритетными задачами. Рузвельт отказался поддержать антирасистский билль Вагнера–Ван Найса–Гавэгана, объявляющий суд Линча уголовным преступлением, относящимся к юрисдикции федеральных судебных властей. Блок южных демократов, по словам американского исследователя Дж. Хатчмейкера, действовал так эффективно, что Рузвельт не нашел в себе силы даже пошевелинуть пальцем в защиту жертв антинегритянского террора⁵⁴. Отрицательное отношение президента к идее создания государственной системы здравоохранения способствовало провалу кампании за ее осуществление, хотя, как признавали ее противники, огромные массы населения (особенно в рабочих кварталах) были на стороне этой идеи⁵⁵.

Платформа демократической партии накануне выборов 1936 г. производила впечатление документа, скроенного по меркам консервативной оппозиции или, в лучшем случае, как писал Ф. Франкфуртер, составленного с таким расчетом, чтобы “удовлетворить каждого, никого не обидев”. “Проект платформы, – писал он Рузвельту, – не содержит в себе ничего вдохновляющего, никакой общей концепции, никакого призыва к борьбе, ничего такого, что ободряло бы, что запоминалось бы. По содержанию он едва ли отличается от того, что предлагают республиканцы, а по тону составлен еще в более скучных выражениях”⁵⁶. Франкфуртер полагал, что программа должна была бы отразить намерение демократов продолжать социальные реформы. Однако Рузвельт не изменил ни слова в этом документе, выработанном специальным комитетом. Примечательно, что его возглавлял сенатор Вагнер, призванный символизировать готовность демократов следовать и дальше по пути реформ, хотя сам сенатор не скрывал пессимизма в отношении достигнутого и достижимого⁵⁷.

Что все это означало в действительности? Просто отступление ньюдиллеров и их лидера перед нарастающим сопротивлением кон-

серваторов, отвоевывавших утраченные были позиции путем применения судебных процедур, организации шумных политических кампаний в печати, с церковных папертей и университетских кафедр? Усталость реформаторов, дезорганизация их сторонников? Скорее всего, на эти вопросы следует ответить отрицательно. Ближе всего к истине, по-видимому, мнение тех исследователей, кто видит в этом искусный маневр президента, зондаж настроений в стране, стремление испугать, вызвав “огонь на себя”, и убедиться, на что способен его электорат в момент, когда международная и внутренняя обстановка требовала от американцев осознания вызовов времени и их долга быть на высоте положения. Эпизод, связанный с подключением министра сельского хозяйства Г. Уоллеса к прямой агитации за продолжение преобразований “нового курса” как реальной альтернативы реакции внутри страны и *за рубежом* чрезвычайно характерен для этой стратегии.

Выступая 29 августа 1936 г. в Де Мойне перед десятитысячной аудиторией в связи с принятием им предложения стать напарником Рузвельта, кандидатом на пост вице-президента США от демократов, Г. Уоллес специально остановился на гуманистическом, общечеловеческом значении того, что осуществлялось Рузвельтом. Совсем не случайно был затронут международный аспект американских выборов. Будущий вице-президент, в частности, сказал: “Гитлер и Рузвельт пришли к власти одновременно в 1933 г. Адольф Гитлер показал себя непримиримым врагом демократии повсюду. Франклин Рузвельт является ее самым верным оруженосцем и защитником от имени всего человечества”. Вывод: американцы должны поддерживать солдат “свободы и демократии” в борьбе против “материалистической тьмы”. И далее: “Тьме и вере в насилие мы в Новом Свете противопоставляем веру в американизм, в протестантизм, католицизм, иудаизм. Наша вера базируется на убеждении, что возможности личности не определяются ее расовой принадлежностью, социальным происхождением или богатством”. Солидарность с такой оценкой стратегических целей его реформаторской деятельности Рузвельт выразил в телеграмме Уоллесу: “Великолепная речь, произнесенная перед встревоженной нацией в стиле, который выше всех похвал. Мы взяли превосходный старт”⁵⁸.

Электорат полностью оправдал ожидания Рузвельта. Несмотря на обещания “передышки”, не были забыты реформы жаркого лета 1935 г. Результаты выборов не имели аналога в политической истории США. За Рузвельта проголосовало 27 751 841 избирателей, за его оппонента, республиканца, губернатора Канзаса А. Лэндона — 16 679 491. В прошлом умеренный прогрессист Лэндон в каждой из своих бесцветных речей намекал на то, что за спиной Рузвельта маячит тень московского Кремля. Сторонники Рузвельта старались всерьез не опровергать подобные “догадки”, понимая, что в глазах рядового американца вздорные обвинения не вредили репутации

Рузвельта. Проницательная журналистка Дороти Томпсон заметила после завершения кампании и накануне голосования: “Если Лэндон произнесет хотя бы одну речь, Рузвельт в этом случае получит дополнительно голоса всей Канады”⁵⁹. Называя себя христианином и демократом, Рузвельт не боялся казаться и чуть-чуть левым⁶⁰. Как нельзя лучше “в предлагаемых обстоятельствах” такая многоликость работала на его имидж – имидж лидера новой формации. Смесь хитрости и честной веры, говорил о Рузвельте Томас Манн.

Выборы 1936 г. были кульминацией целой исторической полосы. Они показали, что атмосфера растерянности и отчаяния сменилась уверенностью в том, что выход из тупика может быть найден так же, как и способ приближения к цели. Они еще раз подтвердили ту истину, что борьба против нищеты, за решение других насущных социально-экономических проблем Америки является в то же время борьбой за мировое лидерство в состязании с “европейскими измами”.

Между тем потребность в глубоких переменах не только не отпала, но все острее осознавалась широкими массами трудящихся⁶¹. Это относится прежде всего к тем отрядам рабочего движения, которые всем ходом событий выдвигались на авансцену политической жизни. Более высокий уровень классового самосознания рабочих (занятых прежде всего в основных отраслях промышленности), как справедливо отметил американский историк Дэвид Монтгомери, проявился тогда в расширении борьбы за осуществление демократического контроля деятельности отдельных частных предприятий⁶². Даже многие ведущие лидеры АФТ пришли в конце концов к убеждению, что крах 1929 г. был вызван не случайными обстоятельствами, а явился неизбежным следствием “фатальных дефектов” рыночной экономики страны, полностью отказавшейся от контроля общества над производством и распределением, развитием финансово-кредитной системы, социальной сферой и т.д.⁶³ Разумеется, среди гомперсистов об этом было не принято говорить с высоких трибун, но о необходимости создания и планирования со стороны государства постоянно действующей системы общественных работ Исполком АФТ заявил открыто в обращении к двум ведущим партиям⁶⁴.

Горячую заинтересованность в последовательном осуществлении глубоких социальных преобразований и активизации правительства в данном вопросе проявили профсоюзы КПП. Своей ближайшей целью они декларировали проведение через конгресс закона о минимуме заработной платы, гарантиях прав профсоюзов и расширении участия рабочего движения в определении правительственной политики⁶⁵. Но весь дух и вся практика “нового тред-юнионизма” свидетельствовали, что его социальные идеалы не ограничиваются борьбой за удовлетворение набора чисто экономических требований. Об этом в воспоминаниях Лен де Кокса (одного из руководителей КПП) сказано следующее: Конгресс производствен-

ных профсоюзов “представлял собой устремленное к значительным целям, воинственное движение, объявившее своей задачей добиться вовлечения трудящихся США в профсоюзы во имя улучшения их жизненных условий и вместе с тем не ставившее препятствий выражению их далеко идущим чаяниям, что вполне естественно для хорошо организованного боевого и ведомого умными лидерами пролетарского движения, если оно нацелено на эвентуальную трансформацию общества”⁶⁶.

На своей первой национальной конференции, состоявшейся в Атлантик-Сити (октябрь 1937 г.), КПП выработал законодательную программу, которая вобрала в себя наиболее существенные требования, разделяемые основной массой членов профдвижения. Бросается в глаза, что упор в ней был сделан на “фундаментальное требование” закрепления в законодательном порядке права на работу. С этой целью предлагалось обязать всех частных предпринимателей строжайшим образом соблюдать права рабочих, предоставленные законодательством “нового курса”, принять федеральный закон о продолжительности рабочего времени и минимальных ставках заработной платы в промышленности. Именно от этой меры ожидали многого, и прежде всего роста уровня занятости. Предлагалось также принять поправки к законодательству о социальном страховании, чтобы оно максимально отвечало сложившимся условиям, стало подлинно демократичным, охватывающим все категории трудящихся без каких-либо изъятий⁶⁷.

Несмотря на все усилия, проблема “лишних людей” вызывала наибольшую озабоченность. На заседании Чрезвычайного экономического совета в присутствии Ф. Рузвельта в конце декабря 1935 г. представители министерства труда сообщили, что в стране 12 млн безработных, это было на 2 млн ниже уровня 1933 г.⁶⁸ Тем временем индекс промышленной продукции достиг 90 пунктов от уровня 1929 г. После того как уже в 1936 г. обозначился новый спад в экономике, проблема занятости вновь была признана самым большим местом в отношениях между правительством и организованным рабочим движением. Рабочий альянс – организация движения безработных – все настойчивее критиковал правительство за “пассивность” в нахождении оптимальных решений проблемы занятости⁶⁹. Профсоюзы поддерживали эту критику. Гопкинс и некоторые лидеры демократической партии признавали справедливость протеста, выраженного организованным движением безработных, а вместе с тем и его влияние на политическую обстановку в стране⁷⁰.

В инаугурационной речи 20 января 1937 г. Рузвельт обратился к стране с вопросом, который она ждала: “Давайте снова спросим себя: достигли ли мы цели, о которой мечтали четвертого марта 1933 года? Нашли ли свою долину счастья?”. У президента был ответ. Но ряд выступлений прозвучал диссонансом тому, что он хотел

бы слышать. Внушительнее всего звучал голос лидера КПП Дж. Льюиса. “Время – категория реальная, – говорил он на съезде профсоюза дамских портных в мае 1937 г. – Теперь всем хорошо известно, что великие проблемы, вставшие перед рабочими США, остаются нерешенными... Уже сейчас некоторые наши экономисты предсказывают следующий экономический спад. Друзья мои, неужели все, что могут предложить нам наши лучшие политические деятели, – это обещания нового бедствия? Если это так, если все, что нам могут предложить наши промышленники, финансисты и политики, – это продолжение депрессии, человеческих страданий, если все это правда, то не пришло ли время для рабочего движения организовать и что-то в связи с этим предпринять?”⁷¹ В этих выступлениях Льюис ни разу не упомянул имени Рузвельта, которого рабочая печать называла “другом рабочих”.

За полемикой президента с лидером “нового тред-юнионизма”, все слышали хорошо знакомый мотив: профсоюзы должны занять подобающее им место в правительственных структурах. С какого-то момента требование решительно пересмотреть положение, при котором рабочий класс и рабочее движение оставались не представленными на всех уровнях государственной власти, звучащее в устах многих видных руководителей профдвижения 30-х годов, а также в документах профсоюзов и рабоче-фермерских партий⁷², уже воспринималось лидерами в обеих ведущих партиях как реальный вызов существующей политической системе, как подрыв ее устоев.

Рузвельт придавал серьезное значение этим несовместимым с устойчивостью двухпартийной системы требованиям и принимал меры к устранению потенциальной угрозы ее развала. С политической точки зрения вопрос для него решался просто: следуя традициям вильсонизма он ориентировал лидеров демократов на поглощение местных рабоче-фермерских партий, включение их в широкий “исторический блок”, способного долго и в будущем поддерживать коалицию “нового курса”. Эту тактику Рузвельт считал вполне оправданной, особенно после ошеломляющего успеха республиканцев на промежуточных выборах 1938 г., вызвавшего обострение внутренних конфликтов в его собственной партии.

Но в идеологическом плане ньюдиллеры столкнулись с рядом сложнейших проблем, ибо сближение с социал-реформистскими партиями типа рабоче-фермерской партии Миннесоты или Американской рабочей партии штата Нью-Йорк, с профсоюзами, движением безработных, укрепление социальной базы коалиции “нового курса” за счет притока демократических низов (рабочих, афроамериканцев, женщин, молодежи и т.д.) не могли не вызвать изменений в социальной доктрине демократической партии⁷³. Появление в дальнейшем концепции “народного” капитализма тесно связано с этим фактом.

Размах массовой борьбы трудящихся в конце 30-х годов и успехи движения народных фронтов во многих странах Европы и Америки заставили Рузвельта и его сторонников в конгрессе вновь поднять вопрос о войне с бедностью и под этим флагом возобновить кампанию поддержки ряда отложенных законопроектов. Правительство заняло довольно резкую антитрестовскую позицию, были приняты программа расширения общественных работ и ряд мер помощи “оказавшимся в критической ситуации” семьям рабочих в индустриальных центрах⁷⁴. 1 сентября 1937 г. Рузвельт подписал закон Вагнера-Стигалла о создании Администрации жилищного строительства, призванной обеспечить содействие государства в строительстве жилья для малоимущих семей. Ее финансовые возможности были ограничены, но принципиальное значение этой меры нельзя недооценивать. Согласие Рузвельта поддержать законопроект о справедливом найме рабочей силы, устанавливающем минимум заработной платы и максимум продолжительности рабочего времени, стало еще одной вехой в процессе “реабилитации” рабочей политики правительства. Демократы в избирательной платформе 1936 г. не обошли вниманием этот вопрос. На первых порах администрация играла довольно активную роль в разработке законопроекта, включавшего также статьи о запрещении детского труда и различных видов антипрофсоюзной практики предпринимателей. Но в конце 1937 г., казалось, не было никаких надежд на то, что очередная сессия конгресса вообще будет рассматривать этот билль⁷⁵.

Есть основания утверждать, что политические итоги 1938 г., включая неудачи с проведением правительственной реорганизации и успех республиканцев, послужили Рузвельту толчком к новым размышлениям по вопросам социальной стратегии. Линия размежевания между прогрессистами и консерваторами в демократической партии в это время в силу неодинаковой оценки событий внутри и вне США обрела более отчетливые контуры, причем раскол партии и выход из нее левого крыла в случае победы консерваторов на предстоящем съезде партии в 1940 г. представлялись всем делом весьма вероятным. Информация с мест, стекавшаяся в Белый дом, свидетельствовала о глубине разногласий и о складывании предпосылок создания массовой третьей партии на базе профсоюзов и движения безработных⁷⁶. Резкий маневр Рузвельта в сторону отмежевания от консерваторов и возобновления “проработки” законопроекта о справедливом найме рабочей силы следует поставить в связь с этой ситуацией. Приняв решение, Рузвельт действовал весьма энергично и изобретательно. Не вняв угрозам справа, президент буквально заставил конгресс проголосовать за билль Блэка-Коннери.

Принято считать, что это событие символизировало конец “нового курса”. Едва ли с этим можно согласиться без оговорок. Верно, что в 1939 г. главным образом из-за резко осложнившейся международной обстановки Белый дом начал тайно налаживать отношения

с консервативной оппозицией. Нарастание военной опасности в Европе и желание видеть демократическую партию единой заставили Рузвельта отказаться от конфронтации с правой оппозицией и даже признать ее ошибочной. Но от колебаний президента в принципе не зависело, продолжать или нет реформы. Движущей силой движения к welfare state начиная с 1933 г. были и оставались народные низы, прежде всего рабочий класс, чья инициативная, а порой и самостоятельная роль в событиях обеспечила многие демократические перемены. Об этом свидетельствовали увеличение удельного веса новых сил в местных легислатурах, избрание и назначение прогрессивно и даже радикально настроенных деятелей на важные общественные посты и т.д. И хотя импульсы к такого рода переменам далеко не всегда исходили от рузвельтовских либералов и самого президента, они вынуждены были с ними считаться и даже использовать в собственных политических интересах как средство давления на консервативную оппозицию. Гопкинс в частном письме к видному ньюдиллеру Дэвиду Лилиенталу от 26 января 1942 г. так охарактеризовал сложившееся положение в стране: “Я всегда был убежден, что наша страна может осуществить все, к чему она стремится, и я верю, что те из нас, кто все эти годы идентифицировал себя с Рузвельтом, мыслили так же, как это делал народ. Огромное большинство народа с нами, в то время как органы массовой информации и концентрированное богатство находятся к нам в оппозиции”⁷⁷.

Вместе с тем нельзя не признать, что накануне войны положение в рабочем движении оставалось крайне сложным и противоречивым. Шла острая борьба двух тенденций – левоцентристской и умеренно-консервативной, если упомянуть только главные. Правая оппозиция мобилизовала дополнительные силы и средства для обработки общественного мнения страны в духе “естественной гармонии интересов” и осуждения бунтарства “нового тред-юнионизма”. Это обстоятельство вносило еще больший раскол в “рабочем доме”. И все же было неясно, какая из двух тенденций возьмет верх. Вот почему и после 1939 г., стремясь сохранить широкую социальную базу, на которую опиралась его администрация, и свой авторитет в рабочем движении, Рузвельт предпочитал не порывать с формулой “прогрессивного либерализма”, хотя никто из ньюдиллеров, включая самого президента, ни тогда, ни позже не мог (или не хотел) объяснить, что конкретно подразумевается под этим понятием⁷⁸.

Всю подготовку к съезду демократической партии в 1940 г. ньюдиллеры провели под девизом удержания важнейших рычагов власти в своих руках, а успех на президентских выборах осенью того же года они рассматривали как важнейший аргумент в пользу сохранения коалиции “нового курса”. Гопкинс в ряде писем говорил об итогах выборов как о победе демократии, “народа”, а Франкфуртер утверждал, что Рузвельт, став в третий раз хозяином Овального кабинета, был преисполнен мессианского духа⁷⁹. Нельзя не увидеть в

этом новом смещении Рузвельта и рузвельтовских либералов от центра еще чуть-чуть влево, так же как и в факте наполнения всей политической атмосферы в стране духом протеста против “концентрированного богатства”, крупного бизнеса, его философии успеха и всей системы приоритетов, обретения рабочим движением веры в себя и новых ценностных ориентиров. Современный американский исследователь выразил суть происходившего в сфере социальных отношений накануне войны в следующей лаконичной формуле: “В конце 30-х годов культура американских рабочих, похоже, представляла собой вероятностную альтернативу образу жизни, присущему либеральному капитализму”⁸⁰.

Совершенно законным выглядел вопрос, которым задавались многие в ту пору в Америке: каким путем будет развиваться дальше рабочее движение, и другой, с ним связанный, – какая судьба ожидает либеральную традицию? Дилемма, стоящая и перед тем и другим, конечно же, имела одинаковые корни – глубокие сдвиги в экономике и политике, внутренней и мировой. Именно поэтому верхом наивности считать (как это делает, например, Л. Харц) чисто пропагандистской уловкой поборников “нового курса” (и в рабочем движении, и в политических структурах) обращение к теме о своеобразии “третьего пути” с тем, чтобы выразить их абсолютно стерильный, не доктринерский, отличный от европейского менталитет⁸¹. Идеологические проблемы в итоге действительно переросли в технические, нравственно-этические. Однако все могло выглядеть в совершенно ином свете, если бы “рузвельтовская рецессия” 1938 г. не была прервана начавшейся в Европе Второй мировой войной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. СПб., 1999. С. 129.

² LC. Louis Freeland Post Papers. Box 1. *W.J. Brayn to Post*. Nov. 12, 1904.

³ *Griffith R.* Old Progressives and the Cold War // *Journal of American History*. 1979. Sept. P. 336.

⁴ LC. Louis Freeland Post Papers. Box 1. *Post to W.J. Brayn*, Nov. 8, 1908.

⁵ *Perkins F.* The Roosevelt I Knew. N. Y., 1946. P. 31, 325; *Leuchtenburg W.E.* Franklin D. Roosevelt and the New Deal 1932–1940. N.Y., 1963. P. 32.

⁶ FDRL. S. Rosenman Papers. General Correspondence. Box 2. *Rosenman to L. Howe*, Jan. 27, 1932.

⁷ *Faber D.* The Life of Lorena Hickok. E. R.'s Friend. N.Y., 1980. P. 137–152.

⁸ FDRL. L. Hickok Papers. Box 11. *Hickok to H.L. Hopkins*, Aug. 31 – Sept. 3, 1933.

⁹ LC. F. Frankfurter Papers. Box 78. *W. Lippman to Frankfurter*, Sep. 14, 1932. Избирательная кампания Рузвельта не внушала особого оптимизма даже тем, кто ему симпатизировал. Но, как заявил, не скрывая иронии, один из них, Рузвельт “по крайней мере признал факт существования обыкновенного человека” (*Ibid.* Box 74. *H. Laski to Frankfurter*, Oct. 29, 1932).

¹⁰ *Ibid.* Box 78. *Frankfurter to W. Lippman*, Oct. 13, 1932.

¹¹ *Ibid.* Box 150. *Frances Perkins to Frankfurter*, Mar. 22, 1933.

¹² Josephson M. Sidney Hillman. Statesman of American Labor. Garden City, 1952. P. 360–362.

¹³ В леворадикальных кругах США высказывались опасения, что риторика Рузвельта, принимаемая массами на веру, способна ослепить их и создать ложное представление о том, кто в действительности сохраняет в своих руках рычаги власти в Вашингтоне (NYPL. N. Thomas Papers. Box 3. E. Gruening to Thomas, Mar. 9, 1933).

¹⁴ Lash J.P. Op. cit. P. 509–512.

¹⁵ Goldstein K.J. Political Repression in Modern America from 1870 to the Present. Cambridge, 1978. P. 213–216.

¹⁶ Манн Т. Письма. М., 1975. С. 181.

¹⁷ FDRL. L. Hickok Papers. Box 11. Hickok to H.L. Hopkins, Apr. 8, 1934.

¹⁸ Johnson J.P. Drafting the NRA Code of Fair Competition for the Bituminous Coal Industry // Journal of American History. 1966. Dec. P. 357.

¹⁹ MHC. Frank Murphy Papers. Box 15. E.C. Jouston to O.G. Olander, Jan. 5, 1937; O.G. Olander to Murphy, Jan. 12, 1937; J.S. Bersey to Murphy, Jan. 12, 1937; Box 16. A.H. Vandenberg to Murphy, Febr. 15, 1937; H.C. Pratt to Murphy, Febr. 20, 1937; Box 17. W.L. Smith to Murphy, Mar. 17, 1937; Mchugh to Murphy, Mar. 24, 1937; B.E. Hutchinson to Murphy, June 16, 1937.

²⁰ Ibid. Box 17. Murphy to P.H. Callahan, May 25, 1937.

²¹ Ibid. Box 16. F.D. Roosevelt to Murphy, Febr. 11, 1937; F. Perkins to Murphy, Febr. 11, 1937.

²² Иная точка зрения изложена в целом ряде работ известных авторов (см.: Taft Ph. The A.F. of L. from the Death of Gompers to the Merger. N.Y., 1959. P. 45; Burns J.M. Roosevelt: The Lion and the Fox. N.Y., 1956. P. 217, 218). Розенман, полемизируя после войны с авторами многочисленных работ о Рузвельте, пытавшихся воссоздать его образ в одномерном изображении, решительно отвел все попытки представить президента политиком, который обдумывал каждый свой шаг, вплоть до последнего, и который руководствовался каким-то твердым и неизменным планом. По его убеждению, Рузвельт был политическим оппортунистом, который действовал чаще всего по принципу “смотря по обстоятельствам” и вовсе не отличался ни великодушием, ни прямоотой (FDRL. S. Rosenman Papers. Box 7. Rosenman to J.M. Scandrett, July 25, 1950).

²³ LC. F. Frankfurter Papers. Box 150. Ch.E. Wysanski, Jr. to Frankfurter, Sept. 13, 1933.

²⁴ NYSSILRL. International Union of Mine, Mill and Smelter Workers (L. McLennan Papers). L. McLennan to Ch. Whiteley, Apr. 23, 1934; NA. General Records of the Department of Labor. 167/2505–167/2585. Box 162. R.B. Stuart to F. Perkins, Nov. 20, 1933, etc.

²⁵ Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 1. P. 301.

²⁶ Brody D. Workers in Industrial America. Essays on the Twentieth Century Struggle. N.Y., 1981. P. 145, 146.

²⁷ Huthmacher J.J. Senator Robert F. Wagner and the Rise of Urban Liberalism. N.Y., 1968. P. 166.

²⁸ Ibid. P. 147.

²⁹ Fine S. President Roosevelt and the Automobile Code // Mississippi Valley Historical Review. 1958. Vol. XLV. June, N 1. P. 25, 26.

³⁰ Ibid. P. 50.

³¹ FDRL. A. Williams Papers. Box 4. H.L. Hopkins to F.D. Roosevelt, Sept. 11, 1935; Koeniger A.C. The New Deal and the States: Roosevelt versus the Byrd

Organization in Virginia // *Journal of American History*. 1982. Vol. 68. Mar. № 4. P. 876–896.

³² *Schlesinger A. M., Jr.* The Crisis of the Old Order, 1919–1933. Melbourne; L.; Toronto, 1957. P. 468–470; *Graham O.* Toward a Planned Society. N.Y., 1976; *Freidel F.* Launching the New Deal. Boston, 1973.

³³ LC. F. Frankfurter Papers. Box 74. *R.M. La Follette, Jr.* to *Frankfurter*, Apr. 4, 1933; Box 150. *Frankfurter* to *Frances Perkins*, Apr. 4; May 2, 1933.

³⁴ Principal Speeches of Harry L. Hopkins, Works Progress Administrator. Address of Harry L. Hopkins at Babson Institute, Apr. 12, 1937.

³⁵ *Schlesinger A. M., Jr.* The Coming of the New Deal. L.; Melbourne; Toronto, 1960. P. 262.

³⁶ FDRL. L. Hickok Papers. Box 11. *Hickok* to *H.L. Hopkins*, Apr. 11, 1934; *Brewer W.W.* Along the American Way. The New Deal's Work Relief Programs for the Unemployed // *Journal of American History*. 1975. June. P. 642, 643.

³⁷ Обри Вильямс, правая рука Гопкинса, самокритично признавал, что по отношению к подлинным масштабам национального бедствия правительством в сфере помощи безработным делало ничтожно мало (FDRL. A. Williams Papers. Box 5. *Williams* to *I.P. Witter*, Oct. 1, 1934).

³⁸ Tacoma News Tribune. 1938. Sept 17; LC. H. Ickes Papers. Box 161. *Ickes* to *H.W. Johnson*, Sept. 21, 1935. В набросках отдельных выступлений Гопкинса есть рассуждения, из которых видно, что в случае сохранения массовой безработицы он не исключал возможности постепенного вытеснения частных капиталистических предприятий государственными. Избежать этой опасности, считал он, капитал мог бы, только взаимодействуя с правительством и гибко приспособлявая свою стратегию к изменившимся условиям (FDRL. Personal Letters in the Papers of Harry L. Hopkins, 1930–1946. Roll 17. What Price Recovery).

³⁹ *Karl B.D.* Executive Reorganization and Reform in the New Deal. Cambridge, 1963; *Idem.* Charles E. Merriam and the Study of Politics. Chicago, 1974.

⁴⁰ MHC. F. Murphy Papers. Box 19. *Franklin D. Roosevelt* to *Murphy*. Mar. 15, 1938.

⁴¹ LC. H. Ickes Papers. Box 160. *Ickes* to *Ch.A. Braman*, Jan. 22, 1940.

⁴² В тот период Рузвельт заявлял, что оппозиция в конгрессе “не является серьезной; она возникает каждый год, но с ней всегда нетрудно справиться, посвятив этому некоторое время” (New Deal Mosaic: Roosevelt with his National Emergency Council, 1933–1936. Eugene (Oregon), 1963. P. 449).

⁴³ *Huthmacher J.J.* Op. cit. P. 175–176; LC. F. Frankfurter Papers. Box 49. *Th.G. Corcoran* to *Frankfurter*, June 18, 1934.

⁴⁴ *Roosevelt and Daniels.* A Friendship in Politics. P. 156.

⁴⁵ *Perkins F.* Op. cit. P. 239; см. также: *Brody D.* Op. cit. P. 144.

⁴⁶ NYPL. N. Thomas Papers. Box 8. *R.F. Wagner* to *Thomas*, Apr. 1, 1935.

⁴⁷ *Huthmacher J.J.* Op. cit. P. 197.

⁴⁸ *Tugwell R.G.* The Democratic Roosevelt. Garden City, 1957. P. 341.

⁴⁹ *Leuchtenburg W.E.* Op. cit. P. 151.

⁵⁰ WSHSL. R. Robins Papers. Box 27. *H.L. Ickes* to *Robins*, Aug. 19, 1933. Увеличивающийся разрыв между либералами и ушедшими влево массами тревожил не одного только Г. Икеса; нельзя пройти мимо многозначительного замечания мэра Нью-Йорка Ф. Лагардия, оброненного им в письме к другу в связи с оценкой общей ситуации в стране и политических перспектив. В апреле 1938 г. он писал, что многие близко стоявшие к нему политики “порой выражали опасения, что я (Лагардия. – В. М.), случалось, бывал немного более радикальным,

чем это требовалось, но последующие события, возможно, убедили (их), что в то время я верно угадывал общую тенденцию" (NY City Archives. F.H. La Guardia Personal File, Location 2675. *La Guardia* to *E.M. Elciott*. Apr. 4, 1938).

⁵¹ FDRL. L. Hickok Papers. Box 11. *Hickok* to *H.L. Hopkins*. June 1, 1934; *Hickok* to *A. Williams*, Aug. 15, 1934; *Hickok* to *H.L. Hopkins*, Oct. 10, 1935.

⁵² FDRL. A. Williams Papers. Box 2. *E.C. Lindeman* to *Williams*. Mar. 26, 1937; Box 4. *W. to E. Roosevelt*, Aug. 18, 1939; Papers of Harry L. Hopkins. Confidential Political File. 1938–1940. Box 120. *S.C. Cleland* to *D.C. Roper*, Nov. 14, 1938; *Печатнов В.П.* Демократическая партия и ее электорат в годы "нового курса" // *Американский ежегодник*. 1980. М., 1981. С. 83, 84.

⁵³ *Roosevelt and Frankfurter. Their Correspondence 1928–1945*. Boston; Toronto, 1967. P. 235.

⁵⁴ *Huthmacher J.J.* Op. cit. P. 213–216, 238–243.

⁵⁵ NYPL. F. La Guardia Papers 1939 (Good-Gray). *F. Gannett* to *F. La Guardia*. Mar. 4, 1939; *Lash J.P.* Op. cit. P. 611.

⁵⁶ *Roosevelt and Frankfurter*. P. 344.

⁵⁷ LC. F. Frankfurter Papers. Box 109. *R.F. Wagner* to *Frankfurter*, June 25, 1937.

⁵⁸ *Culver J.C.*, *Hyde J.* Op. cit. P. 235.

⁵⁹ *McElvaine R.S.* Op. cit. P. 281.

⁶⁰ На это обратил внимание и Э.Я. Баталов (см.: *Американское общество на пороге XXI в.: итоги, проблемы, перспективы*. М., 1996. С. 114).

⁶¹ Несоответствие между желаемым и достигнутым признавалось многими из окружения Рузвельта. Весной 1937 г. Генри Уоллес, министр сельского хозяйства в его администрации, выступая в Экономическом клубе Нью-Йорка, признал, что "четыре года героических усилий" не вывели американское общество из тупика, в чем была повинна коллизия антагонистических интересов "различных экономических групп", конфликт между бедностью и богатством, погоня за прибылью любой ценой и реальное бесправие доброй "половины нации", ставшей жертвой экономической анархии и вопиющей недооценки социальной ответственности государственной властью (FDRL. A. Williams Papers. Box 5. Address by Secretary Waller before Economic Club of New York. Febr. 3, 1937).

⁶² *Montgomery D.* *Workers' Control in America. Studies in the History of Work, Technology and Labor Struggles*. L.; N.Y., 1979. P. 164.

⁶³ LC. John P. Frey Papers. Box 12. Folder: "Notes and Memoranda (2)".

⁶⁴ *Taft Ph.* Op. cit. P. 305.

⁶⁵ *Josephson M.* Op. cit. P. 401–403.

⁶⁶ Wayne State University. Labor History Archives. Oral History. Interview of Len De Caux. P. 4–5.

⁶⁷ Committee for Industrial Organization, *The Program of the CIO*. P. 12–13.

⁶⁸ *New Deal Mosaic*. P. 496.

⁶⁹ *People's Press*. 1936. Dec. 31.

⁷⁰ FDRL. A. Williams Papers. Box 4. *H.L. Hopkins* to *FDR*, Sept. 11, 1935; FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Confidential Political File, 1938–1940. Box 121; *B. Sperling* to *J.A. Farley*, Nov. 4, 1937.

⁷¹ ILGWU. Proceedings, 1937. P. 301; *Flint Weekly Review*. 1937. Jan. 8. P. 8.

⁷² Wayne State University. Labor History Archives. The Walter P. Reuther Papers. Document: *New America and Labor* (1938).

⁷³ Многие так называемые "регулярные" демократы – сторонники Рузвельта – выражали недовольство отступлением, как они заявляли, от первоначальной программы "нового курса" – программы умеренного либерализма. Их

тревожило появление социал-демократических фракций в составе организациях демократической партии в штатах, снижение роли партийных машин на местах и т.д. (см. FDRL. Papers of Harry L. Hopkins, Confidential Political File, 1938–1940. Box 121. *Frank Tierney to Hopkins*. Oct. 2, 1939; *Tierney to L. Mellett*. Oct. 3, 1939).

⁷⁴ FDRL. A. Williams Papers. Box 4. *F.D. Roosevelt to H. Hopkins and Williams*, May 17, 1938.

⁷⁵ *Douglas P.H., Hackman J.* The Fair Labor Standards Act of 1938 // *Political Science Quarterly*. Dec., 1938. № 11. P. 492.

⁷⁶ FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Confidential Political File, 1938–1940. Box 120. *W. Evjue to J.A. Farley*, Dec. 12, 1938.

⁷⁷ Ibid. Sherwood Collection. Box 308. *Hopkins to D.E. Lilienthal*, Jan. 26, 1942.

⁷⁸ Многие видные деятели из окружения Рузвельта понимали, что неспособность либерализма сформулировать продуманную и обоснованную долгосрочную программу поступательного развития чревата тяжелыми и далеко идущими последствиями с точки зрения не только внутренних условий в стране, но и роли США в мировом сообществе. Высказывались опасения, что если “новый курс” остановится на достигнутом, то это будет означать капитуляцию перед реакцией, а следовательно, отрицательно скажется и на позиции США в мировых делах. Например, Честер Боулс (тогда глава Администрации по контролю над ценами) писал С. Розенману в 1943 г.: “По моему мнению, провал в деле дальнейшей разработки либеральной программы может привести к упадку нашей демократии и росту агрессивного национализма в США, который может стать еще более опасным для всеобщего мира, чем был в прошлом наш изоляционизм” (FDRL. S. Rosenman Papers. Box 1, General Correspondence. *Ch. Bowles to Rosenman*, Dec. 23, 1943).

⁷⁹ FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Confidential Political File, 1938–1940. Box 120. Memoranda. May 28, 1939; *Hopkins to L. Moore*, Nov. 18, 1940; LC. F. Frankfurter Papers. Box 74. *Frankfurter to H. Laski*, Nov. 27, 1940.

⁸⁰ *Bruno R.* Everyday Constructions of Culture and Class: The Case of Youngstown Steelworkers // *Labor History*. 1999. Vol. 40. № 2. P. 143.

⁸¹ *Харц Л.* Либеральная традиция в Америке. М., 1993. С. 251.

“КАРАНТИН” ДЛЯ АГРЕССОРОВ ИЛИ ПОЛИТИКА “УМИРОТВОРЕНИЯ”?

НЕМНОГО ПОЛЕМИКИ

Внешняя политика и дипломатия Рузвельта, по мнению большинства историков, была отмечена неопределенностью, противоречивостью и даже загадочностью. Уоррен Кимболл полагает, что Рузвельт лучше знал, чего он не хотел, чем то, что он хотел. Джон Ламбертон Харпер, автор прекрасной книги о трех выдающихся американских дипломатах XX в., так передал восприятие Франклина Рузвельта всеми, кто писал о нем: «Более чем пятьдесят лет историки и биографы находились под впечатлением изменчивых – если кому-то нравится, скользких – качеств рузвельтовской личности. Фрэнсис Перкинс называла его “самым сложным человеком из всех, кого она знала”; Тед Морган – “хамелеоном”; Фредерик Маркс – “сфинксом”; Джеймс Бёрнс – “двойственной натурой”; Уолдо Хейнрикс – “самым уклончивым и неискренним из всех американских президентов”. Кеннет Дэвис искал ключ к пониманию Рузвельта “в его внутренней убежденности, что он – избранник Всевышнего”; Джеффри Уорд – в буколическом окружении юных лет, проведенных в долине Гудзона. Но никто не может претендовать на то, что сумел проникнуть “в темный лес его внутреннего содержания”, если употребить известные слова Роберта Шервуда»¹.

Все эти характеристики, если видеть лишь симптоматическую сторону дела, могут быть отнесены к довоенному периоду рузвельтовской дипломатии, скрытый подтекст которой до сих пор остается неуловимым для многих исследователей, порождая споры и прямо противоположные оценки. Попробуем, однако, идти за логикой событий и за логикой исторического объяснения в точках их пересечения с тем, чтобы уяснить важные (хотя и не все) моменты в мотивации Рузвельта в годы предвоенного кризиса, обострения которого удивительным образом совпадали с критическими для политической карьеры президента пиками напряженности во внутренней жизни его страны, могущих окончиться поражением, подсчетом потерь и похоронами надежд.

Говоря о внешнеполитическом курсе и дипломатии Рузвельта в контексте их приоритетных направлений, следует, по-види-

тому, начать с того места из его инаугурационной речи 4 марта 1933 г., в которой он коснулся данного вопроса. Именно коснулся, потому что в основном она посвящена была внутренним вопросам; что диктовалось самой обстановкой. Кому-то могло даже показаться, что президент протягивает руку изоляционистам и отрешивается от тех идей, которые были высказаны им в статье 1928 г. Рузвельт говорил: “Наши международные торговые отношения, хотя и являются важными, тем не менее, принимая во внимание возникшую ситуацию, они имеют второстепенное значение рядом с вопросом о путях создания крепкой национальной экономики. Мой подход к решению практических вопросов зиждется на принципе первоочередности. Я сделаю все, чтобы восстановить мировую торговлю путем международной экономической перестройки, но чрезвычайная ситуация внутри страны, не позволяет ждать, пока мы добьемся результатов в этой области”². Итак, сначала экономика, а потом уже внешняя политика. Сначала то, что подлежит решению в первую очередь, потом – все остальное.

Рузвельт ушел от обсуждения резкого ухудшения международной обстановки в связи с продолжающейся японской агрессией против Китая и приходом Гитлера к власти в Германии; он не затронул и анонсированного им самим вопроса о мерах по поддержанию всеобщего мира и разоружению. Реальным, “коперниковским” переворотом можно считать только провозглашение политики “доброго соседа” по отношению к Латинской Америке, отказ от воинствующего “кораллария” Теодора Рузвельта, пресловутой “поправки Платта”. В 1934 г. американские морские пехотинцы покинули Гаити. В том же 1934 г. Рузвельт подписал закон Тайдингса–Макдаффи о предоставлении независимости Филиппинам после десятилетнего переходного периода.

Назначение Р. Моли заместителем государственного секретаря по экономическим вопросам также рассматривалось как явный признак преимущественно “внутренней” ориентации президента, стремившегося подчинить все ресурсы правительства оздоровлению экономики, хотя все могли видеть, что президент ищет способы воздействия на мировую экономику с тем, чтобы положить конец хаосу. Вполне вероятно, что легкое касание международных вопросов было сделано Рузвельтом намеренно, дабы не создавать себе трудностей в отношениях с изоляционистским крылом конгресса. В первые месяцы пребывания в Белом доме Рузвельт не боялся быть похожим на антивильсониста, понимая, что все ждали от него одного – разговора о хлебе насущном и восстановлении экономики. В бросающейся в глаза незаинтересованности Рузвельта в четком определении задач дипломатии сказалась также традиционная для него “многоканальность” мышления и поведения, не позволявшая его сотрудникам и советникам до конца постичь цели президента. В классиче-

ском определении А.М. Шлезингера “Рузвельт намеренно организовывал – или дезорганизовывал – систему управления так, чтобы важные решения принимались им самим”³. Никто, добавляет Шлезингер, не мог проникнуть в тайны его замыслов.

Внешне Рузвельт демонстрировал порой поразительную непосредственность и какую-то расфокусированность в своей европейской политике, иногда даже равнодушие к разворачивающимся событиям в Старом Свете. Но что мог сделать на его месте другой? В общественном мнении страны все еще сохранялся антиевропеизм, подогреваемый новым подъемом антивоенных настроений и желанием пересмотреть обоснованность вступления США в Первую мировую войну. Предъявленные сенатской комиссией Дж. Ная неопровержимые доказательства причастности американских производителей и торговцев оружием к ее подготовке, равно как и их особой заинтересованности в ней Америки только способствовали созданию в стране атмосферы неприятия активной роли США в международных делах. Среди сторонников такой линии было много искренних пацифистов, но в условиях, когда в Европе и на Дальнем Востоке уже существовали очаги новой мировой войны, объективно подобная позиция была на руку нацистской Германии и милитаристской Японии. Рузвельт понимал, что оставаясь безучастными к опасным шагам воинствующих лидеров авторитарных режимов, Соединенные Штаты только увеличивают риск сползания к большой войне. Но вторгаться в дискуссию о войнах справедливых и несправедливых он не считал возможным.

Хуже всего то, что механическое отождествление многими добросовестными пропагандистами изоляционизма ситуации, возникшей в период, непосредственно предшествующий Первой мировой войне, с периодом 30-х годов фактически приводило к поддержке большинством американцев законодательства о нейтралитете, в котором они видели средство локализации назревавших конфликтов, орудие прямого давления на поднявшийся в Европе реваншизм, выступавший за решение международных споров вооруженным путем и пересмотр Версаля. Демократическое ядро мирового пацифистского движения уже делало различие между целями, преследуемыми фашистскими государствами-агрессорами, и интересами тех стран, которые стали или могли стать объектом их агрессии. Однако до второй половины 30-х годов такое различие еще не воспринималось достаточно четко в целом антифашистски настроенным большинством американцев. Сказались удаленность от очагов европейских конфликтов и сомнения в отношении целей сторон.

Всем этим воспользовались сторонники политически ангажированного изоляционизма, те, кто требовал проведения правительством США такой внешней политики, которая была бы внешне “равноудаленной” от любых блоков. Они считали исторически оправданной реваншистскую идеологию фашизма, ратовали за предоста-

вление “свободы рук” монополистическим группировкам США в продолжении контактов с магнатами германской промышленности и, наконец, довольно откровенно выступали за использование разгоравшихся международных конфликтов в интересах восстановления тех преимуществ, которые Америка имела в различных регионах до краха 1929 г. В острых дебатах по внесенному в конгресс законодательству о нейтралитете, развернувшихся с начала 1935 г., верх в итоге одержала именно эта тенденция. Принятая в конце августа 1935 г. обеими палатами подавляющим большинством голосов резолюция о нейтралитете содержала знаменитое положение о “мандатном” (обязательном) эмбарго на экспорт оружия из США, которое по существу ставило Соединенные Штаты в положение пособника вполне конкретного сильного и могущественного агрессора и противника его жертвы.

Если бы президент, чья настороженность по отношению к Германии и Японии не была ни для кого секретом, сильно пожелал, он, очевидно, смог бы по крайней мере затормозить принятие законодательства о нейтралитете, имевшее очень много очевидных отрицательных сторон, в том числе с точки зрения национальных интересов самих США. К этому времени основная часть пакета социальных реформ была уже принята конгрессом, и популярность Рузвельта достигла высокого уровня. Но президент добровольно отдал инициативу изоляционистам, которые без труда убедили обе палаты конгресса (большинство в них составляли демократы, сторонники “нового курса”) поддержать это законодательство. Возникает вопрос: сознавал ли Рузвельт, что Закон о нейтралитете, лишавший его к тому же дискреционного права (т. е. права делать исключения в применении закона), связывает ему руки в плане поисков коллективных мер защиты от агрессоров? Ответ может быть только один: конечно, да. Подписывая 31 августа 1935 г. закон, Рузвельт признал, что его “негибкие положения могут вовлечь нас в войну, вместо того чтобы удержаться от нее”⁴. К этому времени надежды сохранить мир стали еще более хрупкими. Муссолини открыто угрожал войной Эфиопии, а в марте 1935 г. Германия в нарушение Версальского договора объявила себя свободной от обязательств по его военным статьям. 3 октября Италия напала на Эфиопию, а в мае 1936 г. фактически с согласия Англии и Франции захватили ее. Но США вступили в предвыборную кампанию, и Рузвельту было важнее всех остальных соображений не допустить раскола в своем электорате, а значит, гарантировать победу коалиции “нового курса”.

5 октября 1935 г. к очевидной выгоде агрессора США ввели в действие Закон о нейтралитете, в сущности вместе с Францией и Англией разделив ответственность за расширение фашистской агрессии. За этим последовало продление действия Закона о нейтралитете до 1 мая 1937 г. и принятие в январе того же года Закона об эмбарго на экспорт оружия, боеприпасов и других военных материа-

лов в Испанию, где шла схватка республики с франкизмом и его германо-итальянскими заступниками. С каждым годом становилось все яснее, что политика нейтралитета, поощряя агрессоров, увеличивает риск вовлечения самих Соединенных Штатов в войну. Однако, несмотря на поднимающуюся в стране критику, Белый Дом не торопился высказать свое мнение о новых конкистадорах, хотя оно как будто бы уже сформировалось и даже было озвучено советниками президента в прессе, на собраниях общественности и т.д.

Лишь вторжение Японии в Центральный Китай летом 1937 г. и усиление американско-японских противоречий вынудили правительство США предпринять первые шаги к изменению законодательства о нейтралитете. Самый широкий резонанс внутри страны и за рубежом получила речь Рузвельта в Чикаго 5 октября 1937 г., в которой президент в резких выражениях осудил “существующие режимы террора”, попирающие международное право и развязавшие глобальную агрессию. Призвав положить ей конец и сравнив ее с быстро распространяющейся заразной болезнью, Рузвельт предложил установить “карантин” для агрессоров, дабы воспрепятствовать распространению эпидемии разбоя и произвола в отношении суверенных народов⁵.

Вопрос о мотивах, которыми руководствовался Рузвельт, решив изменить тон своей внешнеполитической риторики осенью 1937 г. (победа на выборах 1936 г. была позади), – часть более общего вопроса относительно характера внешнеполитического курса его администрации, давно, как было сказано, ставшего предметом острой полемики в историографии внешней политики США предвоенного десятилетия. Сама “карантинная речь” Рузвельта, утверждал видный исследователь его внешнеполитической деятельности Р. Даллек, породила самые разные толкования как среди современников, так и среди историков⁶. Это и понятно. Ведь для современников выступление Рузвельта в Чикаго 5 октября осталось чем-то вроде воскресной проповеди: характер поведения США на международной арене ни на йоту не изменился, президент ни разу до конца года публично не высказал своего отношения к мировым событиям, а в частной переписке он даже сделал упор на важность сохранения нейтралитета. Так, в ответ на послание председателя социалистической партии США Н. Томаса, предложившего отказаться от эмбарго на продажу оружия законному правительству республиканской Испании, Рузвельт написал в конце декабря 1937 г.: “...гражданский конфликт в Испании втянул так много не испанских элементов и получил столь широкий международный резонанс, что попытка отнести по-разному к противостоящим друг другу партиям была бы крайне опасной. Не препятствуя поставкам оружия одной из сторон, мы не только оказались бы прямо замешанными в этих европейских распрях, от которых наш народ так хочет держаться подальше, но и сыграли бы на руку тем странам, которые были бы рады под этим предлогом про-

должать поддерживать ту или другую сторону. Это означало бы только одно – мы усилили бы разногласия между европейскими державами. А они (разногласия. – В.М.) представляют постоянную угрозу миру во всем мире”⁷. На одну доску, таким образом, ставились все “европейские державы”. А как же “карантин”? О нем ничего не было слышно вплоть до конца 1941 г.

Разобраться в этих хитросплетениях дипломатии Рузвельта было всегда непросто. Вполне объяснимо в этой связи разнообразие существующих в американской историографии точек зрения и появление новых, порой сенсационных версий, трактующих ее общую направленность, особенности и методы. В целом же следует сказать, что если еще недавно в американской историографии внешней политики США в предвоенные десятилетия тон задавало социально-критическое “ревизионистское” направление (В.А. Вильямс, Л.К. Гарднер, Б. Бернштейн и др.), то с конца 70-х годов наблюдается явное возрождение традиционалистской школы⁸, вознамерившейся на основе нового синтеза почти безоговорочно позитивно истолковать роль США в европейской политике накануне Второй мировой войны, используя в качестве важнейшего контрревизионистского довода фактор изоляционистской ментальности большинства американцев.

Самое беглое ознакомление с новейшей литературой такого рода сразу же обнаруживает стремление отполировать облик Америки, представив ее в роли незаинтересованного миротворца в европейской драме после прихода Гитлера к власти в Германии. Много пишут о непробиваемой стене изоляционистских настроений в стране, вставшей на пути любой здоровой идеи сплочения интернационалистов, пишут о появлении в середине 30-х годов контрсилы сопротивлению гитлеровской экспансии в лице отдельных влиятельных по своему общественному весу религиозных и этнических групп (в частности, католической церкви, немецкой и ирландской диаспор). Утверждают, что именно их антисемитизм и “антиинтервенционизм” якобы вынуждали Рузвельта до самого конца (т.е. до 1941 г.) проводить выжидательную, осторожную линию, дабы не “вспугнуть демонов” и не оказаться полностью лишенным поддержки общественного мнения⁹.

Историки, отражающие “по статусу” или в силу других причин взгляды госдепартамента (их появляется все больше), настаивают на тезисе о самоизоляции США (вплоть до начала Второй мировой войны) от всех проблем мировой политики, включая проблему сырьевых ресурсов, территориального передела, геостратегического соперничества и т.д. К этой категории работ относятся, например, вышедшие в 1980–1981 гг. книги Аарона Миллера и Ирвина Андерсона¹⁰. Сам Рузвельт в подобных сочинениях предстает подчас заурядным политиком с ограниченным кругозором, поглощенным “домашними” заботами и к тому же скованным в своих действиях дефицитом практицизма и романтическими планами достижения все-

общего разоружения. Еще удобнее некоторым авторам показалось обвинять Рузвельта в безынициативности, в результате чего будто бы имело место непреднамеренное образование политического вакуума как раз тогда, когда страна больше всего нуждалась в волевом и решительном руководстве, сосредоточении усилий на главных направлениях международной политики, умении вести противоборство с сильным, коварным и вероломным противником. В этом “пассивном” варианте глобальные расчеты США тонут в мелком интригантстве и нерасторопности политиков, застигнутых врасплох круговоротом событий и неудержимым напором агрессивных держав, преследующих свои эгоистические интересы и не желающих задумываться над судьбами цивилизации¹¹. Заодно пересматриваются и общепризнанные, казалось бы, оценки партнеров США по политике “умиротворения” — Англии и Франции. Часто это приводит к абсурду. Невила Чемберлена, например, наделяют чертами убежденного сторонника мира посредством перевооружения. Согласно этой своеобразной логике, получается, что лишь “удаленность” США от европейских дел и военно-техническое отставание западных демократий заставили его соглашаться с требованием Гитлера пустить под откос Версальскую систему.

Отчасти в таком, так сказать псевдоизоляционистском, контексте строит свои умозаключения Джон Гэддис. В известной книге о послевоенной политике “сдерживания”, мимоходом остановившись на предвоенной фазе советско-американских отношений, он набросал “словесный портрет” дипломатии Рузвельта, наделив ее нарочито расплывчатыми, неопределенными, внутренне несогласуемыми, импровизационными чертами. По Гэддису главная ее доктринальная установка сводится целиком к одному — любым путем обеспечить безопасность США, лавируя без проявления симпатий и антипатий между потенциальными враждующими блоками. За исходную точку отсчета Гэддис, принимает факторы морально-психологического и этического порядка, отбросив все остальные, в том числе и геополитические, что, разумеется, не может служить надежным критерием. В последней большой работе, посвященной истории холодной войны, Гэддис, касаясь оценки внешней политики Рузвельта, отзывается о нем как о личности “вечноуклончивой”, сделавшей своим оружием приспособленчество¹². В целом точка зрения, высказанная Гэддисом, необычайно близка тому, о чем писал в своих многочисленных трудах (включая и мемуары) дипломат и историк Джордж Кеннан, находившийся в годы предвоенного кризиса в “горячих точках” Европы.

Давно, казалось, подорвавшая доверие к себе версия о трагедии высоких моральных побуждений (чем будто бы руководствовалась предвоенная внешняя политика США) в брутальном мире беззакония стала быстро возрождаться в трудах многих американских историков, заявивших о себе в последние годы¹³. Доведенная до край-

ности, она предлагает видеть в дипломатии Соединенных Штатов добропорядочного брокера (хотя в чем-то и себе на уме), увы, попусту растративавшим силы в тщетной попытке образумить европейцев призывами к миру, терпимости и добрососедству. Наиболее ярким образчиком такой в сущности апологетической литературы может служить вышедшая в 1978 г. книга У. Кинселла “Политическое руководство в изоляции: ФДР и происхождение Второй мировой войны”¹⁴. Некоторые рецензенты были просто смущены лобовой атакой автора на критиков предвоенной политики США и их роли в международных кризисах¹⁵. Однако неотрадиционалистский поток, возносящий дипломатию Рузвельта до небес, не иссякает, порождая цепную реакцию поисков доказательств верности США их исторической миссии – нести народам освобождение от тирании, отсталости, сословных пережитков, чужеземного засилья, захватов и прочих зол. Историк Джон Браеман справедливо усматривал во всем этом отражение нараставшей с начала 80-х годов тенденции использовать историческую науку в чуждых ей интересах осуществления политического замысла, конечная цель которого – убедить широкую общественность страны поверить в особую миссию США быть спасителем цивилизации в этом дважды безумном мире¹⁶.

Наблюдается, следовательно, процесс, обратный проделанному ревизионистским направлением 60–70-х годов в постижении скрытых пружин рузвельтовской дипломатии. Вопрос в сущности стоит так: если США накануне войны стремились держаться в стороне от мировых дел или, наоборот, подчинили все свое моральное влияние и политические ресурсы достижению мира в Европе, тогда на ком же лежит бремя ответственности за трагический исход событий, за поощрение агрессоров, за беспрепятственное наращивание ими военной мощи, за моральное разоружение Европы? Может быть, только на Англии и Франции или на Советском Союзе? Или вообще на европейцах? Строго говоря, согласно особой логике новейшей комплиментарной историографии, ни США, ни Англии, ни Франции не могут быть предъявлены обвинения в отсутствии желания сохранить мир. Оказывается, однако, ни одна из этих стран, ни все они вместе не были в состоянии это сделать. США дали зарок не участвовать в европейских делах, убедившись в невозможности устранить европейские конфликты и... желании международных банкиров (“торговцев смертью”) вновь нагреть на них руки. Что же касается Англии и Франции, то их обычно уподобляют жертвам кораблекрушения, оказавшимся беспомощными и беззащитными перед лицом разрушительных сил, стремившихся подорвать Версальскую систему, переделать мир по своему образу и подобию. Им противостоял тоталитаризм, тоталитарные державы, легко находившие возможности и мотивы для сговора, и главный из них – стремление к совместному переделу мира именем “нового порядка” или “всемирной республики труда”.

Но вот вопрос: кто же и что же породило эти силы? Какую роль играли во всем этом геополитические, экономические, социально-классовые и идеологические факторы? Вразумительного ответа не дается. Чаще всего указывают на роковое стечение обстоятельств, на дипломатические просчеты западных демократий, на неспособность Рузвельта и государственного секретаря Хэлла контролировать бюрократический аппарат внешнеполитического ведомства и т.д. О новом необузданном глобализме эпохи позднеиндустриального общества как источнике нового цивилизационного кризиса, о нарастании противоречий постверсальской системы как главном факторе в образовании очагов войны, об элементарной заинтересованности нагреть руки на войне и решить экономические проблемы, разумеется, нет и речи. Не затрагивается и тем, как использовала американская дипломатия фактор вовлеченности великих держав в европейские конфликты. Вопрос утоплен во второстепенных обстоятельствах, в спекулятивных версиях о причинах несогласованности в действиях “западных демократий”, в глубокомысленных рассуждениях о якобы добросовестных попытках методом уступок агрессору добиться его внутреннего перерождения, реже – о неуправляемых магнатах промышленности и финансов, срывающих де планы правительства. Так, например, оценивает политику США по отношению к гитлеровской Германии в своей новой книге К. Макдональд¹⁷. Иными словами, политика “умиротворения” вопреки всему, что известно о ее четко выраженной залоговой антивосточноевропейской, анти-советской направленности, расчетливой и циничной игре ее вдохновителей, вопреки неопровержимому вердикту истории трактуется как бескорыстная попытка сделать послевоенный мир справедливым для всех, как политика побежденного демоном войны здравого смысла и реализма¹⁸.

Может показаться, что это всего лишь повторы знакомых с 40-х годов версий. В известном смысле да¹⁹. Но сразу же следует оговориться: никогда раньше кампания по реабилитации политики “умиротворения” не велась в США так широко, как теперь. Изобличения сталинизма, аморальности “красной империи” в глазах многих оправдывают уклонение Запада в предвоенные годы в отношении любых мер воздействия на агрессоров совместными усилиями западных демократий и Москвы. Синдром “империи зла” сказывается в полную силу на исторической реабилитации дипломатии Запада и США в 30-е годы и в публицистике, и в академических исследованиях, и в телесериалах на тему о “секретах предвоенного кризиса”.

Говоря о новой познавательной ситуации, возникшей в 80–90-е годы, нельзя забывать догадку К. Маркса о “лжи”, которая часто встречается в первоисточниках, имея в виду, с одной стороны, “ложные взгляды”, “ложь в духовном смысле”, а с другой – “ложь в передаче фактов, ложь в материальном смысле слова”²⁰. Исследователь может далеко удалиться от истины, если он, как справедливо заме-

тил Люсьен Февр, отбирая факты, забудет о том, что игра случая уничтожает одни остатки прошлого и сохраняет другие, не без участия, кстати, и намеренного вмешательства человека. “А если эта игра случая идет по крупной?” – задавался вопросом Февр²¹. Многократно приходится убеждаться в правомерности такой постановки вопроса, когда речь заходит об оценке дипломатии великих держав в предвоенное десятилетие 30-х годов. Неважно, касается ли это СССР или США.

Приходится констатировать, что некоторые американские историки, еще недавно достаточно беспристрастно оценивавшие характер предвоенной европейской политики США (например, А. Оффнер)²², в наши дни отступают от этой линии, снижая градус критики и отдавая дань поиску оправданий той двойственности и противоречивости, которыми был отмечен буквально каждый шаг предвоенной дипломатии США начиная с 1933 г.²³ А между тем новые факты, взятые в контексте “всей их мотивировки”, не только подтверждают достоверность оценки политики “умиротворения” и роли, которая принадлежала США в ее реализации, данной ревизионистской историографией, но и позволяют сегодня увидеть многое и очень важное для понимания реальных целей дипломатии США, формально следовавшей политике “нейтралитета”, но на деле очень бдительно следившей за изменением в общем балансе сил и возвращавшейся к вильсоновскому “интернационализму” в его последовательно идеологизированной универсалистской трактовке. Не должно казаться удивительным то, что самыми серьезными оппонентами “внеконфликтности”, равноудаленности оказались те лица из окружения Рузвельта, которые, разделяя морализм Вильсона, отвергали его претензии на мировую гегемонию.

ЕВРОПА ДАЛЕКАЯ И БЛИЗКАЯ

Дилемма в сфере внешней политики, вставшая перед Рузвельтом после его переезда из губернаторской резиденции в Олбэни в Белый дом, объяснялась, конечно же, не доктринальными установками, а реальными условиями, в которых приходилось восстанавливать позиции США (прежде всего экономические и военно-стратегические) на мировой арене, основательно подрванные мировым экономическим кризисом 1929–1933 гг. и стратегией “экономического национализма” республиканских администраций.

Борьба с конкурентами за внешние рынки следала большую часть крупного бизнеса США заинтересованной в политике крайнего эгоизма, предполагавшей сохранение “свободы рук”, отказ от международных обязательств, уклонение от участия в коллективных усилиях по урегулированию международных хозяйственных связей. Держась в стороне от споров и конфликтов, как полагали в этих

кругах, можно было не только с чувством морального превосходства наблюдать за торгово-экономическими и дипломатическими схватками на Европейском и Азиатском континентах, но и извлекать немалые материальные выгоды. Но был и другой, более рассчитанный на перспективу, с точки зрения прежде всего национальных интересов США, “интернационалистский” подход к международным событиям. Его подсказывала общая обстановка, и в особенности, разумеется, резко усилившаяся в конце 20-х – начале 30-х годов угроза новой мировой войны. Образование ее очагов на Дальнем Востоке и в Европе ставило под угрозу интересы США. Совершенно в ином свете предстала Япония – агрессивный военный колосс в Азии. В промышленном отношении необычайно быстро воскресшей “из мертвых” после 1933 г., ремилитаризованной, жаждущей реванша Германии, к власти пришел “вождь”, не скрывающий своей патологической ненависти к американским банкирам – евреям, которых он считал виновниками поражения Германии в 1918 г. и Версаля. Вильсонист Рузвельт был им безоговорочно отнесен к этому клану.

Внутренне лично для Рузвельта не было вопроса, какой подход предпочесть. Выбор был сделан им давно и бесповоротно, а годы кризиса только убедили его, что иного и быть не может. В его понимании изоляционизм, имеющий в определенных случаях свои тактические преимущества как политико-дипломатический принцип, являлся анахронизмом, отголоском невозвратно ушедших времен. Даже географически американцы не могли уже чувствовать себя в удалении от каких-либо конфликтов “сотнями миль соленой воды”. Возникшее в широких слоях демократической общественности в различных странах, в том числе в США, антивоенное движение дало Рузвельту дополнительный аргумент в пользу участия в коллективных усилиях по укреплению мира, включая разоружение, но, разумеется, в таких формах и масштабах, какие США считали для себя допустимыми. Лозунг “мир через разоружение”, появившийся в его речи от 16 мая 1933 г., отчетливо показывал, где лежат симпатии президента. Предложение всем странам гарантировать мир отказом от наступательных вооружений и обязательством воздерживаться от нападений друг на друга возвращало США имидж лидирующей страны, искренно озабоченной укреплением безопасности, своей и всего мира.

Совсем не случайно одним из первых шагов президента было активное подключение к работе Конференции по разоружению в Женеве (1932–1935), которая к тому времени зашла в тупик. Попытка ее реанимировать вызвала к жизни “план Макдональда”, названный так по имени британского премьера-лейбориста и предоставлявший определенные преимущества Англии, Франции и США перед Германией. Между тем Гитлер, пришедший к власти в январе 1933 г., недвусмысленно дал понять, что он не согласен с сохранением в силе

военных ограничений Версаля, как это предусматривалось “планом Макдональда”, и не будет считать себя связанным решениями конференции. Для Рузвельта это был сигнал, что настал его час. Он пригласил в апреле 1933 г. “на встречу умов” в США Рамзея Макдональда и отставного французского премьера Эдуарда Эррио для обсуждения всего комплекса вопросов межгосударственных отношений, включая международное экономическое сотрудничество, проблему долгов и разоружения. Шаг почти символический: оба европейских деятеля были представителями левоцентристского спектра, сторонниками координации усилий в области экономической стабилизации. Многие наблюдатели недоумевали, как политика “интернационализма”, избранная Рузвельтом, может быть увязана с целиком сориентированной на внутренние цели экономической стратегией “нового курса”, предусматривавшей, в частности, жесткие меры защиты собственных товаропроизводителей и решение проблемы занятости. Однако сам президент не усмотрел здесь ни малейшего противоречия. Для него важнее всего было убедить мировую общественность, что после бесконечных трений по проблемам военных долгов, торговых войн и препирательств о сокращении вооружений достигнуто наконец понимание о необходимости, как он говорил, “совместных действий всех”. Восхищенный гостеприимством Эррио получил заверение Рузвельта в “полном взаимопонимании”.

Президент открыто заявил о своей поддержке “плана Макдональда” и призвал все страны отказаться от наступательного оружия. Антигерманское острие этого заявления было подкреплено обещанием (в случае достижения приемлемого соглашения по сокращению и контролю над вооружениями) отказа от традиционного нейтралитета (т.е. от права поддерживать одинаково ровные отношения со всеми воюющими странами) и провести консультации с другими государствами в ответ на возникновение угрозы всеобщему миру. Президент обещал также не чинить никаких препятствий коллективным действиям, направленным против страны, которую США и другие государства сочтут агрессором. Подразумевалась, разумеется, Германия. Это стало понятно всем, хотя значение его слов было снижено пояснениями К. Хэлла и Н. Дэвиса, представителями США на Конференции по разоружению, немедленно уточнившими, что их страна не будет участвовать в каких-либо коллективных санкциях против страны-агрессора. В Берлине истолковали эти “поправки” в свою пользу.

И все же достигнутый моральный эффект был очевиден. В Англии и во Франции инициативу президента расценили как прощение с изоляционизмом. Рузвельту предстал на какой-то момент в глазах мирового общественного мнения государственным деятелем, не отгораживающимся от участия в разрешении международных конфликтов и в принципе готовым использовать влияние своей страны на благо мира. В Париже полагали, что Франция фактически получила

гарантии безопасности. Даже провал Международной экономической конференции (Лондон, май–июль 1933 г.) вследствие внезапного уклонения Рузвельта от принятия предложенных там решений и неожиданного отречения его от идеи скоординированных акций и в пользу односторонних мер (США отказались от золотого стандарта и девальвировали доллар) не нанес серьезного ущерба тому сценарному плану, который был разработан президентом наедине с самим собой. Внушить европейцам, что они и шагу не могут ступить без США, и одновременно вдохнуть в них надежду, что все самые сложные мировые проблемы (включая экономическое восстановление) решаемы посредством непрерывных переговоров – вот что предусматривал этот план.

Стремясь сгладить отрицательное впечатление, которое произвели во многих европейских странах его ошеломляющие выражения во время лондонской экономической конференции, и дабы подтвердить готовность США играть конструктивную роль в обсуждении вопроса о разоружении, Рузвельт 30 августа 1933 г. направил два послания: одно – премьеру Макдональду в Лондон, другое – Норману Дэвису, уезжавшему на переговоры по разоружению в Женеву. В первом он, выражая свою поддержку (“в целом”) “плана Макдональда”, высказался за достижение соглашения: “Ничто так не содействует установлению благоприятного морального климата в мире и не помогает улучшению экономического положения, как соглашение о немедленном и существенном сокращении вооружений под соответствующим наблюдением и контролем. Я отдаю себе отчет в имеющихся здесь технических и политических проблемах, но верю, что если есть воля для их решения, то такое соглашение возможно”²⁴.

Однако Рузвельт дал понять, что при всей приверженности Соединенных Штатов европейскому миру ответственность за его поддержание он всецело возлагает на... Англию. Более того, в инструкциях, которые президент направил Дэвису и которые тот должен был довести до сведения всех заинтересованных сторон, Рузвельт рекомендовал Макдональду, Даладье (тогда премьер Франции), Муссолини и Гитлеру встретиться для обсуждения и урегулирования всех вопросов. Он говорил уже лишь о своем сочувствии Франции и ничего о том, как Англия, Франция, США и другие страны могли бы остановить милитаризацию Германии и поставить заслон территориальным притязаниям Гитлера. Хотя письмо Дэвису было составлено в очень осторожных тонах, смысл его был абсолютно ясен: президент настаивал на уступках Германии, что могло бы, как он писал, дать возможность “европейским народам освободиться от тирании страха”²⁵.

Платонические призывы к миру и указания на заинтересованность США видеть Францию достаточно сильной перед лицом опасности, исходящей от Германии, могли разозлить, но не обмануть

Гитлера, а тем более отказаться от ревизии Версальской системы под прозрачным прикрытием чистейшей демагогии о всеобщем и полном разоружении. 15 сентября барон фон Нейрат, министр иностранных дел Германии, потребовал, чтобы Конференция по разоружению признала равноправие Германии в области вооружений, а 14 октября 1933 г. германское правительство заявило о выходе из Лиги наций. Идея уступок и компромиссов, таким образом, дала неожиданный результат, обернувшись приобретением Германией свободы рук в отношении военных статей Версальского договора. США не протестовали, — а что если уравнивание победителей и побежденных действительно могло предоставить шанс восстановления стабильности и всеобщего доверия.

Фиаско в Женеве не было неожиданным для Рузвельта. Он как будто предвидел его и втайне надеялся, что именно такой оборот событий позволит ему, не порывая с пацифистскими элементами, продвинуть программу строительства большого флота и сосредоточиться на неотложных внутренних проблемах под благовидным предлогом необходимости выдержать паузу для подготовки новых демаршей в пользу мира. Были причины и поважнее: могущественные силы — крупные монополистические объединения, связанные тесными узами с германской тяжелой промышленностью, — усиливали давление, добиваясь от Рузвельта согласия на упрочение дипломатических контактов с гитлеровской Германией. Все это требовало, конечно, обдумывания, ведь и сам президент как будто склонялся к мысли, что с Гитлером следует вести диалог, дабы охладить горячие головы германских националистов и к тому же содействовать появлению в Германии сильной центристской проамериканской партии, способной отеснить Гитлера и взять в итоге бразды правления в свои руки.

Однако о демонстративном сближении с “третьим рейхом”, уже проявившим свои палаческие наклонности и захватнические инстинкты в условиях общего демократического подъема в США и нарастания антифашистских настроений, не могло быть и речи. Все более удаляясь от поддержки даже той половинчатой позиции в отношении практических коллективных мер по сохранению безопасности в Европе, которую он занял весной 1933 г., Рузвельт не отказывал себе в удовольствии время от времени демонстрировать, что его отрицательное отношение к попыткам взорвать мир остается неизменным и что его правительство готово содействовать усилиям Лиги наций в деле сохранения мира, но не выходя за пределы чисто морального выражения своих симпатий или антипатий. Впрочем, внутренне он считал, что с Германией рано или поздно снова придется ссориться. Назначение послом в Германию по рекомендации полковника Хауза и министра торговли Роупера профессора истории Чикагского университета, ярого “интернационалиста” вильсоновского “призыва” и джефферсонианца Уильяма Додда показывало,

что президент хотел бы сохранять трезвость суждений в оценке положения в Германии после прихода Гитлера к власти и любых (в том числе и самых негативных) последствиях этого обстоятельства для всеобщего мира и германо-американских отношений.

Додд, изначально и безоговорочно испытывавший неприязнь к фашистскому режиму, отправился 5 июня 1933 г. в Германию с тяжелым сердцем и надеждой на возможность воспользоваться правом на отставку через год²⁶. Чувство уверенности в правильности сделанного им, 60-летним ученым, издателем бумаг Вильсона, никогда не служившим на дипломатическом поприще, выбора поддерживалось только расположением президента и ощущением, что между ними существует единство понимания стоящих перед европейской политикой США задач. Додд не придавал значения навязчивому стремлению соответствующих отделов госдепартамента и лично государственного секретаря К. Хэлла наставлять его в духе подчеркнутой корректности к фашистскому режиму²⁷. Полученное разрешение сноситься непосредственно с Белым домом создавало относительный душевный комфорт и желание говорить суровую правду без оглядки на соблюдение взятого правительством примирительного тона по отношению к изоляционистскому большинству конгресса. Так, зная, насколько болезненно воспринимает К. Хэлл любые предложения об изменении дальневосточной политики США в сторону ее ужесточения по отношению к Японии, Додд не стеснялся высказываться об этом в личных посланиях президенту, через голову Хэлла. 28 октября 1933 г. он писал в частности: “Я получил информацию о попытках Японии заключить союз с Германией. Она поступила ко мне по секретным каналам. То же я слышал и от немцев. Неудача Стимсона два года тому назад грозит обернуться полным крахом”²⁸. Последняя фраза расшифровывалась очень просто: продолжение политики уступок приведет к большой войне на Дальнем Востоке. Остановить агрессию в зародыше казалось Додду делом столь разумным и необходимым, что об этом следовало не говорить, а кричать, добиваясь тем самым сохранения остатков воли к сопротивлению реваншизму в Париже и Лондоне.

В представлении Додда медлительность и уклончивость президента приистекали только из-за его недостаточной информированности. К тому же порой ему казалось, что своим напутствием Рузвельт благословил его на смелые выводы и “недипломатические” шаги, способные образумить часть колеблющихся сторонников Гитлера и тем самым содействовать трансформации нацистского режима в парламентскую демократию обычного типа, тем более что президент в отличие от государственного департамента как будто бы разделял мнение Додда о пользе дипломатических демаршей в качестве инструмента давления на нацистское правительство с тем, чтобы в сочетании с экономическими мерами сделать его более сговорчивым. И в самом деле, оба горячие сторонники безопасного для де-

мократии мира, Додд и Рузвельт, были, казалось, согласны во всем. Одно из первых писем президента послу в Берлин содержало ясное указание, что он разделяет точку зрения Додда на опасность, которую представлял для мира гитлеровский “новый порядок”. Рузвельт писал об этом в комплиментарном тоне по поводу мнения Додда в ноябре 1933 г. (документ приводится с некоторыми сокращениями):

Мой дорогой Додд!

Мне не нужно говорить Вам, что я с удовольствием получаю Ваши письма... Я рад, что Вы откровенно высказываетесь в беседах с отдельными людьми (президент имел в виду одно из публичных выступлений Додда в Германии, содержавшим ряд критических замечаний в адрес нацистских порядков. — В.М.)... На прошлой неделе я беседовал с У. Липпманом и услышал от него интересное соображение о том, что 8% населения всего мира (Германия и Япония), придерживающихся империалистических притязаний, в состоянии торпедировать предложения о гарантиях безопасности и о сокращении вооружений, выдвигаемые 92% народов остального мира... Я иногда чувствую, что положение в мире становится все хуже, вместо того чтобы улучшиться²⁹.

Термин “империалистические притязания” был заимствован Рузвельтом у Вильсона, и Додд сразу же мог отметить эту особенность лексики президента. Хотя Рузвельт умолчал о том, что предполагали сделать США для улучшения обстановки, поскольку ситуация автоматически не могла измениться, тем не менее его письмо воодушевило Додда. Посол усмотрел в нем одобрение инициатив, направленных на восстановление в правах коллективных действий в защиту мира. После того как 8 декабря посол Англии в Берлине Фиппс информировал его о том, что Лондон предложил Германии вооружаться (до 1/4 от уровня ее соседей) взамен на пакты о ненападении, Додд посоветовал своему правительству поддержать высказанную идею сомнительной сделки, полагая, что так можно реанимировать переговоры по разоружению. Как будто бы это было в русле миротворческой “педагогики” Рузвельта. Но дальше Додд шагнул за порог неформальных полномочий. Через пару дней в беседе с тем же Фиппсом, действуя на свой страх и риск, он заявил, что американцы могли бы пойти навстречу англичанам, если бы последние благожелательно отнеслись к предложению о совместных акциях Советского Союза, США и Англии с целью блокирования японской экспансии на Дальнем Востоке³⁰.

В Вашингтоне разразилась буря. Рузвельт не имел ни малейших намерений поддерживать подобные глобальные схемы, вовлекающие его в совместные операции по поддержанию мира и грозящие столкновением с Японией. Решив не делать Додду лично выговора, он поручил это исполняющему обязанности государственного секретаря Филлипсу. Последний полностью дезавуировал все высказывания Додда о европейской ситуации, заявив, что США не намерены вмешиваться в эти дела. Главное же предложение — о совместных действиях против Японии — Филлипс от имени президента и своего

собственного прокомментировал совершенно недвусмысленно: «Мы оба, президент и я, обеспокоены Вашими замечаниями о Дальнем Востоке... Мы очень хотим избежать любых шагов, которые выглядели бы как стремление изолировать Японию. Во время последнего визита Литвинова³¹ и обсуждений (вокруг) вопроса о признании Советского правительства было сделано все необходимое, дабы не создавать впечатления, будто это признание содержит хотя бы малейший оттенок сотрудничества с Россией против Японии. Беседа шла только о самых общих вопросах, связанных с поддержанием мира во всем мире»³². Государственный департамент – Додд должен был это уяснить – резко возражал против любых инициатив и в особенности таких, где речь шла о взаимодействии с СССР.

Додд был ошеломлен. Ведь все было так предельно ясно. Он писал Филлипсу и президенту 14 декабря 1933 г., что большая война на Дальнем Востоке неизбежна, если США, Англия и Франция будут проводить политику попустительства японской агрессии, предавая Китай. «Я знаю, – с горечью отмечал Додд, – что наши лидеры всегда говорят “держитесь в стороне от всего”. Но ведь это невозможно». Додд продолжал упрямо настаивать на своем, предлагая пересмотреть заново всю ситуацию в мировых делах после января 1933 г. Стремление же США отгородиться от Европы, уйдя с головой во внутренние дела, он считал ошибочным, ибо такая тактика в скором времени развяжет руки сторонникам новой войны на Европейском континенте, которая, скорее всего, будет дополнена войной на Дальнем Востоке. Где выход? «Я бы предложил, – писал далее Додд, – положить конец наглым действиям диктаторских режимов в Центральной Европе и проложить путь к подлинному сотрудничеству всех великих держав»³³. Всех великих держав, в том числе и СССР? По-видимому, да, хотя Додд не решился повторить это открыто. 28 декабря Додд отправил личное послание президенту, в котором изложил свои соображения, но ответа так и не дождался³⁴.

“Разъяснительную работу” на сей раз было поручено провести судье Муру, заместителю государственного секретаря. Последний без обиняков дал понять Додду, что все его предложения об инициативах Соединенных Штатов с целью предотвращения агрессии ничего не стоят, ибо, как писал Мур, ситуация в скором времени может круто измениться вследствие нападения Японии на Советский Союз. Такой поворот событий в Вашингтоне ожидали буквально со дня на день. “Что больше всего привлекает мое внимание, – многозначительно отмечал Мур, – так это возможность возникновения в ближайшем будущем конфликта между Японией и Советами...”³⁵ Такой поворот был бы на руку Западу. Этого Мур не сказал, но вывод напрашивался сам собой. Последовавший вслед за тем провал Конференции по разоружению в Женеве и заявления Рузвельта и Хэлла о нежелании вмешиваться в урегулирование европейских конфликтов вынудили Додда признать, что его демарш

был несвоевременным. 1934 год был годом выборов в конгресс, и это обстоятельство в глазах посла частично оправдывало отход президента от принципов “интернационализма”. Не все еще было, по-видимому, потеряно.

Однако каждый день пребывания Додда в Берлине убеждал его в том, что политика умиротворения только разжигает аппетиты Гитлера. Желанной передышки для Запада может и не последовать, если Япония будет подыгрывать Германии, повиснув тяжелой гирей на ногах Англии и США на Дальнем Востоке. Он сообщает в Вашингтон о подготовке фашистского переворота в Вене, о планах присоединения Австрии к Германии, о той опасности, которая грозит мировой культуре со стороны бесчеловечной идеологии правителей “третьего рейха” и их изуверской практики, и наталкивается на непонятную глухоту. Слабым утешением для Додда было лишь подтверждение того, что его подробные отчеты по-прежнему вызывают большой интерес в Белом доме. Филлипс сообщал Додду 6 июля 1934 г.: “В эти дни шокирующих событий в Германии Вы постоянно присутствуете в наших мыслях. Каждое слово, которое приходит из посольства, вызывает у нас здесь огромный интерес, так же как и ежедневные сообщения прессы из Берлина. Мы получили вчера телеграмму от находящегося на отдыхе президента с просьбой сообщить о новостях из Германии и отослали ему обзор Ваших отчетов, включая самые последние”³⁶.

Додду, наверное, было бы приятнее услышать другое, но Филлипс ничем его не обнадежил. США останутся на позиции стороннего наблюдателя, писал он послу 16 августа³⁷. После попытки фашистского переворота в Вене и убийства премьера Австрии Э. Дольфуса, а затем убийства французского премьера Луи Барту и короля Югославии Александра, сторонников коллективной безопасности в Европе, после новых шагов гитлеровской Германии по пути “довооружения” такая позиция означала только одно: Соединенные Штаты не были намерены противиться пересмотру Версальского договора, а заодно и сепаратного мирного договора США с Германией (1921 г.)³⁸.

В расчете на то, что сами события заставят президента вернуться к тому пониманию роли США в европейских делах, которое было им разъяснено на встрече в Белом доме в июне 1933 г., Додд направляет в Вашингтон в середине августа новое послание в адрес своего старого знакомого министра Д. Роупера. В нем он высказал все, что передумал, наблюдая с близкого расстояния вакханалию психологической подготовки к войне в “третьем рейхе”, прикрываемой болтовней о миролюбии и законных интересах Германии³⁹. Смысл рекомендаций посла сводился к следующему: усилить давление на Германию с целью добиться остановки милитаризации национального мышления немцев и повлиять на расстановку внутренних сил в пользу умеренных группировок в правящих кругах; добиваться лучшего взаимопонимания с другими странами, которые заинтере-

ресованы в предотвращении роста военного могущества Германии и Японии, прежде всего с Англией и Советским Союзом⁴⁰. Додд не боялся показаться наивным, воинственные призывы вождей нацистского режима не выглядели простым вымогательством прощения по внешним долгам, а СССР играл в мировых делах все более стабилизирующую роль, чтобы по этому поводу ни думали консерваторы.

В письме Хэллу, отправленном примерно в то же время, Додд с учетом предыдущей переписки изложил свой тактический план на ближайшее будущее в форме геополитических размышлений: “Я думаю, – писал он, – что мы должны отказаться от нашей так называемой изоляции. Если мы будем оказывать сильное давление в Женеве, где Германия делает все возможное, чтобы воспрепятствовать вступлению России в Лигу наций (СССР стал членом Лиги в сентябре 1934 г. – В.М.), мы тем самым сделаем косвенное предупреждение Японии, в результате чего Англия и Франция могут поддержать совместно Россию. Эта политика заставит Англию отказаться от интриг на Дальнем Востоке, цель которых – спасти ее интересы, натравливая Японию на Россию. Если после предстоящих ноябрьских выборов Соединенные Штаты предложат Англии присоединиться к пакту, гарантирующему независимость Филиппин, то Голландия, Бельгия и Франция поддержат эту линию. Это гарантирует Китаю, Индии и Австрии существующий статус, который имеет все преимущества перед предложенной японцами дальневосточной Лигой, откуда Англия и Голландия скоро будут изгнаны. Заключительным шагом после выборов 1936 г. (Додд имел в виду предстоящие президентские выборы. – В.М.), а может быть, и до них было бы вступление США в Лигу наций. Все это предотвратит германскую гегемонию в Европе и японскую на Дальнем Востоке...”⁴¹.

Это была программа, прямо противоположная той, которую разрабатывали в Восточноевропейском отделе госдепартамента под руководством Роберта Келли и поддерживаемой близкими советниками Рузвельта А. Берлом и У. Буллитом, полагавшими, что коммунизм в России делает невозможными все разговоры о формировании антигерманского союза типа Антанты, скорее наоборот: по их мнению, стоило ставить вопрос о сближении Франции и Германии на базе признания интересов последней в Восточной Европе и на Балканах и предоставления гарантий безопасности Франции⁴².

Додд, буквально одержимый идеей сколачивания антинацистской коалиции и не идентифицировавший всерьез Россию с фантомом “мирового коммунизма”, одним своим присутствием в Берлине создавал препятствие для достижения *modus vivendi* с Гитлером. Посол-историк не просто досаждал, он вызывал тревогу своими “прорывами” в Белый дом, где после нормализации дипломатических отношений с СССР как будто началась неспешная переоценка всех за

и против возможности сотрудничества с Москвой. Президент предпочитал решать проблемы, исходя из личных впечатлений. Визит Литвинова в Вашингтон осенью 1933 г. в этом смысле дал солидную пищу для размышлений, но они зачастую шли вразрез с убеждениями чиновников госдепартамента и К. Хэлла. А Додд своими посланиями расширял эту брешь. Посол предлагал конкретные меры, включая практически одновременное вступление США и СССР в Лигу наций, что, как он полагал, могло бы стать тяжелым моральным поражением сил агрессии. Но каждый раз получал в ответ бесстрастно отвлеченные сетования на не решаемые проблемы Европы и внутренние осложнения для ньюдиллеров. Любопытно, что Рузвельту понадобилось несколько дней, прежде чем он решил направить Додду тщательно отредактированный ответ на целую серию предложений последнего. Президент писал 25 августа 1934 г.:

Мой дорогой Додд!

Я был очень рад получить от Вас письмо, хотя сознаю, что Ваше положение никак нельзя назвать приятным. Письмо подтверждает мои опасения, что ход событий в Германии, а может быть, и в других странах Европы развивается, бесспорно, в неблагоприятном направлении и что в последующие полгода или год может произойти непредсказуемое. Гарри Гопкинс вернулся из поездки в Европу, и он тоже настроен пессимистично. Того же мнения придерживается Джордж Гаррисон из Федерального резервного банка. В целом я вполне удовлетворен нашим собственным прогрессом. Но мы подвергаемся сильному политическому нажиму, и он будет вестись против нас до самых выборов. Вы читали о создании Американской лиги свободы (организация, объединявшая анти-рузвельтовские элементы в правящих кругах США, выступавшие против “нового курса”. – *В.М.*) во главе с Шузом, А. Смитом, Джеймсом Уордсуортом, А. Дюпоном и Джоном Дэвисом. Ее уже назвали “клубом самоубийц”.

Я тоже, как и Вы, с тяжелым сердцем наблюдаю за событиями в Европе, слежу за малейшими проблесками надежды, которая дала бы мне возможность протянуть руку помощи. Но в настоящее время ничего подобного на горизонте нет.

Будьте здоровы и время от времени держите меня в курсе ваших дел.

Всегда Ваш
*Франклин Рузвельт*⁴³

Письмо красноречиво свидетельствовало, что никаких изменений в позиции президента не произошло и в ближайшее время не произойдет. Рузвельт вежливо отклонил советы посла о коллективных действиях (при участии России) в пользу мира, хотя и признал, что в любой момент в Европе могло случиться непоправимое. Мотивы, которые были выдвинуты президентом для оправдания этой позиции, были также знакомы Додду – накануне выборов правительство не сделает ни одного “неловкого” шага. Вместе с тем Рузвельт не хотел создавать впечатление, будто его позиция и в более далекой перспективе останется неизменной. Такой момент, напомнил он Додду, пока еще не наступил. Поскольку в письме президента не было ни слова о силе изоляционистских настроений в США и

содержалась фраза о “руке помощи”, Додд решил, что имеет моральные основания сказать при встречах с Гитлером и Шахтом по поводу обеспокоенности Америки масштабами военных приготовлений Германии. При этом он не отказал себе в удовольствии упомянуть и о имеющихся у него сведениях о закупках Германией военных самолетов в Соединенных Штатах. Последнее выглядело в устах старого борца против фабрикантов оружия весьма двусмысленно, хотя и вполне в духе той антимилитаристской, антимонополистической кампании, которая разворачивалась у него на родине⁴⁴.

Более того, в свете полученных им данных о продаже американскими фирмами больших партий оружия нацистской Германии Додд усматривал особый смысл в усилиях, направленных на пресечение этого преступного бизнеса. История не должна была повториться, в противном случае все жертвы, принесенные человечеством на алтарь Молоху в годы Первой мировой войны, окажутся напрасными и мировая цивилизация понесет уже непоправимый урон. Додд обращал на эту сторону вопроса особое внимание, полагая, что от его решения зависит очень многое, если не все, в плане устранения угрозы новой войны. “Как мы можем предотвратить войну, – писал он в октябре 1934 г. полковнику Эдварду Хаузу, – если торговля оружием между США и Германией продолжается? Этот факт показывает еще раз, что те же трудности, с которыми мы сталкивались всегда, имея дело с представителями крупного бизнеса, существуют и сейчас”⁴⁵.

Рузвельт вновь убедился, что Додд не оставляет мысли о возможности участия США в коллективных действиях с целью предотвращения сползания Европы к войне. У президента появилось убеждение, что посол выходит за рамки тех инструкций, которые он получает из государственного департамента и от него лично. Решение указать Додду на необходимость держаться “в рамках” пришло на волне роста изоляционистской пропаганды в США, в связи с началом осуществления широкомасштабной программы вооружений и под влиянием неудачной попытки Белого Дома провести через сенат законопроект о вступлении в Международный суд. Сенатскую “диверсию” нельзя было назвать провалом, но Рузвельт посчитал момент подходящим для того, чтобы подчеркнуть (в письме Додду от 2 февраля 1935 г.) особую нерасположенность США быть втянутыми в европейские дела и в дебаты о разоружении. Его короткое на этот раз послание было составлено в сухом и требовательном тоне⁴⁶.

Мой дорогой Додд!

Благодарю за Вашу интересную записку. Мы должны пройти через период несотрудничества во всем. Я опасаясь, что он будет длиться весь следующий год или два. Уолтер Липпман все это очень хорошо объяснил в сегодняшнем утреннем выпуске “Геральд трибюн”.

Дайте мне знать, когда Вы будете в Вашингтоне.

Всегда Ваш
Франклин Рузвельт

Итак, на год или два Додду предлагалось “лечь на дно”, не создавая проблем ни себе, ни президенту. Дипломатия США взяла передышку, хорошо понимая, что время мирных инициатив уходит. Тем временем события в мире развивались своим чередом. 1 марта 1935 г. правительство Германии заявило, что оно считает себя свободным от обязательств, запрещавших ему создание военной авиации. 16 марта Гитлер опубликовал декрет о введении всеобщей воинской повинности. И то и другое было нарушением сепаратного мирного договора США с Германией 1921 г., предусматривающего разоружение последней. Вашингтон ограничился невнятным заявлением Хелла на пресс-конференции 23 марта в связи с “обеспокоенностью” тенденциями несоблюдения обязательств, принятых на себя по договорам. Разъяснение возникшей ситуации Додд получил в послании к нему президента от 16 апреля 1935 г., составленном в не свойственном президенту фаталистическом стиле. Рузвельт вложил его в одну единственную фразу: “Как я уже говорил Вам, я чувствую себя в настоящее время абсолютно неспособным быть полезным в деле укрепления мира ни сейчас, ни в будущем”⁴⁷.

Удивительные неотзывчивость и показная незаинтересованность, продемонстрированные американской дипломатией в эти драматические дни весны 1935 г., объясняются многими причинами, и внешними, и внутренними. Идя навстречу изоляционистам в конгрессе, Рузвельт, в частности, рассчитывал таким путем обеспечить лучшие условия для прохождения в скором будущем правительственных программ военного (особенно военно-морского) строительства. И в то же время имело смысл не тревожить народ мыслями о войне и военных приготовлениях: в 1936 г. предстояли президентские выборы, которые Рузвельт рассматривал как своеобразный опрос относительно доверия “новому курсу”. Алармизм как-то не вязался с общим оптимистическим настроем в стране и приподнятым тоном всех обращений Рузвельта к народу. Важную роль играли также военно-стратегические и геополитические соображения, высказываемые некоторыми советниками из “ближайшего круга”. Так появилась идея о естественноисторическом объединении Европы при обязательном участии Германии, волей-неволей осуществляющей полезную работу для Запада путем оттеснения, сдерживания и удушения большевизма.

Не догадываясь об этом, Додд сам, того не сознавая, приводил многочисленные доводы в пользу тактики выжидания, сообщая о планах гитлеровской верхушки и командования “нового рейхсвера” начать перекройку карты Европы с нападения на Советский Союз и “ликвидации большевизма” в кратчайший срок⁴⁸. 27 июня 1935 г. он писал, например, заместителю государственного секретаря Р.У. Муру, что в доверительной беседе с гитлеровскими высокопоставленными чиновниками им получена следующая информация: Германия в союзе с Польшей готовится к захвату прибалтийских государств и

западных территорий Советского Союза, концентрируя главные силы именно на этом направлении; она пытается вовлечь Японию в войну против Советского Союза на Востоке, отказываясь от выдвижения колониальных притязаний в качестве первоочередной задачи⁴⁹. Хотел этого Додд или нет, но такие сведения только укрепляли госдепартамент в убеждении, что самым целесообразным для США было бы дождаться начала войны в Европе (если этому суждено быть), а затем уже принимать решения.

Додд считал, что идею удара в восточном направлении питало предположение верхушки “третьего рейха” о военной немощи Советского Союза. Именно поэтому, писал он в марте 1935 г. в Вашингтон, Гитлер отклонил предложение Парижа и Лондона о заключении Восточного пакта о ненападении (Восточный Локарно). Вся пропаганда Гитлера в пользу создания мощных вооруженных сил, в частности большого военно-воздушного флота, сообщал посол в своих донесениях, строится вокруг тезиса о потенциальной “угрозе с Востока”. Не подозревая, что эти сообщения успокаивающе действуют на высших чиновников внешнеполитического ведомства США, в сознании которых возобладал синдром “протосдерживания” коммунизма⁵⁰, Додд настаивал на придании европейской политике США антигерманского острия. В ответ он слышал неизменное: европейцы должны быть предоставлены самим себе. 22 апреля 1935 г. Р.У. Мур писал Додду в Берлин о сложившемся в столице США “общем мнении”: ничего не делать и ничего не говорить, что могло бы “втянуть нас в неприятности в случае возникновения вооруженного конфликта, который, по-видимому, неминуемо произойдет в ближайшем будущем”⁵¹. Заключение франко-советского пакта о взаимопомощи (2 мая 1935 г.), вызвавшего в Германии новый взрыв антисоветской и антифранцузской кампании, и одновременно подписание Англией и Германией морского соглашения (18 июня 1935 г.) еще больше укрепили ведущих внешнеполитических экспертов США в убеждении, что, скорее всего, Европу в ближайшем будущем ждет конфликт двух диктаторов. Мнение заместителя государственного секретаря А. Бёрла и посла в Париже У. Буллита наталкивало именно на такой вывод.

Поспешность, проявляемая изоляционистами в конгрессе при определенной поддержке правительства в ускорении разработки законодательства о нейтралитете, а также повышенная заинтересованность госдепартамента с конца 1934 г. в обозначении более твердого тона в отношении Москвы, должны быть поставлены в прямую связь с теми выводами, которые делались в Вашингтоне из предположений об очередном ходе Гитлера и его японских союзников. Мур (личный друг У. Буллита) писал Додду в январе 1936 г.: “Впечатление, которое складывается у сенатора Питтмэна (председатель сенатской комиссии по иностранным делам. — В.М.), вернувшегося недавно из поездки по странам Дальнего Востока, и У. Буллита сво-

дится к тому, что Россия почти наверняка будет втянута в войну, хотя Япония не совершит на нее нападения до тех пор, пока Германия не будет полностью готова к такому нападению”⁵². Мур, очевидно, хотел успокоить Додда и сделал это в духе разрабатываемых в кабинетах госдепартамента сценариев налаживания франко-англо-германского сотрудничества в качестве условия предотвращения войны и устранения угрозы новой волны большевизма.

Разумеется, не все в Вашингтоне думали так же, хотя прогерманское лобби в дни, последовавшие за заключением франко-советского пакта и советско-чехословацкого договора (16 мая 1935 г.), приобрело немало новых сторонников. Джозефус Дэниелс, пользовавшийся большим влиянием в окружении президента (его Рузвельт считал своим наставником со времен В. Вильсона), писал Додду о “безрассудных идеях” тех, кто надеялся в неделимом и взаимозависимом мире отсидеться за океаном и даже обогатиться за счет военных катастроф на евразийском пространстве. А накануне рождества Додд получил послание и от самого президента, в котором тот осуждающе отозвался о “группе”, контролирующей судьбу германского народа, и о ее одержимости идеей вооружения Германии “на суше и на море”. Рузвельт попытался защитить Закон о нейтралитете (уже подписанный им), но сделал это с рядом оговорок. Одна из них касалась его планов на будущее. “Пока, – писал Рузвельт, – страна проходит процесс серьезного обучения; я надеюсь, что в следующем январе смогу добиться принятия еще более сильного закона, предоставляющего президенту некоторые дополнительные полномочия”⁵³. Рузвельт явно строил свои планы, исходя из перемен в настроениях американцев и их отказа от иллюзий в отношении налаживания европейского консенсуса без СССР.

Желая не упустить шанс, Додд посчитал подходящим изложить еще раз свои взгляды на возникшую в Европе взрывоопасную ситуацию, впервые напрямую сделав ударение на возможностях, которые открываются в результате сближения и сотрудничества с Советским Союзом. «Мне кажется, – писал он Рузвельту 15 декабря 1935 г., – что сейчас демократические народы все сильнее осознают необходимость избегать ухудшения отношений с Россией”. Это было смелым, даже очень смелым шагом после угроз госдепартамента в августовской ноте в адрес Москвы в связи с имевшими место, как в ней говорилось, нарушениями СССР принятых на себя обязательств о свертывании “коммунистической пропаганды” в США. С того времени во многих донесениях Додда, посылаемых в Вашингтон, этот мотив стал доминировать. Но отклик неизменно оставался негативным, а госдепартамент поставил перед президентом вопрос об отзыве и отставке Додда. “Он мне нужен в Берлине”, – отрезал Рузвельт⁵⁴.

Додду старались внушить, что складываются предпосылки для всеобщего “урегулирования” в Европе на базе “мирных инициатив” Гитлера, следовавших за вступлением германских войск в ремили-

таризованную по Версальскому договору Рейнскую область (7 марта 1936 г.) и встречных шагов Парижа и Лондона. Высокопоставленные чиновники госдепартамента, сидя в Вашингтоне, убеждали посла, что шансы на мир возросли и что Гитлер близок к вступлению в клуб пацифистов, стоит только Франции и Англии быть поговорчивее и осознать наконец, что требования Германии не чрезмерны. Вновь была извлечена на свет идея “мирной конференции”, кощунственная сама по себе, как считал Додд, поскольку речь шла заведомо о компромиссе с агрессором за счет суверенитета малых стран. Столкнувшись с проявлением циничной расчетливости в политике, Додд писал в отчаянии 1 апреля 1936 г. Рузвельту: “Может быть, Вы сможете что-нибудь сделать...”⁵⁵.

Однако президент не внял этому призыву, он был не намерен подвергать дополнительному риску внутриполитические приоритеты путем погружения в опасные дебаты по вопросам внешнеполитических инициатив, фактически обреченных на провал. “Прежде всего то, что важнее всего”, – этим сформулированным им самим фундаментальным принципом Рузвельт руководствовался сполна, проникшись всецело убеждением, что ход мировой истории, поставив принципиальный вопрос о выживании либеральной демократии в условиях наступления тоталитаризма, возложил именно на его правительство реформ достижение результатов, способных стать спасительным примером для других народов. В этом он видел смысл своей деятельности в случае переизбрания его на второй срок, о чем заявил в июне 1936 г. на съезде демократической партии. Еще в более категоричных формулировках он говорил о том же во время поездки по странам Латинской Америки в конце этого года, уже после победы на выборах. По одну сторону рубежа – обновленная демократия по американскому образцу, по другую – фашизм или коммунизм. Продолжение и углубление реформ в США – главное условие победы в этой смертельной схватке. Попытки консервативной оппозиции (в лице Верховного суда США) остановить и повернуть реформы вспять виделись Рузвельтом только в этом историческом контексте и ни в каком ином. Неудивительно, что усилия Додда и других решительно настроенных антиизоляционистов, направленные на переключение внимания президента на европейские дела, рассматривались им как непреднамеренные заблуждения той же категории опасности. Политически сохраняя общность взглядов, президент и посол разошлись в понимании глобальных целей американской политики. Додд остался на позиции либерального интернационализма В. Вильсона в его узком, главным образом в морально-этическом понимании, Рузвельт следовал канонам позднего вильсонизма с его линией на модернизацию американской системы как средства спасения самой идеи либеральной демократии и последующего ее распространения в качестве универсальной общественной модели.

Из Овального кабинета Белого дома и резиденции американского посла в Берлине мир выглядел по-разному. Несовпадающими оказались и взгляды в отношении набравшего темпы европейского кризиса. Мятеж генерала Франко летом 1936 г. против законного правительства республиканской Испании обнажил суть этого несовпадения. Народу Испании было отказано в помощи, мятежники и интервенты получили полную свободу рук. Додд высказался по этому поводу совершенно определенно, не обходя острых углов и не щадя самолюбия Рузвельта, хотя понимал, что сказанное им будет услышано президентом. Он писал своему единомышленнику, министру внутренних дел Гарольду Икесу в послании от 21 августа 1936 г.: “Любой, кто находился в Европе более или менее продолжительное время, признает факт огромного экономического и политического влияния Соединенных Штатов. Если мы положим наше могущество на чашу весов, то некоторые люди здесь, в Европе, рассматривающие войну в качестве средства завоевания новых территорий, будут более осторожными и, может быть, даже станут сторонниками мира... Я хочу сказать только одно: даже сейчас присоединение Соединенных Штатов к демократическим государствам Европы могло бы положить конец кровопролитию в Испании и дать возможность испанскому народу самому решать свои внутренние дела... Совместная мощь Соединенных Штатов, Англии и Франции, особенно если принять во внимание их мощные военно-воздушные силы, бесспорно могла бы предотвратить интервенцию и, возможно, установление диктаторского режима в Испании”⁵⁶.

Все до предела ясно: Гражданская война в Испании вынесла приговор политике умиротворения. То, что прежде виделось Додду ошибкой или промахом дипломатии Запада, теперь окончательно изменило свои очертания, представ в реальном и достаточно циничном виде. Вильсоновский либерал по заложенной в него культуре мышления и типичный ньюдиллер по политическим убеждениям, Додд, оказавшись лицом к лицу с европейскими реалиями, в рамках которых так четко обозначалась линия водораздела между силами крайней реакции, фашизмом и устремлением масс к новым ценностям, сумел если не понять, то почувствовать глубинные мотивы, которыми вдохновлялись архитекторы и непосредственные исполнители политики “умиротворения”. Делясь своим открытием с Муром, он писал 31 августа 1936 г., что рост фашистской опасности в Европе объясняется не только внешнеполитической экспансией “третьего рейха”, но и тайными усилиями правой реакции во всех странах использовать ее в целях разгрома левых движений. Оценивая роль дипломатии США в европейских делах, он резюмировал: “В заключение я должен сказать, что представители нашей дипломатической службы проявили свои профашистские симпатии в отношении перспективы установления германо-итальянского контроля над Испа-

нией, а также оппозицию к собственному президенту. Я этим не хочу сказать, что они должны заявить о своем сочувствии коммунизму, но фактом остается их явная поддержка за последние шесть месяцев интересов привилегированного класса капиталистов”⁵⁷. Формально послание Додда содержало довольно точную оценку дипломатической тактики госдепартамента в испанских событиях, но Додд явно не улавливал существенных нюансов в общем подходе правительства США к переплетенным в тугую узел межгосударственным, социально-классовым и идеологическим конфликтам в Европе 30-х годов и их отражением на внутривнутриполитических процессах в США. Отказ от поддержки республиканского правительства Испании Рузвельтом во многом был связан с позицией католической церкви США, обусловившей свой благожелательный нейтралитет к администрации “нового курса” неподдержкой ею правительства Народного фронта в Испании.

Была своя ирония в том, что в тот же день (31 августа) заместитель госсекретаря Мур направил Додду в Берлин личное письмо, в котором в вежливой, но категорической форме отверг все предложения посла о помощи республиканской Испании в любом виде. “Для нас, – писал Мур, – не существует ничего другого, кроме эвакуации американцев (граждан США. – В.М.) из Испании...” Выведенный же из себя государственный секретарь США К. Хэлл фактически ничего (если не считать двух-трех формальных слов) не ответил на длинное письмо Додда от 19 сентября 1936 г., в котором тот настаивал на активизации американской дипломатии с целью предотвращения агрессии фашистских держав и убеждал видеть мир таким, каков он есть, – взаимозависимым, не позволяющим ни одной стране чувствовать себя в безопасности в условиях накопления оружия массового поражения – авиационного, химического, бактериологического и другого⁵⁸.

Ряд событий конца 1936 г. как будто бы давал повод думать, что призыв сделать европейскую политику США активной и подлинно миротворческой мог быть услышан президентом. Переизбрание на второй срок в ноябре 1936 г. делало Рузвельта менее зависимым от критики и пропаганды влиятельных кругов изоляционистов и других групп, требовавших крутой смены курса во внешней политике. Оформление “оси” Берлин–Рим, аннексия Италией Абиссинии (октябрь 1935 г. – 1936 г.) ослабили влияние изоляционистской пропаганды внутри страны. Визит Рузвельта в страны Латинской Америки и его выступления в защиту идеи мирного сотрудничества имели серьезный резонанс в Европе. В конце концов заканчивался срок “передышки” отмеренный самим президентом. Неудивительно, что порой Додд начинал слышать то, что ему хотелось бы слышать. В идее “международной конференции мира”, выдвинутой Рузвельтом⁵⁹, он усмотрел очевидный признак перемен. Письмо, отправленное им президенту 7 декабря 1936 г., буквально пропитано духом на-

дежды на утверждение нового подхода Вашингтона к вопросам войны и мира. “В условиях складывания фашистского фронта от Рима до Токио, — писал он, — попыток поставить латиноамериканские страны под контроль фашистских диктаторов, затруднений, которые создаются нашей торговле, мне кажется, что Ваше предложение о реальном сотрудничестве США, Англии, Франции и России является единственным средством, способным защитить мир. Одна мысль для меня самоочевидна — Европа и Азия неминуемо окажутся под пятой диктатуры, если демократические страны будут продолжать свою политику изоляции”⁶⁰. Но в отношении осуществимости официально сделанного в январе 1937 г. Рузвельтом предложения о созыве “конференции мира” у Додда было немало сомнений. А самое главное, считал он, ни Германия, ни Италия, твердо следующие захватническим курсом и использующие метод запугивания соседей, не хотят такой конференции и не будут уважать ее решения⁶¹. Посол, прослывший в вашингтонских политических кругах неисправимым идеалистом, предостерегал президента-реалиста от любых иллюзий в отношении “миролюбивого” потенциала агрессивных фашистских держав и их готовности участвовать в мирном процессе. Додд опасался как решений самой конференции, написанных под диктовку Гитлера, так и ее провала, чреватого самыми тяжелыми последствиями.

Проведенные Доддом по поручению Вашингтона предварительные консультации с руководителями гитлеровского внешнеполитического ведомства лишний раз показали, что головы заправил “третьего рейха” были заняты не частичными территориальными изменениями и “справедливым” переделом колоний, а идеями порабощения целых регионов и континентов. Мысль Додда была очень проста: попытка договориться с Гитлером и Муссолини за счет народов, намеченных на заклание агрессором, неминуемо приведет к обратному результату, т.е. подтолкнет их к расширению ареала экспансии и к провокациям, направленным на подрыв любых коллективных усилий в поисках мира. Его общий прогноз политического развития Европы и этапов сползания ее к общеевропейскому кризису и войне был точен и неллицеприятен. Политика “умиротворения” Гитлера зашла в тупик. В письмах К. Хэллу от 21 и 24 июня 1937 г. и Э. Фипсу от 1 июня 1937 г. Додд нарисовал сценарий того, как будут развиваться события в связи с занятой Англией и Францией позицией попустительства агрессорам и “невмешательством” Соединенных Штатов. Вслед за поражением республиканцев в Испании, писал он, наступит черед Австрии, которой неоткуда ждать помощи, поскольку после отставки Л. Блума с поста премьера Франции французское правительство пойдет на сближение с Германией. Следующей жертвой станет Чехословакия. “Будет именно так, если только Россия не вступит на территорию Польши и Румынии (с целью оказать помощь Чехословакии. — В.М.)... Я уверен, что Франция останется в

стороне... Гитлер на это рассчитывает, и, если все будет так, как он предполагает, Германия оккупирует Австрию, Чехословакию, Венгрию, а позднее Болгарию и Румынию. Могу Вам сообщить, что все, с кем я здесь беседовал, – фон Нейрат, Дикгофф и даже покойный фон Бюлов говорили о правах Германии на этот район”.

Погрешности в прогнозе развития событий были минимальными. Источники же, из которых Додд черпал свои сведения, – абсолютно достоверными. В письме Хэллу от 24 июня 1937 г. Додд стенографически изложил свою беседу с английским послом в Берлине Невиллом Гендерсоном, который поделился с ним соображениями относительно способов стабилизации положения в Европе. Суть их сводилась к тому, что Англия и США должны предоставить Германии делать все что угодно в отношении Австрии и Чехословакии, Испания должна быть отдана Франко, а Франция предоставлена сама себе. Додд уже не сомневался, что эта идея тройственного соглашения Англии, США и Германии с предоставлением последней права на аннексию “дунайско-балканской зоны” прорабатывается в Лондоне, с тем чтобы быть предложенной для сведения другим “заинтересованным сторонам”⁶².

Чем руководствовался Додд, ставя в известность Вашингтон об этих планах и маневрах? Скорее всего, он последний раз попытался воздействовать на Белый дом и заставить его задуматься над тем, куда с неумолимой логикой ведет политика “умиротворения”. Додд принял решение об уходе в отставку – в принципе с ним согласились. Но не в его характере было уходить, не высказав все, что он думает. Его вселившая надежду последняя встреча с президентом произошла 11 августа 1937 г. Рузвельт казался очень “встревоженным в связи с угрозой войны” и просил Додда выступить с лекциями перед американцами, рассказав им “правду о том, что происходит”. 26 августа Додд направил Рузвельту специальное письмо, в котором подробно изложил свою концепцию отражения агрессии фашистских держав как в Европе, так и на Дальнем Востоке. В ней было два центральных пункта: США должны признать необходимость отказа от политики “невмешательства” и создания системы коллективной защиты от агрессии с обязательным участием Советского Союза. Однако Рузвельт и на этот раз не согласился с выводами посла. Его ответом была “карантинная речь” 5 октября 1937 г. Все, что сделано, сказал он Г. Икесу, нельзя было не сделать⁶³.

Напряженный диалог между президентом и послом завершился “мягким” отстранением Додда от Белого дома, лишением его прав на доверительные контакты с главным лицом в стране. Сделано это было не без вмешательства другого видного американского дипломата и весьма заметной фигуры в окружении президента – У. Буллита, пришедшего к выводу, что Додд, сидя в Берлине, серьезно затрудняет использование последних (пускай незначительных) шансов “придушить” Гитлера мирными переговорами, пересмотром ненави-

стного Германии Версальского договора (Буллит и сам считал его роковой ошибкой Америки) и выработкой новых, компромиссных решений. Буллит был одержим идеей втягивания Германии в процесс объединения Европы путем предоставления ей “контроля над Австрией и Чехословакией”. У этого плана, считал он, несмотря на его негативные стороны, имелись положительные моменты, о чем посол США во Франции поведал в послании президенту от 23 ноября 1937 г. с предельной откровенностью: “Русские теперь, по-видимому, отступили за свои болота и даже Франция начинает признавать тот факт, что восточной границей Европы являются не Уральские горы, а гряда болот, которая начинается в Финляндии, проходит через Польшу и идет дальше к Румынии... Единственным способом использования в конструктивном, а не в деструктивном духе германской силы (которую я считаю неустранимой) было бы... сделать эти уступки Германии (речь шла об Австрии и Чехословакии. — В.М.) частью общего плана объединения Европы”. Мысль, витавшая в кабинетах госдепартамента пару последних лет, была высказана здесь с абсолютной определенностью.

Идея окружения большевистской России рвом по всему периметру ее западных границ и включения Германии в объединенную Европу ценой “сдачи” Австрии и Чехословакии не могла понравиться Додду, но Рузвельт обнаружил в ней отголоски собственных размышлений о “мире во что бы то ни стало” как главном условии возвращения американского процветания и сдерживания тоталитаризма. Европейская война, писал Буллит Рузвельту из Парижа в очередном трактате, посвященном европейской безопасности, “может закончиться воцарением большевизма с одного конца континента до другого”⁶⁴. Рузвельт принимал эти взгляды не безоговорочно, но многие его шаги с начала 1933 г. были подготовлены именно таким пониманием катастрофичности большой войны с участием западных демократий для капитализма как системы.

Конец 1938 г., в хронике международных событий, отмеченный дикими нацистскими оргиями в отношении евреев на территории “третьего рейха”, не вызвал у Рузвельта стремления облегчить условия оказания гостеприимства для евреев-беженцев из Европы, несмотря на выраженное им в устной форме возмущение еврейскими погромами. Впоследствии историки Холокоста связали это нежелание президента в полную силу вмешаться в события недопониманием нацистской угрозы. Но дипломатические расчеты, пожалуй, сыграли во всем этом не меньшую роль. Большая ссора с Гитлером не входила в планы Белого дома, конгресса, да и части американской общественности.

В целом в дипломатическом маневрировании Франклина Рузвельта в кризисные 30-е годы было больше логики, чем это представляется многим его биографам, замороженным “экспериментальным” образом мышления и стилем поведения президента. В этой

“нелинейной” логике сочетались факторы внутренней и внешней политики, абсолютно неоднозначные, постоянно меняющиеся местами, вынуждающие президента подчас заниматься тактическим маневрированием при постоянстве в определении главной цели, которой он следовал, оказавшись на посту президента США.

Как нельзя лучше этот способ мышления охарактеризовал сам Рузвельт в откровенной беседе с дипломатами в мае 1942 г. Он говорил: “Вы должны знать, что я жонглер, я никогда не позволяю моей правой руке знать, что делает моя левая рука... могу иметь одну политику для Европы и диаметрально противоположную ей для Северной и Южной Америки. Я могу быть полностью непоследовательным и, более того, я охотно ввожу в заблуждение людей или честно говорю неправду, если это может содействовать победе в войне”⁶⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Harper J.L.* American Visions of Europe: Franklin D. Roosevelt, George G. Kennan and Dean G. Acheson. Cambridge (Mass.), 1994. P. 12.

² The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 1–13. S.I. Rosenman, comp. N.Y., 1938–1950. Vol. 2. P. 11–16. Л. Гарднер убедительно показал, что умялять экономический “арсенал” дипломатии “нового курса” значит идти по-ложному пути (см.: *Gardner L.C.* Economic Aspects of New Deal Diplomacy. Madison, 1964).

³ *Schlesinger A.M., Jr.* The Coming of the New Deal. L., 1960. P. 511, 522.

⁴ См. История США: В 4 т. / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 1983–1987. Т. 3. С. 297, 298.

⁵ См.: Там же. С. 307.

⁶ *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945. N.Y., 1979. P. 148. Такой видный исследователь, как Роберт Девин, безоговорочно причислил Рузвельта к числу убежденных “изоляционистов”. По его мнению, “карантинная речь” не внесла ничего нового в подход Рузвельта к проблеме разрешения международных кризисов (*Devine R.A.* Roosevelt and World War II. Baltimore, 1969. Ch. I). обстоятельный анализ новейшей историографии внешней политики Франклина Рузвельта содержится в двух неодинаковых в своих оценочных суждениях, но вне всякого сомнения ценных в научном отношении статьях канадского историка Б. Маккершера и профессора А. Оффера (см.: *McKercher B.* Reaching for the Brass Ring: The Recent Historiography of Interwar American Foreign Relations; *Offner A.A.* Misperception and Reality: Roosevelt, Hitler and the Search for a New Order in Europe // *Diplomatic History*. Fall 1991. Vol. 15. N 4. P. 565–598; 607–619).

⁷ New York Public Library. N. Thomas Papers. F.D. Roosevelt to Thomas, Dec. 25, 1937.

⁸ См.: *Егорова Н.И.* Изоляционизм 30-х годов // Американский ежегодник, 1984. М., 1984. С. 120; *Cole W.* Roosevelt and the Isolationists, 1932–1945. Lincoln, 1983.

⁹ *Nawyn W.* American Protestantism’s Response to Germany’s Jews and Refugees, 1933–1941. Ann Arbor, 1981; *Guinsburg Th.N.* The Pursuit of Isolationism in the United States Senate from Versailles to Pearl Harbor. N.Y., 1982; *Kanawada L.K., Jr.* Franklin D. Roosevelt Diplomacy and American Catholics, Italians and Jews. Ann Arbor, 1982.

¹⁰ Miller A.D. Search for Security: Saudi Arabian Oil and American Foreign Policy, 1939–1949. Chapel Hill, 1980; Anderson I.H. Aramco, the United States, and Saudi Arabia: A Study of the Dynamics of Foreign Oil Policy, 1933–1950. Princeton, 1981. В тех случаях, когда, оставаясь верным правде факта, историк вторгается в эту “заповедную зону”, он неизбежно приходит к выводам, прямо противоположным тем, которые выдаются за бесспорные истины. Так, в книге, посвященной экономической экспансии США в Латинской Америке накануне и в годы Второй мировой войны, Майкл Гроу убедительно показал теневые стороны политики “доброго соседа”, назвав ее орудием “либерального империализма” (Grow M. The Good Neighbour Policy and Authoritarianism in Paraguay: United States Economic Expansion and Great Powers Rivalry in Latin America during World War II. Lawrence, 1981).

¹¹ Jacobs T.B. America and the Winter War, 1939–1940. N.Y., 1981; Reynolds D. The Creation of the Anglo-American Alliance, 1937–1941: A Study in Competitive Cooperation. Chapel Hill, 1982.

¹² Gaddis J.L. Strategies of Containment. A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. N.Y.; Oxford, 1982. P. 6; *Idem*. The United States and the Origins of the Cold War, 1941–1947. N.Y.; 1972; *Idem*. We Now Know. Rethinking Cold War History. N.Y., 1997. P. 21.

¹³ The Past before US. Contemporary Historical Writing in the United States / Ed. by Michael Kammen. Ithaca; L., 1980. P. 370.

¹⁴ Kinsella W.E., Jr. Leadership in Isolation: FDR and the Origins of the Second World War. Cambridge, 1978; В том же ключе написана книга: Herzstein R.E. Roosevelt and Hitler: Prelude to War. N.Y., 1989.

¹⁵ Journal of American History. 1979. Vol. 66. Dec. N 3. P. 703.

¹⁶ Ibid. 1981. Vol. 67. Mar. N 4. P. 954, 955.

¹⁷ MacDonald C.A. The United States, Britain and Appeasement, 1936–1939. N.Y., 1981.

¹⁸ См. подробнее: Поздеева Л.В. Предвоенный политический кризис в Европе и позиция США // Причины возникновения Второй мировой войны. М., 1982. С. 206–220.

¹⁹ Ценные соображения об историографии вопроса см.: Кунина А.Е. Методологические проблемы историографии. М., 1988; Наджафов Д.Г. Нейтралитет США. 1935–1945. М., 1990; Егорова Н.И. Указ. соч.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 171.

²¹ Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 69.

²² Offner A.A. American Appeasement. United States Foreign Policy and Germany. 1933–1938. N.Y., 1976. P. 277, 279, 280. Оффнер, между прочим, подводя итоги своему исследованию, писал, что если бы США, а также Англия и Франция отказались от эмбарго на продажу оружия республиканской Испании, то фашизм в этой стране не смог бы одержать победу, что, в свою очередь, резко ослабило бы позиции его покровителей в Германии и помешало бы совершить следующие акты агрессии.

²³ Offner A.A. FDR Remembered: Statesman of Peaceful Means // ОАН Newsletter. 1983. Vol. II. May. N 2. P. 23–25.

²⁴ LC. Norman H. Davis Papers. Box 51. F. Roosevelt to J.R. MacDonald, Aug. 30, 1933.

²⁵ Ibid.

²⁶ Dallek R. Democrat and Diplomat. The Life of William E. Dodd. N.Y., 1968. P. 195.

²⁷ LC. W.E. Dodd Papers. Box 42. W. Phillips to Dodd, Nov. 27, 1933.

²⁸ Ibid. Dodd to F.D. Roosevelt, Oct. 28, 1933.

²⁹ Ibid. F.D. Roosevelt to Dodd. Nov. 13, 1933.

³⁰ *Dodd W.E. Ambassador Dodd's Diary 1933–1939* / Ed. by W.E. Dodd, Jr., H. Dodd. N.Y., 1941. P. 63, 64.

³¹ Речь шла о поездке в США М.М. Литвинова – народного комиссара по иностранным делам СССР по приглашению Рузвельта в ноябре 1933 г., в ходе которой стороны согласились восстановить дипломатические отношения.

³² FRUS. 1933. Vol. I. P. 330–332.

³³ LC. W.E. Dodd Papers. Box 42. *Dodd to W. Phillips*, Dec. 14, 1933.

³⁴ *Dallek R. Democrat and Diplomat*. P. 218, 219.

³⁵ LC. W.E. Dodd Papers. Box 42. *R. Moore to Dodd*, Dec. 26, 1933.

³⁶ Ibid. Box 45. *W. Phillips to Dodd*, July 6, 1934.

³⁷ Ibid. *W. Phillips to Dodd*. Aug. 16, 1934.

³⁸ Ibid. *Dodd to F. D. Roosevelt*, Aug. 15, 1934.

³⁹ Ibid. *Dodd to D. Roper*, Aug. 14, 1934. Тогда же, в августе 1934 г., Додд писал генералу Дугласу Макартуру: “Я считаю, что германское правительство ведет подготовку к большой войне на континенте. Тому масса доказательств. Это вопрос времени” (Ibid. Box 44. *Dodd to D. MacArthur*, Aug. 27, 1934).

⁴⁰ *Мельников Ю.М. США и гитлеровская Германия, 1933–1939*. М., 1959. С. 83.

⁴¹ LC. W.E. Dodd Papers. Box 44. *Dodd to C. Hull*, Aug. 30, 1934.

⁴² *Harper J.L. American Visions of Europe*. P. 52.

⁴³ LC. W.E. Dodd Papers, Box 44. *F.D. Roosevelt to Dodd*, Aug. 25, 1934.

⁴⁴ Ibid. *Dodd to C. Hull*, Sept. 19, 1934.

⁴⁵ Ibid. *Dodd to E.M. House*. Oct. 19, 1934.

⁴⁶ Ibid. Box 47. *F.D. Roosevelt to Dodd*, Febr. 2, 1935.

⁴⁷ FDR: *His Personal Letters*. Vol. I. P. 475.

⁴⁸ LC. W.E. Dodd Papers. Box 47. *Dodd to R.W. Moore*, Mar. 21, 1935.

⁴⁹ Ibid. *Dodd to R.W. Moore*, June 27, 1935.

⁵⁰ См.: *Harper J.L. Op. cit.* P. 50.

⁵¹ Ibid. *Dodd to R.W. Moore*. Mar. 21, 1935; Box 49. *Dodd to R.W. Moore*. Jan. 2, 1936; Box 47. *R.W. Moore to Dodd*, Apr. 22, 1935.

⁵² Ibid. Box 49. *R.W. Moore to Dodd*, Jan. 13, 1936.

⁵³ Ibid. Box 35. *J. Daniels to Dodd*, Sept. 19, 1935; Box 47. *F.D. Roosevelt to Dodd*, Dec. 2, 1935.

⁵⁴ Ibid. *Dodd to F.D. Roosevelt*, Dec. 15, 1935; *Dallek R. Democrat and Diplomat*. P. 274, 275.

⁵⁵ LC. W.E. Dodd Papers. Box. 49. *R.W. Moore to Dodd*, Apr. 1, 1936; *B. Long to Dodd*, Apr. 1936; *Dodd to F.D. Roosevelt*, Apr. 1, 1936.

⁵⁶ Ibid. *Dodd to H. Ickes*, Aug. 21, 1936.

⁵⁷ Ibid. *Dodd to R.W. Moore*, Aug. 31, 1936.

⁵⁸ Ibid. *R.W. Moore to Dodd*, Aug. 31, 1936; *Dodd to C. Hull*, Sept. 19, 1936; *C. Hull to Dodd*, Oct. 2, 1936.

⁵⁹ См. подробнее: *Мельников Ю.М. Указ. соч.* С. 163–169.

⁶⁰ LC. E. Dodd Papers. Box 49. *Dodd to F.D. Roosevelt*, Dec. 7, 1936.

⁶¹ Ibid. Box 51. *Dodd to F.D. Roosevelt*, Feb. 27, 1937.

⁶² Ibid. *Dodd to C. Hull*. June 21, 24. 1937; *Dodd to E. Phipps*, July 1, 1937.

⁶³ *Dallek R. Democrat and Diplomat*. P. 310, 311.

⁶⁴ *For the President. Personal and Secret. Correspondence Between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullitt* / Ed. by O.H. Bullitt. Boston, 1972. P. 235–237, 262, 263.

⁶⁵ *Kimball W.F. The Juggler. Franklin Roosevelt as Wartime Statesman*. Princeton (N.J.), 1991. P. 7.

СОВЕТСКИЙ ФАКТОР

ГЕОГРАФИЯ И ГЕОПОЛИТИКА

На финише четвертой избирательной кампании 21 октября 1944 г. Франклин Рузвельт произнес важную речь перед членами Ассоциации внешней политики в Нью-Йорке. Коснувшись вопроса советско-американских отношений, Рузвельт заявил, что решение о признании Советского Союза он относит к самым большим достижениям внешнеполитической деятельности возглавляемой им администрации. Это “нечто такое, чем я горжусь”, сказал он, хотя хорошо знал, что эти слова могут прийти не по нутру многим из присутствующих, в том числе тем, кто принадлежал к его партии. Затем президент высказал личную версию того, чем было вызвано такое решение: “В 1933 г. одна дама, сидящая за этим столом, напротив меня (Рузвельт говорил о своей супруге. – *В.М.*), вернулась из поездки по стране, во время которой она посетила одну из местных школ. Заглянув в класс истории и географии, где занимались дети восьми, девяти и десяти лет, она увидела политическую карту мира с большущим белым пятном посередине. Одно белое пятно и ничего более. Отвечая на ее вопрос, учитель объяснил, что школьный совет не разрешает ему ничего говорить об этом большом белом пятне, и все потому, что под ним подразумевалась Советская Россия, на территории которой живет 100 или даже 200 млн человек... В течение 16 лет до происшествия, о котором идет речь, американский и русский народы не имели никаких практических каналов для общения друг с другом. Мы восстановили эти каналы...”¹.

Своим замечанием (хотел он того или нет) Рузвельт признал не только абсурдность сложившейся к 1933 г. главным образом по моральным и идеологическим соображениям ситуации, но и бесплодность расчетов его предшественников в Белом доме достичь с помощью непризнания, блокады и белых пятен на картах далеко идущих целей, а именно: добиться ниспровержения большевизма или принуждения к демократии народа, поддавшегося на его соблазны. Одновременно это означало, что был признан утратившим силу принцип “новой дипломатии” Вильсона, устанавливавший некий моральный кодекс ведения дел с другими государствами и отменявший традицию дипломатического признания *de facto* пришедших к власти правительств.

Президент, скорее всего, умышленно сместил акценты, выдавая свое обращение к председателю ЦИК СССР М.И. Калинину от 10 октября 1933 г. (в нем он приглашал направить в США представителей Советского Союза для обсуждения вопросов, связанных с восстановлением нормальных отношений между странами) за спонтанный акт, за некое озарение, возникшее по прихоти случая. Эта версия никак не вяжется с выработанным Рузвельтом правилом взвешивать все “за” и “против” в процессе принятия важных внешнеполитических решений, со свойственными ему осмотрительностью и осторожностью. И еще одно: Рузвельт обладал превосходной памятью, но для того, чтобы рассказанный им эпизод обрел для него самого значение некоего символа, нужно было нечто большее, чем легкое потрясение от соприкосновения с косностью попечителей провинциальной школы. В самом деле, за смешной и одновременно нелепой попыткой обмануть детей скрывался глубокий и длительный конфликт в общественной жизни США на самых разных ее уровнях. Его подоснова – глубоко укоренившееся за 16 лет несовпадение взглядов, в подходах к советско-американским отношениям, в оценке их перспектив различными общественно-политическими слоями, группами, отдельными представителями бизнеса, интеллигенцией и т.д. По времени зарождение этого конфликта следует отнести к знаменитым “десяти дням, которые потрясли мир” осенью 1917 г.

Линия размежевания разделила тех, кто идеологически был на стороне большевиков (каковых в Америке оказалось немало) или просто стремился докопаться до истины и трезво судить о новой исторической ситуации, возникшей с появлением русского варианта социокультурной утопии, земного рая, и тех, кто безоговорочно поддерживал антисоветский курс в “русском вопросе”, едва только известия о революции в Петрограде достигли американского берега. В столкновении этих двух тенденций отражался внутренний разлад, пронизывающий американское общество с момента вступления его в эпоху индустриализма, когда стремление крупного бизнеса к экспансии соединилось с интервенционистским синдромом в отношении народов и стран, оказавших ей более или менее решительное противодействие. Практически с того самого момента, как только стало очевидным, что большевистская власть в России сумела утвердиться на значительной территории и заговорила о восстановлении державности, правительство США отказало ей в официальном признании, а 6 июля 1918 г. приняло решение об участии в интервенции против государственного образования, чья идеология с самого начала была отмечена культом мировой революции и великодержавными устремлениями.

Широкое распространение изоляционистских настроений в стране в 20-х годах, переключение внимания американцев на проблемы чисто внутренние, вспышка антирадикализма – все это лишило рус-

скую тему всякого спроса в американской “высокой” печати. Однако подспудно развивалась и другая тенденция – постепенное пробуждение интереса к “советскому эксперименту”, к нэпу, к плановому хозяйству. Уже в 1926 г. неофициальный представитель СССР в США Б.Е. Сквирский сообщал о заметной перемене в отношении к СССР². Изменения внутри советской системы и ее внешнеполитических приоритетов к концу 20-х годов оказали существенное влияние на этот процесс. На примере России, после того как она вновь вошла через полуоткрытую дверь в сообщество европейских держав, многие американцы не раз убеждались, что попытки американской дипломатии, опираясь на военную и экономическую мощь, навязать миру свою концепцию демократии и свой международный порядок, носят чаще всего непродуктивный характер. Вильсоновский “моральный империализм” и “политическое эмбарго” республиканцев на практике оборачивались потерей рынка сбыта и сырья, ущербом для бизнеса. Они вызывали недовольство, критику и даже возмущение. В политических кругах Соединенных Штатов существенную роль в пропаганде нового подхода к советско-американским отношениям играла влиятельная группа общественных деятелей во главе с сенатором У. Бора (председатель сенатской комиссии по иностранным делам) и Р. Робинсом (влиятельный член республиканской партии, предприниматель).

В подходе к “русскому вопросу” политические реалисты исходили из необходимости видеть явления и процессы в развитии, а не такими, какими они представлялись воображению человека, способного фиксировать лишь статические состояния, замороженного видением собственного благополучия и раз и навсегда сложившегося баланса сил в мире³. Доводы госдепартамента в пользу увековечения непризнания Советского Союза под предлогом отказа советского правительства от выплаты военных долгов и наказания его за “ведение подрывной пропаганды против правительства США” оппозиция официальному курсу признала полностью несостоятельными. Многие ее представители в своих выступлениях зывали к трезвому взгляду на меняющуюся обстановку на Дальнем Востоке, доказывая, что пропагандистские инвективы Москвы в отношении США есть всего лишь дань революционному романтизму, недолговечному и изменчивому, и что гораздо разумнее поддержать прагматистское крыло в советском истеблишменте с его естественной тягой к заимствованию западной (по большей части американской) технологии и западному образу мышления в вопросах организации экономики, науки, образования⁴.

По мере роста международного авторитета СССР в истинном свете проявлялась проблема вины и ответственности, на которой пыталось играть просоветское лобби. Появилось убеждение, что сам факт военного вмешательства Америки во внутренние дела России в годы революции и Гражданской войны, ущерб, нанесен-

ный интервенцией, не давали США морального права поднимать вопрос о нарушениях обязательств по долгам со стороны СССР. И наконец, главные преимущества признания СССР многие политики связывали с налаживанием американо-советского сотрудничества в интересах урегулирования наиболее жгучих проблем международных отношений. В Европе и особенно на Дальнем Востоке, где с каждым годом усиливалась напряженность, вызванная растущей воинственностью Японии и обострением американо-японского соперничества⁵.

Однако сдвинуть с места вопрос о признании СССР, пока у власти оставались республиканцы, было невозможно. Между тем времени оставалось все меньше. Накапливались все новые признаки превращения Тихоокеанского региона в зону военного конфликта всех против всех, все более шатким выглядело достигнутое посредством вашингтонских договоров начала 20-х годов равновесие. Но дипломатия Вашингтона следовала прежним курсом, так, как будто бы никто в столице США и не слышал о планах милитаристской верхушки Японии, нацеленных на захват Китая, установление господства в Азии и на Тихом океане.

Хорошо информированные американские политические деятели (Рузвельт принадлежал именно к ним) знали, что предпосылки для расширения контактов СССР и США по широкому кругу дальневосточных, и не только дальневосточных, проблем были налицо. Советские лидеры неоднократно выражали свою заинтересованность и готовность к поиску конструктивных решений. Об этом в своих интервью для американской печати говорил многократно В.И. Ленин⁶. Не единожды на этих вопросах останавливался Г.В. Чичерин⁷. Отсутствие дипломатических отношений помогало администрациям Гардинга, Кулиджа и Гувера с порога отвергать эти предложения. И так вплоть до начала японской агрессии против Китая (апрель 1931 г.) и образования на Дальнем Востоке очага новой мировой войны. Более того, накануне кризиса в Северо-Восточном Китае, 13 августа 1931 г., президент Гувер заявил, что целью его жизни является уничтожение “большевистских убийц”⁸. Сторонники признания могли расценить это заявление двояко: и как воинственный призыв не дать распространиться оттепели, наступившей было в связи с ростом с конца 20-х годов интереса к “русскому эксперименту” (в печати и в академических кругах), и как приглашение Японии нанести удар по советскому Приморью.

Мириться с таким положением означало бы плыть по течению прямо к водовороту, стремясь одновременно миновать его. Примерно так относились к непротивлению гуверовскому курсу те американцы, кто независимо от их побуждений трезво оценивал перспективы скроенного наспех дипломатического американо-японского партнерства на Дальнем Востоке. Рузвельт, никак, впрочем, не высказывая публично своих убеждений, разделял неидеологизирован-

ный подход реалистов. Время обязывало американцев пристально взглянуть в недавнее прошлое под углом зрения его “нового прочтения” и извлечения полезных уроков, которые в будущем могли бы очень пригодиться. Вот та идея, которая пронизывала все размышления Рузвельта по поводу представлявшегося ему уже летом 1932 г. совершенно неизбежным пересмотра основополагающих принципов политики в “русском вопросе”. Здравый смысл требовал от американцев самокритичного признания банкротства доктрины, делающей потенциального союзника сгустком всех зол и возводящей идеологию и резонерство в ранг краеугольного принципа внешнеполитической деятельности. Таким был вывод, который сделал Рузвельт в результате домашнего анализа отложенной в 1918 г. “шахматной партии”.

Из поля зрения губернатора штата Нью-Йорк не ускользнуло и то, что весьма широко распространенное еще в 20-х годах в образованных слоях его сограждан любопытство к “советскому эксперименту” переросло в годы кризиса в устойчивый интерес и неподдельное изумление. Хорошо известный в семье Рузвельтов редактор журнала “Нью рипаблик” Брюс Бливен, вернувшись из СССР, писал в 1931 г.: “Россия... это страна надежды. Именно это чувство охватывает вас, когда вы пересекаете ее границу”⁹. Знаменитый критик и публицист Эдмунд Вильсон отмечал: “Самое сильное впечатление, которое каждый получает в России, – это ощущение исключительного героизма... Вы чувствуете себя в Советском Союзе морально на вершине мира...”¹⁰. Большую роль в преодолении синдрома антисоветизма сыграл корреспондент “Нью-Йорк таймс” в Москве Уолтер Дюранти, в своих репортажах романтизировавший пятилетки и заставлявший говорить о них как о “чуде”. До печально знаменитых процессов 1936–1938 гг. было еще несколько лет, о системе же лагерей вообще мало кто знал.

Хотя движение за дипломатическое признание с каждым днем набирало силы, администрация Гувера была полна решимости не делать ему уступок. Пресса широко информировала публику о личной неприязни, даже враждебности президента к Советскому Союзу и его руководству. 3 марта 1933 г., за день до отставки администрации, заместитель госсекретаря Уильям Касл-мл. вновь подтвердил отказ США признать СССР, прибегнув при этом к традиционному доводу о преследовании религии в СССР, невыплаченных царских долгах, большевистском демпинге и “советской пропаганде”¹¹. Однако у противников этого курса появились к тому времени многочисленные союзники, чьи ряды пополнялись с каждым витком кризисной спирали¹². Идею признания поддерживали влиятельные круги политиков в руководстве обеих главных партий, представители крупного финансово-промышленного капитала, средств массовой информации и т.д. Ожидание краха Советов основательно приелось и уступило место соображениям по поводу возросшей геостратегической ро-

ли СССР в Тихоокеанском регионе в связи с угрозой со стороны Японии. Реальность же – укрепление экономических и политических основ нового строя – заставляла считаться с собой тех, кто еще недавно не допускал и мысли об этом. По некоторым данным, к весне 1933 г. только 1/3 американских газет была против нормализации советско-американских отношений¹³. Особо должна быть отмечена роль университетской общественности и таких ее представителей, как Джером Дэвис, Джон Коммонс, Джон Дьюи, Райнольд Нибур, Захария Чевфи, Роберт Ловетт, Феликс Франкфуртер, Сэмюэль Харпер и др. Все они входили в культурную элиту американского общества.

Симптоматичным был и поворот к этой проблеме лидеров демократов, победивших на выборах в ноябре 1932 г. В феврале 1933 г. профессор Дж. Дэвис писал сенатору Бора, что все ведавший полковник Э. Хауз в беседе с ним говорил о скором изменении в “нашей русской политике” и даже о возможном назначении его, Дэвиса, дипломатическим представителем США в Москве¹⁴. Ближайший в прошлом советник Вильсона Хауз знал, о чем велись (не для печати) разговоры в резиденции губернатора Нью-Йорка, где он был частым гостем. “Утечки из его уст значили многое. Публика к ним прислушивалась. С мая 1932 г. в узком кругу советников Рузвельта обсуждались все аспекты признания СССР – внутренние и международные. Рузвельт распорядился собрать обширную информацию о позиции различных слоев по этому вопросу. Секретные опросы и зондажи проводились многими его помощниками, их результаты подталкивали к решению, которое внутренне Рузвельт уже принял.

Неожиданно для непосвященных с большой речью в защиту признания СССР выступил бывший губернатор штата Нью-Йорк и кандидат на пост президента США от демократической партии в 1928 г. Альфред Смит. И сделал он это совершенно в духе стойкого сторонника признания сенатора-республиканца Бора: “Я не вижу причин, – заявил он, выступая в конце февраля 1933 г. перед членами сенатской комиссии по финансам, – по которым нам следует отказываться сделать это”. В экономическом плане, продолжал Смит, от политики непризнания США проигрывают больше, чем Россия, ибо другие страны, вступая с ней в торговые отношения, “с превеликой выгодой для себя пользуются нашей глупостью и близорукостью”. Выдвигаемый в качестве главного довод в пользу отказа от нормализации экономических связей между двумя странами несостоятелен и ложен от начала до конца. Смит пояснил: “Станным образом американскую публику заставили поверить, что русские из-за своего коммунистического правительства склонны умялять обязательный к исполнению характер заключенных контрактов. Это ошибочное представление проистекает частично оттого, что советское правительство, следуя практике большинства революционных правительств, отказалось признать ответственность за долги

ниспровергнутого режима". Американцев убедили, что русские – ненадежные партнеры, тогда как это совсем наоборот, заявил Смит. Твердость их слова проверена всей практикой внешнеторговых операций Советского Союза с другими странами.

Еще более разительным контрастом с планом экономического удушения советского государства и использования дипломатической блокады для ускорения его краха прозвучало то место выступления Смита, в котором он подвел плачевные итоги 16-летней политики, являющей собой воплощение опасного самообмана. Он сказал: "В сущности лишенная помощи, сталкиваясь с враждебностью и недоверием всех остальных стран, Россия доказала свою способность выжить при минимальном уровне взаимосвязей с капиталистическими странами. Экономический и политический бойкот, которому она подвергалась, оказался неэффективным..."¹⁵ "Джорнел оф коммерс", поместивший пространное изложение выступления А. Смита, опустил по понятным причинам ряд важных мест из его речи. Напротив, "Литерари дайджест" привел их полностью. Одно из них касалось болезненной проблемы долгов. В нем оратор дал понять, что считает ее искусственно раздутой, и, объясняя свою позицию, заметил: "Некоторые говорят, что он (Советский Союз. – В.М.) должен нам 100 млн долл. А между тем мы послали войска в Россию на весьма значительное время, не находясь в состоянии войны с нею, и нанесли ей определенный ущерб. Я полагаю в связи с этим, что мы могли бы сесть за стол переговоров и урегулировать этот вопрос очень легко"¹⁶. Смит был лидером консервативного крыла демократов, его любили и к нему прислушивались.

Из тактических соображений Рузвельт в ходе избирательной кампании 1932 г. и сразу после выборов воздерживался от публичных высказываний о признании, хотя его согласие ответить на вопрос корреспондента журнала "Совет Раша тудей" в октябре 1932 г. было само по себе показательным¹⁷. Он обещал изучить проблему в целом и подойти к ней без предубеждений. В январе 1933 г. сенатор Бора, председатель сенатской комиссии по иностранным делам, комментируя, очевидно, эти "глухие" намеки и отвечая на многочисленные запросы о политике вновь избранного, но не вступившего еще в должность президента, писал, что, по имеющимся у него сведениям, Рузвельт "серьезно и в позитивном духе обдумывает вопрос о восстановлении дипломатических отношений с СССР"¹⁸. Ряду ближайших советников Рузвельта немедленное признание СССР представлялось необходимым и обязательным условием более стабильного развития международного положения в целом. Об этом говорили Ф. Франкфуртер, Р. Моли, ставший помощником государственного секретаря, и другие¹⁹, хотя в марте–апреле 1933 г. ветераны кампании за признание не могли еще с полной уверенностью сказать, когда и в какой форме наконец Рузвельт объявит о своем решении. Р. Робинс, горячий и стойкий сторонник признания, например, писал

в конце марта 1933 г. в частном послании: “Что касается признания России, то здесь сплошной туман... В этом вопросе необходимы те же мужество и решительность, которые Рузвельт проявил в других делах. Если мы победим, то можно будет считать, что дело сделано после 15 лет волокиты и помешательства на почве охоты на ведьм в нашей дипломатической практике”²⁰.

Одно было очевидно: подтверждение доктрины непризнания, о которой мечтали в определенных кругах, не состоится. Рузвельт двигался медленно, но неуклонно в намеченном им направлении. На первых порах он ограничился изучением настроений различных слоев²¹, хотя и без того было ясно, что оппозиция признанию (во всяком случае вне стен конгресса и государственного департамента) утратила инициативу. Впрочем, справедливости ради нужно признать, что сопротивление руководства и аппарата внешнеполитического ведомства США нормализации дипломатических отношений между двумя странами оставалось достаточно серьезным²², чтобы не принимать его в расчет. Сознывая это, президент решил держать под своим контролем весь ход подготовки переговоров с Советским Союзом.

После обмена посланиями с М.И. Калининым 10 и 17 октября 1933 г., в которых выражалось обоюдное желание правительства США и СССР покончить с фактом отсутствия нормальных отношений, Рузвельт принял в Белом доме возвратившегося из СССР Раймонда Робинса, где он находился около двух месяцев. Во многих отношениях это была важная встреча. Как писал Робинс сенатору Бора, он информировал президента об итогах своей поездки в СССР и о последующем, накануне приезда в Вашингтон, турне по штатам Среднего Запада и Новой Англии, в ходе которого не только ознакомил широкую аудиторию с “достижениями Советского Союза”, но и перепроверил свою оценку настроений различных слоев населения по поводу нормализации отношений между двумя странами. Мнение Робинса было однозначным: “В последние шесть месяцев в общественном мнении по вопросу о признании произошли огромные изменения”²³. С уверенностью можно сказать, что в разговоре с Рузвельтом Робинс затронул и главную для него тему – об угрозе войны, а также вопрос о совместных действиях США и СССР в пользу всеобщего мира после восстановления отношений²⁴.

В письмах сенатору Бора Робинс с удовлетворением отмечал, что он нашел Рузвельта исключительно отзывчивым: “Когда я беседовал с президентом, он слушал меня с большим интересом. Его подход к вопросу характеризуется гибкостью и настолько отличается от подхода его предшественников, насколько это можно вообразить”. Робинс не раскрыл более полно существа взглядов Рузвельта на причины, побудившие его пойти на изменение политики США в отношении Советского Союза, но он дважды подчеркнул, что в основу своей позиции вновь избранный президент решил положить

“реальные факты, а не пропаганду”²⁵. Разнообразные источники, введенные к настоящему времени в научный оборот, многочисленные исследования облегчают выяснение ряда важных моментов касательно понимания Рузвельтом (сквозь призму его личного опыта) того, как следовало США строить свои отношения с Советским Союзом после длительной полосы отчуждения и почти полного расстройтва всех контактов на правительственном уровне. Итак, чем руководствовался Рузвельт, обещавший стране не отвлекаться от внутренних проблем, когда атаковал изоляционизм на самом трудном участке?

Исходный пункт. Идее лидирующей, мессианской роли США в мировых делах (в стратегическом плане Рузвельт не отступал от нее ни на шаг) не противоречит новый подход к отношениям с СССР, которые, по мнению Рузвельта, следовало строить с учетом всего предшествующего опыта, убеждающего в бесплодности политики непризнания, основанной на догме и вере в эффективность морального эмбарго. Существование советского государства, замещение им к началу 30-х годов места в сообществе государств в качестве великой державы есть факт объективный, как бы к нему ни относиться. Быстрый подъем его экономики на фоне экономического провала Запада и реалистический внешнеполитический курс Москвы подтверждают непригодность прежнего, негибкого курса Вашингтона в советско-американских отношениях. Америке есть, что предложить России, эта линия себя оправдала на уровне частных коммерческих связей.

Следующая посылка вытекала из предыдущей. Усиление революционного брожения и национально-освободительного движения на всех континентах, ослабление международных позиций США, приход Гитлера к власти, угроза со стороны Японии, изменение политической обстановки в самих Соединенных Штатах, подъем рабочего и демократического движения, все увеличивавшийся разрыв между представлениями большинства американцев о том, какой должна быть внутренняя и внешняя политика государства в час испытаний, и зашедшей в тупик, застывшей в своем изначальном виде политикой непризнания, выглядевшей более чем странно после прихода Гитлера к власти, наконец, интересы оживления внешней торговли – все это в планах Рузвельта делало абсолютно неизбежным резкое смещение акцента в отношениях с СССР в сторону активной дипломатии, предусматривавшей, в частности, его личное руководство курсом в “русском вопросе”. У прагматика-президента появилась мысль о неизбежности инверсии революционной идеологии большевизма. Своим тезисом о построении социализма “в отдельно взятой стране” и заметным ослаблением пропаганды идей мировой революции Сталин подтвердил ее.

Согласование всех вопросов, связанных с приглашением наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова приехать в США, за-

няло не слишком много времени. У. Буллит подготовил все необходимые документы в октябре 1933 г. Всеобщее удивление прессы вызвало уверенное заявление М.М. Литвинова на пресс-конференции в Берлине по дороге в Вашингтон, что сами переговоры с президентом США займут “не более получаса”, а “возможно, и меньше времени”, хотя в Москве хорошо знали, что американская сторона готовится предъявить серьезный “счет” в обмен на согласие восстановить дипломатические отношения в полном объеме. На первом месте находились денежные претензии по аннулированным СССР займам и национализированной собственности, вопросы “пропаганды” (речь шла о пропагандистской деятельности Коминтерна) и о положении религии в СССР. Однако тот факт, что именно сам Рузвельт, используя сначала секретный канал, выступил с инициативой переговоров о возобновлении дипломатических отношений между двумя странами, говорил сам за себя: президент пригласил наркома-коммуниста не ради публичных споров с ледяным финалом, а с тем, чтобы договориться во что бы то ни стало. Чиновники русского отдела госдепартамента во главе с Р. Келли, подготовившие объемистый меморандум с претензиями к СССР, об этом, похоже, не догадывались.

Обе страны (об этом знали и в Белом доме и в Кремле) были нужны друг другу. Глубокое убеждение в этом сделало Литвинова вроде бы не в меру самонадеянным, а президента Рузвельта при первой же встрече 7 ноября 1933 г. в присутствии госсекретаря К. Хэлла и супруги Элеоноры Рузвельт не только приветливым, но и многозначительно комплиментарным по отношению к собеседнику, чья биография вызывала одно лишь неприятие в вашингтонском истеблишменте. В ходе последовавших вслед за тем переговоров вопреки попыткам Хэлла вести их в плоскости претензий и морально-правовой проблематики, явно не имевших перспективу, Рузвельт возвратил их на реальную почву, отказавшись от услуг советников и взяв на себя целиком риск принятия непопулярных решений. В последний день переговоров, 16 ноября, состоялось окончательное согласование и подписание важнейших документов. Ни разу до этого дня Рузвельт не пытался угрожать срывом переговоров и ни разу не коснулся вопроса нелегитимности советской системы – любимого конька оппозиции.

Рузвельт и Литвинов обменялись нотами об установлении дипломатических отношений и урегулировали все остальные вопросы – о невмешательстве во внутренние дела друг друга, о праве беспрепятственного осуществления американскими гражданами, находящимися на территории СССР, свободы совести и отправления религиозных культов, о правовой защите американских граждан в судах СССР. Ни один из подписанных ими документов не ущемлял интересы сторон и не вынуждал их считать себя в проигрыше. Стороны решили ничего не говорить о Коминтерне, да-

же не упоминать о нем, в документе же по судебным делам было заявлено об отказе советского правительства от любых претензий, “вытекающих из деятельности вооруженных сил Соединенных Штатов в Сибири” после 1 января 1918 г. Особенно плодотворной была заключительная беседа Рузвельта и Литвинова 17 ноября: они обсудили тихоокеанские проблемы в связи с угрозой расширения японской агрессии. Взгляды участников беседы фактически совпали, оба видели источник военной опасности в агрессивности Германии и Японии.

Рузвельту явно импонировал его собеседник, удивлявший своей неожиданной интеллигентностью, эрудицией, чувством юмора и деловитостью. В свою очередь, Литвинова Рузвельт очаровал чуткостью к внутренней сути происходящего, скрытой пропагандистскими ярлыками, способностью реально оценивать события, неистощимым терпением в поисках взаимоприемлемых решений и подкупающей объективностью в оценке обоюдных претензий долго поддерживавших высокий уровень недоверия между двумя странами. Литвинову не удалось осуществить план Москвы, предусматривавший предваряющее решение всех вопросов дипломатического признания СССР Соединенными Штатами, но он добился равноценного результата – положительные итоги по всем пунктам повестки дня были зафиксированы одновременно. Обсуждение вопросов по долгам было перенесено на более дальний срок. Свое личное участие в переговорах с советским наркомом, вылившееся в многочасовые закрытые беседы без протоколов и официальных записей, Рузвельт рассматривал в качестве показателя предельно высокого уровня переговоров²⁶.

Особая или во всяком случае отличная от всей предшествующей дипломатической практики США тактическая линия Рузвельта нашла свое проявление уже в первые дни пребывания М.М. Литвинова в Вашингтоне (7–16 ноября), когда речь зашла о дореволюционных долгах. Совершенно неожиданно президент начал с признания законности советских контрпретензий в связи с ущербом, нанесенным советской стране американо-японской интервенцией. Запись М.М. Литвинова о беседе с Рузвельтом 8 ноября 1933 г. гласит: “Он (Рузвельт. – В.М.) соглашался со мной, что необходимо избегать требований, охарактеризованных мною как вмешательство в наши внутренние дела, признал, что сам всегда сомневался в моральном праве Америки на получение царских долгов и что интервенция в Архангельске ничем не оправдывается”. Обращает на себя внимание также высказанное самим Рузвельтом желание разговаривать с красным министром с глазу на глаз, без переводчика и формальностей, чтобы иметь возможность, как выразился президент, “порушаться немного”²⁷. Он отклонил настойчивые напоминания госдепартамента о выдвижении неких предварительных условий для переговоров, пообещав взамен всем скептикам и критикам проявлять “твердость и непреклонность”²⁸.

Важным мотивом дипломатической Каноссы (именно так именовали противники Рузвельта контакты с Москвой) было стремление администрации Ф. Рузвельта к расширению экономических связей с Советским Союзом: президент часто сам говорил об этом как о главном доводе в пользу признания. Но по-настоящему президент был озабочен сложной и опасной ситуацией на Дальнем Востоке и в Центральной Европе, усилением конкурентной борьбы за источники сырья и сферы влияния, ведущей к умножению числа международных кризисов и к военным конфликтам. Их исход для экономических и военно-стратегических позиций Америки заранее невозможно было предугадать. Вот почему вопрос о привлечении СССР в качестве потенциального союзника в случае обострения американо-германских и американо-японских противоречий обретал для Рузвельта весьма важное практическое значение. Вместе с тем признание СССР и зондаж его позиций на случай возможных осложнений с Германией и Японией продемонстрировали желание президента использовать выгоды геополитического положения США. Для этого в ожидании благоприятного шанса он намерен был предоставить событиям развиваться своим чередом²⁹.

Депеши Буллита, первого посла США в Москве после восстановления отношений, служат еще одним подтверждением того, что внимание Рузвельта в процессе обдумывания им политики своей страны в “русском вопросе” в год признания фокусировалось на следующих ее аспектах: Дальний Восток и возможность использования СССР в качестве противовеса Японии; советский фактор в европейской политике США в свете прихода Гитлера к власти и заметно обострившихся советско-германских отношений; достижение верховенства США в рамках усовершенствованного мирового порядка, базирующегося на вильсоновской геополитической идее “американского лидерства”³⁰, но учитывающего новые слагаемые объективной обстановки, в частности быстрое возрастание роли СССР в европейских делах.

Встречаясь и расставаясь с М.М. Литвиновым, Рузвельт много рассуждал об обоюдной заинтересованности обеих стран в мире и о значении нормализации отношений между ними для совместной работы их правительств в интересах безопасности. В телеграмме М.М. Литвинова в Москву 8 ноября 1933 г. отмечалось, что главной темой его первой беседы с Рузвельтом были вопросы вовсе не частные, оба собеседника обсуждали вопросы большой политики. 17 ноября 1933 г. заключительную беседу с Литвиновым Рузвельт вновь начал с краткого обзора международного положения, подчеркнув, что “Америка и СССР, не нуждающиеся ни в каких территориальных завоеваниях, должны стать во главе движения за мир...”. С тревогой он говорил о нацизме и о японских территориальных притязаниях. Президент в позитивном

духе затронул вопрос о Тихоокеанском пакте о ненападении между США, СССР, Японией и Китаем. В письме отъезжающему из США М.М. Литвинову президент вновь поднял тему мира. “Сотрудничество между нашими Правительствами, – говорилось в нем, – в великом деле сохранения мира должно быть краеугольным камнем длительной дружбы”³¹.

ТОКСИНЫ “ХОЛОДНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ”

Переговоры М.М. Литвинова с Ф. Рузвельтом в Вашингтоне в ноябре 1933 г. и достигнутая в ходе их договоренность о нормализации дипломатических отношений между двумя странами создавали хорошую основу для сотрудничества в интересах народов США и СССР и для защиты всеобщего мира. В серии важных документов, подписанных во время встречи, были изложены принципы мирного сосуществования государств с разным социальным строем. В нотах, которыми обменялись стороны, заявлялось, что СССР и США обязывались уважать суверенитет обоих государств, “воздерживаться от вмешательства каким-либо образом во внутренние дела” друг друга, не поощрять вооруженную интервенцию друг против друга, а также агитацию и пропаганду в целях нарушения территориальной целостности государства или изменения силой его политического и государственного строя³².

В целом был взят хороший старт. С американской стороны он был обеспечен личным участием Рузвельта, довольно бесцеремонно отстранившего русских экспертов госдепартамента (которым у него были основания не доверять) от подготовки всех важнейших документов. Ни один из них не мог претендовать, как считал президент, на место посла США в Москве. Отклонив вместе с тем советы поручить эту миссию кому-нибудь из давних публичных сторонников советско-американского сближения, Рузвельт остановил свой выбор на У. Буллите, помогавшем ему вместе с министром финансов Г. Моргантау в установлении контактов с советским руководством и втайне подготовивших рабочие документы. Болезненно самолюбивый, склонный к интриганству, но безусловно талантливый и трудолюбивый, давно мечтавший сделать головокружительную карьеру на дипломатическом поприще, Буллит приехал в Москву с надеждой воссоздать из руин проект переустройства революционной России под эгидой США, с которым он появился еще весной 1919 г. в Кремле у Ленина. Америка с ее экономическим, технологическим и культурным потенциалом как буксир должна была вытащить Россию из тисков отсталости и идеологических пут с тем, чтобы создать на евразийском пространстве анклав демократии по образу и подобию американской системы. Буллит горячо принялся за дело, пытаясь пополнить кадровый состав первого американского посольства

в СССР прежде всего из числа верящих в эту идею преобразования юных профессионалов – воспитанников “школы Р. Келли”. Молодые энтузиасты (и среди них Джордж Кеннан, Чарльз Болен, Лой Гендерсон и др.) очень скоро обнаружили, что их ждет горькое разочарование из-за бесплодности всех усилий.

В закованной в броню подозрительности, суровой атмосфере Москвы и сам посол вскоре убедился, что быстрого успеха не получится. После же того как Буллит оставил в 1936 г. свой пост в Москве, он считал своим высоким профессиональным долгом, как пишет Кеннан, добиться от Вашингтона проведения жесткой линии по отношению к Москве³³. Правда, это случилось уже после того, как советская действительность стала для Буллита постоянным раздражителем. В идеологическом фанатизме ее вождей он обнаружил источник больших неприятностей для Европы и всего остального мира. Если в начале своей миссии он находил, что “пионерский дух” русских, сближающий их с американцами, их восхищение перед “американским техническим прогрессом” являются хорошей предпосылкой для реализации задуманных им (и президентом?) планов, то вскоре же он пришел к прямо противоположным взглядам³⁴. Кремль упорно не шел на то, чтобы жить по сценарию Буллита. Понятно, почему оптимистичное начало так не походило на конец. И вновь, как это уже случалось, Буллита подвели его непомерное честолюбие и горячность. Но все это произошло не сразу.

Приехав в декабре 1933 г. в Москву, Буллит вынужден был признать несостоятельной расхожую на Западе версию о злокозненных мотивах поведения Советского Союза на международной арене и о неискренности его намерений достигнуть договоренности с Англией, Францией и США о совместном отпоре растущей военной опасности со стороны Германии и Японии. Буллит отверг тогда как необоснованное ходячее мнение в вашингтонских кругах о том, что достигнуть договоренности с Советским Союзом по большому счету невозможно, поскольку ей мешает неподходящий политический климат этой страны и чинимые властями искусственные препятствия. Подлинную причину затруднений поначалу он обнаружил в другом, а именно в специфическом понимании своей миссии, частично сформированном государственным департаментом, персоналом американского посольства в Москве, к его приезду уже прочно там обосновавшимся. Шпионаж, организация разного рода сомнительных политических акций – вот чем, по словам Буллита, были озабочены работники американского посольства, забыв о своем истинном назначении. Чего же можно было ожидать в ответ, резонно спрашивал тогда Буллит в своем послании Рузвельту 1 января 1934 г. и резюмировал: “Если бы мы направили (в Москву. – В.М.) представителей, абсолютно соответствующих их статусу при советском правительстве, не занимающихся шпионажем и разного рода грязными трюками, то в этом случае мы могли бы установить такие отноше-

ния, которые, возможно, окажутся очень полезными в будущем”. Далее он подчеркнул, что такой настрой был присущ всему дипломатическому корпусу, аккредитованному в Москве: “Личностные или интеллектуальные контакты между советским руководством и дипломатами (западных стран. – В.М.) практически не существуют. Отчасти это объясняется склонностью иностранных дипломатов считать себя шпионами во вражеской стране...”³⁵. Красноречивое признание дипломата, который не только знал о заинтересованности советского правительства в улучшении отношений между СССР, с одной стороны, и Францией, Англией и США – с другой, но и был способен (во всяком случае в ту пору) трезво судить о том, что же “на американском берегу” мешает укреплению доверия и налаживанию взаимопонимания. Неделями раньше, 21 декабря, Буллит имел беседу с М.М. Литвиновым и ответил “нет” на вопрос–напоминание о совместном изучении вопроса о Тихоокеанском пакте о ненападении. Примечательно, что оба процитированные выше места из депеши Буллита от 1 января 1934 г. опущены как в официальном издании его переписки с Рузвельтом, так и в собрании документов дипломатической службы США³⁶.

И еще два документа, которых нельзя найти в публикациях, изданных в Соединенных Штатах. Первый – письмо Буллита государственному секретарю от 22 апреля 1934 г. Прошло всего четыре дня после известного заявления японского правительства о плане установления своего контроля над Китаем и вытеснении оттуда Англии, Франции и США. Хотя к этому времени стало очевидно, что непосредственная опасность нападения Японии на Советский Союз миновала, тем не менее уже 22 апреля 1934 г., как сообщал об этом Буллит, М.М. Литвинов в беседе с ним вновь заявил, что политика умиротворения агрессора и отказ от совместных действий против него со стороны правительства США делают шанс на мир на Дальнем Востоке еще более проблематичным. Это означало, что Советский Союз предлагал вернуться к идее Тихоокеанского пакта, не считаясь с выгодами, которые как будто бы ему сулил нейтралитет и положение стороннего наблюдателя³⁷.

В реакции Буллита на это заявление явно проглядывали растерянность и смущение. Он был сторонником следования прежним курсом, т.е. отклонения предложений Советского Союза о пакте в расчете на то, что это развяжет руки Японии в ее отношениях с СССР. Но последовательная (в том числе, в ситуациях, когда интересы Советского Союза непосредственно не были затронуты) позиция СССР даже на него произвела сильное впечатление. В своих депешах Буллит не утаил от президента и К. Хэлла, что Москва настойчиво ищет тесного сотрудничества с США с целью отражения японской экспансии в Азии и устранения угрозы миру в Европе. “Мы сталкиваемся со множеством доказательств того, – сообщал он Рузвельту 5 августа 1934 г., – что советское руководство прила-

гает все усилия, чтобы развивать подлинно дружеские отношения с нами...”³⁸.

В этой ситуации государственный департамент США отнесся более чем прохладно к инициативе Москвы продолжить диалог по вопросам, сближавшим две страны. Уже в марте 1934 г. он поставил вопрос о “русских долгах”, связав его решение на американских условиях с перспективой дальнейшего улучшения советско-американских отношений во всех остальных областях. А 13 апреля конгресс принял закон Джонсона, запретивший финансовые сделки с иностранными государствами, которые не заплатили США военных долгов. Немедленно по запросу К. Хэлла министр юстиции Каммингс дал разъяснение, заявил, что этот закон распространяется и на Советский Союз³⁹.

Как же объяснить, что Рузвельт неожиданно согласился вновь вытащить на свет проблему долгов русских дореволюционных правительств, на основании которой Буллит старался парировать все инициативы Советского Союза, направленные на укрепление и расширение советско-американского сотрудничества в Европе и на Дальнем Востоке?⁴⁰ Частично это было данью доктрине “экономического национализма”, которую президент какое-то время исповедовал после того, как не без его участия лопнули надежды на лондонскую Международную экономическую конференцию. Но главное – Вашингтон по-прежнему стремился подчеркнуть свой “нейтралитет” и нежелание идти на расширение отношений с СССР, что (к такому выводу пришли в 1934 г. в американской столице) могло бы ослабить внутреннюю стабильность западных демократий, сталкивающихся у себя дома с резко возросшей активностью Коминтерна и левых сил. К тому же в госдепартаменте все еще исходили из того, что Япония в любой момент может напасть на Советский Союз, а это, возможно, втянуло бы США в вооруженный конфликт.

Но может быть, в поведении Советского Союза на международной арене произошло нечто такое, что заставило дипломатию США дезавуировать сделанные ранее устно и письменно заверения о начале новой эры, эры “взаимопонимания” в отношениях между двумя странами? Факты показывают, что нет. Советское правительство, став членом Лиги наций, настойчиво призывало все страны, и в первую очередь США, коллективными действиями укрепить международную безопасность. У Рузвельта был только один серьезный повод упрекать Советский Союз: притеснения религиозной деятельности и ущемления гражданских прав иностранцев. Тот же Буллит, поднявший вопрос о неурегулированных долгах, подтверждал неизменность курса советского руководства на сотрудничество с США.

Послание Буллита Хэллу от 2 октября 1934 г. – еще один по-своему красноречивый документ. В нем посол США, очевидно, сам того не желая, засвидетельствовал, что Советский Союз превратился

в важный фактор международной жизни, поборника ряда мирных инициатив, способных укрепить безопасность народов. Начав с оценки динамики социально-экономического развития СССР, Буллит констатировал, что страна добилась значительных успехов в хозяйственном строительстве и в этом смысле располагает материальной базой для отпора агрессорам. Пропорционально этому возрос и международный авторитет Советского Союза, вселяя в его руководителей уверенность в достижимости создания европейской системы коллективной безопасности, ведущим пропагандистом которой стал М.М. Литвинов. Таким образом, объективно, как признавал Буллит, оптимизм Москвы был небеспопчен, хотя трудности сохранялись и даже увеличивались. Однако своим источником они имели не внутренние разногласия – “единственно, чем действительно озабочены советские руководители, – это возможностью возникновения войны...”, – а недоверие, которое существовало между ним и западными державами.

Чем оно было вызвано – было ясно для всех. Этот вопрос, естественно, Буллит обошел, но мотивы дипломатических усилий Советского Союза им были изложены довольно-таки обстоятельно и беспристрастно. Стремясь обеспечить благоприятные условия для экономического подъема, сообщал он, Советский Союз пытается снять угрозу своей безопасности со стороны прежде всего Германии на западе и Японии на востоке. Заинтересованность СССР в “Восточном Локарно” (пакт о взаимной помощи СССР, Германии, Польши, Чехословакии и Прибалтийских стран), признавал он далее, “объясняется, конечно же, осознанием этой опасности”, а вовсе не эгоистическими расчетами в ущерб всеобщему миру. Буллит резюмировал: “В настоящий момент русские питают лишь слабые надежды на то, что смогут добиться реализации их предложения о создании “Восточного Локарно”, но они уверены, что достигнут соглашения с Францией и Чехословакией о взаимной защите от агрессии. Если бы Советский Союз оказался в состоянии добиться такого соглашения с Францией и Чехословакией, его руководители могли бы считать безопасность своей страны в разумных пределах обеспеченной”⁴¹.

Пространное послание Буллита от 2 октября 1934 г., написанное за неделю до убийства гитлеровскими агентами французского премьера Луи Барту (инициатора “Восточного Локарно”), не вошло ни в одно из изданий дипломатических документов США. Случайно ли это? По-видимому, нет. США были против советско-французского сближения. Оно могло укрепить Народный фронт во Франции, содействуя ее полевению. Однако пока его возможность представлялась им маловероятной, посол США в Москве позволил себе нейтральный тон в оценке активной позиции СССР в европейских делах и франко-советского сближения. После же вступления Советского Союза в Лигу наций и улучшения перспектив на заключение совет-

ско-французского пакта о взаимопомощи (в первую очередь благодаря движению французской общественности)⁴² Буллит и госдепартамент США поменяли отношение к идее превращения сильного, коммунистического Советского Союза в некую объединяющую (на правах партнерства с Францией) силу международной антифашистской коалиции в Европе.

Испытывая подозрительность к целям СССР и возвращаясь к тезису о “советском экспансионизме”, американская дипломатия предприняла настойчивые усилия, дабы помешать заключению советско-французского пакта. Находясь в апреле 1935 г. в Париже, У. Буллит поддерживал постоянные контакты с Лавалем, ободряя его в надежде добиться отказа Франции от идеи советско-французского сотрудничества и переориентации ее целиком на мировое соглашение с Германией. В послании Рузвельту от 7 апреля 1935 г. Буллит с удовлетворением отмечал, что Лаваль не сделает Советскому Союзу главной “уступки”: договор не будет предусматривать автоматизма действия обязательств о взаимопомощи. Но даже и в этом виде, утверждал Буллит, у США есть основания быть недовольными пактом, поскольку де он давал односторонние выгоды набравшему очки Советскому Союзу⁴³.

Внезапные ламентации Буллита по поводу безвозвратно ушедшей эпохи, когда Советский Союз испытывал серьезнейшие экономические трудности, – результат технологической отсталости и разрухи – только усиливались по мере нарастания к середине 30-х годов давления левых и коммунистов на властные структуры европейских стран с намерением подчинить их себе. Проекты конвергенции были отложены, надежды увидеть в России торжество либеральной демократии почти полностью исчезли. Заметно разладились контакты американского посольства в Москве с Наркоминделом СССР. Переговоры о долгах зашли в тупик. Посол Буллит расценил это как преднамеренную дискредитацию своей персоны. По его мнению, советский режим торпедировал и все другие договоренности с США. Отношения между СССР и США еще более ухудшились, когда в августе 1935 г. американский посол заявил официальный протест советскому правительству по поводу истолкованных как провокационные акции решений VII конгресса Коминтерна, в которых была дана соответствующая оценка политической ситуации в США и высказывались рекомендации американским коммунистам. Госдепартамент поддержал посла.

Поучительный тон, который усвоил Буллит в контактах с советскими деятелями и дипломатами, желание находиться в натянутых отношениях с Кремлем ради политической рекламы, высокомерие и снобизм, совершенно неуместные на посту посла, не устраивали Рузвельта. Размышляя о долгах, он понимал, что строить отношения между двумя странами в критической ситуации на базе чисто коммерческих расчетов невозможно, тем более что многие очень близ-

кие ему советники, например Джозефус Дэниелс, считали претензии США несвоевременными и неразумными⁴⁴. В Белом доме все настроеннее относились к советам, которые Буллит и его подчиненные давали в своих донесениях и записках, все они сводились к идее замораживания советско-американских отношений и даже доведения их до разрыва. Существование Коминтерна было главным доводом сторонников возвращения к 1932 г. Отказ Германии от Версальских “пут”, ремилитаризация ею Рейнской области весной 1936 г., неудача ряда дипломатических шагов, предпринятых Вашингтоном, и, наконец, рост тревоги внутри страны по поводу, как говорили и писали, “слабой и бесполезной” внешней политики вынудили президента вернуться к обдумыванию “русского вопроса” ради выравнивания отношений с Москвой. Становилось все яснее – Буллит не может оставаться в Москве. Он перестал устраивать не только Кремль, но и Белый дом, который в России видел средство “сдерживания” Германии и не считал, что их следует поменять местами.

25 августа 1936 г. один из активнейших политических сторонников Рузвельта, Джозеф Дэвис, пользующийся заметным влиянием в руководстве демократической партии, получил через секретаря президента Стива Эрли приглашение срочно прибыть на деловой завтрак к президенту⁴⁵. Об этом разговоре Дэвис сделал следующую запись в дневнике: “Был на завтраке у президента в Белом доме. Он сказал, что хотел бы получить мое согласие на то, чтобы сначала быть послом в России, а затем в Германии... Он хотел бы, чтобы на посту посла в Москве я глубоко проанализировал всю ситуацию прежде всего в плане обороноспособности СССР и т.д., а также их дипломатического курса. После завершения миссии в Москве он хотел бы, чтобы я отправился в Германию (сменить У. Додда. – В.М.) для выяснения возможности урегулирования всей ситуации путем предоставления немецкому народу жизненного пространства (living room) и другими методами, способными предотвратить развязывание Гитлером войны. Он считает, что я могу выяснить, чего хочет Гитлер – войны или мира. Он положительно относится к требованию Германии предоставить ей доступ к источникам сырья”⁴⁶. Стало быть, главная миссия ожидала Дэвиса в Германии после “заезда” к Сталину. Жизнь “подправила” этот сценарий.

В конце ноября 1936 г. Дэвис принял присягу в качестве нового посла США в Советском Союзе, а 15 декабря состоялась его встреча с заместителем государственного секретаря Самнером Уэллесом, на ней подробно обсуждались главные задачи Дэвиса, с которыми Уэллеса ознакомил президент: выяснение возможностей повышения уровня советско-американских отношений; изучение политической и экономической ситуации в Советском Союзе и его военного потенциала; анализ роли СССР в мировых делах и его отношения к угрозе войны, исходящей со стороны Германии. Японский фактор пока явно беспокоил Вашинг-

тон не так остро, но подписанный в конце ноября 1936 г. между Германией и Японией Антикоминтерновский пакт придавал всей обстановке абсолютно непредсказуемый характер.

Приехав в Москву в январе 1937 г., Дэвис приступил к выполнению этих инструкций, а самостоятельный анализ европейской ситуации, сложившегося соотношения сил, позиции сторон убедили его, что предложенной Москвой идее коллективной безопасности против агрессивных держав в связи с появлением Антикоминтерновского пакта альтернативы нет. Все остальное – это самообман с самоубийственным исходом для тех, кто планирует заплатить за свою иллюзорную безопасность сделкой с Гитлером, принеся ему в жертву малые государства Европы и восточной ее части до Урала. Но первое, что буквально сразу же поразило Дэвиса, – это масштабы мирного народнохозяйственного строительства и готовность советского правительства держать двери широко открытыми для дипломатического сотрудничества СССР и США⁴⁷. Москва не выдвигала никаких предварительных условий, если не считать одного – такое сотрудничество должно строиться на реальных делах и быть подчинено интересам сохранения всеобщего мира, а не обеспечения безопасности одних стран за счет других. Уже 16 февраля 1937 г. в беседе с Дэвисом М.М. Литвинов откровенно высказал убеждение, что американская политика нейтралитета, заигрывание Англии и Франции с Германией с целью добиться “восстановления дружественных отношений” с нею на практике только разжигают “параноидальное тщеславие Гитлера”. В записи Дэвиса заключительная фраза наркома звучала так: «...Гитлер на марше. Коллективная безопасность – вот та единственная преграда, которая остановит гитлеровский завоевательный “блиц”»⁴⁸.

Советский Союз – это было видно невооруженным глазом – продвинулся далеко вперед по пути восстановления экономического потенциала, динамичность его развития превосходит все известное ранее, и, может быть, именно поэтому, как ни одна другая страна, он нуждается в безопасной ситуации на своих границах. На Западе и на Востоке. К такому выводу пришел Дэвис в результате, как он выражался, “тщательного диагноза русской ситуации” после длительной ознакомительной поездки по стране⁴⁹. И одновременно с первых дней активных контактов с ведущими европейскими политиками и дипломатами его не покидало сначала ощущение, а затем и глубокое убеждение, что в пассивности и уступчивости Запада была своя система, свой замысел, подчиненный стремлению оставить СССР без союзников, неприкрытым ни на западном направлении, ни на восточном. Так французский посол в Москве Кулондр как о само собой разумеющемся говорил Дэвису, что “сохранить мир в Европе перед лицом гитлеровской агрессии” невозможно, и давал понять, что Запад по-прежнему будет относиться к Советскому Союзу как к второстепенной державе и каждым своим следующим шагом демон-

стрировать пренебрежительное отношение к усилиям Кремля наладить конструктивные отношения с западными демократиями. Кулондр “с отвращением” отозвался об отказе Чемберлена видеть в Советском Союзе равноправного партнера и союзника. И тут же цинично намекнул на допустимость “фатальной ошибки” со стороны Англии и Франции в случае исключения СССР из системы “взаимного обеспечения безопасности”⁵⁰. Было понятно, о чем идет речь: Лондон и Париж готовы протянуть руку Гитлеру и Муссолини. О возможности “сепаратного” соглашения, стоворе Англии и Франции с Германией говорил Дэвису тогда же и лорд Чилстон, английский посол в Москве, констатировавший одновременно “сильнейшую приверженность и преданность России делу мира”⁵¹. Дэвис не удивился, получив выговор от государственного департамента за то, что по собственной инициативе в начале июля 1937 г. посетил М.М. Литвинова и японского посла Сигемицу и выразил надежду на мирное урегулирование очередного спровоцированного Японией инцидента на Дальнем Востоке ⁵².

Осенью 1937 г., после того как в Вашингтоне стали известны захватнические планы Германии в отношении Австрии и Чехословакии, особую остроту приобрел вопрос о позиции Франции. К тому времени французская дипломатия уже встала на путь капитуляции, и, хотя время от времени Париж подтверждал верность союзническим обязательствам, эти заверения могли обмануть лишь наивных. Франция не хотела и не была готова воевать без согласия Англии выступить на ее стороне. Последнее же представлялось абсолютно невероятным. Оставался СССР. Но его относили к заклятым друзьям, чья помощь могла оказаться опаснее угрозы остаться один на один с агрессором.

В дневнике и переписке Дэвиса с этого момента появляются прямые указания на предательский по отношению к малым странам Европы, особенно к Чехословакии, курс Франции и Англии. “Никто здесь (в Москве. – *В.М.*) не думает, – делает он запись 11 ноября 1937 г., – что Франция будет воевать из-за Чехословакии. Буллит хочет видеть ситуацию именно такой, но я боюсь, что он сильно ошибается”⁵³. Речь Чемберлена на заседании палаты общин, состоявшемся 21–22 февраля 1938 г., подтвердила его худшие опасения: фашистский блок одержал важнейшую психологическую победу, отступление Англии и Франции приобретало панический, беспорядочный характер. “В создавшейся ситуации, – писал он Самнеру Уэллсу 1 марта 1938 г., – усилия Чемберлена по умиротворению Муссолини и Гитлера выглядят как триумф фашистского мира”⁵⁴. Вполне надежные источники информации подводили Дэвиса к однозначному выводу: судьба малых стран Европы (в первую очередь Австрии и Чехословакии) предрешена, а над Советским Союзом в случае успеха маневра с Антикоминтерновским пактом нависла угроза дипломатической изоляции. «Несмотря на готовность России присое-

диниться к Франции и Англии в борьбе против Гитлера, – сообщил он, ссылаясь на эти источники, сенатору Питтмэну, председателю сенатской комиссии по иностранным делам, – ей будет в этом отказано Западом. А в конечном итоге и Англии и России будет противостоять Европа, в которой будет господствовать Гитлер”⁵⁵.

30 марта 1938 г. Дэвис имел еще одну беседу с лордом Чилстоном. Ей предшествовали отказ Запада откликнуться на призывы СССР оказать поддержку республиканской Испании, провал Брюссельской конференции по прекращению японо-китайской войны (ноябрь 1937 г.), отречение Франции от советско-французского пакта⁵⁶, миссия лорда Галифакса, министра иностранных дел Англии, в Берлин и аншлюс Австрии. Каким же в свете этих событий и общих перспектив туманного курса Лондона и Парижа виделось послам будущее Европы? Запись Дэвиса гласит: “Состоялся продолжительный разговор с лордом Чилстоном, английским послом, по вопросу о том, что произойдет, если Чемберлену не удастся стабилизировать европейскую ситуацию...

В случае если Англия своей враждебностью оттолкнет Советы и вынудит их занять позицию невмешательства, дабы сохранить мир для своего народа, это обернется для нее самым большим поражением. Будет настоящим бедствием, если английское дружелюбие к Гитлеру приведет к такому исходу. Чилстон полагает, что если Лига наций будет обессилена, то Европу ожидает либо мир на фашистский манер, либо мир на основе баланса сил; по его убеждению, только союз Лондона, Парижа и Москвы мог бы противостоять “оси” Рим–Берлин. Без России Франция и Англия, очень возможно, вынуждены будут подчиниться Гитлеру и Муссолини. Он предложил, чтобы я вместе с ним обсудил эти проблемы в британском министерстве иностранных дел. Если бы я только мог!

Я видел, что он вне себя в связи с позицией своего министерства иностранных дел по этому вопросу. Чилстон, я уверен, настроен точно так же, как и я. ...Англичане идут сейчас на огромный риск, своим “ухаживанием” за Гитлером отрезая себя от помощи России тогда, когда в ней возникнет необходимость. Англия потеряет Россию, если не изменит свою тактику»⁵⁷.

Временами в посланиях Дэвиса, адресованных президенту и государственному секретарю, в его частной переписке сквозили нотки отчаяния: воз европейской политики катился в пропасть, возницы (все себе на уме) не хотели его остановить, а стоящие на обочине наблюдали за этим смертельным номером, в глубине души понимая, что и им не избежать всеобщей кровавой свалки.

В сущности Дэвис (так же как и Додд) штурмовал небо. Президент, связанный изоляционистскими настроениями в стране, не имел достаточной свободы рук. Сказывалось и его (в духе вильсоновской традиции) недоверие к европейским политикам, настаивавшим в Версале на решениях, подогревших (так считали в Аме-

рике) реваншистские настроения и в Германии, и в Италии, да и в некоторых других странах. В окружении самого Рузвельта были очень разные люди, облеченные его доверием, которые дружно поддерживали жар в тлеющих углях еврофобии. Приватно они высказывались в пользу англо-франко-германской договоренности о предоставлении Германии “жизненного пространства” в Средней Европе, возвращения ей колоний и даже в пользу аншлюса. В такие тона были окрашены все суждения А. Берла конца 1937 – начала 1938 г. Чуть позднее Бирл, занявший по просьбе Рузвельта ключевые позиции в государственном департаменте, в специальном меморандуме президенту изображал Гитлера спасителем Европы от нашествия славянства, предлагая считать фюрера, возможно, “единственным орудием, способным восстановить расу и экономическую целостность, которым суждено выжить и создать некий баланс в Европе”⁵⁸.

Не менее серьезной причиной прохладного приема инициатив Дэвиса было недоброжелательное, критическое отношение в Вашингтоне к его романтическому, порой восторженному (прямо противоположного Буллиту) восприятию советской действительности. В США все резче проявлялась негативная реакция на сталинизм, отождествляемый с настоящим Термидором, особенно в связи с политикой жесточайших репрессий, затронувших все слои советского общества. Они вызывали возмущение, страх, недоумение и тревогу: страна массового энтузиазма превращалась в страну массового психоза, шпиономании и перекрестной слежки. Доверие к ней (довольно высокое в начале 30-х годов) заметно снизилось, хотя бы потому, что “процессы” и “чистки” выявили “проникновение” германской, японской и всякой другой иностранной агентуры в самые высокие государственные и общественные структуры, армию, пропагандистский аппарат, науку, дипломатическое ведомство, разведку и контрразведку. Либеральная и социал-демократическая печать, пользовавшиеся влиянием в антифашистском движении, подвергла советское руководство и порядки, царившие в стране, нелюбезной, порой жесточайшей критике. Влиятельные консервативные издания были полны рассуждений о византийском коварстве и непредсказуемости русских. Все больше людей выражали опасение, что Сталин и Гитлер вскоре найдут общий язык. Оппозиция напомнила Рузвельту о Брест-Литовске и Рапалло, призывая его к бдительности и рекомендуя одновременно “класть яйца в обе корзины”. Советы Дэвиса в силу всего сказанного не могли восприниматься однозначно, сама его персона, окруженная скандальной молвой о неформальных дружеских связях посла с советскими лидерами, вызывала весьма разноречивые, беспокоящие Белый дом толки. Повторялась история с У. Доддом, но с прямо противоположными претензиями, выдвинутыми к обоим.

Не чувствуя поддержки Вашингтона, Дэвис не мог положиться и на своих непосредственных подчиненных – сотрудников американского посольства в Москве: подавляющее большинство из них не разделяло его взглядов. Таким образом, если сохранялась надежда на изменение позиции администрации, то к этому вел только один путь – идти не страшась против течения, говорить Белому дому правду о том, чем грозят миру и безопасности самих Соединенных Штатов политика, объективно подталкивающая Москву к сближению, политика “умиротворения” агрессора за счет интересов СССР и многих других стран. Дэвис выбрал именно этот путь. В конце концов разве не к этому его обязывали полученные в Вашингтоне инструкции?

Полоса общеевропейских кризисов после захвата Гитлером Австрии (март 1938 г.), с точки зрения Дэвиса, вплотную придвинула мир и каждую страну в отдельности к той грани, когда нужно было принимать главное ответственное решение, от которого зависело будущее. Дэвису представлялось, что для США оно вытекало из анализа сложившейся политической обстановки в Европе, оценки позиции и военно-промышленного потенциала СССР. Свои выводы он изложил в двух посланиях – 1 апреля (государственному секретарю К. Хэллу)⁵⁹ и 4 апреля 1938 г. (секретарю президента Марвину Макинтайру). На втором документе есть пометка: «Просьба познакомиться с этим “босса”»⁶⁰.

Итоговый вывод первого документа был выражен оставшимся верным себе (несмотря на трения с государственным департаментом) Дэвисом в следующих словах: “...я считаю, что международное значение русского фактора будет возрастать – как в политическом, так и в экономическом отношениях”⁶¹. Второй документ представляется особенно важным, поскольку содержал как диагноз возникшей ситуации, так и прогноз на будущее. Дэвис, в частности, писал: “Фашистские державы намереваются изолировать Советский Союз и подвергнуть его карантину, используя жупел коммунистической угрозы... Они заметно преуспели в этом в Европе и во всем мире и продолжают ту же линию. Конечно, это подрывает возможность образования блока Лондон–Париж–Москва в качестве силы, способной поддерживать европейское равновесие. Делая ставку на успех плана Чемберлена (территориальные уступки Гитлеру. – В.М.), европейские демократии подвергают себя огромному риску. Если действия Чемберлена не увенчаются успехом, Европа, за исключением Англии и Советского Союза, окажется во власти фашизма. Плачевным итогом для Англии обернется ее попытка добиться согласия Германии и Италии использовать Средиземноморье в качестве транспортной артерии в Индию.

Эта попытка изоляции России, по всей видимости, чревата более серьезными последствиями для западных демократий, чем для Советского Союза. Официальные представители Советского правительст-

ва дают понять, что они относятся к такому развитию событий хладнокровно, хотя и выражают сожаление по поводу его негативных последствий для дела коллективной безопасности и мира во всем мире. Бесспорно, они твердо уверены в способности их страны защитить себя... Они относятся к Соединенным Штатам более дружелюбно, чем к любой другой стране. Они говорят об этом и практически доказали это. Как руководители Советского Союза, так и народ этой страны испытывают чувство уважения к президенту Рузвельту.

Когда в Европе говорят о том, что существующий в Советском Союзе режим в политическом отношении слаб, а в экономическом — терпит фиаско, то там просто желаемое выдают за действительное. Нет никаких оснований верить всему этому... Таково единодушное мнение самых лучших дипломатических наблюдателей в этой стране... Между тем демократические страны Европы и всего мира, похоже, оказывают поддержку фашистским странам в их попытке изолировать Советский Союз, несмотря на то, что он обладает огромным мирным потенциалом... и экономически находится на пути превращения в гигантский фактор международной жизни. По мере того как развиваются события в этом обезумевшем мире, я все больше убеждаюсь, что когда-нибудь демократические страны с восторгом прибегнут к дружбе, мощи и преданности миру, которые советское правительство в случае возникновения очередного международного кризиса могло бы им предложить”.

Мюнхенский сговор и раздел Чехословакии подтвердили худшие опасения Дэвиса, касающиеся не только линии Чемберлен–Даладье, но и позиции США. Его перевод из Москвы, на чем настоял госдепартамент, красноречиво показал, что Дэвис, рисуя картины спасения Европы, утратил контакт с вашингтонской политической кухней. В конце октября 1938 г., уже находясь в Брюсселе, где он занял свой новый пост посла США в Бельгии (но не в Германии), Дэвис в частном письме оценил Мюнхен как постыдную попытку Англии спастись ценой раздела Европы на сферы влияния с Гитлером и Муссолини. Дэвис не утаил, что позиция Соединенных Штатов также не заслуживает похвалы. “Конечно, — писал он 29 октября 1938 г., — с нашей стороны было бы неприлично критиковать поведение Англии и Франции за провал попыток сохранить статус-кво, ибо мы сами отказались принять на себя свою долю ответственности. Мы не имеем права на критику, поскольку вина лежит и на нас”⁶². Эта оценка полностью совпадает с выводом многих современных исследователей внешней политики США и дипломатии Рузвельта накануне и в момент мюнхенского кризиса. Только один пример. В академическом исследовании по истории США 30–40-х годов, удостоенном высших наград, Дэвид Кеннеди оценил как более чем двусмысленную реакцию Вашингтона на “удар грома” в Мюнхене. Он пишет о знаменитой и самой короткой телеграмме — приветствии Рузвельта Н. Чемберлену по случаю подписания соглашения в

Мюнхене (“Молодец”), о послании президента Гитлеру с уведомлением о “невовлеченности” США в дела Европы и тут же о выражении самим Рузвельтом крайнего презрения к тем, кто “соорудил” мюнхенскую конструкцию: “В Вашингтоне Рузвельт уподоблял британских и французских дипломатов, которые подписали Мюнхенское соглашение, Иуде Искарйоту”. Подводя общий итог этому драматическому эпизоду в истории предвоенных международных отношений, Кеннеди пишет: “Фактически американский президент оставался сторонним наблюдателем Мюнхена, слабым и обделенным средствами давлением лидером, не имеющей оружия, экономически травмированной и дипломатически изолированной страны”⁶³.

Правильнее, конечно, говорить не об изоляции, а о самоизоляции! И одной из главных ее причин было неверие в возможности Европы оказывать сопротивление Гитлеру и нежелание это делать. К военному потенциалу же Советского Союза вообще принято было относиться как к пропагандистскому фантому. На фоне вермахта и по предварительным итогам Гражданской войны в Испании мнение вашингтонских аналитиков не казалось таким уж предвзятым. Важно отметить, что с самого начала Дэвис отверг главный аргумент тех, кто утверждал, будто западные державы не могут решиться на совместный отпор Гитлеру только потому, что СССР в военном отношении не готов оказать им реальную помощь в случае, если бы пришлось вступить в войну, скажем, из-за Чехословакии. Еще 10 июля 1937 г. он сообщал М. Макинтайру (секретарю президента): “Враги этой страны недооценивают мощь Красной Армии и силу советского правительства, и это плохое предзнаменование для мира. Судя по всему, военная партия в Японии именно сейчас проверяет правильность своего предположения о слабости Красной Армии на Востоке”⁶⁴. Дэвис имел в виду провокацию японской военщины на Амуре 30 июня 1937 г. и, трезво взвешивая силы сторон, приходил к убеждению, что Советский Союз готов постоять за себя. Имея в виду расхожее мнение об экономической слабости Советского Союза, распространенное на Западе, Дэвис писал еще в июне 1937 г.: “Исходя из личных наблюдений, я говорю, что советская индустрия в случае войны удивит Запад”⁶⁵.

Хорошо осведомленный о позиции западных держав в период чехословацкого кризиса, Дэвис в середине сентября 1938 г. информировал Вашингтон о том, что всякая реальная военная помощь Чехословакии со стороны Англии и Франции фактически исключена, какие бы условия Германия ни выдвигала. Показные жесты, отмечал Дэвис, не в счет, они не помешают Гитлеру “утихомирить” руководителей Чехословакии, наивно верящих, что Франция будет воевать, если Германия нападет на нее⁶⁶. Напротив, что касается СССР, то Дэвис до последнего момента не сомневался в моральной и фактической готовности его оказать всю возможную военную помощь Чехословакии.

Вполне возможно, что Дэвис выдавал желаемое за действительное. Но вашингтонские аналитики серьезно относились и к альтернативным оценкам. Большой интерес в связи с этим представляют материалы из фонда Филиппа Феймонвилла, военного атташе США в Москве в 1933–1939 гг., хранящиеся в бумагах Г. Гопкинса в Библиотеке Ф. Рузвельта в Гайд-парке. Знающий и авторитетный военный специалист Феймонвилл систематически информировал военное министерство США о боеготовности Красной Армии и достигнутом уровне военно-промышленного потенциала СССР. Он оценивал их весьма высоко, как, впрочем и полковник Огюст-Антуан Палассе, военный атташе Франции в СССР. Приписываемую советскому правительству неискренность (о которой пишет Джордж Кеннан) в связи с его заверениями о решимости прийти на помощь Чехословакии Феймонвилл отвергал. Еще в середине сентября 1938 г. по этому вопросу им был подготовлен секретный меморандум. Феймонвилл отослал его в Вашингтон 15 сентября, в тот самый день, когда Невилл Чемберлен, английский премьер, прибыл в Берхтесгаден для переговоров с Гитлером о судьбе Чехословакии. Приводим его с небольшими сокращениями⁶⁷.

1. Самые существенные моменты, касающиеся отношения советского военного руководства к кризису в Центральной Европе (на 17 часов 15 сентября 1938 года), представляются следующими.

1. Советское правительство и командование Красной Армии твердо придерживаются взятых на себя ими обязательств по советско-чехословацкому пакту о взаимопомощи и открыто заявляют о своей готовности выполнить их, если Чехословакия подвергнется нападению Германии.

2. Хотя условия соглашения не предусматривают оказания помощи Советским Союзом Чехословакии в случае, если Франция откажется от своих обязательств по франко-чехословацкому пакту, советские военные руководители высказываются в пользу оказания помощи Чехословакии независимо от Франции...

3. Советские военные руководители открыто критикуют политику Англии и, похоже, убеждены, что миссия Ренсимена направлена на то, чтобы создать такое положение, которое облегчило бы отторжение Судетской области от Чехословакии.

4. Весьма вероятно, что в случае нападения на Чехословакию Красная Армия немедленно окажет ей помощь путем посылки авиационных частей, могущих действовать с баз на территории Чехословакии; число предназначенных для этого самолетов, конечно, невозможно точно установить, но предположительно 200 средних бомбардировщиков могут быть использованы для этой цели.

5. Сухопутные силы, направленные из Советского Союза в Чехословакию, могли бы быть готовы к выполнению своей миссии по прошествии нескольких недель после начала военных действий. Считают, что за это время позиция Польши и Румынии станет более ясной, что и даст возможность решить вопрос о том, какое направление следует избрать для прохода советских сухопутных сил в Чехословакию...

Нельзя исключать, что и Феймонвилл приукрашивал ситуацию. После “чисток” военных кадров Красная Армия не окрепла, а ослабла. Однако, как справедливо отмечает российский историк

Л.В. Поздеева, в Вашингтоне (так же как в Париже и Лондоне) продолжали исходить из информации, основанной на смеси антипатий к СССР и явно заниженных оценок его способности отразить натиск Гитлера⁶⁸. В заявлении государственного секретаря Хэлла по поводу мюнхенской конференции, которая, как было сказано, вызвала “всеобщее чувство облегчения”⁶⁹, сквозила явная недооценка советского фактора. Дэвис подошел к случившемуся с противоположной стороны, увидев в нем решающий шаг к войне. “Все очень плохо, — писал он 7 октября 1938 г. пресс-секретарю Белого дома Стиву Эрли. — Мюнхен по всем данным мог быть предотвращен... если бы Англия, Франция и Россия создали Западный и Восточный оборонительный военный союз против оси Берлин–Рим”⁷⁰. Он ничего не сказал о США, полагая, что в Вашингтоне и сами придут к правильным выводам.

Всем, кто подобно Дэвису и Додду, возлагали надежды на перемены во внешнеполитическом курсе США после Мюнхена в сторону улучшения советско-американских отношений, пришлось испытать разочарование. Суть этих отношений довольно точно была определена американской печатью как состояние “холодной неопределенности”⁷¹. М.М. Литвинов отмечал, что подходу администрации США были свойственны пассивность и нежелание добиваться надлежащего политического эффекта, который мог бы положительно повлиять на общую обстановку в мире...⁷². Фактическим подтверждением этой линии, были выступление Рузвельта 4 января и его заявление на пресс-конференции в начале февраля 1939 г. Суть их может быть выражена следующим образом: внешняя политика США остается неизменной и не будет изменена в будущем. США останутся вне войны⁷³, хотя будут искать способы противодействия агрессии. Рузвельт, говоря о ее жертвах, выделил “братские страны”. Все понимали, что в их число СССР не входит. Вашингтон продолжал активно поддерживать контакты с Гитлером и Муссолини. Москва не вошла в перечень столиц “первого плана”. Все это напоминало открытый бойкот.

Захват Германией Чехословакии 15 марта 1939 г. и утверждение диктатуры Франко в Испании не изменили эту политику, хотя психологически Америка приблизилась к важному рубежу. Мир сделал шаг к войне. Об этом напомнил все тот же Дж. Дэвис, который писал Стиву Эрли 29 марта 1939 г.: “Отсюда все выглядит в самых мрачных тонах. Английские и французские представители сейчас находятся в Москве с целью проведения переговоров с советскими руководителями (речь шла о миссии министра внешней торговли Англии Р. Хадсона. — *В.М.*). Они пытаются заставить Россию согласиться с предложенной ими “общей декларацией”. Но Москва настаивает на подкреплении этой декларации заключением конкретной военной конвенции трех держав, гарантирующей, что ей не придется сражаться с Гитлером в одиночку. Чемберлен

продемонстрировал свои гениальные способности выжидать вплоть до того момента, пока “процессия не прошла мимо”. На переговорах он почти упустил шанс договориться, а это значит, что все пойдет прахом, если им не удастся убедить Россию в том, что она не останется в изоляции. Если бы они два года назад встали на тот путь, которым следуют сейчас, Чехословакия не исчезла бы с политической карты Европы”⁷⁴.

Это очередное напоминание об “оборонительном союзе” западных держав и СССР затрагивало и вопрос об отношении к нему США. Но Дэвис из “деликатности” его обошел. Что понапрасну было лить слезы? Дэвис понимал, что доверие Москвы к Западу уже оказалось подорванным. Додд, не чувствуя себя связанным служебными обязательствами, писал 29 марта 1939 г. о том же послу республиканской Испании в Вашингтоне Фернандо де лос Риосу, не прибегая к умолчаниям: “Я страшно удручен, что ваша демократическая страна станет союзником Гитлера и Муссолини (речь шла о возможном присоединении франкистской Испании к странам “оси”. – В.М.). Но в условиях, когда Англия, Франция и *наша страна* (курсив мой. – В.М.) придерживались нейтралитета, едва ли была хоть малейшая надежда для вашей страны устоять”⁷⁵.

В исторической литературе часто встречаются утверждения, будто после захвата Чехословакии гитлеровцами госдепартамент и Белый дом обрели новый язык, а их неприязнь к Гитлеру достигла “точки кипения”⁷⁶. Увы, если бы все было так, в Вашингтоне, наверное, нашли бы способ доказать это на деле путем хотя бы изменения тона в отношении СССР или как-то иначе. Не случайно временный поверенный в делах СССР в США в телеграмме от 21 марта 1939 г. сообщал в Москву, что в Вашингтоне «иллюзии о “походе на Украину” (Германии. – В.М.) изживаются туго» и что там “питают немало надежд на то, что центр тяжести удастся перенести на гарантирование нами (безопасности. – В.М.) Румынии”⁷⁷. Это важное наблюдение советского дипломата приоткрывает завесу над психологической интригой, которой были заняты дипломатические ведомства Лондона, Парижа и Вашингтона и суть которой выражалась в отгадывании направления агрессии нацистов после Мюнхена, оккупации Праги и захвата Мемеля. Предпочтительность восточного направления – удар по СССР через Прибалтику, Чехословакию, Румынию и Польшу – делала в глазах западных дипломатов неразумным придание контактам с Москвой первостепенной важности.

В начале марта 1939 г. после длительного перерыва был назначен новый американский посол в Москву Л. Штейнгардт. Но он без серьезных причин не торопился с отъездом в Советский Союз, где всеми делами посольства занимался временный поверенный А. Керк. Белый дом, по-видимому, нисколько не тяготила эта затянувшаяся неопределенность. Вопреки утверждениям о том, что дипломатия США стремилась использовать все возможности для рас-

ширения контактов с советским правительством с целью оказания положительного влияния на проходившие в Москве англо-франко-советские переговоры, никаких серьезных действий не предпринималось. Допустимо предположить, что виною тому была Москва, ее антизападничество, желание подороже продать свои “акции” или тайное решение держать открытой дверь для сговора с Гитлером. При ближайшем рассмотрении выясняется, однако, что серьезной вины Советского Союза здесь не было, как не было и попыток со стороны США содействовать успеху самих переговоров (начиная с приезда Хадсона в Москву 23 марта) путем вмешательства в события в интересах положительного их исхода.

Соединенные Штаты не были заинтересованы в создании новой Антанты с участием Советского Союза. Их более устраивало урегулирование европейских проблем на основе компромисса с Гитлером и Муссолини в рамках какой-то общеевропейской договоренности. Участие Москвы предусматривалось в виде консультаций или просто подключения к согласованным с фюрером и дуче соглашениям. Общие контуры такого способа разрешения кризиса были обрисованы еще в начале января 1938 г. в так называемом плане Рузвельта—Уэллеса. Вплоть до марта 1940 г. этот план рассматривался президентом как рабочий документ к повестке дня европейского “умиротворения”.

Великим политикам тоже свойственно замешательство, растерянность, внезапный срыв. Плохо, когда это случается прилюдно. В Москве и в других европейских столицах, возлагавших надежды на Рузвельта, тяжелое впечатление произвел демарш президента, обратившегося 15 апреля 1939 г. с призывом к Гитлеру и Муссолини дать обещание воздержаться в течение по крайней мере десяти лет (!? — В.М.) от нападения на перечисленные в его послании 31 государство и согласиться на созыв международной конференции по вопросам разоружения и урегулирования спорных проблем. Оба диктатора дали отрицательный по существу и крайне издевательский по форме ответ на очередную инициативу Рузвельта. Муссолини назвал призыв президента проявлением скудоумия по причине “детского паралича”. Гитлер пообещал не нападать на Соединенные Штаты и откровенно усомнился в их способности предпринять что-либо реальное в условиях сохранения законодательства о нейтралитете. Близко к этому выводу подошли и советские вожди. Выступление Сталина на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г. с заявлением о нежелании “таскать из огня каштаны для других” уведомляло Вашингтон, что его авторитет в мировой политике сильно подорван.

Материалы архивов, контентанализ американской печати весны 1939 г. подсказывают ответы на вопрос, в чем лежал корень несовпадения взглядов Москвы и Вашингтона на развитие европейского кризиса в фазе его наивысшего обострения. Как это ни парадоксально, — все дело было в одинаковой трактовке реальной угрозы

второго (и может быть, еще более грандиозного) Мюнхена. Прогнозируя вынужденную отставку М.М. Литвинова (3 мая 1939 г.) и переход “ввергнутого в хаос” СССР к тактике “вооруженного нейтралитета”, хорошо информированная “Нью-Йорк Таймс” с явным подтекстом писала в конце марта – начале апреля 1939 г. об обреченности Литвы, других малых стран Восточной Европы и колеблющейся линии Англии, несмотря на предоставление ею гарантий Польше⁷⁸. В “польском сюрпризе” Чемберлена увидели даже отчаянную попытку вернуть Гитлера за стол переговоров с последующим выторговыванием мира за счет новых территориальных уступок. В Москве читали американские газеты и могли судить о том, как низко оценивалась Соединенными Штатами возможность англо-франко-советского альянса с присоединением к нему впоследствии Америки. Уолтер Дюранти в корреспонденциях из Москвы открыто писал о вполне понятных сомнениях Кремля в искренности желания Лондона и Парижа пойти на сближение с ним и о стремлении Советского Союза самому позаботиться о собственной безопасности.

Во многих работах российских и зарубежных исследователей убедительно раскрыта эта тема⁷⁹. В частности, в них показано, что ни Англия, ни Франция не были заинтересованы в дипломатическом прорыве в Москве, ведя наряду с контактами с советскими представителями примерно на том же уровне зондаж позиции Германии. Что менее известно, так это пристальное внимание к этим переговорам со стороны США и определенная зависимость их внешнеполитического курса от затягивания переговоров о масштабном (со взаимными обязательствами участников) антигерманском пакте западных демократий и СССР. Известный специалист по России, с авторитетным мнением которого в госдепартаменте очень считались, профессор Чикагского университета Самуэл Харпер после своего посещения Европы и Советского Союза в мае–июне 1939 г. в пространном отчете государственному департаменту отразил эту зависимость и обусловленную отчасти ею реакцию Кремля. Приведем фрагменты из заключительной части отчета: “Я уже выражал свой скептицизм относительно возможности подписания англо-франко-советского пакта. Москва не подпишет его, пока он не будет удовлетворять выдвинутому ею условиям. А эти условия выглядят вполне обоснованными, если видеть в таком пакте эффективную программу, способную остановить дальнейшую агрессию... Принимая во внимание отношение Чемберлена и Боннэ к советскому правительству, от последнего трудно ожидать полного доверия к этим двум политикам... Каждому, кто следит за англо-франко-советскими переговорами, ясно, что они имеют определенное отношение и к Америке, а американская политика, в свою очередь, испытывает, по всей видимости, влияние идущих переговоров и в особенности их затяжки... Возможно, это не более чем предположение, но мне кажется, что отказ Америки осуществить в позитивном духе путем изменения

законодательства о нейтралитете ту внешнеполитическую концепцию, которая как будто бы была сформулирована в апрельских посланиях Рузвельта, заставил советских участников переговоров занять более осторожную позицию по вопросу о подписании заключительного пакта с Англией и Францией... В конечном счете Советский Союз и Америка испытывают в определенной мере одинаковые сомнения по поводу того, искренне ли ведут дело Чемберлен и Боннз”⁸⁰.

Взаимное отталкивание возникало как бы само по себе, помимо желания сторон. В Москве после оккупации немцами Чехословакии (к образованию которой США имели прямое отношение) и Мемеля (22 марта 1939 г.) считали, что Запад смирился и с могущим произойти со дня на день новым “исправлением” границ – ликвидацией Польского коридора и поглощением Прибалтики нацистами, начиная с Литвы. В “большой прессе”, в дипломатических ведомствах, в промышленных кругах, радующихся буму военных заказов, прогнозировали именно такое развитие событий. Тень “второго Мюнхена” обрела вполне реальные очертания. Не в этой ли плоскости лежит объяснение, почему в Вашингтоне бесстрастно прореагировали на сообщения прессы о планах Гитлера “решить” проблему Данцига не позднее конца мая 1939 г.⁸¹ и на информацию У. Буллита, приехавшего в США в начале июля и высказавшего столь же категорично убеждение, что Польшу в ближайшем будущем ждет участь Чехословакии⁸². Даже Буллит начинал опасаться, что этот курс, к осуществлению которого он сам приложил руку, из-за неизменной позиции Англии и Франции принесет в итоге нежелательные результаты. Усомнившийся в возможности проконтролировать действия Гитлера американский посол в Париже пытался “расшевелить” президента, побудить его к более активной позиции. Но все было напрасно. И лишь тогда, когда в Вашингтоне благодаря информаторам, работавшим в германском посольстве в Москве, стало известно, что Берлин и Москва тайно планируют блиц-операцию по подписанию пакта о ненападении, было решено вмешаться и побудить советских лидеров отбросить сомнения и с полным доверием отнестись на этот раз к дружественным жестам Лондона и Парижа.

В столице США, испытавшей шок от отставки М.М. Литвинова с поста руководителя советского дипломатического ведомства (3 мая 1939 г.), попытались удержать Москву от ухода в глухую изоляцию. «В России, – писал по поводу возникшей парадоксальной ситуации влиятельный журнал “Бизнес уик” в номере от 13 мая 1939 г., – еще вчера наплевательски игнорируемой всеми, увидели спасение от угроз, об устранении которых молили небо».

Последовала череда робких шагов к сближению. Государственный секретарь Корделл Хэлл удивил сменившего А.А. Трояновского нового полпреда СССР К.А. Уманского заявлением об особой за-

интересованности США в расширении торговли с СССР “как по политическим соображениям, так и ввиду общности миролюбивой политики”. Вслед за тем временный поверенный в делах США в Москве С. Грамон посетил замнаркома иностранных дел СССР В.П. Потемкина и поставил вопрос о возобновлении торгового соглашения, заключенного двумя странами в 1937 г. В беседах с Уманским 6 и 30 июня 1939 г. Рузвельт критиковал Лондон и Париж за “старомодную дипломатическую возню” и убеждал его, что «пути к дальнейшему “умиротворению” для Англии отрезаны»⁸³. Неясно, что имел в виду президент – вероятность нажима на Чемберлена со стороны Вашингтона? Или эта фраза из телеграммы Уманского не связана с существом разговора в Белом доме? Похоже, что так. Это подтверждается тем, что в секретном письме Самнера Уэллеса, посланном со специальным курьером через Париж послу США в Москве (в нем заместитель госсекретаря по поручению президента информировал Штейнгардта о беседе с Уманским), всякое упоминание об отношении Рузвельта к политике “умиротворения” вообще отсутствует⁸⁴. Само же письмо Уэллеса Л. Штейнгардту ушло в Париж 4 августа 1939 г., а затем было отправлено диппочтой У. Буллитом Л. Штейнгардту в Москву только 12 августа 1939 г., в день открытия англо-франко-советских переговоров⁸⁵.

Штейнгардт смог встретиться с народным комиссаром иностранных дел СССР В.М. Молотовым только 16 августа 1939 г. Молотов, наверняка, рассчитывал услышать нечто важное, но посол, следуя инструкции президента, усиленно нажимал лишь на то, что переговоры необходимо продолжать, хотя Соединенные Штаты “не в состоянии принять на себя ответственности или дать уверения относительно шагов, которые намерены предпринять Англия и Франция в связи с переговорами с СССР”⁸⁶. Таким образом, в тоне дружеского внушения, СССР подталкивали к лобовому столкновению с Германией, не беря (вновь и вновь) на себя конкретных обязательств и убеждая поверить на слово в то, что позиция Англии и Франции кардинально изменилась. Если Сталин и его сподвижники к этому моменту уже приняли решение, то эта беседа со Штейнгардтом, ни к чему в сущности не обязывающая, могла только убедить Кремль в правильности его решения.

Даже тот, кто хотел бы видеть в позиции США в связи с московской драмой августа 1939 г. высокий образец бескорыстия и благородства, не сможет никогда доказать, что Москва, столкнувшаяся с повышенными рисками на Востоке и на Западе, могла легкомысленно позволить заманить себя в опаснейшую дипломатическую ловушку. Менее всего это было похоже на Сталина и его обычаи. Запад проявил непозволительную недооценку этого фактора. Стремясь переложить всю вину за развязывание Второй мировой войны с мюнхенцев на Советский Союз, некоторые историки внешней политики США приписывают ей созидающую роль заинтересованного

посредника, озабоченного только одним – как расчистить путь к коалиции антифашистских стран. С этим трудно согласиться хотя бы потому, что сам Франклин Рузвельт в откровенной беседе с Джозефом Дэвисом в октябре 1942 г. признал, что его страна в предшествующее войне десятилетие “не была готова ни к осознанию возникшей угрозы, ни к признанию выпавшей на ее долю ответственности”⁸⁷. Можно сослаться и на беседу Гарри Гопкинса с де Голлем 27 января 1945 г. В ходе ее ближайший советник Рузвельта выразил принципиальное согласие с последним, когда председатель Временного правительства Французской республики сказал, что США фактически самоустранились в 1939 г. от дела обеспечения европейской безопасности. Процесс перенастройки затянулся вплоть до поражения Франции⁸⁸.

Однако менее всего российские историки могут позволить себе резонерствовать по поводу мотивов, вынудивших руководителей внешней политики США медлить с наведением мостов с Советским Союзом в кризисные предвоенные годы. Причины существовавших в этом деле трудностей и препятствий были многообразны. В Америке, например, остро реагировали на нагнетание (особенно в связи с процессами 30-х годов) настроений антизападничества в советском обществе, постоянное напоминание советскими лидерами о классовом характере международных отношений, ужесточение режима закрытого общества. Для традиционно американского мышления был непонятен элитарный характер советской внешней политики, в которой нация посредством общественного мнения не принимала никакого участия. Дехристианизация духовной жизни в России, антирелигиозные акции вроде разрушения храмов также не способствовали росту симпатий к ней, какими бы впечатляющими ни выглядели экономические показатели. Если воспользоваться термином, предложенным американским социологом Робертом Таккером, ввести в строй российско-американский “кондоминиум”⁸⁹ не удалось из-за дефицита средств, воли и взаимодоверия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. XIII. P. 342–354.

² См. ДВП СССР: В 21 т. М., 1957–1977; Т. IX. С. 26, 312, 313.

³ Maddox R.J. William E. Borah and American Foreign Policy. Baton Rouge, 1969. P. 190.

⁴ О преобразовательных усилиях советского руководства в научно-технической области см.: Шишкин В.А. “Полоса признаний” и внешнеэкономическая политика СССР (1924–1928 гг.). М., 1983; Вернадский В.И. Дневники (1921–1925). М., 1998; Есаков В.Д., Рубинин П.Е. Капица, Кремль и наука. М., 2003. Т. 1. Нет недостатка в путевых заметках американцев, засвидетельствовавших рост интереса в постреволюционной России к достижениям американской экономики, науки и техники. В бумагах сенатора У. Бора хранится письмо

известной американской общественной деятельницы Дороти Детцер, содержащее критические высказывания в отношении ведущейся в американской печати кампании по поводу “советского вмешательства” во внутренние дела США, инспирированной противниками признания. Она писала в апреле 1933 г.: “Хотя я не являюсь знатоком марксистской теории, я считаю, что русские исходят из невозможности экспортировать революцию в саквояжах иностранной принадлежности. Они полагают, что революции вызревают в силу условий, сложившихся внутри страны. Поэтому они не собираются заниматься миссионерством у нас. Из собственного опыта знаю, что они целиком поглощены строительством своей страны” (LC. W. Borah Papers. Box 371. *D. Detzer to U. Grant-Smith*, Apr. 12, 1933).

⁵ *Williams W.A. American-Russian Relations, 1781–1947*. N.Y.; Toronto, 1952.

⁶ См. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 145, 147, 152.

⁷ См. ДВП СССР. Т. III. С. 84; Советско-американские отношения. Годы непризнания, 1927–1933.: Документы / Научн. ред. Г.Н. Севостьянов, Дж. Хэзлем. М., 2002. С. 26, 33, 34, 57–59 и др.; *Мальков В.Л.* Новый курс или старый курс? Российская внешняя политика в 1917–1918–1922 гг. // Чичеринские чтения / Отв. ред. А.Г. Айрапетов. Тамбов, 2003. С. 181–195.

⁸ *Williams W.A.* Op. cit. P. 225; *Вальков В.А.* СССР и США (Их политические и экономические отношения). М., 1965. С. 179; *Bennett E.M.* Franklin D. Roosevelt and the Search for Security: American-Soviet Relations, 1933–1939. Wilmington, 1985.

⁹ *Filene P.G.* Americans and the Soviet Experiment, 1917–1933. Camb., 1967. P. 195.

¹⁰ *Wilson E.* Travels in Two Democracies. N.Y., 1936. P. 320, 321.

¹¹ *Maddux Th.R.* Years of Estrangement. American Relations with the Soviet Union. 1933–1941. Tallahassee, 1980. P. 9.

¹² В защиту установления нормальных дипломатических и экономических отношений все решительнее выступало левоцентристское течение в профсоюзах США, крупнейшие газетные синдикаты вроде Скрипс-Говарда, деловые круги (см.: Советско-американские отношения. Годы непризнания. С. 567–573).

¹³ *Maddux Th.R.* Years of Estrangement. P. 9.

¹⁴ LC. W. Borah Papers. Box 371. *J. Davis to Borah*. Febr. 13, 1933.

¹⁵ *Journal of Commerce*. 1933. Mar. 2.

¹⁶ *Literary Digest*. 1933. Mar. 18.

¹⁷ *Maddux Th. R.* Op. cit. P. 11.

¹⁸ LC. W. Borah Papers. Box 371. *Borah to A. Wunstorff*, Jan. 27, 1933.

¹⁹ LC. F. Frankfurter Papers. Box 147. *Frankfurter to J.E. Davis*, Febr. 25, 1933; LC. W. Borah Papers. Box 371. *J. Davis to Borah*. Mar. 20, 1933.

²⁰ WSHSL. R. Robins Papers. Box 25. *Robins to* (фамилия адресата неразборчива), Mar. 17, 1933.

²¹ LC.W. Borah Papers. Box 401. *R. Robins to Borah*, Oct. 31, 1933.

²² *De Santis H.* The Diplomacy of Silence: The American Foreign Service, the Soviet Union and the Cold War, 1933–1947. Chicago, 1980.

²³ LC. W. Borah Papers. Box 401. *R. Robins to Borah*, Oct. 31, 1933.

²⁴ Ibid.; WSHSL. R. Robins Papers. Box 25. *Robins to J. Addams*, Aug. 26, 1933.

²⁵ LC. W. Borah Papers. Box 401. *R. Robins to Borah*, Oct. 31, 1933; Б.Е. Сквирский в телеграмме в НКВД СССР от 17 октября 1933 г. писал: «Рузвельт имел беседу с Робинсом и Купером об СССР. Он сказал обоим, что собирается вскоре признать СССР, но не сказал об имеющихся месте переговорах. Получаемые мною сведения говорят о серьезности намерений Рузвельта. Избранный им путь разговоров для получения заверений объясняется желанием “успокоить оппозицию”» (ДВП СССР. Т. XV. С. 576).

²⁶ Севостьянов Г.Н. Миссия М.М. Литвинова в Вашингтон в 1933 г.: Новые материалы // Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 148–175.

²⁷ ДВП СССР. Т. XVI. С. 609, 610, 621.

²⁸ Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. P. 80, 81; Soviet Diplomacy and Negotiating Behaviour: Emerging New Context for U.S. Diplomacy. Wash., 1979. Vol. I. P. 77, 78.

²⁹ Ibid. P. 75, 77; Offner A.A. American Appeasement. United States Foreign Policy and Germany. N.Y., 1969. P. 279.

³⁰ FDRL. PSF. Box 67. W. Bullitt to Secretary of State. April 22, 1934 (этот документ не вошел в книгу: For the President: Personal and Secret. Correspondence between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullitt / Ed. by O.H. Bullitt. Boston, 1972); W. Bullitt to F.D. Roosevelt, Aug. 5, 1934; W. Bullitt to C. Hull, Oct. 2, 1934 (этот важный документ также не вошел ни в одно из вышедших в США изданий дипломатических бумаг); W. Bullitt to F.D. Roosevelt, Apr. 7–8, 1935.

³¹ ДВП СССР. Т. XVI. С. 658, 659, 675.

³² См.: Там же. С. 641, 642–644, 654.

³³ Farnsworth B. William Bullitt and the Soviet Union. Bloomington, 1967; Кенан Дж. Дипломатия Второй мировой войны. М., 2002. С. 58.

³⁴ New York Times Magazine, 1936. Sept. 6.

³⁵ FDRL. PSF. Box 67. W. Bullitt to Roosevelt, Jan. 1, 1934.

³⁶ См.: ДВП СССР. Т. XVI. С. 758; For the President: Personal and Secret. P. 61–73; FRUS. Diplomatic Papers. The Soviet Union 1933–1939. Wash., 1952. P. 55–62.

³⁷ FDRL. PSF. Box 67. W. Bullitt to Secretary of State. Apr. 22, 1934.

³⁸ Ibid. W. Bullitt to F.D. Roosevelt, Aug. 5, 1934.

³⁹ См. Цветков Г. Политика США в отношении СССР накануне Второй мировой войны. Киев, 1973. С. 36.

⁴⁰ For the President: Personal and Secret. P. 71.

⁴¹ FDRL. PSF. Box 67. W. Bullitt to C. Hull, Oct. 2, 1934; Источник. 2000. № 6. С. 72.

⁴² См.: Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность. М., 1976. С. 208.

⁴³ FDRL. PSF. Box 67. W. Bullitt to F.D. Roosevelt, Apr. 7, 1935; W. Bullitt to F.D. Roosevelt, Apr. 8, 1935; For the President: Personal and Secret. P. 103–106.

⁴⁴ LC. W.E. Dodd Papers. Box 43. J. Daniels to Dodd, Oct. 16, 1934.

⁴⁵ LC. Joseph E. Davies Papers. Box 3. Diary. Aug. 25, 1936.

⁴⁶ Ibid. Diary. Aug. 28, 1936.

⁴⁷ Ibid. Memorandum. Febr. 1, 1937; Box 4. Memorandum of a Conversation between the Ambassador and a Soviet Official. Mar. 24, 1937.

⁴⁸ Ibid. Box 4. Diary. Febr. 16, 1937.

⁴⁹ Ibid. Box 3. Davies to R.W. Moore, Febr. 5, 1937; Box 4. Davies to C. Hull. Mar. 15, 1937; Davies to M. McIntyre. Mar. 15, 1937.

⁵⁰ Ibid. Box 4. Diary. Mar. 24, 1937 (Coulandre).

⁵¹ Ibid. Diary. Mar. 24, 1937 (Conferred with Lord Chilston).

⁵² Ibid. Box 5. Davies to S. Early, July 4, 1937.

⁵³ Ibid. Box 6. Journal. Nov. 11, 1937.

⁵⁴ Ibid. Box 7. Davies to S. Welles. Mar. 1, 1938.

⁵⁵ Ibid. Davies to K. Pittman, Mar. 26, 1938.

⁵⁶ См. Белоусова З.С. Указ. соч. С. 287–289; Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1979. С. 162.

⁵⁷ LC. Joseph E. Davies Papers. Box 7. Diary. Mar. 30, 1938.

⁵⁸ Harper J.L. *Amerikan visions of Europe*. Franklin D. Roosevelt, George F. Kennan, and Dean G. Acheson. Cambridge (Mass.), 1994. P. 53.

⁵⁹ *Davies J.E.* Mission to Moscow. L., 1942. P. 195–202.

⁶⁰ FDRL. President's Personal File. Folder 1381. *J.E. Davies* to *M.H. McIntyre*, Apr. 4, 1938; LC. Joseph E. Davies Papers. Box 7. *Davies* to *M.H. McIntyre*. Apr. 4, 1938.

⁶¹ *Davies J.E.* Op. cit. P. 201; *Севостьянов Г.Н.* Москва–Вашингтон. Дипломатические отношения 1933–1936. М., 2002. С. 501–510.

⁶² LC. Joseph E. Davies Papers. Box 9. *Davies* to *Lord Davies*, Oct. 29, 1938.

⁶³ *Kennedy D.M.* Op. cit. P. 419.

⁶⁴ FDRL. PSF. Folder 1381. *J.F. Davies* to *M.H. McIntyre*. July 10, 1937.

⁶⁵ LC. Joseph E. Davies Papers. Box 5. "Importance of Industry to Defence". July 28, 1937.

⁶⁶ Ibid. Box 9. *Davies* to *M. Tydings*, Sept. 15, 1938; *Davies* to *H. McIntyre*, Sep. 20, 1938.

⁶⁷ FDRL. Harry L. Hopkins Papers. Box 190. Folder: Eastern European Branch. Vol. 2. (10 Febr. – 20 Dec. 1938). G–2 Report. Subject: Foreign Affairs–General. Central European Crisis (документ рассекречен в мае 1973 г.).

⁶⁸ *Поздеева Л.В.* Указ. соч. С. 215.

⁶⁹ Документы по истории Мюнхенского сговора, 1937–1939. М., 1979. С. 337.

⁷⁰ LC. Joseph E. Davies Papers. Box 9. *Davies* to *S.T. Early*, Oct. 7, 1938.

⁷¹ См. *Цветков Г.* Указ. соч. С. 143.

⁷² СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. С. 81.

⁷³ *Roosevelt F.D.* Development of U.S. Foreign Policy. Addresses and Messages of FDR. Wash., 1942. P. 33.

⁷⁴ LC. Joseph E. Davies, Papers. Box 9. *Davies* to *S. Early*, Mar. 29, 1939.

⁷⁵ LC. W.E. Dodd Papers. Box 56. *Dodd* to de los Rios, Mar. 29, 1939.

⁷⁶ *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. P. 183.

⁷⁷ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. С. 260, 261; *Carley M.J.* The Alliance That Never Was and the Coming of the World War II. Chicago, 1999. P. 82.

⁷⁸ New York Times. Mar. 19. P. E3; Mar. 31. P. 1; Apr. 1. P. 1; Apr. 3. P. 14.

⁷⁹ *Carley M.J.* Op. cit. P. 179–212; Parker R.A.C. Chamberlain and Appeasement. British Policy and Coming of the Second World War. Houndmills, 1993. P. 216–245; *Городецкий Г.* Миф "Ледокола": накануне войны. М., 1995. С. 51–57; Мюнхен – поворот к войне. "Круглый стол" // История и историки. М., 1990. С. 6–64.

⁸⁰ Georgetown University Library. Robert E. Kelley Papers. Box 3. Folder 11a. Samuel N. Harper. A Sixth Visit to the Soviet Union. July 26, 1939.

⁸¹ См.: *Business Week*. 1939. May 13. P. 56, 57; СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. С. 461–463.

⁸² LC. Harold L. Ickes Papers. Box 162. *Ickes* to *R. Robins*, July 5, 1939.

⁸³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 214. Л. 56, 173; СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. С. 478.

⁸⁴ LC. Laurence A. Steinhardt Papers. Box 27. *S. Welles* to *Steinhardt*, Aug. 4, 1939.

⁸⁵ Ibid. *W. Bullitt* to *Steinhardt*, Aug. 12, 1939.

⁸⁶ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. С. 604.

⁸⁷ LC. Joseph E. Davies Papers. Box 12. Memorandum. Diary Entry Dictated by Joseph Davies on October 16. Immediately upon his return from the White House.

⁸⁸ См.: Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1983. Т. 2. С. 424–425.

⁸⁹ *Tucker R.C.* Politics as Leadership. Columbia; L., 1981. P. 152.

НАД ПРОПАСТЬЮ

ЖИТЬ ПО ФОРМУЛЕ: “ОСТАВАТЬСЯ ВНЕ ВОЙНЫ”.
ВНУТРЕННИЙ АСПЕКТ

У российского историка свой угол зрения на начало Второй мировой войны. Для него она началась с нападения Японии на Северо-Восточный Китай в 1931 г., с военных провокаций Японии в феврале 1936 г. и с широкомасштабного советско-японского конфликта с применением тяжелых вооружений на монгольско-манчжурской границе в мае–сентябре 1939 г. Кровопролитные затяжные бои на реке Халкин-Гол происходили в тот самый момент, когда в Москве, Лондоне, Париже и Берлине велись переговоры, от которых зависела судьба мира. Ситуация 1938–1939 гг. явно имела все признаки общецивилизационного кризиса, в ходе которого человечество вновь оказалось на грани глобальной катастрофы, однако политики и дипломаты ведущих держав вели себя так, словно они утратили благоразумие, чувство ответственности и перестали понимать происходящее.

При этом шансы на сохранение мира весной и летом 1939 г. были как будто бы даже выше, чем в июле–августе 1914 г. Накануне Второй мировой войны блоку агрессоров – державам “оси” противостояли остальные великие державы, не желавшие воевать и не планировавшие это делать. Одно только их сплочение и дружно выраженное стремление к сопротивлению агрессии могли “сковать” агрессора, локализовать его действия (особенно на стадии замысла и подготовки его осуществления) и в итоге заставить отступить. Но миром овладело ложное сознание, навеянное установкой “все против всех”. Отмеченная духом морального упадка и разброда, взаимонедоверия особая обстановка в лагере неагрессивных стран сделала их дипломатию заложницей политики умиротворения любой ценой. В каждом отдельном случае она проводилась на свой лад, но всегда с большим или меньшим ущербом и даже позором для национальной чести, достоинства и престижа.

Англия и Франция – гаранты Версальской системы – молчаливо согласились с японскими захватами в Азии и даже поощряли их; политикой невмешательства в испанские дела они содействовали приходу к власти Франко и позволили Гитлеру и Муссолини поверить в свою безнаказанность. Лондон и Париж фактически санкционировали аншлюс Австрии и поставили подписи под позорным Мюнхен-

ским соглашением. Со своей стороны Советский Союз, или точнее его номенклатурно-бюрократическая элита, опасаясь быть вновь изолированной и раздавленной под напором внешних брутальных сил, в дипломатическом маневрировании преступила некий моральный порог, установленный ею самой, и заключила в августе–сентябре 1939 г. пакт о ненападении с приложением целого пакета секретных соглашений со ставшей внезапно “дружественной” нацистской Германией. Советское государство, громче всех на протяжении всех предвоенных лет призывавшее к коллективной безопасности, установило с “третьим рейхом” добрососедские отношения, повесив ярлык агрессоров на его противников.

Была ли эта духовная распушенность и политическая беспринципность уделом государственных деятелей, принадлежавших к поколению, испытывавшему на себе ожог четырех военных лет, и любыми средствами пытавшихся избежать повторной пытки тотального каннибализма, каким была Первая мировая война? Или мы сталкиваемся с явлениями иного порядка? Наиболее близко к ответу на эти вопросы подошел Альфред Вебер, видный немецкий социолог культуры и политолог, переживший трагедии обеих мировых войн и много размышлявший над природой раздвоенного сознания, управлявшего народами и государствами накануне Второй мировой войны, их кумирами и лидерами. А. Вебер делал вывод: “Короче говоря, в самых различных маскировках и нюансах возникло смятение, в котором наиболее активным проявлением оставалось, с одной стороны, еще наивное, с другой – очень рафинированное практически чисто нигилистическое преклонение перед силой. Возникший в этой духовной атмосфере гитлеризм с его скрытыми за национальными и иными фразами чисто нигилистическими лозунгами и методами нашел хорошо подготовленную почву не только в Германии”¹.

По другому выразил ту же мысль Томас Манн, сказав, что эпоха 30-х годов оказалась сильно скомпрометированной перед историей. Понять и объяснить внешнюю политику США в предвоенное десятилетие вне этого сложного, кафкианского контекста, в котором переплетались геополитические, экономические, идеологические, этнокультурные, психологические мотивы и противоречия, просто невозможно. Кому-то она представлялась ограниченной, замкнутой на сугубо внутренние интересы, континентальные приоритеты и антиевропейской в принципе, кому-то точной копией вильсоновского идеализма по преимуществу, кому-то двуличной и предельно эгоистичной по существу. В европейских столицах и в Москве в ней определенно видели стремление выждать, использовав выгоды географического положения, с тем чтобы в решающий момент выйти вперед и продиктовать свои условия урегулирования кризиса. Но в Кремле, может быть, даже больше, чем где-то еще, были уверены также в антинацистских, антигерманских настроениях, доминирующих среди нью-диллеров, и сдвинувшемся влево общественном мнении США.

Показательно, что Сталин санкционировал резкую критику левых настроений в американской компартии на VII конгрессе Коминтерна в 1935 г., не пощадив самолюбия ее лидеров, не заметивших принципиального различия между прогрессистским “новым курсом” с его “добрососедской” внешнеполитической составляющей и антитезой ему в лице консервативной оппозиции с ее симпатиями к “третьему рейху” и непримиримой враждебностью к Советскому Союзу. В Кремле стремились учитывать размежевание по вопросам внешней политики, существовавшее в США, стараясь угадать, чью сторону займет Рузвельт. При этом надежды связывались с той частью вашингтонского политического истеблишмента, которая после Мюнхена заняла острокритическую позицию по отношению к Англии. В Москве обнаружили, что ее собственные оценки общей ситуации в Европе и на Дальнем Востоке в целом совпадали или были близки прогнозам этой части американских политиков, сделанным в связи с наглым натиском германского нацизма против мирового порядка, сложившегося после Версаля, дальнейшим расширением японской агрессии и саморазоблачением мюнхенцев.

Именно Мюнхен встряхнул те пласты американского общества, которые пребывали в благодушии или воспринимали фашизм как явление преходящее, поддающееся самолечению. Упования на “пацификацию” Германии улетучивались. Началась мучительная переоценка европейских реалий и признание неуместности послеверсальской отстраненности от них. В прессе и правительственных кругах США заговорили о поисках альтернативы политике уступок Гитлеру и созерцательной равноудаленности от сторон в назревающем общемировом конфликте. Мюнхен заставил Вашингтон взглянуть на Советский Союз, как на возможного, хотя и менее всего подходящего партнера, чьи глобалистские притязания (“оплот мировой революции”) и неподдающиеся объяснению пугающие сталинские “процессы” и “чистки” создавали неблагоприятный фон для сближения двух таких разных, но в чем-то неувовимо схожих держав. Геополитика в ее новом облики повелительно вторгалась в планы рузвельтовской администрации, требуя их существенной коррекции. В мире, который, по словам Рузвельта, становился все теснее, главной задачей народа являлось спасение страны и ее институтов “от разрушения извне”.

Вернемся в этой связи к бумагам Джозефа Дэвиса, к тем из них, в которых Дэвис выступает не как дипломат, а как хорошо осведомленный о настроениях в стране наблюдатель. В частной переписке и дневниках он воспроизвел коллизию невысказанных тревожных ожиданий американцев относительно лавинообразного развития событий в сторону глобального военного конфликта и меняющегося суждения о мире и о своей роли в нем. Впрочем, сам Дэвис, давно пришедший к выводу о губительной недальновидности политики “практических решений” по исправлению Версаля, полагал, что время для того, чтобы из-

бежать обвала, было непростительно упущено, хотя, может быть, и не навсегда. Слишком беспардонно, как он полагал, обошлись с самолюбием советских лидеров, перекроив карту Европы в Мюнхене, слишком сильным могло оказаться стремление советского руководства принять ответные, возможно аналогичные, меры.

29 октября, ровно через месяц после мюнхенской сделки, уже будучи американским послом в Бельгии, в предчувствии контрдемарша Сталина Дж. Дэвис написал длинное письмо лорду Дэвиду Дэвису, крупному английскому промышленнику, убежденному противнику политики “умиротворения”. Дэвис-американец не сомневался, что будет понят Дэвисом-англичанином. Текст послания напоминает, скорее, служебную записку: изложение выводов из анализа ситуации, сложившейся в Европе после Мюнхена, дается по пунктам, в строгой манере чисто деловой переписки. Хотел ли посол показать тем самым, что его диагноз не отягощен эмоциями и есть плод хладнокровного и беспристрастного обдумывания ситуации, какой она виделась “со стороны”? Очень возможно.

Брюссель

29 октября 1938 г.

Мой дорогой лорд Дэвис!

Ваше письмо я получил по возвращении из Баден-Бадена после “обследования и курса лечения” и вот сейчас спешу ответить Вам.

Я согласен с Вами в том, что виды на будущее демократии и межгосударственные отношения, основывающиеся на законе, равенстве и уважении прав других стран, представляются сегодня в мрачном свете.

Всем верховодят диктаторы

Для такого наблюдателя, каким я являюсь здесь, в Европе, находясь на своем посту, все выглядит однозначно: диктаторские режимы прочно удерживают позиции. Передовые анклавы демократии – Англия, “колыбель свободы”, и другие демократические страны в Европе – дрогнули под напором фашистских держав. Честно говоря, я с трудом могу все это понять. Правительства этих стран в состоянии какого-то помутнения решают, должны ли они пресмыкаться перед диктаторами или лобызаться с ними.

Англия отходит в сторону

Я не знаю, к худу это или к добру, но никто не озабочен созданием оси Лондон–Париж–Москва в противовес “оси” Берлин–Рим, с тем чтобы сохранить баланс сил и остановить параноидальный фашизм Гитлера. Только такая ось могла бы удержать Гитлера от разграбления Австрии и Чехословакии. Если вернуться к вопросу о переходе Англии в оборону, который Вы подняли в своем письме, то я должен сказать, что Англия уже перешагнула роковой рубеж и сейчас у нее нет другого выбора. Она решительно отказалась от 20 дивизий (разве чешская линия Мажино не эквивалентна этому числу?) и предоставила Гитлеру контроль над еще большим числом чешских и австрийских дивизий.

Итак, по крайней мере до тех пор, пока они не завершат перевооружение, Англия и Франция, как представляется, будут препираться, покорно соглашаясь с требованиями Гитлера и Муссолини и не решаясь ни на что более серьезное, чем блошинные укусы.

Кто-то может предположить, что правительство Чемберлена имеет некий определенный план сохранения мира в Европе. Он базируется на теории, что мир в Европе может быть обеспечен совместными усилиями либо Англии и Гитлера, либо Англии и Муссолини, но в последнем случае Муссолини еще нужно разлучить с Гитлером. Но, вероятнее всего, именно Гитлер и Муссолини сколотят гангстерский союз. Во всяком случае нам остается только надеяться, что в Европе нет места для этих двух Цезарей и Неронов и в конечном итоге наша безопасность и мир в отдаленном будущем будут обеспечены.

К вопросу о вмешательстве США

Вы утверждаете, что в сложившихся условиях единственная надежда избежать катастрофы связана с “моей великой страной”, которой следует, пока не поздно, восстановить равновесие.

Конечно, с нашей стороны не очень-то красиво критиковать Англию и Францию за неспособность сохранить стабильность, в то время как мы сами не захотели взять на свои плечи нашу часть этого бремени. У нас нет права кого-либо критиковать, поскольку на суд истории мы явились не с чистыми руками. Однако, честно говоря, непосредственно нас этот пожар не затрагивал, и мы не находимся под прямой угрозой.

Моим ответом на Ваше пожелание о том, чтобы Америка пока не поздно вмешалась в европейские дела, будет следующее соображение: многие американцы из того, что они видели, — а они считают это предательством Чехословакии ее союзниками и друзьями, — сделали вывод в пользу невмешательства, поскольку Европа не заслужила ничего другого.

Мюнхен и американское общественное мнение

До Мюнхена в США существовала уверенность в надежности тех обязательств, которые некоторые великие европейские державы взяли на себя по договорам. Тот факт, что Англия и Франция бросили Чехословакию в волю пасть в Мюнхене, да и все их отношение к Гитлеру в сознании многих людей не только в Европе, но и у нас в стране разрушили эту уверенность. Это важный результат Мюнхена. В этом своем проявлении он пересек Атлантику и достиг США, усилив влияние циничного изоляционизма, который достался нам в наследство от последней войны с кайзером.

США все еще достаточно сильны духом, чтобы отреагировать на заигрывание с Гитлером как на проявление аморальности. Вера разрушена; будет ли она восстановлена, сейчас сказать нельзя. До Мюнхена Гитлеру удалось сделать с нашим общественным мнением то, во что никто не мог бы поверить. Он убедил Соединенные Штаты в том, что они должны отказаться от своей изоляционистской позиции. Этим он сослужил настоящую службу делу мира. Но предательство Чехословакии в Мюнхене и вызванные им шок и негодование нашего народа и общественного мнения нельзя переоценить. По крайней мере, если судить по прессе, — а я очень тщательно слежу за ней, — речь Чемберлена “Мир современному человечеству” оценивается как нравственное падение. Вообще Мюнхен рассматривается как вероломство, как отказ от честных договорных обязательств, данных мужественному бастиону демократии”².

Волна возмущения глумлением над Чехословакией поднималась в США все выше. Уж если консервативная печать не скрывала своего недовольства тем, что произошло в Мюнхене под прикрытием высоких слов о долгожданном мире и спокойствии народов Европы, то реакция давних сторонников возрождения сил сдерживания аг-

рессии в мире с привлечением Советского Союза была еще более категоричной. Р. Робинс писал в частном письме М. Дрейер 14 октября 1938 г.: “Если Вы читали ответ Дороти Томпсон (известная американская журналистка, супруга писателя Синклера Льюиса – В.М.) в разделе “События дня” в “Нью-Йорк геральд трибюн”, тогда Вы, бесспорно, более глубоко сможете оценить значение позорной и трусливой капитуляции Англии и Франции в Мюнхене. Пять миллионов братьев во Христе станут жертвами беззакония, фашиствующие дьяволы будут подвергать их всякого рода репрессиям, грабить, истязать и уничтожать. Если бы началась война, Гитлер и Муссолини были бы разбиты, а фашистское движение остановлено”³.

Превосходно и тонко разбиравшиеся в сложных перипетиях международной политики предвоенных десятилетий два видных американских дипломата, – Дж. Дэниелс (посол США в Мексике) и У. Додд (до 1938 г. посол США в Германии) – не находили никакого оправдания позиции Лондона ни с точки зрения морали, ни с военно-стратегической точки зрения. Известные им факты выводили их на соображения, казалось бы, более уместные перу тех, кого в ту пору относили к сторонникам левых сил и критикам “системы”. 25 ноября 1938 г. Дж. Дэниелс писал бывшему послу в Берлине: “Я не знаю, что Вы думаете о Чемберлене, в моем же представлении он превратил британского льва в овцу, покорно ждущую, когда ее остригут. Он больше боится народа, чем Гитлера, и был бы счастлив поделить мир, оставив Англии львиную долю (Дэниелс имел в виду территории, входившие в Британскую империю. – В.М.), а Германии и Италии – все остальное, за исключением, конечно, Северной и Южной Америки... Он плетется в хвосте лондонского Сити точно так же, как наши реакционеры покорно следуют указке Уолл-стрита”⁴. Под началом Дэниелса, военно-морского министра в администрации В. Вильсона, Франклин Рузвельт начинал свою карьеру в качестве второго лица в военно-морском ведомстве. Переписка президента с послом составляет важную часть эпистолярного наследия Рузвельта.

В США сознавали, что в новой ситуации уже нет смысла заниматься самообманом, убеждая себя и других, что “демократии” в военном отношении слабы и не могут противостоять “третьему рейху”. После Мюнхена потребовалась уже серьезная оценка реального соотношения сил на предполагаемых театрах военных действий. Делалось это, дабы четко представить себе задачи американской военной программы. Взвешивались военные потенциалы всех и каждого, и Англия неизменно удостаивалась высоких “оценок” видных военных специалистов. Англичане приступили к реализации своей военной программы в 1936 г. Это позволило военному обозревателю Дж. Элиоту в статье, опубликованной в журнале американской Ассоциации внешней политики 15 декабря 1938 г., сказать, что королевские ВВС располагают, “возможно, самым мощным воздуш-

ным потенциалом в Европе”, а британский военно-морской флот, по крайней мере по числу крупных боевых кораблей, значительно превосходит итало-германский⁵. Стоило только им правильно распорядиться, полагал Элиот, и он мог бы сразу превратиться в мощный фактор политики. Если учесть, – писал он, – что в случае войны на стороне Англии и Франции, вероятно выступят СССР, Чехословакия, Польша, а также Бельгия и Голландия, то ни о каком решающем военном превосходстве Германии не может быть и речи.

Как и следовало ожидать, в вашингтонских кругах по-разному реагировали на подобные экспертные оценки. Одни полагали, что европейцы в конечном счете должны “управиться” сами, другие – что следует воспользоваться моментом и установить прочные контакты с противниками блока агрессоров, в том числе и по военной линии. Были и те, кто выступали за “возвращение в Европу” в качестве третьей силы, дающей костру “выгореть до конца”, а затем разнимающей конфликтующие стороны. Главный юрисконсульт госдепартамента (в недавнем прошлом заместитель госсекретаря) Р.У. Мур в письме ушедшему в отставку У. Додду эту точку зрения изложил в следующих словах: “Готовя себя к любым неожиданностям, за исключением применения силы, я не вижу ничего подходящего для нас помимо переговоров с целью удержания под контролем деструктивные процессы, идущие в Европе и Азии. Но иногда я опасаюсь, что мы берем на себя слишком много и создаем впечатление, что придерживаемся уступчивой линии, вместо того чтобы противостоять некоторым из них. Так, например, я был очень огорчен, когда король Георг (английский король Георг VI. – В.М.) в своей речи по сути дела старался создать впечатление, что наше влияние имело существенное значение в достижении Мюнхенского соглашения. Я был бы полностью удовлетворен, если бы это соглашение оказалось достигнутым, а мы в то же время не произнесли бы ни одного слова”⁶. Прекрасный образец лжи во спасение!

Мур продолжал свой диалог с бывшим послом в Берлине, начатый еще в середине 30-х годов. Тогда У. Додда, настаивавшего на бескомпромиссно “твердом тоне” по отношению к нацистской Германии, он причислял к неисправимым романтикам, нежелавшим постичь сложную дипломатическую интригу, затеянную Западом с одной целью – обезопасить себя и выиграть время, отведя энергию агрессоров в безопасное русло путем ревизии Версальской системы. Но, по-видимому, У. Мур испытывал уже некоторую неловкость от того, чем на деле оборачивалась стратегия “сдержанности” по отношению к агрессивным планам главарей “третьего рейха” и их союзников. Он готов был согласиться с тем, что Мюнхен бросил тень на дипломатию США, но все еще делал вид, будто “иного не дано”. Такова была общая позиция правительства США, оно уходило от ответа на вопрос, выиграл или проиграл мир (и Америка в том числе) в результате мюнхен-

ской сделки: после “карантинной речи” Рузвельта любое признание могло быть истолковано против “себя самого”.

А между тем ответ напрашивался сам собой. Атмосфера была наэлектризована до предела, несбыточными оказались все обещания Чемберлена и Даладье сразу после того, как появились подписи под соглашением в Мюнхене. Мир не только не выглядел прочнее, но и утратил одну из своих важных опор – уверенность, что западные державы могут постоять за себя и своих союзников – за малые страны Европы. Р. Клэппер, влиятельный и хорошо информированный вашингтонский журналист, писал 30 января 1939 г.: “Ежедневная печать сообщает нам, как близко Европа придвинулась к большой войне. Что менее очевидно, так это быстрота, с которой мы в Соединенных Штатах втягиваемся в этот процесс”⁷.

“У нас нет права кого-либо критиковать”. Когда Джозеф Дэвис в конце октября 1938 г. дал такую нелестную оценку европейской политике США, он имел в виду вполне конкретный план “всеобщего урегулирования” (синоним политики “умиротворения”), настойчиво внедряемым в сознание вашингтонской элиты заместителем государственного секретаря Самнером Уэллесом (его негласным соавтором был У. Буллит). Главные положения плана Дэвису были известны: “исправление” версальских “несправедливостей” с учетом интересов Германии и пробуждение таким путем здравомыслящей прозападной оппозиции Гитлеру. Уэллес не снял с “повестки дня” свой план и после Мюнхена. Рузвельт также не расстался с надеждой, что в какой-то момент ему удастся усадить Гитлера за стол переговоров, с тем чтобы покончить с взаимными претензиями, хотя и не испытывал при мысли о такой возможности ничего кроме безразличия. В реакции президента, как в зеркале, отражалась полифония настроений в стране.

В противоположность тем, кто лучший способ восстановления стабильности в Европе видел в признании справедливыми требования нацизма пересмотреть итоги Версаля, еще одна часть “политического класса” США склонялась к мысли о подготовке условий для установления военного и политического сотрудничества предупредительного характера между США и другими странами (включая СССР), которым угрожали страны фашистского блока. Правда, активность этой части “воинствующих интернационалистов” была ослаблена изоляционистской пропагандой, вызывавшими шок сталинскими репрессиями и не в последнюю очередь сомнениями в отношении последствий Гражданской войны в Испании для демократических институтов в Европе. Противники “Рижской аксиомы” (линии на исключение СССР из числа стран, с которыми США могли иметь нормальные дипломатические и партнерские отношения) многого не добились. Яростный антисоветизм ближайших внешнеполитических советников Рузвельта (А. Бёрл, У. Буллит), считавших хорошим знаком рост германской мощи в центре Европы и ви-

девших в Гитлере инструмент сдерживания большевизма, обрек на неудачу попытки наладить взаимовыгодные контакты с Советским Союзом по военной линии, но представить его еще большей угрозой, нежели фашизм, они не смогли. В своем обращении к конгрессу “О положении страны” 4 января 1939 г., Рузвельт торжественно обещал американцам сделать все (за исключением войны), чтобы содействовать миру. В речи прозрачно давалось понять, где находятся очаги войны и под чьими штандартами ведется поход за передел мира. Все узнали Германию, Японию и Италию.

СУМЕРКИ ДИПЛОМАТИИ НЕУЧАСТИЯ

Первые недели нового 1939 г. ознаменовались началом крупного конфликта в недрах дипломатического ведомства. Причиной его стало циркулирование в вашингтонских правительственных кабинетах и редакциях газет письма одного из самых авторитетных и уважаемых американских политиков, давшего нелицеприятную оценку проводимому курсу внешней политики как правительства, так и конгресса. Само по себе оно было прямым подтверждением высокого накала конфликта взглядов на характер, исход и последствия Гражданской войны в Испании (1936–1939).

Но сначала несколько слов об авторе публикуемого ниже послания. Генри Льюис Стимсон был личностью абсолютно незаурядной даже для формируемого по правилам самого строгого отбора американского политического Олимпа. Кроме того, он, пожалуй, являлся подлинным долгожителем среди государственных деятелей США, занимавшим ключевые посты в трех администрациях на протяжении первой половины XX в. В кабинете президента-республиканца У. Тафта (1908–1912) он обратил на себя внимание успешным руководством военной реформой на посту военного министра. В период экономических и политических невзгод для республиканцев в годы мирового экономического кризиса (1929–1933) и поиска новых ориентиров во внешней политике в условиях дестабилизации обстановки на Дальнем Востоке после начала японской агрессии Стимсон на посту государственного секретаря США завоевал репутацию дальновидного и гибкого политика, противника узколобого изоляционизма.

Поражение республиканцев на выборах 1932 г. привело к паузе в карьере Стимсона, но эта пауза закончилась в 1940 г., после того, как президент-демократ Франклин Рузвельт предложил ветерану государственной службы войти в его третий кабинет в качестве военного министра. Свой пост Стимсон оставил в 1946 г., подав прошение об отставке уже президенту Г. Трумэну.

Время появления письма республиканца Стимсона его преемнику демократу Корделлу Хэллу, вызвавшего бурю в госдепартаменте и в общественном мнении США, тоже способно сказать нечто важ-

ное нашему современнику. Агрессия фашизма повсеместно вступила в свою кульминационную фазу. С недели на неделю, несмотря на короткое послемиюнхенское затишье, ожидалась следующая серия его сокрушительных ударов по системе, утвердившейся в Европе после Версаля и давшей ей относительное успокоение и международно признанные границы составляющих европейское сообщество суверенных государственных образований. В трагическую финальную стадию вступила Гражданская война в Испании, где главный вклад в успехи франкизма внесли две страны: Германия Гитлера и Италия Муссолини. Президент Рузвельт не мог просто пройти мимо цепочки циничных, вероломных и разрушительных акций, фатально двигавших человечество к последней черте. 4 января 1939 г. в послании конгрессу он сказал, что страны, которые придерживаются нерушимости договоров и добрососедства в отношениях с другими странами, не могут без ущерба для себя оставаться безразличными к нарушению международного правопорядка. Агрессия должна быть остановлена и для этого “существует много методов помимо войны”, — эта фраза Рузвельта из послания молниеносно облетела все столицы и была истолкована как предупреждение всем вовлеченным в конфликт о возможном вмешательстве США в европейский кризис и о проведении политики санкций в отношении ослушавшихся.

Послание 4 января 1939 г., резко контрастирующее с риторикой Вудро Вильсона в канун войны 1914–1918 гг. (американцы должны оставаться “нейтральными и в мыслях, и в действиях”), приободрило всех противников фашизма. Однако правительство США замерло в позе созерцателя. В значительной степени такое вызывающее недоумение и протест многих антифашистов положение сложилось в результате принятия конгрессом США в 1935 г. законодательства о нейтралитете, налагающего эмбарго на торговлю оружием с воюющими государствами независимо от того, кто из них оказался жертвой агрессии, а кто — агрессором. Затем, уже после начала Гражданской войны в Испании, законодательство о нейтралитете было конкретизировано, что поставило законное, официально признанное правительство республики в крайне невыгодные условия. Фактически невмешательство западных демократий, в том числе США, обернулось блокадой “лоялистов”, законно избранной и поддержанной большинством народа власти, чьи знамена были окрашены в цвета Народного фронта, созданного левыми, коммунистами и демократами.

В марте 1937 г. обе палаты конгресса подавляющим большинством голосов приняли постоянный закон о нейтралитете. Он запрещал экспорт оружия и предоставление займов и кредитов воюющим странам. Хотя закон, подписанный Рузвельтом 1 мая 1937 г., оставлял президенту значительную дискреционную власть (т.е. возможность единолично решать целый ряд вопросов о конкретном применении закона), суть дела это не меняло: объективно он вел к медленному удушению той формы народовластия, которая пыталась утвер-

даться в Испании, и триумфу коалиции каудильо, фюрера и дуче. К началу 1939 г. скорая и неминуемая развязка стала самоочевидной. Она-то и заставила взяться Генри Стимсона за перо с надеждой, что его доводы будут услышаны и в госдепартаменте, и в Белом доме.

Обращали на себя внимание следующие моменты в аргументации Стимсона в защиту реальной помощи оружием Испанской республике. Во-первых, четкое обоснование того факта, что законодательство о нейтралитете вошло в противоречие с международно-правовыми нормами и традиционными (неконъюнктурными) принципами внешнеполитического поведения США на мировой арене. Во-вторых, констатация угрозы международной безопасности со стороны сил агрессии, провоцирующих внутренние конфликты “у их соседей” и тем самым в собственных интересах расширяющих зону нестабильности, что, в свою очередь, грозит расползанием военной угрозы.

Лично

Достопочтенному Корделлу Хэллу,
Государственному Секретарю,
Вашингтон, округ Колумбия⁸
18 января 1939 года

Дорогой господин Секретарь!

По мере того, как трагическая война в Испании приближается к новому кризису, я много думаю о наших обязанностях и возможностях в связи с этим кризисом. Я прихожу к выводу о том, что нам следовало бы предпринять решительные действия и что, поступив таким образом, США вполне смогли бы предотвратить те серьезные последствия для всего мира, с которыми, очевидно, в настоящее время ничего не могут поделать ни Великобритания, ни Франция.

В настоящее время мы находимся в положении, которое во всех отношениях является не имеющим оправдания извращением международного права, оно никак не вытекает из соображений целесообразности и напрямую ведет к беде. Наше правительство признало лоялистское правительство в качестве законного правительства Испании. То же самое сделала Франция. То же самое сделала Великобритания. В качестве такого законного дружественного правительства лоялистское правительство Испании имеет право закупать у нас и на мировых рынках вообще все, что ему необходимо для самообороны во времена сурового испытания. Это — один из тех принципов международных отношений, который американское правительство отстаивает с начала истории США. Мы всегда признавали этот принцип одним из тех правил международного права, в котором мы, как мирная невооруженная страна, особенно заинтересованы...

Текущий момент как раз и является тем моментом, когда важность сохранения такой нормы международного права становится очевидной, сейчас миролюбивые невооруженные нации, в отличие от агрессивных авторитарных государств, находятся в обороне. Мы сталкиваемся также с тем, что авторитарные правительства разработали новые методы, посредством которых они провоцируют гражданские войны среди своих соседей, в конце концов используя эти войны для агрессивных действий против этих стран. Таким образом, никогда еще не было столь важно, как теперь, сохранить право, от которого может зависеть наша собственная безопасность.

До недавнего времени мы, больше чем любая другая нация в мире, последовательно поддерживая эту доктрину, принимали законодательные акты и заключали договоры, направленные на ее сохранение. В ситуации наподобие той гражданской войне, какая ныне идет в Испании, мы не только всегда бдительно охраняли права дружественных правительств, против которых вспыхивали мятежи, разрешая им закупать у нас оружие, но и ввели в США в действие законы, дающие президенту США полномочия предотвращать поставки оружия и снаряжения мятежникам, с которыми ведут борьбу дружественные нам правительства. Как Вы, разумеется, знаете, такое законодательство применяется в Западном полушарии на основании Совместной резолюции 1912 г., а в 1922 г. его действие было распространено на страны, с которыми у нас установлены особо дружественные отношения.

Далее, в 1928 г. мы присоединились к конвенции, принятой на шестой Панамериканской конференции американских государств и регламентирующей права и обязанности государств в случае гражданских войн. В 1930 г. США ратифицировали эту конвенцию. Этот договор превратил ранее существовавший принцип права в обязательный для всех государств, подписавших договор.

Однако ныне, в соответствии с законом от 1 мая 1937 г., наше правительство решило сменить эту сугубо американскую доктрину международного права на прямо противоположную и попытаться провести новый эксперимент с этой полярно противоположной доктриной. Правительство решило запретить дружественному испанскому правительству, которое мы признали законным, осуществлять это освященное временем право, которое мы столь долго отстаивали как важное для мира и стабильности в мире. Другими словами, мы выбрали момент, когда нам, в свете наших интересов и нашей безопасности, особенно важно оставаться на почве установленного права, и все только для того чтобы провести совершенно новый эксперимент, став вверх ногами. Проведение такого эксперимента в нынешней обстановке неразумно. Это не консервативно. Это не по-американски.

Мы выбрали момент, когда два безответственных диктаторских правительства, правительства Германии и Италии, нарушили все нормы права и соглашения, осуществив силовое вмешательство в гражданскую войну в Испании и обеспечивая мятежников не только боеприпасами, но и вооруженными формированиями; мы предпочли в тот же самый момент отсечь законное правительство Испании от предоставленных ему международным правом прав защищаться от этого нового преступления.

Господин Секретарь, мне кажется, что даже простое изложение фактов, связанных со сложившейся ситуацией, показывает, по какой опасной тропе нас ведет наш эксперимент в международной политике. Трусливые защитники законодательства о новом нейтралитете не могли выбрать более откровенно неудачного момента для демонстрации глупости и опасности своих эмоциональных сентенций. Бессилие, проявляемое нашими сестрами-демократиями в Европе, Францией и Великобританией, делает ситуацию вдвойне опасной. Программа невмешательства, изобретенная там явно в целях избежания внешнего вмешательства в идущую в Испании борьбу, приведет к прямо противоположным результатам и даст возможность Германии и Италии беспрепятственно осуществлять свою интервенцию, тогда как законному правительству Испании не позволяют закупать во Франции, Англии или в других нейтральных странах средства отражения этой интервенции. Другими словами, по обеим сторонам Атлантики мы видим спектакль полного пересмотра освященных временем права и практики, которые применялись в течение веков в интересах стабильности и мира и которые ныне разрушают для того, чтобы облегчить проведение одной из самых безжалостных и жестоких интервенций, какие когда-либо знала исто-

рия. Когда в Испании вспыхнула эта война, я вместе с большинством американцев имел крайне скудные сведения о любой из противоборствующих сторон и не имел особых симпатий к той или иной из них. Это казалось началом жестокой и прискорбной войны, которая не касалась мира в целом, за исключением того, что мир питал надежду на ее быстрое окончание на любых условиях... Но признаюсь, что по мере продолжения войны картина, открывавшаяся моим глазам, претерпела радикальные изменения. Лоялистское правительство, не имевшее обученных войск в начале войны, создало армию, которая самым фактом своего мужественного и упорного сопротивления гораздо лучше оснащенным и организованным врагам продемонстрировала, что пользуется доверием и симпатиями большинства испанского народа; тогда как с интервентов, сражающихся на стороне мятежников, была сорвана маска и мы со всей ясностью убедились в очевидности новой попытки фашизма потрясти до основания наш мир.

Как я сказал в начале письма, я довольно тщательно изучил этот вопрос. Думаю, что президент имеет право снять, без решения конгресса, эмбарго, установленное в соответствии с резолюцией от 1 мая 1937 г. Полагаю, ему следовало бы это сделать. Улучшение международной обстановки оправдывает такое изменение позиции президента. Полагаю, что американское общественное мнение в настоящее время решительно склоняется на сторону лоялистов и поддержит действия президента. В то же время такое подтверждение веры США в установленное право и пренебрежение к угрозам нарушителей закона были бы подобны глотку свежего воздуха, каким стали меры, недавно предпринятые правительством президента Рузвельта в других направлениях, вроде трепки, которую Самнер Уэллес задал послу Германии в связи с “художествами” нацизма, и недавнего выделения казначейством займа в размере 25 млн долл. Китаю. Каждая из этих мер стала крупным шагом к стабилизации, показав, что мы не только верим в международное право и мораль, но и намерены жить в соответствии с их нормами. Такой же шаг в Испании вполне может сорвать происки тоталитарных сил и сделать возможным справедливое разрешение конфликта.

Сожалее, что письмо получилось таким длинным, но я очень взволнован. Если Вы согласны со мной, не покажете ли вы это письмо президенту? Я очень хочу оказать поддержку Вам и президенту в осуществлении в этот опасный момент жизненно важной и успешной международной программы.

Как всегда преданный Вам,
Генри Л. Стимсон.

Призыв Стимсона не был услышан, хотя и подвергался обстоятельному обсуждению. В марте 1939 г. пал Мадрид, а к концу этого месяца фалангисты Франко установили контроль над всей территорией Испании. 1 апреля 1939 г. одними из первых Соединенные Штаты заявили о признании правительства Франко. С точки зрения морали, если строго следовать логике Стимсона, такое решение очень многим представлялось более чем сомнительным, но в тот период дипломатия Вашингтона искала новые подходы к диктаторским режимам с целью вовлечь их в подобие договора о “намерении” сохранить мир в Европе после очередного жертвоприношения – утраты Чехословакией ее независимости в марте 1939 г. Оправданием могли служить участвовавшие встречи европейских (в том числе советских) дипломатов с лидерами нацистского “рейха”. Дипломатическая война «всех против всех» продолжалась.

Стимсон в своем взбудоражившем публику письме не случайно избегал упоминать о Советском Союзе. Цели Москвы в Испании в США принято было рассматривать сквозь призму коминтерновской стратегии сокрушения капитализма. К тому же события в СССР подсказывали Стимсону осторожность в прогнозировании шагов его руководства. Сказывались и личные мотивы: во время работы Стимсона в администрации Герберта Кларка Гувера она проводила жесткую линию на непризнание и изоляцию СССР. Бывший государственный секретарь был причастен к ее осуществлению.

Однако предпринимались и попытки найти более активный вариант дипломатической игры на выигрыш в уже почти безнадежной ситуации. Суть их предложений сводилась к тому, чтобы вызвать у СССР повышенную заинтересованность следовать антигерманским курсом, получая в порядке компенсации за риск заверения в готовности поддержать установление более широких контактов Москвы с США и с Западом в целом. В принципе этот замысел напоминал идею, которую активно пропагандировал в Англии неистовый Уинстон Черчилль, но которая не вызвала симпатий в конгрессе США. Ни Рузвельт, ни тем более Хэлл не были еще готовы поддержать ее, что не мешало им оставаться открытыми для самых разных (порой радикальных) предложений, включая и предложения об экономическом и военном сотрудничестве с СССР.

В лондонском издании привлечшей к себе уже в годы Второй мировой войны широкое внимание книги Джозефа Дэвиса "Миссия в Москву" приводится любопытный документ – фрагмент его письма Ф. Рузвельту из Брюсселя от 18 января 1939 г.⁹ Поразительное совпадение! Дэвис отправил свое послание в тот же день, что и Стимсон, рассчитывавший "завербовать" К. Хэлла и президента на сторону воинствующих интернационалистов с целью оказания прямой помощи республиканской Испании и "наказания" фашистских режимов. В письме Дэвиса говорилось в сущности о том же – о необходимости прямых контактов с Москвой в военной области, но без ограничений материально-технической помощи. Однако любой без труда обнаружит, что опубликованный им в 1942 г. документ без начала и без конца. Что же руководило бывшим послом в СССР и советником Рузвельта, когда он, готовя книгу к публикации, решил опустить большую часть своего личного и секретного послания президенту? Хранящийся в архиве Дэвиса в Отделе рукописей Библиотеки конгресса подлинник документа при сопоставлении его с опубликованным фрагментом легко объясняет этот акт самоцензуры. Пометка на полях "снято" стоит возле тех разделов послания президенту, в которых говорилось о возможности установления военных контактов между США и СССР, а само оно начиналось многозначительным напоминанием президенту о достигнутой как будто договоренности в отношении создания секретной "горячей линии" между США и СССР с целью взаимного обмена военной информацией.

Дж. Дэвис писал об этом как о решенном деле, требующем только уточнения некоторых деталей:

“Лично и секретно”

Брюссель, Бельгия

18 января 1939 г.

Дорогой шеф!

Касательно установления секретных контактов в области обмена военной и военно-морской информацией с советским правительством, о чем я сообщал Вам лично, нужно иметь в виду, что весь вопрос остался открытым в ожидании назначения моего преемника (т.е. нового посла США в СССР. – В.М.) в Москве...¹⁰.

Далее следовали со ссылкой на Сталина и Молотова констатация согласия советской стороны на установление упомянутых секретных контактов, предложение с этой целью сохранить в Москве на посту военного атташе США подполковника Ф. Феймонвилла и резкая критика тех кругов на Западе, которые недооценивали “советский фактор”. Но, увы, ничего из того, что предлагал Дэвис и против чего как будто не возражал Ф. Рузвельт, реализовать не удалось. Феймонвилл был отозван из Советского Союза, а новый посол США появился в СССР только в августе 1939 г. Что побудило Ф. Рузвельта отказаться от “секретных контактов” с Советским Союзом по военной линии, – об этом, по-видимому, можно рассуждать отдельно. Опасения “утечек”, которые стали обычным делом? Очень возможно. В случае если бы информация о секретных связях с Москвой стала бы достоянием прессы, грандиозного скандала избежать не удалось бы. Весьма вероятно также, что правительство США не могло пойти на сближение с СССР и по другой причине: обвинения видных советских военачальников в шпионаже в пользу Германии и Японии в ходе печально известных процессов 1937–1938 гг. делало такое сближение невозможным.

Существует также много версий относительно того, почему Соединенные Штаты отказали в своем покровительстве “великим демократиям”. Назовем некоторые из них. Во-первых, Рузвельт накануне очередных президентских выборов 1940 г. не мог не испытывать давление общей политической неопределенности. Во-вторых, в верхних этажах государственной власти (а тем более в дипломатическом и военном ведомстве) боязнь сыграть на руку “красному диктатору” перевешивала негодование по поводу наглых притязаний нацизма. Некоторые дипломаты (как Джордж Кеннан, например) даже видели в аншлюсе Австрии и захвате Чехословакии проявление “естественного процесса” интеграции в “сердце Европы”. И в-третьих, ситуация на Дальнем Востоке и в целом в Тихоокеанском регионе грозила разразиться еще большим кризисом и большой войной.

Американцев, конечно же, больше всего тревожили известия из Китая, где Япония с 1937 г. вела захватническую войну, чем дальше,

тем больше грозившую перерасти в открытое американско-японское столкновение. Где и как оно могло начаться, многим представлялось уже вопросом непринципиальным. Как отдалить это неизбежное столкновение, максимально обезопасив интересы США в случае внезапного нападения Японии, – вот чем главным образом были заняты головы американских экспертов-дальневосточников. Наиболее здравомыслящие из них, подобно Дэвису и Стимсону, полагали, что формуле “лучше отступление, чем война” есть альтернатива, сопряженная с определенным риском военного противодействия агрессору, но непосредственно не связанная с ним.

Среди дипломатов США, критически относившихся к дипломатии неучастия, заметное место занимал Стэнли Хорнбек, руководивший с начала 20-х годов Дальневосточным отделом госдепартамента и пользовавшийся огромным авторитетом, в том числе и в СССР. С. Хорнбек видел панораму мирового развития с наиболее чувствительной для США точки обзора – прежде всего исходя из их экономических интересов в Азии. Его сохранившийся архив – десятки аналитических записок, затрагивавших каждое заслуживающее внимания событие международной жизни, обстоятельных и предельно (по меркам дипломатического ведомства) правдивых, – поучительное чтение. Все говорит о том, что Хорнбек располагал довольно внушительным ресурсом доверия и у своих непосредственных патронов – госсекретаря К. Хэлла и его заместителя С. Уэллеса, да, по-видимому, и у самого президента. В противном случае он едва ли решился бы высказать ряд смелых суждений по поводу опасной ситуации, возникшей для позиций США в Азии после капитуляции в Мюнхене. Налицо было немало признаков того, что настроение президента после травмирующих неудач 1938 г. изменилось – с непротивления гангстерам (с расчетом на их “перевоспитание”) в сторону линии на противопоставление насилию некоей жесткости, публичного осуждения, обещания принятия контрмер.

Уже 6 января 1939 г. С. Хорнбек, явно вдохновленный посланием Рузвельта конгрессу, пишет С. Уэллесу докладную записку, в которой, подстраховавшись ссылкой на мнение разведорганов США и их компетентные оценки ситуации, изложил свою концепцию последовательного (“шаг за шагом”) наращивания давления на агрессоров, а в случае крайней необходимости – применения в качестве контрмеры угрозы силы. В этом любопытном документе, в котором легко угадывались контуры будущей доктрины национальной безопасности, в частности, говорилось:

В США есть много людей, а среди них и некоторые государственные деятели, которые, судя по всему, думают, что кроме войны и отступления, иного выбора нет. Длительное время я был убежден, что сохраняются и другие значительные возможности, если ответить на вызов демонстрацией твердости и достоинства. Мы не должны ограничиваться провозглашением наших принципов и изложением их в письменном виде в нотах. Мы должны последовательно добиваться того, чтобы они были признаны и уважаемы. В мире, который полагает-

ся только на силу, мы не можем надеяться выжить, прибегая к альтруистической болтовне. Мы должны использовать наш огромный потенциал – как экономический, так и финансовый – для поддержки принципов, которые мы считаем справедливыми. Но всего этого нельзя добиться окольными путями. В основу следует положить продуманную программу, предусматривающую постепенное наращивание давления с демонстрацией готовности сражаться в качестве последней меры и если это понадобится”¹¹.

Япония в 1933 г. вышла из Лиги наций и из договора об ограничении морских вооружений: Чего еще следовало ожидать?

Процитированное выше плохо согласовывалось с тем, что соответствовало в тот момент настроениям госсекретаря США К. Хэлла. Скажем больше: выводы, к которым пришел С. Хорнбек, отличались и от того, что американцы привыкли слышать и из уст самого Ф. Рузвельта. “Японское направление” в своей внешней политике президент рассматривал в качестве особо деликатной сферы. Наверное поэтому, записка С. Хорнбека оказалась не востребованной. Тем не менее Хорнбек упрямо продолжал бомбардировать госсекретаря и Белый дом своими предложениями взять “решиительный тон” в отношении Германии и Японии и вынудить их отказаться от дальнейшего расширения агрессии. Отвергая доводы сторонников политики отгораживания от европейского кризиса и пассивного наблюдения за приближением роковых событий, С. Хорнбек противопоставлял им то, что мы сегодня назвали бы политикой принуждения к миру, наивно полагая, что один только воинственный вид Соединенных Штатов способен внушить Берлину и Токио почтение к международному праву и суверенитету народов. Но это, пожалуй, не столь уж существенно. Более важно, что его записки были буквально пропитаны предчувствием беды и желанием видеть США не только не уклоняющимися от вызова, но и упреждающими от авантюры решительной демонстрацией своей мобилизационной готовности.

Накануне важных дебатов в конгрессе по закону о нейтралитете С. Хорнбек вновь вознамерился “раскачать” пассивно настроенных руководителей госдепартамента и снабдить их доводами в пользу основательного пересмотра внешнеполитической доктрины США. 28 января он направил К. Хэллу секретный меморандум, в котором, в частности, говорилось: “...мир движется в сторону войны в Европе. Такая война может начаться очень скоро... Наша страна в силах предотвратить развязывание войны или повлиять на ход событий таким образом, чтобы сделать маловероятным ее развязывание. Наша страна могла бы, если бы ее помыслы и усилия были направлены на это, сделать для всех ясным, что силы, которые будут противостоять диктаторским режимам, если они предпримут вооруженную агрессию, окажутся столь значительными, что их не удастся сломить”¹².

Тем, кто подобно Хорнбеку по разным соображениям отвергал политику нейтралитета, избранная Ф. Рузвельтом тактика размывания ее основ путем постепенного формирования соответствующих

настроений в стране представлялась пустой тратой времени, бегом на месте. Дипломатия жестов, к которым прибегал президент, стремясь вызвать прилив сочувствия к жертвам агрессии и одновременно удержать страну от открытой (и острой) дискуссии по вопросу внешней политики, не вызывали у них одобрения. В глазах этой части общественности Рузвельт выглядел нерешительным политиком, заинтересованным в сохранении видимости единства нации (“во что бы то ни стало”) и ничего не имеющим предложить взамен поучений и планов перевооружения. Критики считали все это уже недостаточным, ссылаясь на горький опыт предшествующих двух-трех лет, доказавших никчемность попыток “приручения” агрессоров и излечения их от захватнических инстинктов методом уступок, посулов, угроз “вполголоса”. Росло ощущение, что в первые месяцы весны 1939 г. либо удастся приостановить, а затем и обратить вспять сползание к новому кризису, либо, разразившись, этот кризис станет необратимым. Многие понимали, что времени отпущено очень немного и что, упустив его, миролюбивые страны столкнутся с неуправляемой ситуацией, а возможно, и с совершенно новой и вдвойне опасной конфигурацией сил в мире, когда придется думать не об укрощении агрессоров, а о спасении того, что еще можно будет спасти в пожарном порядке. Два документа из архива С. Хорнбека, разделенные коротким временным интервалом, передают напряженное ожидание следующих ходов дипломатии Лондона, Парижа и Вашингтона, а также Берлина и Токио накануне захвата Чехословакии и нападения Японии на Монголию, когда игра перешла в решающую финальную фазу – эндшпиль.

Первый датирован 13 февраля и представляет собой письмо американскому послу в Японии опытному дипломату Джозефу Грю (будущему заместителю госсекретаря США), с которым руководитель Дальневосточного отдела поддерживал дружеские отношения и привык делиться “недозволенными” мыслями, несмотря на различия в оценке возможных союзников. Оба считали, что уступчивость, проявленная по отношению к Японии и Германии, только разжигает алчность хищников, создавая непредсказуемую с точки зрения интересов и безопасности уже самих Соединенных Штатов ситуацию. С. Хорнбек дал волю раздражению. Английскую политику последних пятнадцати лет он называл настолько безоговорочно “глупой” (речь шла о всех ее аспектах – дальневосточном, европейском и американском), что допускал любой, самый неожиданный и нелогичный шаг со стороны Лондона в будущем, вплоть до превращения его в перебежчика в “японский лагерь”. (Подписание 24 июля 1939 г. англо-японского соглашения о признании Англией особых интересов Японии в Китае как будто бы подтвердило эти подозрения.) Вместе с тем обуревавшее его возмущение по поводу британской внешней политики, признавался С. Хорнбек, было сродни тому, что он испытывал по отношению к “страусовой” позиции США, демон-

стрировавших “бессилие” перед лицом вызова агрессоров. Какая же отсюда следовала мораль? Мнение С. Хорнбека было категоричным: “В случае, если демократические страны не найдут в себе решимости оказать достаточное сопротивление средствами дипломатического, экономического и физического (военного. – В.М.) давления, то через непродолжительное время эти страны столкнутся с выбором, перед которым оказался Китай осенью 1937 г.”¹³

Второй документ помечен 18 февраля 1939 г. В нем С. Хорнбек продолжил свои размышления, но им придана уже форма памятной записки, назначение которой – попытаться подвинуть руководство госдепартамента на выдвижение концепции коллективной безопасности при неременной активной роли США в ее осуществлении. Требовалось незаурядное мужество, чтобы сказать обо всем так, как это было сказано С. Хорнбеком, – без оглядки на нежелание К. Хэлла поднимать эти вопросы и без приукрашивания подлинной сути того внешнеполитического курса, которому следовали Соединенные Штаты все последние годы. “Вероятность войны, – писал С. Хорнбек, – которая, как бы долго ни удавалось оттянуть ее начало, вовлечет несколько европейских стран, все возрастает. Если это произойдет, первые удары последуют в Европе или в Африке, а может быть, на Дальнем Востоке. Если такая война будет развязана, никто не скажет, сколько стран будут в нее втянуты до того, как она закончится. При этом нет никакой уверенности, что Соединенные Штаты останутся в стороне. С абсолютной уверенностью можно сказать только одно: в этом случае интересы Соединенных Штатов будут затронуты самым существенным образом и в многоплановом порядке. Наша страна располагает возможностями, но, по-видимому, у нее нет воли для того, чтобы предпринять контрдействия, и тем самым внести достойный вклад в предотвращение грядущей катастрофы. Кажется, американское правительство сейчас не может сделать так, чтобы голос нашей страны весомо прозвучал в поддержку мира”¹⁴.

Нам знакомы эти мотивы, но в документе, составленном 18 февраля, С. Хорнбек уже не уклонился от критики правительства за недостаток политической воли, назвав его едва ли не главным виновником создания той обстановки вседозволенности в мире, в которой беспрепятственно могут орудовать темные силы. Непонятно одно – почему С. Хорнбек так старательно избегал говорить о том, где могла начаться война и какие конкретно страны на первых порах неизбежно будут в нее втянуты. Может быть, логично предположить, что версия вашингтонских аналитиков о “восточном векторе” гитлеровской агрессии (о которой было известно, конечно, и С. Хорнбеку) несколько притупляла чувство опасности и позволяла видеть ситуацию не в столь уж мрачных тонах. Существовала еще одна причина, которая делала США (как, впрочем, и все остальные противостоящие агрессорам страны) заинтересованными в оттягивании при-

нения роковых решений. Речь идет о военно-технической неготовности страны к войне.

Под прикрытием политики невмешательства и социального реформирования (“для правительства нет ничего важнее достижения поставленных социальных целей”) Рузвельт энергично “проталкивал” большую военную программу, реализация которой могла занять около пяти лет. К ней был подключен государственный сектор – средства и человеческий ресурс, находившиеся в распоряжении Администрации общественных работ (ВПА). Прежде всего была поставлена задача догнать и перегнать Японию в области морских вооружений. О Вашингтонских соглашениях вспоминали как о клочке бумаги. Сотни миллионов долларов, переданных в систему общественных работ, были использованы для строительства (без фанфар и победных реляций) превосходящего любые другие морские силы современного военно-морского флота. При этом ставилась задача избежать огласки и атак со стороны “профессиональных пацифистов”. Хэллу же поручалось проводить на Дальнем Востоке политику “бездействия и избегать провоцирования”. Хорнбек мог об этом не знать. В 1935 г. Рузвельт направил в конгресс самый большой в истории США в мирное время военный бюджет, вызвав вспышку антивоенного движения в стране. Через три года под аккомпанемент общенациональной дискуссии об итогах Мюнхена Рузвельт добился от конгресса многомиллионных ассигнований на военные нужды¹⁵. Они дали мощный толчок самолетостроению и кораблестроению. Целью ставилось не только достичь превосходства над Люфтваффе, но и оказать в случае необходимости мощную поддержку Франции и Англии. Выиграть время означало еще и повлиять на выбор противником направления его главного удара. Одно дело, если он будет нанесен в западном направлении, другое – если в направлении границ Советского Союза, включая его “мягкое подбрюшье”.

То, что вопрос о направлении очередного удара агрессоров (и прежде всего в Европе) становился главным во всех стратегических выкладках как в дипломатическом, так и в военном ведомствах США, показывает брошюра все того же Дж. Элиота, вышедшая в свет в марте 1939 г. В ней крупнейший военный аналитик писал о скором начале “большой войны” либо между Англией и Францией с одной стороны и Германией и Италией – с другой, либо между Германией и Россией (Англия и Франция в качестве воюющих сторон в этом случае не назывались), либо между Японией и Россией (США в качестве воюющей стороны также не назывались)¹⁶. Сомневаться не приходится, – Элиот имел определенные данные о готовящейся весной 1939 г. крупной авантюре Японии в Монголии. Но существенное значение имеет другое.

Своеобразное разделение на “группы риска” и отнесение к ним в двух из трех случаев Советского Союза не может не навести на раз-

мышления. В нем видели объект нападения и с Запада, и с Востока. Один сценарий потянул за собой другой. Неожиданно получила новое звучание тема о потенциале СССР как союзника, почти не возникавшая до весны 1939 г. О причинах, которые заставили вновь обратить взоры на Советский Союз и по-новому оценить его возможности и роль в событиях, будет сказано ниже, но одно несомненно: тон повышенной настороженности и критицизма, возобладавший в западной печати в связи с процессами 1937–1938 гг., абсурдными обвинениями неугодных Сталину государственных и партийных деятелей в шпионаже в пользу сразу всех иностранных разведок, заметно спал, оказался приглушенным. Чаще стали варьировать мысль о том, что победить нацизм способен только “антинацистский тоталитаризм” (так принято было называть сталинский режим). Отмечались (и не без одобрения) и усилия советского руководства по форсированному наращиванию оборонного потенциала. Одним словом, тема исторического предназначения России, которой отводилась роль бастиона в борьбе с гитлеризмом потеснила тему подавления свобод и бесправия личности в СССР, бесчинств репрессивного аппарата, жестоких методов коллективизации, закрытости советского общества.

Вместе с тем окрепло убеждение в непредсказуемости действий Гитлера. Часть политических и военных аналитиков полагали, что главный свой удар Гитлер в ближайшее время нанесет не обязательно в восточном направлении. Большой уверенности не было, но сведения, поступающие из различных источников, позволяли сделать именно такой, пусть для многих и очень нежелательный, вывод. В свете этих данных реальная угроза захвата Чехословакии рассматривалась лишь как второстепенная, промежуточная цель в планах Гитлера, добившись которой он, скорее всего, “проследует” не на восток, в направлении Советской Украины, а повернет на запад, бросив всю свою мощь против Франции, а уже затем станет рисовать стрелы наступательных операций на картах Советского Союза. Тем не менее считалось, что шанс сохранить мир с Гитлером и выиграть время, “выдав” ему Чехословакию, оставался. Поэтому такой ход событий еще не рассматривался как окончательный, за которым неминуемо должен был последовать разрыв с Германией, хотя одновременно признавалась необходимость зондажа Москвы. Такими соображениями руководствовались в дипломатических кругах Лондона, Парижа и Вашингтона, разрабатывая новые тактические шаги в ситуации, целиком уже зависимой от решения Гитлера. К налаживанию контактов с СССР Лондона и Парижа в американском дипломатическом ведомстве отнеслись благосклонно. Дж. Дэвис писал 9 марта 1939 г. из Брюсселя сенатору М. Тайдингсу о позиции Англии: “Сейчас вырисовывается один интересный и весьма *многообещающий факт* (курсив мой. – В.М.), а именно то, что английское правительство, кажется, пытается заключить соглашение о коллективной безопасности с Россией...”¹⁷.

Другие данные подтверждают, что Вашингтон одобрительно отнесся к переменам в дипломатическом курсе Лондона и Парижа. Министр внутренних дел Гарольд Икес, отмечая, так же, как и Джозеф Дэвис, что в Лондоне и Париже наконец-то стали наряду с проснувшимся чувством реальности проявлять твердость характера, склонен был даже приписать эти перемены преимущественно новому “отношению Соединенных Штатов к Гитлеру”. В частном послании Р. Робинсу 17 марта 1939 г. он писал: “Именно действия и выступления президента предотвратили утрату Чемберленом и Даладье последних признаков мужества”¹⁸. Робинс же думал несколько иначе, полагая, что Париж и Лондон “очнулись” из-за боязни окончательно оттолкнуть от себя СССР. Но и позиция Рузвельта содержала новый и очень важный элемент. О чем шла речь? Прежде всего имелось в виду заявление Ф. Рузвельта (впоследствии “опровергнутое” им самим) на встрече с членами сенатской комиссии по военным делам за плотно закрытыми дверями Белого дома 31 января 1939 г. о том, что господство Гитлера в Европе несовместимо с международной безопасностью и что угроза неприкосновенности границы по Рейну непосредственно затрагивает интересы Соединенных Штатов. Кто-то истолковал эти слова так, что Америка, не желая того сама, “возвращалась” в Европу уже как гарант ее безопасности. Утечка информации об этом совещании вызвала такую бурю возмущения в изоляционистских кругах, что вплоть до 15 марта 1939 г. правительство вообще не подавало голоса. Но 17 марта Вашингтон официально осудил захват Гитлером чешских областей Чехословакии и объявил, что намерен поддерживать контакты с дипломатическими представителями чехословацкого правительства уже в эмиграции.

Даже скептически настроенный Хорнбек считал, что в Европе не все потеряно, если западные демократии признают провал своей политики уступок агрессору и демонстративного безразличия к идее коллективного отпора фашизму. 18 марта 1939 г. он сделал в этой связи следующую запись: «Очевидно, будет обоснованным признать, что чемберленовская политика “умиротворения”, если речь идет о Германии, должна быть отброшена за ненадобностью. То, что Чемберлен сказал вчера в Бирмингеме (речь шла о выступлении Чемберлена, в котором он осудил захват Чехословакии. — *В.М.*), и то, что заместитель госсекретаря (С. Уэллес. — *В.М.*) и президент заявили также вчера в Вашингтоне, достаточно авторитетно, чтобы донести до Германии следующее: ее дальнейшие хищнические действия приведут к объявлению этой страны вне закона. Всецело хочется надеяться на то, что как правительства, так и народы Англии и Америки поймут, — результатом событий последних дней будет дальнейшая интенсификация Германией ее программы вооружения и милитаризации. Единственно разумным и соответствующим обстановке ответом на это должно стать общее ускорение и

увеличение в объеме британской и американской программ вооружений и в целом готовности к обороне»¹⁹.

И все же, откуда появилась уверенность в том, что в политике Англии и Франции грядут перемены? Сказалось, видимо, общее понимание опасности вызвать резкое ухудшение отношений с Советским Союзом и тем самым подтолкнуть его к изменению точки зрения на возможность сотрудничества с демократическими странами Запада. Американским дипломатам, конечно же, было известно, что 1 марта Н. Чемберлен и 13 членов английского кабинета пришли на прием в советское посольство²⁰. Однако речь Сталина на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта, заявившего, что СССР не будет “таскать каштаны из огня” ради чьей-либо безопасности, еще раз их убедила, насколько непрочно после Мюнхена нити, связывающие столицы западных демократий и Москву. 27 марта 1939 г. Дж. Дэвис в письме сенатору М. Тайдингсу так высказался на этот счет: «Англия и Франция, – писал он, – после того как они не допустили Россию к участию в конференции в Мюнхене (хотя и находились с ней в союзнических отношениях), могут сейчас попытаться приблизить ее к себе вновь. Однако не исключено, что они столкнутся с нежеланием “медведя” снова усесться на раскаленную докрасна плиту после всего случившегося. Этот “медведь” намерен получить достаточно определенные гарантии со стороны Англии и Франции до того, как окажется в опасности». Тему позорной выдачи всей Чехословакии Гитлеру нельзя было обойти, и Дж. Дэвис отметил, что трагедию могли предотвратить только совместные действия Франции, Англии и СССР. Но этого не случилось. Дж. Дэвис закончил письмо упреком и предупреждением своему правительству: «Вы знаете, что в течение более двух лет я предупреждал о том, чем это все кончится. Увы, мои предсказания, адресованные государственному департаменту и “боссу” (Ф. Рузвельту. – В.М.), оправдались и даже “слишком”»²¹. Ключевым словом было “слишком”.

Дж. Дэвис был отлично осведомлен о ведущихся в Москве переговорах английского посла Сидса и министра по делам заморской торговли Ходсона с М.М. Литвиновым, А.И. Микояном и В.М. Молотовым, но их ход и вероятный итог не вызывали у него оптимизма. Дж. Дэвис уведомил об этом “босса” через близкого ему пресс-секретаря Белого дома Стива Эрли, направив ему 29 марта 1939 г. письмо. В нем говорилось: «Отсюда все выглядит очень мрачно. Английские и французские представители находятся сейчас в Москве, где ведут переговоры с тамошним руководством. Они пытаются убедить Россию согласиться с предложенной ими “общей декларацией”. Но Москва настаивает на том, чтобы она была подкреплена реальным военным сотрудничеством большой тройки. Цель – не дать никому из них воевать один на один с Гитлером. Чемберлен продемонстрировал гениальные способности выжидать, пока вся процессия не пройдет мимо. В этих переговорах он почти пропустил

свой вагон, что не сулит ничего хорошего, если только им не удастся убедить Россию, что она не останется в одиночестве. Если бы то, что они делают сейчас, ими было сделано два года назад, Чехословакия не исчезла бы с политической карты Европы»²². Через пару дней Дэвис высказался еще определеннее, поделившись этими соображениями с послом США в Лондоне Джозефом Кеннеди. Оба дипломата сошлись на том, что европейская ситуация выглядит крайне неблагоприятной. Находясь в Лондоне, Дэвис специально попросил Кеннеди предупредить Чемберлена о том, что любая неосторожность может “подтолкнуть Сталина в объятия Гитлера”. Запись об этой беседе с Кеннеди Дэвис сделал 3 апреля 1939 г.²³

Скорее всего, Дэвис тогда еще не знал, что его собеседник питал особое расположение к Германии и домогался отказа Вашингтона от поддержки воинствующих антигерманских сил в Европе. Дэвис же был убежден, что политика его страны в ответственный и чреватый риском самых катастрофических последствий момент должна быть принципиально иной²⁴. Опасаясь, что промедление дорого обойдется прежде всего странам Запада, Дэвис выдвинул смелый план подключения США к переговорам между Москвой, Лондоном и Парижем с целью укрепления доверия между сторонами и предотвращения разрыва СССР с Западом в результате чемберленовской политики проволочек. В секретных посланиях Ф. Рузвельту и К. Хэллу 18 апреля 1939 г. он просил об отставке с поста посла в Брюсселе и направлении в Москву в качестве частного лица, но с особой миссией, с тем чтобы там на месте, пользуясь доверием советского руководства, осуществить от имени администрации Ф. Рузвельта посредничество в ходе проходивших в атмосфере взаимной подозрительности переговоров. “Они (англичане и французы. – В.М.), – писал он Рузвельту, – потеряют Советы, если не будут вести себя осторожно!”²⁵

Мысль Дж. Дэвиса была совершенно ясна: продолжение переговоров с русскими в той же неторопливой, вязкой манере с привлечением к ним второстепенных политиков только подогревает и без того болезненную подозрительность Сталина и легко может привести к провалу. Насчет того, что за этим последует, у Дж. Дэвиса давно имелось вполне сложившееся мнение, которое он неоднократно доводил до сведения Белого дома. События в марте–апреле 1939 г. только подтвердили его опасения, что Сталин способен сделать резкий поворот в случае, если окончательно решит, что Запад медлит неспроста.

Значительный интерес представляет в этом смысле хранящийся в архиве Библиотеки конгресса подготовленный Дж. Дэвисом документ “Предложение о моей поездке в Москву” – плод напряженных размышлений по поводу взрывоопасной ситуации в Европе и шансов предотвращения полного разрыва между западными демократиями и СССР. Попал ли этот документ на глаза Ф. Руз-

вельту – еще надлежит выяснить, но в принципе это не меняет дела. Сам Дж. Дэвис полагал, что он является своеобразным дополнением к тем соображениям о его миссии в Москву с целью добиться прогресса в англо-франко-советских переговорах, которые были им изложены в телеграммах К. Хэллу. Написано “Предложение” и отослано в Вашингтон из Брюсселя тогда же, 18 апреля 1939 г., но оно несет на себе следы более поздней чисто редакционной правки автора, что может служить только доказательством неизменности точки зрения Дэвиса на этот памятный для него эпизод. Концовка документа передает напряженность момента и надежды на положительную реакцию Вашингтона: “Они (советские руководители. – *В.М.*) очень сильно боятся и не доверяют Англии, они не доверяют и Франции, но у них нет недоверия к нашим (речь идет о США. – *В.М.*) мотивам. Конечно, никто не в состоянии предсказать будущее и, может быть, их отношение изменится, но непосредственный факт, с которым мы сталкиваемся, состоит в следующем: чтобы избежать войны, мы должны добиться заключения соглашения на обозримый период и тем самым остановить трагедию. По мере того, как эти переговоры в Москве движутся от плохого к худшему, меня преследует мысль, что я, возможно, был бы в состоянии оказать услуги в укреплении взаимного доверия сторон и содействовать выработке соглашения о единстве действий на случай, если Гитлер совершит нападение.

Это послание развивает положения моей телеграммы Корделлу (Хэллу. – *В.М.*). Меня не покидает мысль, что, если участники переговоров не смогут договориться, все завершится катастрофой. Ясно, как день, что если они (русские. – *В.М.*) не смогут добиться заключения соглашения о военном союзе, предусматривающего взаимные обязательства, им не останется ничего другого, как только пойти на сделку с Гитлером, с тем чтобы выиграть время для подготовки против его возможного нападения.

Если мое предложение отправиться в Москву кого-либо смущает, я готов уйти в отставку с поста посла США в Бельгии и поехать в Москву в качестве частного лица. Однако я не превышу полномочий, которые Вы на меня возложили, и, Вы это знаете, никогда не сделаю ничего, чему бы Вы не дали зеленую улицу”²⁶.

Более ясного предвосхищения последующего хода событий невозможно было себе представить. Однако, кроме краткого упоминания о том, что 18 апреля 1939 г. он отослал личные послания президенту и государственному секретарю с изложением соображений о важности заключения соглашения между СССР, Англией и Францией, в книге Дэвиса, изданной в 1942 г. в Лондоне, никаких подробностей не приведено. Бывший посол в Москве не решился обнародовать факт своего обращения в Вашингтон с предложением о посредничестве США в московских переговорах. Причина была достаточно весомой: его предложение отвергли.

Президент отмолчался, но государственный секретарь вежливо отчитал Дэвиса, выговорив ему за “чрезмерное” беспокойство и несвоевременную инициативу²⁷. При этом К. Хэлл сослался на соображения “внутреннего” порядка, очевидно, намекая на опасность новой вспышки антирузвельтовских выступлений изоляционистов и неблагоприятной реакции конгресса. По-своему он был прав. В июле 1939 г. палата представителей вновь проголосовала за эмбарго на поставки оружия. Приезд Дэвиса в Москву, конечно же, не мог остаться незамеченным и вызвал бы отчаянный переполох в Вашингтоне, наверное, не меньший, чем в Берлине. США медленно втягивались в новую избирательную кампанию 1940 г., и открытое проявление особой заинтересованности правительства в успехе московских переговоров дорого бы обошлось Рузвельту, уже подумывавшему о третьем (“эксклюзивном”) сроке пребывания в кресле президента. Обычные дипломатические контакты на уровне послов не выглядели предосудительными, но и они могли послужить поводом для нападков на кандидата на пост президента.

Дж. Дэвису прекрасно знал политические нравы и обычаи своей страны, тем не менее доводы государственного секретаря не произвели на него впечатления. Более того, в сложившейся наэлектризованной обстановке он посчитал их пустой отговоркой, не имеющей оправдания. Позднее, уже после начала войны, 11 сентября 1939 г., в письме С. Эрли Дж. Дэвис весьма нелицеприятно прокомментировал ссылки К. Хэлла на “внутренние обстоятельства”, которые помешали ему дать “зеленую улицу” идее неформального вмешательства США в критические переговоры в Москве. Назвав начавшуюся к тому времени войну горькой расплатой за политику “умиротворения” и напомнив заодно об отклонении госдепартаментом его предложения от 18 апреля 1939 г., Дэвис заключал: “Государственный департамент по причинам, которые ему лучше известны, не согласился со мной; я же больше не стал нажимать на президента”²⁸.

Получив выговор от Хэлла, Дж. Дэвис замолчал, но ощущение, что мир подвигается к краю пропасти, вновь и вновь заставляло его возвращаться к драматически и, по его мнению, безнадежно складывающейся ситуации в ходе англо-франко-советских переговоров весной и летом 1939 г. Вероятность отказа Сталина от самой идеи военного партнерства с западными демократиями и замещения ее надеждой на обеспечение нерушимости границ Советского Союза (пусть временной) путем прямого соглашения с Гитлером представлялась Дэвису уже стопроцентной реальностью. Отметим попутно, что Дэвису не позволили отправиться в Москву, одновременно тайно планируя поездку помощника госсекретаря Брекенриджа Лонга в Германию²⁹. Рузвельт, Хэлл, Уэллес лично принимали решения по этим вопросам и осуществляли руководство всеми практическими мероприятиями в этом деле, в том числе и используя частные и агентурные каналы.

18 июля 1939 г. по приезде в Соединенные Штаты из Брюсселя Дэвису представилась возможность высказать его сомнения президенту во время их длительной беседы с глазу на глаз. В записи, сделанной Дж. Дэвисом и, по сути дела, санкционированной Ф. Рузвельтом, читаем: “Он (Рузвельт. – *В.М.*) расспрашивал меня о переговорах русских с англичанами и французами. Я сказал ему совершенно откровенно, что они меня очень беспокоят. Среди дипломатов в Брюсселе постоянно ведутся разговоры о том, что Гитлер прилагает попытки с тем, чтобы добиться усиления враждебности Сталина к западным странам. Я сообщил ему, что располагаю информацией, полученной от одного из высокопоставленных европейских деятелей, о том, что Гитлер и Риббентроп вполне уверены в своей способности оторвать его (СССР. – *В.М.*) от Англии и Франции. Президент, в свою очередь, рассказал мне о своем разговоре с послом СССР Уманским перед отъездом последнего в Москву; во время разговора он просил передать Сталину, что в случае, если тот присоединится к Гитлеру, тот, вне всякого сомнения, повернув сначала против Франции, нанесет ей поражение, а затем сразу же наступит очередь Советского Союза. Президент просил меня, если я смогу, довести его мнение до сведения Сталина и Молотова”³⁰. Поручение Рузвельта выполнил Л. Штейнгардт и, как известно, не лучшим образом.

Приведенная выше запись из дневника Дэвиса имеет ключевое значение, хотя и способна породить ряд недоуменных вопросов. Во-первых, откуда у Ф. Рузвельта появилась уверенность в безнадежности положения Франции? Далее: почему президент США отказался по крайней мере с той же настойчивостью воздействовать на Лондон и Париж с целью побудить их к продуктивному диалогу с Советским Союзом? И наконец, что заставило его искать контакта со Сталиным с целью убедить советского лидера избегать ловушек Гитлера? С достаточной полнотой ответить на эти вопросы не удастся. Ограничимся минимумом.

Прежде всего Ф. Рузвельт испытывал сильнейшее разочарование в политике “умиротворения”. После захвата Чехословакии о ней невозможно было думать в контексте морали (“цена мира”). И одновременно росло понимание возросшей роли Советского Союза в мировых делах, что, как оказалось, могло обернуться двояко. Ситуация обострилась после внезапной отставки М.М. Литвинова 3 мая 1939 г. Вслед за ней, как известно, последовало изменение тона нацистской пропаганды в отношении Советского Союза и начало в мае–июне советско-германских переговоров по экономическим вопросам. Но восприятие всего этого было неадекватно нависшей угрозе. В дневнике журналиста Р. Клэппера, близкого к Белому дому, есть запись о его беседе с Лоем Гендерсоном (он тогда занимал пост заместителя заведующего восточноевропейским отделом госдепартамента), которая передает существенные особенности толкования

ухода Литвинова американскими экспертами из департамента. Оказывается, они более всего склонялись в пользу той версии, что этот уход должен был убедить Англию и Францию проявить большую расторопность в достижении соглашения с Советами. Р. Клэппер писал: “Пока нет никакой дополнительной информации об отставке Литвинова. Лой полагает, что это всего-навсего жест, но не может объяснить, с какой целью он сделан. Литвинов проводил правительственную линию, сформулированную в виде политики коллективной безопасности, но ему не принадлежало решающего слова. Если он попал в беду, они могли без шума устранить его, если же он болен, то в этом случае его могли оставить в покое. Таким образом, может быть, это и жест, но его цели неясны. Возможно, хотят поугубить Англию и Францию, с тем чтобы заставить их активизироваться”³¹.

Складывается впечатление, что дипломатия США испытывала в эти решающие весенние и летние месяцы 1939 г. настоящий дефицит рабочих идей, будучи к тому же скованной внутренними осложнениями. Карты окончательно спутала начавшаяся 10 мая 1939 г. необъявленная война Японии против Монгольской народной республики и Советского Союза. Заверения, сделанные правительством Токио американскому послу Грю, не убеждали до конца, что японцы действительно помышляют только о том, чтобы совместно с Германией и Италией уничтожить “большевизм”. В госдепартаменте (об этом было известно Уманскому) советовали прессе не видеть в этих событиях ничего серьезного. Между тем агрессия в Китае расширялась, а отвлечение Советского Союза на защиту МНР и собственных границ на Дальнем Востоке заставляло Кремль проводить петляющую, оппортунистическую политику в Европе. Часть американских государственных и общественных деятелей-прагматиков, тщательно взвесив все минусы и плюсы сложившейся ситуации, пришла к выводу, что США в их собственных интересах следовало бы занять более жесткую антияпонскую позицию, не поддаваясь соблазну позволить Японии вторично (после русско-японской войны 1904–1905) устроить “порку” России. Р. Робинс, например, в письме министру внутренних дел Г. Икесу 18 июня решительно высказался за военное сотрудничество Запада (включая США) с Советским Союзом. “Развитие событий в Китае, — писал он, — возможно, принудит Англию и Францию вступить в союз с СССР. Единственно верный путь для демократий, если они хотят спасти свои инвестиции и коммерческие предприятия в Азии, состоит в том, чтобы выступить совместно с Советами и остановить Японию руками русских”³².

Откровенный цинизм предложенной формулы обнажал до предела основную мысль: ради собственного благополучия и безопасности Соединенные Штаты и западные демократии должны, не теряя времени, согласиться “на брак по расчету” с Советским Союзом. Для Советского Союза этот брак должен был оставаться всегда не-

равным, но предложения Робинса шли значительно дальше пассивного варианта Хорнбека, предложенного в начале года. Робинс говорил о военно-блоковой политике “совместно с Советами” решительно и смело. На ту же тему примерно тогда же высказался и Генри Стимсон, чье влияние в кругах, близких к Белому дому и госдепартаменту, стало вновь быстро расти. Смысл его подхода состоял в следующем: безопасность неделима, коллективный отпор японской агрессии в Азии разрядит и ситуацию в Европе, образумив Гитлера и Муссолини. Вот запись из его дневника от 5 июля 1939 г.: “Я сказал Данну (советник госдепартамента. – В.М.), что закон о нейтралитете обернулся скандальной историей из-за отказа администрации занять решительную позицию в этом вопросе... Я сказал ему также, что, по моему глубокому убеждению, американский народ более расположен к позитивным действиям в Азии, нежели в Европе... Я сказал, что в настоящее время противодействие Японии будет так же эффективно в предотвращении разрушительных усилий Гитлера и Муссолини, как если бы оно было предпринято непосредственно в Европе, ибо диктаторы увидели бы, что их ждет в случае дальнейшей эскалации агрессии”³³. На фоне “локальной” войны в Монголии эти слова говорили о многом.

По случайному стечению обстоятельств в тот же день, 5 июля, министр внутренних дел США Г. Икес, ссылаясь на свой разговор с У. Буллитом (американским послом в Париже), в ответе Робинсу кратко, но выразительно обрисовал положение в Европе, и его оценка обнаружила удивительное сходство с той, которую, по сути дела, высказали Робинс и Стимсон. Констатируя повторное вхождение мира в состояние предмюнхенского кризиса, Икес отмечал, что без всяких сомнений действия агрессоров уже согласованы, скоординированы и открыто провокационны. Действия же их противников как в Европе, так и в Азии отличались несогласованностью, растущим недоверием друг к другу и попытками, используя любые недостойные бартерные сделки, не дать вовлечь себя в войну. А между тем, как явствовало из письма Г. Икеса, счет шел уже не на месяцы, а на дни и часы. “Недавно из Парижа в Вашингтон на несколько дней приехал У. Буллит, – писал Икес. – Он считает, что кризис в Европе может разразиться где-то в середине июля или даже до этого. Буллит полагает, что Германия двинет свои войска к польской границе с целью повторить с Польшей то же самое, что она уже проделала с Чехословакией. Он сказал, что все зависит от того, что решит Чемберлен, но он не представляет себе, каким будет его выбор. Он полагает, что Англия и Франция сейчас находятся в лучшем положении для того, чтобы начать войну с Гитлером, чем это было во время Мюнхена, но не верит, что они могли бы одержать победу без помощи России. Между тем Чемберлен продолжает действовать так же неискренне. По-видимому, вопреки всему он надеется, что Гитлер в конце концов решит двинуться на Восток, а не на Запад, и по-

этому медлит с заключением соглашения с Россией, что может иметь роковые последствия как для Франции, так и для Британской империи. Конечно, Россия не доверяет Чемберлену и настаивает на том, чтобы Англия взяла на себя специфические письменные обязательства. Россия не испытывает опасений по поводу того, что Гитлер может ударить в восточном направлении, или в связи с тем, что тот же Гитлер может нанести поражение России, даже если он и начнет войну с ней. Уманский сказал мне, что эта угроза принималась во внимание уже много лет подряд и что к отражению ее приняты меры”³⁴.

Может показаться странным, но сценарий, обозначенный в разговоре Икес–Буллит, воплощался строго и последовательно по канонам классической трагедии с фатальным финалом. Заключение 24 июля 1939 г. между Англией и Японией соглашения Арита–Крейги, фактически означавшее признание японских захватов в Китае, в сочетании с продолжением советско-японского конфликта на время повергло американскую дипломатию в состояние замешательства. С одной стороны, казалось, сбывалось предчувствие Хорнбека о полном моральном дезертирстве английской дипломатии. С другой – поступающие в госдепартамент сведения говорили о широкомасштабном характере военных действий на Халхин-Голе и вынуждали рассматривать Советский Союз как жертву агрессии, располагающую по крайней мере моральным правом на сочувствие и поддержку. Действия же Англии по контрасту требовали осуждения. Солидаризироваться с ними означало оправдать этот дальневосточный Мюнхен, что полностью отрезало возможность хоть как-то повлиять на англо-франко-советские переговоры в Москве.

Однако общественное мнение страны склонялось в пользу принятия жестких мер в отношении Японии, полагая, что только недостаток твердости со стороны США привел к очередной унижительной капитуляции Англии и очередному успеху Японии. Убедившись в нарастании антияпонских настроений в США, Ф. Рузвельт решил действовать с ними в унисон: 26 июля он денонсировал торговый договор с Японией от 1911 г. Это было уже очень похоже на то, что советовал сделать С. Хорнбек. Несомненный успех этой акции, явно указавшей на спад влияния изоляционизма в стране, ободрил президента, и это привело к некоторому оживлению и европейской политики США. Но ее миротворческий эффект был уже ничтожно мал. В различных эпизодах последних недель предвоенного кризиса дипломатия США оставалась по преимуществу сторонним наблюдателем и лишь во вторую очередь фактором давления в пользу мира.

Советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. в этом смысле не стал исключением. Чтобы понять это, нужно обратить внимание на ряд обстоятельств. Прежде всего в Вашингтоне существовало мнение, что не кто иной, как Япония, подтолкнула Сталина принять предложение Гитлера, отодвигавшее непосредствен-

ную угрозу от западных границ СССР и создававшее иллюзию безопасности. Было бы сильным преувеличением сказать также, что для широкой американской публики был неожиданным провал московских переговоров и приезд туда Риббентропа. Крупнейшие издания (газета “Нью-Йорк таймс” и журнал “Бизнес уик”, например) писали о такой возможности с начала марта 1939 г.; “утечки” шли и по линии дипломатического ведомства США, которое было хорошо информировано о всех деталях советско-германских контактов с конца 1938 г. Мы уже видели, что Ф. Рузвельт был не только предупрежден, но и подготовлен к изменению советской политики, хотя он и не мог предвидеть до конца ни его характера, ни его последствий. Более того, говорить об отступничестве, вероломстве Москвы мешали и другие обстоятельства, хотя бы то, что Соединенные Штаты сами оставались верными закону о нейтралитете 1935 г. и к тому же неоднократно предлагали Гитлеру и Муссолини вступить в сделку ради “передышки” (план Уэллеса–Рузвельта), “всеобщего урегулирования”, “успокоения” и т. д.

Нужно вспомнить и о таком факторе, как нравственный уровень внешней политики. По выражению Томаса Манна, содержащемуся в одном из его писем, датированном 16 февралем 1939 г., заражение жалкими и подлыми глупостями, творящимися в мире, не стало в те годы уделом только одной или нескольких стран, оно распространилось повсюду. Нравственный порог опустился до чрезвычайно низкой отметки благодаря политике “умиротворения” и переступить его оказалось очень легко. Главными детерминантами мировой политики стали принципы национального эгоизма, коими, в сущности, и руководствовались при определении целесообразности или нецелесообразности той или иной дипломатической акции, а также при оценке внешнеполитического курса в целом. Явление это стало всеобщим. Находясь, как принято говорить, в пограничной ситуации между миром и войной, дипломаты разных стран привыкли ничему не удивляться и объяснять любой самый сверхнеожиданный и крутой поворот с точки зрения чисто практической сиюминутной выгоды. Этот крайний практицизм превратился в самодовлеющий фактор мировой политики, вытеснивший моральные критерии и “устаревшие” понятия, вроде права наций на независимость и суверенитет, верность международным договорам, невмешательство во внутренние дела других стран, идеологические принципы и т. д.

В этом контексте, по-видимому, и стоит рассматривать анализ ситуации, возникшей в связи с германо-советским пактом, содержащийся в многочисленных записках С. Хорнбека, выполненных им по поручению руководства госдепартамента сразу же после того, как сообщение о подписании пакта достигло столицы Соединенных Штатов. Собственно, в представлениях Хорнбека о расстановке сил ничего не изменилось. Он не посчитал даже нужным упомянуть об англо-франко-советских переговорах и о тех воз-

можностях, которые были упущены в связи с их провалом. По-видимому, опытный американский дипломат подозревал, что, не имея гарантий со стороны Америки, Англия и Франция не решатся всерьез воевать с Германией и не пойдут на военный союз с СССР. Москве они не доверяли, ее военный потенциал в расчет не принимали. Отвечая на главный вопрос, как США следует поступать в сложившейся обстановке, и сознавая безнадежность возобновления прямых призывов к Гитлеру сохранять мир (о чем велась речь в кабинетах госдепартамента), С. Хорнбек писал К. Хэллу:

24 августа 1939 г.

Г-н Секретарь,

Вчера пополудни Вы попросили нас представить соображения по вопросу о том, каким путем (или путями) нашему правительству необходимо следовать, имея в виду участие в мерах по предотвращению возникновения войны, явно нависшей сейчас над Европой, и вообще допустимо ли такое участие.

Я постоянно и до сегодняшнего дня, и после случившихся событий (речь идет о советско-германском пакте – В.М.) многократно обдумывал этот вопрос. Вчера на совещании я воздержался от высказывания своих суждений в связи с тем, что Вы поставили перед нами в качестве возможного варианта для обдумывания вопрос об обращении к Гитлеру с призывом к здравому смыслу, а также с учетом существа конфликта, его правовых и моральных аспектов. У меня нет ни малейшей надежды на то, что та или иная форма моральной или правовой аргументации или увещаний заставит Гитлера отказаться от осуществления того курса, следовать которым он посчитал нужным, опираясь на военную мощь. В ряде случаев Гитлер уже, в сущности, с успехом создал состояние войны, не начиная военных действий. С точки зрения военной готовности и стратегических преимуществ он сейчас находится в выгодном положении, что позволяет ему, если он считает необходимым, пойти на риск войны с его противниками в Европе. Если речь идет о нашем правительстве, с учетом существующих ограничений в его деятельности, я могу себе представить только один вид действий, который в случае его использования может остановить Гитлера от следующего шага (т.е. от военного давления на Польшу). Этим действием, я считаю, может быть декларация президента США о том, что в случае возникновения войны в Европе он, президент, приложит все усилия с тем, чтобы оказать моральное и экономическое влияние США в пользу тех стран, которые в такой войне будут сражаться за свою независимость во имя закона, справедливости и порядка. Я хорошо представляю, что в случае, если президент предпримет такие действия, он возьмет на себя огромную ответственность, в политическом отношении это будет означать огромный личный риск. Я не хочу сказать, что он обязан поступать именно так. Я только хочу сказать, что не вижу никакого другого способа действий для нашего правительства, который в настоящий момент имел бы хоть малейший шанс серьезно повлиять на планы и решения Гитлера и сохранить мир. Мне не нужно Вам говорить, что в изложенном мною предложении не рассматривается вопрос о потенциальном эффекте такого решения на общественное мнение нашей страны или других стран; я обсуждаю здесь только один момент: возможное влияние его на Гитлера в связи с вставшим уже во весь рост вопросом о войне или мире”³⁵.

Итак, “увершения” Гитлера бесполезны, война, в сущности, в скрытой форме уже идет, и поэтому эффективные попытки удержать Гитлера от перехода к открытым действиям требуют максимальной концентрации воли и мужества. По мнению С. Хорнбека, США должны были применить имеющийся арсенал “сдерживания”, впрочем, не выходя за рамки, определенные законодательством о нейтралитете, т.е. оставаясь вне вооруженного конфликта и не давая втянуть себя в него. Понимал ли С. Хорнбек, что и в том “крайнем” варианте, который предлагал он, странам, противостоящим агрессии, отводилась, в сущности, пассивная роль? Вся инициатива отдавалась Гитлеру, каждый должен был позаботиться о себе самом. Не потому ли советско-германский пакт от 23 августа в сознании дипломата не запечатлелся в качестве такого события, которое решительно все переворачивало с ног на голову и создавало принципиально новую ситуацию в Европе?

Но информация шла сплошным потоком и из других регионов мира, и С. Хорнбек вновь взялся за перо, с тем чтобы оценить положение на Дальнем Востоке, которое внезапно стало выглядеть по-иному в свете пакта Молотова–Риббентропа. Очередную записку руководству госдепартамента, в отличие от предыдущей (безымянной докладной), Хорнбек назвал четко “Положение, сложившееся на Дальнем Востоке под влиянием текущих событий в Европе”. Текст гласил: «Сообщения из Японии, поступившие сегодня, показывают, что в ходе обсуждения ситуации, возникшей сразу же после подписания советско-германского пакта “о ненападении”” представитель военно-морских сил заявил о единстве мнений японской армии и военно-морских сил страны относительно необходимости проведения Японией независимого (от Германии и Италии. – В.М.) внешнеполитического курса. Стало известно, что император намеревается собрать Имперский совет для обсуждения внешней политики. Сообщают также, что преобладает следующее официальное мнение: Япония должна стремиться улучшить свои отношения с Соединенными Штатами и Великобританией (“по той причине, что Германия в их глазах утратила доверие”). И еще стало известно, что Япония решила поставить под “контроль” антибританскую кампанию в Китае.

Автор этой записки (С. Хорнбек. – В.М.) полагает, что японское правительство в течение ближайших нескольких дней (возможно, недель) не примет никаких новых решений в сфере большой политики или стратегии; скорее всего, оно будет наблюдать за развитием событий, обдумывать и согласовывать точки зрения. Следует считать, что это также совпадает с нашими принципами и политикой, сейчас лучше не вмешиваться прямо в процесс обдумывания в Токио с целью повлиять на него. Все факты и суть нынешней ситуации на Дальнем Востоке, а также главные события в Европе в целом ясны и представлены японскому правительству достаточно доказательно.

Любой жест, который исходит от нас, будет ли он дружеским или наоборот, скорее всего, подвергнется неверному истолкованию. После того, как японцы придут к убеждению, что они нуждаются в друге или друзьях, они сами найдут пути и средства для того, чтобы официально добиться этого – так же, как это делают многие из них неофициально. Это даст нам возможность постепенно менять наше отношение к ним, делая его более дружественным. В последние два года японцы обрели огромную самоуверенность. В своей практической политике они стали воинственными и жестокими. Сейчас они начинают бояться. Чем скорее они поймут, что для того, чтобы иметь друзей, они должны заслужить дружбу, тем скорее они будут склоняться к модификации своих методов, которые должны продемонстрировать их стремление продолжать и укреплять дружеские отношения (с США. – В.М.). На какое-то время мы можем позволить себе стоять в стороне – не расслабляясь и даже, может быть, увеличивая наше дипломатическое давление с целью защиты наших интересов, давая возможность неблагоприятному развитию событий в полной мере оказывать свое влияние на разработку Японией ее внешнеполитического курса»³⁶.

Как видим, вторая записка С. Хорнбека была выдержана в более мажорных тонах. По его мнению, советско-германский пакт, вызвав охлаждение в японо-германских отношениях, настраивал японскую военщину на поиски дружественного расположения Соединенных Штатов. Токио впал в глубокую “задумчивость”, из которой в госдепартаменте стремились извлечь максимум пользы. Чтобы не спугнуть удачу, С. Хорнбек советовал Белому дому не предпринимать никаких действий, выжидать, давая созреть проамериканским настроениям в Токио. Судя по всему, и президент, и госсекретарь вняли этому совету. Однако рекомендации Хорнбека в связи с развитием европейской ситуации были оставлены без внимания.

25 августа Ф. Рузвельт направил Гитлеру очередное послание. Информировав его о том, что Польша готова рассмотреть все предъявленные ей претензии и урегулировать конфликт путем прямых переговоров, он писал: “Бесчисленное число жизней еще можно спасти... если Вы и правительство третьего рейха согласятся прибегнуть к мирным средствам урегулирования, одобренным Польшей”. Ни слова о санкциях, ни слова о помощи жертвам агрессии. США оставались в стороне³⁷. Никакого положительного воздействия, как это хорошо понимали в госдепартаменте, очередное обращение не могло оказать. У Гитлера был свой план, он следовал ему неуклонно. Видный американский дипломат, коллега С. Хорнбека – П. Моффат, вспоминая последние дни мира, писал, что всеми овладело тогда чувство обреченности. Состояние было таким, говорил он, как будто этажом выше находился

умирающий человек, и никто не мог и не хотел прийти ему на помощь.

17 октября 1941 г., незадолго до того, как Соединенные Штаты вступили во Вторую мировую войну, в письме бывшему кандидату от республиканской партии на выборах 1936 г. Альфреду Лэндону видный журналист Реймонд Клэппер попытался кратко, буквально в двух словах, обрисовать ту цепь событий, которая привела к войне. Вопрос “А была ли реальная возможность избежать ее?” вставал как бы сам собой. Клэппер тоже не уклонился от него, избрав тот угол зрения, который был ближе всего ему, американцу. Вот фрагмент из этого любопытного документа: “Несколько дней назад моя жена и я сели и попытались шаг за шагом восстановить картину последних нескольких лет с целью выяснить, что мы (Соединенные Штаты. – В.М.) или другие страны могли сделать тогда, чтобы изменить ход событий. И каждый раз, анализируя факты, мы приходили к выводу, что Гитлер был намного лучше подготовлен к осуществлению своих провокаций, чем другая сторона. Только превосходящая мощь Англии и Франции, а также, возможно, США могла бы предотвратить Мюнхен. Но если мы оглянемся назад, то увидим, что народы демократических стран не были настроены кого-либо слушать. Черчилль тогда зывал к созданию сильного военно-воздушного флота в Англии, чем и заслужил репутацию не вполне нормального человека. Если же коснуться осуществимых возможностей, то, кажется, был некоторый шанс призвать Гитлера к порядку в момент, когда он решил ввести войска в Рейнскую область, но не после того, как он это сделал. Фактически наиболее разумный вывод, к которому приходишь, состоит в том, что, если бы США занимали активную позицию после Первой мировой войны, мы смогли бы, имея в виду наши доминирующие позиции, внести определенный порядок в сложившуюся ситуацию, с тем чтобы добиться справедливого урегулирования и таким путем предотвратить развитие событий в неблагоприятную сторону”³⁸.

Клэппер, как видим, попытался заглянуть в прошлое, вернуться к истокам той миросистемы (Версальской), которая развалилась у всех на глазах, но, обнаружив там мир, наполненный антиидеями и антидействиями, отказался признать за этим опытом какое-либо рациональное значение. Триумф (пускай временный) фашистских режимов в этих условиях был, в сущности, неотвратим. Шансы спасти мир после ремилитаризации Рейнской области весной 1936 г. были незначительными, а после Мюнхена и вовсе ничтожными. По мнению Клэппера, ключевую роль здесь сыграли нежелание Запада организовать сопротивление Гитлеру вообще и уклонение США от энергичных действий в отношении преодоления розни между всеми противостоящими Гитлеру и его союзникам силами независимо от цветов их флагов.

Клэппер обошел тему СССР, он не коснулся и советско-германского пакта от 23 августа 1939 г. Судя по всему, на фоне идущего сражения под Москвой, где впервые глобальные планы Гитлера могли быть перечеркнуты, это представлялось ему неоправданным и слишком щекотливым. Мера истины в тот момент определялась величиной реального вклада в войну с германским фашизмом, а Соединенные Штаты все еще оставались вне ее.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. СПб., 1999. С. 236.
- ² LC. Joseph E. Davies Papers. Chronological File. Box 9. *Davies to Lord Davies*, Oct. 29, 1938.
- ³ WSHSL. R. Robins Papers. Box 28. *Robins to M.E. Dreier*. Oct. 14, 1938.
- ⁴ LC. W. Dodd Papers. Box 55. *J. Daniels to W. Dodd*. Nov. 25, 1938.
- ⁵ *Eliot G.F.* The Military Consequences of Munich // Foreign Policy Reports. 1938. Dec. 15. P. 227.
- ⁶ LC. W.E. Dodd Papers. Box 56. *R.W. Moore to Dodd*, Nov. 8, 1938. Подробнее о внутренних аспектах политики нейтралитета см.: *Наджафов Д.Г.* Нейтралитет США 1935–1941. М., 1990.
- ⁷ Washington Daily News. 1939. Jan. 30.
- ⁸ SML. Hamilton Fish Armstrong Papers. Box 45. *H.L. Stimson to C. Hull*, Jan. 18, 1939.
- ⁹ *Davies J. E.* Mission to Moscow. L., 1942. P. 276.
- ¹⁰ LC. J.E. Davies Papers. Chronological File. Box 9. *Davies to F. Roosevelt*, Jan. 18, 1939.
- ¹¹ HI. Stanley K. Hornbeck Papers. Box 459. *Hornbeck to S. Welles*. Jan. 6, 1939.
- ¹² Ibid. *Hornbeck to C. Hall*. Jan. 28, 1939.
- ¹³ Ibid. *Hornbeck to J.C. Grew*, Feb. 13, 1939.
- ¹⁴ Ibid. Memorandum, Feb. 18, 1939.
- ¹⁵ *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945. N.Y., 1979. P. 75, 76, 174, 175. 6 мая 1940 г. Рузвельт в очередной “беседе у камина” представил стране отчет о программе военно-морского строительства. Он, в частности, сказал, что за период с 1933 по 1940 годы “ваше правительство израсходовало на ВМС на 1 млрд 487 миллионов долларов больше, чем за такой же промежуток времени до 1933 года”. Численность личного состава ВМС за этот период возросла с 79 тысяч до 145 тысяч человек (*Рузвельт Ф.Д.* Беседы у камина. М., 2003. С. 195).
- ¹⁶ *Eliot G.F.* Defending America // Foreign Policy Association. World Affairs Pamphlets. 1939. Mar. N 4. P. 11.
- ¹⁷ LC. Joseph E. Davies Papers. Box 9. *Davies to M. Tydings*. Mar. 9, 1939.
- ¹⁸ LC. Harold L. Ickes Papers. Box 162. *Ickes to R. Robins*. Mar. 17, 1939.
- ¹⁹ HI. Stanley K. Hornbeck Papers. Box 459. Mar. 18, 1939.
- ²⁰ Междунар. жизнь. 1999. № 8. С. 83.
- ²¹ LC. Joseph E. Davies Papers. Chronological File. Box 9. *Davies to M. Tydings*. Mar. 27, 1939.
- ²² Ibid. *Davies to S. Early*, Mar. 29, 1939.
- ²³ *Davies J.E.* Op. cit. P. 281.

²⁴ Мягкий тон обращения Рузвельта к Гитлеру и Муссолини от 15 апреля с призывом торжественно обещать в течение 10–15 лет воздерживаться от агрессии в отношении трех десятков европейских стран тяжело подействовал на противников политики “умиротворения”. Усилились опасения, что США, так же как и Англия, подумывают о “втором Мюнхене”. 19 апреля С. Хорнбек сделал следующую запись: “Реакция в Европе как со стороны авторитарных держав, так и со стороны демократических стран на заявление президента, сделанное на прошлой неделе и адресованное Гитлеру и Муссолини (вкуче с заявлениями президента во время встречи с корреспондентами в Белом доме), ясно указывают на опасность вмешательства в европейские дела с целью повлиять на их ход чисто вербальным путем, не сопровождаемым выражением намерения и готовности подкрепить слова, если необходимо, акциями позитивного давления (экономическими, военными и т.д.)” (см.: HI. Stanley K. Hornbeck Papers. Box 459. Apr. 19, 1939).

²⁵ LC. Joseph E. Davies Papers. Chronological File. Box 10. Memorandum enclosed in the letter to be given to President. Apr. 18, 1939.

²⁶ Ibid.

²⁷ Foreign Relations of the United States. 1939. Wash., 1956. Vol. 1. P. 23.

²⁸ LC. Joseph E. Davies Papers. Box 10. *Davies to S. Early*, Sept. 11, 1939.

²⁹ LC. Breckenridge Long Papers. Box 5. Diaries. Sept. 2, 1939.

³⁰ *Davies J.E.* Op. cit. P. 287.

³¹ LC. Raymond Clapper Papers. Box 224. Loy Henderson. May 5, 1939.

³² LC. Harold L. Ickes Papers. Box 162. *R. Robins to Ickes*, June 18, 1939.

³³ Yale University Library. Henry L. Stimson Diaries. Reel 6. July 5, 1939.

³⁴ LC. Harold L. Ickes Papers. Box 162. *Ickes to R. Robins*. July 5, 1939.

³⁵ HI. Stanley K. Hornbeck Papers. Box 454. Aug. 24, 1939.

³⁶ Ibid. Box 459. Situation in the Far East as Affected by Current Development in Europe.

³⁷ *Севостьянов Г.Н.* Европейский кризис и позиция США, 1938–1939. М., 1992.

³⁸ LC. Raymond Clapper Papers. Box 49. *Clapper to A. Landon*, Oct. 17, 1941.

КРИТИЧЕСКИЙ ПУНКТ: ЧИСТО АМЕРИКАНСКИЕ ВЫБОРЫ 1940 года

НЕ ДАТЬ ПОГУБИТЬ СТРАНУ

Выборы 1936 г., принесшие подлинный триумф демократической коалиции “нового курса”, аморфному блоку левоцентристских сил, ведомому либералами, но опирающемуся на движение рабочего класса, фермерство, средние городские слои, интеллигенцию, молодежь, национальные меньшинства, и давшие Ф. Рузвельту самый высокий мандат в истории президентской власти в США, сказались двояко на внутренней обстановке в стране. У левых и центристов, сторонников “нового курса” в кругах традиционно поддерживавших демократов, главный результат (победа Рузвельта с разрывом в числе полученных голосов над его противником, республиканцем Лэндоном, превышавшим все известные ранее) вызвал прилив энергии, новые надежды. И напротив, в стане консервативной оппозиции, точнее, у всех, кто занимал позиции правее “нового курса”, – состояние уныния, панического ожидания нового натиска на привилегии собственников и ненависть, порой глухую, скрытую, а чаще непримиримую и необузданную ко всему, что было связано с реформами. На страницах консервативной печати, отражавшей эти настроения (а она была могущественна и изобретательна), о реформах Рузвельта говорилось только как об орудии чужеземного влияния. Ярлык “ползучий социализм” приклеивался к любому новшеству. Яростное сопротивление со стороны консервативной оппозиции нарастало, внутри нее шел процесс перегруппировки сил, выработки новой тактики, новых приемов борьбы за электорат.

Рузвельт, стремившийся обеспечить ореол надпартийности каждому своему шагу, видевший себя не иначе, как новым Линкольном, вынужден был не без горечи признать, что социальные и политические размежевания в стране углубились, обострились, предстали выпукло и обнаженно. Вызванное этим напряжение ощущалось почти всеми. В окружении президента даже серьезно опасались покушений на его жизнь¹.

Было ясно, что у Рузвельта, избранного на второй срок, возникнут серьезные затруднения с консервативным блоком в конгрессе: его члены от демократической партии уже не воспринимали хозяина Белого дома в качестве “толкача”, способного в решающей сте-

пени повлиять на настроения избирателей. Попытка Рузвельта в 1937 г. провести реформу Верховного суда, сильно досаждавшего президенту неприятием чрезвычайных мер по спасению экономики, в области трудового законодательства и т.д., а также реорганизацию системы исполнительной власти с целью сделать ее более эффективной сплотила оппозицию, прибавив ей новых сторонников. Кроме того разногласия внутри самой демократической партии обострились, в особенности в связи с той трансформацией, которую претерпела ее массовая база. Южное крыло партии (диксикраты) было близко к мятежу: ограниченные меры в интересах черных американцев, принятые администрацией “нового курса”, рассматривались ими как начало конца безраздельного господства расистских порядков на “старом Юге”, как прелюдия общей катастрофы.

Олигархические кланы, вынужденные в первой половине 30-х годов уйти в глухую оборону, утратившие значительную долю морального авторитета, после достижения к середине 30-х годов более высокого уровня экономической активности вновь подняли голову, обретя пестрых и порой неожиданных союзников. К ним примкнули церковные круги (в особенности католические иерархи), недовольные признанием СССР, крупное и среднее фермерство, ратовавшее за упразднение ограничений на сельскохозяйственное производство по аграрному законодательству “нового курса”, часть руководства АФТ, встревоженного ростом левых настроений в профсоюзах, весьма значительные слои интеллигенции, напуганные радикализмом “новых тред-юнионов” КПП и “сидячими забастовками”, левацкие элементы, грезившие построением “советской Америки”, прогермански настроенные этнические группы, недовольные антинацистской направленностью “карантинной речи” Рузвельта, подозревавшие его в тайном сочувствии врагам “третьего рейха” и коммунистам, многочисленные профашистские группировки и т.д.

У оппозиции был еще один тайный союзник – внутреннее убеждение самого президента, что все реформаторство по возможности должно быть строго ограничено и не затрагивать принципиальных основ функционирования социально-экономической системы. Никак нельзя согласиться с каждым словом из приводимой ниже цитаты из книги Роберта Макэлвейна, но суть эры модернизации она передает верно: «...Рузвельт, – пишет он, – выдохся к 1936 г. Попытка (если будет позволительно несколько изменить эту метафору) сделать перевязку экономической системе, ничего в ней радикально не меняя, принесла ограниченные результаты. Лишь в конце 1943 г. Рузвельт произнес свою знаменитую фразу о том, что “д-р” “новый курс” уступил место “д-ру” “одержим победу в войне”. Но еще за шесть лет до этого было очевидно, что бывший врач израсходовал все лекарства. Бесспорно, что огромное число американцев оставались, как заметил в 1937 г. сам президент, “плохо одетыми, голодными, не имеющими достойного человека жилища”. Но что в сущности

сам он предлагал сделать для устранения этого зла?!»². Как будто все правильно. Ведь Рузвельт сам говорил весной 1938 г., что произошел “заметный откат назад”.

И тем не менее ни в коем случае нельзя категорически утверждать, будто Рузвельт отказался от дальнейших преобразований, чтобы, как он однажды выразился, “превратить США в современное государство примерно к концу 40-х годов”³. В условиях неожиданного успеха республиканцев на выборах в конгресс в 1938 г., по-новому поставившего вопрос о перспективах партии Рузвельта на президентских выборах 1940 г., естественным для него было вновь обратиться к испытанному способу – апелляции к “забытому человеку”. Однако очень многое было неясно: и то, как изменились ожидания людей, и то, как сложится к тому времени международная ситуация, и то, кто будет кандидатом демократов. Проводимый правительством в сотрудничестве с крупным капиталом исподволь перевод экономики на военные рельсы означал одновременно и появление новых приоритетов, и новую расстановку сил в высших эшелонах власти. Личные неудачи и даже поражения, сдвиги в социально-психологическом климате, рост консервативных настроений на местах, новые экономические и политические факторы (в том числе и международные) порой вызывали у Рузвельта мрачные предчувствия, но не лишали его оптимизма. Прибегая к опробованному им давно набору политических приемов (длительный зондаж обстановки, смена направлений деятельности и т.д.), Рузвельт выжидал, позволяя “откровенно” высказываться от своего имени другим, часто не связанным с ним прямо лицам. Но особая роль в этой сложной и затяжной, с дальним прицелом задуманной на завершающем этапе второго срока политической кампании была отведена выдвинувшемуся и после смерти Л. Хоу занявшему место ближайшего советника президента Гарри Гопкинсу⁴.

По времени этот новый изгиб в политической биографии Гопкинса совпал с драматическими событиями весны и лета 1937 г. Рабочее движение начало решительное наступление на позиции “открытого цеха” в основных отраслях. “Сидячие стачки” сотрясали промышленные империи. Движение безработных достигло апогея. Активизировалась борьба черных американцев за свои права. Консервативная печать заявляла о “провокационной роли” реформистской деятельности администрации “нового курса”. Рузвельт, придерживаясь прямо противоположного мнения, но по обычаю избегал посвящать кого-либо в планы администрации, охотно предоставив это сделать Гопкинсу.

Гопкинс атаковал реакцию с самого опасного для нее направления. Призвав на помощь все свое красноречие, он показал, что требование свертывания правительственной активности и отказ от дальнейших реформ, в частности толкают американский капита-

лизм к экономической пропасти и политической катастрофе. “Из тысячи трагических писем, которые поступают к нам каждый день, я знаю, – говорил он в речи в марте 1937 г. по поводу реформы Верховного суда, – чем это грозит стране”⁵. Необходимо признать, сказал он в другом выступлении, что выполнена лишь часть работы по модернизации экономической системы. Вопрос о том, “возможно ли в условиях нашего общественного уклада обеспечить каждой семье безопасность и освободить ее от гнета нищеты и нужды”, остается по-прежнему в повестке дня. Свои надежды правительство, успокаивал Гопкинс всех, кто видел в “новом курсе” подрыв устоев, связывает с продолжением процесса, начатого “методом терпеливых, настойчивых действий”⁶, т.е. путем подновления и улучшения существующего правопорядка, но не разрушения его.

От вашингтонских политических астрологов не укрылся тот факт, что с некоторых пор имя Гопкинса стало появляться на страницах газет и журналов чаще имени президента⁷. Отдельные его выступления по радио окрашивались в эпические тона, так, словно их автор “прокатывал” программу будущей предвыборной кампании. Впрочем, складывалось впечатление, что это тоже отвечало намерениям Рузвельта, хотя президент явно предпочитал не связывать себя никакими обещаниями. Как бы там ни было, но именно в выступлениях Гопкинса обозначились хотя и неясные контуры рассчитанной на перспективу позитивной программы в социальной области.

Одним из главных пунктов всех рассуждений Гопкинса на сей раз было признание факта необратимости определенных изменений в экономике современного капитализма, которые делают безработицу его вечным спутником. И после восстановления деловой активности в 1937 г. до уровня 1929 г., говорил Гопкинс, число безработных уменьшилось незначительно. “Многие поражены этим фактом, но в действительности все очень просто”⁸. Природа новейшего капитализма (технологический прогресс) несет в себе этот вирус. В состоянии ли американский капитализм реалистически оценить положение и предложить способ облегчения этой неизлечимой болезни на достаточно “длительный срок”? Особых надежд питать не следует. Голубая мечта либералов – запустить на полный ход производственный механизм, пораженный кризисом, – оказалась неосуществимой. Кризис 1937–1938 гг. показал, что “патентованного средства – панацеи” у правительства быть не может, ибо “экономическая система” ставит жесткие пределы его способности управлять механизмом общественного воспроизводства. Распутывать этот гордиев узел надлежит американцам будущих поколений. Как они распорядятся своей судьбой – вопрос открытый. Ясно только одно: “Когда-нибудь наши дети будут смеяться над нами в связи с тем, что мы сохраняли условия, при которых труд людей становился излишним, и

таким образом способствовали уничтожению человеческих ресурсов, в то время как миллионы граждан не имели продуктов первой необходимости, которые могли производиться в изобилии”⁹.

В создавшемся положении из наиболее приемлемых вариантов решения “национальной проблемы номер один” Гопкинс считал превращение системы общественных работ по типу ВПА в постоянно действующий сектор экономики, т.е. частичное огосударствление рынка наемного труда. Но капитализму, утверждал Гопкинс, нечего опасаться конкуренции со стороны этого обобщественного сегмента экономики, ибо он будет всегда играть подчиненную роль, роль своеобразного предохранительного клапана для господствующей системы. Оплачивая труд безработных, занятых на общественных работах ВПА, по ставкам вдвое, а то и втрое более низким, чем заработки рабочих на частных предприятиях в ведущих отраслях промышленности, правительство обезопасит частный капитал от конкуренции¹⁰. Притягательность работы на частном предприятии, заверял Гопкинс предпринимателей, мы сохраним, установив низкую заработную плату в общественном секторе¹¹. Нимало не смущаясь жестокой циничности своего предложения, Гопкинс рекламировал эту “модель” в целях восстановления устойчивости экономической системы капитализма в США¹². Общий вывод звучал как требование решительного разрыва с политэкономией “классического либерализма” и перехода к смешанной экономике. Спасение капитализма, писал Гопкинс, в далеко идущем “приспособлении к реальности жизни, на которое частный капитал должен решиться как в своей повседневной деятельности, так и в мировоззрении. Это может быть достигнуто только через активное сотрудничество правительства с промышленностью”¹³, т.е. с капиталом.

Генерал Хью Джонсон, уволенный Рузвельтом в отставку с поста руководителя НРА, но отлично знавший вашингтонскую политическую кухню, писал в 1937 г., что Гопкинс занял к тому времени «первое место во внутреннем кружке экономистов “нового курса”...»¹⁴. Джонсон не обмолвился, все чаще и чаще центральные места в выступлениях президента по вопросам экономики походили как две капли воды на рассуждения Гопкинса. Это не противоречит тому, что окончательные суждения Рузвельт всегда выносил от своего собственного имени, не согласовывая их с ближайшими советниками¹⁵. Но человеком, с которым Рузвельт виделся больше других с глазу на глаз, оставался Гопкинс. По свидетельству С. Розенмана, он был первым, кто навещал президента утром, и последним, кто беседовал с ним вечером. Хорошо известно также, что с конца 1935 г. Гопкинс все дальше отходит от непосредственного руководства ВПА, передоверяя свои обязанности Обри Вильямсу и полковнику Харрингтону. Сам же он все больше времени уделял вопросам общего порядка, возглавляя бесчисленные президентские комиссии и комитеты. “Я не могу точно сказать, — писал Р. Шервуд, — когда у

Рузвельта впервые возникла мысль, что Гопкинс может занять его место. Однако совершенно ясно, что после 1936 г. он по меньшей мере стал обдумывать свою идею”¹⁶.

Между тем ход событий выдвинул вопрос о войне и мире в центр общественной полемики, что привело к расширению поля столкновения интересов общественных классов, слоев, групп и партий. После того как блок фашистских держав перешел к прямому захвату чужих территорий и целых стран, обстановка еще более усложнилась, а разногласия внутри общества обострились. “Никогда ранее, – писал Р. Робинс сенатору Бора в ноябре 1938 г., – внутренние аспекты политического развития так тесно не переплетались с международными. 1940 год (год очередных президентских выборов. – В.М.) будет иметь самые серьезные последствия для нашей страны...”¹⁷. Определились три течения: одно, идущее в фарватере правительственной политики, другое, выступавшее за радикальное изменение внешнеполитического курса на основе усиления в нем антифашистской направленности, и, наконец, третье – изоляционистское, требующее отказа от любых действий, способных вовлечь США в коллективные санкции против агрессоров, под флагом нейтралитета отстаивающее принцип “свободы выбора” той части финансово-промышленного капитала, которая готовилась использовать военную конъюнктуру в целях повторения рекорда 1914–1918 гг.

На чьей стороне был перевес? Дать ответ на этот вопрос невозможно, не учитывая особенностей острой партийно-политической борьбы в стране накануне 1 сентября 1939 г. Инициатива в ней часто переходила “из рук в руки”, заставляя Рузвельта балансировать между противоположными лагерями. Того требовало только вызревающее решение о третьем сроке, который должен был стать плебисцитом о том, кто возглавит страну в военное время. Икес отмечал в августе 1939 г., что “концентрированное богатство” замышляет любой ценой нанести поражение Рузвельту¹⁸. В своих выступлениях он говорил о заговоре “60 семейств” против Рузвельта. Но и в монополистических кругах наметилось размежевание по вопросу о характере внешнеполитического курса США. Возросло число сторонников более гибкого подхода, не просто учитывающего реальные опасности со стороны главных очагов агрессии – Германии и Японии, но и предполагающего переход на сторону их противников. Объективно это усиливало авторитет президента, укрепляло его шансы сохранить за собой Белый дом, если бы он этого пожелал. После Мюнхена стала изменяться и позиция общественности. “Нейтралитет” подвергался все более резкой аргументированной критике. Оживление антифашистского движения в стране приходило в явное противоречие с дипломатией “рукопожатий” с агрессорами в ущерб миру и безопасности народов. Игнорировать эти силы правительство не могло, не теряя лица поборника гуманизма и защитника свобод-

ного мира от “сил разрушения”. В целом же внутреннее положение оставалось более чем неопределенным, будучи отмеченным колебаниями в лагере демократии, отступлением либерализма и определенным укреплением позиций консервативных сил.

Постепенное увядание либерализма стало заметным вскоре же после выборов 1936 г. В этом были повинны, как отмечали многие наблюдатели, сами либералы. Резкое обострение социальных конфликтов в стране (“сидячие стачки”, политические амбиции многих выдвинувшихся лидеров организованного рабочего движения), с одной стороны, и вновь обретенное капиталом чувство уверенности в стабильности его экономических и политических позиций – с другой, в короткий срок превратили многих вчерашних “друзей” рабочих и бедняков на Капитолийском холме в их недоброжелателей. В конгрессе и его комиссиях проекты различных нововведений в области трудового законодательства все чаще встречали холодный прием, инициатива отдельных настойчивых лоббистов углубления социальной реформы топиалась в шуме голосов, посылавших проклятия “рабочим агитаторам” и “адвокатам классовой борьбы”. Атаки на “новый курс” ужесточились. Его обвиняли во всех смертных грехах – от бесплодного расточительства (больше всего доставалось, разумеется, Гопкинсу) до вероломных посягательств на святыни частной собственности и конституцию. Неудача Рузвельта в борьбе за реформу Верховного суда и крах плана реорганизации административного аппарата заставили президента открыто объявить о “передышке” в реформаторской деятельности¹⁹.

Дело как будто шло к своеобразному Термидору. Так или иначе, но под обломками плана правительственной реорганизации заживо погребенными оказались два новых важных министерства – общественного благосостояния и общественных работ. Первое из них предназначалось Гопкинсу. Об этом знали все. Однако никто в Белом доме не приходил в отчаяние от того, что Гарри Гопкинс уже не сможет руководить таким обременительным для правительства делом, как социальная помощь. Что касается ВПА, то она давно находилась в цепких руках военного ведомства, поставившего эту программу на службу укрепления военного потенциала и материального обеспечения армии. В политическом отношении свою роль детище Гопкинса выполнило, а сам он к нему охладел, видя, что ВПА превращается в предмет бесконечного торга между Рузвельтом и оппозицией, между либералами и консерваторами²⁰.

Рузвельт сам весной 1938 г. высказался против возвращения Гопкинса к руководству ставшей такой непопулярной в конгрессе программой помощи. В сугубо доверительном духе он дал понять Гопкинсу, что важнейшей задачей в исключительно сложной политической обстановке является не поглощающая их всех борьба за продолжение вызывающих неодинаковую реакцию социальных реформ, а подготовка к новому раунду в схватке за президентскую

власть. Мысли Рузвельта были заняты тем, как в условиях нараставшего международного кризиса сохранить преемственность государственного руководства, не нарушая неустойчивого равновесия социальных сил, сплотившихся вокруг него в предшествующие годы, и, как он говорил сам, не дать прорасти “семенам раздора, смертельно опасных для нации”.

Именно это лучше всего говорило всем о том, что не могло быть и речи о забвении президентом (или об отказе ньюдиллеров) ключевой долговременной задачи, поставленной ими в начальной фазе “нового курса”. Она может быть выражена предельно кратко тремя взаимосвязанными понятиями – безопасность, демократия, реформа. Подводя итоги успехам и неудачам в деятельности администрации за предшествующие пять лет, Рузвельт в очередной “беседе у камина” 14 апреля 1938 г. говорил: “Я думаю ... о личных свободах, которые для всех американцев являются самым главным достоянием... В некоторых других крупных странах демократия перестала существовать. Это произошло не потому, что народам этих стран не нравится демократия, а потому, что они устали от безработицы и социальной незащищенности, не могли больше видеть своих детей голодными... История свидетельствует, что диктаторские режимы появляются не там, где власть сильна и эффективна, а там, где она слаба и беспомощна”²¹. Такая постановка вопроса означала, что Рузвельт по-прежнему ощущал себя, как и пророчествовал ему Джон Мейнард Кейнс еще в 1933 г., трансатлантическим “попечителем” всех, кто видел последнюю надежду в “разумном эксперименте в рамках существующей социальной системы”²².

СУДЬБОНОСНОЕ РЕШЕНИЕ: ТРЕТИЙ СРОК

В планах Рузвельта Гопкинсу была отведена важная роль. Ему надлежало заняться работой по наведению порядка в демократической партии, ее “чисткой” от антирузвельтовских элементов с тем, чтобы тщательным образом подготовить победу демократов на предстоящих выборах 1940 г. Рузвельт был уверен, что Гопкинс с его влиянием и популярностью в демократических кругах способен стать противовесом консервативному крылу в партии во главе с министром почты и бывшим председателем Национального комитета Дж. Фарли, личностью вполне заурядной, но втайне рассчитывавшей занять президентское кресло в 1940 г. Рузвельт этому открыто противодействовал. В одной из бесед с Гопкинсом президент совершенно четко провел следующую мысль: его преемник не может не следовать прежней стратегической линии. Это означало, что имя нового президента должно символизировать приверженность демократической партии концепции социального реформаторства, а сам он по своим внешнеполитическим убеждениям не может быть изо-

ляционистом. Рузвельт назвал несколько человек, которые соответствовали, по его мнению, в целом этому “стандарту”, – Ф. Мэрфи, Г. Икес, Г. Уоллес, К. Хэлл. По всему, однако, получалось, что наиболее приемлемой кандидатурой мог быть только Гарри Гопкинс. Чуть позднее, не посчитавшись с самолюбием Фарли, Рузвельт, глядя министру прямо в глаза, высказал ему ту же мысль²³.

Физические недуги Гопкинса нимало, казалось, не смущали Рузвельта. Разве он сам, прикованный к креслу-каталке, не справляется с бременем президентских обязанностей уже два срока? Самой важной для Гопкинса Рузвельт видел задачу завоевания доверия и поддержки в мире бизнеса. В прошлом отношения Гопкинса с коммерческими кругами складывались далеко не безоблачно. Теперь Рузвельт полагал, что настало время начинать новую эру – эру дружеских объятий и примирения. Гопкинсу не повредит, если его чаще будут видеть в обществе Бернарда Баруха, Джесси Джоунса, Джозефа Кеннеди, Аверелла Гарримана, других магнатов промышленности и финансов и реже в публичных собраниях, местах где нужно произносить речи и ругать на чем свет стоит “привилегированные классы”. Чтобы сближение Гопкинса с бизнесом выглядело естественным, Рузвельт объявил о своем намерении назначить его министром торговли. И вновь всем, кто близко знал Рузвельта, в том числе его будущие биографы терялись в догадках, был ли это тактический маневр президента, втайне решившего остаться в Белом доме на третий срок и избравшего игру с подставной фигурой, или же это результат серьезного обдумывания вопроса о преемнике. “Ряд признаков говорил о том, – писал Р. Тагвелл, – что Рузвельт ведет кампанию в пользу кандидатуры Гарри Гопкинса; но если действительно предполагалось сделать шаги в этом направлении, то совершенно ясно, что они не вызвали бы восторга, во всяком случае никто из тех, кто, подобно Гопкинсу, был связан с политикой, проводимой Рузвельтом, не мог быть навязан старейшинам оппозиции”²⁴.

Что же оставалось? Логика подсказывала, что сохранение пре-емственности внутривластного и внешнеполитического курса правительства США в этих условиях целиком зависело от согласия самого Рузвельта баллотироваться в третий раз. Так думали многие его сторонники. Но что он сам думал на этот счет, никто точно не знал, хотя поводов для размышлений у политических наблюдателей было предостаточно. Не вносила ясности в этот вопрос и супруга президента, Элеонора Рузвельт. Наоборот, еще в 1937 г. она заставила теряться в догадках репортеров, заявив, что ее единственным утешением является мысль: “для нас” уже не будет еще одной инаугурации. Одно напоминание об этом заставило журналистов спросить первую леди, как она относится к третьему сроку. “Это никогда не было традицией страны”, – последовал ответ. Еще более загадочными были ее дальнейшие ответы, как правило, демонстративно уклончивые. Порой сам президент в частных беседах поворачивал раз-

говор на эту тему, без ясного, однако, уточнения своих планов. Так было сразу после Мюнхена в присутствии представителей оппозиционной партии, что повергло их в состояние полного замешательства²⁵. Одержать победу в дуэли с Рузвельтом – кто из республиканцев мог бы на это отважиться?

Наиболее важное значение имел разговор Элеоноры Рузвельт с Гопкинсом в Белом доме 28 мая 1939 г., который Гопкинс зафиксировал в виде меморандума: “Миссис Рузвельт, – писал он, – выразила свою обеспокоенность по поводу приближающихся выборов 1940 г. Лично она очень хотела бы, чтобы президент больше не баллотировался, но я понял, что она так же, как и мы, не информирована на этот счет. Она полагает, что президент свою задачу полностью выполнил и что он уже утратил присущий ему ранее интерес к административной деятельности. Она полагает, что цели, за которые тот боролся, не по плечу одному человеку, если “новый курс” полностью держится только на нем, это значит, что у него нет серьезной основы. Хотя иногда она так не думает, ибо народ за “новый курс”. Миссис Рузвельт убеждена, что огромное большинство избирателей не только идет за президентом, но и поддерживает его политику. Необходимо, с ее точки зрения, приложить все усилия, чтобы, осуществляя контроль за работой съезда демократической партии в 1940 г., обеспечить выдвижение либерального кандидата. Она верит в способность президента решить данную задачу, если только, а это очень важное “если”, у Рузвельта есть желание засучив рукава поработать по-настоящему”²⁶.

О чем говорило это бесспорно заранее обдуманное заявление? Скорее всего, о решимости Рузвельта “засучив рукава” с головой уйти в политическую борьбу за победу демократов на выборах 1940 г. Гопкинс мог отнести слова о “либеральном кандидате” на свой счет. Р. Шервуд полагал даже, что у него были самые большие основания думать именно так. И хотя секретарь Рузвельта Грейс Талли, вступившись за Рузвельта, писала, что он не мог “разыгрывать” Гопкинса, полной уверенности в этом ни у нее, ни у кого-либо другого быть не могло²⁷.

Нелишним, разумеется, в данном случае будет спросить: считали ли сам Гопкинс в тот момент реальными свои шансы стать преемником Рузвельта или просто добровольно согласился играть роль “заслонной лошади” в трудном политическом гандикапе 1940 г. с целью обеспечить избрание Рузвельта в третий раз? Как бы то ни было, он прилежно трудился во имя успеха стратегического плана президента²⁸, хотя ведущая роль Гопкинса в осуществлении так называемой “чистки” демократической партии накануне выборов в конгресс осенью 1938 г. стоила ему утраты кредита в глазах влиятельных сил в демократической партии. Рузвельт, стремясь сделать демократическую фракцию конгресса более управляемой, попытался выдвинуть в качестве кандидатов только преданных ему людей. Поражение

этой кампании, порученной Гопкинсу, косвенным образом задело престиж президента. Однако если огромная личная популярность Рузвельта и политическое влияние президентской власти ограждали его от слишком развязной критики, то Гопкинс был лишен этих преимуществ. Консервативная оппозиция спешила свести с ним счеты, обвиняя его в “грязном интриганстве” и нарушениях правил игры в “демократические выборы”.

Предрасположенность Рузвельта к компромиссу с консервативной оппозицией после неудачного в целом 1938 г. возросла. Он заметил философически: “Потребуется много времени, чтобы прошлое подтянуть к настоящему”²⁹. В плане политическом это означало заметное отступление правительства от либерального курса в социальном вопросе, отступление вправо. Однако по мере приближения выборов Рузвельту становилось все яснее, что на этом пути он не только не соберет недостающие ему голоса, но и растеряет тот капитал, который буквально воскресил демократическую партию, обеспечив ей популярность. Стремясь удержать левые и прогрессистские силы под своим влиянием и укрепляя параллельно позиции на правом фланге социального спектра, Рузвельт побуждал ньюдиллеров на местах активно искать сотрудничества с влиятельными социал-реформистскими группировками, партиями и течениями. Он не афишировал эти контакты, но, следуя тактике “протянутой руки”, настойчиво приглашал к коалиционным действиям всех, кто опасался перехода инициативы к консерваторам, – профсоюзы, рабоче-фермерские партии, движение безработных, организации афроамериканцев.

И вновь, как это бывало в решающие моменты в прошлом, важную роль в разработке и реализации предвыборной стратегии и тактики сыграла Элеонора Рузвельт и ее энергичные помощники. В “сферу их забот” входили профсоюзы, женские и молодежные организации, творческая интеллигенция. Элеонора пыталась (хотя и безуспешно) даже примирить Рузвельта и лидера горняков Джона Льюиса. “Вы и я, – сказала она одному из ближайших сотрудников Льюиса, – работаем во имя интересов масс. И Рузвельт, и Льюис – примадонны. Наша задача постараться держать под контролем их эмоции”. Когда в последние дни избирательной кампании Льюис решительно порвал с демократами и объявил, что он поддержит кандидата республиканцев, призвав КПП последовать его примеру, Э. Рузвельт обратилась с письмом к одному из лидеров КПП, Джеймсу Кэри, обвинив Льюиса в пособничестве монополистической реакции: “Все это представляет серьезную опасность и наносит удар по демократическому процессу. Мне интересно, как м-р Форд, м-р Вейр и м-р Гирдлер (представители крупного капитала. – В.М.) встретят Льюиса в качестве своего союзника”³⁰.

Ближайший помощник Гопкинса О. Вильямс, много лет работавший с ним в администрации общественных работ, выполнял самые деликатные поручения Э. Рузвельт, осуществляя контак-

ты с руководством организаций безработных. Их переписка показывает, что уже осенью 1939 г. Э. Рузвельт думала над тем, как использовать звенья Рабочего альянса – общенациональной организации безработных в качестве опорных пунктов демократов среди наиболее обездоленной части электората. Вильямс с энтузиазмом подхватил эту идею. “Я чувствую, – писал он Э. Рузвельт в ноябре 1939 г., – что Рабочий альянс еще имеет вес и влияние повсюду в стране, и мы не должны позволить растрачивать их впустую. Возможно, было бы лучше, если бы эта организация сменила свое название, как Вы предлагаете. Я полагаю, что объединения безработных представляют собой значительный политический потенциал, который нельзя не использовать. Я хотел бы надеяться, что президент захочет сохранить этот многочисленный контингент своих потенциальных сторонников для будущих сражений. Они нуждаются во внимании со стороны администрации, которую сегодня они все еще поддерживают”³¹.

О. Вильямс, имевший прочную репутацию социал-демократа, был близок и к Гопкинсу, и к Э. Рузвельт. Самое же существенное состоит в том, что письмо еще раз показывает, что вопрос о кандидатуре главного администратора программы помощи (Г. Гопкинса) в качестве преемника Ф. Рузвельта давно отпал. В этой ситуации перемещение Гопкинса в конце 1938 г. на пост министра торговли выглядело не как реализация первоначального плана “Гопкинса в президенты” (о чем пишут многие американские историки), а скорее как еще одна уступка оппозиции, поскольку, будучи главным администратором ВПА, он располагал большей самостоятельностью, большей реальной властью и большими возможностями влиять на политику на местах. В произнесенной затем серии публичных и частных заявлений Гопкинс уже в качестве министра торговли предстал не воинственным оппонентом “экономических роялистов” – антирузвельтовской части монополистов, а всего лишь посредником в процессе восстановления взаимного доверия между правительством и деловыми кругами. Речь Гопкинса 24 февраля 1939 г. в Экономическом клубе Де Мойна (штат Айова) напоминала пасхальную проповедь: старые распри и обиды должны быть забыты, правительство не намерено тревожить капитал реформами и пугать разоблачениями. В своем новом амплуа, как отмечали влиятельные органы печати, он (Гопкинс) олицетворял собой линию на сближение администрации “нового курса” с крупным капиталом, желание Белого дома наладить с ним более тесные отношения³².

Но лишь немногие могли хладнокровно отнестись к превращению Гопкинса из возмутителя спокойствия в респектабельного министра торговли с ортодоксальными взглядами. С нескрываемым злорадством журналист и публицист Артур Крок, слышавший недругом администрации, писал, что Гопкинс способен менять свою точку зрения столько раз, сколько это понадобится президенту³³. Кон-

сервативная “Нью-Йорк геральд трибюн” назвала его “кающимся грешником из министерства торговли”. Если не по существу, то по форме все это действительно походило на капитуляцию. Еще не сев за массивный письменный стол в отделанном деревянными панелями кабинете министерства торговли, Гопкинс усердно занялся расширением своих связей в деловых кругах. Аверелл Гарриман, Джон Херц, Нельсон Рокфеллер, Эдвард Стеттиниус, Бернард Барух стали его близкими друзьями. Какой-то острослов пустил шутку о “прирученных миллионерах Гопкинса”. Министру торговли ничего не оставалось, как только делать вид, что он не понял злой иронии. Баруху в беседе с глазу на глаз он сказал, что будет отстаивать интересы “бизнесменов” так же энергично, как это он делал, когда речь шла об интересах рабочих.

Однако даже противники демократов, республиканцы, понимали, что идти на выборы 1940 г., афишируя свои “особые отношения” с крупным капиталом, означало бы политическое самоубийство. Ни о какой моральной реабилитации большого бизнеса еще не могло быть и речи. Кандидата партии “забытого человека”, демократов, как считали те, кто щедро финансировал республиканцев (банкиры Уолл-стрита, автомобильные короли и т.д.), может победить только кандидат, который сам способен говорить на языке “простых людей”, представляя таким образом доктрину “нового республиканизма” – некий симбиоз политической философии “грубого индивидуализма”, обновленного либерализма и умеренного, неортодоксального изоляционизма. Были отклонены кандидатуры двух твердокаменных противников вильсонизма – сенаторов Р. Тафта и А. Ванденберга. Напротив, кандидатура Уенделла Уилки, избранника республиканцев, считалось, как нельзя лучше отвечала новым требованиям. Отец Уилки был некогда сторонником У. Брайана. Сам же он долгое время был демократом, правда, в 1932 г. поддерживал кандидатуру соратника Вудро Вильсона Н. Бейкера, соперника Рузвельта в рядах демократов, но этот факт сам по себе выглядел в глазах боссов республиканской партии прекрасной рекомендацией. Лучшей рекомендацией считалось и то, что У. Уилки был юристом одной из маклерских фирм на Уолл-стрите и президентом крупной фирмы в сфере коммунальных услуг. В пользу кандидатуры Уилки выступила могущественная группа, представлявшая финансово-промышленные круги, – Томас Ламонт, Ламонт Дюпон, Джозеф Пью, Эрнест Вейр и др.

Кампанию У. Уилки спланировали и организовали по всем правилам новейших избирательных технологий, с учетом уроков прошлого и уже накопленного республиканцами опыта общения с электоратом эпохи Великой депрессии. Сердцевиной пропагандистского наступления на “новый курс” на рузвельтовских либералов стала публичная поддержка Уилки целей “нового курса”, но без тех его элементов, которые несли на себе отпечаток антимонополизма и

уравнительности. Опираясь на достижения “нового курса”, Уилки приглашал идти дальше, к “новому миру”, совмещая это с “восстановлением” принципов свободного предпринимательства и “дешевого правительства”, свободного от пут бюрократизма и регламентации. Позитивная программа Уилки в экономической сфере воплощалась в следующей триаде: “Пересмотр законодательства с тем, чтобы поощрить частные капиталовложения; сокращение правительственных расходов; смягчение неоправданно строгих ограничений, содержащихся в наших экономических законах...”³⁴.

Лозунги модернизированного республиканизма и отполированного “нового курса” привлекли на сторону У. Уилки часть бывших сторонников Рузвельта и среди них Джона Льюиса. Но, как оказалось, самым неотразимым качеством нового фаворита республиканской партии было то, что он в отличие от соперников по партии не разделял взглядов дремучих изоляционистов. Времена изменились, и призывы “крепить оборону”, не жалеть расходов на военные приготовления и не уходить от вопросов международной политики, делали Уилки привлекательной фигурой в глазах всех, кто рассчитывал поправить свои дела на военной конъюнктуре, а также тех, кто видел, что нельзя сидеть сложа руки перед лицом фашистской угрозы. Политика неучастия и дипломатическая история Мюнхена давали Уилки богатый материал для критики внешней политики Рузвельта с позиции в духе Теодора Рузвельта. Сомнений быть не могло – и Рузвельт это прекрасно понимал – У. Уилки был сильным и опасным соперником. Еще большая опасность исходила от его теневых сподвижников, готовых обрушить “новый курс”.

Разработка предвыборной стратегии с каждым днем занимала все большее внимание Рузвельта, хотя он упорно отмачивался относительно собственных планов и намерений. Даже Гопкинсу до поры до времени не было разрешено касаться этой темы, несмотря на то что его длительное тесное общение с президентом и особый характер поручений, которые ему доводилось выполнять, как будто бы предполагали полную откровенность между ними во всех вопросах подобного рода.

Захват Гитлером 15 марта 1939 г. оставшейся части Чехословакии и оккупация Италией 7 апреля Албании дали толчок к переосмыслению самых разных аспектов правительственного курса как внешних, так и внутренних. Первым движением Рузвельта было добиться изменения законодательства о нейтралитете, вторым – провозглашение страны в опасности в связи с возросшей возможностью агрессии и третьим – направление (15 апреля) уже известного личного послания к Гитлеру и Муссолини. Решительно настроенный на разрыв с “умиротворением” Генри Уоллес сказал президенту все, что он думает по этому поводу: “Оба сумасшедших уважают только силу, и только одну силу”. Увещевать их, продолжал министр, то же, что “обращаться с проповедью к бешеной собаке”³⁵.

Рузвельт никак не отреагировал на высказывания Уоллеса. Он не сомневался в личной преданности министра сельского хозяйства, но считал его излишне чувствительным и прямолинейным. Вникнуть во все тонкости политики президента на международной арене, которая оставалась в своей основе прежней, Уоллесу было не дано. Впрочем, большинство кабинета оставалось в неведении того, что предпримет президент. В конце марта Рузвельт вместе с Гопкинсом удалился в свою усадьбу в штате Джорджия для обдумывания всех назревших вопросов. Здесь, в Уорм-Спрингсе, с глазу на глаз, оказавшись на почтенном расстоянии от вездесущих вашингтонских репортеров, Рузвельт и Гопкинс обсуждали важнейшие внешне- и внутривластные проблемы. “Утром, как обычно, – записал Гопкинс в меморандуме, – мы обсуждаем европейские дела... Джозеф Кеннеди и Буллит, наши послы в Лондоне и Париже, звонят по телефону, Хэлл и С. Уэллес делают то же самое из Вашингтона, так что мы в курсе самых последних ходов Гитлера на международной шахматной доске”³⁶. Положение создалось исключительно сложное.

Историки много пишут по поводу того, когда Рузвельт принял решение (одно из самых трудных в его политической карьере) о выдвижении своей кандидатуры на пост президента в третий раз. Все сходится на том, что это случилось где-то после нападения Гитлера на Польшу, т.е. после 1 сентября 1939 г. Есть все основания, однако, считать, что именно беседы в Уорм-Спрингсе в марте–апреле 1939 г. окончательно утвердили Рузвельта во мнении не оставлять поста президента в критический момент нарастания военной угрозы, с одной стороны, и внутренней нестабильности, активизации консервативной оппозиции – с другой. Какую роль в этом сыграл Гарри Гопкинс – несостоявшийся кандидат в президенты, – неизвестно: он всегда тщательно хранил молчание.

Но именно Гопкинс возвестил о начале контрнаступления либералов, объявив, что у них есть лидер, способный, как никто другой, сплотить нацию и вернуть ей динамичное руководство, столь необходимое в условиях мирового кризиса. В прессе много раз сообщалось о расколе в лагере демократов и отсутствии возможности у Рузвельта баллотироваться в третий раз. Тем внушительнее 17 июня 1939 г. прозвучало заявление Гопкинса в поддержку Рузвельта: “Окончательно, безоговорочно и бесповоротно, – сказал он, – я сделал свой выбор в пользу Франклина Д. Рузвельта и я верю, что огромное большинство нашего народа солидарно со мной”. Это означало, что единственный претендент из старой плеяды ньюдиллеров, теоретически способный сохранить Белый дом за демократической партией и оживить надежды идущих за ней избирателей на возвращение политики преобразований, добровольно отказывается от борьбы. Оставался только Ф. Рузвельт: иного выбора у тех, кто опасался победы “вечно вче-

рашних” со всеми вытекающими отсюда последствиями для внутренней и внешней политики страны, не было³⁷.

Оценка общей ситуации в связи с провозглашением республиканцами более гибкой линии приводила Рузвельта к выводу о необходимости строить всю кампанию на четком разграничении между достижениями либеральной реформы, новым либерализмом и ортодоксальным консерватизмом, относя к нему и тех, кто нападал на “новый курс”, исходя из каких-либо местных интересов. Рузвельт хотел придать выборам характер референдума, подчеркнув тем самым драматически решающее значение их для судеб страны. “Линия водораздела, – писал Гопкинс одному из лидеров демократов в Орегоне, – становится все более четкой, она проходит, как мне кажется, между президентом, “новым курсом”, с одной стороны, и всеми реакционерами – с другой”³⁸. Точно такой же представлялась сложившаяся расстановка сил и Гарольду Икесу. Он писал Робинсу в начале августа 1939 г.: “Концентрированное богатство собирается нанести поражение Рузвельту, если оно сможет, конечно, не считаясь с катастрофическими последствиями для страны в целом. Я полагаю, что оно всегда, во все времена было таким. Оно абсолютно лишено здравого смысла и морали... Но, как Вы сами знаете, предприниматели, банкиры, угольные короли и строительные воротилы, и я могу в этот перечень включить многих других, сейчас объединились для борьбы с Рузвельтом. Что случится в будущем, я не знаю, но считаю, что самые трудные времена впереди... В лагере демократов, я думаю, кандидатом может быть только Рузвельт, и никто другой”³⁹. И Г. Икес и Р. Робинс полагали, что речь могла идти об организации экономического саботажа против правительства “нового курса”⁴⁰.

Начало войны в Европе открыло новую фазу избирательной кампании. Стало ясно, что демократы в большинстве своем не изменят лидеру, если он сам примет решение сломать сложившуюся традицию и в третий раз согласится на выдвижение своей кандидатуры. Даже в олигархической верхушке, где с недоверием и без всяких симпатий относились к Рузвельту, настроения начинали меняться в его пользу. Один из крупнейших преуспевающих магнатов Джон Херц писал Рузвельту 11 июня 1940 г., за месяц до открытия съезда демократической партии в Чикаго: “Недавно я беседовал с группой чикагских бизнесменов, которые политически враждебно относятся к Вам, но сейчас они все до одного сошлись на том, что партийные раздоры остались позади и что Вы заслуживаете и потому получите поддержку у всех настоящих американцев. Люди в Чикаго (имеются в виду деловые круги. – В.М.), которых я знаю, в конце концов пришли к выводу, что изоляционизм мертв и что все мы должны сейчас смотреть на вещи реально”⁴¹. Рузвельт, не забывая обид и не дав спровоцировать себя на доверительный тон и дружелюбие, попросил Гопкинса подготовить ответное письмо – лаконичное, но внуши-

тельное. “Я убежден, – писал президент, – что подавляющее большинство американцев полно решимости защитить демократию любыми способами, которые будут признаны необходимыми”⁴².

Президент остался верен себе; он говорил мало и больше намеками, но намеками, всем понятными. В стане демократов у Рузвельта не осталось соперников. Может быть, только Джеймс Фарли не соглашался признать за Рузвельтом права быть кандидатом в третий раз. Побывав летом 1940 г., накануне съезда демократов, в Гайдпарке, он посоветовал Рузвельту в случае, если его выдвинут, поступить точно так же, как это сделал много лет назад Дж. Шерман, – заявить об отказе баллотироваться и выполнять обязанности президента в случае избрания. Рузвельт сказал Фарли, что он в сложившихся условиях так поступить не может; если народ того захочет, ему не уклониться от выполнения своего долга. Припомнили, что примерно то же говорила и супруга президента в одном из интервью. Эта ошеломляющая новость создала необычную ситуацию. Большинство потенциальных кандидатов просто-напросто были лишены всех шансов на успех и переносили процедуру выдвижения непосредственно на съезд демократической партии, где, как сказал Рузвельт помощникам, Господь Бог сделает свой выбор. По сценарию президента все должен был решить съезд: выдвижение кандидатур президента и вице-президента и избрание их кандидатами на выборах в ноябре 1940 г. Главные роли в осуществлении этого сценария были отведены Г. Гопкинсу и Э. Рузвельт.

К тому времени положение Гопкинса в “кухонном кабинете” Белого дома окончательно определилось – его место ближайшего помощника президента, генератора идей, исполнителя самых сложных поручений и соавтора речей никто не мог бы оспорить. Все чаще Гопкинсу приходилось выступать и в новом для него амплуа – советника по внешнеполитическим вопросам. Не будет преувеличением сказать, что такой поворот не предвидел ни он сам, ни президент, потому что в конце августа 1939 г. врачи, вновь уложившие Гопкинса в постель, сообщили президенту, что дни его министра торговли сочтены. Пролежав в клинике пять месяцев, измученный лечением, Гопкинс вернулся в январе 1940 г. к политической деятельности. Однако прямого отношения к обязанностям министра торговли она уже не имела.

В Европе в это время шла мировая война, развязанная фашизмом, пылали города и исчезали государства. 9 апреля 1940 г. германские войска вторглись на территорию Дании и высадились в Норвегии. 10 мая 1940 г. окончательно рухнули надежды мюнхенцев в Лондоне и Париже удержать Гитлера от перехода от “странной войны” к “настоящей” на Западе. Бронетанковые дивизии немцев пересекли бельгийскую и голландскую границы. Все это означало, что Вашингтон был поставлен перед дилеммой, от решения которой длительное время он уклонялся. В тот же самый

роковой для англо-французских армий день, 10 мая 1940 г., Гопкинс был приглашен на обед в Белый дом. Тема разговоров за столом президента могла быть только одна – вторжение танков Рундштедта, Лееба и Клейста на территории Франции, Бельгии и Голландии и паническое отступление французов и англичан по всему фронту. Гопкинс чувствовал себя очень плохо, и, видя это, Рузвельт предложил ему остаться на ночь в Белом доме. Гопкинс согласился и уже не покидал резиденцию президента более трех лет. Ему было отведено небольшое помещение в южном крыле здания, в комнате, которая некогда служила кабинетом Линкольна и где произошло историческое событие – подписание Декларации об освобождении рабов. Комната обладала и еще одной достопримечательностью – она находилась по соседству с Овальным кабинетом президента.

Проблемы внешней политики и выработка стратегического курса избирательной кампании занимали все время Рузвельта. Выяснилось, что оба этих вопроса после капитуляции Франции (22 июня 1940 г.) сплетены в один тугой узел. Эта мысль отчетливо прозвучала в аналитической записке члена Верховного суда У. Дугласа на имя президента. В Белом доме было решено, что она может служить своеобразным “руководством” для “всей президентской рати” в борьбе с антирузвельтовской оппозицией на съезде демократической партии в Чикаго, планирующей построить свою тактику вокруг дискуссии о третьем сроке. Дуглас писал: «Я рассматриваю ситуацию следующим образом. Если Гитлер справится с Англией (а его шансы на это по крайней мере благоприятны), он предложит “мир” нашей стране. Фактически пропаганда в пользу этого уже ведется. Он сделает ряд жестов, демонстрирующих его желание заключить с нами сделку. Он будет изображать дело так, будто хочет привлечь нас к реконструкции Европы. Он пойдет на все возможные уловки, чтобы перетянуть на свою сторону предпринимательские круги нашей страны, обещая им высокие прибыли и т.д. Многие в нашей стране уже говорят, что мы “можем иметь дело с Гитлером”, если только нам это позволят».

Получить в Белом доме президента, превыше всего ставящего интересы бизнеса, в это критическое время было бы смертельно опасным. “Зачем нам ввязываться в эту ненужную войну? Почему не пойти на деловые отношения с Гитлером, открыть наши рынки и увеличить тем самым занятость?” Вот о чем будут говорить и по этой линии будут оказывать давление. Даже Герберт Кларк Гувер (бывший президент США. – *В.М.*), по-видимому, полагает, что мы можем сесть с Гитлером за один стол и заключить с ним сделку. Вот почему Вам (Рузвельту. – *В.М.*) следует говорить осторожно, чтобы не вызвать ярость поклонников Адольфа...

То, что случилось с Англией, Францией и другими странами, может случиться и с нами, ибо наши финансовые и промышленные ту-

зы действовали бы точно так же, как поступал Чемберлен в аналогичных обстоятельствах. А между тем в случае именно такого развития событий, пока бизнес будет занят своей игрой ради прибылей, Гитлер деморализует нашу страну пропагандой, подогревая разногласия, нерешительность, убаюкивая призывами к бездеятельности. Если мы встанем на этот путь, все погибло, потому что окажемся в зависимости от Гитлера на мировых рынках и в наших домашних делах. Как государство, мы столкнемся с величайшей угрозой в нашей истории. Нацистская мечта к 1944 г. поставить нас на колени будет близка к осуществлению”.

Картина, нарисованная Дугласом, сценарий с перевертышами в Белом доме произвели глубокое впечатление на Гопкинса, первым ознакомившегося с меморандумом судьи. С пометками Гопкинса документ лег на стол президента. Концовка документа была обращена непосредственно к Рузвельту: “Я надеюсь, что в интересах нашей страны Вы дадите согласие на выдвижение Вашей кандидатуры”⁴³. Формально Рузвельт еще не дал согласия, но решение принял, и принял бесповоротно. Доказательство тому все, кто способен был трезво судить о стратегических планах президента (как внутренних, так и внешних), увидели в назначении Рузвельтом 20 июня 1940 г., в канун начала работы съезда республиканской партии, двух видных республиканцев – непримиримых противников Гитлера, Г. Стимсона и Д. Нокса, соответственно на посты военного и военно-морского министра. Боссы республиканской партии были взбешены согласием ветеранов-республиканцев, понимая, что Рузвельт добился важного преимущества. Он ознаменовал начало своей избирательной кампании не словесной бравадой, а всем понятным призывом к избирателям противопоставить национальное единство главному противнику в кампании 1940 г. – нацизму и его вольным и невольным пособникам⁴⁴.

Далее все шло так, как было смоделировано в ходе детального обсуждения в Овальном кабинете Белого дома, в беседах с глазу на глаз между президентом и его помощником, отправившимся с особым поручением в Чикаго накануне открытия там съезда демократической партии. Задача, стоявшая перед Гопкинсом, была не из легких, ибо Рузвельт непременным условием выдвижения своей кандидатуры поставил одобрение ее подавляющим большинством (не более 150 голосов против). К тому же нужно было буквально на ходу заняться приведением в порядок расстроенных рядов демократов, а заодно и нейтрализацией опасной группировки Фарли, все еще видевшим себя боссом партийной машины демократов, ее фаворитом. Обосновавшийся со своими помощниками в номере отеля “Блэкстоун”, соединенном прямой телефонной связью с Белым домом, Гопкинс в считанные часы доказал, что командный пункт съезда находится там, где расположен его, Гопкинса, аппарат и узел связи.

15 июля 1940 г. мэр Чикаго Эдвард Келли, босс чикагской партийной машины демократов, выступил с необычной приветственной речью: он сказал делегатам, что “спасение нации находится в руках одного человека”. Когда вслед за тем сенатор А. Бакли начал читать послание Рузвельта, в котором президент заявлял о своем нежелании оставаться на посту президента третий раз, ему не дали закончить. Зал взорвался хором голосов: “Мы хотим только Рузвельта!”, “Америка хочет Рузвельта!”, “Все хотят Рузвельта!” Голосование, проведенное вечером на следующий день, было почти единодушным. Делегаты съезда демократической партии избрали своим кандидатом в президенты США Франклина Рузвельта. Проблема третьего срока утонула в патриотическом порыве. Традиция отступила перед чувством безопасности.

Но это был еще не конец. Отлично понимая, что восстановление силы демократической коалиции “нового курса” зависит от того, кто станет его партнером по избирательному списку, Рузвельт поставил перед Гопкинсом еще одну сложную задачу: после завершения процедуры по выдвижению его собственной кандидатуры сообщить делегатам о его категорическом требовании – проголосовать за Генри Уоллеса в качестве кандидата на пост вице-президента. Страна должна знать, что третья администрация Рузвельта не изменит своей либеральной программе, окажет реальное сопротивление агрессору и не пойдет на поводу у реакции. “Я собираюсь сказать им (делегатам. – В.М.), – заявил он С. Розенману в дни съезда, – что я откажусь участвовать в выборах, если моим партнерам будет реакционер. Я уже говорил им об этом и скажу это снова”⁴⁵.

Далеко не все возбужденные до предела необычностью своей миссии делегаты съезда, представлявшие, как правило, партийные машины штатов, понимали, почему Рузвельт с такой настойчивостью добивается голосования в пользу непопулярного из-за своих левых симпатий и мистицизма Уоллеса. Однако Элеонора Рузвельт, специально командированная президентом с этой целью в Чикаго, сумела в своей речи объяснить им причину непреклонности президента. Ухитрившись ни разу не упомянуть имени Уоллеса, она преподнесла делегатам съезда урок тактического мышления. Суть его состояла в следующем: сильный соперник, способный на выборах одержать верх, требует привлечения союзников, которые, поддержав партию в 1936 г., разочаровались в ней и являются потенциальным резервом развивающегося движения за третью, рабоче-фермерскую партию. Уоллес с его твердой репутацией последовательного сторонника широких социальных преобразований послужит своеобразным улавливателем этих настроений с последующим растворением их в лоне демократической партии.

Только теперь для многих противников третьего срока стало очевидным, что замысел президента простирался весьма далеко и заключался в реализации концепции национального единства в ус-

ловиях его полураспада и неизбежной военной мобилизации, а скорее всего, и участия в войне. Он не пошел на поводу у авторов реакционных антирабочих биллей, скопившихся в конгрессе, и многочисленных гонителей радикализма, подогреваемых бурной деятельностью созданной в мае 1938 г. комиссии палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности (комиссия Дайса). Более того, в пике сторонникам “жестких мер” в отношении рабочего движения Рузвельт назначил членом созданной 29 мая 1940 г. Совещательной комиссии по национальной обороне (НДАК) вице-президента КПП Сиднея Хиллмэна, в функции которого входило наблюдение за претворением в жизнь рабочей политики в отраслях, занятых производством военной продукции или непосредственно с ней связанных. Это означало, что левоцентрист Хиллмэн превращался в некое дополнение к министру труда Фрэнсис Перкинс или даже кое в чем становился на ступеньку выше ее. А накануне съезда демократов Рузвельт назначил другого профсоюзного деятеля, Дэниеля Трейси, президента Межнационального братства рабочих электротехнической промышленности (АФТ), заместителем министра труда. Вхождение двух представителей профсоюзов в высшие эшелоны администрации символизировало признание Рузвельтом того большого значения, которое он придавал в сложившейся ситуации восстановлению контактов с рабочим движением, и одновременно желание лишить поддержки левого крыла профсоюзов движение за создание третьей, рабоче-фермерской партии⁴⁶.

Острейший конфликт с Джоном Льюисом и переход последнего на сторону Уилки осложнили положение Рузвельта. Он также не мог надеяться, что руководство АФТ окажет ему необходимую поддержку⁴⁷, а слухи, что Льюис предпринимает шаги к созданию рабоче-фермерской партии на изоляционистской платформе, усиливали беспокойство по поводу исхода избирательной борьбы. Было неясно, какую позицию займут профсоюзы в отношении оказания помощи Англии и призыва крепить “национальную оборону”, уже высказанного Рузвельтом. Но буквально накануне съезда демократов положение прояснилось: Филипп Мэррей, президент союза сталелитейщиков (КПП), и Томас Кеннеди, секретарь-казначей союза шахтеров (КПП), вместе с Р. Томасом, Р. Франкенстином из союза автомобильных рабочих (КПП), руководителями союзов рабочих текстильной и резиновой промышленности приехали в Чикаго с целью содействовать успеху проружвельтовской кампании. Таким образом, настойчивость Рузвельта в отношении кандидатуры Уоллеса во многом объяснялась стремлением президента ответить взаимностью на проявление лояльности к “новому курсу” со стороны наиболее активной и радикально настроенной части организованного рабочего движения. Этот шаг Рузвельта содействовал тому, что многие съезды профсоюзов вновь высказались в его поддержку.

Тактика Рузвельта полностью обнажилась уже в ходе самой избирательной кампании, после победы на съезде в Чикаго. Президент включился в нее за две недели до выборов, подчеркнув тем самым, что он занят не охотой за голосами, а вопросами государственной важности, включая прежде всего вопрос безопасности страны. В выступлениях Рузвельта совсем не фигурировала тема третьего срока, он не хотел позволить противнику втянуть его в опасную дискуссию. Вместо этого ударение было сделано на достижениях “нового курса” в социальной сфере. Чутко уловив стремление Уилки и республиканцев рекламировать свой новый “трезвомыслящий” подход к проблемам неимущих слоев, Рузвельт воспользовался случаем, чтобы напомнить о том, что это всегда было сердцевиной его политики, а также указать одновременно и на лицемерие лидеров “великой старой партии”. “Слезы, крокодиловы слезы, – говорил Рузвельт 23 октября в Филадельфии, – которые проливают отдельные политики в ходе этой кампании в связи с положением трудящихся мужчин и женщин, льются из глаз тех самых республиканцев, уже имевших в 1932 г. шанс доказать свою любовь к рабочим, но не пожелавших воспользоваться им”. Закрывая кампанию в промышленном Кливленде, городе боевых рабочих традиций, ставшем центром забастовочного движения, Рузвельт сказал: “Я вижу Америку, где рабочих промышленных предприятий не выгоняют с работы в расцвете лет, где нет этой бесконечной нищеты, переходящей по наследству от поколения к поколению”⁴⁸. Борьба с бедностью не была забыта. Она оставалась такой же важной для мобилизации нации, как и верность флагу.

Следуя советам Хиллмэна, Рузвельт в самый последний момент даже попытался достичь примирения с Джоном Льюисом, пригласив его 17 октября 1940 г. в Белый дом для обсуждения вопросов рабочей политики. Президент профсоюза шахтеров не отверг приглашения, но внезапно, повернув разговор на нарушения демократических прав со стороны полиции, заявил президенту, что Федеральное бюро расследований (ФБР) установило за ним слежку и прослушивает его телефонные разговоры. Рузвельту было хорошо известно о многочисленных “превентивных” акциях политической полиции против демократических элементов и левых, о незаконных арестах, кампаниях запугивания и преследованиях инакомыслящих, но, изобразив на своем лице удивление, он прервал разговор, с тем ... чтобы никогда уже больше не встречаться с президентом КПП. Примирения не состоялось. По всему было видно, что Льюис жаждал хлопнуть дверью, и хлопнуть посильнее.

И то, чего опасались очень многие сторонники Рузвельта, подтвердилось. Накануне дня выборов, принес в жертву честолюбию здравый смысл, Джон Льюис призвал рабочих голосовать против Рузвельта, “супермена” и “аристократа”, в котором Америка не нуждается. В случае если члены КПП, заявил Льюис, отвергнут его со-

вет, он будет рассматривать это как вотум недоверия и немедленно подаст в отставку с поста председателя КПП. Биограф С. Хиллмэна М. Джозефсон свидетельствовал, что демарш Льюиса был воспринят Рузвельтом и его ближайшим окружением как предупреждение о грозной опасности⁴⁹. Во многом этим объясняется, почему до самого конца кампании Рузвельт последовательно придерживался того плана, который был им разработан с учетом никуда не исчезнувшей глубины внутренних социальных противоречий в стране и особого морально-политического климата, отмеченного подъемом антимонополистического движения. Гопкинс раскрыл суть этого подхода в письме (от 14 августа 1940 г.) одному из своих корреспондентов, написав, что Рузвельт не должен бояться идти навстречу рабочим, фермерам, средним слоям, черным, остерегаясь в то же время близости с корпорациями⁵⁰.

Когда голоса были подсчитаны, выяснилось, что прочное большинство все еще поддерживает президента, с чьим именем были связаны реформы “нового курса”, но и Уилки получил чуть менее 45% голосов избирателей. Совсем неплохо для первого раза. Выяснилось также, что именно рабочий класс и беднейшие слои населения, как и в 1936 г., в подавляющем большинстве поддерживали Рузвельта. Они голосовали за продолжение и углубление реформ. Личность “непроигравшего” Уилки также говорила в пользу этого. Помогло еще и то, что военные заказы сократили безработицу к концу 1940 г. до 14,6%⁵¹. Голосование за Рузвельта дало и еще один крайне важный итог, оно означало поражение изоляционистов, пронацистских группировок, отчаянно пытавшихся помешать военной мобилизации.

27 ноября 1940 г., после того как утихли страсти и улеглось возбуждение первых дней после объявления результатов голосования, Феликс Франкфуртер попытался в письме Гарольду Ласки – лидеру лейбористской партии – прокомментировать победу Рузвельта под углом зрения перспектив национальной политики в условиях европейской войны и развернувшейся “Битвы за Англию”. Поводом для этого послужила аналитическая статья в лейбористской газете “Гардиан”. Эта статья, писал Франкфуртер, в целом правильно анализирует ситуацию, возникшую в США, но “недооценивает силы тьмы и реальной власти, которые объединились против Рузвельта...”. Он заключал: “Президент вступает в свой третий срок, преисполненный духом Линкольна. Иными словами, он ни на один миг не впадает в восторг по поводу результата выборов, хорошо представляя себе громадность стоящих перед ним задач. Вы также хорошо знаете проблемы, с которыми ему приходится иметь дело. Вскоре должны быть приняты главные решения, и события должны помочь приблизить этот момент”⁵².

- ¹ LC, Harold L. Ickes Papers. Box 162. *Ickes to R. Robins*. Febr. 16, 1937.
- ² *McElvaine R.S.* The Great Depression. America, 1929–1941. N.Y., 1984. P. 310.
- ³ Ibid. P. 311.
- ⁴ См.: *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца: В 2 т. М., 1958.
- ⁵ Principal Speeches. Address by Harry L. Hopkins, Mar. 1, 1937.
- ⁶ Ibid. Address of Harry L. Hopkins at National Conference of Social Workers, May 27, 1937.
- ⁷ *Charles S.F.* Minister of Relief. Harry Hopkins and the Depression. Syracuse, 1963.
- ⁸ Principal Speeches. Address of Harry L. Hopkins at National Conference of Social Workers. May 27, 1937. Выступая в мае 1938 г. перед сенатским подкомитетом по ассигнованиям, Гопкинс повторил, что правительство способно лишь снизить уровень безработицы, не более того (US. Congress. Senate. Work Relief and Public Works Appropriation Act of 1938. Hearings before the Committee on Appropriations. Wash., 1938. P. 152).
- ⁹ Principal Speeches. Address of Harry L. Hopkins at Babson Institute, June 12, 1937.
- ¹⁰ New Republic. 1936. Febr. 26. P. 61–62; Dec. 23. P. 243.
- ¹¹ Principal Speeches. Radio Address by Harry L. Hopkins (“Dollars and Sense”), Oct. 9, 1936. P. 4.
- ¹² Ibid. Address by Harry L. Hopkins before the United States Conference of Mayors, Nov. 17, 1936.
- ¹³ New Republic. 1937. Febr. 10.
- ¹⁴ Цит. по: *Шервуд Р.* Указ. соч. Т. 1. С. 192.
- ¹⁵ *Fenno R.F., Jr.* The President’s Cabinet. N.Y., 1959. P. 125.
- ¹⁶ *Шервуд Р.* Указ. соч. Т. 1. С. 194.
- ¹⁷ LC. W. Borah Papers. Box 504. *R. Robins to Borah*. Nov. 5, 1938.
- ¹⁸ WHSL. Raymond Robins Papers. Box 28. *H. Ickes to Robins*, Aug. 5, 1939.
- ¹⁹ *Ickes H.* The Secret Diary of Harold Ickes. 3 vol. N.Y., 1953–1954. Vol. 2. P. 317.
- ²⁰ New Republic. 1940. May 13. P. 632.
- ²¹ *Резвельт Ф.Д.* Беседы у камина. М., 2003. С. 148, 149, 202.
- ²² Цит. по: *Kennedy D.M.* Freedom from Fear. The American People in Deression and War, 1929–1945. N.Y., 1999. P. 357.
- ²³ *Farley F.A.* Jim Farley’s Story. The Roosevelt Years. N.Y., 1948. P. 143.
- ²⁴ *Tagwell R.G.* In Search of Roosevelt. Cambridge (Mass.), 1972. P. 262; *Charles S.F.* Op. cit. P. 212.
- ²⁵ *Lash J. P.* Eleonor and Franklin. Toronto, 1971. P. 794, 795.
- ²⁶ FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Box 120. H.L. Hopkins Memorandum, May 28, 1939.
- ²⁷ LC. H.L. Ickes Papers. Box 90. *G. Tully to Ickes*. July 17, 1950.
- ²⁸ *Rosenman S.I.* Working with Roosevelt. N.Y., 1952. P. 176–177.
- ²⁹ US. Political Parties. Vol. III. P. 1950.
- ³⁰ *Lash L.P.* Op. cit. P. 803.
- ³¹ FDRL. A. Williams Papers. Box 4. *Williams to E. Roosevelt*, Nov. 11, 1939.
- ³² *Adams H.H.* Harry Hopkins: A Biography. N.Y., 1977. P. 149.
- ³³ *Baruch B.M.* Baruch: The Public Years. N.Y., 1960. P. 299.
- ³⁴ Цит. по: США: политическая мысль и история / Отв. ред. Н.Н. Яковлев. М., 1976. С. 78.
- ³⁵ *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945. N.Y., 1979. P. 189.

³⁶ Adams H.H. Harry Hopkins. N.Y., 1977. P. 155.

³⁷ Цит. по: Donahoe B.F. Private Plans and Public Dangers. Notre Dame, 1965. P. 101, 115, 126.

³⁸ FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Box 121. *Hopkins to N.W. Honeyman*. June 19, 1939.

³⁹ WSHSL. Raymond Robins Papers. Box 28. *H. Ickes to Robins*, Aug. 5, 1939.

⁴⁰ LC. H.L. Ickes Papers. Box 162. *R. Robins to Ickes*, July 1939.

⁴¹ FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Box 120. *J. Hertz to F.D. Roosevelt*. June 11, 1940.

⁴² Ibid. *F.D. Roosevelt to J. Hertz*. June 25, 1940.

⁴³ Ibid. W.O. Douglas Memorandum to F.D. Roosevelt, July 2, 1940.

⁴⁴ См.: Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт – человек и политик. М., 1965. С. 347.

⁴⁵ Rosenman S.L. Op. cit. P. 213–214.

⁴⁶ Josephson M. Sidney Hillamn. Statesman of American Labor. N.Y., 1952. P. 504–506.

⁴⁷ У консервативных лидеров АФТ давно вызывали опасения многие аспекты внутренней политики администрации, особенно связанные с внедрением регулирования экономике. Признанный идеолог АФТ Джон Фрей писал в 1938 г.: “Это правда, что в группе образованных молодых энтузиастов, которые оказывают влияние на унастроения президента, есть такие, которые симпатизируют коммунизму, а еще больше таких, которые исповедуют концепцию плановой экономики...” (LC. John P. Frey. Papers. *Frey to F.A. Robinett*, Jan. 13, 1938).

⁴⁸ McElvaine R.S. Op. cit. P. 319.

⁴⁹ Josephson M. Op. cit. P. 488.

⁵⁰ FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Box 121. *E. White to Hopkins*, Aug. 14, 1940; *Hopkins to White*, Aug. 14, 1940.

⁵¹ Kennedy D.M. Op. cit. P. 464.

⁵² LC. F. Frankfurter Papers. Box 74. *Frankfurter to H. Laski*. November 27, 1940.

“МЫ ДОЛЖНЫ СТАТЬ ВЕЛИКИМ АРСЕНАЛОМ ДЕМОКРАТИИ”

ДИПЛОМАТИЯ ДВОЙНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Начало Второй мировой войны для Белого дома, да и вообще для политических кругов Вашингтона не было неожиданно: этого ждали и к этому готовились. Заместитель государственного секретаря Брекенридж Лонг в дневниковой записи, сделанной им 2 сентября после встречи и обстоятельной беседы с президентом, четко показал, что мысли Рузвельта были заняты ситуацией, которая в ближайшие дни могла разрешиться очередным “Мюнхеном”, но уже за счет Польши. Высказав предположение, что следует ожидать именно такого исхода, Рузвельт и Лонг расстались. Дипломат отправился в государственный департамент, чтобы услышать от С. Уэллеса об отмене его, Лонга, визита в Германию и о том, пока в Европе сохраняется военное положение, Соединенные Штаты никого не будут направлять в эту страну со специальной миссией¹.

Первые практические шаги правительства США были под стать этой реакции, обдуманной без излишней нервозности. На заседании кабинета 1 сентября Рузвельт провел различие между подготовкой к войне и подготовкой к решению проблем, поставленных войной. “Уделяйте внимание исключительно последнему, — наставлял он членов кабинета, — ибо мы не намерены дать вовлечь себя в войну”. Через день в ходе очередной “беседы у камина” он осудил слухи о посылке американских солдат в Европу и твердо пообещал сохранить Америку вне войны. 5 сентября специальной прокламацией президента был введен в действие Закон о нейтралитете 1937 г., предусматривавший эмбарго на экспорт оружия в воюющие страны², а 8 сентября объявлено “ограниченное военное положение”.

Однако Рузвельт дал ясно понять, что он отвергает строгий нейтралитет, “если мир нарушается в одной стране, возникает угроза мирному сосуществованию всех других стран”. Во-вторых: “...я не могу просить американцев оставаться нейтральными и в своих мыслях. Даже нейтральный человек имеет право оценивать факты и даже от нейтрального человека нельзя требовать, чтобы он заставил молчать свой разум и совесть”³. Эти фразы из “беседы у камина” облетели весь мир. Рузвельт не просто отступил от позиции Вильсона

о стопроцентном нейтралитете: опросы общественного мнения показывали, что симпатии большинства американцев были на стороне противников Германии. Президент также считал, что США должны оказывать помощь Англии, Франции, Польше и другим странам, ставшим объектом агрессии. Задержка с введением в действие Закона о нейтралитете была первым дружеским жестом правительства по отношению к Англии и Франции: они получили возможность вывезти из США ранее закупленное военное снаряжение. Когда стало ясно, что в конгрессе складывается благоприятная для этого обстановка, Рузвельт осторожно, с оглядкой возобновил агитацию за пересмотр законодательства о нейтралитете.

Речь Рузвельта перед специальной сессией конгресса 21 сентября 1939 г. была составлена мастерски. В ней уместилось все: констатация того, что Закон фактически помогает нападающей стороне; убеждение, что благодаря ему Соединенные Штаты объективно скорее окажутся втянутыми в войну; нежели станут помогать обороняющейся стороне; декларация солидарности с целями сохранения Америки вне войны; предложение о том, как обеспечить прибыли американским торговцам оружием и другими материалами, необходимыми воюющим странам, не рискуя оказаться втянутыми в военные действия. Мрачной эпитафией политике “умиротворения” прозвучали слова президента: “Я сожалею, что конгресс принял закон о нейтралитете. Равным образом я сожалею, что подписал его”. Он заключил речь словами, которые прозвучали почти как клятва: “Во всех своих действиях мы должны руководствоваться единственной мыслью – не допустить вовлечения Америки в эту войну”⁴. Рузвельт не хотел оставить впечатления кающегося политика, облик которого мало подходил человеку, претендующему вновь занять кресло президента страны.

Справедливости ради заметим, что при необходимости можно было легко найти оправдание недостаточной определенности во внешнеполитической линии правительства после начала новой европейской войны. Помимо внутренних условий, существовала масса осложняющих факторов. Обстановка все время менялась, будучи крайне противоречивой. Советский Союз пошел на существенный отход от нейтралитета, подписав 28 сентября 1939 г. совместно с Германией Договор о дружбе и границе и выступив с совместным заявлением, в котором призвал западноевропейские страны смириться с ликвидацией Польши. 30 ноября с переходом советских войск границы между Финляндией и Советским Союзом началась советско-финская война. Волна русофобии, поднявшаяся во Франции и Англии, породила самые крайние идеи, вроде ударов с воздуха по Бакинским нефтепромыслам. Ситуация вокруг Финляндии грозила поменять расклад сил в Европе вплоть до формирования единого антисоветского фронта, с включением в него и Англии, и Германии. “Странная война” на территории Франции вызывала самые различ-

ные толкования. Даже в левом спектре общественного мнения США все эти “повороты” вызывали смятение и разброд. Джордж Кеннан сообщал из Берлина о возможности “перемирия” между Германией и западными демократиями⁵.

На этом зловещем фоне дипломатия Рузвельта выглядела как последний ресурс мира. Цена морального осуждения агрессии сама по себе была исключительно высока. Но президент уже позволил себе говорить от имени “истерзанного” человечества, обещая, “когда наступит такой день”, оказать ему бескорыстную помощь. Посреди, как писал Р. Шервуд, внезапно образовавшегося вакуума идей⁶ Рузвельт, напротив, вновь обрел душевное равновесие, объяснив самому себе и всем, кого это интересовало, что главная ответственность за недооценку нацистской угрозы (в том числе для стран Западного полушария) и за фиаско политики “умиротворения” лежит на наивных представлениях миллионов американцев, не желавших-де и слышать о вмешательстве в европейские конфликты, о противодействии расширению фашистской агрессии. И через два года он настаивал на этой версии. 16 октября 1942 г. Джозеф Дэвис сделал важную запись в дневнике после беседы с Рузвельтом о существовании предвоенной внешней политики США. Президент сказал ему: “С момента захвата Гитлером власти и ремилитаризации Рейнской области для меня было абсолютно ясно, что мир находится под угрозой. Но для меня также было абсолютно ясно, что страна не готова ни осознать этой угрозы, ни принять на себя долю ответственности за сохранение мира. Постепенно страна пришла к этому решению и увидела то, что я видел давно. Это было нелегким делом – привести страну к осознанию нависшей над ней угрозы”⁷.

Первый чувствительный удар уже в послевоенное время по версии Рузвельта нанес тот же Р. Шервуд, заметивший кричащие противоречия в образе действий президента сразу же после объявления страны на “ограниченном военном положении”. Рузвельт, писал он, «мог бы использовать факт начала европейской войны для того, чтобы сосредоточить в своих руках власть, выходящую за рамки той, которой располагает президент в мирное время. Но он делал все наоборот. На пресс-конференции, последовавшей за его прокламацией, извещавшей о введении “ограниченного военного положения”, он так определил свою позицию: “У меня нет ни намерений, ни необходимости... ни малейшего желания перестраивать жизнь нации, касается ли это ее оборонного потенциала или гражданской экономики, на военный лад. Этого мы хотим избежать. Мы намерены сохранять внутреннюю жизнь страны в рамках невоенного режима и в соответствии с законодательством мирного времени”. Эти слова, по-видимому, были самыми неубедительными из всего когда-либо сказанного Рузвельтом. Он превзошел даже Уоррена Гардинга своим призывом к стране “вернуться к нормальным временам” еще

до того, как война по-настоящему началась. Он обнажал горестные слабости его собственной администрации...⁸.

Эту слабость (или, точнее сказать, амбивалентность) позиции президента в первые месяцы войны Шервуд объяснил неясностью перспектив для самого Рузвельта: главное решение о третьем сроке осенью 1939 г. все еще не было принято, а потому-де наилучшим способом ведения всех дел оставались мистифицирование друзей и врагов, сокрытие истинных намерений⁹. Резонно также предположить, что Рузвельт не мог не вызвать на себя шквал критики в случае демонстративного выхода из игры в политику “умиротворения”, которую Соединенные Штаты вместе с Англией и Францией вели на протяжении многих лет, прикрываясь законодательством о нейтралитете. Рузвельт продолжал эту игру и после 1 сентября, выступив с новой мирной инициативой. 15 сентября 1939 г. он встретился с американским бизнесменом У. Дэвисом, представлявшим Г. Геринга, и заявил о готовности быть посредником между воюющими странами, если его об этом попросят¹⁰. Американский историк Кимболл находит достаточно красноречивым также тот факт, что Рузвельт, зная о прогерманской ориентации посла в Лондоне (Джозефа Кеннеди), не торопился отзывать его из английской столицы¹¹.

В историописании самого Шервуда можно обнаружить немало такого, что вызывает сомнения. Так осень 1939 г. и зиму 1940 г. он назвал периодом бездеятельности американской дипломатии¹². Внешне картина представлялась именно такой, но внешность часто бывает обманчивой. В Европе и в Азии шла война, и в Вашингтоне стремились извлечь из этого максимум возможного. Делались разные предложения и строились различные планы, но большинство сходилось на том, что благоприятное геополитическое положение США надолго сохранит за ними существенные преимущества по сравнению с другими странами, втянутыми в войну, помимо достигнутого уже морального превосходства. Именно на этот фактор было обращено главное внимание. Корпорации получали огромные прибыли от военных заказов и закупок, рассчитывая увеличить свою капитализацию за счет всех воюющих стран, не делая различий между ними. Сторонники отмены эмбарго на торговлю оружием, обеспечив себе мощную поддержку именно из этого источника, быстро изменили соотношение сил в конгрессе в пользу тех, кто настаивал на ревизии Закона о нейтралитете.

А между тем, пока в конгрессе разворачивались дебаты вокруг пересмотра Закона о нейтралитете, Рузвельт предпринял энергичные шаги к созданию особой, охраняемой Соединенными Штатами зоны “безопасности” в западном полушарии. США выступили инициатором созыва в Панаме 23 сентября – 3 октября конференции министров иностранных дел 21 страны Американского континента. Ее участники приняли по предложению Рузвельта декларацию об установлении “нейтральной зоны” протяженностью от 300 до

1000 миль по обеим сторонам Северной и Южной Америки (за исключением Канады)¹³. Она запрещала военные действия “любого неамериканского государства” в зоне, предусматривала совместное ее патрулирование. Конференция создала Межамериканскую финансовую и экономическую совещательную комиссию, призванную содействовать экономической стабильности в странах континента и смягчить потери этих стран в связи с утратой европейского рынка. В лице межамериканской “солидарности”, полностью контролируемой Вашингтоном, американский капитал получил мощное средство для утверждения своего безраздельного влияния на континенте. Вспыхнувшая в далекой Европе война принесла американским корпорациям первые крупные дивиденды за счет оказавшихся связанными военным конфликтом конкурентов.

В конце октября – начале ноября 1939 г. Рузвельт поздравил себя с еще одним дипломатическим успехом, на этот раз выйдя победителем из очередной схватки с изоляционистами. Голосование по новому, четвертому после августа 1935 г. правительственному законопроекту о нейтралитете в конгрессе дало преимущество интернационалистам. Большинство сенаторов и членов палаты представителей выступили за отмену эмбарго, отвергнув все доводы непримиримых. Закон, подписанный Рузвельтом 4 ноября, снимал запрет с экспорта оружия на основе принципа “cash and carry” (плати и вези): “По-прежнему исключалась возможность предоставления займов воюющим странам и передвижения американцев на их судах. Но впервые разрешалась продажа американского вооружения воюющим в Европе сторонам, если оно будет заранее оплачено и вывезено на иностранных судах”¹⁴. Американским судам запрещалось заходить в омывающие Европу моря, которые объявлялись зоной военных действий. Но нашлось много посредников, которые охотно брали на себя риск, продвигая американские товары в самые опасные точки.

Рузвельту очень хотелось закрепить этот успех, публично развенчав “заблуждения” в отношении безопасности Американского континента. В ноябре 1939 г. он подготовил черновой вариант речи, в которой говорилось о неизбежности военного столкновения США с Германией в случае поражения Франции и Англии. Но, как замечает Роберт Даллек, опасение, что такая речь прозвучит как открытый призыв к оружию и будет обращена против него, если он решит баллотироваться в третий раз, осенью 1940 г., удержало Рузвельта от эффектного изъяснения антигерманских настроений, а заодно и от сведения счетов с внутренней оппозицией¹⁵.

Были и другие обстоятельства, заставившие Рузвельта отправить пылиться в архив подготовленное выступление. Затишье, царившее на Западном фронте после захвата Гитлером Польши, начало советско-финского конфликта, вялые закупки Англией и Францией военного снаряжения, на которые в США так рассчитывали,

вынудили президента задуматься над тем, оправданы ли прогнозы на длительную “большую войну” между странами “оси” и союзниками и не возьмет ли вскоре вновь верх “западная солидарность” на почве антисоветизма. В этих условиях заманчивым показалось вновь обратиться к воюющим (в особенности к Германии и Италии) и нейтральным странам с предложением заняться урегулированием всех споров за столом мирных переговоров. В случае положительного отклика со стороны “навоевавшихся” сторон инициатива прочно переходила к Вашингтону.

Рецидив политики “умиротворения” воплотился сначала в обращение Рузвельта к папе Пию XII с предложением благословить идею “единства моральных действий”, примиряющих агрессоров и их жертвы, а затем в таинственные миссии Джеймса Муни, руководителя европейского филиала корпорации “Дженерал моторс”, в Берлин и заместителя госсекретаря С. Уэллеса в Рим, Берлин, Париж и Лондон. Джеймс Муни, хорошо известный верхушке “третьего рейха” благодаря тому, что представляемая им фирма в 30-е годы занималась производством в нацистской Германии грузовиков, броневых автомобилей и танков, официально должен был выяснить отношение Гитлера и его окружения к идее прекращения войны на “справедливых и равноправных” условиях. В его полномочия входило также передать нацистским руководителям предложение о посреднических услугах, которые США с готовностью могли бы оказать в организации таких контактов и переговоров¹⁶. Прецедент с миротворчеством полковника Э. Хауза в 1914–1916 гг. не был забыт.

Бросается в глаза контраст между готовностью воспользоваться услугами Дж. Муни и той позицией, которой придерживалась американская дипломатия в период, когда проходили англо-франко-советские переговоры в Москве весной и летом 1939 г. А ведь прошло всего лишь несколько недель с того момента, когда было отклонено предложение Джозефа Дэвиса о поездке в Москву с целью способствовать успеху идущих там переговоров. “Промедление смерти подобно”, – предупреждал тогда Дэвис. Его не послушали. Теперь, после того как пол-Европы было захвачено нацистами, в Берлин для “урегулирования взаимных претензий” посылали главного администратора заводов “Опель” (филиал “Дженерал моторс”), награжденного в 1939 г. Гитлером орденом “Золотого орла”. Особая предупредительность американской дипломатии по отношению к “третьему рейху” наводила на размышления на фоне резкого похолодания в советско-американских отношениях после начала советско-финского конфликта в конце 1939 г. Личная встреча Рузвельта и Джеймса Муни имела место 22 сентября 1939 г. и касалась широкого круга вопросов, включая вопрос об “общем подходе к России”¹⁷. Чарльз Хайэм, впервые подробно рассказал о ней в книге “Торгуя с врагом”, ссылаясь на дневники Му-

ни. О том, какие темы в связи с этим поднимались, можно только догадываться, хотя дневниковая запись Б. Лонга от 11 октября 1939 г. проливает свет на те идеи, которые кочевали по офисам госдепартамента накануне поездки Муни. В ней выражалась надежда, что германская военщина, обнаружив у границ Восточной Пруссии (после воссоединения западных областей Белоруссии) в сентябре того же года Красную Армию, заставит Гитлера с вниманием отнестись к сигналам, идущим из Лондона и Парижа, и пойти на то самое “перемирие”, о котором подозревал Кеннан. Определенные надежды возлагались и на перемены в руководстве нацистского “рейха”, уход Гитлера и приход “прагматичного” Геринга. “Западные страны, – записал Лонг, – могут иметь с ним дело”¹⁸.

Пока Муни готовился к отъезду в Берлин для встречи с Гитлером и Герингом, в Вашингтоне разрабатывалась еще более сложная и ответственная дипломатическая акция. Впрочем, правильнее было бы сказать, что там вернулись к старым планам установления прямых контактов с Гитлером и Муссолини в порядке предварительного обсуждения нового варианта улаживания взаимных претензий. 9 февраля 1940 г. президент объявил, что он решил послать в Европу заместителя государственного секретаря С. Уэллеса с визитом в Рим, Берлин, Париж и Лондон с целью выяснить “мнение четырех правительств... о существующих возможностях заключения справедливого и прочного мира”¹⁹. В политических кругах США придавали очень важное значение этой “миссии по сбору фактов”, хотя было и много сомнений. Вошедшие в историю дипломатии неудачи Хауза в период Первой мировой войны в этой связи вновь заставляли говорить о себе. “Это будет очень важный визит, – записал 9 февраля в дневнике хорошо информированный Б. Лонг, – точнее сказать, он может стать таким. Если Самнер (Уэллес. – В.М.) обнаружит готовность различных ответственных чиновников всех четырех правительств прекратить военные действия, то этот визит обретет важный смысл, но если Уэллес не обнаружит такой готовности, то это будет, по-видимому, означать, что война продлится *ad infinitum* (до бесконечности)”²⁰.

Была ли миссия Уэллеса задумана как чисто ознакомительная или как серьезный зондаж обстановки на предмет активного обмена идеями об условиях достижения очередного соглашения с Берлином и Римом? На этот вопрос ответить непросто хотя бы потому, что Рузвельт окружил ее атмосферой таинственности, строго приказав не разглашать никаких подробностей о поездке Уэллеса. В беседе с Лонгом уже в начале марта 1940 г. “президент сказал, что, насколько ему известно, он (Рузвельт. – В.М.) единственный человек, который знает, зачем Уэллес отправился за рубеж, и он единственный человек, который знал, что Уэллес должен там был говорить...”²¹

Одно очевидно: после того как президент почувствовал холодное отношение общественности и в конгрессе к “умиротворительным” аспектам миссии Уэллеса, он считал необходимым представлять ее в доверительных беседах как простой отвлекающий маневр, направленный на то, чтобы поспособствовать Франции и Англии “противостоять неминуемому натиску” немцев, который, как считали в Вашингтоне, может начаться в ближайшем будущем, и если удастся, то и предотвратить его. Что удалось узнать Уэллесу, остается до сих пор до конца неясным. Кеннен полагает, что американское посольство в Берлине и без него имело всю необходимую информацию. Но президент вынес из этой истории один важный урок: заигрывание с идеей “умиротворения” фашистских держав становится все более непопулярным в стране. И еще одно: маршрут Уэллеса не включал Москву, но беседы посланника президента в Берлине и Лондоне показали, что возник военный тупик, из которого западные союзники не смогут выйти победителями без серьезной поддержки Советского Союза. Между тем советское посольство в Вашингтоне истолковало миссию Уэллеса как исключительно антисоветскую. Именно так в своей депеше в Москву расценил ее Уманский²². Кремль не мог оставить данное сообщение без последствий.

Но и без этого дипломатические отношения самих Соединенных Штатов с СССР оставались натянутыми, хотя, обеспокоенное постоянным расширением японской экспансии в Азии, руководство США не стремилось раздувать антисоветскую кампанию. Вашингтон оказывал экономическую и финансовую помощь Финляндии, воюющей с Советским Союзом, а 2 декабря 1939 г. Рузвельт объявил о введении “морального эмбарго” на экспорт в СССР некоторых видов промышленной продукции, главным образом на вывоз самолетов. Но еще до подписания СССР с Финляндией мирного договора 12 марта 1940 г. государственный секретарь К. Хэлл сделал ряд заявлений, из которых явствовало, что в планы Вашингтона не входит имитация решимости “покачать” Советский Союз за “дерзость”, проявленную в деле обеспечения безопасности. Его слова должны были служить предупреждением Парижу и Лондону о последствиях авантюры в отношении СССР. На удивление исключительно дружелюбно вел себя посол США в Москве Л. Штейнгардт, предлагая посредничество и обещая в беседе с Молотовым потепление советско-американских отношений. Все говорило о том, что Рузвельт понимал, что поспешные решения могли дорого обойтись прежде всего самим Соединенным Штатам и, возможно, в самом недалеком будущем.

9 апреля 1940 г. президент смог лишиться раз убедиться, что меры предосторожности, принятые им против нагнетания антисоветских настроений в обществе были полностью оправданными. В этот день Гитлер начал вторжение в Данию и Норвегию. В тот же день, выступая перед журналистами, Рузвельт потребовал уже от всех переосмысления мировой ситуации под углом зрения возросшей непо-

средственной опасности для самой Америки быть вовлеченной в войну. Через неделю на встрече с 275 членами Американского общества газетных редакторов Рузвельт почти в тоне инструктажа говорил об их “обязанности” просвещать сограждан в отношении полной безнадежности для США устоять в качестве самостоятельного государства в случае, если фашистские диктаторские режимы одержат верх в Европе и на Дальнем Востоке. Это ни в коем случае не было призывом к оружию. Рузвельт все еще утверждал, что США какое-то время удастся оставаться вне войны, а сама она примет длительный, затяжной характер, после того как в нее вступят главные силы Франции и Англии. Но та решительность, с которой Гитлер действовал против Дании и Норвегии, и тот поразительный, буквально ошеломляющий паралич воли, наступивший в тот же момент в Париже и Лондоне, вызвали в Вашингтоне шок. Какие нужны были еще доказательства того, что Франция и Англия, продолжавшие в каком-то сюрреалистическом порыве вести разговоры об ударах по Советскому Союзу, не способны защитить себя и, по-видимому, рассчитывают только на помощь извне? Где искать противовес той внезапно возникшей непосредственной опасности для существования не только европейских стран, но и стран Американского континента и Соединенных Штатов в том числе?

Некоторые шаги Рузвельта в начале апреля 1940 г. позволяют понять, в каком направлении шел ход его мыслей. Он дал указание о возобновлении торгово-экономических переговоров между США и Советским Союзом. Много раз встречались заместитель госсекретаря С. Уэллес и полпред СССР К.А. Уманский. 27 июля 1940 г. Уэллес сказал собеседнику: “Пора обеим нашим странам подумать не только о нынешних отношениях, но и о будущих месяцах и годах, которые, быть может, для наших стран будут чреваты новыми опасностями. Не пора ли устранить источники трений, которых и без того достаточно во всем мире, и ликвидировать остроту, создавшуюся в отношениях между нашими странами”²³. Эти слова были произнесены уже после захвата Германией Голландии и Бельгии, после капитуляции Франции. Мало кто в американской столице верил тогда, что Англия сможет продержаться длительное время даже при всеобщей помощи вооружением и продовольствием. А если рухнет эта “передовая линия обороны Америки”, долго ли Атлантический океан сможет служить преградой для Гитлера и его военно-морского флота, усиленного захваченными английским и французским флотами? Смогут ли Соединенные Штаты предотвратить прорыв Германии, а возможно, и Японии в Канаду, Центральную и Южную Америку, где у германского фашизма есть сторонники и сочувствующие? Не отрежут ли Германия и Италия, захватив Средиземноморье, Ближний и Средний Восток, США от важных источников сырья? Не начнет ли Германия, базируясь в захваченных Норвегии и Англии, готовить высадку в Исландию, Гренландию и Канаду, что-

бы создать там базы для бомбардировок промышленных центров Северо-востока США?

“Страх и истерия, – писал известный публицист М. Джозефсон, – сковали Соединенные Штаты, как только французская армия была разгромлена в молниеносной войне”²⁴. Послание Рузвельта конгрессу 16 мая и “беседа у камина” 26 мая косвенно отражали эти полупанические настроения, будоражившие столичную атмосферу и одновременно являлись им противоядием. Граница американской безопасности, говорил он, переместилась с Рейна куда-то в Атлантику; развитие авиации положило конец естественной защищенности Западного полушария. Президент, нарисовав устрашающую картину применяемых нацистами методов ведения тотальной войны с использованием новейшей техники, потребовал от конгресса дополнительных ассигнований для создания мощного военно-воздушного флота в количестве 50 тыс. самолетов, способного прикрыть подступы к Западному полушарию со стороны Атлантики. Получалось, что, несмотря на усиление исходящей от Японии опасности, главная угроза произрастала в Европе. Не испугавшись антиимпериалистов, Рузвельт во всеуслышание заявил о необходимости для США обзавестись сетью военных баз за рубежом. Но слово “война” никто старался не произносить. Ф. Франкфуртер писал Г. Ласки 20 июня 1940 г., что идея участия США в европейской войне наталкивается на толщу непонимания и твердое убеждение очень многих, что американцы смогут отсидеться за океаном и что события в Европе обойдут Америку стороной²⁵.

Характерно, что, воспользовавшись обсуждением вопросов обороноспособности США и появлением новых представлений о том, какой должна быть военная машина Соединенных Штатов, Рузвельт высказался и по вопросу провиденциальной роли страны в мире, которому “угрожают силы разрушения”. Президент заявил, что вставшая во весь рост задача не имеет ограничения во времени. Она не “ограничивается сегодняшним днем”, – говорил он в “беседе у камина” 26 мая 1940 г. Рузвельт продолжал: “Основы того, что мы защищаем, заложены нашими отцами, а созидаем мы новую жизнь для еще не родившихся поколений. Образ жизни, который мы строим и храним, нужен не только Америке, но и всему человечеству. На нас лежит высокий долг, мы несем благородную миссию”. Самые тяжелые годы Великой депрессии были позади, экономика на военных дрожжах набирала высокие темпы, а вместе с этим история страны обрела некий особый смысл, а именно: возобновление универсализации демократии, прерванной Великим кризисом и войной.

Появился и немаловажный нюанс: подавляющая часть крупного бизнеса была убеждена, что военная помощь воюющим с Германией и Италией странам допустима и не противоречит ни его собственным, ни геополитическим интересам Вашингтона. Прошел испуг от преследований в прессе и дознаний комиссий конгресса деятельности производителей и торговцев оружием.

Послания У. Черчилля, ставшего после 10 мая 1940 г. премьером коалиционного правительства Англии, из которых следовало, что вся Англия стоит перед угрозой национального Дюнкерка и капитуляции, подтолкнули к ряду важных шагов: 5 июня 1940 г. Франции были проданы 50 устаревших самолетов военно-морской авиации и 90 таких же пикирующих бомбардировщиков. 8 июня Рузвельт объявил корреспондентам о своем решении, пояснив, что в “наши дни” самолеты “ужасно быстро устаревают”. В такой чисто коммерческой упаковке сенсационная сделка не вызвала протестов еще не остывшей от разоблачений “бизнеса на крови” публики. Деловые соображения взяли вверх²⁶. Республиканцы, обещавшие стране, что в случае победы Рузвельта она окажется вовлеченной в войну к апрелю 1941 г., вынуждены были промолчать.

Однако главную порцию аргументов Рузвельт приберег для своего выступления в Вирджинском университете в г. Шарлоттсвилле 10 июня 1940 г., ставшего важной вехой в его борьбе с изоляционистами. Впервые в нем было сформулировано отношение администрации к европейской войне и проведены различия между нападающей и обороняющейся сторонами. Сторонники “философии силы”, говорил Рузвельт, грозят превратить Америку в территорию ужасов. Все понимали, о чем и о ком идет речь. Президент сказал: “Сплотившись мы, американцы, будем проводить одновременно два следующие курса: противникам силы мы предоставим материальную помощь из ресурсов нашей страны; в то же время мы должны так спланировать использование этих ресурсов, чтобы здесь, у себя в Америке, располагать достаточным количеством снаряжения и обученных кадров с тем, чтобы быть готовыми к любым случайностям и обороне”²⁷.

“Противники силы” – Франция и Англия – услышали в этих словах долгожданную и сильно запоздалую поддержку. Буквально за несколько часов до выступления в Шарлоттсвилле Рузвельту стало известно о нападении Италии на Францию, и он, к ужасу чиновников госдепартамента, по собственной инициативе включил в него свой знаменитый экспромт: “Рука, державшая кинжал, вонзила его в спину соседа”. В госдепартаменте, писал Шервуд, сочли, что Рузвельт зашел слишком далеко. Сам же президент так не считал, хотя соображения предвыборной тактики в который раз вновь толкнули его на компромисс с колеблющимися в партии ньюдиллеров. Шарлоттсвилльская речь осталась по существу единственным важным выступлением Рузвельта по вопросам внешней политики вплоть до глубокой осени 1940 г. Но тем охотнее Рузвельт предоставлял право высказываться от имени администрации ставшему к тому моменту его ближайшим советником по внешнеполитическим делам Гарри Гопкинсу, проявившему неожиданно недюжинные дипломатические способности и кругозор.

В биографии Гопкинса (после чикагского съезда демократической партии) существенное значение имеют две даты: 22 августа

1940 г. и 27 марта 1941 г. В конце августа 1940 г. Гопкинс подал заявление об отставке с поста министра торговли. Через два дня Рузвельт уведомил Гопкинса, что он согласен удовлетворить его просьбу, но... “только формально”. 27 марта 1941 г. – день возвращения Гопкинса на государственную службу уже в качестве официального помощника президента. Юридическим основанием для этого послужил Закон об обороне Соединенных Штатов. Согласно его положениям Гопкинс, хотя и был лишен права посещать заседания кабинета, фактически становился правой рукой президента. Биограф Гопкинса замечает, что круг обязанностей “делал его заместителем президента”²⁸. Правда, и во время своего вынужденного пребывания в должности директора недостроенной еще Библиотеки Рузвельта в Гайд-парке Гопкинс оставался одним из главных участников выработки внешнеполитических решений.

В правительстве США Гопкинс принадлежал к числу тех, кто уже в 1938 г. ясно сознавал, что Германия является главным и смертельно опасным экономическим и политическим конкурентом США. Икес свидетельствовал, что в разгар чехословацкого кризиса Гопкинс не был склонен безоговорочно принять намерение Рузвельта попытаться воздействовать на Гитлера одними увещеваниями и настаивал на более жестком тоне²⁹. Нельзя не поставить в связь с этим одно место из письма Гопкинса Рузвельту, отправленного 31 августа 1939 г., т.е. накануне того дня, когда немецкие танки двинулись на Польшу. “Больше всего на свете, – писал Гопкинс из клиники Мэйо, – меня заботит теперь опасность нового Мюнхена, который, по моему мнению, окажется роковым для демократии”³⁰. Война в Европе представлялась ему уже желанным выходом из положения, концом позорного отступления. Силе следовало противопоставить силу.

У Гопкинса прибавлялось все больше влиятельных союзников, в том числе в госдепартаменте и военном ведомстве. Характерна дневниковая запись Генри Стимсона, ставшего военным министром, от 11 сентября 1940 г. о его беседе с С. Хорнбеком, чья позиция была хорошо известна, но в ней к тому моменту появились новые грани, весьма характерные для понимания общей атмосферы, царившей в кругах высших вашингтонских чиновников. “Я обнаружил, – писал Стимсон, – что как обычно его (Хорнбека. – В.М.) взгляды очень близки моим. Он сторонник линии на постепенное сближение с Россией, что сейчас и делается. Мы стараемся не раздражать ее и не досаждают ей по вопросам, касающимся торговли”³¹. Здесь необходимо пояснить, что беседа двух хорошо и давно знавших друг друга по работе в государственном департаменте чиновников проходила после окончания советско-финской войны и присоединения Прибалтики к Советскому Союзу.

Тон же выступлений самого Рузвельта во многих случаях оставался умеренным и уклончивым даже после 10 мая 1940 г. Между

тем Гопкинс на заседании кабинета уже 12 мая 1940 г. поставил вопрос об угрозе для США быть отрезанными от источников сырья в случае поражения Франции, Англии и захвата их колоний державами “оси”. В конце мая министр торговли поразил всех категоричностью суждений, выражением открыто антигерманских чувств и больше всего призывом в случае необходимости действовать без оглядки на нейтралитет. На своей пресс-конференции, отвечая на вопрос о позиции США в связи с войной в Европе, он сказал: «Мы не можем сидеть сложа руки и утверждать, что, поскольку война так далека от нас, нам нечего беспокоиться... Мы должны быть реалистами, сосредоточить на войне наши мысли, решить, что именно нам предстоит делать, а затем уже приложить усилия, необходимые для осуществления нашего решения». Последовавший вслед за тем короткий диалог между Гопкинсом и представителем печатного органа банковских кругов журнала “Америкэн бэнкер” показал, как свободно Гопкинс пользовался приемом говорить “открытым текстом”, когда знал, что *его* слова имеют точный адрес. Коснувшись призыва Гопкинса “не сидеть сложа руки”, корреспондент спросил: “Как далеко мы можем зайти в наших планах?” Гопкинс не задумываясь ответил: “Так далеко, как вам этого захочется – как раз настолько, насколько вы этого пожелаете”. “Если даже...” – продолжал репортер. Не дав закончить, Гопкинс прервал его: “...если даже это означало бы вступление в войну”»³².

Дальнейшие рассуждения Гопкинса шли уже в русле того беспокойства, которое испытывала экономическая элита США и которое руководило ею с того момента, как Гитлер заговорил о своем “новом порядке”. “Черт возьми, я имею в виду самые серьезные осложнения! – продолжал Гопкинс. – Предположим, Германия выиграет войну в ближайшие два месяца и начнет реализовывать в мировой экономике все то, что она уже проделала на полях сражений. Что сделают немцы в Южной Америке после своей победы и что предстоит сделать нам в этом случае? Предположим другое: эта война продлится два-три года. Какое влияние она окажет на экономику нашей страны? Это не такое дело, о котором можно беседовать за обеденным столом... Я принадлежу к тем, кто не любит говорить о делах, а предпочитает действовать”³³. Одобрительные отклики ведущих газет на заявление Гопкинса указывали, что он попал в точку. Знаменитое шарлоттсвилльское выступление Рузвельта, таким образом, получило необходимое разъяснение. Устами Гопкинса было сказано: Соединенные Штаты не позволят “захлопнуть” себя в экономической ловушке и будут защищать свои интересы повсюду, где сочтут необходимым.

Для Рузвельта, говорил Гопкинс в октябре 1940 г. Роберту Шервуду, “нет ничего важнее, чем разбить Гитлера”³⁴. Эти слова все чаще следовало принимать на веру, ибо президент в своих выступлениях не упоминал Германию и напирал на то, что “американские пар-

ни” не будут посланы воевать в Европу. Затянувшиеся переговоры о сделке с Англией по поводу передачи ей “находившихся на последнем издыхании” 50 эсминцев и некоторого количества торпедных катеров в обмен на сдачу в аренду США на 99 лет английских военных баз в Западном полушарии (на Ньюфаундленде, Бермудских и Багамских островах, на островах Ямайка, Санта-Лючия, Тринидад и в Британской Гвиане) показывали, что Рузвельт по-прежнему действует с оглядкой на предстоящие выборы. О сделке было объявлено лишь 16 августа 1940 г., причем Рузвельт, выступая на пресс-конференции, сделал ударение не на помощи Англии, а на приобретении Соединенными Штатами права на аренду военных баз. Даже Буллит в письме видному сотруднику государственного департамента Герберту Фейсу от 26 августа 1940 г. писал, что правительство явно запаздывает, как ему казалось, в осуществлении программы помощи Англии, т.е. идет сзади ушедших вперед антиизоляционистских настроений широкой общественности³⁵, и в плане эффективности такой помощи. Оборона Англии трещит по швам в то время, как ей обещают старые посудины.

Рузвельт слушал других. Уступая давлению лидеров демократической партии накануне выборов, настаивавших на особой важности отмежевания от обвинений в намерении послать молодежь воевать за чуждые интересы европейских политических интриганов, Рузвельт в последнем выступлении перед выборами решил еще раз в духе Вудро Вильсона заверить страну в том, что он не позволит втянуть ее в войну. Он сделал это не без колебаний, но и не без надежды, что здравый смысл его соотечественников позволит им самим сделать правильный вывод из сопоставления точек зрения кандидатов обеих партий, демократов и республиканцев. Обстреливаемый на предвыборных собраниях в промышленных округах яйцами и испорченными овощами, Уилки, это стало ясно, не вызывал большого доверия как военный руководитель страны, стоящей на пороге новых грозных испытаний. Психологически, чрезмерно напирая на “провоенный” характер внешнеполитической программы Рузвельта, он проигрывал в глазах избирателя, в глубине души сознающего, что будущему президенту, очень возможно, придется выступать и в роли Верховного главнокомандующего вооруженными силами нации.

И все же многим казалось, что накануне ноябрьских выборов 1940 г. пропаганда изоляционистов, использовавших широко распространенные пацифистские, антиимпериалистические настроения в широких слоях населения, парализовала волю Рузвельта. Даже после трудной победы на выборах в его поведении мало что изменилось. Президент оставался внешне почти безразличным к судьбе Англии, хотя начало массированных бомбардировок Британских островов немцами еще ближе придвинуло неминуемую развязку. Рузвельт, говоря о возможности передачи Англии половины произ-

водимого в США военного снаряжения, в то же время не уточнял, как и когда это могло быть сделано.

Путешествие президента в начале декабря 1940 г. на крейсере “Тускалуза” по Карибскому морю должно было, наверное, окончательно усыпить бдительность журналистов, еще раз продемонстрировав всему миру невозмутимость президента и отсутствие у него иных намерений, кроме приятного времяпрепровождения в тесном кругу его личного адъютанта “папаши” Уотсона, медика доктора Макинтайра и Гарри Гопкинса. Факты, однако, показывают, что на палубе “Тускалузы” “рыболовы” были заняты обдумыванием важнейших внешнеполитических шагов США. Особую пищу для размышлений дало полученное 9 декабря и составленное просто-таки в трагических тонах личное послание Черчилля, в сущности уведомлявшее о безвыходности положения Англии – военного и экономического – и содержавшее настоящую мольбу усилить помощь и облегчить ее условия. Формула “cash and carry” привела Англию на грань финансового банкротства. Чтобы спасти положение, требовалось нечто совсем иное.

Вечером 16 декабря Рузвельт и Гопкинс вернулись в Вашингтон, а уже 17 декабря состоялась знаменитая пресс-конференция президента, на которой он говорил о пожаре “в доме соседа” и об оправданном риске из соображений самозащиты дать займы попавшему в беду соседу “садовый шланг” для спасения от огня. Начав встречу с журналистами многозначительным замечанием, что он будет говорить, исходя прежде всего из узкой, американской точки зрения, и что он не имеет ни малейшего желания отменять Закон о нейтралитете и закон Джонсона, Рузвельт пообещал присутствующим познакомить их с суммой “совершенно новых идей”. Напомнив, что помощь Англии укрепляет оборону самих Соединенных Штатов, президент предложил им подумать над припасенной им специально для этого аллегорией. Горит дом соседа, угрожая всей округе. “Что я делаю в этой критической ситуации? – спрашивал Рузвельт собравшихся. – Я не говорю попавшему в беду соседу перед тем, как вручить ему мой садовый шланг для борьбы с огнем: “Сосед, мой шланг стоит 15 долларов, ты должен уплатить мне за него эти 15 долларов...” Мне не нужны эти 15 долларов, но мне нужно, чтобы он просто возвратил мне мой садовый шланг после того, как пожар будет потушен”³⁶. Рузвельт преподнес эту идею, о которой он услышал летом от Г. Икеса, как один из вариантов помощи Англии, который ни в малейшей степени не приближает США к участию в войне. На все остальные вопросы президент отвечал неизменно: “Не знаю”, “Об этом я не думал”.

Находка с примером пожара у соседа предопределила благополучное прохождение законопроекта о ленд-лизе через конгресс США, где он мог застрять надолго. Р. Шервуд по этому поводу писал: “По моему мнению, можно совершенно точно сказать, что это

сравнение с домом соседа помогло Рузвельту выиграть борьбу за закон о ленд-лизе. Предстояли два месяца самых ожесточенных дебатов, какие когда-либо знала история Америки, но на протяжении всего этого периода американский народ в целом сохранял убеждение в том, что не могло быть ничего слишком радикального или слишком опасного в предложении президента предоставить займы наш садовый шланг англичанам, столь героически сопротивлявшимся в неравной борьбе»³⁷.

29 декабря в очередной “беседе у камина”, в значительной мере подготовленной Гопкинсом, Рузвельт впервые назвал преступлением агрессию германского фашизма, впервые осудил губительное безумие политики “умиротворения” и, предупредив невоюющие страны о вероломстве Гитлера, признал непримиримость гегемонистских, захватнических замыслов держав “оси” с экономическими и политическими интересами США, других суверенных государств. Впервые также в этой речи Рузвельт назвал США “великим арсеналом демократии”, имея в виду намерение правительства в интересах безопасности оказывать широкую материальную помощь воюющим странам “оси” (силами зла) народам (Англии, Греции, Китаю). И все же заявление президента с точки зрения психологической могло произвести не больший эффект, чем обычный холостой выстрел, благодаря тому, что в подготовленном в соответствии с пожеланиями Рузвельта варианте речи отсутствовало указание на очень важное обстоятельство: что же думает Белый дом по поводу непосредственного участия США в борьбе с агрессивными державами? Гопкинс лучше других понимал, что эта новая увертка может повести к тяжелым последствиям для морального духа стран, оказавшихся жертвой агрессии. Во время обсуждения текста заявления он облек свое замечание в дипломатическую форму. “Г-н президент, – сказал он, – не считаете ли Вы возможным включить в эту речь какое-нибудь оптимистическое заявление, которое подбодрит воюющих – англичан, греков, китайцев?” Шервуд пишет: «Рузвельт долго обдумывал этот вопрос, вскидывая голову и надувая щеки, как он обычно делал. Наконец продиктовал: “Я убежден, что державы “оси” не выиграют этой войны. Мое убеждение основывается на самых последних и надежных данных”»³⁸.

Могло показаться, что ничего, кроме уверенности в положительном решении конгрессом вопроса об оказании помощи Англии в рамках новой формулы (ленд-лиз), за всей этой многозначительностью президента не стояло. Но это лишь внешнее впечатление. В действительности же Рузвельт проделывал сложную внутреннюю работу, формируя представление о миссии Америки в критической обстановке, которая сложилась в мире. Идеи ленд-лиза, превращения США в “великий арсенал демократии” не просто воспроизводили вильсоновский интернационализм в фазе “вооруженного нейтралитета” (1916–1917), они были частью новой программы-максимум

для мира с его новыми ценностями и приоритетами, сложившимися в сознании поколений, прошедших испытания войнами и революциями, реальностями мирового экономического кризиса, исчерпанием либеральной идеи и тоталитаризмом. Ее суть была изложена Рузвельтом в его ежегодном послании конгрессу 6 января 1941 г. В нем говорилось, в частности, о намерении Белого дома направить в конгресс законопроект о ленд-лизе. Однако поистине принципиальное значение имела концовка послания, в которой Рузвельт обещал приложить все усилия для обеспечения “четырёх важнейших человеческих свобод”: свободы слова, свободы вероисповедания, свободы от нужды и свободы от страха. В сущности таким путем были сформулированы военные цели Америки и одновременно объявлено о преэминентности их с “новым курсом”. Проекцией последнего становился весь мир. “Четыре свободы” вскоре стали базовым документом для Атлантической хартии. Справедливо усматривая связь идеологии и политэкономии “нового курса” с оценкой Рузвельтом глобальных процессов, Дэвид Кеннеди пишет: “На уровне базовых принципов существовала абсолютно просматривающаяся преемственность между внутренней политикой Рузвельта в годы Великой депрессии и его внешней политикой во время войны”³⁹.

Между тем время шло, и опасения в Белом доме оказаться свидетелями капитуляции Англии (или, как выразился однажды Г. Стимсон, “исчезновения”) все возрастали. В отличие от многих военных и дипломатических советников Рузвельта Гопкинс полагал, что с помощью поставок американского вооружения Англия в состоянии продержаться по крайней мере до тех пор, пока в ходе мировых событий не произойдет решающий перелом, т.е. до вовлечения в войну Советского Союза. Сообщения из Москвы говорили о том, что Советский Союз усиленно готовится к схватке с фашизмом. обстоятельные по всему кругу вопросов беседы президента с Джоозефом Дэвисом, бывшим послом в СССР, еще раз подтвердили это⁴⁰.

Несмотря на сохранившуюся по причине сталинской политики “воссоединения” в Прибалтике напряженность, в советско-американских отношениях не исчезло стремление к сближению. Москва время от времени напоминала Вашингтону о неиспользованных возможностях возобновления взаимовыгодного сотрудничества между двумя странами⁴¹. Обе стороны звали к благоразумию, но, пожалуй, Белый дом порой делал это даже настойчивее и в тоне взаимозачета претензий. В конце 1940 – начале 1941 г. и в Москве, и в Вашингтоне состоялись весьма важные рабочие встречи представителей обеих стран⁴². Государственный департамент в декабре 1940 г. затребовал от посла США в Москве Штейнгардта рекомендаций на предмет продолжения этих переговоров и извлечения из них “максимума возможного”. Речь шла прежде всего, как писал об этом Л. Гендерсон Штейнгардту, “об улучшении атмосфе-

ры в отношениях между США и СССР”, хотя он не исключал и более далеко идущих намерений. “Я склонен думать, однако, – сообщал он, – что эти переговоры проводятся в результате существующего в определенных правительственных кругах твердого мнения, что мы в настоящее время должны предпринять энергичные шаги с целью достижения дружественных отношений с Советским Союзом и обсуждения с ним всех дел, касающихся Германии, с одной стороны, и Японии – с другой”⁴³.

Гендерсон, руководитель Восточноевропейского отдела госдепартамента, в отличие от того же С. Хорнбека, не одобрял эти новые веяния, полагая, что только продолжение “жесткого” курса по отношению к Советскому Союзу заставит Москву быть уступчивой во всем, включая и вопросы военно-политического сотрудничества. Посол США в Москве полностью соглашался с ним, заявляя, что русские “понимают только силу”⁴⁴. Но Рузвельт, и в еще большей мере Гопкинс считали такой подход по крайней мере близоруким. Проект закона о ленд-лизе, лежащий на столе у Гопкинса в ожидании одобрения президента, был предусмотрительно составлен таким образом, чтобы не закрывать двери, ведущие к военно-экономическому сотрудничеству США и Советского Союза. Гопкинс долго ломал голову над тем, какой будет реакция наиболее яростных антисоветчиков в конгрессе на соответствующие пункты законопроекта, содержащие эту идею⁴⁵. Выбора не было. Одержав победу над Гитлером и его союзниками по “оси” без Советского Союза казалось просто невысказанным. Наконец соответствующую формулу удалось найти, и президент добился одобрения билля конгрессом, отбив попытки антисоветского блока протащить поправку, отрезавшую пути сотрудничества с СССР. Можно было бы ожидать, что президент санкционирует более активный поиск взаимопонимания с СССР. Однако Белый дом уклонился от этого. Сказались сильнейшее давление со стороны консервативной части конгресса, непривлекательный облик СССР, созданный прессой, и враждебность многих руководящих чиновников госдепартамента – А. Бёрла, Л. Гендерсона и самого К. Хэлла. В Берлине читали американскую прессу и полагали, что при любом исходе событий Москва не может рассчитывать на военную помощь Америки.

Информация, поступающая в Белый дом по различным каналам (военная разведка, политическая агентура и т.д.), подтверждала, что Гитлер готовит нападение на Советский Союз после победоносного окончания войны с Англией. С особым вниманием фиксировалось каждое сообщение о нарастающей с осени 1940 г. напряженности в советско-германских отношениях, о подготовке Красной Армии к отражению военного нападения и о других мероприятиях Советского Союза по укреплению безопасности его границ в предвидении неминуемого столкновения с блоком фашистских держав⁴⁶. Уже в феврале 1940 г. госдепартамент направил Рузвельту документ осо-

бой важности, подтверждавший начало разработки в Германии оперативных планов нападения на Советский Союз⁴⁷. Рузвельт считал, что в этих условиях требовалась доскональная осведомленность о реальном положении дел в Европе и трезвая оценка того, как долго Англия сможет продержаться в случае германского вторжения на Остров. О победе Англии в этой войне никто в Белом доме уже не позволял себе говорить с уверенностью.

В начале января 1941 г. на пресс-конференции Рузвельт объявил, что Гопкинс едет в Лондон с целью “побеседовать с Черчиллем на языке фермера из Айовы”⁴⁸. Пока журналисты обсуждали, что бы это могло означать, Гопкинс – уроженец Айовы – спешно готовился к своей трудной экспедиции. Самые первые впечатления Гопкинса от пребывания в Англии были двойственными. Он отмечал позднее в докладе президенту сомнительность расчетов руководителей английского военного кабинета выиграть войну с Гитлером путем достижения постепенного превосходства в воздухе и избегая ввода в действие больших масс сухопутных сил. Вполне логичным для такого образа мышления был и отказ министра иностранных дел А. Идена видеть в лице Советского Союза потенциального союзника. Подобная точка зрения и в военно-стратегическом, и в политическом отношении представлялась Гопкинсу по крайней мере легковесной. Реально, и в этом Гопкинс был убежден, Англия, даже с учетом высокого морального духа народа и материальной поддержки США, продолжая войну в одиночку и полагаясь на авиацию, могла думать только об обороне.

Последующие события подтвердили, что тревожные ожидания близкой катастрофы, охватившие Рузвельта после обсуждения с Гопкинсом всех аспектов обороноспособности Англии с учетом американской помощи, несмотря на все внешние проявления веры в непобедимость англичан, имели под собой больше оснований, чем не вполне натуральные бодрые прогнозы Черчилля. Военные поражения на Ближнем Востоке и на Балканах весной 1941 г. привели Англию, пишет биограф Рузвельта Бёрнс, на грань полного “стратегического краха”⁴⁹. В мае англичане оставили Крит. Немецкие подводные лодки наносили тяжелые потери их судам в Атлантике. В эту пору каждый месяц немцы пускали ко дну 500 тысяч тонн грузов. Тонкая нить снабжения продовольствием и военными материалами грозила вот-вот оборваться. Между тем президент США вопреки ожиданиям Лондона отказался пересмотреть свое решение о конвоировании судов, согласно которому, американский военно-морской флот не должен был выполнять охранные функции. Рузвельт считал, что общественное мнение еще не “переварит” такой пересмотр в сторону подключения ВМС США к вооруженной борьбе с немцами на море. Это был один из тех случаев, когда Гопкинс не согласился с позицией своего патрона⁵⁰.

Став в конце марта 1941 г. фактически главным администратором ленд-лиза и одновременно сохраняя пост специального помощ-

ника президента, Гопкинс оказался в положении руководителя всей программы военной мобилизации. Само собой разумеется, что основным условием ее эффективности являлось правильное стратегическое планирование. Между тем ни один вариант, рассмотренный Рузвельтом и Гопкинсом, не устраивал их полностью. Дело в том, что в сущности в каждом случае весь расчет строился на добровольном отказе от военно-политической инициативы и на молчаливом признании того факта, что Англия и США, даже объединив силы, не могут взять на себя такую инициативу ни в Европе, ни на Дальнем Востоке. Гопкинс был не в восторге от стратегии выжидания, сознавая, что шансы выиграть и проиграть в этой игре примерно равны, но не мог и не согласиться с президентом в том, что реальной силой, способной остановить и разгромить фашистскую агрессию, ни Англия, ни США не располагали. 12 мая С. Уэллес в доверительной беседе с Б. Лонгом дал понять, что в Белом доме считают положение Англии критическим и почти безнадежным. Настроения в самих Соединенных Штатах Лонг передал короткой строкой в дневнике от 4 июня: "Мы не готовы сражаться"⁵¹. Через неделю 10 июня А. Гарриман почти в панике сообщал Гопкинсу из Лондона, что Англия не сможет победить без прямого военного вмешательства Соединенных Штатов⁵².

Пожар в доме соседа разгорался все сильнее, грозя спалить все до основания и перекинуться на окружающие кварталы. "Садовый шланг" не спасал, требовались другие методы. 14 мая 1941 г. министр финансов США Генри Моргантау, близкий друг президента, после длительной беседы с Гопкинсом записал в своем дневнике: "Я думаю, что они оба – и президент, и Гопкинс – заняты поисками ответа на вопрос, что делать дальше. Они чувствуют, необходимо что-то предпринять, но не знают что. Гопкинс говорит, что президент, как всегда не очень разговорчив, но он полагает, что Рузвельту отвратительна сама мысль быть втянутым в войну, он предпочитает идти за настроениями широкой публики, чем вести ее за собой"⁵³. Через месяц у Рузвельта уже был готов ответ. Когда 15 июня У. Черчилль сообщил президенту о том, что "в ближайшее время немцы, по-видимому, совершат полномасштабное нападение на Россию" и что Англия намерена в связи с этим оказать "русским всемерную поддержку и помощь", Рузвельт немедленно дал знать в Лондон о своей готовности публично поддержать "любое заявление, которое может сделать премьер-министр, приветствуя Россию как союзника"⁵⁴.

Но что следовало ожидать от Сталина, поведение которого как всегда было сложно спрогнозировать? 1 марта 1941 г. госдепартамент направил в Москву Л. Штейнгардту телеграмму с указанием добиться встречи с Молотовым и передать ему информацию о подготовке Гитлером скорого нападения на Советский Союз. Американский посол уже после войны заверял Р. Шервуда, что такая встреча состоялась, но опубликованные в США дипломатические

документы оставляют некоторые сомнения на этот счет: К. Хэлл и Л. Штейнгардт опасались найти в Кремле холодный прием. Боязнь провокаций преследовала Сталина мрачной тенью, мешая отделить реальность от вымысла, жест доброй воли от желания рассорить с его новыми “друзьями” – Германией и Японией. Мирное возвращение после 1939 г. в лоно России большей части ее западных территорий, входивших в нее до 1914 г., делали нейтралитет Москвы явлением неформальным. Все козыри были на руках у Гитлера. Кажется, это хорошо понимали в Белом доме, но решили, не теряя надежд, упорно добиваться от Сталина перелома в отношении своих намерений. Документы из российских архивов это подтверждают.

1 марта 1941 г., в тот самый день, когда Штейнгардту была направлена телеграмма из государственного департамента, С. Уэллес беседовал с К. Уманским и сделал ему аналогичное заявление об угрозе нападения со стороны Германии. При этом заместитель госсекретаря специально подчеркнул достоверность этой информации и то, что в Белом доме учитывают возможность недоверия к ней в Москве. 15 апреля Штейнгардт в беседе с замнаркома иностранных дел СССР С.А. Лозовским (никаких подтверждений версии о встрече с Молотовым нет) просил довести до сведения Молотова данные о подготовке Германией внезапного нападения на Советский Союз. Посол США, видимо следуя инструкции, даже добавил, что США в этом случае будут рады оказать помощь СССР. 24 мая Штейнгардт уже в беседе с А.Я. Вышинским поднял тот же вопрос и для большей убедительности заявил, что из соображений безопасности отправил свою жену в Америку. Вышинский отклонил доводы Штейнгардта, назвав их слухами, рассчитанными на “слабонервных людей”.

Было от чего впасть в уныние. Но Штейнгардт, взвинченный до предела, решил попытать счастья еще раз в разговоре с Лозовским 5 июня 1941 г. Он уже говорил о концентрации немцев на границах с СССР. В ближайшие две-три недели, сказал он, СССР окажется в условиях тяжелейшего кризиса, что делает просто непонятным нежелание его руководства наладить прямые контакты с США по дипломатическим каналам. Ответ Лозовского поверг посла в состояние полного недоумения. Он понял окончательно, что порученную ему исключительно важную миссию выполнить не удастся. Заместитель наркома с твердыми интонациями в голосе говорил послу: “СССР относится очень спокойно ко всякого рода слухам о нападении на его границы. Советский Союз встретит во всеоружии всякого, кто попытается нарушить его границы. Если бы нашлись такие люди, которые решили бы это сделать, то день нападения на Советский Союз был бы самым несчастным в истории напавшей на СССР страны”⁵⁵.

Судя по российским документальным источникам, Л. Штейнгардт вплоть до 22 июня 1941 г. не рискнул появиться в здании Наркоминдела на Кузнецком мосту.

О нападении Гитлера на Советский Союз в Вашингтоне стало известно поздно вечером в субботу, 21 июня 1941 г. Шервуд, передавая реакцию Гопкинса на это радиосообщение, не скрывал, что оно исторгло у помощника президента вздох облегчения: “Гитлер повернул налево”⁵⁶. Ключевая мысль: непосредственная угроза смертельного удара по Англии, этой передовой линии обороны Соединенных Штатов, отведена. Восточный фронт приобретал значение основного и главного театра военных действий. Находившийся тогда в постоянном контакте с Рузвельтом и Гопкинсом представитель администрации ленд-лиза в Лондоне А. Гарриман испытал те же чувства. Надежда на спасение Англии возрождалась с каждым новым известием об ожесточенных боях на западной границе Советского Союза – под Брестом, Минском, Перемышлем и Ровно. “Для меня, – вспоминал он, – новость о гитлеровском повороте на Восток пришла как самое приятное облегчение, хотя мы еще не были в состоянии войны”⁵⁷.

Какую позицию следовало занять Соединенным Штатам? Этот вопрос из плоскости чистых предположений перемещался в плоскость реальной политики. Госдепартамент имел готовый ответ: стараться держаться в стороне, проявлять “сдержанность”, не идти на уступки СССР, если он их предложит с целью улучшения советско-американских отношений, руководствоваться соображениями “целесообразности”.

Но что такое “целесообразность” и как ее понимать? В правящем классе и правительстве США на этот счет не было единого мнения⁵⁸. Дневники Оскара Кокса, ближайшего помощника и советника Гопкинса, показывают, что Гопкинс считал необходимым для правительства США без промедления объявить о поддержке борьбы народов России и о распространении на Советский Союз закона о ленд-лизе. Задание подготовить специальный меморандум с изложением доводов в пользу этой позиции Кокс получил уже 22 июня 1941 г. Обычно точно улавливавший все оттенки мысли патрона Кокс утром 23 июня представил три обширных меморандума, один из которых обосновывал законность оказания Советскому Союзу военной помощи в рамках программы ленд-лиза, другой предлагал президенту немедленно сделать “заявление в поддержку России” и, наконец, третий определял общие принципы, которыми следовало руководствоваться в связи с началом военных действий на Восточном фронте (Кокс озаглавил свои материалы “Три параграфа в связи с русской ситуацией”)⁵⁹.

Основная идея документов укладывалась в рамки своеобразной триады. Первое. Россия всегда со времен “Майн кампф” являлась для Гитлера самым опасным врагом и одновременно важнейшим препятствием для осуществления его планов завоевания мирового

господства. Второе. Сражаясь с Гитлером и изматывая агрессора, Россия делает не только недоступными для Германии ресурсы своей огромной территории, но и лишает фюрера “надежды на реализацию планов закабаления мира”. Третье. “Практические соображения”, которыми должны руководствоваться в сложившейся ситуации США, совершенно ясны: в интересах самих Соединенных Штатов (“нравятся им или нет различные аспекты внутренней и внешней политики России”) оказывать ей всю возможную помощь⁶⁰.

И Гопкинс, и Кокс отлично сознавали, что их точка зрения на “русскую ситуацию” плохо или вообще не согласуется с позицией влиятельных финансово-промышленных кругов, связанных с германским капиталом, военных деятелей, многих ведущих политиков в конгрессе, да и в самой администрации. Многим в правящей верхушке общества поражение Советского Союза представлялось сверхжеланным. Сенаторы Р. Тафт (республиканец) и Г. Трумэн (демократ) заявили, что победа коммунистов в войне с нацизмом для американского народа даже более опасна, чем завоевание России Гитлером. Подавляющее большинство американцев так не считали, о чем свидетельствовали опросы общественного мнения, но для сбитого с толку пророчествами о неизбежном и скором поражении Советов рядового гражданина Америки отфильтровать существенное из этого потока обрушившихся на него противоречивых и тенденциозных сообщений, предположений и прогнозов было делом исключительно сложным. Выступление президента могло бы внести ясность и содействовать правильной ориентации американской общественности в принципиально новой ситуации⁶¹.

Однако первое официальное заявление от имени правительства США по поводу нападения Германии на СССР 23 июня сделал исполнявший обязанности госсекретаря С. Уэллес. Назвав нападение Германии “вероломным”, он заметил, что перед США стоит вопрос, будет ли сорван гитлеровский план завоевания мира и подчеркнул, что “любая борьба против гитлеризма, любое сплочение сил, борющихся с ним, из какого бы источника эти силы ни исходили, ускорят неизбежное падение нынешних германских лидеров и тем самым будут способствовать собственной обороне и безопасности США”. Уэллес ни слова не сказал о том, в какой форме может быть оказана поддержка Советскому Союзу. Наверное, это был не его уровень. Президент выступил только 24 июня, но его заявление, столь же лаконичное, содержало фразу, явно заимствованную из меморандума Кокса: “...мы намерены оказать России всю помощь, какую только сможем”⁶². Рузвельт уклонился от вопроса о деталях, а также о возможности распространения ленд-лиза на Советский Союз. Нужно помнить, что еще не был отменен закон о нейтралитете.

В Белом доме обсуждался вопрос и о более полномесном выступлении президента в конгрессе, черновой вариант которого датирован 27 июня 1941 г. Характерно, что основной тезис документа вы-

глядит как контраргумент против доводов сторонников поражения Советского Союза: “Поражение России избавит нацистов от угрозы на Востоке и позволит им обрушиться со всей силой против Запада”. Затем в духе меморандума того же Кокса излагалась идея неотвратимости для США держать сторону Советского Союза. Быть или не быть на его стороне в войне с фашизмом, говорилось далее в наброске выступления, – это не вопрос, что предпочесть – выгоды нейтралитета или жертвы во имя общей победы. Речь идет о жизни и смерти американской нации, о существовании США как независимого государства. Концовка была лаконична: “Нападение нацистов на Россию создает для нас одновременно и величайшую опасность и величайшую возможность. Мы должны воспользоваться этой возможностью, пока опасность не стала для нас роковой”⁶³. Но эту тщательно подготовленную помощниками речь Рузвельт так и не произнес. Бёрнс считает, что, находясь под впечатлением ежедневных докладов посла Штейнгардта (“побольше жесткости и поменьше участия”) и военных представителей США в Москве о безнадежности положения Красной Армии, ее близком развале, президент психологически еще не был готов принять решение, к которому подвел ход событий. Кое-что подсказывала интуиция, но мнение военных специалистов оставалось по-прежнему авторитетным.

На Рузвельта сильное впечатление произвел врученный ему во второй половине дня 23 июня меморандум военного министра Г. Стимсона, представлявший собой довольно-таки детально скалькулированный высшими военными руководителями страны военно-стратегический баланс с включением в него новых слагаемых – вступление СССР в войну и ослабление давления Германии на Англию. Очевидец событий Г. Фейс, оценивая меморандум Стимсона, в сущности обращает внимание лишь на прогноз относительно времени, которое понадобится Гитлеру, чтобы разбить Советский Союз (“минимум один и максимум три месяца”). Однако чисто военные аспекты в меморандуме военного министра занимали весьма скромное место. Главное же его содержание (о чем как раз и “забывает” Г. Фейс) касалось политики или, точнее, геополитики США в свете новой, исключительно благоприятной, как отмечалось в документе, ситуации для США.

С редким единодушием военные специалисты пришли к выводу, что давление Германии на всех самых опасных участках военных действий, и прежде всего на Англию, ослабнет. Высказывалось убеждение, что Гитлер вообще оставит планы вторжения на Британские острова. Стимсон и его коллеги в связи с этим считали, что США должны воспользоваться этой передышкой, чтобы укрепить везде и повсюду, где это возможно, американское военное присутствие. “Начав войну с Россией, Германия тем самым чрезвычайно облегчила наше положение и создала для нас благоприятные условия действовать незамедлительно с тем, чтобы устранить возникшие уг-

розы до того, как Германия выпутается из русского клубка". Стимсон заключал: "Для меня... действия Германии представляются почти как ниспосланное Господом Богом чудо. Этой последней демонстрацией нацистских амбиций и вероломства широко распахиваются двери для осуществления Вами руководства победоносной битвой за Северную Атлантику и защитой нашего полушария в Южной Атлантике; одновременно под Вашим руководством США в состоянии обеспечить успех любой программы действий в будущем"⁶⁴. И ни слова о помощи Советскому Союзу или координации военных усилий с ним. Идея использования "передышки" для укрепления военно-стратегических позиций США не только не предусматривала тесного сотрудничества с Советским Союзом, она скорее исходила из неотвратимости взаимного истощения СССР и Германии в ходе пускай короткой, но кровопролитной схватки. Ожидалось также, что в конце концов Германия "выкарабкается из русского клубка". Стимсон ограничился постановкой вопроса о завоевании полного преобладания США в Атлантике в ожидании следующих поворотов в развитии событий.

Рузвельт чувствовал, что такой подход имеет серьезные изъяны, несмотря на то, что как будто бы резонно предупреждает от поспешного сближения с Москвой и отвечает проводимой им политике неучастия в войне. И хотя советы военных, госдепартамента и посла Штейнгардта казались ему заслуживающими внимания, но чутье политика и трагический опыт прошлого научили его прислушиваться к тем, чьи оценки представлялись многим в вашингтонской элите чересчур "просоветскими". Не без ведома президента Г. Гопкинс встретился в начале июля с Джозефом Дэвисом, который 7 июля подготовил для Белого дома по его поручению альтернативный меморандум с анализом всех "за" и "против" в отношении военного, экономического и дипломатического сотрудничества СССР и США в войне с гитлеровской Германией. То, что предложил Дэвис, по всем главным пунктам расходилось с рекомендациями военного ведомства и госдепартамента⁶⁵.

Общий вывод Дэвиса был абсолютно однозначен. Первое: у США нет иного выбора, помимо установления такого сотрудничества. Второе: несмотря на то что в Советском Союзе есть много людей, которые ненавидят сталинский режим, Советский Союз и его армия и после неудачи первых дней войны, располагают всеми возможностями преодолеть вызванные вероломным нападением трудности и нанести военное поражение вермахту.

По-видимому, во время беседы Гопкинса с Дэвисом 7 июля в Белом доме и родилась идея о поездке Гопкинса в Москву с целью ознакомления на месте с положением на советско-германском фронте и установления личных контактов с советскими руководителями. Вопросы, связанные с вступлением СССР в войну, обсуждались также во время длительной беседы Рузвельта с Гопкинсом 11 июля. На-

завтра стало известно, что Гопкинс снова летит в Лондон, и одновременно публикуется ответное послание Рузвельта на приветствие М.И. Калинина по случаю Дня независимости. Телеграмма президента была составлена в таком тоне, который не оставлял сомнений, в каком ключе шло обсуждение советско-американских отношений в Овальном кабинете Белого дома. Американский народ, говорилось в ней, “связан с русским народом крепкими узами исторической дружбы, поэтому вполне естественно, что он следит с сочувствием и восхищением за мужественной борьбой, которую ведет в настоящее время русский народ в целях самообороны”⁶⁶.

Пребывание Гопкинса в Лондоне было насыщено событиями. Встречи с Черчиллем, высшими чинами английского генералитета, советским послом И.М. Майским, выступления по радио. Возникла мысль и о проведении главной “операции” – десантирования в Москве для переговоров от имени президента в качестве его полномочного представителя. В начале 20-х чисел стало известно о готовности Советского правительства принять Гопкинса⁶⁷. 25 июля он отправил длинную телеграмму Рузвельту с просьбой разрешить ему поездку в Москву. Согласие президента было получено незамедлительно. Перед отлетом Гопкинс успел произнести по лондонскому радио речь, первый вариант которой, по его собственным словам, очень походил на объявление войны Германии. Орудия пером, Гопкинс смягчил отдельные места, но сказал о решимости президента США разбить Гитлера и оказать “всякую возможную помощь России, и притом немедленно”⁶⁸. Гопкинс располагал данными специальных опросов, свидетельствовавших, что в США последовательно нарастали настроения в пользу оказания помощи Советскому Союзу. По-видимому, Гопкинс имел санкцию президента говорить на эту тему открыто.

29 июля 1941 г. Гопкинс совершил свой вошедший в историю дипломатии многочасовой перелет над Арктикой из Инвергордона в Архангельск в неотапливаемой кабине стрелка-радиста в хвосте разведывательного самолета английских ВВС “Каталина”. К счастью, все, что потребовалось от Гопкинса – это вести наблюдение за воздухом, но испытание холодом было жестоким. Теплая встреча в Архангельске позволила насквозь промерзшему и полубольному личному представителю президента США, как он официально назывался, найти силы для следующего, четырехчасового перелета в Москву, Гопкинс проявил удивительную выдержку и мужество.

Первая же беседа с послом Штейнгардтом подтвердила, как мало тот знал о реальной ситуации и еще меньше желал в нее вникать. После короткого отдыха Гопкинс потребовал устроить ему автомобильную поездку по улицам Москвы. Бросилось в глаза – спокойный и размеренный ритм жизни. Атмосфера в Лондоне была куда более “прифронтовой”, хотя немцы не угрожали ему прямым образом. Все, что увидел Гопкинс, совсем не гармонировало с почти па-

ническим настроением Штейнгардта и его коллег. В тот же день вечером Гопкинс был принят в Кремле И.В. Сталиным. Встречи с главой советского правительства 30 и 31 июля произвели большое впечатление на Гопкинса и не только потому, что он вопреки ожиданиям получил откровенную, (как ему по крайней мере казалось) и исчерпывающую информацию о положении на фронте, о сильных и слабых сторонах вермахта, о причинах временных неудач Красной Армии, о стратегических планах советского командования и проблемах материально-технического снабжения армии. Больше всего Гопкинса поразила твердость и убежденность, с которой Сталин говорил о стабилизации фронта в ближайшие два-три месяца. Уходя из Кремля 31 июля после четырехчасовой беседы, Гопкинс знал, что ни Москва, ни Ленинград не будут сданы противнику, хотя цену за это придется заплатить высокую⁶⁹. Первое randevу Сталина и alter ego президента было признано успешным ими обоими.

Русские выстоят – это бесспорно. Но могли ли США ограничить свой вклад в борьбу с фашизмом поставками военных материалов, производство которых еще только предстояло наладить, сохраняя к тому же статус невоюющей, нейтральной державы? На этот законный вопрос, заданный ему в Москве, Гопкинс смог ответить лишь в рамках полученной им инструкции: “вступление США в войну зависит главным образом от самого Гитлера”⁷⁰, т.е. от решения германского диктатора, воевать Германии с США или нет. По-видимому, сознавая неубедительность и двусмысленность этой позиции своего правительства, Гопкинс в день отъезда из Москвы сказал журналистам, что по поручению Рузвельта он заявил советским руководителям следующее: “Тот, кто сражается против Гитлера, является правой стороной в этом конфликте... США намерены оказать помощь этой стороне”⁷¹.

Р. Шервуд назвал миссию Гопкинса историческим событием в советско-американских отношениях, имея в виду главным образом расчеты и сомнения Вашингтона, связанные с оценкой боеспособности Советской Армии. Разумеется, значение переговоров Гопкинса шире и масштабнее. Советская запись беседы И.В. Сталина и Г. Гопкинса 30 июля 1941 г. показывает то особое значение, которое в Белом доме и в Кремле придавали выяснению и сближению взглядов по поводу положения в мире⁷². США все еще оставались вне войны, и советскому руководству важно было убедиться, как далеко они готовы будут пойти в противодействии державам “оси”. С другой стороны Белому дому, “осаждаемому” со всех сторон противниками сближения с русскими, в сложившейся ситуации важным было получить доказательства (еще не гарантии) возможности создания единого фронта СССР, США и Англии в борьбе с общим врагом. После краха загубленных мюнхенцами упований на организацию системы коллективной безопасности, после пакта Молотова–Риббентропа встреча личного представителя президента США и руководителей

советского правительства восстанавливала надежду на достижение сплочения антифашистских сил.

Возвратившись в Лондон тем же небезопасным путем, Гопкинс сразу же попал в весьма затруднительное, даже щекотливое для себя положение. Встреча Рузвельта и Черчилля 9–12 августа в бухте Арджентейя у берегов Ньюфаундленда, в ходе которой в присутствии высших военных чинов обеих стран Гопкинс доложил об итогах своей миссии в Москву, еще раз показала, что ни США, ни Англия не собираются в кратчайшие сроки реально облегчить поддержку сражающимся в трудных условиях советским армиям. Рузвельт еще раз отказался заявить о немедленном вступлении США в войну, несмотря на настойчивые просьбы Черчилля. При обсуждении дальневосточного вопроса ничего не было сказано и о позиции обеих стран в случае нападения Японии на Советский Союз. Оба лидера серьезно рассматривали этот вариант в развитии событий. Вместе с тем одним из важных положительных результатов встречи в Арджентейе явилось подписание по инициативе Рузвельта так называемой Атлантической хартии (детище С. Уэллеса) – англо-американской декларации о целях в войне и о демократических принципах послевоенного устройства мира в версии президента США. Рузвельт и Черчилль заявили также о готовности оказывать СССР помощь поставкой необходимых ему материалов. Рузвельт, получив отчеты Гопкинса о пребывании в Москве, внутренне принял решение выполнять эти обязательства без проволочек. Незадолго до отъезда в Арджентейю он устроил сорокаминутную выволочку военному министру Стимсону за волокиту с поставками в СССР.

Уверенность в силе сопротивления русских крепла, хотя это имело и неоднозначные последствия. Гопкинс, например, был несколько даже озадачен той нежелательной, с его точки зрения, побочной реакцией, вызванной переоценкой возможностей Советского Союза выстоять и сокрушить агрессора. 5 сентября он писал послу США в Лондоне Джону Вайнанту: “Общественное мнение здесь (в США. – В.М.) меня обескураживает. То, что происходит в России, кажется, убедило всех, что Россия добровольно взвалила на себя бремя войны, а поэтому от нас не требуется особой помощи. Такого рода настроения дают себя знать повсюду, и лишь президент считает, что настало подходящее время оказать нажим на Гитлера”. Пример такого “нажима” был показан в Арджентии, где гитлеровский режим удостоился клейма “нацистская тирания”⁷³.

Атмосфера в столице США, куда Гопкинс вернулся после месяца отсутствия, действительно была способна навевать грустные размышления. Жизнь здесь, казалось, шла своим давно заведенным порядком, с вновь проснувшимся чувством сытого безразличия к далекой трагедии Европы. А между тем на огромной территории России разворачивались сражения, от которых зависело будущее цивилизации. Пылали города, гибли солдаты, женщины, старики и дети, от-

давая свою жизнь за право будущих поколений и народов разных стран самим решать свою судьбу. Несмотря на краткость своего пребывания в Советском Союзе, Гопкинс вынес непоколебимое впечатление о высоком моральном духе и воинской доблести советских вооруженных сил. Джозеф Дэвис, обстоятельно обсудивший с Гопкинсом 8 сентября 1941 г. итоги его визита в Москву, сделал следующую запись: "Гопкинс считает, что сила Красной Армии явно недооценивается. Когда я спросил его почему, он ответил, что виной тому информация военных атташе западных стран в Москве, которые много лет подряд не воспринимали Красную Армию всерьез (возможно, единственным исключением были донесения Феймонвилла). Это, в свою очередь, приводило к тому, что советское правительство не доверяло военным атташе западных стран. Советы относились к ним с подозрением. Когда русские говорили, например, о своем 40- или 60-тонном танке как о достижении, эти представители в своих донесениях данную информацию начисто отрицали. Красная Армия очень невысоко котируется во всех столицах Европы. В Москве, сказал Гопкинс, война особо не чувствуется. Все идет своим чередом, если только не считать того, что повсюду работают женщины. Огромное количество грузовиков с медикаментами и другими материалами бесконечной вереницей движется из Москвы на фронт, каждую ночь, в строгом порядке. На Гопкинса произвел большое впечатление высокий уровень планирования и управления, который обеспечил эту широкую деятельность..."⁷⁴.

Гопкинс не дал согласия Дэвису на обнародование его московских впечатлений и письменно просил бывшего посла воздержаться от публикации записи беседы с ним⁷⁵. Но свое мнение относительно предвзятости представителей военного ведомства США в оценке боеспособности Красной Армии он высказал с согласия президента Стимсону. Поводом послужило очередное донесение военного атташе США в Москве И. Итона, сообщавшего в разгар сражений под Москвой о скором ее падении. В короткой служебной записке военному министру Гопкинс писал: "Я получил копию донесения нашего военного атташе в Москве от 10 октября 1941 г. Я полагаю, что к этому донесению следует отнестись с большой осторожностью. Когда я был в Москве, Итон, не стесняясь, критически высказывался в адрес русских и предсказывал тогда, десять или двенадцать недель назад, что Москва может пасть в любой момент. У меня создалось впечатление, что он не объективен и что, если военное министерство примет на веру его точку зрения, в этом случае оно может оказаться дезинформированным"⁷⁶.

Поездки в Англию, Москву, участие в конференции в Арджентии потребовали от Гопкинса напряжения всех физических сил. Был момент, когда врачи полагали, что он не дотянет до возвращения в Вашингтон. Большую часть дня он проводил в постели, не расставаясь, однако, с телефонной трубкой, пером и бумагой. Стремясь сохра-

нить работоспособность своего главного советника, Рузвельт освободил его в сентябре 1941 г. от формальной ответственности за выполнение программы ленд-лиза. Вынужденным был и отказ от руководства смешанной англо-американской миссией в Москву для обсуждения вопросов военно-экономического сотрудничества. Американскую часть возглавил по совету Гопкинса А. Гарриман. Предполагалось, что сам Гопкинс сосредоточится на вопросах военного производства. Ни Рузвельт, ни Гопкинс тогда еще в достаточной мере не сознавали, какое огромное значение приобретут в последующие годы войны проблемы межсоюзнических отношений и особая роль в их решении бывшего министра социальной помощи Гарри Гопкинса.

Битва под Москвой, разрушившая миф о непобедимости вермахта, утвердила Гопкинса в убеждении, что главная война с гитлеризмом ведется на полях России. В еще большей степени, чем Рузвельт, он критично отнесся к недопустимой медлительности военных деятелей своей страны и Англии, старательно уклонявшихся от разработки и проведения серьезных операций, способных отвлечь большие силы вермахта с Восточного фронта. Внутренне он соглашался с доводами, которые слышал в Москве: во-первых, скорейшее открытие второго фронта необходимо и может быть подкреплено соответствующими ресурсами; во-вторых, в военном отношении желание и возможности гитлеровского командования вести наступательные действия на Западе против Англии невелики; в-третьих, фактор повсюду развивающегося движения сопротивления во много раз увеличивает шансы на успех большой десантной операции со стороны Англии при поддержке США на территории западноевропейских стран⁷⁷.

Но Гопкинс считал, что даже если второй фронт и будет создан, то и в этом случае он будет играть второстепенную роль. Реалистическая точка зрения на сложившуюся ситуацию, отмечал он в заметках в конце октября 1941 г., состоит в том, что главные события мировой войны разворачиваются на советско-германском фронте. Здесь, а не в Северной Африке решается вопрос о победителе в этой войне. И еще: жизнь подсказывает, что концепции, рассчитанные на затягивание войны, не учитывают действие различных военных, политических и моральных факторов в глобальном масштабе, способных превратить сегодняшнюю выгодную ситуацию для США в нечто прямо противоположное завтра. Ставка на затягивание войны неверна и рискованна. Тесное сотрудничество с русскими – экономическое, дипломатическое и военное – непременное условие достижения победы. “Ключ к скорой победе над нацизмом, – писал Гопкинс, – в противоположность медленному удушению Германии – в сотрудничестве с Россией. Такая скорая победа демократических держав принесет миру неисчислимые выгоды”⁷⁸. Сам президент и близкие к нему политики полагали что после победы над нацизмом неизбежно произойдет и трансформация сталинского режима.

30 октября 1941 г., когда стало ясно, что блицкриг провалился, Рузвельт сообщил в Москву о решении правительства США предоставить Советскому Союзу беспроцентный заем на сумму до 1 млрд долл. 7 ноября 1941 г. временный поверенный в делах СССР в США А.А. Громыко вручил Рузвельту ответное послание И.В. Сталина, в котором тот благодарил президента за “исключительно серьезную поддержку” и присоединился к пожеланию президента установить “личный, непосредственный контакт” в целях обсуждения вопросов, вызывающих взаимный интерес. Встреча носила дружественный характер. “...Помощь Советскому Союзу, – сказал президент, расставаясь, – считаем своей важнейшей задачей”⁷⁹.

Точку зрения Рузвельта и Гопкинса разделяли многие видные деятели как в самой администрации, так и вне ее. Даже такие представители “старой гвардии” консервативных политиков, как Стимсон, Хэлл, Лонг, усваивали новый подход к реалиям. 16 декабря 1941 г. Лонг записал в дневнике: “Если сообщения из России правдивы, то тогда мы являемся свидетелями крупнейшей военной катастрофы в истории (поражение вермахта под Москвой. – В.М.), что исключительно важно для нас”. Через четыре месяца Лонг сделал еще одну запись: “Россия в одиночку по-настоящему сражается в Европе в интересах всех союзников”⁸⁰. Находясь на дипломатической службе США со времен Вудро Вильсона, Брекенридж Лонг привык видеть в России источник зла, разрушительную силу. С конца 1941 г. что-то начинало меняться и в государственном департаменте.

Становилась другой и американская печать. Неформальной данью уважения советскому народу, оказывавшему “мужественное и решительное сопротивление” захватчикам, следует считать приветствие Ф. Рузвельта М.И. Калинину 9 ноября 1941 г.⁸¹ В свою очередь, получив возможность в связи с национальным праздником СССР обратиться с посланием к советскому народу, Гопкинс не преминул сделать это в эмоциональной форме. Он писал: “Сегодня празднование годовщины вашей революции означает решимость мужественного народа отдать жизни и все его национальные ресурсы для защиты Родины и вашего образа жизни. Вместе с вами в борьбе против нацизма участвуют народы различной расовой принадлежности, различных вероисповеданий и придерживающиеся различных политических систем. Но мы все едины в стремлении отразить жестокий удар агрессоров. Мы все едины в твердом намерении оказать вам всю возможную помощь. Мы все едины в признании нашего невосполнимого долга перед русским народом, ведущим почти с нечеловеческой стойкостью сражения с врагом. Я глубоко убежден, что ваша борьба, цель которой – защита Родины, войдет в историю эпической страницей человеческого мужества и бесстрашия”⁸².

Современные биографы Рузвельта находят, что до нападения Гитлера на Советский Союз он относился к европейской войне и японской агрессии в Китае, как к региональным конфликтам.

22 июня 1941 г. все изменило, утвердив президента в сознании, что речь должна идти о двух театрах военных действий Второй мировой войны. Это стало основанием для Рузвельта, чтобы заняться выработкой особого взгляда на происходящее сквозь новую геополитическую “призму”⁸³. Время делало свое дело. Определенно возникла полная зависимость Англии от Соединенных Штатов. И сознание этой зависимости изменило отношение между Рузвельтом и Черчиллем. Эллиот Рузвельт, сопровождавший отца на всех важнейших межсоюзнических встречах, по поводу переговоров в Арджентеи заметил: “Постепенно, очень медленно, мантия вождя сползла с плеч англичанина на плечи американца”⁸⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ LC. B. Long Papers. Box 5. Diaries. Sept. 2. 1939.
- ² См.: История США: В 4 т. М., 1985. Т. 3. С. 317.
- ³ Рузвельт Ф.Д. Беседы у камина. М., 2003. С. 189, 191.
- ⁴ Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. N.Y., 1979. P. 202.
- ⁵ Мировые войны XX века: В 4 кн. М., 2002. Кн. 3. Вторая мировая война: Исторический очерк. С. 91, 116; Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны: Глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002. С. 77.
- ⁶ Sherwood R.E. Roosevelt and Hopkins. An Intimate History. Vol. 1–2. N.Y., 1950. Vol. 1. P. 150; Рузвельт Ф.Д. Указ. соч. С. 188.
- ⁷ LC. Joseph E. Davies Papers. Box. 12. Memorandum. Oct. 16. 1942.
- ⁸ Sherwood R.E. Op. cit. Vol. 1. P. 164.
- ⁹ Ibid. P. 167.
- ¹⁰ Dallek R. Op. cit. P. 207.
- ¹¹ Kimball W.F. The Most Unsordid Act. Lend-Lease, 1939–1941. Baltimore, 1969. P. 21.
- ¹² Sherwood R.E. Op. cit. Vol. 1. P. 167.
- ¹³ Dallek R. Op. cit. P. 205–206.
- ¹⁴ История США. Т. 3. С. 319.
- ¹⁵ Dallek R. Op. cit. P. 214.
- ¹⁶ Ibid. P. 216.
- ¹⁷ Higham Ch. Trading with the Enemy: An Exposé of the Nazi-American Money Plot 1933–1949. N.Y., 1983. P. 188, 189, 191.
- ¹⁸ LC. Long Papers. Box 5. Diaries. Oct. 11, 1939.
- ¹⁹ Dallek R. Op. cit. P. 216; Rock W.R. Chamberlain and Roosevelt: British Foreign Policy and the United States, 1937–1940. Columbus, 1988. P. 262, 263; Heinrichs W. Threshold of War: Franklin Roosevelt and American Entry into World War II. N.Y., 1988.
- ²⁰ LC. B. Long Papers. Box 5. Diaries. Feb. 9, 1940.
- ²¹ Ibid. Mar. 12, 1940; В своих воспоминаниях Джордж Кеннан, прикомандированный тогда к миссии, называет ее “странной” (Кеннан Дж. Указ. соч. С. 77).
- ²² АВП РФ. Ф. 48 з. Оп. 246. П. 3. Д. 8. Л. 99.
- ²³ Севастьянов П.П. Перед великим испытанием. М., 1981. С. 177.
- ²⁴ Josephson M. Sidney Hillman. Statesman of American Labor. N.Y., 1952. P. 481.

- 25 LC. F. Frankfurter Papers. Box 74. *Frankfurter to H.L. Laski*, June 20, 1940.
- 26 FDR. His Personal Letters. Vol. II. P. 1037, 1938.
- 27 Цит. по: *Sherwood R.E.* Op. cit. Vol. 1. P. 175.
- 28 *Adams H.H.* Harry Hopkins: A Biography. N.Y., 1977. P. 216.
- 29 The Secret Diary of Harold L. Ickes. Vol. II. P. 478.
- 30 *Sherwood R.E.* Op. cit. Vol. 1. P. 146.
- 31 Yale University Library. Henry L. Stimson Manuscript Diary and Manuscripts. Roll 6. Sept. 11, 1940.
- 32 *Sherwood R.E.* Op. cit. Vol. 1. P. 196.
- 33 Ibid.
- 34 Ibid. P. 224.
- 35 LC. Herbert Feis Papers. Box 12. *W.C. Bullitt to Feis*. Aug. 26, 1940.
- 36 Цит. по: *Kimball W.F.* The Most Unsordid Act. P. 121–122.
- 37 *Sherwood R.E.* Op. cit. Vol. 1. P. 276.
- 38 Ibid. P. 279; *Рузвельт Ф.Д.* Беседы у камина. С. 205–216.
- 39 *Kennedy D.M.* Op. cit. P. 470.
- 40 *Davies J.E.* Mission to Moscow. L., 1943. P. 141.
- 41 См.: ДВП РФ. Т. XXIII. Кн. 2(1). С. 7–10, 121, 220–222, 232–235.
- 42 Там же. С. 408. 22 января 1941 г. государственный департамент объявил об отмене так называемого морального эмбарго против Советского Союза, наложенного во время советско-финского конфликта в декабре 1939 г.
- 43 LC. L.A. Steinhardt Papers. Box 29. *L. Henderson to Steinhardt*, Dec. 13, 1940.
- 44 FRUS. 1940. Vol. 1–5. Wash., 1955–1961. Vol. 3. P. 107.
- 45 FDRL. O. Cox Papers. Box 145. Diaries and Related Material. Mar. 4, 1941; *Dawson R.H.* The Decision to Aid Russia, 1941. Chapel Hill, 1959.
- 46 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Special Assistant to the President, 1941–1945, MID Report, 1935–1945, USSR. From: MA, Moscow, Report 1819. Dec. 6, 1940.
- 47 LC. B. Long Papers. Box 5. Diaries. Feb. 21, 1941.
- 48 *Adams H.H.* Op. cit. P. 199, 202–204.
- 49 *Burns J.M.* The Soldier of Freedom. N.Y., 1970. P. 77.
- 50 Ibid. P. 88, 91, 101; *Adams H.H.* Op. cit. P. 222.
- 51 LC. B. Long Papers. Box 5. Diaries. May 12, June 4, 1941.
- 52 FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Sherwood Collection. Box 305. *A. Harriman to Hopkins*, June 10, 1941.
- 53 *Adams H.H.* Op. cit. P. 323.
- 54 *Churchill W.* The Second World War. Vol. III. The Grand Alliance. N.Y., 1962. P. 312, 313.
- 55 FRUS. 1941. Wash., 1958. Vol. 1. P. 712–714; *Hull C.* Memoirs, Vol. 1–2. N.Y., 1948. Vol. 2. P. 968–969; Harvard University. Houghton Library. Robert E. Sherwood Papers. *L.A. Steinhardt to Sherwood*, Oct. 30, 1946; Feb. 2, 1948. Российские архивные источники подтверждают версию Штейнгардта: встречи с высшими чиновниками Наркоминдела СССР состоялись, но среди них не было Молотова (АВП РФ. Ф. 483. Оп. 246. П. 2. Д. 8. Л. 156–159).
- 56 *Sherwood R.E.* Op. cit. Vol. 1. P. 369.
- 57 Цит. по: *Израэлян В.Л.* Дипломатия в годы войны (1941–1945). М., 1985. С. 11.
- 58 История дипломатии. М., 1975. Т. IV. С. 188, 198.
- 59 FDRL. O. Cox Papers. Box 145. Diaries and Related Material. June 22, 23, 1941.
- 60 Ibid. June 23.

⁶¹ FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Sherwood Collection. Box 305. *H.B. Swope to Hopkins*, June 23, 1941.

⁶² *Борисов А.Ю.* СССР и США. Союзники в годы войны 1941–1945. М., 1983. С. 48.

⁶³ FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Sherwood Collection. Box 305. “To the Congress of the United States of America. June 27, 1941”.

⁶⁴ *Ibid.* *H. Stimson to F.D. Roosevelt*, June 23, 1941.

⁶⁵ *Ibid.* *J.E. Davies to Hopkins*, July 8, 1941.

⁶⁶ Правда. 1941. 12 июля.

⁶⁷ *Майский И.М.* Воспоминания советского посла. М., 1965. С. 162.

⁶⁸ Правда. 1941. 29 июня.

⁶⁹ FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Sherwood Collection. Box 306. Memorandum “Conference held on 31st July between Mr. Stalin, Mr. Hopkins and the Interpreter at the Kremlin in Moscow – 6.30 p.m. to 9.30 p.m. First Draft”.

⁷⁰ FRUS. 1941. Wash., 1958. Vol. 1. P. 814.

⁷¹ Цит. по.: *Бережков В.М.* Становление антигитлеровской коалиции // Новая и новейшая история. 1973. № 1. С. 96.

⁷² См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945: Документы и материалы: В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 80–82.

⁷³ FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Sherwood Collection. Box 306. *Hopkins to J.G. Winant*, Sept. 5, 1941. У себя на столе Гопкинс нашел меморандум заместителя государственного секретаря А. Бёрла-мл., полный критики в отношении “сентиментальных” деятелей, которые сочувственно отзывались о борьбе советского народа, предупреждений о возможных “переменах” в позиции Москвы, ссылок на историю, якобы говорящую о “ненадежности” СССР как союзника, и т. д. Берл резко возражал против самой идеи военно-технического сотрудничества СССР и США в войне против Германии (*Ibid.* Box 305. *A.A. Berle, Jr.* Memorandum for Hopkins. July 30, 1941). О психологической атмосфере вокруг встречи в Арджентии и ее решениях см.: *Рузвельт Э.* Его глазами. М., 2003. С. 53–80.

⁷⁴ LC. Joseph E. Davies Papers. Box 11. Journal. Sept. 8, 1941.

⁷⁵ FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Special Assistant to the President, 1941–1945. Box 1937. *Hopkins to J.E. Davies*, Oct. 30, 1941.

⁷⁶ *Ibid.* Sherwood Collection. Box 305. *Hopkins to H. Stimson*, Oct. 14, 1941.

⁷⁷ *Ibid.* Box 306. Memorandum prepared by Harry L. Hopkins. Case Stated in Writing on October 19th, 1941.

⁷⁸ *Ibid.* Note.

⁷⁹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 135, 139.

⁸⁰ LC. B. Long Papers. Box 5. Diaries. Dec. 16, 1941; Apr. 28, 1942.

⁸¹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 139.

⁸² FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Sherwood Collection. Box 305. To the Russian People.

⁸³ См.: *Heinrichs W.* FDR and the Entry into World War II // Prologue. Fall 1994. Vol. 26, N 3. P. 119–139.

⁸⁴ *Рузвельт Э.* Указ. соч. С. 75.

ФРАНКЛИН РУЗВЕЛЬТ:
“МЫ, АМЕРИКАНЦЫ, ПОКИНУЛИ НАШИ ПАЛУБЫ
И ЗАНЯЛИ МЕСТА У ОРУДИЙ”

КОАЛИЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ: КТО “ЗА” И КТО “ПРОТИВ”

Еще летом 1941 г. Ф. Рузвельт неоднократно заверял американцев, что Соединенные Штаты “не приблизились к войне”, хотя он поставил вместе с Черчиллем свою подпись под Атлантической хартией, где говорилось об “окончательном уничтожении нацистской тирании”. В Лондоне на эти заявления реагировали исключительно болезненно. В одной из полученных от Черчилля телеграмм премьер-министр сообщал, что в случае сохранения Соединенными Штатами и дальше положения невоюющей державы он не может поручиться, что Англия будет продолжать войну в 1942 г. Гопкинсу это показалось более чем достаточным, чтобы поставить перед Рузвельтом вопрос о том, как долго будут США вне войны, не рискуя остаться один на один с Гитлером.

“Я сказал президенту, – писал он 2 сентября 1941 г. в меморандуме “для самого себя”, – что не только Черчилль, но и все члены его кабинета и все англичане, с которыми я говорил (речь шла о пребывании Гопкинса в Лондоне в июле 1941 г. – *В.М.*), уверены, что в конце концов мы вступим в войну, но что стоит им убедиться в обратном, как настанет самый критический момент войны, чем могут воспользоваться английские умиротворители для усиления давления на Черчилля”¹. Никто не знает, что ответил на это взволнованное предупреждение своего главного советника президент, но 11 сентября, воспользовавшись инцидентом в Северо-Западной Атлантике (в нем участвовали германская подводная лодка и американский эсминец “Гриер”), Рузвельт выступил по радио с заявлением о том, что американский военный корабль стал жертвой нападения, и об изменении политики США “в водах, которые мы (США. – *В.М.*) рассматриваем как исключительно важные для нашей обороны”. Американские корабли и самолеты получили приказ без предупреждения атаковать германские и итальянские суда, главное же – им разрешалось конвоировать суда других стран. Фактически военно-морской флот получил приказ о начале необъявленной войны против Германии в Атлантике.

Изоляционисты в конгрессе потребовали немедленного проведения расследования инцидента с “Гриером”, и, хотя во всей этой ис-

тории было много неясного, никто в стране не настаивал на изменении объявленной Рузвельтом политики. В Белом доме смогли убедиться, как резко в положительную сторону изменилось отношение самых различных кругов американской общественности к военному сотрудничеству с Англией и Советским Союзом. Так, в проведенном в октябре 1941 г. по запросу Белого дома специальным исследованием отмечалось: “Политика администрации в отношении транспортировки морем военных материалов России получила поддержку значительного большинства газет по всей стране. Хотя существуют различия в подходе к этому вопросу, тем не менее нет ни единого географического региона в стране, где бы мнение газет в главном и основном расходилось – все они озабочены преимущественно тем, как оказать содействие русскому сопротивлению, и настойчиво добиваются увеличения американского вклада в это сопротивление. Оппозиция помощи России ограничена в основном очень небольшим меньшинством крайне изоляционистски настроенных газет, которые возражают и против помощи Англии, а также прессой, близкой к церковным кругам”². Как само собой разумеющееся были восприняты распространение Закона о ленд-лизе на СССР и “модификация” Закона о нейтралитете, фактически означавшая его отмену.

Перемены в настроениях ощущались повсеместно и во всех слоях американского общества, снизу доверху. Митинги солидарности с воюющими против нацистской Германии Советским Союзом и Англией собирали десятки тысяч людей. Рабочее движение в США первым откликнулось на призыв левых сил оказать всю необходимую помощь странам, воюющим против фашизма. С оговорками вроде того, что Советский Союз не является желательным союзником “свободного мира” и что военное сотрудничество с ним продиктовано только “исторической целесообразностью”, это сделал в октябре съезд АФТ. Собравшийся вслед за тем в ноябре съезд КПП открыто и искренне заявил о солидарности с народами Англии, Советского Союза и Китая, не сопровождая на этот раз свою резолюцию заявлениями о тоталитарной природе коммунизма и превосходстве “американской системы”³.

В дни грозной опасности летом и осенью 1941 г. большая часть антифашистски настроенных общественных сил США заявила о своей солидарности с народами, ставшими жертвами агрессии стран “оси”. Сенатор-демократ Мэррей, совершив поездку по стране, убедился, что разные слои населения, в том числе рабочие и фермеры, поддерживали политику оказания всей возможной помощи Англии, Советскому Союзу и Китаю. “Американцы, – писал он, – все более решительно отказываются от поддержки изоляционистов... Народ высказывается за проведение самой энергичной антинацистской политики”⁴. “От имени союза художников Америки, – писал Рокуэлл Кент 13 августа 1941 г. во Всесоюзное общество культурных связей с заграницей СССР, – я шлю вам сердечные приветствия и завере-

ния, что мы делаем все от нас зависящее с тем, чтобы расширить все виды помощи Советскому Союзу в это кризисное время”⁵.

Складывалась почти парадоксальная ситуация. Большинство американцев, излечившихся от хронической болезни изоляционизма, показали, что они больше “католики, чем сам папа”. Президент, истративший массу энергии на то, чтобы убедить соотечественников в пагубности нейтралитета, нашел себя где-то в конце процессии, не рискуя сделать решающий шаг, хотя каждое его выступление фактически могло дать повод Гитлеру начать превентивную войну. В связи с реальной атакой немецкой субмарины U568 на другой американский эсминец “Кирни”, повлекшей жертвы, Рузвельт 27 октября 1941 г. выступил с одной из самых воинственных своих речей. “Америка подверглась нападению, – заявил он, – ...”Кирни” не просто военный корабль. Он принадлежит каждому мужчине, каждой женщине и каждому ребенку... Мы, американцы, покинули наши палубы и заняли места у орудий”⁶. Все ждали обращения Рузвельта к конгрессу с декларацией об объявлении войны. Ничего подобного не последовало. Ровно через три дня немцы потопили эсминец “Реубен Джеймс”. Погибло 115 моряков. И вновь Рузвельт уклонился от принятия мер возмездия, продолжая маневрировать в духе В. Вильсона. Америка формально оставалась нейтральной, вне войны. Ждали следующего “инцидента”?

И только 7 декабря 1941 г. после внезапного нападения японской авиации на американскую военно-морскую базу в Пёрл-Харбор на Гавайях США из нейтральной страны превратились в воюющую, причем в считанные дни число их врагов утроилось: 11 декабря 1941 г. войну Соединенным Штатам объявили Германия и Италия. Попытка Вашингтона оттянуть неизбежную войну с Японией путем урегулирования разногласий, в том числе и за счет интересов третьих стран, ничего не дала. “Умиротворение” агрессора и здесь, в Южной Азии и на Тихом океане, увенчалось трагическим фиаско. Из двух возможных (и ожидаемых) направлений удара (на Север или на Юг) Япония выбрала третье – на Восток, против США.

Эти события, а также разгром немецко-фашистских войск под Москвой сразу же поставили вопрос о коалиционной стратегии (и в узком и в широком смысле) в центр общественной полемики. Подписание в Вашингтоне 1 января 1942 г. Декларации Объединенных Наций, закрепившей в международно-правовом порядке военно-политический союз антифашистских государств, придало этой полемике особый смысл и значение. По сути столкнулись две линии, два подхода. Сторонники первого исходили из необходимости и возможности при максимальном напряжении сил достижения относительно скорой победы. Разгром гитлеровцев под Москвой показал, что в таком подходе не было ничего утопического. Сторонники другого предпочитали так называемую стратегию малых дел, ориентированную на затягивание войны и не предусматривавшую тесную коорди-

нацию военных усилий между США и Англией, с одной стороны, и Советским Союзом – с другой. Едва ли требуется специально доказывать, что последние руководствовались не столько военными, сколько главным образом политическими соображениями⁷.

После вступления США в войну водораздел между этими двумя подходами обнаруживал себя подчас в острой форме, и, чем дальше, тем больше его конфигурация и глубина определялись дебатами об открытии второго фронта в Европе. Сошлемся в этой связи на письмо А.А. Громыко в НКВД СССР от 14 августа 1942 г. “Вопрос о втором фронте в Европе, – говорилось в нем, – безусловно, волнует миллионы людей США. Обсуждение этого вопроса не сходит со страниц американской печати. Рабочие крупных городов США собираются на митинги, на которых выражают свое отношение к данному вопросу, выносят резолюции, призывающие правительство Рузвельта ускорить открытие второго фронта. Широкие массы населения видят и не могут не видеть, что открытие второго наземного фронта в Западной Европе означало бы ускорение разгрома гитлеровских армий и ускорение победы союзных государств”⁸. Как бы в подтверждение сказанного и в связи с 25-й годовщиной Красной Армии в Москву во Всесоюзное общество культурных связей с зарубежными странами поступила телеграмма от Альберта Эйнштейна. Он писал: “Исполненный высочайшего уважения и восхищения, я шлю мои искренние поздравления по случаю 25-й годовщины Красной Армии и Военно-Морского Флота, которые так эффективно обеспечили защиту выдающихся достижений советской культуры и индустрии и которые устранили смертельную опасность для будущего развития человеческого прогресса”⁹.

Была своя тогда понятная всем логика в том, что Рузвельт с согласия советского правительства командировал в Москву в сентябре 1942 г. лидера республиканцев У. Уилки. Цель поездки Уилки (в беседе с И.В. Сталиным 23 сентября 1942 г. он сказал, что, выполняя поручение президента, хочет “услышать от руководителей Советского правительства искреннее и откровенное мнение о том, в чем США еще недостаточно помогают СССР и что они должны еще сделать в этом направлении”)¹⁰ в понимании Рузвельта не ограничивалась теми задачами, которые они оба определили на встрече в Белом доме. Напутствуя своего бывшего опасного соперника на выборах 1940 г. перед отъездом в Советский Союз, Рузвельт втайне надеялся, что, сделав его своим представителем, он сумеет таким образом охладить пыл лидера республиканцев, выступавшего с требованием решительных военных действий, по всем направлениям, и побудить его не касаться по крайней мере временно, до очередных промежуточных выборов в конгресс в ноябре 1942 г., острую тему о втором фронте. В определении коалиционной стратегии Рузвельт колебался, испытывая давление с разных сторон. Но еще более важным было продемонстрировать

Сталину двухпартийный характер антинацистской внешней политики США, последовательность и неизменность симпатий к народам Советского Союза. Визит лидера республиканцев в Москву был призван также блокировать и активизацию военной оппозиции. Ее появление являлось тревожным фактом.

Военное сотрудничество с Советами вызывало неоднозначный отклик в военных кругах. Едва отгремела битва под Москвой, как заместителем начальника штаба сухопутных сил генералом Раймондом Ли для военных верхов был подготовлен специальный меморандум о советских вооруженных силах, содержащий как общие оценки, так и всякого рода рекомендации, предположения и т.д. Главная мысль была выражена весьма определенно: Советский Союз – “ненадежный” союзник, не исключена возможность его выхода из войны, потенциал Советских Вооруженных Сил невысок. И рядом с этим хвалебные оды в адрес вермахта, германской техники. Общий вывод: взаимодействие с СССР в рамках коалиционной войны имеет так много “но”, что практически неосуществимо и нежелательно. Тут же характерное признание в настороженности, которую порой проявляют в Москве к американским представителям, преодолению ее мешают очень серьезные причины. “С начала русско-германской войны, – говорилось в документе, – американская печать опубликовала ряд материалов, призванных подкрепить точку зрения, что какая-то часть американского общественного мнения надеется, что война закончится взаимным обескровливанием воюющих сторон (т.е. Германии и СССР. – *В.М.*). Понятно в связи с этим вполне логичное для русских руководителей предположение, что капиталистические государства, случайно (*sic!* – *В.М.*) ставшие партнерами Советского Союза в войне против Германии, будут оказывать Советскому Союзу лишь ограниченную помощь с тем, чтобы как можно дольше удерживать его в войне в качестве противника рейха”¹¹.

В самой администрации по этим вопросам также не было единодушия. Наиболее последовательную позицию по вопросу об открытии второго фронта и координации военных усилий США, Англии и СССР занимал Г. Гопкинс. Державший в своих руках все приведенные в действие рычаги программы ленд-лиза, он решительно отклонял доводы тех в политических кругах США, кто считал, что технико-экономический вклад Америки в коалиционную войну позволяет им держать дистанцию от полей сражений. Поставки в СССР в рамках ленд-лиза, налаженные только в начале 1942 г., не покрывали и малой доли тех безмерных затрат человеческих и материальных ресурсов, которые ежедневно и ежечасно приносил в жертву народ СССР во имя общей победы над фашизмом. Гопкинс находил смешным и вредным утверждения некоторых вчерашних противников ленд-лиза о том, что “Гитлера можно поколотить” одним лишь превосходством в военной технике и наращиванием производства¹².

Рузвельт соглашался со своим помощником, но делал это порой нехотя, тут же поворачивая разговор в другое русло. Однако ранней весной 1942 г. под влиянием нараставших требований американской общественности активизации военных усилий США и Англии на европейском театре военных действий и сообщений о сложившемся трудном положении на советско-германском фронте он начал склоняться к идее ускорения открытия второго фронта, хотя хорошо понимал, что армия в 1942 г. к этому была не готова.

В Вашингтоне, Белом доме, государственном департаменте, военном ведомстве лучше стали представлять реальную картину после того, как вермахт, начав со стремительного марша в глубь советской территории, к ноябрю 1941 г. увяз в заснеженных полях Подмосковья, под Ленинградом и на Дону. Красная Армия держала оборону на Восточном фронте, который выполнял и другую функцию.

В годы Первой мировой войны России осенью 1914 г. тоже было нелегко, но изначально существовал и стойко держался Западный фронт. В годы Второй – в самое тяжелое время 1941 и 1942 гг. – немцы могли не опасаться за свой тыл на Западе. Ветеран американской дипломатии, работавший с В. Вильсоном, заместитель государственного секретаря США Брекенридж Лонг записал в дневнике 28 апреля 1942 г.: “Россия взяла на себя главную тяжесть войны в Европе, сражаясь и за себя и за союзников”¹³. Но ситуация оставалась очень опасной. Можно было ожидать чего угодно – разгрома и поражения Красной Армии, капитуляции Москвы, заключения ею сепаратного мира с Германией.

Рузвельт, проникаясь тревогой за неокрепшую коалицию, высказывался за необходимость скорого открытия второго фронта. Вот почему с такой охотой он ухватился за возможность встречи со вторым лицом в советском руководстве. Само значение приезда Молотова в Вашингтон (29 мая – 5 июня 1942 г.) было чрезвычайно велико, где-то на уровне исторического визита специального помощника Рузвельта Гарри Гопкинса в Москву в июле 1941 г. И риск произвести друг на друга невыгодное вплоть до неприязни впечатление также был соответственно велик. Впервые в столицы США и Англии с дружественным визитом явился не просто посланец и доверенное лицо Сталина, но человек, общавшийся на коротке с Гитлером и его окружением и хуже того подписавший с ними, как считали на Западе, соглашения о дележе добычи, развязавшие руки агрессору. “Мистер Браун” (этим именем с целью конспирации и непривлечения внимания прессы было принято называть Молотова среди официальных лиц в США) поначалу заставлял думать о себе и англичан и американцев как о человеке совсем иной культуры – несговорчивом, аскетичном, суровом и прямолинейно статичном.

Заметим, что начало переговоров действительно не предвещало их в целом успешного завершения. Англичане и американские дипломаты в Лондоне (сразу после прилета советского наркома в Ан-

глию 21 мая 1942 г.) успели информировать Белый дом об особой манере Молотова держаться – сдержанно-неприступной и не уклоняющейся ни на шаг от поставленной перед ним задачи. Связать союзников соподчинением их военного планирования подготовке открытия второго фронта на европейском ТВД и выжать максимум возможного по вопросу о западной границе СССР – так формулировалась первоначально эта задача¹⁴. С тем, чтобы не дать образоваться наледи, Рузвельт прибегнул к апробированному им и оправдавшему себя методу – устройству “разъясняющих” собеседований прибывшего в столицу США Молотова с Гарри Гопкинсом, в чьи способности убеждать он верил безгранично. Таких бесед Молотова и Гопкинса вне официального формата вашингтонских переговоров состоялось две. В их ходе Гопкинс подсказал своему vis-a-vis, как легче гарантировать успех визита с учетом хитросплетений американо-английских контактов в связи с военным планированием на 1942–1943 гг., а главное, как правильно сориентироваться во внутреннем американском балансе сил, выступающих за и против тесного советско-американского военного сотрудничества.

Однако по версии, которой Молотов поделился в ходе многих бесед с Ф. Чуевым более чем через четыре десятка лет, он совершенно не нуждался в этих пояснениях и советах. Редчайший случай в истории теневой дипломатии военного времени: оба высоких переговорщика (Рузвельт и Молотов) стремились к одной и той же цели – к изложению в “итоговом документе” декларации о намерениях без учета технических и прочих обязывающих США и Англию действовать незамедлительно важных подробностей. Один, отчетливо видя трудности ускоренной подготовки гигантской операции по высадке армии вторжения союзников в Северной Франции и утомительного согласования (прежде всего с Лондоном) всех военных, дипломатических и политических составляющих этой операции, продемонстрировал принципиальное положительное отношение к открытию второго фронта, а другой, как это не покажется удивительным, стремился добиться политических и моральных дивидендов для Москвы, воспользовавшись декларативностью и неконкретностью обязательств по второму фронту в итоговом документе. Кремль рассчитывал в случае срыва договоренности о втором фронте в 1942 г. иметь развязанными руки для маневра в рамках советско-американского диалога, особенно в таких чувствительно важных сферах, как экономическая помощь, отношения СССР с Японией, послевоенное урегулирование и (главное) вопрос о западных границах Советского Союза.

В изложении Молотова–Чуева проведенные советским наркомом вашингтонские переговоры (имевшие продолжение уже в ходе состоявшегося в августе 1942 г. визита У. Черчилля в Москву) выглядят совсем не как обычная рекогносцировка перед “сваливанием в штопор” в советско-американских и советско-английских

отношениях в связи с затяжкой открытия второго фронта, а (достаточно неожиданно) как расчетливый итог дипломатии “отложенного спроса”¹⁵.

Базирующиеся на документах новейшие труды ряда исследователей показывают, что трактовать невыполнение важнейшего пункта согласованного правительствами США и СССР советско-американского коммюнике от 12 июня 1942 г. о создании второго фронта в Европе в 1942 г. как подведение самого большого фугаса под еще не устойчивую конструкцию межсоюзнических отношений было бы, скорее всего, натяжкой¹⁶. Все участники встречи в Вашингтоне достаточно трезво оценивали сложившееся положение с возможностью организовать высадку больших сил на Европейском континенте в 1942 г. и последующим развитием успеха в масштабах фронтовой операции, хотя бы на подобие действий британского экспедиционного корпуса на северном участке Западного фронта в августе 1914 г. Немцы и их союзники неплохо подготовились к десантным операциям противника, их части оставались хорошо укомплектованными и боеспособными. Все это означало, что, осуществив удар с запада по вермахту, в 1942 г. можно было рассчитывать только на мимолетный психологический эффект с непредсказуемыми последствиями, скорее всего плачевными.

В глубине души Рузвельт понимая, как опасен риск опрометчивых решений, не позволил себе вместе с тем в беседах с Молотовым дать ему усомниться в его, Рузвельта, готовности обеспечить тыл коалиции, ее превосходство в ресурсном обеспечении и вооружениях. Одновременно ставилась задача в кратчайший срок достигнуть главной цели – стать в военном отношении первой державой среди воюющих стран. Разворачивающиеся интенсивно секретные работы по созданию сверхбомбы – атомного оружия – внушали оптимизм, а вместе с ним уверенность в том, что США уже никогда не отдадут “подавляющего превосходства” в этой области. “Победить в войне и уже не дать проиграть мир”, – так формулировалась Рузвельтом доктрина безопасности весной и летом 1942 г. Непрерывно следовавшие одна за другой военные миссии американских высших чинов на все континенты свидетельствовали, что США намерены перейти на рельсы дипломатии с опорой на превосходящую военную мощь и на военное присутствие США во всех частях света, на суше и на море. Одной из первых таких стратегических военно-политических миссий была поездка Гопкинса и генерала Дж. Маршалла в Англию в начале апреля 1942 г. В послании Сталину от 12 апреля 1942 г., информируя советское руководство о миссии Гопкинса, Рузвельт писал, что речь идет об использовании американских “вооруженных сил таким образом, чтобы облегчить критическое положение на Вашем Западном фронте”¹⁷. Понятие “арсенал демократии” наделялось расширительным смыслом. Миссия спасения, пожалуй, более всего отвечало его сути.

Прилетев в Лондон 8 апреля 1942 г. для ведения переговоров с Черчиллем по поводу выработки совместной военной стратегии, Гопкинс уже при первой же рабочей встрече с премьер-министром подчеркнул “желание Соединенных Штатов взять на себя большой риск с целью облегчить давление на Россию”. Согласно записи Гопкинса, Черчилль “исключительно серьезно” отнесся к этому заявлению, не преминув, однако, заметить, что прежде он не принимал “всерьез наши предложения”¹⁸. Это был многозначительный намек и одновременно предостережение посланцам Вашингтона: в Лондоне знают о разногласиях в американском правительстве по вопросу об открытии второго фронта в Европе, о колеблющейся позиции самого президента и не собираются уступать без серьезных дипломатических сражений. У Черчилля нашлось много причин (и очень серьезных) решительно возражать против ускорения подготовки к открытию второго фронта в Европе.

Гопкинс искал контршансы в этой игре, но не был слишком настойчив. Более того, он проявил несвойственную ему уступчивость во время решающей встречи 14 апреля на заседании английского военного кабинета, а в кратком (и единственном) выступлении сделал оговорки, которые были только на руку Черчиллю, пылко развивавшему идею о преждевременности разработки конкретного плана вторжения на Европейский континент. Заявив о готовности США “внести самый большой вклад” в создание второго фронта в 1942 г., Гопкинс вместе с тем высказался в том смысле, что решающее слово принадлежит Англии¹⁹. Между тем все (и Гопкинс тоже) сидевшие в зале заседаний на Даунинг-стрит, 10 понимали, что согласия Англии не будет, а будут разговоры о согласии²⁰. Гопкинс смолчал и тогда, когда Иден потребовал держать в тайне содержание американо-английских переговоров в Лондоне от русских, несмотря на “давление” Майского²¹.

В Лондоне Гопкинс, Маршалл и адмирал Э. Кинг еще вели переговоры, когда 11 апреля, направив специальное послание И.В. Сталину, Рузвельт пригласил советскую делегацию во главе с В.М. Молотовым в США для ведения переговоров о втором фронте в Европе²². В опубликованном 12 июня 1942 г. совместном советско-американском коммюнике говорилось: “При переговорах была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.”. Во время обсуждения текста коммюнике генерал Маршалл настаивал на том, чтобы опустить упоминание о 1942 г., однако Рузвельт отказался это сделать²³. Одновременно в разговорах с В.М. Молотовым (“прекрасным собеседником”) президент просил советское правительство согласиться на уменьшение почти вдвое поставок по ленд-лизу с тем, чтобы сконцентрировать все силы на подготовке вторжения во второй половине 1942 г.²⁴

Несмотря на то что в трудных дебатах вырабатывались формулировки коммюнике, давались заверения, обговаривались важные

детали подготовки вот-вот готовой начаться операции “Раундап” (высадка в Северной Франции), это оставалось всего-навсего фантомом, по крайней мере в части, касающейся самого главного – открытия второго фронта в 1942 г. Как оказалось, ничего, решительно ничего, кроме желания “приободрить”, “обнадежить” союзника, за всем этим не стояло. Многие историки после войны ломали голову, пытаясь объяснить, что бы это значило? Г. Фейс предложил такое объяснение: Рузвельт пошел на эту мистификацию с приглашением В.М. Молотова исключительно ради того, чтобы соблазном скорой полномасштабной военной помощи оставить поставленный Москвой вопрос о послевоенных границах открытым. Но с этим трудно согласиться. Едва ли Рузвельт таким примитивным способом хотел вынудить Сталина внять призыву не обсуждать вопрос о границах с учетом их изменений после 1939 г. до завершения войны. Более правдоподобно другое. Президент всегда обладал подкупающим даром внушать оптимизм в любой безнадежной ситуации. Беседы с Молотовым открывали второй фронт, если не по факту, то виртуально, на штабных картах, в подсчетах снабженцев и в умах русских людей, готовых поверить в его реальность. В принципе (хотя никто этого не признавал) обе стороны, как выясняется в наше время, такой подход устраивал.

Ниже мы еще вернемся к выяснению причин переменчивости линии Рузвельта в ключевом вопросе межсоюзнических отношений. Сейчас же отметим, что к августу 1942 г. было уже довольно много признаков того, что общая договоренность о подготовке вторжения в Европу в 1942 г., достигнутая в июне, останется не больше чем добрым пожеланием. И в Лондоне, и в Вашингтоне приложили немало сил, чтобы реанимировать стратегический план ведения войны на истощение. Неудивительно, что оптимизм, который еще в отдельных случаях продолжал высказывать Гопкинс, был одобрен изрядной дозой скепсиса. Мог ли он не знать, с каким упорством в военных и финансово-промышленных кругах сторонники доктрины “англосаксы должны управлять миром” добиваются своего, считая курс Рузвельта в отношении Советского Союза недостаточно жестким и излишне толерантным?

Информация о разногласиях среди главных участников антигитлеровской коалиции (особенно в отношении западных границ СССР) “просочилась” в прессу, вызывая опасность распространения ядовитых споров в общественной атмосфере страны. Рузвельт решил не отдавать инициативу силам, способным обрушить с таким трудом созданный альянс “странных сожителей”. Секретные опросы общественного мнения показывали, что накануне выборов в конгресс осенью 1942 г. утрата такой инициативы могла бы сильно подорвать позиции администрации. Вот почему, когда в середине июня 1942 г. (сразу после отъезда Молотова) Гопкинс получил приглашение от устроителей большого митинга в Нью-Йорке выступить на встрече,

посвященной второй годовщине со дня начала Великой Отечественной войны советского народа, президент отнесся к этому благожелательно. Это было единственное в своем роде большое публичное выступление Гопкинса за все время войны. Тысячи людей, торжественная и волнующая обстановка, свет направленных на трибуну юпитеров... Гопкинс давно избегал появления на подобных многочисленных собраниях. Но президент и его помощник решили, что этот случай упускать нельзя²⁵. Речь Гопкинса, эмоциональная и яркая, оказала важную услугу движению солидарности с народами Советского Союза. Джозеф Дэвис в восторженном письме Гопкинсу от 23 июня назвал ее "превосходной". "Каждый ее параграф, – писал он, – был начинен динамитом и проникнут духом борьбы с нацизмом. Это обстоятельство обеспечит ей горячий прием и в России, и в США"²⁶. "Я в самом деле очень рад был узнать, – ответил ему Гопкинс, – что Вы нашли мою речь полезной во всех отношениях"²⁷. Однако вопрос о втором фронте в речи Гопкинса был преподнесен в чисто общей форме.

17 июля 1942 г. Гопкинс вновь в Англии в связи с началом нового раунда переговоров о совместной военной стратегии на 1943 г. Оставляя на этот раз Вашингтон, Гопкинс знал, чем они кончатся. Позиция Черчилля была ясна, а детальные инструкции президента лишали Гопкинса свободы для маневра. (В случае отказа англичан от высадки в Европе Гопкинсу, Маршаллу и Кингу надлежало согласовать план совместной операции в Северной Африке.)²⁸ На этот раз и Джордж Маршалл был настроен куда более примирительно к доводам английского командования. В довершение всего 24 июля 1942 г. Рузвельт прислал на имя Гопкинса, Маршалла и Кинга телеграмму, в которой уведомлял их о своем решении окончательно отказаться от подготовки вторжения в Европу в 1942 г. и о необходимости выбирать между планом "Джимнаст" (Северная Африка) и военными усилиями на Ближнем Востоке²⁹. В тот же день Гопкинс телеграфировал президенту, что стороны согласились на "Джимнаст". Задерживаться в Лондоне не имело смысла, и Гопкинс затопился домой.

Результаты лондонских переговоров означали, что правительство Англии и США не только пересмотрели свое решение подготовить открытие второго фронта в 1942 г., но и вообще отодвигали высадку во Франции через Ла-Манш на неопределенный срок. Для этого внезапно возникшего англо-американского консенсуса были видимые, лежащие на поверхности причины и невидимые, скрытые, о которых сообщалось в печати, но было не принято упоминать в официальных речах и заявлениях. К первым следует отнести ставшую очевидной военно-техническую неготовность западных союзников к широкомасштабной высадке на Европейском континенте. Ко вторым – нестабильность на советско-германском фронте, его откат к Волге и Северному Кавказу и, как следствие этого, ожида-

ния краха Восточного фронта и, возможно, сепаратного мира Сталина с Гитлером. Еще одним “против” было чувство настороженности в отношении постоянного возвращения Москвы к вопросу о признании западных границ СССР в том виде, в котором они ей “представляются желательными” (т.е. с включением в состав СССР Прибалтики, Бессарабии и Буковины)³⁰. Содействовать Москве в решении этого деликатного вопроса с позиции силы ни Вашингтону, ни Лондону не хотелось. Вопрос о послевоенном устройстве мира (как и в годы Первой мировой войны) таким образом вторгся в военно-стратегическое планирование.

27 июля 1942 г. Рузвельт сообщил Черчиллю в шифровке, что он “очень счастлив” результатом лондонской встречи американских и английских представителей и полагает, что она знаменует “поворот” в войне³¹. По поводу того, насколько искренен был президент, можно только строить предположения. Что же касается Гопкинса, то его настроения были далеки от приподнятости. Он сознавал обоснованность тревоги, которую испытывала значительная часть общественности в связи с новыми уклонениями правительств США и Англии от выполнения взятого ими обязательства открыть второй фронт в Европе в 1942 г.³² Все большее беспокойство внушали ему и попытки Черчилля ограничиться чисто символическими жестами вместо реального военного сотрудничества с Советским Союзом в критический момент, которому действительно суждено было стать рубежным в истории Второй мировой войны. Шла великая Сталинградская битва, и то, что предлагалось англичанами в качестве мер военного взаимодействия с союзником на Востоке, Гопкинсу представлялось “абсолютно недостаточным”. Трезво оценивая обстановку и состояние советско-американских отношений, Гопкинс в сентябре 1942 г. в телеграмме Рузвельту, находившемуся в инспекционной поездке по стране, высказался в пользу неукоснительного выполнения обязательств по “плану Болеро” (подготовка высадки во Франции через Ла-Манш) с тем, чтобы быть готовыми “драться” с немцами большими силами уже весной 1943 г.: “... я считаю, — заключал он, — что только это даст эффект...”³³

Героическая оборона Сталинграда вызвала восхищение и признание как в Америке, так и в Англии. Движение за укрепление солидарности и военного сотрудничества с Советским Союзом, за открытие второго фронта достигло большого размаха. Сталинградская битва доказала всему миру назревание здесь, на Восточном фронте, общего перелома в войне. Разгромив гитлеровцев под Сталинградом, Красная Армия сделала недостижимыми поставленные ими конечные цели в войне³⁴. Правда, далеко не всем это неожиданное “преображение” толпы “в шинелях” принесло удовлетворение. Последовавшее вслед за тем контрнаступление советских войск оживило предчувствие новой опасности. Именно к этим кругам

апеллировали геббельсовская пропаганда и секретные службы нацистского рейха, ухватившиеся за тезис о “странном союзе”. Рузвельт ответил “на эти панические попытки” общей декларацией о верности правительства США идее единства Объединенных Наций и “бескомпромиссной политике” безоговорочной капитуляции Германии³⁵. Президент видел в политике Кремля преимущественно националистическое начало, прагматизм, и уже потом идеологию и коммунистическую экспансию.

Как избежать “нехорошего мира”? Идея коалиционной войны, согласия между союзниками имела много сторонников в лице антифашистской общественности, видных государственных и политических деятелей в правительстве, конгрессе, обеих ведущих партий, представителей деловых кругов, которые внесли огромный вклад в создание “арсенала демократии”. У нее было и немало противников, использовавших самые разные рычаги и каналы, чтобы либо торпедировать, либо ослабить сотрудничество великих держав, помешать им принять согласованные решения в отношении ведения военных действий и послевоенного мира. По мере усиления ударов советских вооруженных сил по вермахту они все более склонялись к мысли, настойчиво внушаемой им извне, из кругов, близких к верхушке “третьего рейха”, что достижение сепаратного соглашения к обоюдной выгоде как Германии, с одной стороны, так и США и Англии – с другой, не только возможно, но и диктуется жизненными интересами “спасения западной цивилизации” от “советской угрозы”. Голосам “с той стороны” в США внимали особенно жадно в тех кругах, в которых внутривластный и в особенности внешнеполитический курс Рузвельта всегда вызывал недовольство, ропот и всякого рода опасения, вплоть до самых фантастических и абсурдных. Тайный зондаж с германской стороны подогревал надежды добиться изменения этого курса, приведения его к компромиссной формуле сепаратного мира западных держав с Германией и возвращения к ситуации 1938 г.³⁶

На вопрос о том, как далеко простирались эти замыслы и как глубоко заходили эти тайные контакты, еще предстоит дать исчерпывающий ответ. Не все факты и архивные материалы доступны сегодня и будут доступны завтра историкам, тем не менее часть из них удостоверяет, что заметная роль в этом принадлежала Управлению координатора по вопросам информации, а затем пришедшему ему на смену Управлению стратегических служб (УСС) – внешней разведки, созданной летом 1941 г.³⁷ Функции УСС были многообразны, по большей части они касались поддержания контактов с проамерикански или проанглийски настроенной оппозицией в странах “оси”, подключения ее к различного рода планам “досрочного” окончания войны устранением Гитлера и Муссолини, создания на территориях, оккупированных Германией, очагов сопротивления и т.д. Параллельно возникло и другое направление.

В дипломатической службе США было много влиятельных фигур, которые резко отрицательно встретили призыв Черчилля, а затем и Рузвельта после нападения Гитлера на Советский Союз оказать ему “моральную поддержку как союзнику в борьбе за демократию”. Известный американский историк У. Кимболл в связи с этим приводит выдержку из письма Джорджа Кеннана (его война застала на посту советника американского посольства в Берлине) Лою Гендерсону, в котором Кеннан высказывался крайне негативно в отношении сближения с Советским Союзом в духе предложения Черчилля, поскольку, как утверждал Кеннан, Кремль запятнал себя коварством, вероломством и пренебрежением к принципам права, захватом Прибалтики, посягательством на независимость Финляндии, разделом Польши. Письмо из Берлина ушло 24 июня 1941 г. “Такое осуждение советского аморализма, – продолжает Кимболл, – если бы оно было воспринято в качестве основы американской политики, только бы усилило опасения русских, что Англия и Соединенные Штаты сделают в 1941–1942 гг. примерно то же, что СССР сделал в 1939 г.: т.е. пошел на примирение с Гитлером в тот момент, когда германская армия была скована на Западном фронте”³⁸. К замечанию Кимболла следует отнестись со всем вниманием, поскольку сам он считал эти подозрения небеспочвенными. И в самом деле вторжение спецслужб в сферу межсоюзнических отношений было весьма значительным и проявлялось в разных формах.

По мере развертывания разведывательных служб США в их деятельности все сильнее начинал сказываться комплекс опасений, испытываемых многими людьми во властных структурах США в отношении будущего капиталистического строя в странах Европы. Эти настроения находили отражение в военном руководстве и в политических верхах. Суть их выражалась в следующем: Соединенным Штатам не следует доводить дело до полного краха фашистского режима в Германии в войне на два фронта, стремясь сохранить его в качестве заслонного вала от “угрозы русского большевизма” и опоры традиционных порядков в Европе на весь трудный период перехода от войны к миру. Для этого самым пригодным методом могли быть, как считали в этих кругах, тайный зондаж, изучение взаимных претензий друг к другу и нахождение взаимоприемлемого компромиссного решения. Однако резкое осуждение, которым широкие слои американской и мировой демократической общественности встретили соглашение генерала Эйзенхауэра, командующего союзными войсками в Северной Африке, со ставленником возникшего после капитуляции Франции вишистского режима коллаборационистом Дарланом о признании его главой военной администрации на территории французской Северной Африки (22 ноября 1942 г.), показало, насколько непопулярной может стать сделка с верхушкой “третьего рейха”. “Приход Дарлана в Северную Африку, – писал Шарль де Голль, – при поддержке амери-

канцев вызвал всеобщее негодование”³⁹. Критика в самих Соединенных Штатах, отмечал Р. Шервуд, была столь суровой и значительной, что Г. Гопкинс, С. Розенман и он сам настояли на том, чтобы Рузвельт сделал специальное заявление для печати о “временном” характере этого соглашения⁴⁰.

Тем не менее независимо от того, что думали по этому поводу Гопкинс, Розенман или кто-либо другой, пробные попытки наладить тайные каналы связи между Берлином и столицами подвассальных ему государств, с одной стороны, Вашингтоном и Лондоном – с другой, не прекращались. Со стороны Германии и ее союзников такие попытки предпринимались начиная с конца 1941 г. Они участились в 1942 г.⁴¹, хотя еще годом раньше, сразу же после поражения под Москвой, среди высших офицеров и генералов вермахта, некогда преданных Гитлеру, появились такие, кто считал, что затягивание войны неизбежно приведет к военной катастрофе. Они искали выхода из создавшегося положения. Схожие настроения распространялись и в руководстве разведывательной службы (абвер), и в дипломатическом ведомстве Германии⁴². В своих расчетах на будущее определенные надежды на распад антигитлеровской коалиции и сепаратный сговор с западными державами стали возлагать и германские крупные промышленники, приведшие к власти Гитлера, но опасавшиеся полного краха “нового порядка”. Характерно, что еще 25 июля 1942 г. Ф. Рузвельт в шифровке Гопкинсу, находившемуся тогда в Лондоне, посчитал нужным сообщить об информации, полученной им из агентурных источников в Мадриде и свидетельствующей о контактах англичан с президентом Рейхсбанка Ялмаром Шахтом “на предмет зондажа мирного соглашения между Великобританией и Германией”⁴³.

В исторической литературе (русской и в зарубежной) уже освещался вопрос о планах Шелленберга–Гиммлера о подготовке “запасной позиции” на тот случай, если потребуются искать компромисс с западными державами путем торга на антисоветской основе и за счет интересов больших и малых стран Европы (включая Францию и Италию), оккупированных гитлеровцами или находившихся в зависимости от Германии. Эти планы обсуждались еще летом 1942 г. Они предусматривали смещение Риббентропа (жест, приглашающий Запад к примирению) с поста министра иностранных дел и тайное наведение мостов между Берлином и Лондоном в первую очередь⁴⁴. Для этого Шелленберг и Гиммлер использовали неоднократно испытанный лаз во внешний мир – территорию нейтральной Швейцарии⁴⁵, где при посредничестве руководства швейцарских спецслужб осуществлялись регулярные контакты английских представителей и Аллена Даллеса, главы резидентуры УСС в Швейцарии, как с подпольным движением сопротивления в Германии, так и с нацистскими агентами⁴⁶. Со временем появились новые каналы, прежде всего через Турцию, которая занимала выгодное стратеги-

ческое положение, находясь в центре пересечения военно-политических интересов воюющих держав. Джордж Аллен, глава Ближневосточного отдела госдепартамента, сообщал 18 марта 1942 г. послу США в Анкаре: “Я считаю, что американское посольство в Анкаре сейчас – самый важный пункт для наших интересов...”. Посол США Штейнгардт хорошо знал, о чем шла речь: активность СССР в движении сопротивления на Балканах и Среднем Востоке вызывала нарастающую тревогу. В УСС в связи с этим в мае 1942 г. возникла даже идея инициировать протест Москве от лица госдепартамента. Поводом послужили опасения чрезмерного усиления влияния Москвы в Югославии и Иране с помощью подконтрольных ей коммунистических партий⁴⁷.

Отлично осведомленные о расчетах США и Англии, стремившихся втянуть Турцию в орбиту своего влияния и использовать ее в качестве плацдарма для проникновения на Балканы, сторонники сепаратной сделки в верхушке “третьего рейха” ухватились за идею розыгрыша балканской карты в торге с западными державами. Жупел “красной опасности” и “анархии” должен был служить чем-то вроде пароля, открывающего двери к сговору. Нацистские эмиссары вели поиск своих контрагентов не вслепую. По части установления тайных контактов с верхушкой стран “оси” спецслужбы США с начала войны накопили солидный опыт и целый арсенал разнообразных средств и приемов. Их самостоятельность и полномочия в этой сфере были оговорены специальным регламентом. Разъясняя позицию госдепартамента на этот счет, Корделл Хэлл в меморандуме послу США в Турции Л. Штейнгардту от 13 марта 1943 г. сообщал, что дипломатическое ведомство США положительно отнесется к такого рода деятельности спецслужб, если при этом не будут “искажены” мотивы США в рамках общих усилий, направленных на разгром врага⁴⁸. В мае 1943 г. А. Бёрл, заместитель госсекретаря, курировавший разведывательные службы, в специальном секретном послании Штейнгардту подтвердил это указание и полномочия посольства США в Анкаре в качестве координатора вербовки агентов из числа граждан стран “оси”⁴⁹.

С самого начала оперативно сформированные и укомплектованные талантливыми профессионалами спецслужбы США не ограничивались пассивной ролью рецептора информации, поступавшей к ним из стана врага, постоянно проявляя инициативу в целях установления связи с отдельными представителями правящей верхушки стран “оси”. Соблазн не упустить свой шанс подтолкнул директора ФБР Эдгара Гувера одним из первых запустить пробный шар в этом направлении. В бумагах Гопкинса хранится секретное послание Гувера о его беседах с представителем абвера, вызвавшимся служить связным между “германской оппозицией” и западными союзниками, которое Гувер отослал на имя специального помощника президента (с явной надеждой “пробудить к нему интерес” самого президента) в

конце сентября 1943 г. Повторное напоминание о заманчивых предложениях высокопоставленного “пленного”, агента адмирала Канариса, последовало от Гувера 29 января 1944 г., в момент подготовки высадки в Северной Франции (операция “Оверлорд”). Оба, и президент, и Гопкинс, воздержались от выражения своего отношения к инициативе директора ФБР⁵⁰. Мы еще остановимся на особых политических мотивах, которыми руководствовались тогда президент и его специальный помощник, поступая таким образом. Но, по-видимому, свою роль здесь сыграло нежелание расширять участие ФБР в тайных операциях, контроль над которыми было решено отдать в руки быстро завоевавшей ведущее место среди правительственных ведомств особой службы внешней разведки во главе с генералом У. Донованом – УСС.

Дополняющие друг друга Управление стратегических служб (УСС) и Управление военной информации (УВИ) создали хорошо оснащенных и имеющую широкую резидентскую, агентурную и вспомогательную сеть на территории Европы и на других континентах. УСС посредством этой сети тесно взаимодействовало с антигитлеровской оппозицией внутри Германии⁵¹. Но закулисная игра, которую вело УСС, простиралась дальше берлинской цитадели нацизма. Ввиду того значения, которое придавали Балканам в своих стратегических планах США и Англия, разведывательный центр в Турции было решено превратить в базу оперативного руководства по осуществлению безымянной акции в огромном ареале, охватывающем территорию ряда стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Цель акции – просачивание, внедрение и подчинение англо-американскому контролю подпольных движений сопротивления и оппозиционных групп в этих странах и побуждение видных деятелей в правящих верхушках Германии, Болгарии, Румынии и Венгрии к ведению сепаратных мирных переговоров с Западом. Разведцентр в Турции действовал под эгидой так называемого Анкарского комитета, консорциума американской и английской секретных служб на Ближнем Востоке и на Балканах⁵². Как это явствует из официальных документов Управления стратегических служб, в его задачу входила координация всех усилий, направленных на последовательное выключение из войны стран фашистского блока на условиях, отвечавших прежде всего интересам глобальной военно-политической стратегии США⁵³.

Создание агентурной сети в Турции американскими спецслужбами относится к лету 1942 г. С весны 1943 г. она была значительно расширена, получив из США солидное подкрепление, использовавшее в качестве официального прикрытия дипломатическую службу, коммерческие фирмы, корпункты⁵⁴. Посол США в Анкаре Л. Штейнгардт (бывший посол США в Москве) уже летом 1942 г. в своих беседах с представителями неких нейтральных стран касался вопроса о шансах достижения “компромисса” с Германией⁵⁵. Разуме-

ется, он был не только хорошо осведомлен об особой миссии американских разведчиков в Турции, но и всемерно содействовал их прямому патрону, помощнику военно-морского атташе США Джорджу Эрлу, в руководстве осуществлением этой миссии⁵⁶.

Джордж Эрл не был простым статистом и дилетантом, за которого его вначале приняли руководители службы абвера в Турции⁵⁷. Под личиной завсегдатая злых мест, кутилы и дебошира скрывался опытный разведчик и политик, близко знавший Рузвельта и пользовавшийся доверием президента еще с начала 30-х годов. Филадельфийский богач, видный сподвижник ньюдиллеров, бывший губернатор Пенсильвании и посол США в Австрии, Эрл до прибытия в Турцию некоторое время служил в Болгарии в качестве американского посланника при режиме царя Бориса (1940–1941 гг.), чьи идеи о возрождении “духа Мюнхена”, о сговоре с западными державами⁵⁸, возможно, во многом были, навеяны беседами с заокеанским советником. Направляя Эрла в качестве своего личного представителя в Турцию, Рузвельт хотел быть в курсе всех изменений в настроениях царя Бориса и рассчитывал, что Эрл найдет способ не только восстановить болгаро-американские контакты, но и повлиять на обстановку в Восточном Средиземноморье и на Балканах в том направлении, которое бы соответствовало видам США. Стратегия США в этом обширном регионе, входившем в ареал деятельности резидентуры Соединенных Штатов в Анкаре, определялась сложными соображениями. Но в обобщенном виде, воспользовавшись формулировкой известного балканиста Н.Д. Смирновой, ее можно выразить в следующих словах: «Вытеснение империалистических конкурентов из района, который постепенно стал рассматриваться в качестве сферы национальных интересов США, сочеталось в этот период с набиравшей силу так называемой политикой “сдерживания коммунизма”...»⁵⁹.

Обосновавшись в Стамбуле в конце января 1943 г., Эрл с усердием и без промедлений принялся за дело. В начале февраля он сообщал в шифровке Гопкинсу о встрече с человеком, которого называл “нацистским агентом”. Им был Мацхольд, живший некогда в США и тесно связанный с разведслужбами Германии и ведомством Риббентропа. Пользуясь тем, что они знали друг друга давно, Мацхольд, не таясь, развернул перед Эрлом заманчивые картины полюбовного соглашения между “третьим рейхом”, США и Англией в интересах организации отпора “русскому коммунизму”⁶⁰. Та же тема затрагивалась в секретных переговорах Эрла с фон Папеном, германским послом в Анкаре⁶¹. Своевольная и раскованная манера Эрла вести себя в деликатных ситуациях вызвала беспокойство и даже раздражение в Вашингтоне, но посол Штейнгардт постарался сгладить невыгодное впечатление, указав в специальном послании Гопкинсу, что Эрл “может быть исключительно полезен в установлении контактов с представителями Балканских стран, и в особенности Болгарии...”⁶².

Тучи над головой Эрла рассеялись, однако ему дали понять, что главные усилия он должен сосредоточить на расширении американского политического влияния на Балканах, не позволяя легко втягивать себя в требующие особой осмотрительности и учета всех слагаемых дипломатической и военной обстановки рискованные операции. Эрл показал, что он умеет быть исполнительным. Для достижения поставленной цели им были использованы различные средства, старые и новые. Хотя бесцеремонность и напористость Эрла и его коллег во многих случаях приводили к трениям с англичанами, этим в Вашингтоне считали возможным пренебречь: соперничество секретных служб США и Англии становилось общим явлением на Балканах⁶³.

Весьма острые формы это соперничество приняло в той же Болгарии, стоящей на пороге внутреннего кризиса и краха монархического режима. Чувствуя приближение неминуемой развязки, секретные службы США и Англии прилагали максимум усилий, чтобы установить свой контроль за событиями, оспаривая в то же время друг у друга лидерство в осуществлении операции по спасению капитализма в Болгарии от коммунизма. Эрл в донесениях в Вашингтон с оттенком самодовольства сообщал: ему удалось перехватить у англичан инициативу, вызвав у них крайнее раздражение и опасения, что его “переговоры с болгарскими (представителями царя Бориса. – В.М.) и рекомендации, с которыми может посчитаться Вашингтон”, помешают англичанам вести их собственную игру⁶⁴. Основная идея Эрла состояла в следующем: США должны оказывать всяческую поддержку царю Борису, но делать это самостоятельно, не прибегая к содействию и посредничеству англичан, так как те окончательно утратили доверие на Балканах и в странах Ближнего Востока. Народы этих стран, сообщал он Гопкинсу 2 апреля 1943 г., “считают, что подпись англичан под Атлантической хартией ничего не меняет, все равно они вновь будут пытаться в будущем восстановить свой абсолютный эгоистический контроль над ними”⁶⁵. Следовательно, делал вывод Эрл, США должны остерегаться быть скомпрометированными тесным сотрудничеством с англичанами с их имперскими амбициями.

Вопрос о том, как втянуть болгарские правящие круги в орбиту американского влияния и тем самым содействовать реализации американской модели, Эрл считал ключевым для будущего американской политики на Балканах⁶⁶, причем в качестве главного довода он неизменно выдвигал факт нарастания кризиса власти правящей монархической германофильской партии и приближения неизбежного краха в результате наступления Советской Армии и заполнения вакуума коммунистами. Ратуя за сближение США с правительством Бориса, Эрл приложил максимум усилий для организации своей встречи с представителями болгарского монарха. Встреча должна быть, скорее всего, сугубо предварительный, но она не состоялась.

2 апреля 1943 г. Эрл сообщал Гопкинсу, что, по имеющимся у него сведениям, гестапо задержало агента Софии на болгаро-турецкой границе⁶⁷.

Все эти соображения привели к новому обращению спецслужб США к старому плану зондажа секретного соглашения с представителями внутренней оппозиции в Германии. Столкнувшись с фактом быстрой радикализации обстановки на Балканах, американские резиденты все больше склонялись к мысли, что только такое соглашение способно гарантировать приход к власти прозападных режимов и обеспечить здесь американское присутствие после войны. С конца 1943 г. депеши Эрла отмечены уже просто паническим характером. Обращаясь то к Г. Гопкинсу, то непосредственно к президенту,¹ он сообщал об огромном моральном воздействии военных побед Красной Армии на внутренние процессы в странах Юго-Восточной Европы, на рост движения сопротивления под радикальным руководством, которое в случае распространения его на другие регионы и усиления просоветской направленности грозит Западу невозвратимыми потерями, включая и утрату контроля над арабской нефтью⁶⁸.

Сквозь призму особых интересов, которые преследовала американская дипломатия в Восточном Средиземноморье, на Ближнем Востоке и Среднем Востоке, Эрл предлагал рассматривать и нарастающие усилия Советского Союза по пропаганде своих целей в войне на территории, контролируемой гитлеровцами. В Анкаре и Стамбуле ощущались результаты пропагандистской работы советских политорганов среди населения стран, либо оккупированных гитлеровцами, либо находившихся в вассальной зависимости от них, а также в рядах вермахта. Эта деятельность приносила осязаемые плоды. Информаторы Эрла доносили, что контрпропаганда Геббельса оказывала меньшее, чем ранее, влияние, а пропаганда Москвы имела определенный успех даже среди высших офицеров вермахта и государственных чиновников “третьего рейха”. Резонно поставить вопрос: не была ли связана встревоженность Вашингтона и Лондона созданием в июле 1943 г. Национального комитета “Свободная Германия” с тем комплексом опасений, который лишил покоя американских резидентов в Европе после того, как стратегическое превосходство на Восточном фронте перешло к Советской Армии? Восточный фронт устоял и даже перешел в наступление, но теперь уже, как представлялось аналитикам от разведки, Москва могла посчитать заманчивыми переговоры с лидерами “третьего рейха” о сепаратном мире на выгодных для себя условиях (например, о границах по Одеру и т.д.).

“Брожение в умах” американского разведывательного директора отражал рабочий документ, подготовленный в недрах “советского отдела” УСС в середине октября 1943 г. специально для внутреннего обсуждения. Ему предшествовала острая дискуссия, поэтому положения документа отмечены взвешенностью и высокой дос-

товерностью оценок. В пункте первом документа с характерным названием “Условия для сепаратного мира между Россией и Германией” заявлялось: “Хотя имеющие хождение различные слухи о переговорах о сепаратном мире между Германией и Россией должны рассматриваться как часть психологической войны, возможность таких переговоров о прекращении войны между двумя странами достаточно реальна, чтобы служить оправданием выяснения всех обстоятельств”. Пункт второй гласил: “Неправдоподобно, чтобы нацистский режим в том виде, в котором он существует, мог бы рассчитывать на успех сепаратных переговоров с Россией”⁶⁹.

В жизни сложилась другая ситуация: резкое ухудшение военного положения Германии летом и осенью 1943 г., ускорившее оформление оппозиционных группировок в верхушке стран фашистского блока, выступивших за сговор с англо-американцами, подтолкнуло спецслужбы США сделать ряд шагов им навстречу⁷⁰. Во многих случаях Москва не была информирована об этих контактах. После Сталинграда и Курской битвы пораженческие настроения и смятение среди заправил “третьего рейха” усилились. Объявив о решении вести “тотальную войну”, они в глубокой тайне вынашивали планы спасения империи путем реализации различных комбинаций, рассчитанных на раскол в антигитлеровской коалиции. “Считая возможными какие-то переговоры, – писал Д.М. Проэктор, – несмотря на все безмерные злодеяния, совершенные ими, Гитлер и Геббельс всерьез рассуждали, с кого же начать...”⁷¹. Взоры, естественно, обращались на Запад. К числу наиболее энергичных и предприимчивых сторонников спасения “третьего рейха” ценой компромисса с Западом и последующей “модернизации” режима под покровительством США и Англии принадлежал и германский посол в Анкаре фон Папен⁷².

Пребывание Папена на посту германского посла в Анкаре не было почетной ссылкой в отместку за его вечные распри с Риббентропом. «...посольство в Анкаре, – писал в воспоминаниях глава службы СД в Турции Л. Мойзиш, – служило для Германии самым лучшим окном во внешний мир, а потому должность посла в Турции была наиболее ответственной из всех, какие только могла предложить дипломатическая служба “третьего рейха”. Об этом свидетельствует назначение на эту должность бывшего канцлера Германии Франца фон Папена... Этот пост отнюдь не был синекурой – для успеха дела требовалась внушительная политическая фигура»⁷³.

Однако что значит “успех дела”? Какого “дела”? Иными словами, в чем Папен видел смысл своей деятельности в Анкаре в качестве дипломатического представителя Германии, помимо задачи сохранения и развития тесных отношений между Германией и Турцией? С момента нападения Гитлера на Советский Союз для себя Папен определял его следующим образом: подрыв усилий, направленных на создание и укрепление антигитлеровской коалиции, зондаж

возможностей сепаратного соглашения Германии с Англией и США. Этот процесс Папен называл “восстановлением мира” во имя спасения “западной цивилизации”⁷⁴. Сохраняя близкие отношения с фашистской верхушкой и личную преданность Гитлеру, Папен уже с конца 1941 г., узнав о масштабах поражения под Москвой, все больше склонялся к мысли, что у “третьего рейха” есть только один-единственный шанс уцелеть – добиться развала антигитлеровской коалиции выхода из нее США и Англии.

Будучи искушенным, и многоопытным политиком, имевшим друзей в американском истеблишменте, Папен придерживался той точки зрения, что главными союзниками верхушки рейха в сложившейся обстановке могут стать только время, внутренние политические разногласия в США и Англии и случай. Его отчаянная попытка, используя Эрла в качестве канала связи, склонить в 1943 г. Рузвельта к перемирию на Западе и согласию на переброску всех немецких войск на Восточный фронт не увенчалась успехом. Считая маловероятным после этого достижение соглашения с президентом США, Папен (и не он один) свои надежды отныне возлагал главным образом на поражение Рузвельта на предстоящих осенних выборах 1944 г. в США и на приход к власти его противников, чей “реализм”, как он полагал, позволит им быть благосклонными к нацистской Германии непримиримыми к левой угрозе. У фон Папена было много единомышленников в высшем командовании вермахта и ведомстве адмирала Канариса (абвер). Сам адмирал активно поддерживал его игру в “поиски мира”⁷⁵. “Вести войну на выигрыш времени в ожидании событий” – эту формулу с конца 1943 г. нашел приемлемой для себя даже Гитлер⁷⁶.

Опыт и интуиция подсказывали Папену, что вариант с “продажей” американцам и англичанам идеи пересмотра западными союзниками политики в отношении “третьего рейха” под аккомпанемент проповедей-предостережений об общей для Запада угрозе “советской экспансии” в конечном счете имеет шансы (хотя и очень слабые) на успех⁷⁷. Правда, неперемненными условиями такого успеха Папен считал сохранение status quo на Балканах и нейтралитета Турции, а также продолжение немецкого сопротивления на основных фронтах (англо-американцы должны знать, что они имеют дело с сильным противником) до момента ухода из политики Рузвельта. Что он не за горами, Папен не сомневался, предсказывая победу антирузвельтовской партии на президентских выборах в США осенью 1944 г. Постоянные контакты Папена и его осведомителей с представителями спецслужб США (и в первую очередь с Эрлом) укрепляли его в мысли, что этот план вовсе не утопичен. Настроения своих собеседников он изучил хорошо, рассматривая их как отражение более общих тенденций во внутренней жизни США⁷⁸. И действительно, в Соединенных Штатах нажим тех, кто выступал против углубления и расширения советско-американского сотрудничества, на

правительство Рузвельта с конца 1942 г. все усиливался⁷⁹. Участились нападки и на сам принцип единства антигитлеровской коалиции. Похоже было, что в США кое-кому по душе пришелся даже термин “святотатственный союз”, широко используемый консервативными кругами.

Сознвая меру грозившей опасности и не желая вновь столкнуться с той реакцией возмущения, которую вызвала сделка американцев с французским квислингом Дарланом⁸⁰, Рузвельт стремился противостоять нараставшему нажиму. В известном смысле эту цель преследовала предложенная им на конференции в Касабланке 24 января 1943 г. формула “безоговорочной капитуляции” Германии⁸¹. В ряде последующих выступлений президент США публично отмежевался от тех элементов, которые пытались внести раскол в Объединенные Нации⁸². “Мы не пойдем ни на какую сделку с фашизмом”, – сказал он 28 июля 1943 г. Белый дом не позволял спецслужбам переходить дозволенную грань в контактах с “перестроившимися” представителями “третьего рейха”. Многие “инициативы” Эрла, касавшиеся этого вопроса, были приняты к сведению, но Вашингтон уклонялся от выражения своего отношения к ним по существу⁸³. Моральные и военные обязательства, принятые на себя США на межсоюзнических конференциях и встреч в конце 1943 г., еще более ограничили деятельность теневых структур где бы то ни было. Важным итогом на пути сплочения участников антигитлеровской коалиции явилась Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в октябре 1943 г. Как известно, ее участники торжественно заявили, что они будут вести войну до тех пор, пока противник не сложит оружия и не капитулирует безоговорочно. Внимание УСС по-прежнему оставалось прикованным к Болгарии и другим восточноевропейским странам на предмет их выхода из блока агрессоров, но директор УСС генерал Донован (как это явствует из ряда документов), очевидно, получил инструкции из Белого дома обмениваться информацией на этот счет со спецслужбами СССР. Визит Донована в Москву в декабре 1943 г. в этом смысле показателен: шеф УСС беседовал с начальником внешней разведки НКВД СССР П.М. Фитиным о координации усилий обеих стран, направленных на “выключение” Болгарии из союза с Гитлером⁸⁴.

Политические игроки типа Эрла и Буллита, консервативная печать, систематически атакующие Рузвельта и “новый курс”, полагали, что они помогают стране уйти от “советской зависимости”, грозящей ей в результате проявления излишней доверчивости к русскому “попутчику”. Рузвельт же был больше озабочен другим, а именно: как сохранив коалицию, одержать победу в “хорошей войне” с гитлеризмом и при этом гарантировать лидерство США в послевоенном переустройстве. В связи с этим важно, что практические шаги, предпринимаемые Рузвельтом для блокиро-

вания противодействия сплочению коалиции и укреплению двусторонних отношений подкреплялись обдумываемой (разумеется, не в деталях, но в принципиально важных чертах) стратегией взаимодействия в целях создания в послевоенном мире системы коллективной безопасности с ядром в виде обновленной и реконструированной Лигой наций и, как говорил Рузвельт, “резервуаром силы, настолько мощной, чтобы никакой агрессор не посмел бросить ему вызов”. Эту мысль Рузвельт высказал в доверительной беседе с Артуром Свитцером 29 мая 1942 г. (в дни визита Молотова в Вашингтон). Его собеседник, с 1919 г. работавший чиновником Лиги наций, услышал от Рузвельта версию разговора с У. Черчиллем, состоявшимся в августе 1941 г. во время работы над Атлантической хартией на борту крейсера “Огаста” в бухте Плацентия Бей.

По словам Рузвельта (в записи Свитцера), Черчилль, услышав фразу о резервуаре силы, переспросил: “Вы имеете в виду англо-американский союз?” На что президент ответил, будучи готовым слышать этот вопрос: “Я снова, сказал – нет, совсем не это. Мы не можем идти по этому пути. Мы должны иметь в виду коалицию британцев, американцев, китайцев, русских. Даже если вам русские не нравятся, вы все равно обязаны иметь с ними дело. Они слишком велики и сильны, чтобы согласиться на разоружение, и вам будет лучше следовать старой политической теории: если вы не можете заставить кого-либо подчиниться вам силой, сделайте его вашим союзником. Вот тогда вы обретете колоссальную мощь”⁸⁵.

По-видимому, во время беседы со Свитцером Рузвельт впервые высказал идею о “четырёх полицейских” послевоенного мира, которые в сочетании со всеобщим разоружением, системой контроля и инспекцией получают возможность держать в узде потенциального агрессора. “Я возвращаюсь к своей старой идее карантина, – говорил Рузвельт, – мы можем сказать такой стране: мы перекроем всю вашу торговлю и коммерцию по всему миру. А после этого, если речь пойдет о Германии, мы скажем: вы делаете то-то и то-то. Если вы немедленно не положите этому конец, мы в понедельник подвергнем бомбардировке Франкфурт, во вторник – Кёльн, в среду – Берлин. И так будет, пока вы не измените свое поведение. И если мы будем твердо придерживаться этого курса, никто не посмеет пойти на риск...” Рузвельт продолжал: “Если нам удастся все это осуществить, мы обеспечим мир по крайней мере на двадцать пять лет. Несчастье Вильсона состояло в том, что он пытался обеспечить мир навсегда. Но вы не можете этого сделать. Вы не можете заглянуть за пределы двадцати пяти лет. Нам не дано знать – я не могу даже себе вообразить, – каким тогда станет мир”.

“МЫ ПОСТУПИМ ПРАВИЛЬНО,
ДОСТИГНУВ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ С СОВЕТАМИ...”

Состояние межсоюзнических отношений к началу 1943 г. было осложнено рядом серьезных обстоятельств. Второй фронт во Франции все еще не был открыт, поставки в СССР по ленд-лизу тормозились. Очередная встреча Рузвельта и Черчилля в Касабланке 14–24 января 1943 г. не приняла решений по вопросу о втором фронте, а снижение уровня активности англо-американских сил в Северной Африке принесло, как отмечалось в послании И.В. Сталина президенту США Рузвельту от 16 февраля 1943 г., “облегчение для Гитлера”⁸⁶. Победа Советской Армии под Сталинградом, ставшая началом коренного перелома в войне, в США и Англии была воспринята по-разному: к радостному хору приветствий, изъявлениям признательности и благодарности примешивались звучащие явным диссонансом голоса настроенных враждебно к Советскому Союзу представителей весьма влиятельных кругов, бьющих тревогу по поводу быстрого роста международного авторитета России и укрепления ее военно-стратегических позиций⁸⁷.

В августе 1942 г. А.А. Громыко (тогда советник посольства СССР в США) в письме в Наркоминдел СССР сообщал о живучести антисоветских настроений в военных и руководящих промышленных кругах Соединенных Штатов и о неблагоприятных действиях правительственных органов США, в том числе “со стороны соответствующих агентурных организаций”, в плане ослабления пропаганды за открытие второго фронта⁸⁸. После же Сталинграда в прессе США участилась публикация разного рода материалов о советских планах завоевания Европы, об угрозе “западной цивилизации” со стороны Москвы. Болезненная реакция сопровождала сообщения о случаях принижения советскими органами печатного вклада западных союзников в борьбу с общим врагом и т.д. Делалось это неспроста, исподволь подогревалось чувство неприязни и недоверия к Советскому Союзу. Одновременно изыскивались “моральные предлоги” для проволок и оттяжек в деле оказания помощи Советскому Союзу по программе ленд-лиза. В Москве в прямую связь с этой кампанией ставились выступление заместителя госсекретаря США Д. Ачесона против заключения нового протокола о ленд-лизе 19 февраля 1943 г. и решение США и Великобритании прекратить доставку военных грузов в СССР по северному маршруту, и, наконец, недружественное высказывание посла США в Москве адмирала У. Стэндли в адрес Советского Союза, из которого следовало, что советский народ лишен возможности владеть полной информацией об американской помощи⁸⁹.

Все эти действия, которые никак нельзя было назвать своевременными или уместными, вызвали соответствующую реакцию в руководящих кругах Советского Союза. Сталин привел в действие

свой план. В ряде его посланий президенту США она была выражена достаточно резко причем, естественно, упор в них был сделан на главное – на срыв принятого США и Англией обязательства об открытии второго фронта сначала в 1942 г., а затем в 1943 г., что, как заявило советское правительство, подвергало его доверие к союзникам “тяжелым испытаниям”. Впервые так открыто был поставлен вопрос о доверии. Существенное значение правительство СССР придавало тому факту, что все решения Вашингтона и Лондона о сроках открытия второго фронта и об отмене таких решений принимались без участия Советского Союза и даже без какой-либо попытки пригласить его представителей на совещание глав правительств или военных штабов западных союзников. Москва была склонна квалифицировать это как оскорбление, отвечая контрмерами. Так, например, Кремль отклонил пожелание США и Англии сохранить его дипломатические контакты с эмигрантским польским правительством в Лондоне. Правда, после того как стало известно о расстрелах НКВД польских офицеров в Катыни (апрель 1943 г.), говорить об этом было бессмысленно. 25 апреля 1943 г. правительство СССР прервало дипломатические отношения с лондонским правительством⁹⁰, а польский вопрос превратился в опаснейшую “тему” для лидеров коалиции, которая в будущем обернулась ее ослаблением и развалом.

Заметное ухудшение отношений между СССР и США поздней осенью 1942 г. и весной 1943 г. в руководящих кругах Вашингтона воспринималось по-разному. У одних оно вызывало одобрение и даже ликование, у других – обеспокоенность, несогласие, внутренний протест. Рузвельт был встревожен. Джозеф Дэвис отметил это записью в дневнике, сделанной 20 ноября 1942 г., после беседы с президентом о состоянии советско-американских отношений⁹¹. Атмосферу накаляли инвективы Буллита в адрес СССР.

Решимость перебороть нежелательный крен к разобщению, противопоставив ему политическую волю к сотрудничеству в интересах общей победы над фашизмом, созревала у Рузвельта подспудно, в размышлениях над сводками с советско-германского фронта. Еще в конце ноября 1942 г. Гопкинс по поручению президента попросил помощников подготовить записку о будущем советско-американских отношений в свете неблизкой, но уже представлявшейся неотвратимой победы союзников в войне. 1 декабря 1942 г. на его рабочем столе появился документ с многозначительным названием “Меморандум для м-ра Гопкинса. О важности развития отношений с Советским Союзом и предложения к их улучшению”. Среди мер, способных реально содействовать укреплению советско-американского сотрудничества, в нем называлась организация встречи Ф. Рузвельта и И.В. Сталина “в самом ближайшем будущем”⁹².

2 декабря 1942 г. Рузвельт направил Сталину послание, которое начиналось словами, подтверждавшими стремление президента сгладить невыгодное впечатление от далеко не безупречного отношения США к выполнению своего союзнического долга. Вместе с тем президент вновь уклонился от каких-либо заявлений по поводу планов открытия второго фронта и более тесной координации *военных* усилий. Главный упор в послании был сделан на организации встречи в верхах. “Чем больше я думаю, — говорилось в нем, — о нашем общем военном положении и о том, что в ближайшее время необходимо принять стратегические решения, тем больше я убеждаюсь, что Вы, Черчилль и я должны встретиться в недалеком будущем”⁹³. Рузвельт назвал и предполагаемую дату — начало 1943 г. Мотивированное отклонение Сталиным (как было сказано, по причинам военного порядка) этого предложения напомнило Белому дому, что несогласованность в решении принципиальных вопросов между союзниками по антигитлеровской коалиции обходится им дорого. Ощущение, что дипломатическое маневрирование не спасает положения и что сохранение возникшей неопределенности способно вызывать серьезные осложнения, подтолкнуло Вашингтон к новому шагу с целью установления более прямых, неформальных контактов со Сталиным. Так появилась идея организации особой миссии по примеру той, с которой в июле 1941 г. Москву посетил Г. Гопкинс. Но Гопкинс отлучиться из Вашингтона весной 1943 г. не мог. Вот почему лучшей кандидатуры, чем бывший посол в СССР Джозеф Дэвис, у президента не было. Для Дэвиса это был звездный час: то, что не удалось сделать в апреле 1939 г., предстояло выполнить в обстановке серьезного кризиса доверия весной 1943 г.

Строго говоря, Рузвельт, как показывают документальные источники, с самого начала советского контрнаступления под Сталинградом вел с Дэвисом беседы о его будущей поездке в Москву, призванной содействовать устранению накопившихся проблем и прояснить многие вопросы. Но поскольку Гопкинс ближе всего соприкасался с этими вопросами, именно ему Рузвельт и поручил “отрепетировать” с Дэвисом самые трудные места его “партии” в Москве. Специальный помощник президента к тому времени имел вполне сложившееся мнение о главных слагаемых новой обстановки как следствие успехов на Восточном фронте. Суть его можно было бы выразить следующими словами: “...произошел поворот в войне, поворот к победе”. Сталинград становился подлинным знаменем на фоне вызывающе демонстративной бездеятельности союзников в Тунисе, где в начале 1943 г. англо-американские войска почти не проявляли признаков жизни.

Черчилль посчитал нужным признать несоразмерность масштабов военных усилий союзников по сравнению с вкладом Советского Союза. Его послание, полученное Гопкинсом 13 февраля 1943 г., еще раз напомнило о необходимости принятия мер по укреплению

доверия, которые в спешном порядке, но очень внимательно изучали в Белом доме. Сознательно избрав мишенью Д. Эйзенхауэра, отвечающего за планирование операций союзников в Северной Африке, Черчилль писал: “Я думаю, это ужасно, когда в апреле, мае и июне ни один американский и ни один английский солдат не убьет ни одного германского или итальянского солдата, в то время как русские преследуют по пятам 185 отступающих дивизий противника. Конечно, кто-то может сказать, что июль, возможно, более благоприятный месяц с чисто военной точки зрения, но мы рискуем упустить время. Мне кажется, что мы, вне всякого сомнения, вызовем упреки со стороны русских, если, принимая во внимание незначительные размеры территории, на которой мы ведем боевые действия, допустим эти чудовищные затяжки...”⁹⁴. Против этих резонов нечего было возразить. Действительно, вклад вооруженных сил западных союзников был несоизмерим с теми жертвами, которые выпали на долю советского народа. Однако Черчилль упрямал в строки послания Гопкинсу особый смысл. Нет, премьер-министр Англии не изменил своего в принципе негативного отношения к открытию второго фронта в Северной Франции. Его пафос был призван всего лишь убедить Рузвельта и Гопкинса в готовности англичан храбро сражаться на том направлении, которое он, Черчилль, считал главным, т.е. нанося удар по Германии через Сицилию или Балканы⁹⁵.

В этом вопросе Рузвельт, а еще в большей степени Гопкинс расходились с Черчиллем. Военно-политическая ситуация после Сталинграда изменилась так круто, что, по их убеждению, делало настоятельно необходимым следующее: 1) пересмотр военной стратегии западных союзников и скорейшее возвращение к плану вторжения в Северную Францию, с тем чтобы “успеть раньше русских в Берлин”; 2) более тесную координацию военных усилий США, Англии и СССР, предусматривавшую в качестве обязательного условия учет точки зрения советского руководства на этот счет; 3) наконец, совместное обсуждение с советским правительством принципиальных вопросов послевоенного мирного урегулирования. К этому убеждению и Рузвельта, и Гопкинса привели самое пристальное изучение всех важнейших, относящихся к делу составляющих, вся расстановка сил в антигитлеровской коалиции. Затягивание войны в Европе отдаляло и ее победоносный финал на Тихом океане, от чего так зависела популярность президента и демократов в целом.

12, 13 и 14 марта 1943 г., три дня подряд, в рабочем расписании Рузвельта и Гопкинса появляется имя Джозефа Дэвиса. В ходе совещаний в Белом доме самому пристальному рассмотрению были подвергнуты различные аспекты советско-американских отношений. Чуть раньше, 10 марта, американское правительство официально отмежевалось от неуклюжей выходки посла Стэндли, обидевшего Москву высказываниями о ленд-лизе, что придавало особый характер беседам в Белом доме: отзыв посла становился неизбежным, но, как

говорил Дэвису Гопкинс, неприятный эпизод лишний раз наталкивал на признание необходимости укрепления у советского руководства уверенности в том, что в лице Соединенных Штатов оно имеет надежного союзника в войне⁹⁶. Стэндли мог сколько угодно оправдываться, заявляя о своем чувстве патриота, однако было признано непозволительным заниматься “выяснением отношений” в форме публичных заявлений.

Дневниковые записи Дэвиса дают представление о многих важных деталях, относящихся к принятию Рузвельтом решения о его поездке в Москву в мае–июне 1943 г., включая определение ее непосредственных, тактических задач и более значительных стратегических целей. Так, например, немалый интерес представляют заметки Дэвиса о беседе с Гопкинсом 12 марта 1943 г., в ходе которой тот, развивая идеи о будущем, подчеркнул особые роль и место СССР (наряду с США) в системе послевоенных международных отношений, в поддержании всеобщего мира. Запись 19 марта 1943 г. примечательна тем, что в ней вновь со ссылкой на Гопкинса содержится указание на то, как решительно повлиял Сталинград на выработку планов послевоенного урегулирования. Победа представлялась уже обеспеченной, и в Белом доме со смешанным чувством облегчения и озабоченности заговорили о скором крахе Гитлера⁹⁷. Но одновременно очевидным становилось и то, что любые разговоры относительно общих основ послевоенного мира являются абсолютно бесперспективными, если в них не участвует Советский Союз. Встречи в мае–июне 1942 г. с Молотовым и Литвиновым носили сугубо предварительный характер. Настало время принимать решения. Во что бы то ни стало добиться встречи со Сталиным, убедив его в искреннем желании правительства Соединенных Штатов устранить помехи на пути к более тесному сотрудничеству во имя победы в войне и в послевоенном мире, – так формулировалась теперь главная задача.

Еще одно подтверждение твердого намерения Рузвельта отрегулировать отношения с Москвой на базе далекоидущих договоренностей Дэвис получил из уст самого президента во время встречи в Овальном кабинете Белого дома, куда он был приглашен еще раз утром 14 марта 1943 г. Дневниковой записью его беседы с Рузвельтом передает не оставлявшее президента чувство тревоги в связи с тем хрупким и нарушаемым часто равновесием между Москвой и Вашингтоном, которое могло взорваться от каких-то неосторожных шагов. Следующий важный вывод, который можно сделать из знакомства с этим небезынтересным документом, – Рузвельт не только не собирался идти на поводу у оппозиции, провоцировавшей его на проведение жесткой линии в “русском вопросе”⁹⁸, но и планировал серьезно заняться совместно с советским руководством созданием необходимых условий для тесного взаимодействия двух стран в деле поддержания длительного и прочного мира после войны. Тема мира

после войны, мира без войн (лет на 25–30), всем ходом событий выдвигалась на передний план.

Дэвис записал:

Журнал

14 марта 1943 г.

(...) Зашла речь также и о выступлении У. Буллита в Филадельфии. Президент сказал, что пытаться, как предлагал Буллит, обеспечить согласие путем “обольщения и принуждения”, держа “морковку перед носом осла и одновременно подстегивая его сзади хлыстом”, значит обречь себя на неудачу. Этот метод непригоден, если имеешь дело с сильным человеком или с сильным народом. Советский Союз отвергает такого рода обращение с ним. Мы поступим правильно, достигнув взаимопонимания с Советами по вопросам, жизненно важным для нас и для них, с целью разгрома врага и поддержания мира⁹⁹.

Совершенно очевидно, что Рузвельт хотел продолжить тот разговор о послевоенном устройстве, который у него уже состоялся со Сталиным заочно во время визита Молотова в Вашингтон в мае–июне 1942 г. и который он имел с А. Свитцером с целью услышать мнение специалиста. Рузвельту уже было известно, что советский лидер фактически полностью поддержал высказанные им идеи об особой роли США, СССР, Англии и (вероятно) Китая в поддержании мира, о недопущении вооружения Германии и Японии, о ликвидации колониальной системы и т.д. Президент США хотел закрепить и развить этот важный диалог, не позволяя рассеяться той благоприятной ауре взаимопонимания, достигнутой с относительно малыми затратами, но оказавшейся под ударом из-за неосторожных действий сторонников метода “обольщения и принуждения”¹⁰⁰. Их оказалось слишком много и в американском посольстве в Москве, и в Вашингтоне, в конгрессе и военном ведомстве.

Поездка Дэвиса должна была расставить новые акценты в практике общения между Вашингтоном и Москвой с переносом центра тяжести на “личную дипломатию”, в преимуществах которой президент убеждался все больше и больше. В том, что Рузвельт рассматривал миссию Дэвиса в Москву как важный дипломатический зондаж по широкому спектру назревших вопросов межсоюзнических отношений, хотя формально (“для всех”) целью ее являлось простейшее дело – передача Сталину секретного послания президента США об устройстве между ними неофициальной встречи, еще раз нас убеждает запись беседы Дэвиса с Рузвельтом от 12 апреля 1943 г., сделанная им в двух дополняющих друг друга вариантах.

В первом из них Дэвис передает общее настроение Рузвельта: “Мы сталкиваемся, – гласит запись, – с серьезной ситуацией, сказал он (Рузвельт. – В.М.). В нее должна быть внесена ясность. Пока ни мне, ни Черчиллю не удалось встретиться со Сталиным. В прошлом октябре (1942 г.) между Черчиллем и Сталиным произошел серьезный конфликт¹⁰¹, и можно не сомневаться, что он оставил царапины. После всестороннего обдумывания он (Рузвельт. –

В.М.) пришел к убеждению, что ему следует лично повидаться со Сталиным и обсудить с ним все вопросы". Во втором варианте Дэвис зафиксировал в самом сжатом виде то, что было сказано Рузвельтом в отношении существа его миссии. В частности, ставилась задача прозондировать почву в связи с трехсторонней встречей в верхах, а главное: "Он (Рузвельт. — В.М.) выразил пожелание, чтобы я откровенно обсудил со Сталиным ситуацию в целом и по возможности полнее и точнее выяснил, какими видит Сталин необходимые условия для безопасности его страны и его отношение к проблемам послевоенного мира"¹⁰².

14 апреля 1943 г. посол США в СССР Стэндли информировал народного комиссара иностранных дел СССР о том, что "президент намеревается через 2–3 недели командировать в Москву бывшего посла США в СССР Джозефа Дэвиса для вручения Сталину важного и секретного послания". Тем временем в Вашингтоне вырабатывались инструкции для Дэвиса, весьма детальные, охватывающие широкий круг военно-стратегических и политических проблем, как текущих, так и перспективных, долгосрочных. Подробно излагая их Дэвису 19 апреля 1943 г., Гопкинс откровенно признал справедливость критики советским руководством позиции западных союзников в отношении затягивания открытия второго фронта, срыва графика поставок военного снаряжения, попыток навязать Советскому Союзу свою линию в вопросах, относящихся только к его компетенции¹⁰³. Дэвис был снабжен и контраргументами на случай возникновения дискуссии, но, судя по всему, самому Дэвису они не казались убедительными. Одним из главных вопросов, которые Дэвис должен был поднять в Кремле, был вопрос о роспуске Коминтерна.

5 мая 1943 г., напутствуя Дэвиса перед отъездом в Москву, Рузвельт познакомил посла с содержанием своего письма И.В. Сталину¹⁰⁴ и сделал это не в общих чертах, а намеренно обнажая его суть во всех тонкостях и оттенках. Президент говорил на этот раз с необычной для него прямоотой, стремясь, очевидно, не допустить каких-либо "недоразумений", связанных с толкованием его позиции представителями большой прессы или по вине чиновников госдепартамента. Устный пересказ послания, сделанный самим Рузвельтом, снимал многие вопросы. Трижды президент фиксировал внимание на решающем значении успехов на Восточном фронте.

Через два дня после встречи с Рузвельтом Дэвис был уже в пути. Он добирался до Москвы около двух недель, и 20 мая его приняли сначала В.М. Молотов, а затем И.В. Сталин¹⁰⁵. 22 мая Дэвис встретился также с К.Е. Ворошиловым. В ходе встречи со Сталиным Дэвис вручил ему письмо Рузвельта. Оно содержало предложение об организации двусторонней встречи летом 1943 г. на одном из берегов Берингова пролива. Главной ее целью, как следовало из послания, могло стать обсуждение проблемы "краха Германии" в результате наступления советских войск. Никакого кон-

кретного упоминания о втором фронте в послании Рузвельта не было, хотя президент предлагал И.В. Сталину обсудить также “военное положение как на суше, так и на море”¹⁰⁶. Президент писал, что они оба скорее могли бы найти общий язык, если бы говорили без помех, т.е. не приглашая на встречу У. Черчилля, предельно ограничив число ее участников и отказавшись от официальных деклараций.

В ответном послании Рузвельту от 26 мая, врученном Дэвису днем позже¹⁰⁷, Сталин выразил свое согласие с мнением о необходимости встречи на высшем уровне и поблагодарил Рузвельта за то, что он прислал в Москву именно Дэвиса, “который знает Советский Союз и может объективно судить о вещах”. Беседы в Москве благодаря доверию, которое советское руководство питало к Дэвису, как и предполагалось, затронули обширный круг вопросов, хотя и сохраняли общий характер. Вопрос о времени и месте встречи согласован не был: этому препятствовали множество обстоятельств. Но в одном пункте позиция Советского Союза была высказана Дэвису совершенно четко: в интересах коалиции планируемое совещание глав двух государств (США и СССР) следовало превратить в совещание представителей трех государств с участием СССР, США и Англии¹⁰⁸. Не скрывая своего недовольства отговорками со стороны Вашингтона и Лондона в отношении обязательств по второму фронту, советское правительство продолжало заявлять о важности укрепления межсоюзнических отношений на основе полного равенства сторон, не допускающего никакой дискриминации и ущемления интересов любой из них. Предложение Советского Союза о трехсторонней встрече (его впоследствии Рузвельт приписывал себе) открывало путь к первой встрече глав правительств ведущих стран антигитлеровской коалиции. Приехав в Советский Союз и побывав в Куйбышеве, Москве, в разрушенном Сталинграде, Дэвис еще больше убедился в решающем значении Восточного фронта для приближения победы над фашизмом и в обоснованности позиции советского правительства в вопросах стратегического планирования. Сказанные Сталиным слова о высокой потребности подкрепления успехов Красной Армии “реальным наступлением” на Западе можно было толковать то ли как упрек, то ли как предупреждение. 24 мая 1943 г. посол писал из Москвы: “Говоря по существу, я бы не удивился, если бы уже в этом году народ этой страны изгнал гитлеровское войско. В этом можно было бы не сомневаться, если бы союзники открыли второй фронт в Западной Европе этим летом”¹⁰⁹.

Дэвис уезжал из СССР с настроением, далеким от воодушевления, но с уверенностью, что взаимопонимание окрепло и что “его миссия приведет к важным историческим событиям”¹¹⁰. Он не знал еще, что на Вашингтонской конференции Рузвельта и Черчилля в мае 1943 г. (конференция “Трайдент”), по времени совпавшей с его пребыванием в Москве, сроки открытия второго фронта были вновь

отложены и перенесены на этот раз на весну 1944 г. Возвратившись в Вашингтон 3 июня 1943 г., Дэвис должен был с огорчением признать, что это решение (принятое ко всему прочему в отсутствие представителей Советского Союза) делает невозможным встречу Ф. Рузвельта и Сталина в намеченное время, автоматически отдаляя ее, а главное, создавая дополнительные психологические препятствия для сближения двух лидеров. Эти опасения разделял и Гопкинс, которому, судя по всему, достигнутый компромисс с Черчиллем пришелся не по душе. Специальный помощник президента на этот раз был несловохотлив, а его прогноз в отношении ближайших перспектив советско-американского сотрудничества неутешителен¹¹¹.

10 июля 1943 г. на юге Сицилии высадились одна канадская, четыре английских и три американских дивизии и, в сущности не встречая сопротивления, начали продвижение на Палермо и Мессину. Союзники открыли в Европе свой фронт, быстро добившись почти бескровной, но важной победы. 8 сентября Италия капитулировала, но ее капитуляция породила массу вопросов, поскольку в Москве (и не только там) возникло подозрение, что союзники, решая свои геополитические задачи, умышленно затягивают операции по подготовке высадки во Франции.

Преобладание черчиллевского подхода (согласие на форсирование Ла-Манша в “принципе”), втянувшего союзников, как пишет современный биограф Черчилля, “в долгую кампанию весьма сомнительной пользы” и грозящего различными серьезными последствиями, вынудило Гопкинса и генерала Маршалла более решительно добиваться возвращения к плану высадки в Северной Франции. Их нажим на президента особенно усилился после победы Красной Армии под Курском и Белгородом. К осени 1943 г. и в высших военных кругах США, пожалуй, не осталось сомневающихся в том, что Советский Союз и его армия способны самостоятельно довершить разгром нацистской военной машины и освободить народы Европы. А что дальше? Полностью изменившееся соотношение сил на главном театре военных действий окончательно превратило большую часть политических и военных руководителей США в противников “средиземноморского” варианта Черчилля¹¹². Но задача “достичь Берлина не позднее русских”, выдвинутая Рузвельтом на Квебекской конференции с Черчиллем (14–24 августа 1943 г.), не исчерпывала всех соображений, которые президент и его специальный помощник связывали с пересмотром позиции в отношении ведения войны в Европе. Оба они понимали, что дальнейшие затяжки с открытием второго фронта ставят под вопрос отношения с Советским Союзом не только в условиях войны, но и в будущем. После Сталинграда любые другие решения, предусматривающие неучастие в их подготовке Советского Союза, как этого хотелось Черчиллю, представлялись им по меньшей мере невыполнимыми.

Гопкинс привез с собой на встречу Рузвельта с Черчиллем в Квебеке документ, который, по словам Шервуда, имел “большое значение” для определения линии американской дипломатии в последующем, на конференциях в Москве и Тегеране. Он был подготовлен по просьбе Гопкинса аппаратом генерала Дж. Бэрнса, непосредственно подчиненного президенту, и содержал оценку военно-политического положения Советского Союза на начало августа 1943 г. Шервуд, впервые обнаруживший документ, опустил, однако, самую важную, его вступительную часть, а между тем она несла особую нагрузку. Вот она: “Позиция России во Второй мировой войне резко отличается от той роли, которую она играла в ходе Первой мировой войны. Россия была выведена из строя еще до окончания Первой мировой войны и поэтому никак не участвовала в окончательном разгроме Германии... Во Второй мировой войне ей принадлежит доминирующее место, она является решающим фактором грядущего поражения стран “оси” в Европе. В то время как в Сицилии войскам Англии и США противостоят две немецкие дивизии, на русском фронте в боевых действиях участвуют 200 немецких дивизий. Где бы союзники ни открыли второй фронт на континенте, он все равно сохранит свое безоговорочно второстепенное значение по отношению к советско-германскому фронту; в любом случае русские по-прежнему будут нести главное бремя войны. Без России немыслима победа в войне со странами “оси” в Европе; что же касается общего положения Объединенных Наций, то в этой ситуации оно окажется ненадежным”¹¹³. Общий вывод: поскольку вклад Советского Союза в разгром держав “оси” в Европе будет, бесспорно, решающим, а роль его в мировых делах увеличится после войны многократно, наиболее разумным для Соединенных Штатов следует считать укрепление и развитие “дружественных отношений” с СССР; крайняя заинтересованность США в участии Советского Союза в войне с Японией придает этому соображению характер императива¹¹⁴.

Участники Квебекской конференции решили приступить к практической подготовке открытия второго фронта в Европе “около” 1 мая 1944 г. (операция “Оверлорд”). Черчилль согласился на это под нажимом Рузвельта. Осенью 1943 г. президент уже не видел иного главного направления военных усилий США и Англии. Постоянное брюзжание Черчилля, который, по словам Идена, становился “все более угрожающе антирусским”¹¹⁵, настойчивые “предостережения” в отношении “опасностей” укрепления военного сотрудничества с СССР уже не могли заставить Рузвельта изменить убеждение, что, как он говорил 4 октября 1943 г. на встрече с А.А. Громыко, “поддержание и дальнейшее развитие дружественных отношений” между США и СССР абсолютно необходимо и соответствует интересам обеих стран¹¹⁶. Идея Черчилля сохранить за Англией самостоятельную роль в финальной стадии войны была перечеркнута.

Уже после Квебека, расставшись с Черчиллем, Рузвельт смог еще раз удостовериться, что оценки меморандума Гопкинса-Бэрнса верны

и должны быть положены в основу военно-стратегического планирования и всей дипломатической стратегии на обозримое будущее. Проведенное разведорганами США дополнительное исследование вклада Советского Союза в войну с гитлеровской Германией и перспектив его развития после победы не оставляло сомнений в объективности и сбалансированности выводов группы экспертов, подготовивших рабочие документы к конференции в Квебеке. В специальном докладе разведки подчеркивались достаточная мощь советской экономики для ведения крупных военных операций на заключительном этапе войны, высокий моральный дух армии и народа, превосходство в военной организации и вооружении советских войск над вермахтом. Доклад подтверждал вывод о способности Советского Союза самостоятельно довершить разгром Германии и покончить с «гегемонией стран “оси” в Европе». В разделе “Итоги” говорилось: “Советский Союз, сплоченный политически, сильный в морально-психологическом смысле, располагающий эффективной экономикой... ведет борьбу с Германией на равных или даже с превосходящих ее позиций”¹¹⁷.

Делегация во главе с К. Хэллом, участвовавшая в конференции министров иностранных дел СССР, США и Англии в Москве (19–30 октября 1943 г.), имела четкие инструкции Рузвельта следовать конструктивному подходу в обсуждении всех вопросов. Неудивительно, что результаты Московской конференции, нацеленные на укрепление межсоюзнических отношений, превзошли самые оптимистические ожидания. “Важной стороной всей Московской конференции, – говорилось в передовой статье газеты “Правда” от 2 ноября 1943 г., – является то, что она впервые дала возможность прийти к общим существенным решениям трем ведущим союзным державам”¹¹⁸.

Московская конференция создала необходимые условия для встречи руководителей трех союзных держав в Тегеране (28 ноября – 1 декабря 1943 г.), но она носила подготовительный характер. Когда же английская и американская делегации во главе с Черчиллем и Рузвельтом прибыли в Тегеран, разногласия между ними по вопросу об открытии второго фронта (а военные вопросы были главными на повестке дня конференции “большой тройки”) преодолены до конца не были¹¹⁹. По-видимому, этим, а также желанием лишний раз прозондировать позицию СССР и объясняется тот факт, что на первом пленарном заседании конференции в Тегеране 28 ноября Рузвельт занял выжидательную, даже двойственную позицию. Обратимость позиции президента в самый критический момент в истории антигитлеровской коалиции, казалось, могла сыграть злую шутку и обернуться тяжелыми последствиями. Услышав в выступлении Рузвельта рассуждения о возможности расширения операций в районе Адриатического и Эгейского морей взамен операции “Оверлорд”, ошеломленный и встревоженный Гопкинс отправил командующему военно-морским флотом адмиралу Кингу, сидящему на удалении от него за столом, короткую записку: “Кто стоит за

этим Адриатическим бизнесом, к которому постоянно возвращается президент?” Минуту спустя пришел ответ Кинга: “Насколько мне известно, это его собственная идея”¹²⁰.

Однако, как выяснилось, президент просто-напросто вызывал партнеров “на откровение”. В решающий момент Рузвельт не поддержал У. Черчилля, приложившего немало усилий, чтобы уйти от обсуждения конкретных вопросов, связанных с открытием второго фронта. Услышав от Сталина решительное: май 1944 г. должен быть “предельным сроком для осуществления этой операции”, Рузвельт ответил в том же утвердительном духе. “Я придаю большое значение срокам, – говорил он на заседании 29 ноября, – ... Можно осуществить операцию “Оверлорд” в течение первой недели мая или несколько отложить ее”¹²¹. Перед началом заседаний, 30 ноября, в ходе которых были окончательно согласованы и зафиксированы сроки операции “Оверлорд”, Гопкинс посетил Черчилля в английском посольстве и проинформировал его о совпадении взглядов по данному вопросу между делегациями США и Советского Союза. А через пару часов за завтраком Рузвельт начал беседу с заявлениям о том, что он намерен сообщить Сталину приятную для него новость: Объединенный комитет начальников штабов США и Англии с участием президента и премьер-министра окончательно утвердил срок проведения операции “Оверлорд” – май 1944 г.

В Тегеране “Большая тройка” одержала двойную победу. Были приняты важные решения, и первый полнокровный саммит ни в коем случае не напоминал расставание. Трое абсолютно разных людей обнаружили, что они могут не только терпеть общество друг друга, но и найти его желательным и даже необходимым для последующего сотрудничества ради выполнения своей глобальной миротворческой миссии основателей и “держателей контрольного пакета акций” Объединенных Наций. При этом Рузвельт охотно взял на себя роль посредника в преодолении исторического англо-советского антагонизма, который грозил взорвать коалицию и привести ее в состояние неуправляемой невменяемости, на что так рассчитывал Гитлер¹²². Рузвельт без видимого напряжения установил рабочие отношения со Сталиным и сумел в дружественной манере предостеречь последнего от опрометчивых шагов, связанных с включением Прибалтийских республик в состав СССР, минуя демократические процедуры волеизъявления народов этих стран. Сталин выслушал президента (хотя совсем не был расположен следовать его совету) и принял аргументы Рузвельта, апеллировавшего к внутренней политической ситуации в США накануне очередной избирательной кампании 1944 г. Особым образом Рузвельт выстроил свои отношения с Черчиллем в режиме дистанцирования, дабы не вызвать подозрений “хозяина России” (термин Черчилля) в тайных интригах “англо-саксов” за его спиной.

Это был продуманный ход. У Рузвельта имелись все основания опасаться, что Сталину могло стать известно о секретных соглаше-

ниях между американцами и англичанами, принятыми на прошедшей незадолго до конференций в Москве и Тегеране встрече Рузвельта и Черчилля в Квебеке в конце августа 1943 г. (Первая Квебекская конференция). Среди этих договоренностей одно имело исключительно важное значение особенно в свете констатации военными аналитиками той роли, которую будет играть Советский Союз в послевоенных Европе и мире. Речь идет о неиспользовании атомного оружия (работы над которым велись в США и Англии в условиях абсолютной секретности) друг против друга и о передаче без согласования друг с другом информации об использовании атомной энергии третьим странам. Выступая в Гарварде в начале сентября 1943 г. по случаю своего пребывания в США в присутствии научных светил, Черчилль в присущей ему блестящей форме обрисовал особые выгоды для безопасности обоих народов (“и всего остального мира”) сохранения тех договоренностей, которые были достигнуты. Едва ли подтекст речи мог остаться незамеченным Москвой, разведке которой давно было известно о Манхэттенском проекте. Суть речи заключалась в хвале сверхмогуществу англо-американского альянса “на все времена”¹²³. Коль скоро такие подозрения могли возникнуть у Сталина и раньше, тем более не стоило их искусственно провоцировать. Сделав важную уступку Черчиллю в Квебеке, Рузвельт продемонстрировал в Тегеране сбалансированность своих симпатий. Президент имел со Сталиным ряд встреч с глазу на глаз, и они остались довольны друг другом.

В принятой в Тегеране декларации главы правительств трех держав выражали решимость, что три страны “будут работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время”. В первой телеграмме Рузвельта Хэллу в Вашингтон 3 декабря, которая предназначалась только для государственного секретаря, говорилось: “В Тегеране в целом все шло очень хорошо и даже лучше, чем я ожидал. Маршал Сталин и я работали вместе во имя достижения целей, которые, как оказалось, были очень схожими”¹²⁴. На следующий день Рузвельт из Каира отправил послание председателю Совета народных комиссаров СССР. В нем было сказано: “Наша группа благополучно прибыла к месту назначения, и все мы искренне надеемся, что к этому времени Вы также прибыли благополучно. Я считаю, что конференция была весьма успешной, и я уверен, что она является историческим событием, подтверждающим не только нашу способность совместно вести войну, но также работать для дела грядущего мира в полнейшем согласии. Наши личные совместные беседы доставили мне большое наслаждение и особенно возможность встречаться с Вами наедине. Я надеюсь видеть Вас снова когда-нибудь, а до этого времени желаю самого большого успеха Вам и Вашим армиям”¹²⁵. Заканчивался 1943 год – год больших событий, сложного маневрирования и тревожных ожиданий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Sherwood Collection. Box 308. Hopkins' Memorandum. Sept. 2, 1941.

² Ibid. Box 305. A. Barth to O. Cox, Oct. 29, 1941.

³ См.: История рабочего движения в США в новейшее время, 1918–1965: В 2 т. М., 1971. Т. 2: 1939–1965. С. 64; История США. М., 1985. Т. 3. С. 337.

⁴ История рабочего движения в США в новейшее время. Т. 2. С. 66.

⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 5283. Оп. 14. Д. 84. Л. 7.

⁶ Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt (1941). Vol. 1–13 / Ed. by S.I. Rosenman. N.Y., 1938–1950. P. 438 ff.

⁷ См.: Поздеева Л.В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны 1941–1945. М., 1964. С. 117–132.

⁸ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1984. В 2 т. Т. 1. С. 224.

⁹ ЦГАОР СССР. Ф. 5283. Оп. 14. Д. 185. Л. 1.

¹⁰ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 233.

¹¹ FDRL. Harry L. Hopkins Papers. Records of President's Soviet Protocol Committee, 1942–1945. Box 18. Memorandum for the Chief of Staff. Febr. 12, 1942.

¹² Ibid. Sherwood Collection. Box 308. Hopkins to J.N. Hall, Nov. 12, 1941.

¹³ Library of Congress. B. Long Papers. Box 5. Diaries. Apr. 28, 1942.

¹⁴ См.: Поздеева Л.В. Лондон–Москва. Британское общественное мнение и СССР, 1939–1945. М., 2000. С. 145–155.

¹⁵ Чуев Ф. Молотов: Полудержавный властелин. М., 2002. С. 81; Kimball W.F. The Juggler. Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton, 1991. P. 29.

¹⁶ Ржешевский О.А. Война и дипломатия: Документы, комментарии (1941–1942). М., 1997. С. 207; Печатнов В.О. Московское посольство Аверелла Гарримана (1943–1946 гг.) // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 183; Shepardson D.E. Conflict and Diplomacy. From the Great War to the Cold War. N.Y., 1999. P. 181–183.

¹⁷ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 160.

¹⁸ FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Sherwood Collection. Box 308. Hopkins' Memorandum. Apr. 9, 1942.

¹⁹ Ibid. War Cabinet. Defence Committee. Minutes of Meeting held 14th April 1942 (London).

²⁰ См.: Севостьянов Г.Н. Дипломатическая история войны на Тихом океане. М., 1969. С. 220.

²¹ FDRL. Papers of H.L. Hopkins. Sherwood Collection. Box 308. War Cabinet. Defence Committee. Minutes of Meeting held 14th April, 1942 (London).

²² См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 159–160.

²³ Dallek R. Franklin Roosevelt and American Foreign Policy. N.Y., 1979. P. 344.

²⁴ См.: Ржешевский О.А. Указ. соч. С. 206–208; Шустов В.В. А.А. Соболев – к 100-летию со дня рождения // Междунар. жизнь. 2004. № 1. С. 143–159.

²⁵ New York Times. 1942. June 23. Ни одну речь Гопкинс не готовил с такой тщательностью, как эту, – пять вариантов, пока не остановился на последнем. Каждое его слово было согласовано с Ф. Рузвельтом (см.: Cotham P.C. Harry L.

Hopkins. Spokesman for Franklin D. Roosevelt in Depression and War. Dissertation. Wayne State University, 1970. P. 186).

²⁶ FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Special Assistant to the President, 1941–1945. Box 137. *J.E. Davies to Hopkins*, June 23, 1942.

²⁷ Ibid. *Hopkins to J.E. Davies*, June 25, 1942.

²⁸ *Ундасынов И.Н.* Рузвельт, Черчилль и второй фронт. М., 1965. С. 65–66.

²⁹ FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Sherwood Collection. Box 308. *F.D. Roosevelt to H. Hopkins, G. Marschall, E. King*, July 24, 1942.

³⁰ См. донесения М.М. Литвинова в Народный комиссариат иностранных дел СССР от 22 и 29 декабря 1942 г. о беседах с Рузвельтом (АВПРФ. Ф. 059, Оп. 1, П. 412. Д. 3708. Л. 250–253; см. также: FRUS, 1942. Vol. III. P. 532).

³¹ *Adams H.H.* Harry Hopkins: A Biography. N.Y., 1977. P. 287.

³² FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Special Assistant to the President, 1941–1945. Box 220. *U. Sinclair to Hopkins*, July 29, 1942; *Hopkins to U. Sinclair*, Aug. 13, 1942.

³³ Ibid. 1941–1945. Russia–Russian Convoys. Box 217. *Hopkins to F.D. Roosevelt*, Sept. 22, 1942.

³⁴ Накануне контрнаступления советских войск под Сталинградом на стол Гопкинса легло секретное письмо шефа ФБР Эдгара Гувера, информирующее его о совещании ведущих германских промышленников с участием Круппа и Тиссена у Геринга 15 октября 1942 г. “По сведениям нашего источника, – говорилось в письме, – все выступавшие на совещании заявили, что война для Германии проиграна и что Гитлер не сможет добиться в России того, к чему он стремился” (Ibid. FBI Reports. Box 151. *E. Hoover to Hopkins*, Nov. 18, 1942).

³⁵ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. XII. P. 80.

³⁶ См.: История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1976. Т. 7. С. 514.

³⁷ В сетях шпионажа. М., 1965. С. 128–129; The Secret War Report of the OSS / Ed. and with an Introd. by A.C. Brown. N.Y., 1976.

³⁸ *Kimball W.F.* Op. cit. P. 25–27.

³⁹ *Голль III. де.* Военные мемуары. М., 1960. Т. 2. С. 63.

⁴⁰ *Sherwood R.E.* Op. cit. Vol. 2. P. 251–252.

⁴¹ См.: также *Прозектор Д.М.* Агрессия и катастрофа. М., 1972. С. 566, 567; *Лебедева Н.С.* Секретные контакты эмиссаров держав “оси” и Запада в 1941–1942 гг. // Новая и новейшая история. 1984. № 6. С. 115–132.

⁴² См.: *Вознесенский В.Д.* Царь Борис, Гитлер и легионеры // Новая и новейшая история. 1971. № 2. С. 95; *Высоцкий В.Н.* Мероприятие “Терминал”. Потсдам, 1945. М., 1975. С. 50–51; *Höhne H.* Canaris. Patriot un Zweilicht. München, 1976.

⁴³ FDRL. F.D. Roosevelt Papers. Map Room. Messages to and from H.L. Hopkins. Box 13. *Roosevelt to Hopkins*, July 25, 1942.

⁴⁴ См.: *Безыменский Л.А.* О роли Гиммлера и СС в попытках сепаратного сговора между гитлеровской Германией с западными державами // Германский империализм и Вторая мировая война. М., 1963. С. 467–487; *Исраэлян В.Л., Кутаков Л.Н.* Дипломатия агрессоров. М., 1967. С. 368–370; *Schellenberg W.* The Labyrinth. The Memoirs of Walter Schellenberg. N.Y., 1956. P. 311.

⁴⁵ См.: *Исраэлян В.Л., Кутаков Л.Н.* Указ. соч. С. 373; *Мазохин В.А.* Швейцария в агрессивных планах гитлеровской Германии // Вторая мировая война и современность. М., 1972. С. 219.

⁴⁶ *Dalles A.* The Secret Surrender. N.Y., 1966. P. 27; *Мадер Ю.* Тайное становится явным. М., 1970. С. 38.

- ⁴⁷ LC. L.A. Steinhardt Papers. Box 37. *George V. Allen to Steinhardt*, Mar. 18, 1942; National Archives of the United States (далее: NA). Record Group 226. OSS Archives. Entry 190. Box 474. Folder 1289. *F. Mauran to W. Donovan*, May 6, 1942.
- ⁴⁸ FRUS. 1943. Vol. I. Wash., 1963. P. 484.
- ⁴⁹ LC. L.A. Steinhardt Papers. Box 41. *A.A. Berle, Jr. to Steinhardt*, May 26, 1943.
- ⁵⁰ FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Special Assistant to the President, 1941–1945. FBI Reports. Box 151. *E. Hoover to Hopkins*, Sept. 29, 1943; Jan. 29, 1944.
- ⁵¹ *Casey W.J.* The Secret War Against Hitler. Washington, 1988; *Grose P.* Operation Rollback. America's Secret War Behind the Iron Curtain. Boston; N.Y., 2000.
- ⁵² The Secret War Report of the OSS. P. 295.
- ⁵³ Ibid. P. 297–300. Правительство Турции сочувственно относилось к этой деятельности, проходившей у него на глазах. Немецкий историк Ю. Фёрстер пишет о существовании плана турецкого правительства, разработанного совместно с англичанами, о создании Балканской федерации с целью поставить “барьер” на пути продвижения Советской Армии (*Förster U.* Stalingrad. Risse im Bündniss 1942/1943. Freiburg, 1976. S. 89).
- ⁵⁴ The Secret War Report of the OSS. P. 297.
- ⁵⁵ LC. L.A. Steinhardt Papers. Box 38. Under Secretary of State (подпись неразборчива) to *Steinhardt*, Aug. 1942.
- ⁵⁶ См.: *Чевтаев А.Г.* Позиция США и Англии в отношении Турции (ноябрь 1942 – декабрь 1943 г.) // Американский ежегодник, 1978. М., 1978. С. 78; *Farago L.* The Game of the Foxes. L., 1972. P. 574, 576.
- ⁵⁷ *Colvin I.* Master Spy. N.Y., 1951. P. 165.
- ⁵⁸ *Вознесенский В.Д.* Указ. соч. С. 95.
- ⁵⁹ *Смирнова Н.Д.* Политика США в Греции // Из истории Европы в новое и новейшее время. М., 1984. С. 233.
- ⁶⁰ FDRL. F.D. Roosevelt Papers. Map Room. Messages to and from H. Hopkins. Box 13. Folder 2. *G. Earle to Hopkins*, Febr. 7, 1943.
- ⁶¹ *Papen F. von.* Memoirs. L., 1952. P. 499; *Farago L.* Op. cit. P. 580.
- ⁶² FDRL. F.D. Roosevelt Papers. Map Room. Messages to and from H. Hopkins. Box 13. *L. Steinhardt to Hopkins*, Febr. 21, 1943.
- ⁶³ The Secret War Report of the OSS. P. 256–257.
- ⁶⁴ FDRL. F.D. Roosevelt Papers. Map Room, Message to and from H. Hopkins. Box 13. *G. Earle to Hopkins*. Mar. 17, 1943. В противовес Эрлу англичане делали ставку на оппозиционно настроенные к царю Борису буржуазные круги Болгарии. Столкновение двух тактических линий приняло весной и летом 1943 г. очертания миниконфликта между США и Англией, что отражено в записках английского посольства в Вашингтоне в адрес госдепартамента США (см.: FRUS. 1943. Vol. I. P. 495–497).
- ⁶⁵ FDRL. F.D. Roosevelt Papers. Map Room. Messages to and from H. Hopkins. Box 13. *G. Earle to Hopkins*, Apr. 2, 1943.
- ⁶⁶ Ibid. *G. Earle to Hopkins*, May 10, 1943.
- ⁶⁷ Ibid. *G. Earle to Hopkins*, Apr. 2, 1943. Утверждения, с которыми приходится встречаться в литературе, о заключении при посредничестве Эрла секретного соглашения между царем Борисом и правительством США, скорее всего, неверны (см.: *Colvin I.* Op. cit. P. 165–166). Новые документы подтверждают точку зрения тех российских и болгарских историков, которые считают, что Борис и его окружение оставались верными сотрудничеству с Гитлером, хотя и не отказывались от контактов и торго с американцами (*Вознесенский В.Д.* Указ. соч. С. 102; *Димитров И.* Буржуазната оппозиция в България 1939–1944. С., 1969. С. 100–102).

⁶⁸ FDRL. F.D. Roosevelt Papers. Map Room. Messages to and from H. Hopkins. Box 13. *G. Earle to Hopkins*, Febr. 25; Apr. 15, 1944; Map Room. Missilenuous Press Dispatches. Box 12. Folder 3 (A). *G. Earle to Roosevelt*, Apr. 17, 1944.

⁶⁹ NA. Record Group 226. OSS Archives. Entry 1. Box 1. Folder 10. "Condition of a Separate Russo-German Peace. Summery and Conclusion, Oct. 16, 1943"; *J.A. Morrison to R. Hartshorne*, Sept. 23, 1943.

⁷⁰ См.: История Второй мировой войны, 1939–1945. М., 1976. Т. 6. С. 403–404; FRUS. 1943. Vol. I. P. 510–511; The Secret War Report of the OSS. P. 250.

⁷¹ *Проектор Д.М.* Указ. соч. С. 558.

⁷² Франц фон Папен относился к тем германским политикам, которые в наибольшей степени несут ответственность за приход нацистов к власти. В годы Первой мировой войны Папен был военным атташе Германии в США. Высланный оттуда за шпионаж, он приложил немало усилий для восстановления сил реакции, ослабленной после Ноябрьской революции в Германии. В 1934 г. Папен был назначен Гитлером на пост германского посла в Австрии, где действовал строго в интересах политики подрыва ее независимости и аншлюса. В апреле 1939 г. уже после оккупации Австрии Папен становится германским послом в Турции. При этом он оговорил себе исключительное право "выхода" непосредственно на Гитлера, минуя министерство иностранных дел и самого Риббентропа (*Papen P. von*. Op.cit. P. 445). Оставаясь в Турции вплоть до 1944 г., Папен свое "миротворчество" на заключительном этапе войны подчинил задаче сохранения и укрепления основных стратегических позиций Германии ценой затягивания войны и склонения Запада к примирению с нацистским режимом. Голосами западных судей фон Папен был оправдан на Нюрнбергском процессе.

⁷³ *Moyzisch L.C.* Operation Cicero. N.Y., 1950. P. 3.

⁷⁴ *Papen F. von*. Op. cit. P. 480, 481, 489, 493, 495, 517, 522–523.

⁷⁵ См.: СССР в борьбе против фашистской агрессии, 1933–1945. М., 1976. С. 237; *Papen F. von*. Op. cit. P. 481; *Höhne H.* Op. cit. S. 460–462.

⁷⁶ *Безыменский Л.* Германские генералы – с Гитлером и без него М., 1961. С. 229; *Хаффнер С.* Самоубийство германской империи. М., 1972. С. 86–88.

⁷⁷ *Papen F. von*. Op. cit. P. 445, 496.

⁷⁸ Ibid. P. 449, 500, 517; *Colvin I.* Op. cit. P. 215, 216.

⁷⁹ *Adams H.H.* Op. cit. P. 334–335; *Кузнец Ю.Л.* От Перл Харбора до Потсдама. М., 1970. С. 130–131.

⁸⁰ См.: *Севостьянов Г.Н., Уткин А.И.* США и Франция в годы войны, 1939–1945. М., 1974. С. 199–200; *Funk A.L.* The Politics of TORCH. Lowrence, 1974. P. 249–255.

⁸¹ См.: *Лебедева Н.С.* Касабланкская конференция и принцип безоговорочной капитуляции // Американский ежегодник, 1978. М., 1978. С. 42–68.

⁸² The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. N.Y., 1949. Vol. XII. P. 80.

⁸³ FDRL. F.D. Roosevelt Papers. Map Room. Messages to and from H. Hopkins. Box 15. *Hopkins to G. Earle*, Febr. 18, 1943; *Рузвельт Ф.Д.* Беседы у камина. М., 2003. С. 312.

⁸⁴ A. Record Group 226. OSS Archives. Entry 1. Box 2. Folder 28. *W.J. Donovan to J.K. Deane*, Jan. 4, 1944; *Grose P.* Op. cit. P. 17.

⁸⁵ Library of Congress. Arthur Sweetser Papers. Box 34. Notes. May 29, 1942.

⁸⁶ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 287.

⁸⁷ См.: *Земсков И.Н.* Дипломатическая история второго фронта в Европе. М., 1982. С. 146.

⁸⁸ См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 224–230.

⁸⁹ Там же. С. 21, 313. Подробнее об удельном весе и значении англо-американской помощи России см.: *Рейнолдс Д. и др.* Союзники, противники, потомки // Союзники в войне 1941–1945. М., 1995. С. 292, 430, 488.

⁹⁰ Там же. С. 338, 489; Т. 2. С. 13.

⁹¹ LC. Joseph E. Davies Papers. Box 12. Diary. Nov. 20, 1942. Conference with the President.

⁹² FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Special Assistant to the President, 1941–1945. Russia–Russian Convoys. Box 217. Memorandum for Mr. Hopkins: Importance of Soviet Relationships and Suggestions for Improving Them. Dec. 1, 1942.

⁹³ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 262.

⁹⁴ FDRL. F. D. Roosevelt Papers. Map Room. Messages to and from H. Hopkins. Box 13. Folder 2. *W. Churchill to Hopkins*, Febr. 13, 1943.

⁹⁵ См.: *Земсков И.Н.* Указ. соч. С. 180, 205.

⁹⁶ LC. Joseph E. Davies Papers. Box 12. Diary. Mar. 14, 1943. Conference with Hopkins.

⁹⁷ Ibid. Mar. 12, 19, 1943.

⁹⁸ Ibid. Journal. Mar. 14, 1943.

⁹⁹ LC. Joseph E. Davies Papers. Box 12. Journal, Mar. 14, 1943.

¹⁰⁰ *Ржешевский О.А.* Указ. соч. 1997. С. 192, 193.

¹⁰¹ По-видимому, имелась в виду беседа министра иностранных дел Англии Идена с советским послом И.М. Майским 22 октября 1942 г., в которой Иден по поручению военного кабинета затронул вопрос о состоянии советско-английских отношений, ссылаясь на замечания И.В. Сталина в интервью корреспонденту американского агентства “Ассошиэйтед пресс” Кэссиди от 3 октября 1942 г. о невыполнении союзниками их обязательств об открытии второго фронта. В ходе последовавшего “серьезного разговора” И.М. Майский сообщил о том неблагоприятном впечатлении, которое производят в СССР подобные действия (*Земсков И.Н.* Указ. соч. С. 141).

¹⁰² LC. Joseph E. Davies Papers. Box 13. Diary. Apr. 12, 1943. Roosevelt on Churchill and Stalin.

¹⁰³ Ibid. Box 12. Diary. Apr. 19, 1943.

¹⁰⁴ Полный текст послания президента США Рузвельта председателю совета народных комиссаров СССР И.В. Сталину от 5 мая 1943 г. см.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 315, 316.

¹⁰⁵ FRUS. The Conference of Cairo and Teheran, 1943. Wash., 1961. P. 5.

¹⁰⁶ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 315, 316, 319–323.

¹⁰⁷ FRUS. The Conference of Cairo and Teheran, 1943. P. 5.

¹⁰⁸ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. I. С. 324, 359.

¹⁰⁹ LC. Joseph E. Davies Papers. Box 13. *Davies to H.M. Warner*, May 24, 1943.

¹¹⁰ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 326.

¹¹¹ LC. Joseph E. Davies Papers. Box 13. Diary. June 7, 1943.

¹¹² *Burns J.M.* Roosevelt: The Lion and the Fox. P. 368; *Поуз Н.* Черчилль: Бурная жизнь. М., 2003. С. 374.

¹¹³ FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Special Assistant to the President, 1941–1945. Russia–Russian Convoys. Box 217. J.H. Burnes' Memorandum. August 10, 1943 (Subject: Russia). Вплоть до мая 1972 г. документ был помечен грифом “секретно”.

¹¹⁴ *Ibid*; *Sherwood R.E.* Roosevelt and Hopkins. An Intimate History. Vol. 1–2. N.Y., 1950. Vol. 2. P. 364.

¹¹⁵ Цит. по: *Израэлян В.Л.* Указ. соч. С. 191.

¹¹⁶ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 375.

¹¹⁷ FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Special Assistant to the President, 1941–1945. Russia–Russian Convoys. Box 217. Joint Intelligent Committee Weekly Summary. № 34. Sept. 1, 1943.

¹¹⁸ Правда. 1943. 2 нояб.

¹¹⁹ См.: *Севостьянов Г.Н.* Дипломатическая история войны на Тихом океане. С. 600.

¹²⁰ *Sherwood R.E.* Op. cit. Vol. 2. P. 404.

¹²¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1978. Т. II: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). Сб. документов. С. 175.

¹²² *Harbatt F.* The Iron Curtain: Churchill, America and the Origins of the Cold War. N.Y., 1986.

¹²³ *Hershberg J.G., James B.* Conant. Harvard to Hiroshima and the Making of the Nuclear Age. Stanford, CA, 1993.

¹²⁴ FDRL. Franklin D. Roosevelt Papers. Map Room. Presidential Trips (Cairo–Teheran). Box 17. *Roosevelt to C. Hull*, Dec. 3, 1943.

¹²⁵ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 461.

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА

НА ПОРОГЕ “АМЕРИКАНСКОГО ВЕКА”

После сокрушительного поражения вермахта под Сталинградом и Курском и последовавшего вслед за тем освобождения двух третей территории СССР главные силы блока фашистских держав были подорваны, в ходе войны наступил коренной перелом. Параллельно с ударами Красной Армии англо-американские войска изгнали нацистов из Северной Африки, Сицилии, Сардинии, Корсики. В сентябре 1943 г. началась высадка союзников в Южной Италии. Правительство самого сильного союзника Германии капитулировало, а затем объявило войну Германии (13 октября 1943 г.). “Ось” Берлин–Рим перестала существовать, англо-американские войска медленно продвигались на Север.

Постепенно менялось к лучшему ситуация на Тихоокеанском театре военных действий. Пёрл-Харбор явился тяжелейшим ударом по США как военной державе и по ее престижу. Между тем она претендовала на безраздельное военно-морское превосходство в регионе. Америка оказалась на грани психологической катастрофы, но вскоре выяснилось, что у нее есть главный союзник – время. До весны 1942 г. японцы, одержав ряд впечатляющих побед, захватили Гонконг, Гуам, Таиланд, Британскую Малайю, Сингапур, Голландскую Индию и, почти не встречая сопротивления, вошли в Бирму. На море японцы фактически уничтожили весь британский дальневосточный флот. Его сохранившиеся боевые единицы укрылись в портах Восточной Африки. Сдержать этот напор было некому. Боеспособная часть Тихоокеанского флота США лежала на дне бухты Пёрл-Харбор. В мае 1942 г. американские войска, защищавшие Филиппины, капитулировали. Японские войска оказались на подступах к Индии и Австралии¹. В Токио планировали нанести “решающий удар” противнику, захватив американский остров Мидуэй в северной части Гавайских островов и покончив с остатками Тихоокеанского флота США. Вполне возможно, что это могло стать концом войны на Тихом океане.

Только в июне 1942 г. в связи со счастливым исходом сражения за атолл Мидуэй (огромная заслуга в этом принадлежала разведке), американские вооруженные силы на Тихоокеанском театре военных действий добились перелома в войне. Стратегический план Япо-

нии одержать в ней скорую победу провалился². Выигрыш во времени позволил США изменить соотношение сил на море, введя в строй 27 авианосцев – главную ударную силу – против шести японских и завладев господством в воздухе. В то время не сразу было осознано по-настоящему то, что после Мидуэя, несмотря на локальные успехи японцев на ряде направлений и довольно пассивные действия американцев и англичан, не только стратегическая, но и геополитическая инициатива на Тихом океане перешла к Соединенным Штатам. Но когда это произошло военное руководство США приняло решение впредь никому ее не уступать. Командующий американским флотом адмирал Эрнст Кинг отвергал идею оборонительной морской войны. Поклонник теории Мэхэна, он вслед за своим кумиром готов был произнести: “Нация, которая хочет господствовать на море, должна атаковать”³.

Улучшение военно-стратегического положения ставило перед странами антигитлеровской коалиции вопрос послевоенного урегулирования как в ближайшем будущем, так и в долгосрочной перспективе. Правительство США весьма оперативно отреагировало на эту новую ситуацию. “Завершение грандиозной русской победы в Сталинграде, – писал Р. Шервуд, – изменило всю картину войны и перспективы ближайшего будущего. Эта битва, – которую по продолжительности и по ужасным потерям можно приравнять к большой войне, выдвинула Россию в ряд великих держав, чего, собственно, она давно заслуживала благодаря характеру и численности ее народа. Рузвельт понял, что должен теперь заглянуть в более далекое будущее, чем военная кампания 1943 г., и заняться рассмотрением вопросов послевоенного мира”⁴. Президент и его ближайшие советники считали, что у них есть основания для оптимизма, несмотря на все трудности и даже опасности, возникающие на пути планов (если воспользоваться словами самого Рузвельта) “тесного и прочного сотрудничества” США и СССР в интересах достижения “вместе с другими одинаково мыслящими странами” благородной цели – “справедливого и длительного мира”⁵.

Переговоры по этим вопросам велись между союзниками по дипломатическим каналам с начала 1942 г. Взвешивая все плюсы и минусы выдвижения идеи о переналаживании международных отношений на основе принципа добрососедства различных стран, учета их законных интересов и достижения согласия по спорным вопросам мирным путем (а если нужно, то и “поддерживать мир силой”), Рузвельт счел необходимым предпринять зондаж позиций главных союзников по антигитлеровской коалиции⁶, хотя если иметь в виду внутрисполитическую ситуацию, то следует признать, что возможные негативные последствия таких шагов по многим признакам могли перевесить все остальное. “В нашей стране, – говорил Рузвельт 24 декабря 1943 г., – всегда водились жизнерадостные идиоты, которые полагали, что никакие войны нам не будут угрожать, стоит

только всем американцам вернуться в свои дома и запереть дверь”⁷. Неудивительно, что некоторые советники президента были против открытого обсуждения вопроса послевоенного сотрудничества в рамках проектируемой системы коллективной безопасности при сохранении решающей роли великих держав-союзников (включая СССР), считая его по крайней мере несвоевременным. Однако проведенные весной 1943 г. в условиях секретности опросы общественного мнения как будто подсказывали иной вывод. Значительное большинство американцев (62%) ответили положительно на вопрос о шансах на создание мира без войн после победы над врагом, а 63% ответили “да” на вопрос о том, следует ли США войти в международную организацию безопасности после войны⁸.

О желании сохранить и после войны добрососедские отношения с Советским Союзом большинство американцев заявили довольно четко. Однако такой тонкий наблюдатель, как Феликс Франкфуртер, примерно в то же время признал, что народ в целом нуждается в серьезном и длительном воспитании, чтобы быть на уровне международных проблем, выдвигаемых быстро меняющейся обстановкой⁹. Он отмечал в дневнике, что неблагоприятным фактором в этом смысле становилась ведущаяся кампания дискредитации администрации со стороны республиканской оппозиции, преследующей свои узкопартийные цели в борьбе за преобладание в коридорах власти¹⁰. Можно добавить, что речь должна идти не только о межпартийных раздорах, но и кое-что посерьезнее, а именно о различных подходах к оценке целей и роли США в послевоенном мире. Все громче раздавались голоса в пользу мира только на американских условиях. И в конгрессе, и в прессе, и в правительстве консолидировались силы, выступавшие под флагом неограниченной экспансии США и мечтающие о превращении водного пространства океанов в сообщающиеся “американские озера”¹¹. Не обо всем можно было говорить вслух. Не случайно поэтому председатель сенатского комитета по иностранным делам конгресса США Том Коннелли информировал в мае 1943 г. Гопкинса о том, что слушания в сенатском подкомитете “различных ожидающих решения планов послевоенной политики США в мире”¹² будут проводиться в абсолютной тайне.

Рузвельт, обдумывая эти сложнейшие вопросы, стремился обходить их в публичных выступлениях. Впрочем, еще весной 1941 г., стало ясно, что это не удастся сделать. Приглашением к общенациональной дискуссии послужило выступление издателя популярнейших журналов “Тайм” и “Лайф” Генри Люса в февральском номере “Лайф”. В нем Люс изложил свою концепцию американского лидерства в послевоенном мире как закономерного итога достижений страны в технологиях, науке, культуре, медицине и вооружениях. Через год этот “трактат”, он включил в брошюру, ставшую самой читаемой в Америке. Ее народ, оказавшись участником коалицион-

ной войны, хотел заглянуть в будущее и обрести ясную цель, ради которой стоило приносить жертвы и не скупиться на затраты. Люс дал четкий ориентир: XX век станет “Американским веком”. И пояснил: “Он наш (американский) не только потому, что нам выпало жить в это время, но и потому также что это первый век Америки как доминирующей в мире силы”¹³. Развернувшиеся вокруг “энциклики” Г. Люса дебаты неминуемо должны были втянуть в них Белый дом. Важными признаками того, что Рузвельт искал собственный надежный вариант будущего мироустройства в деликатной для него обстановке (дипломатической и военной) были беседы с Молотовым и Свитцером в конце мая 1942 г. Два принципиальных условия представлялись очевидными. Первое: система “четырёх полицейских”, патрулирующих мир и готовых в случае необходимости пресечь действия нарушителя международного правопорядка силой. Второе: мирное сотрудничество народов возможно только в том случае, если оно строится на уважении и терпимости “к особенностям каждого” (об этом Рузвельт скажет в своей речи 6 января 1945 г.).

Впервые Рузвельт публично выступил со своим проектом декларации о создании международной организации и об ответственности четырех держав (США, Англии, СССР и Китая) за сохранение мира после окончания войны в интервью, опубликованном в одной из нью-йоркских газет и на Вашингтонской встрече с А. Иденом в марте 1943 г. Все предварительные расчеты убедили президента, что это был своевременный шаг с точки зрения прежде всего внутренних условий. В числе говорящих в пользу него доводов был и успех вышедшей весной 1943 г. книги У. Уилки “Неразделенный мир”, содержавшей план организации международного сотрудничества после войны, и стремление прогрессистского крыла демократов не упустить инициативу в борьбе за расширение электората путем выдвижения конструктивной программы строительства общества образцовой внутренней организации, и желание самого президента вступить в новую избирательную кампанию 1944 г., будучи вооруженным внешнеполитическими идеями, близкими и понятными большинству американцев.

Дискуссия по вопросам послевоенного мирного урегулирования и создания всеобъемлющей системы международной безопасности внутри узкого круга политических деятелей из непосредственного окружения Рузвельта захватывала все более широкий круг вопросов, выявляя линии размежевания. В числе самых активных сторонников скорейшей выработки конструктивных решений были Г. Гопкинс (полагавший, что Рузвельт непростительно медлит), вице-президент Г. Уоллес и заместитель государственного секретаря С. Уэллес. Против обсуждения проблем послевоенного устройства выступал К. Хэлл. Ничего хорошего государственный секретарь от этого обсуждения не ожидал, полагая, что оно свяжет руки США. Долгое время Рузвельт сохранял нейтралитет и внешнюю незаинтересован-

ность. Тем, кто знал его очень близко, это предвещало переход к какому-то новому состоянию. К какому? Об этом можно было только догадываться. Ф. Франкфуртер, неприменный участник этих обсуждений, не без досады записал в дневнике: "По общему мнению, длительная болезнь сделала его (Рузвельта. – В.М.) более, чем обычно, скрытным и самонадеянным. Его общительность, когда он демонстрировал готовность к доверительным отношениям почти с каждым, была только показной"¹⁴.

Однако недопустимо недооценивать или умалять существование внутри Соединенных Штатов и все нараставшее сопротивление курсу на международное сотрудничество, тем более с Советским Союзом. Их негативное влияние выявилось задолго до того, как советские войска, достигли границ Польши, Румынии, Венгрии и Чехословакии. Еще в марте 1943 г. с речью, пронизанной враждебностью к Советскому Союзу, в Филадельфии выступил У. Буллит. Напомним реакцию Белого дома: президент в частной беседе с Джозефом Дэвисом назвал ее непозволительной по тону и неправильной по существу¹⁵. Признание негативных последствий таких ударов "с тыла" вылилось в последовавший в конце сентября 1943 г. полный и окончательный разрыв Рузвельта с Буллитом. Но через некоторое время, уступая давлению противников концепции послевоенного международного сотрудничества, Рузвельт в том же сентябре отправил в отставку заместителя государственного секретаря Самнера Уэллеса, старого друга и ветерана дипломатической службы. Последний, замечает Роберт Даллек, "был самым красноречивым среди членов правительства сторонником вильсонианской, или универсалистской, формулы обеспечения всеобщей безопасности в послевоенном мире"¹⁶.

Резонанс от будоражащих часть американской публики выступлений на тему "советской угрозы" был ощутимым благодаря комментариям критически настроенных по отношению к Советскому Союзу многочисленных органов американской печати и радио, а также вчерашних изоляционистов в конгрессе во главе с председателем сенатской комиссии по иностранным делам Артуром Ванденбергом, перевоплотившихся в самых ярких сторонников закрепления за США "максимальной власти" в интересах "свободного мира". Изоляционизм, говорил он, для любого реалиста умер 7 декабря 1941 г.¹⁷ В этом суждении была значительная доля истины.

После Пёрл-Харбора оба оппонента Рузвельта, республиканцы Г.К. Гувер и А. Лэндон, поддержали вступление в войну, а вскоре Гувер публично признал, что война изменила его отношение к тому, какой должна быть роль Америки в мире. В 1942 г. вышла книга Гувера "Проблемы прочного мира", в которой он решительно возражал против возвращения к изоляционизму после окончания войны и даже опроверг версию о том, что этот самый изоляционизм когда-либо существовал в чистом виде¹⁸. Вчерашние противники внешней

политики Рузвельта солидаризировались с ней, заявив о своей поддержке интернационализма президента, но без его “советского склонения”, т.е. с акцентом на американское военное превосходство и другие “максимальные” преимущества.

Не желая уступать инициативу вновь обретенным сторонникам из лагеря “непримиримых”, Рузвельт предпринял ряд шагов с целью добиться от Кремля либерализации его (Кремля) позиции в отношении церкви и культурного общения. Самый незначительный успех в этом деле давал ему надежду на благоприятный исход будущих контактов с Москвой по вопросам послевоенного устройства с точки зрения внутренних (для США) условий¹⁹. Драма В. Вильсона слишком живым примером личной и национальной катастрофы сохранялась тревожным напоминанием о факторах риска.

Миссия посла Джозефа Дэвиса в Москву в мае 1943 г., принятая по инициативе Рузвельта и во многих отношениях подготовившая первую встречу “Большой тройки” в Тегеране, свидетельствовала, что президент в принципиальных вопросах союзнических отношений не был намерен капитулировать перед противником, толкавшим Рузвельта на проведение жесткой линии в “русском вопросе”, на отказ от совместного с Советским Союзом определения структуры послевоенного мира и механизма его сохранения на длительный период. Учет уроков прошлого придавал Рузвельту решимость и в тех случаях, когда его действия, он знал, не одобряют даже кое-кто из его ближайшего окружения, а тем более в госдепартаменте. Вместе с тем решения конференций в Касабланке, Вашингтоне и Квебеке, принятые без консультации с советским руководством и вызвавшие трения в отношениях между союзниками, не могут рассматриваться изолированно от поднимавшейся волны антисоветизма самой разной природы и мотивации. При этом те, кто втайне мечтал о разрыве с Советским Союзом, а публично изо всех сил старался внушить мысль о “дистанцировании” от него по причине “имперских” (по определению) намерений Москвы, делали это изобретательно и неутомимо²⁰. В беседе с В.М. Молотовым издатель газеты “Нью-Йорк таймс” А. Сульцбергер 5 июля 1943 г. признал, что американское общественное мнение подвергается массовой обработке жаждущими реванша новыми изоляционистами²¹.

Мишенью для их нападок были и тесные американско-английские связи²², но главные стрелы они метали против сотрудничества с тоталитарным режимом Сталина, намерения которого и после роспуска Коминтерна связывали с планами мировой революции. Заигрывание с идеей о восстановлении подобия “санитарного кордона” вокруг Советского Союза, которому охотно предавались херстовские газеты, рассуждая о послевоенной реконструкции Европы, постоянное возвращение к теме Прибалтики, польскому вопросу (особенно после Катыни) беспокоило многих опытных американских диплома-

тов и политических деятелей, по-разному относившихся к Советскому Союзу, но сознававших опасность углубления трений между союзниками.

Политический зондаж традиционным методом глубокого “прослушивания” общественных настроений давал весьма разноликую картину. С ней могли не совпадать данные опросов общественного мнения. Отвечая на поставленный советником президента Сэмом Розенманом вопрос о том, к кому прислушивается большинство американцев – к сторонникам углубления советско-американского военного сотрудничества или к их критикам, Джозеф Дэвис в письме от 29 июля 1943 г. высказался весьма определенно и не выбирая выражений: “Общественное мнение нашей страны... признает ту основополагающую истину, что сотрудничество с Россией (независимо от ее политического строя и религиозных убеждений) жизненно важно для нас как в Европе, так и на Тихом океане, идет ли речь о международной политике или просто о деловом партнерстве с целью поддержания будущего мира на земле, по крайней мере на какое-то время. Здравый смысл, присущий нашему народу, подсказывает, что нельзя рассчитывать на сотрудничество с партнером, если позволяешь себе оскорбительные высказывания в его адрес...”

Суть дела в том, что пестрая банда, куда входят те, кто всегда был против Рузвельта, плюс крайние реакционеры и (что довольно-таки странно) некоторые леваки, столкнувшись друг с другом после того, как опасность уменьшилась, вышли из укрытия, сплотились и обрели отвагу. И вся эта свора подняла дикий визг. Настали собачьи времена. Мы накануне острых политических боев.

Существует настоящий сговор между органами печати, враждебно относящимися к президенту и составляющими почти 70% так называемой “газетной цепи”... Есть много признаков того, что действия этой прессы очень хорошо координируются и осуществляются по плану. Я не знаю, заметили ли Вы, что как раз перед последним выступлением президента по радио, вчера вечером, по крайней мере по одному каналу радиовещания, была запущена в эфир программа, содержащая яростную атаку на сторонников международного сотрудничества и прославляющая американский флаг...”²³.

Заместитель государственного секретаря Брекенридж Лонг по своим своим взглядам принадлежал к несколько иному, нежели Дэвис, направлению внешнеполитического мышления. Неудивительно, что ту же проблему он рассматривал под особым углом зрения. Но и его покорили проявления высокомерия и снобизма в поведении отдельных чинов госдепартамента. Они (эти проявления) позволяли истолковать мотивы правительства США как нежелание видеть в СССР равного партнера по коалиции и как склонявшегося в своих суждениях о послевоенном мире все больше к идее установления “*Rex Americana*”. Так, говоря о результатах конференции “Трай-дент”, Лонг усмотрел в них непростительную уступку русофобии,

роняющую достоинство американской дипломатии, а главное, чреватую опасными последствиями для самих США. Попытка “решать вопросы ведения войны без участия СССР и даже без уведомления его о принятых решениях”, по мнению Лонга, представляла собой пример нерасчетливого подчинения стратегических целей тактическим соображениям, вызванным превосходящими обстоятельствами. Он писал: “Я заявил совершенно откровенно и без церемоний (речь шла, как это явствует из дневника Б. Лонга, о беседе с К. Хэллом и С. Уэллесом 9 августа 1943 г. – *В.М.*), что Россия – самый важный элемент в рамках совместных военных усилий союзников в настоящее время. Если бы Россия вышла из войны, это привело бы к ужасным последствиям для нас в Европе и сделало бы бесконечно трудным достижение победы над Японией”²⁴.

Все, что накопилось в межсоюзнических (и главным образом в советско-американских) отношениях в промежутке между визитом Дэвиса в Москву в мае 1943 г. и Квебекской встречей (август 1943 г.) и их трактовкой в органах печати США, беспокоило Рузвельта. Репортеры, собравшиеся на первую после окончания Квебекской конференции встречу с президентом 21 августа 1943 г., сразу это почувствовали. Отвечая на вопрос о возможности трехсторонней встречи на высшем уровне, он в самой резкой форме отчитал Дрю Пирсона, написавшего в одной из своих статей, что государственный секретарь США К. Хэлл “давно является противником Советского Союза”. “Я не постесняюсь сказать, – говорил Рузвельт, – что все написанное им (Пирсоном. – *В.М.*) – ложь от начала до конца. Впрочем, здесь нет ничего нового, ибо этот человек – хронический лжец”²⁵. Никогда еще журналисты не видели президента таким разгневанным. Он сорвался, почувствовав, что Пирсон намеренно пытается поссорить его с Москвой. Кстати, многим присутствовавшим на пресс-конференции показалось, что свои слова Рузвельт адресовал не только Пирсону, но и им самим.

Бесспорно, несмотря на всякого рода затруднения и даже кризисные ситуации, в Белом доме не хотели, чтобы у советского руководства сложилось впечатление, будто его хозяин притворяется и как только необходимость в союзнических отношениях с Москвой отпадет, отпадет и нужда притворяться. Об этом Г. Гопкинс говорил А.А. Громыко 19 июля 1943 г.²⁶ Весьма убедительным свидетельством реалистического подхода Белого дома к проблеме советско-американских отношений может служить проявленное Рузвельтом понимание проблем, непосредственно затрагивающих безопасность СССР, в частности, вопроса о восточной границе Польши. Трезвый расчет превозмог и внутренние колебания и сопротивление влиятельных сил, решительно несогласных с этим подходом. Американский историк Э. Марк пишет: “Хорошо известно, что Франклин Д. Рузвельт, отдав вначале дань нерешительности, к 1943 г. стал склоняться к тому, чтобы принять (установле-

ние восточной границы Польши по “линии Керзона”. – В.М.), а затем на Тегеранской конференции сказать Сталину, что польская восточная граница должна быть “передвинута на запад”. Государственный департамент, однако (это общепризнанно), подходил к решению этого вопроса негибко до конца 1944 г. Трудно сказать, что здесь сыграло свою роль – бюрократическая инерция, вильсоновский идеализм, антисоветские предрассудки или предположения, что обессиленный войной Советский Союз будет вынужден в конце войны отступить”²⁷. Историк уловил суть конфликта.

Как быть, если в упоении победой над нацизмом Сталин предъявит Западу счет в духе коминтерновских планов советизации планеты, а критика коммунизма в США перерастет во всеобщую истерию, напоминающую период “красного страха” после русской революции 1917 г.? Этим вопросом все чаще задавался Рузвельт. Беспокоило это и ближе всех стоявшего к нему Гопкинса, который внушал своим сотрудникам, что во всех делах, имеющих отношение к СССР и беспокоящих общественность, правительственным чиновникам “не следует занимать оборонительную позицию. Мы должны проводить твердую и сильную линию... не дать перечеркнуть все сделанное”²⁸. За всем этим стоял долгосрочный “бизнес-план” – добиться христианского возрождения России и освобождения ее от коммунизма.

Небезынтересно в связи с этим также отметить, что сменивший Стэндли на посту посла США в Советском Союзе А. Гарриман в ходе беседы с В. М. Молотовым 21 октября 1943 г. по случаю предстоящего вручения им верительных грамот председателю Президиума Верховного Совета СССР счел необходимым проинформировать его о настроениях американской общественности в отношении союзнических обязательств, взятых на себя правительством США. Сказав, что подавляющее большинство американцев одобряют решимость вести совместно эту войну до конца как в Европе, так и на Тихом океане, Гарриман вместе с тем констатировал, что в стране есть немногочисленные группы, которые издают свои газеты и “утверждают, что Соединенные Штаты совершили ошибку, вступив в войну”, и пояснил: «Эти люди все еще продолжают стоять на позиции “изоляционизма”. Они всячески стараются создать недоразумения во взаимоотношениях между англичанами и американцами, а сейчас – посеять недовольство и между советским и американским народами»²⁹. В своих воспоминаниях Гарриман много позднее писал, что летние и осенние месяцы 1943 г. были “низшей точкой” в истории советско-американских отношений в годы войны³⁰. Однако Рузвельт и его ближайшие советники понимали, что необходимо добиваться перелома в этом процессе и не допустить дальнейшего понижения уровня в отношениях между двумя странами.

Обнадеживающий успех Московской и особенно Тегеранской конференций не снял всех проблем по достижению консолидации внутренних сил в стране на общей внешнеполитической платформе

сотрудничества главных держав антигитлеровской коалиции. Но по крайней мере, различные прорицатели “самораспада” узкого “семейного круга” оказались посрамлены и отчасти даже оттеснены. Пресс-секретарь Белого дома Стив Эрли писал Гопкинсу: “Известие о решениях Тегеранской конференции с энтузиазмом было воспринято всеми, за исключением изоляционистской прессы, а также “изоляционистов” в сенате и в палате представителей. Самое широкое освещение конференция получила в печати, при этом броские заголовки и энергичные выступления в редакционных колонках характеризуют ее как “конференцию победы”. Фотографии глав трех правительств, четкие по изображению и хорошо выполненные, помещены на самых видных местах. Радиокомментаторы оценивают конференцию как выдающееся событие последних двух лет. Уолтер Липпман подчеркивает, что ведущим принципом, выдвинутым Московской и Тегеранской конференциями, является признание великими державами того факта, что только совместными действиями можно обеспечить мир на земле”³¹.

И все же в целом, несмотря на просветы, по мнению Рузвельта, в стране складывалась сложная, и не вполне благоприятная обстановка. Сам президент затруднялся дать ответ относительно прогнозов на будущее, наблюдая пробудившегося и знакомого по 1918 г. синдрома неучастия и невовлеченности. Моральный климат в стране и ситуация в конгрессе после победы республиканцев на промежуточных выборах осенью 1942 г. создавали много проблем. Парадоксально, но одна из них была порождена ощущением близости победы. Р. Даллек пишет: “Президент считал, что страна слишком оптимистично настроена в отношении скорого окончания войны и слишком охотно готова уйти с головой в партийно-политическую борьбу, которая может отвлечь от военных усилий и поставить под угрозу процесс мирного урегулирования”³². Проведенные по просьбе Белого дома секретные опросы общественного мнения действительно давали настораживающие результаты: заинтересованность в отношении внутренних проблем ослабила внимание к фронтам, к тому, чему должна была быть подчинена вся энергия нации.

Как и следовало ожидать, притупление общественного интереса к ведению войны за счет переключения на домашние дела было использовано антирузвельтовской оппозицией. Воспользовавшись неосведомленностью публики и культивируя идеологию америкоцентризма в противовес политическому реализму, представители оппозиции в первые месяцы 1944 г. сосредоточили свои нападки на существовавшие еще в самых общих чертах планы послевоенного урегулирования и сотрудничества. Тема о расхождениях (мнимых и подлинных) между союзниками в отношении целей войны стала любимым коньком критиков Рузвельта, что не могло не беспокоить президента, поскольку уменьшало шансы на создание прочной структуры длительного мира после победы.

Игру по поводу ограничения помощи России строгими рамками ее потребности оказывать сопротивление Гитлеру и по поводу страхов относительно превращения ее в мощную конкурентоспособную силу после войны решительно осудил новый посол в Москве А. Гарриман³³. Накануне нового, 1944 г. Честер Боулс, глава Администрации по контролю над ценами и стойкий приверженец прогрессивных традиций “нового курса”, с огорчением писал в частном письме о метаморфозе ньюдиллеров, превращении их в дюжинных либералов умеренной разновидности и о появившихся у республиканцев реальных возможностях “вернуть эру Уильяма Маккинли”³⁴. В другом письме (от 23 декабря 1943 г.) Сэмюэлю Розенману Честер Боулс еще более определенно высказался в том духе, что наметившийся дрейф вправо способен привести к развитию “агрессивного национализма”, который может оказаться “еще более опасным для всеобщего мира, чем наш прошлый изоляционизм”³⁵. Гарольд Икес в то же примерно время отмечал, что события в 1944 г. по причине естественного для года президентских выборов обострения внутренних противоречий и конфликтов легко могут выйти из-под контроля Белого дома и принять нежелательный оборот³⁶. В публичных выступлениях Икеса настойчиво звучал призыв остерегаться ежедневных инъекций русофобии, впрыскиваемых общественному мнению консервативными органами печати³⁷.

Осложнение внутренней обстановки действительно не заставило себя ждать. Канун 1944 г. на итальянском фронте был ознаменован неудачей англо-американских войск южнее Рима, в районе Кассино. Возникавшая в связи с этим вероятность затягивания начала операции “Оверлорд”, намеченной на май 1944 г., только усиливала контраст между событиями на фронте в Италии и на советско-германском фронте, где в результате широкомасштабного зимне-весеннего наступления 1943–1944 гг. советские войска освободили почти всю Украину, Крым, Молдавию, Ленинградскую и Калининскую области, значительную часть Белоруссии. Проблема ускорения окончания войны, волновавшая американцев и остро дебатировавшаяся в печати, предстала для администрации в весьма невыгодном свете. Способно ли правительство обеспечить эффективное руководство на заключительной стадии ведения коалиционной войны? Этот вопрос обретал особый смысл в преддверии приближающихся президентских выборов осенью 1944 г. Каждый день “топтания” под Кассино стоил демократам и лично Рузвельту поддержки все новых контингентов колеблющихся сторонников. “Психологический эффект Кассино, – писал бывший посол США в республиканской Испании историк Клод Бауэрс 30 марта 1944 г., – очень неблагоприятен. Между нами, во всем этом есть что-то унижительное. В то время как русские освобождают всю Украину и выходят на границу с Румынией, мы все еще воюем под Кассино. Конечно, всегда найдутся какие-то объяснения военного характера, но простые люди в

этом не разбираются и не склонны вдаваться в тонкости военной стратегии”³⁸.

Оппозиция, чутко улавливавшая изменения в настроениях общественности и рассчитывавшая сыграть на струнах этого недовольства собственную мелодию, демонстрируя недоверие “немощному руководству”, развернула баталии за захват главных политических плацдармов. Согласно замыслу ее стратегов, эти тактические бои должны были предварять общее наступление на позиции сторонников Рузвельта в случае, если президент решится на выдвижение своей кандидатуры на пост главы государства в четвертый раз. Р. Шервуд, ссылаясь на беседу с Д. Эйзенхауэром о негативных последствиях разыгрываемого “постыдного спектакля” для боеспособности армии, именовал действия антирузвельтовских сил как “политическое надувательство”³⁹, исключительно опасное и даже граничащее с преступлением. Поскольку Шервуд писал из Англии, находясь вблизи места, где вскоре должна была начаться операция “Оверлорд”, постольку его восприятие разгоравшегося политического конфликта на родине оказалось увязано прежде всего с перспективой завершения подготовки к высадке в Нормандии и успешного продвижения в глубь континента. Б. Лонг из своего кабинета в госдепартаменте видел проблему в более широком внешнеполитическом контексте. Уже сам факт, что 1944 год, писал он, год президентских выборов, серьезно осложняет ведение внешнеполитических дел. К тому же, добавлял Б. Лонг, оппозиция поверила, что наконец-то сможет не упустить свой шанс на успех. Итог: правительство стало мишенью для яростной бомбардировки “с самых разных направлений и со стороны различных сил”⁴⁰. Приближение Дня Победы могло, таким образом, означать приближение поражения победителей на президентских выборах 1944 г.

“ВЕК ПРОСТОГО ЧЕЛОВЕКА”

Что же стояло за всеми этими явлениями и дурными предчувствиями? Общеизвестно, что самые глубокие корни как внутренней, так и внешней политики любого государства определяются в конечном счете экономическими интересами, экономическим положением (можно сказать – изменением экономического положения) основных масс населения. Хотя, разумеется, не может быть прямой взаимосвязи между экономикой и политикой, тем не менее экономическая статистика – беспристрастный показатель обретения Америкой в ходе войны статуса первой мировой державы – дает ключ к пониманию происходившей стремительно смены вех в общественно-политическом климате страны и необратимых изменений в менталитете ее народа.

В самом деле, скачок из состояния упадка и хаоса к динамичному, быстрому росту, к настоящему экономическому буму напоминал

подлинное чудо. Самые смелые предположения прорицателей нового “процветания” Америки из числа сторонников неограниченной экспансии американского капитала на внешних рынках, мечтавших о восстановлении деловой активности в США на путях перевода экономики на военные рельсы⁴¹, были превзойдены. “Война омолодила американский капитализм”, – писал в своей книге Лоуренс Уиттнер⁴². Если иметь в виду темпы и масштабы экономического роста в годы войны, последовавшего за десятилетием глубочайшего кризиса, то с этим нельзя не согласиться. В 1940 г. валовой национальный продукт США исчислялся суммой в 90 млрд долл., к 1944 г. он достиг в 200 млрд. В промышленности все отрасли работали с полной нагрузкой, фактически исчезла безработица, а между тем в 1940 г. армия безработных насчитывала 12 млн человек⁴³.

Резко улучшилось положение в сельском хозяйстве, где впервые за многие годы возникла нехватка рабочих рук. С 1939 по 1945 г. цены на сельскохозяйственные продукты выросли на 131%, что повлекло за собой рост фермерских доходов с 5,3 млрд долл. в 1939 г. до 13,6 млрд в 1944 г. Резко снизилась фермерская задолженность – бич сельской Америки⁴⁴. В материальном смысле большинство других социальных слоев также оказались в выигрыше от экономического подъема⁴⁵. Некоторые ограничения в снабжении отдельными товарами или нормирование других компенсировались появившимся (впервые за многие предшествующие годы) у миллионов людей чувством уверенности в том, что они имеют постоянную работу, а следовательно могут быть спокойны за завтрашний день. Война громыхала где-то далеко на полях России и на Тихом океане, здесь же, в Америке, жизнь быстро налаживалась после тяжелых испытаний Великой депрессии.

Историк Алан Невинс писал, что эта уверенность постепенно вырастала в новое экономическое мышление, опирающееся на стремительный рост экономики и представление о возможности сохранить его и в будущем⁴⁶. Кого-то мог еще смущать вопрос о средствах достижения этой цели или повторении срыва вниз наподобие того, что случился после 1919 г., но только не ту часть американских деловых кругов, которая была тесно связана с военным производством. Ее ответ очень четко и предельно лаконично был сформулирован окрыленным перспективой нескончаемого процветания президентом корпорации “Дженерал электрик” Чарлзом Вильсоном, предложившим крепить союз бизнеса и военных кругов с целью поддержания на ходу “постоянной военной экономики”⁴⁷. Это полностью совпадало с желанием военных кругов не сворачивать, а расширять военное присутствие США в мире. Так, уже в 1943 г. заместитель военно-морского министра США Джеймс Форрестол призывал к усилению военной мощи для установления полного контроля над миром. “У нас теперь в руках сосредоточена огромная сила, – говорил он, – и мы должны непременно сохранить ее”⁴⁸.

Создание военно-промышленного комплекса в США, чье последовательно усиливающееся влияние на правительственную деятельность в военные годы по мере увеличения его удельного веса в экономическом потенциале страны становилось все заметнее, восходит к предвоенным десятилетиям⁴⁹. Но подлинного расцвета он достиг в годы войны. Расширение отраслей, производящих вооружения, с 1939 г. происходило невероятно быстрыми темпами. Например, если в 1939 г. в авиапромышленности было занято всего 63 тыс. рабочих, то в годы войны число занятых увеличилось до рекордной цифры – 1 млн 345 тыс. Важно отметить, что фактически весь прирост продукции в отраслях, работающих на войну, был достигнут за счет государственных вложений. В 1939 г. примерно только треть всей продукции авиационной промышленности была выполнена по военным заказам, в 1946 г. – половина. Сращивание правительственных ведомств и промышленных корпораций, производящих самолеты, авиамоторы и оборудование (таких, как “Боинг”, “Локхид”, “Норт Америкэн”, “Дуглас”, “Дженерал электрик”, “Пратт энд Уитни”), становилось все более заметным. Львиная доля затрат на исследовательские работы в отрасли финансировалась за счет казны. Еще более фантастическим был прогресс в радиотехнической и электронной промышленности. Из отрасли, производящей исключительно потребительские товары (главным образом радиоприемники), она почти на 100% превратилась в производителя военного снаряжения. В годы войны объем реализации промышленных фирм отрасли возрос на 2000%, а занятость на их предприятиях увеличилась в пятикратном размере⁵⁰. Сама мысль о реконверсии в этой процветающей сфере экономики повергла в ужас топ-менеджеров и рабочих.

Ничто так не объединяло государственные институты, крупнейшие корпорации, занятые военным производством, военные круги и интеллектуальный потенциал страны в единый комплекс, как создание работающих на войну крупных исследовательских центров (Манхэттенский проект, Радиационная лаборатория и др.). В 1944 г. правительство израсходовало 700 млн долл. на исследовательские работы в военной области (в 10 раз больше, чем в 1938 г.), причем большая часть этой суммы была передана в руки неправительственных учреждений – частных фирм и университетов, этой индустрии знаний.

Университеты преобразовывались на глазах, заключая договоры с военной промышленностью на проведение специальных разработок и привыкая к щедрости в финансовом отношении вооруженных сил. Военная ориентация, вкус к расходованию крупных средств на опытно-конструкторские работы, возможность быстрого выдвижения и достижения вершин материального благополучия располагали большие группы ученых (особенно молодую поросль) к самому тесному сотрудничеству с военными. “Ученые, – резюмирует американский исследователь Дэвид Ноубл, – так же, как и представители

вооруженных сил, хотели, чтобы их совместная работа продолжалась и после войны. И в самом деле, как писал один историк, изучавший послевоенную готовность (речь идет о милитаризации политического мышления в США после 1945 г.), ученые “сами возглавили движение за институционализацию рожденного в годы войны партнерства с военными. Полностью пропитавшиеся идеологией готовности, ученые оказались втянутыми в военные исследования не в результате беспечности или обмана. Восхваляя их, агитируя за их продолжение, они очень редко задавались вопросом об их целесообразности”⁵¹.

Неудивительно, что планы послевоенного урегулирования (частично согласованные между союзниками), предполагавшие по логике вещей свертывание военного производства и разоружение, находили в этой среде далеко не одинаковый отклик. Призывы “быть начеку”, “держатъ порох сухим”, не ослаблять военную мощь США после войны, остерегаться “красных” и исподволь готовиться к новой войне против них падали на подготовленную почву, особенно там, где, как писал еще в 1944 г. историк Бернард Девото, души людей совращал предательский страх “перед наступлением мира”⁵².

Заметнее всего эта обеспокоенность обескровливанием военных отраслей проявилась в экономической науке, выступлениях (устных и печатных) ее видных представителей, в дискуссиях по поводу предстоящей перестройки экономики на мирные рельсы. Впервые предупреждения о прямой зависимости стабильного развития национальной экономики от поддержания военного производства в мирное время на высоком уровне прозвучали на ежегодном собрании Американской экономической ассоциации в январе 1943 г. (г. Вашингтон). Там был затронут и вопрос об угрозе резкого сокращения зарплаты многих американцев в связи с переходом с уровня расценок, существующих на военных предприятиях, на уровень расценок в невоенном секторе, а отсюда – падение покупательной способности и массовая безработица⁵³. В среде экономистов, тесно связанных с корпорациями, возникло мощное антипацифистское, проимперское лобби. Брошюра Генри Люса воспринималась им как манифест о спасении и величии Америки.

Еще определеннее эти же мотивы звучали на ежегодном собрании Американской экономической ассоциации в январе 1944 г. В представленных докладах фигурировали цифры (впервые обнародованные летом 1943 г.) ожидаемой в первые же годы после войны безработицы (12–16 млн). Назывались потери в заработках, которые неизбежно должны были последовать за сокращением военного производства и закрытием военных заводов. Наконец, прямо указывалось на пугающую возможность повторения сразу же за послевоенным бумом нового 1929 г. Подводя итоги, участники дискуссии пришли к выводу, что все это сулит Соединенным Штатам ослаблением их международных позиций и обострением внутренних соци-

альных конфликтов⁵⁴. Настроения в пользу сохранения ориентации послевоенной экономической политики на военно-стратегические цели с учетом глобальных притязаний США были совершенно недвусмысленно выражены в формуле “военная готовность плюс экономическая готовность”, предложенной в докладе “Экономическая мощь как инструмент национальной политики”. Все эти рассуждения были целиком созвучны призывам правых покончить с “иллюзией” о достижимости прочного мира после войны на основе коллективной безопасности и сотрудничества в области разоружения и держать курс на создание преобладающей военной мощи, способной воплотить в жизнь мечту об “Американском веке”.

Идея превращения военного производства в приоритетное направление американской экономики мирного времени пришлась по душе многим. Вот что писал по этому поводу в 1947 г. лидер социалистической партии Норман Томас: “В Соединенных Штатах (о чем большинство американцев стыдится признаваться) войну, если не приветствовали как избавление от хронической депрессии и безработицы, то воспринимали как норму. Американцы не знали тех разрушений, которые Вторая мировая война принесла Европе... Я много путешествовал по Америке, и ничто меня так сильно не впечатлило (особенно в ходе избирательной кампании 1944 г.), как фактическое отношение населения к войне. Несмотря на растущий список потерь на фронтах, много мужчин и женщин довольно легко готовы были смириться с затягиванием успешно идущей войны до тех пор, пока она обеспечивает им работу, наполняет чувством исполненного долга и в целом дает больше еды, чем они имели до войны”⁵⁵.

В теснейшей взаимосвязи с новыми тенденциями в духовной атмосфере страны находились и политические процессы. Значительные сдвиги в социально-классовой структуре общества, происходившие на фоне экономического роста, не могли не вызвать эрозию той массовой базы, на которую опиралась администрация Рузвельта. Миграция населения с Юга на Север и увеличение доли черных американцев в трудоспособном населении в крупных городах вызвали вспышку расизма, которая привела во многих местах к серьезным беспорядкам в промышленных центрах, традиционно служивших оплотом демократов. Но, пожалуй, важнее всего было то, что испытанная тактика ньюдиллеров, построенная вокруг лозунгов, обещающих скорое улучшение экономических условий жизни низов путем создания сбалансированной экономики с использованием правительственного дирижизма и т.д., начинала пробуксовывать, уже не давая прежнего эффекта. Демократы оказались не готовыми предложить привлекательную программу колеблющейся части своего традиционного электората, среднему классу, его верхней прослойке, обеспечившей себе достаточно высокий уровень материального благополучия, заинтересованной в большей мере теперь уже в решении своих локальных, чисто житейских проблем и отдававшим

предпочтение уже иным ценностям, нежели те, которые предлагали ньюдиллеры.

Особо следует сказать о позиции рабочего движения. Факты свидетельствуют о широкой поддержке рабочим классом целей антифашистской войны⁵⁶. Новое пробуждение этих настроений было самой приметной чертой вновь возникшей ситуации, но не единственной. В самом рабочем движении под влиянием различных причин (в том числе антипрофсоюзной пропаганды правых) усиливались разногласия⁵⁷. Всего заметнее они проявились в неодинаковом подходе руководства АФТ и руководства КПП к проблемам внешней политики, межсоюзнических отношений, да и к самой администрации Рузвельта. Начать хотя бы с того, что АФТ в 1940 и 1944 гг. — годы президентских выборов — оставалась чаще политически нейтральной и не делала мерилом своего отношения к кандидатам той или иной партии их внешнеполитический курс⁵⁸. Позиция же АФТ в вопросах, связанных с укреплением единства рабочих организаций и солидарности трудящихся стран антигитлеровской коалиции, в целом была негативной⁵⁹.

Напротив, профсоюзы КПП, ведомые Комитетом политических действий (КПД), были полностью вовлечены в кампанию по оказанию политической поддержки Рузвельту. Близость КПП к Белому дому и то живое участие, которое его руководство проявило в деле укрепления единства рабочих организаций стран Объединенных Наций, вызвали ревность и враждебную реакцию со стороны лидеров АФТ и в особенности всех антирузвельтовских элементов внутри республиканской и демократической партий. Вновь широкое хождение получила версия об инфильтрации политического радикализма, “красной опасности” в лагерь рузвельтовских либералов и даже о захвате левыми силами руководящих позиций в демократической партии⁶⁰. Кроме того, взаимная неприязнь между лидерами АФТ и руководителями КПП за годы войны еще более возросла.

Но и в самом Конгрессе производственных профсоюзов, этой важной опоре “нового курса”, не было единства взглядов в отношении приоритетов национальной политики. Весьма влиятельные в руководстве ряда крупных производственных профсоюзов социалисты во главе с Норманом Томасом прохладно относились к перспективе тесного сотрудничества СССР и США в интересах послевоенного мирного урегулирования. Антисталинская позиция социалистов делала их активными противниками такого сближения. Не секрет также, что, прячась за тезисом о скорейшем окончании войны, эта группа настаивала на заключении сепаратного мира с гитлеровской Германией и ее союзниками на условиях, прямо противоположных тем, которые были провозглашены Рузвельтом в Касабланке⁶¹. Формула “реалистичного мира”, выдвинутая Н. Томасом в противовес концепции “безоговорочной капитуляции”, не походила на безобидную игру в термины. Она была рассчитана на подогрев страха

перед советской военной мощью и ослаблением позиций Запада после войны в результате разгрома Германии и ее союзников⁶². В этом вопросе, как показывают документы, у Томаса было очень много влиятельных сторонников среди видных республиканцев, в кругах, контролировавших средства массовой информации, и в военных ведомствах. И. Лубин, хорошо осведомленный наблюдатель, отмечал осенью 1944 г., что подобного рода внушения не проходили бесследно, вызывая рост антипатий к демократам у определенной части рабочих (особенно рабочих-католиков), изначально склонных доверчиво внимать критикам внешней политики Рузвельта⁶³. Ко всему прочему добавились и опасения другого рода.

После того как летом 1944 г. правительственные ведомства стали сокращать объем военных заказов, а корпорации в свою очередь немедленно приступили к увольнениям, руководители крупнейших профсоюзов КПП с новой силой дали почувствовать, что и они обеспокоены возвращением призрака Великой депрессии⁶⁴. У. Рейтер, вице-президент КПП, в начале войны много говоривший о необходимости четкого определения целей войны с державами “оси” и создания международного механизма обеспечения безопасности после войны, в 1944 и 1945 гг. уже редко затрагивал эту тему, демонстрируя намерение оставаться вне дебатов по животрепещущим вопросам межсоюзнических отношений и мировой политики вообще. Логика борьбы с левым крылом в его собственном профсоюзе толкала Рейтера на сближение с консервативно настроенными группировками, чей подход к вопросам внешней политики фактически ничем не отличался от подхода антирузвельтовской оппозиции⁶⁵.

В реальной жизни усиление этой тенденции приводило к тому, что образовавшаяся благодаря ей “ниша” заполнялась представлениями о характере войны и перспективах послевоенного развития как о грозящей катастрофе, растущей нервозностью и настороженностью в отношении намерений Советского Союза, его будущей роли в Европе и на Дальнем Востоке и т.д. Комитет политических действий во главе с С. Хиллмэном, сконцентрировав все внимание на усилиях в целях достижения прогресса в области социального законодательства и оживления сотрудничества демократов и профсоюзов на местах, если не самоустранился, то во всяком случае и не проявлял особой активности в отражении атак справа на политику сотрудничества с Советским Союзом после победы⁶⁶. Образовавшийся же по инициативе М. Уолла и Д. Дубинского на базе АФТ Комитет за свободные профсоюзы своей целенаправленной “разъяснительной” работой о том, что сулит коммунизм Западу после победы над нацизмом, вносили серьезный раскол в ту среду, в которой традиционно было сильным влияние демократов.

Вот в такой сложной внутривнутриполитической обстановке подходила Америка к выборам 1944 г. Было ли это неустойчивым равновесием общественных сил, традиционно выступавших в составе коали-

ции “нового курса”, и перегруппировавшей свои порядки оппозиции, сказать с полной определенностью трудно. Но в доверительном разговоре с Белль Рузвельт еще 13 июля 1943 г. сам президент признался своей кузине в том, что, если бы президентские выборы состоялись летом 1943 г., его победа была бы проблематична, и добавил, что он предпочел бы заниматься военной стратегией за одним столом с Черчиллем и Сталиным, предоставив управление страной кому-нибудь другому⁶⁷. Смысл этой метафоры очень понятен: внутриполитические конфликты и противоречия серьезно осложняли выбор оптимальных военно-политических решений в рамках общественного консенсуса⁶⁸, найти взаимоприемлемые развязки узлов противоречий оказалось даже намного труднее налаживания взаимопонимания в рамках “Большой тройки”.

Война есть война, и Рузвельту было ясно, что в такое время следует ожидать роста националистических настроений в народной среде, на почве которых могут произрастать самые разные, в том числе ядовитые, плоды вплоть до фашизма. Ксенофобия и религиозный фундаментализм, отравившие духовную и политическую жизнь США в годы Первой мировой войны и в период “нормальности”, хороший тому пример. Именно так были загублены либеральные тенденции “Прогрессивной эры”. А затем страна выбиралась из этой трясины десять мучительных лет. Исторический опыт и интуиция подсказывали ньюдиллерам и Рузвельту, что нужно искать (и делать это без промедления) противоядие попятному движению к контрреформам, Термидору.

Рузвельт имел серьезные обязательства. Речь о “четыре-х свободах” (6 января 1941 г.) была одновременно и обещанием сохранить преемственность политического курса, и декларацией о целях в войне, в которой США хотя еще и не участвовали, но всем ходом событий оказались на стороне тех, кто думал не о покорении мира, а о праве на жизнь, защите суверенитета своей страны, элементарной безопасности для миллионов простых людей, тех самых, что творят историю по своему образу и подобию. Важной вехой в артикулировании политической философии ньюдиллеров и рузвельтовского либерализма стала речь, произнесенная вице-президентом Генри Уоллесом 8 мая 1942 г. в Нью-Йорке под официальным названием “Цена победы свободного мира”, но моментально получившая известность как речь “Век простого человека”. Позднее именно под этим названием она была издана в виде отдельной брошюры, автор которой не скрывал, что он вступает в контрверзы с “Американским веком” Генри Люса и его многочисленными почитателями, противопоставляя тезису об американском всемогуществе и праве Америки навязывать миру свою волю тезис о равноправии народов и недопустимости “как военного, так и экономического империализма”.

Но главную тему своей речи Уоллес развивал в том же ключе, что и Рузвельт чуть более года назад. В центре как внутренней, так

и внешней политики должен стоять обыкновенный, простой человек, тот самый, интересы которого – материальные, духовные, правовые – в сущности и составляют главный смысл войны против нацизма. Победа в ней одновременно будет означать торжество свободы, а с ней придет благополучие для всех, в том числе и для колониальных народов. “Мир будет означать улучшение положения простого человека и не только в Соединенных Штатах и Англии, но также в Индии, России, Китае и Латинской Америке, – не только в странах Объединенных Наций, но и в Германии, Италии и Японии”.

Концовка речи прозвучала как программа создания нового мирового порядка, основанного на идеях эгалитаризма и ликвидации привилегий. Экономическое порабощение и колониализм должны быть упразднены, говорил Уоллес. Международные картели, обслуживающие “американскую алчность и германское властолюбие”, должны быть поставлены под контроль. Военная машина стран “оси” и культура, в которой стала возможным ее создание, должны быть навсегда ликвидированы. Расизм нетерпим. “Когда наступит мир, все люди окажутся лицом к лицу с трудной задачей подчинения своих мелких интересов высоким интересам ради обеспечения благополучия для всех. Те же, кто будет определять условия мира, должны думать обо всем мире. Не должно быть привилегированных народов. Мы сами, американцы, как раса, ничуть не лучше нацистов”⁶⁹.

Уоллес затронул и мотивы, остро тревожившие Вудро Вильсона. “Народные революции” несут много бед и несчастий, но их участники ощупью находят путь к свету. Не дать демагогам блокировать этот марш к прогрессу – такова миссия Америки. Рузвельт с похвалой отозвался о речи Уоллеса, а после выхода книги в свет заявил, что он от нее “в восторге”, хотя и не разделяет некоторые положения автора⁷⁰. Послание Уоллеса действительно выручило президента, оно наполнило существенным содержанием идеологическую платформу рузвельтовской партии, обрисовав контуры того мира, который ее сторонники стремились создать. Самому президенту предстояло их уточнить, приспособить к меняющейся ситуации как внутри собственной страны, так и в других странах, жаждущих социальных и правовых перемен. Идеология “экономической демократии” или “всеобщего благополучия” более всего соответствовали духу времени. В этом к концу своего третьего срока пребывания на посту президента Рузвельт был убежден без тени сомнений.

* * *

Избирательная кампания 1944 г., развернувшаяся в разгар решающих сражений на обоих театрах военных действий Второй мировой войны, обернулась для президента Ф. Рузвельта (как он и предполагал) очередным тяжким испытанием. Пожалуй, этого следовало ожидать, поскольку с того момента, когда он принял решение о

выдвижении своей кандидатуры на четвертый срок, оппозиция употребила колоссальные усилия с целью восстановить общественное мнение страны против внутренней и особенно внешней политики администрации, лично против президента. Давид Лоуренс, прозрачно намекая на ухудшение здоровья Рузвельта, в статье о будущем американской политики в “Вашингтон стар” пустился в рассуждения о том, кто заменит ФДР на посту президента в случае его смерти сразу же после победы на выборах⁷¹. Из текста статьи вытекало, что политическое руководство Рузвельта себя исчерпало и должно быть как можно скорее и без всяких почестей похоронено⁷².

Президент, казалось, намеренно решил вызвать “огонь на себя”, заявив накануне нового, 1944 г., что он обдумывает программу социально-экономических преобразований, которая призвана будет продолжить эру реформ. Жаждающим узнать у него журналистам, как скоро он предложит конгрессу эту новую программу, он ответил загадочным рефреном: “Когда придет время... Когда придет время”. Консервативная печать, не скрывая ликования, писала, что архитектор “нового курса” морочит голову соотечественникам, раздавая обещания, которые не собирается выполнять. Но две недели спустя Рузвельт выступил с одним из самых радикальных заявлений в своей биографии государственного деятеля, воспользовавшись для этого очередной “беседой у камина” 11 января 1944 г. В нем президент назвал ряд мер, которые, по его словам, должен был санкционировать конгресс с целью способствовать экономической стабилизации. Сюда входили новое законодательство о налогообложении “чрезмерных доходов частных лиц и предприятий”, контроль над ценами и т.д.

Важнейшее же место в послании было уделено изложению так называемого Второго билля о правах (или Экономического билля о правах), в котором в качестве главной цели провозглашалось достижение “нового базиса обеспечения и процветания” для всех американцев “без различия положения, расовой или религиозной принадлежности”. По убеждению Рузвельта, этот базис включал право на общественно полезный труд, право зарабатывать на пропитание, одежду и отдых, право фермеров иметь достаточные доходы, право каждого предпринимателя на коммерческую деятельность в условиях, не ограниченных диктатом монополий, право на “приличное жилище”, на образование, на медицинскую помощь, на социальное обеспечение в старости, по болезни, в связи с безработицей и т.д. Это был замечательный документ, рассчитанный на аудиторию, выходящую далеко за пределы границ США. В нем многие услышали мотивы речи “Век простого человека” Уоллеса.

Изложенный в форме общих положений Экономический билль о правах представлял собой программу вполне достижимых целей, которые призваны были приблизить наступление эры “Всеобщего благосостояния”. Он мог стать знаменем широкого движения за социальное обновление на длительный срок, что сразу же почувство-

вала оппозиция, назвав его опасной химерой. Президент подлил масла в огонь, заявив в самом кульминационном месте послания, что угроза для безопасности нации – справа: “...если такая реакция наступит, – если история повторится и мы вернемся к так называемому “нормальному положению” 20-х годов, – то можно будет уверенно сказать, что победив врагов на полях сражений за рубежом, мы тем не менее уступили духу фашизма у себя дома”⁷³.

Еще одним поводом для интенсификации нападок на внутреннюю и внешнюю политику Рузвельта явилось вступление советских войск на территорию Польши после победоносного завершения Белорусской операции в июне–августе 1944 г. и образование Польского комитета национального освобождения. Негативная позиция, занятая Рузвельтом в ответ на настойчивые усилия лоббистов польского эмигрантского правительства в Лондоне связать ему руки обещанием поддержать притязания лондонской группировки, не осталась незамеченной. Президент не имел намерения встречаться с премьером эмигрантского правительства С. Миколайчиком, и только желание обеспечить себе поддержку в год выборов польской этнической группы американских избирателей заставили его переменить решение⁷⁴. Но оппозиция посчитала этот символический жест явно недостаточным. Открыто заговорили об ответственности правительства США за недопущение создания “советской империи” в Восточной Европе. Хотя президент не разделял полностью этой оценки советской политики и в целом подходил к поискам путей решения польского вопроса на основе достигнутых в Тегеране устных договоренностей⁷⁵, тем не менее он не смог оставить без внимания затеянную его противниками шумную пропагандистскую акцию. Ее целью было представить Рузвельта политиком с замашками монарха, утратившим чувство ответственности перед нацией, проявляющим постоянно некомпетентность, отсутствие твердости в контактах со Сталиным и пренебрегающим интересами больших этнических и конфессиональных групп американского электората.

Успех уникальной по своим масштабам операции – высадка союзников в Северной Франции 6 июня 1944 г. – вызвал не только прилив энтузиазма в странах антигитлеровской коалиции (открытие второго фронта сулило сокращение сроков войны), но и новую активизацию тех сил в правящем классе США, которые мечтали закончить войну “американским миром” и готовы были пойти на сговор с гитлеровцами на общей платформе борьбы с “мировым коммунизмом”. Часть командного состава армии и военно-морского флота США лелеяла надежду, что операция “Оверлорд” будет прелюдией к глобальной акции, результатом которой станет утверждение американского военного превосходства повсюду и в первую очередь в Европе. Поведение американской дипломатии и деятельность спецслужб все чаще отражали настроения, основанные на представ-

лениях о превосходстве американской мощи и на планах достижения доминирующего положения США в мире.

Вторая Квебекская конференция Рузвельта и Черчилля (11–16 сентября 1944 г.), состоявшаяся накануне президентских выборов, на этом особом внутреннем фоне выглядела как уступка силам, заинтересованным в дистанцировании от “коммунистического” союзника и демонстрация англосаксонской солидарности. И в ходе подготовки конференции, и в процессе последующего информирования о ней Москвы не было ни грана той открытости, которую обещали друг другу лидеры держав в Тегеране. Достаточно сказать, что, несмотря на неоспоримое право СССР на участие в решении германского вопроса, его на Квебекской конференции обсуждали даже без уведомления советской стороны, что являлось нарушением союзнического долга. О принятых в Квебеке соглашениях по политическим вопросам советское правительство не получило от правительства США и Великобритании фактически никакой информации. Более того, злополучная “памятная записка”, родившаяся в результате обсуждения 18 и 19 сентября 1944 г. в Гайд-парке (штат Нью-Йорк) Рузвельтом и Черчиллем вопроса о будущем атомном оружии, предусматривала сохранение в строжайшем секрете от Советского Союза любой информации о ведущихся работах по атомному проекту. Американский историк Уоррен Кимболл отмечает, что весь ход работы конференции и ее решения были пронизаны близкой сердцу Черчилля идеей англо-американского союза и англо-американской гегемонии в мире⁷⁶.

Именно эта идея владела и теми общественными силами США, которые центральным лозунгом “политического года” сделали лозунг борьбы с “коммунистической опасностью”. Нападки на администрацию не ограничивались обвинениями в “сговоре с СССР за счет интересов Польши” и в чрезмерной жестокости ее планов в отношении послевоенной Германии⁷⁷. Все громче слышны были речи, призывающие видеть в Советском Союзе будущего военного противника Соединенных Штатов. Джозеф Дэвис 27 июня 1944 г. сделал следующую запись в своем дневнике: “День полон событий. Утром выступление по радио о России; затем завтрак со Стивом Эрли. В Пентагоне состоялась беседа с начальником военной разведки. Я рассказал ему о том, что один из членов его штаба – в чине генерала – на обеде с сенаторами убеждал их агитировать за немедленное заключение мирного соглашения с Гитлером. По словам этого генерала, такая мера спасла бы наших парней, а “ведь каждый из них, кто будет убит сейчас, нужен будет для войны с Россией через какое-то время”. Очевидно, что если это станет известно советскому руководству, то единству союзников будет нанесен непоправимый урон, и никто не может предвидеть глубину последствий его не только для совместных действий против общего врага, но и для будущего мира”⁷⁸.

Брекенридж Лонг писал в дневнике, что возникающие между союзниками разногласия интерпретировались большинством ведущих органов печати однозначно: Советский Союз – источник всех трудностей на пути к согласованным решениям⁷⁹. Возможно, он и не имел в виду редакционную статью газеты “Чикаго трибюн” от 24 сентября 1944 г., приписывавшую все победы над Германией и Японией исключительно США и ухитрившуюся даже не упомянуть при этом СССР и Великобританию⁸⁰, но все это было явлениями одного и того же порядка. К этому добавилась критика со стороны либеральных групп в связи со ставшими известными планами администрации Рузвельта добиваться признания формулы, предусматривающей тесное сотрудничество четырех великих держав (США, СССР, Великобритании и Китая) в целях сохранения мира после победы⁸¹. В ходе предвыборных дебатов во многих публичных выступлениях представителей антирузвельтовских сил также все сильнее звучала тема будущей судьбы Германии. И вновь слышался определенный подтекст: в Германии надлежит видеть союзника во всех будущих политических комбинациях, призванных служить противоядием Советскому Союзу.

Рузвельт прекрасно видел, что усиление подобных настроений тянет страну назад, к 20-м годам. Он верил, что в состоянии достичь рабочего взаимопонимания со Сталиным и либерализации советской системы, используя экономические и финансовые рычаги, последовательно добиваясь большей открытости советского общества. Он решительно отверг доводы в пользу отказа от участия США в деятельности будущей международной организации безопасности. Печальный опыт прошлого был усвоен им основательно. Что касается будущего Германии, то призывы к “мягкому” обращению с ней подтолкнули президента предпринять ряд шагов с целью окончательно зафиксировать стремление Соединенных Штатов прийти совместно с Советским Союзом к устранению военной угрозы со стороны Германии путем ее разоружения и мер контроля. 17 августа 1944 г. Рузвельт заявил о намерении Соединенных Штатов совместно с другими державами антигитлеровской коалиции оккупировать Германию после ее капитуляции, дабы не повторить ошибку 1918 г.⁸² Вслед за тем последовала беседа К. Хэлла с главой делегации СССР на международной конференции в Думбартон-Оксе, в ходе которой, как сообщал в Москву А.А. Громыко, Хэлл “всячески подчеркивал то положение, что будущее мира, будущие успехи или неудачи в области поддержания мира и развития международного сотрудничества будут в большей степени зависеть от сотрудничества между Соединенными Штатами и Советским Союзом”⁸³. Характерно, что итоги Думбартон-Окса (август–сентябрь 1944 г.), в принципе давшие жизнь ООН, были подвергнуты жесточайшему разносу оппозицией.

Особенно остро реагировал на возвращение к планам “самостоятельных” действий США на мировой арене (по формуле Ван-

денберга “максимум власти”) и ревизии в принципе согласованных решений о будущем Европы Гопкинс. Во время вынужденных “каникул”, проведенных на больничных койках зимой 1943 – весной 1944 г., он много размышлял о мире после победы. Первые итоги этих размышлений Гопкинс решил изложить в статье для журнала “Америкэн мэгэзин”, приуроченной к началу новой избирательной кампании. Хотя рукопись так и не попала на стол редактора, тем не менее ее внимательно прочитали в военном министерстве и госдепартаменте. Затем с ней познакомились Рузвельт, генерал Маршалл и К. Хэлл. Вскоре Гопкинса уведомили о решении воздержаться от публикации статьи⁸⁴ ввиду того, что и президент и государственный секретарь считали постановку в ней острых вопросов внешней политики преждевременной. Администрация предпочитала не касаться их в ходе предвыборной борьбы. О чем же, однако, писал Гопкинс?

Во вступительной части статьи отмечалось, что поскольку американский народ накануне выборов волнуют “планы в отношении будущего мира и его сохранения”, то в ходе публичных дебатов следует обязательно затронуть главные вопросы военной политики и международных отношений. К числу этих вопросов относились: “Следует ли США входить в международную организацию, одной из целей которой будет обеспечение мира с использованием принуждения? Намерены ли демократы или республиканцы, или обе партии обсудить с представителями Англии, России, Китая проблемы, связанные с окончанием войны? Если да, то какие? Каким будет их отношение к проблеме эксплуатации малых стран? Какую роль следует играть США в процессе создания государственного устройства в освобожденных странах? Намерены ли мы приложить все усилия, на которые способны, с тем чтобы предотвратить сползание, скажем, Франции или Греции к фашизму...”⁸⁵ Вольно или невольно Гопкинс затронул уязвимые места в деятельности американской дипломатии. По всем этим вопросам с момента принятия Атлантической хартии она придерживалась не вполне ясных позиций, хотя некоторые из них в общей форме были отражены в решениях межсоюзнических конференций.

Проблема, какой будет и какой должна быть внешняя политика США, занимала самое большое место во всех рассуждениях Гопкинса. Существовало два пути: 1) равноправное международное сотрудничество и решение спорных вопросов путем переговоров, соглашений, т.е. путь, апробированный практикой антигитлеровской коалиции, и 2) с опорой на превосходящую всех и вся военную мощь как главного условия закрепления лидирующей роли США, гаранта всеобщей безопасности. Хотя нет достаточных оснований утверждать, что Гопкинс сделал для себя окончательный выбор, главные идеи, пронизывающие ход его мыслей, просматривались довольно четко. Прежде всего старый международный порядок сменяется новым, в

основе которого лежат исторические сдвиги, достигнутые в результате Второй мировой войны. Учет их обязателен. Далее, руководство США, считал Гопкинс, не может уклониться от ответственности и не провозгласить открыто конструктивные принципы участия в мировых делах, согласующихся с новой обстановкой. “Я думаю, — писал он, — кандидаты (на президентских выборах 1944 г. — В.М.) должны прояснить, как они соотносят наши национальные интересы с нашей внешней политикой. Какой план они могут предложить в отношении международной торговли, воздушных и морских сообщений, связи, использования сырьевых ресурсов? Должны ли соответствующие решения приниматься по соглашению с другими странами или посредством картелей, этих гигантских международных монополий, охватывающих весь мир, которые путем различных сделок иногда решают не только вопрос цен на товары, но и судьбы малых стран?”⁸⁶.

Статья Гопкинса так и осталась неизвестной публике. Но высказанные в ней идеи в той или иной степени совпадали с размышлениями президента и затем нашли отражение в ряде его (Рузвельта) заявлений, например в речи, посвященной проблемам внешней политики и произнесенной 21 октября 1944 г. в Нью-Йорке, призванной стать программой с учетом ближайшего и отдаленного будущего. Ранее официальные и неофициальные опросы общественного мнения показали, что, несмотря на заметное падение влияния демократов во многих слоях населения, личный авторитет президента оставался выше авторитета его соперника — республиканца Т. Дьюи⁸⁷. Оценив ситуацию в принципе как благоприятную, Рузвельт, стремясь достичь окончательного перелома в настроениях избирателей прибегнул к испытанному приему: внимание нации переключалось на критический, переходный характер мирового и национального развития, требующий учета трагического опыта предвоенных лет и неординарных, смелых решений, отрешения от старых догм и предрассудков. Как и в 1932 г., стране было обещано не пугающеее новизны ситуации руководство. Президент пошел на уступки и консервативному спектру электората — своим напарником на выборах он сделал не Г. Уоллеса, а сенатора Г. Трумэна. Рузвельт еще раз продемонстрировал, что на крутых поворотах истории он как политик стремится быть над внутренними конфликтами, над схваткой. И делает это не страшась вызвать непонимание преданных соратников.

Подготовительные материалы показывают, что работа над общей концепцией речи и главными ее положениями была начата по требованию Рузвельта его советниками примерно за месяц до выступления в Нью-Йорке⁸⁸. По мнению президента, речь должна была подчеркнуть мысль об ошибочности предвоенной политики США, самоустранившихся после 1918 г. от обеспечения международной безопасности коллективными усилиями всех заинтересованных в ней стран, и о необходимости создания после войны Объеди-

ненными Нациями эффективного механизма для поддержания всеобщего мира. Все это планировалось тесно увязать с темой об особом значении для будущего мира добрососедских советско-американских отношений и умения терпеливо и вдумчиво, на основе компромисса искать пути к согласию по всему спектру проблем. Окончательный вариант выступления, получившего положительный отклик даже в консервативных кругах, был отредактирован самим президентом.

Успех своей речи Рузвельт расценил как мандат на продолжение процесса, начатого конференциями в Москве, Тегеране, Думбартон-Оксе⁸⁹. Переписка Рузвельта со Сталиным и Черчиллем свидетельствовала о том оптимизме, который испытывал президент по поводу шансов на одобрение его внешней политики избирателями. Считаясь с возросшей опасностью снижения уровня своей популярности⁹⁰, Рузвельт ни на минуту не допускал мысли, что после 7 ноября 1944 г. (день выборов) что-то может радикально измениться в его внешнеполитических планах. Среди них в качестве первоочередной задачи находилась организация новой встречи “Большой тройки”, о необходимости которой президент настойчиво напоминал в посланиях Сталину и Черчиллю еще летом 1944 г. Победа на выборах и в этот раз пришла не сама собой, но это была победа над противником, имя которому – раскол в обществе, сомнения и страх перед будущим.

ЯЛТА. ДОРОГА К ХРАМУ?

Предложение о встрече в верхах с целью обсуждения важнейших проблем, вставших перед союзниками на заключительном этапе войны, официально было сделано Ф. Рузвельтом в послании Сталину 19 июля 1944 г. Называя “ненужными” или “скоропалительными” решения Крымской (Ялтинской) конференции, а в ряде случаев и публично предавая их анафеме, многие историки и политики на Западе объявляют эту инициативу даже “вредной”. Как, однако, в действительности обстояло дело? Первое, что обращает на себя внимание, – это настойчивость, проявляемая Рузвельтом в ответ на ясно и многократно выраженное намерение советского руководства продолжать сотрудничество в деле организации новой встречи в верхах. За посланием 19 июля почти сразу же последовало второе, от 28 июля 1944 г., в котором президент США сообщил И.В. Сталину: “Ввиду происходящего сейчас быстрого развития военных событий я могу вполне понять трудность Вашей поездки на совещание с премьер-министром (Черчиллем. – *В.М.*) и со мной, но я надеюсь, что *Вы будете помнить о таком совещании* (курсив мой. – *В.М.*) и что мы сможем встретиться так скоро, как это будет возможно. Мы приближаемся ко времени принятия дальнейших стратегических решений, и такая встреча помогла бы мне во внутренних делах”⁹¹.

Что же в глазах Рузвельта и его политических советников делало новую встречу в верхах безотлагательной? Что повлияло на выработку общего подхода и на подготовку американской дипломатии к Ялтинской конференции? На этот счет в исторической литературе даны принципиальные ответы. Вместе с тем большое число введенных в научный оборот документов по дипломатической истории антигитлеровской коалиции вообще и по истории советско-американских отношений в годы Второй мировой войны в частности проливают дополнительный свет на формирование внешнеполитического курса США накануне Ялтинской конференции. Это был сложный и противоречивый процесс, отражавший переплетение объективных и субъективных, внутренних и внешних факторов сложившейся летом и осенью 1944 г. обстановки.

Первостепенное значение имело быстро менявшееся положение на театрах военных действий. Успешно развивалось летне-осеннее наступление Красной Армии на главном фронте войны. Советские войска вышли к довоенной границе с Финляндией. В июне–августе вооруженные силы СССР провели Белорусскую операцию, одну из самых крупных во Второй мировой войне. К концу августа 1944 г. Красная Армия почти полностью изгнала оккупантов с территории Советского Союза и приступила к освобождению Польши и Румынии. Между тем проходили неделя за неделей после высадки союзников в Нормандии, а серьезного успеха англо-американские войска достичь не сумели. Лишь 25 июля, писал в мемуарах Д. Эйзенхауэр, «спустя семь недель после дня “Д”, было начато наступление с рубежей, которые мы планировали захватить на пятый день десантирования». Подводя итог операциям союзников к октябрю 1944 г. известный американский военный историк С. Амброс писал в биографии Эйзенхауэра: “На полях сражений в северо-западной Европе все оборачивалось плохо”⁹². На Дальнем Востоке беспокойство военного и политического руководства США вызвало расширение большого наступления японцев в Китае, начатого весной 1944 г.

Сама собой напрашивались необходимость более тесной координации военных усилий союзников и решения связанных с ними политических вопросов, включая и вопрос участия СССР в войне против Японии. Вашингтон также все сильнее тревожил крен влево движения Соппротивления в Европе⁹³. Находились горячие головы, настаивавшие на ультимативном тоне переговоров с СССР касательно открытых и тайных связей Москвы с коммунистическим подпольем. Президенту осенью 1944 г. пришлось выслушать своеобразное внушение со стороны примыкавшего ранее к группе “военного просоветизма” генерала Дж. Маршалла, развивавшего в беседах с ним идеи “американского превосходства” и заключения мира на американских условиях и без существенных уступок русским⁹⁴.

Изменение позиции генерала Маршалла, склонившегося разделить мнение о подчинении военной стратегии США планам в духе

Рах Americana, произошло много раньше. Красноречивое свидетельство тому – подготовленный Маршаллом в начале марта 1944 г. меморандум для президента, озаглавленный “Анализ ситуации на русском фронте”⁹⁵. В нем особое внимание уделялось наступлению советских войск на юго-западном направлении, которое называлось “стремительным и впечатляющим”⁹⁶, но одновременно ставился вопрос о “сдерживании” продвижения Красной Армии путем сокращения поставок по ленд-лизу. Крайне желательной Маршалл считал приостановку советского наступления “на границе 1941 г.” и вступления советских войск на территорию Германии. Нельзя рассматривать как случайное появление осенью и зимой 1944 г. на страницах ведущего военного вестника США серии недружественных к СССР статей, которые вызвали серьезное беспокойство в близких к президенту кругах⁹⁷.

Покушение на Гитлера 20 июля 1944 г. и секретная информация о демократических убеждениях ряда главных его участников (включая прежде всего полковника фон Штауфенберга), полученная Объединенным комитетом начальников штабов от резидентов Управления стратегических служб в Швейцарии, усиливали заинтересованность военных руководителей США в установлении контактов с оппозиционными Гитлеру генералами вермахта, придерживавшимися “более консервативной” линии и склонявшимися к сепаратному миру с западными союзниками при условии их разрыва с Советским Союзом и предотвращения “большевизации Европы”. Сам Гитлер серьезно размышлял о принуждении США и Англии к переговорам о мире путем применения “чудо-оружия”.

В конце декабря 1944 г. высшие военные чины США были уведомлены руководством УСС об имевших место в Швейцарии тайных встречах британского генерального консула в Цюрихе Эрика Кейбла с германским консулом в Лугано Константином фон Нейратом на предмет организации переговоров между представителями западных союзников и высшими чинами СС, генералами Харстером и Вольфом. Сообщалось также и о зондаже германского посольства в Ватикане, пытавшегося использовать высших иерархов католической церкви для склонения Вашингтона и Лондона к сепаратному миру, и о переходе линии фронта во Франции агентом СД и сделанных им англичанам предложениях о “компромиссном мире”. Генерал Маршалл и его непосредственные подчиненные, посвященные в эту закулисную работу спецслужб США и Англии, относились к ней со всей серьезностью, просчитывая альтернативные варианты собственных действий на случай такого поворота событий, при котором могло произойти резкое ухудшение советско-американских отношений и даже распад коалиции.

Значительное влияние на активизацию сил, противодействовавших укреплению советско-американских отношений, оказывала английская дипломатия, полное всего в период подготовки Ялтинской

конференции олицетворявшая линию на ослабление коалиционных усилий союзников в военной и политической областях и на ревизию ранее согласованных решений⁹⁸. Участвовавшие выпады Черчилля в отношении намерений СССР в европейских делах и в вопросах военной стратегии немедленно подхватывались антирузвельтовской прессой США, отравляя, по мнению Г. Гопкинса, тот климат сотрудничества ведущих держав в антигитлеровской коалиции, который надлежало сохранять во имя будущего⁹⁹. “Особое мнение” Черчилля по поводу того, как вести дело со Сталиным, сказалось и на результатах II Квебекской конференции. “Рузвельт, – писал в связи с этим Р. Даллек, – не остался индифферентным к страхам Черчилля в отношении России”¹⁰⁰. Одним из следствий этого была перестановка в верхнем эшелоне дипломатической службы. После проведенных Рузвельтом осенью 1944 г. изменений в руководящем составе госдепартамента заметно усилилась роль таких деятелей, как А. Бёрл, Дж. Грю, не скрывавших сомнений в отношении необходимости продолжения сотрудничества со Сталиным, а также Джеймса Бирнса, горячего сторонника “нового курса”, но близко стоящего к иерархам католической церкви. В запальчивости Элеонора Рузвельт в письме мужу заявила, что в случае прихода к власти его соперника – республиканца Т. Дьюи – тот провел бы точно такие же перемещения в руководстве внешнеполитического ведомства¹⁰¹. Возможно, это сравнение несколько хромало, но как президент мог полагаться на вновь назначенных чиновников, встреченных возгласами одобрения со стороны враждебно настроенной к нему прессы, супруга президента вправе была считать загадкой.

Заметно возросло давление на Белый дом республиканского крыла конгресса, открыто осуждавшего советские “интриги в Италии, Югославии и Греции” и неизменно предлагавшего рассматривать Советский Союз в качестве потенциального врага. Именно в этот период в пользу отказа от “уступок” в отношениях с СССР начали высказываться в посланиях в Белый дом посол США в Москве А. Гарриман, советник-посланник Дж. Кеннан и глава военной миссии США генерал Дж. Дин¹⁰². Оставаясь “собственным государственным секретарем”, обычно строго ограждавший свои планы от вторжения даже самых близких ему лиц, Рузвельт тем не менее учитывал подобные “предостережения”, хотя и полагал, что советская система не утратила способности к трансформации. Будущий мир он видел многообразным, но неделимым, развивающимся в духе идей, изложенных в Атлантической хартии.

Вот почему, высказываясь в телеграмме Сталину от 28 июля 1944 г. в пользу скорейшей встречи в верхах, Рузвельт имел в виду также и важность усиления своего личного и непосредственного влияния на Сталина, полагая, что в обмен на широкое послевоенное сотрудничество ему удастся убедить “вождя” либерализовать советскую систему. Вместе с тем пристально следя за тем, как растет на-

ступательная мощь советских войск, как ширится международное признание вклада в победу народа России над ненавистным “новым порядком”¹⁰³, Рузвельт постепенно и не без внутренних колебаний приходил к выводу о неизбежной перестройке международных отношений на основе сотрудничества стран с различным общественным строем. Это было принципиально важным в свете преобладания неоднородных тонов в идеологии обретавших самостоятельность стран Европы и колониального мира. Все чаще он соглашался с внутренними доводами: необходимой предпосылкой такой перестройки следует считать достижение согласия между главными державами коалиции в духе компромисса и равенства сторон, уважения их государственных идейных основ, что давало бы гарантию решения в будущем вопросов безопасности¹⁰⁴. Реализм Рузвельта положительно сказался на итогах конференции по вопросам создания “всеобщей международной организации безопасности” в Думбартон-Оксе (21 августа – 28 сентября 1944 г.), где, как известно, принцип единогласия великих держав получил свое подтверждение. В преддверии Крымской конференции это имело важное значение.

Гопкинс говорил Джозефу Дэвису 11 октября 1944 г., что главной задачей момента президент и он сам считают сохранение согласия в “Большой тройке” путем осуществления курса, в основе которого лежат “здравый смысл, терпимость, стремление достичь взаимоприемлемых решений, компромисса и согласия”. Развивая эту мысль, Гопкинс подчеркивал важность и достижимость в самом ближайшем времени соглашения между ведущими державами антигитлеровской коалиции по ряду крупных вопросов, что было бы, как он считал, хорошим началом процесса мирного урегулирования. «Поддержание доверия к “Большой тройке” и доверия между СССР, США и Англией является жизненно важным условием»¹⁰⁵. Такова была точка зрения Гопкинса. Она совпадала в целом с мнением президента, полагавшего, что именно эти державы должны обеспечить мир лет на 20–30, опираясь на свою военную мощь и авторитет. Не порывая с идеей американского лидерства в послевоенном мире, Рузвельт полагал вместе с тем, что отношения между США и СССР должны покоиться на достаточно прочных основах (прежде всего на экономическом сотрудничестве и общем понимании важности сохранения согласия по вопросам международной безопасности), попытки расшатать которые обойдутся дорогой ценой союзникам и грядущим поколениям.

Показательно в той же связи секретное письмо Гопкинса Гарриману в Москву, в котором специальный помощник президента, действуя по поручению последнего, рекомендовал послу искусственно не раздувать имеющиеся разногласия с Советским Союзом и не делать опрометчивых шагов в случае возникновения трений. Когда Гарриман в расчете осуществить дипломатический и экономический нажим на Советский Союз запросил в начале сентября 1944 г. разре-

шение на поездку в Вашингтон “для консультаций”, Гопкинс 11 сентября 1944 г. ответил ему посланием, больше похожим на предостережение. В нем говорилось: “Президент тщательно изучил доводы, изложенные в Вашей телеграмме за № 091 430, в пользу отъезда в Вашингтон в настоящий момент для консультаций по вопросу о наших отношениях с Россией. Он предполагает вызвать Вас домой для этой цели в ближайшем будущем, но считает, что было бы ошибкой, если бы Вы уехали из Москвы как раз в тот момент, когда переговоры в Думбартон-Оксе близки к завершению и находятся в критической стадии, имея в виду полемику с русскими. Ваш отъезд из Москвы был бы немедленно истолкован как свидетельство имеющихся разногласий между русскими и нами в связи с этими переговорами. Он (президент. – В.М.) полагает, что было бы лучше, если бы Вы отложили Ваш отъезд до тех пор, пока он не даст Вам зеленый свет, что последует скоро, поскольку он намеревается лично обсудить с Вами все вопросы, которые поставлены в Вашей телеграмме”¹⁰⁶.

Ясно, что и Рузвельт и Гопкинс избегали вызывать преднамеренное обострение межсоюзнических отношений, в том числе и в тех случаях, когда в споре затрагивались и в самом деле спорные вопросы ведения войны и послевоенного устройства. Так было при обсуждении польского вопроса в августе и сентябре 1944 г., в связи с трагедией Варшавского восстания, когда Черчилль пытался добиться от Рузвельта совместного выражения протеста в адрес Сталина. Возмущение английской общественности отказом Сталина оказать помощь польским подпольщикам следовало довести до Кремля, по мнению Черчилля, самым шумным образом. В критике, которой Гопкинс подверг публичные заявления подобного рода, звучали аргументы, приводимые в аналогичных ситуациях и Рузвельтом: идеологические разногласия и другие серьезные конфликты не должны заслонять общих интересов перед лицом еще не добитого общего врага. Гопкинс писал: “В момент, когда в Европе и Азии разворачиваются битвы, требующие от каждого из нас отдачи всех сил для борьбы с врагом, я должен сознаться, что чрезвычайно встревожен тем оборотом дел в дипломатической области, сделавший достоянием публики некоторые наши трудности”¹⁰⁷. Это послание он отправил в Лондон 16 декабря 1944 г. Черчиллю в тот самый день, когда в Вашингтон пришло известие о прорыве немцев в Арденнах, событие, как признавал вставший во главе госдепартамента Э. Стеттиниус, обернувшееся для США “более, чем только военной неудачей”¹⁰⁸.

Ключевое значение для понимания всех перипетий сложной и трудной борьбы двух линий во внешнеполитическом курсе США накануне Крымской конференции, мотивов, которыми руководствовался президент Рузвельт и его сторонники, равно как и их противники, имеет ряд важных и далеко неоднозначных событий, случившихся в период активной подготовки к ней и затрагивавших пробле-

му атомного оружия, завершения исследовательской стадии и принятия решения о его использовании. В первую очередь следует назвать вторую англо-американскую встречу в Квебеке (сентябрь 1944 г.) и затем беседы Рузвельта и Черчилля с глазу на глаз в Гайдпарке (штат Нью-Йорк), увенчанные знаменитой “Запиской” от 19 сентября. В ней оба лидера согласились держать в тайне от России все, что касается атомной бомбы. Рузвельт на совещании в Овальном кабинете Белого дома 22 сентября, говоря об эффекте атомной бомбы на международные отношения после войны как будто подтвердил эту позицию, высказав мысль о превращении США и Англии в совместный атомный патруль¹⁰⁹. В таком понимании своей миссии гаранта безопасности в послевоенном мире США вступали в противоречие с выдвинутой ранее идеей равноправного сотрудничества всех великих держав, входивших в антигитлеровскую коалицию, в деле поддержания мира. Но скорее всего, не будучи посвященным своими советниками во все детали атомной проблемы, Рузвельт отодвигал ее обдумывание “на потом”, ставя его в зависимость от решений более неотложных по важности, таких, например, как создание международной организации безопасности и координация военных планов на заключительном этапе войны. Вопрос о будущей международной организации безопасности был отнесен Рузвельтом к числу тех неотложных “стратегических решений”¹¹⁰, судьба которых неразрывно связывалась со встречами в верхах.

Существовали и другие причины, которые побуждали Рузвельта вопреки усилиям влиятельных консерваторов и английского премьера настойчиво и безоговорочно добиваться совместно с советским руководством согласования стратегических планов ведения войны и послевоенного мирного урегулирования. К их числу относился и вопрос о завершении войны на Тихом океане. Заверения Рузвельта в том, что он “готов куда угодно лететь или ехать”¹¹¹ для встречи “Большой тройки”, отражали не только его собственное понимание роли СССР как важнейшего фактора достижения победы в войне. Признание этого факта содержалось и во многих важных документах военного руководства США начиная с 1943 г. Мотивы в пользу укрепления военного сотрудничества с Советским Союзом в этих документах были выражены абсолютно определенно: “ситуация силы” изменилась в пользу СССР, без него победа в войне с державами “оси” в Европе и на Дальнем Востоке немыслима¹¹².

В то время, как в конгрессе и в консервативной печати США учащались нападки на внешнюю политику рузвельтовской администрации, в особенности на ее курс в советско-американских отношениях, дипломатические и военные представители США в Москве прилагали самые энергичные меры с целью заручиться еще раз согласием советского руководства на вступление СССР в войну с Японией и тем самым гарантировать поражение японского милитаризма путем сокрушения опорных сил на-

земных войск японской армии. В секретной депеше из Москвы в военное министерство США от 17 октября 1944 г. генерал Дин, сообщив о положительном отношении Сталина к предложению Рузвельта о встрече “где-нибудь в районе Черного моря”, специально выделил слова главы советского правительства, подтвердившего готовность обсудить “ситуацию на Дальнем Востоке” и выразившего уверенность, что оба они (Сталин и Рузвельт) найдут путь к “определенным соглашениям” по этому вопросу. Дин писал об этом как о самом большом событии. Заметное недовольство американских представителей в Москве вызывало только отклонение советским военным руководством нереальных сроков вступления СССР в войну с Японией¹¹³.

Военная обстановка оправдывала дипломатию “крепких рукопожатий”. Предпринятое германским командованием контрнаступление в районе Арденн, поставившее армии Эйзенхауэра в тяжелое положение, драматическим образом подтвердило вывод о том, что Германия способна еще вести крупные операции, сохраняя шансы сорвать стратегические замыслы западных союзников. В штабе Эйзенхауэра возникло нечто похожее на панику. Черчилль не случайно на первой же встрече со Сталиным 4 февраля 1945 г. в Воронцовском дворце накануне открытия Ялтинской конференции спросил своего собеседника, что он думает о наступлении Рундштедта¹¹⁴. Тревога премьер-министра за судьбу англо-американских войск не улеглась еще и в феврале, хотя начатое 12 января по настоятельной просьбе союзников новое мощное наступление советских войск по широкому фронту от Карпат до Балтийского моря давно сняло все вопросы о возможных тяжких последствиях отчаянного арденнского броска гитлеровцев.

Для Рузвельта прорыв немцев в Арденнах также был сильным потрясением. Под этим впечатлением он вновь и вновь возвращался к размышлению о риске затягивания финальной стадии войны на Дальнем Востоке. Вовлечение в нее Советского Союза приобретало значение императива и с точки зрения успеха или неуспеха четвертого срока. Вот почему: будучи избранным в четвертый раз президентом США, Рузвельт решил не изменять своей роли связующего звена “Большой тройки”. Красноречивым подтверждением тому была его просьба к своим советникам и спич-райтерам в работе над очередным ежегодным посланием конгрессу “О положении страны” сделать особый упор на важности сохранения тесных союзнических отношений. Президент хотел, чтобы его слова были услышаны не только в Сан-Диего, Чикаго, Нью-Йорке и Вашингтоне, но и в Лондоне, Москве, Берлине и Токио: “Чем ближе мы приближаемся к сокрушению наших врагов, – говорилось в послании, над которым работали Р. Шервуд, А. Маклиш, С. Розенман и другие, – тем больше мы осознаем существующие различия между победителями. Но мы не должны позволить этим различиям разъединить нас и сделать нас незрячими в от-

ношении наших более важных общих и долговременных интересов, которыми мы руководствуемся, стремясь одержать победу в войне и создать основы прочного мира. Международное сотрудничество, на которое должен опираться этот длительный мир, не может быть уличей с односторонним движением. Народы не всегда смотрят на вещи или думают одинаково; ни один народ также не может оказать услугу международному сотрудничеству и прогрессу, возомнив, что он владеет монополией на истину или на добродетель...”¹¹⁵.

Укор должен был прозвучать предупреждением как для сторонников Рах Americana в промышленно-финансовых кругах и средствах массовой информации, так и для сверхпатриотов в палатах конгресса, досаждавших президенту чванливым упоением американской мощью, имперским высокомерием и стремлением отгородить Америку, “оазис свободы”, от мировых проблем частоколом из политического морализаторства. Рузвельт называл этот тип политиков “страусами”¹¹⁶, не желавшими видеть мир таким, каким он есть. Между тем, только взаимодействуя с ним, США могли достичь поставленных целей. Послание президента было зачитано в конгрессе 6 января 1945 г. клерком и встречено холодно. Конгрессмены рассчитывали услышать от Рузвельта другое. Но “другое” для Рузвельта было исключено.

Политически слишком многое стояло на карте. Неудивительно, что после начала операции немецких войск в Арденнах генерал Дин, находясь в Москве, не упускал случая, чтобы вновь и вновь обратить внимания советского руководства на необходимость ускорения наступательных операций Красной Армии на советско-германском фронте для оказания помощи Эйзенхауэру. Но это было еще не самое главное доказательство того, что все военное планирование западных союзников находилось в прямой зависимости от достижения договоренности с Советским Союзом по широкому комплексу вопросов межсоюзнических отношений, военных и политических. Судьба Тихоокеанского театра предстала особой гранью. Рузвельт накануне отъезда в Ялту направил послание Сталину (получено в Москве 18 января 1945 г.), в котором говорилось: “Подвиги, совершенные Вашими героическими воинами раньше, и эффективность, которую они уже продемонстрировали в этом наступлении (Висло-Одерская операция. — В.М.), дают все основания надеяться на скорые успехи наших войск на обоих фронтах. Время, необходимое для того, чтобы заставить капитулировать наших варварских противников, будет резко сокращено умелой координацией наших совместных действий”¹¹⁷. Послание завершалось выражением надежды “быстрой ликвидации японской угрозы всем нашим союзникам” после скорого краха Германии. Важно отметить, что появившиеся было колебания Рузвельта в отношении места встречи в верхах в конце декабря полностью отпали. После Арденн сюрпризы в финальной стадии войны с Японией представлялись еще более нежелательными.

Плавучий штаб президента США, крейсер “Куинси”, взявший 22 января 1945 г. курс на Мальту, жил напряженной жизнью. К этому времени была близка к своему победоносному завершению Висло-Одерская операция. 29 января 1945 г. войска 1-го Белорусского фронта вступили на территорию Германии. Военные эксперты и советники президента, собравшиеся на Мальте, “проигрывали” и “просчитывали” сценарии возможного развития событий на европейском и тихоокеанском театрах военных действий, в особенности, разумеется, на тихоокеанском. Все расчеты показывали, что решающее значение для победы союзников неизменно, как и раньше, остается за действиями Советской Армии на советско-германском фронте, который видный американский военный обозреватель Х. Болдуин в статье, опубликованной в “Нью-Йорк таймс” 17 января 1945 г., назвал основным в глобальной войне¹¹⁸. Приход на выручку армии Эйзенхауэра, оказавшейся в тяжелом положении, говорил сам за себя. По поводу вступления СССР в войну против Японии также существовало однозначное мнение: без этого война на Дальнем Востоке может затянуться на два-три года и приведет к огромным людским и материальным потерям. В одном из документов, подготовленном для Леги, Маршалла и Кинга, было сказано, что роль Советского Союза никак нельзя в этом смысле переоценить, поскольку предполагается, что он возьмет на себя “организацию решительного наступления на территории Манчжурии с целью сковать японские силы и военные ресурсы в Северном Китае и Манчжурии, которые в противном случае могут быть использованы для обороны Японии”¹¹⁹.

Итак, контуры будущих решений на предстоящей Крымской конференции вырисовывались для Рузвельта прежде всего как производное от трезвого учета меняющейся обстановки – военной, стратегической, политической, дипломатической и моральной. Фактор прихода с освободительной миссией в Европу Советского Союза (при всех негативных сторонах такого оборота событий для Запада и западных ценностей), одержанные им решающие победы в войне с фашистской Германией имели доминирующее значение в этом анализе. Общую концепцию, которой решили придерживаться реалистически мыслящие политики США, включая самого президента, накануне Крымской конференции, лучше всего сформулировал Г. Гопкинс, полагавший, что политику США в отношении России не должны определять люди, “которые руководствуются предвзятым мнением, что нет никакой возможности для сотрудничества с русскими” и что интересы США неминуемо приведут “к конфликту с Россией и в конечном счете к войне”. Такую позицию Г. Гопкинс считал несостоятельной и чреватой катастрофой¹²⁰. Позднее Рузвельт в сущности скажет то же, прибегнув, однако, к ссылке на опыт совместного с СССР решения сложных вопросов. 23 февраля 1945 г. на обратном пути из Крыма в США в ходе первой после Ялты пресс-

конференции на борту крейсера “Куинси” президент нашел необходимым привлечь внимание журналистов к этому моменту¹²¹.

И еще одно. Ни о какой “поспешности” в подготовке Белого дома к Крымской конференции или об “интеллектуальной немощи” пораженного недугом президента, оказавшегося якобы жертвой “русского коварства” в Ялте, о чем твердили противники принятых там решений, и речи быть не может. Это подтверждают многочисленные свидетельства и множество фактов¹²². Важное свидетельство оставил Джозеф Дэвис. В своем дневнике (запись 10 января 1945 г.) он зафиксировал, что в связи с подготовкой Крымской конференции у него состоялась продолжительная беседа с Рузвельтом, в ходе которой ими тщательному рассмотрению были подвергнуты советско-американские отношения, дальневосточные проблемы, вопросы о будущей международной организации (включая принцип единогласия великих держав), о наказании военных преступников, о судьбе колоний. Специальной темой беседы стали “трудности с Черчиллем”, который, по словам Рузвельта, все более и более сползал к мышлению XIX в., вместо того чтобы видеть мир таким, каким он был к концу войны¹²³.

Запись Дэвиса существует в двух вариантах: кратком и более подробном. Особенно интересен второй, поскольку он отчасти воспроизводит размышления Рузвельта по вопросам, которые впоследствии нашли отражение в американском проекте суммарных выводов по Крымской конференции. Рузвельт, в частности, говорил о наказании главных военных преступников “без фанфар и фотоаппаратов”, с тем чтобы не создавать из этого акта справедливого возмездия дешевого спектакля и не давать материала для пропаганды будущим реваншистам. При этом президент высказался в том духе, что Черчилль поддержит это предложение, если же этого не произойдет, то “мы (речь шла о Соединенных Штатах. – В.М.) и Советы пойдем своим путем”. Специально собеседники рассмотрели вопрос о процедуре голосования в Совете безопасности будущей Организации Объединенных Наций. Запись Дэвиса свидетельствует, что Рузвельт еще раз подтвердил свое согласие с советским предложением считать решения Совета по всем вопросам, кроме процедурных, принятыми большинством в семь голосов его членов, включая совпадающие голоса всех постоянных членов.

Дэвис напомнил Рузвельту о высказанном ему (Дэвису) Сталиным доводе в пользу единогласия великих держав и его взгляде на слабые стороны в деятельности бывшей Лиги наций, “которая, когда Англия и Франция принялись ухаживать за Германией, оказалась обреченной на гибель”. Президент, как засвидетельствовал Дэвис, согласился, что международная безопасность немыслима без того, чтобы каждая из трех великих держав – членов антигитлеровской коалиции, обеспечивших восстановление мира на Земле, не ощущала себя объектом военной угрозы.

Подпись Рузвельта, как известно, стоит под выработанным конференцией в Ялте заявлением руководителей трех держав, заканчивавшимся словами: «Только при продолжающемся и растущем сотрудничестве и взаимопонимании между нашими тремя странами и между всеми миролюбивыми народами может быть реализовано высшее стремление человечества – прочный и длительный мир, который должен, как говорится в Атлантической хартии, “обеспечить такое положение, при котором все люди во всех странах могли бы жить всю свою жизнь, не зная ни страха, ни нужды”».

Победа в этой войне и образование предполагаемой международной организации предоставят самую большую возможность во всей истории человечества для создания в ближайшие годы важнейших условий такого мира»¹²⁴. Этих положений не было в американском проекте, они – результат совместной работы участников Крымской конференции, но для Рузвельта их включение в окончательный текст заявления об итогах работы конференции не оказалось неожиданным: они соответствовали его пониманию новых условий, сложившихся в мире. К этому пониманию Рузвельт шел часто через противоречия с самим собой, но в согласии с обстановкой. Видный историк, биограф Рузвельта Джеймс Бёрнс писал, характеризуя дипломатию Рузвельта в Ялте: “Его (Рузвельта. – В.М.) позиция объяснялась не наивными представлениями, невежеством, болезнью или изменой, она вытекала из реальных фактов: Россия оккупировала Польшу. Россия с недоверием относилась к западным союзникам. Россия имела миллион солдат, которые готовы были к войне с Японией. Россия могла ответить саботажем новой международной организации безопасности”¹²⁵.

Ф. Рузвельт – политик-реалист и сторонники рузвельтовской линии накануне Крымской конференции еще раз смогли убедиться, что единственный путь к победоносному завершению войны и обеспечению прочных основ послевоенного мирного урегулирования – это в первую очередь продолжение и развитие советско-американского сотрудничества, скрепленного совместной борьбой с гитлеризмом в годы войны. Отвергнув альтернативу курса на сотрудничество, предложенную его противниками, будущими сторонниками политики “холодной войны”, те, кто шел вместе с Рузвельтом, внесли определенный вклад в работу Крымской конференции и в принятие ею исторических решений.

Как известно, в настоящее время в американской историографии существуют различные толкования Ялтинских соглашений. Свое далеко не бесспорное объяснение предложил и Джон Гэддис. Впрочем, в чем он не ошибся, так это в признании, что в Ялте не было проигравших¹²⁶. Можно было бы добавить, что там был достигнут трехсторонний консенсус – редчайшее явление для конференций подобного рода. Современники по достоинству оценили этот факт. Именно так восприняли итоги конференции и большинство амери-

канцев, которые, наверное, способны были отличить реальный вклад в победу над общим врагом от розыгрыша ради рекламы мифа о гармонии внутри “Большой тройки”. Элеонора Рузвельт, хорошо осведомленная о настроениях в стране, сообщала президенту на борт “Куинси”: “Мы, как страна, кажется, едины в своем одобрении результатов конференции”¹²⁷. Хотя раздавались отдельные негодующие голоса, оплакивавшие “поражение США”, опросы общественного мнения подтвердили вывод, сделанный Э. Рузвельт¹²⁸.

Рузвельт и его штаб с повышенным вниманием отнеслись к реакции общественного мнения страны на итоги Ялты; в контексте планируемых ими дальнейших шагов трезвая оценка этой реакции была крайне важна. Сведения, полученные уже в конце февраля от Рассела Девенпорта, видного журналиста, руководителя избирательной кампании Уилки в 1940 г. и лидера так называемых независимых республиканцев, оказавших поддержку Рузвельту в 1944 г., вселяли оптимизм. “Первая реакция прессы на Ялту, – писал он 20 февраля Гопкинсу, – положительная. Очень многие люди, с которыми я говорил, хотя и не скрывают свой скептицизм, вместе с тем выражают приятное удивление. В целом на меня все эти беседы произвели хорошее впечатление... и я еще раз благодарю за все, что Вы сделали, и поздравляю Вас с итогами работы в Ялте”. Тронутый этим посланием, Гопкинс ответил: “Крымская конференция дала лучшие результаты, чем я ожидал, и я уверен, что мы на правильном пути, хотя для того, чтобы обеспечить реализацию положений коммюнике, мы должны много потрудиться”¹²⁹.

В глазах президента это стало еще одной большой, но на сей раз уже психологической победой. Она возрождала надежды на укоренение политического реализма, обязательным элементом которого должно было стать признание полностью оправдавших себя принципов сотрудничества между всеми державами антигитлеровской коалиции (в первую очередь между великими державами) независимо от их социального строя в интересах прочного мира и безопасности народов. Именно в этом контексте следует рассматривать выраженное президентом в дни Ялты желание информировать Сталина о работах над атомной бомбой, ведущихся в рамках Манхэттенского проекта. Рузвельт внутренне, по-видимому, начинал обдумывать пути выхода из того тупика, в который могли загнать союзнические отношения решения, принятые в Квебеке и Гайд-парке. И только “сильное сопротивление”, оказанное Черчиллем, пишет американский историк Джеймс Хершберг, “заставило Рузвельта отказаться от этого шага”¹³⁰.

Мыслью об обнадеживающих перспективах перестройки международных отношений на базе сохранения единства великих держав после завершения разгрома агрессоров была пронизана последняя речь Ф. Рузвельта перед объединенной сессией конгресса 1 марта 1945 г.

Выступление Рузвельта нельзя считать просто отчетом о Ялте и размышлениями о целях внешней политики США в мире, стоящем на пороге кардинальных перемен. Оно было еще и предупреждением против столетиями культивируемого соблазна, прибегая к силе и военно-блоковой политике, решать международные конфликты без учета интересов мирового сообщества в целом. Извинившись за то, что он вынужден говорить сидя по причине физической усталости после долгого, в 14 тыс. миль, путешествия и желания освободиться от тяжелых стальных оков-протезов, Рузвельт продолжал: «Путешествие было длительным, но, я думаю, вы все согласитесь со мной, что оно было и плодотворным». Президент говорил ровным тоном, его голос звучал негромко, даже глухо, но по мере чтения текста волнение улеглось, и вновь перед переполненным залом предстал Рузвельт, которого привыкли видеть, – уверенный в своей правоте, улыбающийся, чуть ироничный. Концовка речи прозвучала твердо, с привычной для него интонацией, подчеркивающей значительность момента: «Мир, который мы строим, не может быть американским или британским, русским, французским или китайским миром. Он не может быть миром больших или миром малых стран. Он должен быть миром, базирующимся на совместных усилиях всех стран... Конференция в Крыму, я надеюсь, была ключевым моментом, в нашей истории так же, как и в истории всего мира. Вскоре сенату Соединенных Штатов и всему американскому народу будут представлены для ратификации ее великие решения, которые определяют судьбу Соединенных Штатов и всего мира на период жизни будущих поколений...

Ни один план не является совершенным... В то, что будет одобрено в Сан-Франциско (Рузвельт имел в виду предстоящую конференцию Организации Объединенных Наций, которая должна была утвердить ее устав. – *В.М.*), несомненно, время от времени будут вноситься изменения, как было с нашей собственной Конституцией... Крымская конференция... призвана обозначить конец системы односторонних действий, замкнутых блоков, сфер влияния, баланса сил и всех других подобных же методов, использовавшихся веками, но всегда безуспешно. Мы предлагаем поставить на их место всемирную организацию, которая в конечном счете объединила бы все миролюбивые нации..."¹³¹. Этот призыв почти слово в слово повторял обещание В. Вильсона обеспечить торжество моральных принципов в международных отношениях, данное им в 1919 г. после окончания Версальской конференции.

ПРОЩАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ

После выступления в конгрессе Рузвельт отправился на пару дней в Гайд-парк, чтобы «отоспаться». Усталость давала о себе знать, и Рузвельт намеревался твердо придерживаться совета врачей и дочери Анны – сократить рабочий день и не перегружать себя де-

лами, требующими нервного напряжения. Предполагалось, что в конце марта президент возьмет двухнедельный отпуск, чтобы провести его в малом Белом доме в Уорм-Спрингс, штат Джорджия. Там, в принадлежащем ему небольшом поместье, президент намеревался подготовиться к предстоящему выступлению на открытии конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско 25 апреля 1945 г. Появление перед делегатами в Сан-Франциско Рузвельту виделось как кульминация многотрудных усилий на пути формирования новой структуры мира. Триумф в Сан-Франциско (кто мог уже в этом сомневаться) и победоносное завершение войны в Европе должны были не только символизировать счастливый конец пережитой человечеством кровавой исторической драмы, но и стать прологом дня грядущего, когда здравый смысл, а также добровольное сотрудничество всех больших и малых стран при обязательном сохранении единства великих держав будут признаны руководящим принципом мирового сообщества. Идея справедливого мира “для всех” под эгидой “четырех полицейских” (США, СССР, Англия, Китай) уживалась с политическим расчетом. Рузвельт возвращался к формуле вильсоновского “идеализма” с той только разницей, что в новой ее трактовке признание лидирующей роли Соединенных Штатов в мировых делах приобретало характер абсолютного императива. За исходный принимался факт резкого экономического ослабления всех стран и превращения США в этих условиях в образец социально-экономического развития для остального “свободного” мира, в своего рода эталон для подражания, что подразумевало одновременно и верховенство национальных интересов США и достижение преобладающего влияния американской культуры в широком понимании этого слова. Важным аргументом должны были стать многочисленные военные базы США, рассеянные на всех континентах, а также торговая и финансовая экспансия. И, наконец, все должно было венчать атомное оружие. Соединенные Штаты должны “интересоваться делами во всем мире и не должны ограничивать свои интересы Северной Америкой, Южной Америкой и районом Тихого океана” – так Гопкинс в беседе с советскими руководителями в мае 1945 г. разъяснил подход Рузвельта к внешней политике уже после смерти президента.

За этой короткой репликой стояли очень серьезные решения, венчающие все, что было достигнуто за пять лет силового противоборства и военной мобилизации в структуре экономики США, создания военно-промышленного комплекса, превосходившего по своим масштабам военные арсеналы главных союзников, вместе взятых, другими словами – агрегированный военно-промышленный потенциал США (включая его научно-техническую составляющую) и реальное положение на театрах военных действий. Прежде всего на Тихом океане. Война в тихоокеанском регионе была параллельной войной, прямо не связанной с военным конфликтом в Европе, и ос-

тавалась почти до последнего момента чисто “американским делом”. Демонстративно представляя ее “своей”, США решали по существу собственные задачи, самоутверждаясь в качестве главной державы и военной силы в регионе, не нуждающейся (и не допускающей) ни в каких согласованиях своей политики с союзниками.

В 1943 – начале 1944 г. американцы достигли первых значительных успехов в ходе операций по вытеснению японцев с Соломоновых островов, из Новой Гвинеи и Центральной части Тихого океана (острова Гильберга). После разгрома японского флота в Филиппинском морском сражении в октябре 1944 г. и последующего освобождения Филиппин американские ВМС достигли полного господства на море. Однако с каждым новым успехом по “зачистке” акватории Тихого океана становилось ясно, что разгром японцев в Китае, Бирме, Маньчжурии, организация вторжения на территорию собственно Японии не могут обойтись без больших потерь. Массированное наращивание вооруженных сил и вооружений как следствие этого становилось главной предпосылкой решающего успеха. К 1945 г. США имели более 14 современных авианосцев в составе действующих на Тихом океане флотов. Каждый из них был базой до 100 самолетов. И все же спрогнозировать продолжительность по времени войны на Тихом океане не решался никто в военном руководстве США. Превратив азиатско-тихоокеанский регион во внутреннее море США, в гигантский стратегический “укрепрайон”, Вашингтон обеспечил на долгие годы здесь свое военное присутствие, но в сложившихся условиях, когда сроки окончания боевых действий становились фактором в политическом отношении исключительно важным, если не решающим, Рузвельт не собирался умалять значение дипломатии. Ялта наталкивала на использование ресурса совместных действий прежде всего в силовом варианте. Возможности атомной бомбы были все еще неясны, как неясны были и направления событий на освобождаемых от японской оккупации колониальных стран, где ширилось под флагом независимости партизанское движение.

Вот почему Рузвельт придавал важное значение серии намечаемых при участии США важных международных встреч и конференций. Среди первых из них была конференция в Сан-Франциско. Этот форум и его речь, которая должна была стать программой на весь первоначальный этап деятельности ООН, рассматривались Рузвельтом еще и как важное средство снятия внутреннего напряжения, накопившегося в политической атмосфере страны накануне Ялты и сразу после нее, когда оппозиционная печать исподволь, переждав первую реакцию одобрения, принялась будоражить публику намеренно преподносимыми в виде катастрофических сенсаций “догадками” о заключенных в Ялте секретных соглашениях. В них правда перемежалась с вымыслами, обычные журналистские спекуляции – с обвинениями в “тайном сговоре” с русскими

и т.д. Явно алармистское обыгрывание “хозяйничания Советов” в Центральной Европе вызывало раздражение президента, которое усиливалось от того, что он лишен был возможности дать ему выход в отповеди на пресс-конференции. Законы военного времени заставляли хранить молчание. Вблизи не было и Гопкинса, способного в таких случаях поставить на место любого из зарвавшихся или по крайней мере дать полезный совет. На полпути из Крыма президент и его ближайший советник расстались. Гопкинс, чье здоровье оказалось подорванным, не возвращаясь в Вашингтон, отправился в клинику Мэйо в Миннесоте.

Отсутствие в Белом доме Гопкинса не только прибавило работы, но и существенно нарушило такой устоявшийся с годами процесс принятия решений, а также контроль за функционированием необычайно разбухшего правительственного аппарата, многочисленных служб и ведомств, многие из которых становились трудно управляемыми. Однако внешне все оставалось по-прежнему. Президент начинал свой рабочий день между 8 и 9 часами. К 10 часам 30 минутам он завершал просмотр срочных телеграмм и бумаг, отфильтрованных секретарями, и направлялся в Овальный кабинет. Иногда по пути Рузвельт наведывался в Комнату карт, куда сходились все нити руководства военно-стратегическими операциями и дипломатической деятельности США в годы войны и где долгое время верховодил Гопкинс. Обычный распорядок, как отмечал в марте 1945 г. журнал “Форчун”, ничем не нарушался. В Овальном кабинете «все самые важные депеши госдепартамента, а также военные сводки оказывались на столе президента. И хотя он много читал, он не мог бы соперничать в этом с Черчиллем. Рузвельта называли “человеком, живущим общением с окружающими”, он любил получать информацию из разговоров с людьми. Его все меньше интересовали детали, но великолепная память позволяла ему схватывать и хранить то, что ему было нужно»¹³². Чаше других еще на пути в Овальный кабинет вблизи президента появлялась теперь фигура начальника его личного военного штаба адмирала У. Леги. Приближая к себе этого видного представителя военных кругов, Рузвельт хорошо знал о различиях во взглядах Леги и старых ньюдиллеров, в частности Гопкинса, на проблемы послевоенного урегулирования, но к этому все давно привыкли: работать с людьми, заведомо неодинаково воспринимавшими происходящее, было одной из самых приметных черт стиля Рузвельта-политика.

Выбор определялся отчасти давней дружбой Рузвельта с У. Леги, а отчасти резким увеличением удельного веса военно-стратегических вопросов в повестке дня президента. Имена адмиралов и генералов – Леги, Кинга, Маршалла, Эйзенхауэра, Макартура, Арнольда – мелькали в памятках секретарей президента не реже, чем имена членов конгресса, дипломатов и представителей делового мира. Март 1945 г. был особенно насыщен такими встречами и бе-

седами. Тяжелые раздумья вызвала встреча с глазу на глаз с военным министром Г. Стимсоном 15 марта. То, что казалось маловероятным или почти невероятным, вдруг обернулось адской мыслью о неотвратимости предстать перед судом истории еще и в качестве “хранителя” испепеляющего оружия массового уничтожения. Манхэттенский проект ожил, превратившись в этот день для Рузвельта из преимущественно лабораторного эксперимента, лишь временами напоминавшего о себе постоянно растущими ассигнованиями, докладами генерала Л. Гровса, встречами с учеными, в огромную моральную проблему.

Когда за Стимсоном закрылась дверь, цепкая память президента молниеносно “прокрутила” всю историю создания “супербомбы”, выхватив самые важные эпизоды. 1939 год, письмо Эйнштейна и начало работ в кооперации с англичанами, назначение руководителем научного центра в Лос-Аламосе Роберта Оппенгеймера и напутствия ему, сопровождаемые напоминованием о важности не дать Гитлеру опередить Соединенные Штаты в деле создания атомного оружия¹³³. Весна 1944 г., просьба Ф. Франкфуртера принять датского физика Нильса Бора и длинная, полуторачасовая, беседа с ним. Ради сохранения доверия между союзниками Бор предлагал информировать Советский Союз о ведущихся работах над проектом S-1. Рузвельт отчетливо помнил, что он тогда сказал Франкфуртеру: “Вся эта вещь смертельно тревожит меня”¹³⁴.

Президент познакомился с меморандумом Бора от 3 июля 1944 г., переданным ему Франкфуртером, и принял ученого 26 августа, но высказанная Бором идея о временном характере всякой монополии на атомное оружие показалась ему недостаточно убедительной. Потому-то он и дал уговорить себя Черчиллю, неприязненно относившемуся к Бору, зафиксировать их совместное негативное отношение к предложению проинформировать Советский Союз в общих чертах о Манхэттенском проекте. Подписав 19 сентября в Гайд-парке вместе с Черчиллем секретную “памятную записку”, он вместе с премьер-министром санкционировал слежку за Нильсом Бором спецслужб США и Англии¹³⁵. Рузвельт не раскаивался в том, что произошло, но и не был уверен, что поступил правильно. Предупреждение Бора о неизбежном возникновении кризиса доверия между союзниками в случае, если факт утаивания от Советского Союза информации о ведущихся с таким размахом работах над сверхмощным оружием дойдет до Москвы, болезненно отозвалось в сознании президента. Его не покидала мысль: Бор прав, секретность в таком деле вполне оправдана в отношении врагов, но она едва ли приемлема в отношении союзника. Согласившись с ученым в том, что не только ничего не будет потеряно, а, напротив, будет получен прямой выигрыш в случае, если Советский Союз заблаговременно поставят в известность о Манхэттенском проекте¹³⁶, Рузвельт не слишком кривил душой. Он и сам пришел к этой мысли, но напори-

стость Черчилля и желание достигнуть согласия с ним в Квебеке привели к обратному результату.

Прекращение контактов с Н. Бором произошло в такой форме, которая, казалось, делала невозможным их возобновление. Но, судя по всему, многим, причастным к этой истории, представлялось, что не все потеряно. Иначе, как объяснить появление в бумагах того же Франкфуртера, переданных им позднее Р. Оппенгеймеру, “дополнения” к меморандуму Бора от 3 июля 1944 г., которое датируется 24 марта 1945 г.? Содержание документа недвусмысленно говорит о том, что ни Бор, ни Франкфуртер не утратили надежды на новую встречу с Рузвельтом и на положительное в принципе решение вопроса о международном контроле над атомным оружием. Примечательно, что в нем Бор вновь заявлял о неизбежном в ходе развития научно-технического прогресса овладении секретами производства атомного оружия многими странами (в первую очередь Советским Союзом по причине высокого уровня развития науки в этой стране) и, если возобладает недооценка их потенциала, превращении человечества в заложника безумной гонки вооружений такой разрушительной силы, которая превосходит любые мыслимые ранее масштабы. Заключительная часть “дополнения” была написана Бором так, как будто он продолжал разговор с Рузвельтом, начатый в тот многообещающий день – 26 августа 1944 г. Президент просил тогда снабдить его четким обоснованием неприемлемости накопления нового чудовищного оружия, а тем более соревнования в деле его совершенствования. “Человечество, – писал Бор, – столкнется с угрозой беспрецедентного характера, если в надлежащий момент не будут приняты меры с целью не допустить смертельно опасного соревнования в производстве невероятного по своей разрушительной силе оружия и установить международный контроль за производством и применением этих мощных материалов”¹³⁷.

Неясно, дошел ли этот документ до Рузвельта, успел ли он познакомиться с ним, пусть даже в чьем-то переложении. Скорее всего, нет. Во всяком случае из переписки Франкфуртера, в распоряжение которого Бор передал свое “дополнение”, следует, что ни в марте, ни в апреле 1945 г. он не имел возможности переговорить с президентом, хотя и был готов к этому разговору.

Но к идеям “опального” Бора Рузвельта вернул доклад военного министра 15 марта. Стимсон, курировавший работы над атомным проектом, сторонник международного контроля над атомным оружием, сделал это, возможно, не подозревая, что фактически, не посчитавшись с однажды выраженным президентом желанием держать бомбу “в сейфе”, своим докладом натолкнул его на то, чтобы еще раз переосмыслить проблему заново, прежде чем принять окончательное решение.

Об этом важном эпизоде Стимсон рассказал впервые 28 июня 1947 г. в газете “Вашингтон пост”: “15 марта 1945 г. я последний раз

разговаривал с президентом Рузвельтом. Мои дневниковые записи этой беседы дают достаточно ясную картину состояния нашего мышления в то время. Я только изъясил из них имя одного известного государственного деятеля (очевидно, министра финансов Г. Морган-тау. — В.М.), который страшился, как бы Манхэттенский проект не оказался мыльным пузырем. Так считали многие недостаточно информированные люди.

Президент... предложил мне сегодня с ним позавтракать... Прежде всего я обсудил с ним меморандум... который он мне прислал. Автор меморандума, обеспокоенный слухами о непомерных расходах на Манхэттенский проект... заявил, что они стали невероятно обременительными, и предложил создать комиссию незаинтересованных ученых, которые разберутся в этой истории. По его словам, ходят слухи, что Ванневар Буш (советник Рузвельта по делам науки. — В.М.) и Джим Конант (второе лицо в научном руководстве атомными исследованиями. — В.М.) соблазнили президента мыльными пузырями. По содержанию это довольно-таки злой и глупый документ, к которому я был подготовлен. Я передал президенту список ученых, которые заняты в работе над атомной бомбой с тем, чтобы продемонстрировать очень высокий уровень их деятельности. В списке фигурировали четыре лауреата Нобелевской премии... Затем я нарисовал будущее атомной энергии и назвал срок завершения работы над бомбой. Я сказал, что все это крайне важно. Мы обсудили с президентом вопрос о двух школах мышления по вопросу о будущем контроле над атомным оружием после войны, если работа над ним увенчается успехом. Один подход выражается в убеждении, что контроль должен оставаться в руках тех, кто осуществляет его сейчас (т.е. США и Англии. — В.М.). Другой исходит из необходимости установления международного контроля, опирающегося на принцип свободы как в отношении науки, так и в отношении ее использования в практических целях. Я сказал президенту, что все эти проблемы должны быть решены до того, как первое устройство будет использовано, что он должен быть готов выступить с заявлением перед американским народом, как только все будет сделано. Он с этим согласился..."¹³⁸.

Как расшифровать эту запись Стимсона? На этот вопрос нельзя дать однозначный ответ. Есть, разумеется, причины считать, что конфликт, возникший между Рузвельтом и Бором, не был просто трагическим недоразумением¹³⁹, что президент США в данном вопросе, так же как и Черчилль, придерживался жесткой линии, отвергая идею международного контроля над атомным оружием на основе равноправного участия в нем всех стран антигитлеровской коалиции. И все же категорически это утверждать нельзя. Огромный опыт государственной деятельности, развитое чувство истории, наконец, умение прислушиваться к мнению ближайших советников, многие из которых принадлежали к той же "школе

мышления”, что и Франкфуртер, – все это в конечном счете позволяло сделать адекватные обстановке и с учетом перспективы выводы. Время краткосрочного “отшельничества” в Уорм-Спрингсе (это уже стало правилом) всегда отводилось Рузвельтом для размышлений над особо трудными, “неподдающимися” вопросами внутренней и внешней политики.

Позднее человек, которого американцы называли “отцом атомной бомбы”, Роберт Оппенгеймер, скажет: “Мы сделали работу за дьявола”. Он откажется участвовать в создании водородной бомбы, полагая, что этот путь ведет к гонке ядерных вооружений, а Элеонора Рузвельт в разгар маккартистской истерии в стране, выразив в специальном письме Оппенгеймеру свою убежденность в лояльности ученого и оправданности его поступка¹⁴⁰, подскажет, в чем рефлексия Оппенгеймера перекликалась с раздумьями Рузвельта в марте – начале апреля 1945 г. Нельзя также считать простым совпадением, что ровно через год после последней встречи с Рузвельтом, 15 марта 1946 г., ушедший в отставку военный министр Г. Стимсон напишет в популярном и широкочитаемом тогда журнале “Харперс” следующее: “Мы не должны опоздать. Ядовитые семена прошлого очень живучи и не могут быть уничтожены профилактическими мерами. Монопольно владея бомбой, по крайней мере на сегодняшний момент, Соединенные Штаты занимают лидирующее положение в мире. Но это положение, скорее всего, является преходящим. Наша страна должна признать это и действовать незамедлительно. Она должна выступить с инициативой, протянув дружескую руку другим государствам, в духе полного доверия и желания добиваться всестороннего сотрудничества в решении этой проблемы”¹⁴¹. Призыв Стимсона остался без последствий, подтвердив тем самым, что новый хозяин Белого дома (Г. Трумэн) был не намерен возвращаться к политике согласованных решений.

Переход внешнеполитического курса США на рельсы атомной дипломатии носил скачкообразный характер и был связан с уходом со сцены старой администрации, фактически бессменно просуществовавшей с 1933 г. Это не противоречит тому, что материальные, психологические и доктринальные установки для такого перехода складывались постепенно, исподволь, расширяя возможности для правых сил атаковать президента и рузвельтовских либералов с самых неожиданных направлений и в самое неожиданное время.

Геополитический и идеологический факторы обнаружили себя в виде вызова, который был брошен Западу продвижением Советской Армии к Берлину. Им принадлежит решающая роль в реинкарнации синдрома страха и недоверия к союзнику, подготовившего всплеск “истерического антисоветизма” (этот термин принадлежал Джорджу Кеннану)¹⁴² в первые же послевоенные годы. Распад традиционных государственных структур в странах Восточной и Юго-Восточной Европы под комбинированными ударами левых сил и внешнего

воздействия ослаблял позиции проружельтовского политического течения и усиливал оппозицию. Температура общественного возбуждения, подогреваемая прессой, поднималась по мере того, как советские войска выходили на рубежи Берлина, Праги и Вены. Заговорили о “Советском халифате”. Всегдашние критики внешней политики Рузвельта, лидеры республиканцев – Г. Гувер, Р. Тафт, А. Ванденберг, Г. Фиш, Б. Уилер и др. – получили отличную возможность заявить, что они были правы, требуя от правительства не оказывать помощи Советскому Союзу¹⁴³. Все это ставило Рузвельта в очень сложное положение.

Принимая решение удалиться в Уорм-Спрингс с целью оказать ся ненадолго как бы вне зоны повышенной политической активности, Рузвельт в душе надеялся, что две предстоящие недели после 29 марта могут стать периодом, за которым должно последовать главное событие – победа в Европе, автоматически снимавшая многие острые вопросы, на которых оппозиция хотела бы нажать капитал. Однако надежды на то, что ему удастся немного передохнуть, а главное, сосредоточиться на ключевых вопросах, международных и внутренних, не оправдались. Кто-то, предусмотрев вариант с выездом президента из Вашингтона и паузой в его контактах с прессой, решил заполнить ее встряской на манер той, что устроил двумя годами раньше У. Буллит, публично выступивший с требованием подготовки к будущей войне против Советского Союза. На сей раз роль “возмутителя спокойствия” была предоставлена Джорджу Эрлу, видному деятелю демократической партии, проработавшему почти три года резидентом американской разведки в Турции.

Эрл, усердно потрудившийся на лоне установления контактов с “миротворцем” фон Папеном и сделавший своей *idea fix* угрозу гибели “западной цивилизации” от рук “красных”, объявил в личных письменных посланиях президенту накануне его отъезда в Уорм-Спрингс о намерении выступить в печати с серией статей в жанре политического детектива. Тот факт, что Эрл состоял на действительной военной службе и был близко знаком с президентом, другими видными деятелями администрации, делал ситуацию не просто щекотливой, но и крайне политически опасной. Речь в серии должна была идти об упущенных шансах на заключение сепаратного мирного договора западных союзников с Германией и о спасении стран Восточной Европы. Главный удар наносился по Рузвельту. Сколько сильных слов было сказано самим президентом о союзническом долге и войне с гитлеризмом до полной победы, и вдруг – тайные контакты (без уведомления союзников) с эмиссарами гитлеровского рейха, планы участия в заговорах с целью приведения к власти Гиммлера и многое другое!

Полученные президентом через посредство исполняющей обязанности его секретаря, дочери Анны, письма Эрла, наспигованные показным елеем и раболепием, таили в себе взрывоопасную ситуа-

цию, которая надолго могла отравить атмосферу не только внутри страны. Предстояли важные переговоры и, судя по всему, новая встреча “Большой тройки”. Идти на них под аккомпанемент пересудов, вызванных “исповедью” Эрла, Рузвельт считал непозволительным риском с непредсказуемым исходом. Не было времени выяснить источник дезертирства Эрла – поиски могли завести слишком далеко. Вместо этого требовалось, так виделось Рузвельту, оперативное вмешательство, с тем чтобы закрыть доступ в политику дополнительному заряду разрушительных эмоций. Президент сам взялся ответить Эрлу, найдя для этого убедительную форму напоминания офицеру военно-морского флота о верности присяге в условиях военного времени. Письмо Рузвельта датировано 24 марта 1945 г. Вот оно.

Дорогой Джордж!

Я прочитал Ваше письмо от 21 марта, адресованное моей дочери Анне, и с беспокойством узнал о Ваших планах опубликовать неблагоприятное мнение об одном из наших союзников как раз в такой момент, когда подобная публикация бывшего моего специального эмиссара могла бы нанести непоправимый вред нашим военным усилиям. Как Вы сами пишете, Вы занимали важные позиции, будучи облеченным доверием Вашего правительства. Публиковать информацию, полученную на этом правительственном посту без соответствующего разрешения на то руководства, было бы величайшим предательством. Вы пишете, что предадите эту информацию гласности, если до 28 марта не получите от меня отрицательного ответа. Я заявляю, что не только считаю непозволительным появление подобной публикации, но и специально запрещаю Вам публиковать любую информацию или публично выражать мнение о нашем союзнике, базирующееся на данных, которые Вы получили, находясь в рядах военно-морских сил страны¹⁴⁴.

Как раз накануне отъезда Рузвельта в Уорм-Спрингс пришел ответ от Эрла, датированный 26 марта. Он начинался словами: “Я получил Ваше письмо от 24 марта. Я подчиняюсь каждой букве Вашего приказа Верховного главнокомандующего вооруженными силами США”. Далее следовал поток слов с заверениями в личной преданности и жалобами на недопонимание. Но это представлялось Рузвельту уже не имеющим никакого значения. Инцидент был исчерпан, “дело Эрла”, казалось, можно было сдать в архив. Однако состояние напряжения не проходило. Взрывоопасность ситуации не воспринималась бы так остро, если бы демарши Эрла и тех, кто поддерживал его, были бы единичными. Со слов Шервуда, навестившего президента 24 марта, ему стало известно, что точно такой же позиции придерживается генерал Макартур, командующий вооруженными силами союзников на Тихом океане, и чуть ли не весь его штаб. Факт почти синхронного совпадения “торпедной атаки” Эрла на “дух Ялты” с другими событиями, подвергшими серьезному испытанию доверие между союзниками, усиливал ощущение близкого кризиса.

Скрытая от глаз накаленность атмосферы объяснялась в значительной степени еще и настойчивыми усилиями Черчилля, а внутри США прессы Херста, Патерсона и Маккормика навязать президенту ревизию Ялтинских соглашений по польскому вопросу, которые, как считал Рузвельт, давали достаточную и реалистическую основу для взаимоприемлемых решений¹⁴⁵. Но, пожалуй, в еще большей мере она исходила от очага, который заявил о себе так называемым “бернским инцидентом”, а именно протекавшим в драматической форме конфликта между Вашингтоном и Лондоном, с одной стороны, и Москвой – с другой, и вызванным тайными переговорами генерала СС К. Вольфа с резидентом Управления стратегических служб в Швейцарии Алленом Даллесом. Переговорам в Берне предшествовала начиная с января 1945 г. длительная история тайных контактов эмиссаров американской и английской разведок с представителями разведки “третьего рейха” в Италии. В ходе этих контактов речь шла о “спасении западной цивилизации” путем открытия фронта перед наступающими англо-американскими войсками¹⁴⁶.

Многие из ближайшего окружения Рузвельта, из тех, разумеется, кто был посвящен в курс дела, полагали, что “заслуга” в привнесении особой нервозности в дипломатическую переписку между главами трех союзных держав в марте-апреле 1945 г. принадлежит английскому премьер-министру. Так, например, Джозеф Дэвис, выполнявший накануне Потсдамской конференции важные поручения Г. Трумэна, писал президенту США, что законные опасения советского руководства в отношении намерений западных союзников заключить секретное соглашение с гитлеровцами “на Западном фронте в ущерб русским, сражающимся на Восточном фронте” имели основания по причине той непримиримой враждебности, которую Черчилль, не таясь, питал к Советскому Союзу. Возможно, Дэвису очень хотелось верить, что Рузвельт не имел непосредственного отношения ко всей этой провокационной и опасной затее, вызвавшей, как признавал тот же Дэвис, кризисную ситуацию¹⁴⁷.

Но так или иначе уже в начале марта операция “Кроссворд” напомнила о себе интенсивной и исключительно напряженной дипломатической и межведомственной перепиской. И чем дальше, тем сильнее она обозначалась именно той гранью, которая вызвала вполне обоснованные подозрения советского правительства в новых попытках кое-кого на Западе пойти по пути сговора с гитлеровцами и взорвать коалицию антифашистских держав.

Первая реакция советского правительства на поступившую 12 марта из Вашингтона и Лондона информацию о контактах в Швейцарии (они проходили в Лугано, Цюрихе и Асконе) была спокойной: речь шла об условиях капитуляции частей вермахта в Северной Италии, и поэтому СССР поставил лишь вопрос об участии советских представителей в его обсуждении. Однако неожиданно в

ответ Москва получила совершенно неубедительные разъяснения, советское предложение было отвергнуто, а после этого обмен посланиями между Москвой и Вашингтоном напоминал удары боксеров на ринге.

“Бегство” в Уорм-Спрингс оборачивалось непрерывным распутыванием труднейшего узла, образовавшегося в результате тайной интриги американской и английской спецслужб, затеянной в расчете на ту политическую выгоду, которую западные союзники надеялись извлечь, вновь прибегая к “альтернативной военной стратегии”¹⁴⁸. Так же как и раньше, ее суть состояла в том, чтобы с наименьшими издержками, используя готовность изверившихся в победе Гитлера военных и политических деятелей “третьего рейха” открыть Западный фронт, продвинуться далеко вперед на Восток и взять под контроль всю территорию Центральной Европы. Как далеко от целей, провозглашенных 1 марта 1945 г., могла увести эта стратегия? Этот вопрос вставал перед Рузвельтом во весь рост. Сообщения, поступившие из Москвы в конце марта, о “невозможности” для В.М. Молотова прибыть на открытие конференции в Сан-Франциско не могли быть для президента неожиданностью: советское руководство никогда не скрывало, что нарушения союзнических обязательств не безобидная вещь, да и весь опыт советско-американских отношений начиная с 1933 г. наталкивал Рузвельта на терпеливый поиск взаимоприемлемых решений возникшей кризисной ситуации.

Неожиданно еще одно подтверждение правильности формулы “сдержанность плюс твердость” Рузвельт получил почти одновременно из Москвы и из Лондона. 5 апреля 1945 г. советское правительство денонсировало советско-японский пакт о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. Никому в Америке не нужно было объяснять, что это значило. В разговоре с личным секретарем Хассетом и д-ром Брюнном президент признал, что это “был мужественный шаг со стороны Сталина”¹⁴⁹: в момент, когда главные силы Советской Армии вели тяжелейшие бои в Германии, осложнения с Японией могли создать для Советского Союза рискованную ситуацию. На своей самой короткой, 998-й пресс-конференции для горстки журналистов, аккредитованных при малом Белом доме, Рузвельт, отвечая на вопрос, еще раз дал понять о неизменно высокой оценке Ялтинских договоренностей.

В полученной 6 апреля телеграмме посол Вайнант сообщал из Лондона, что последнее послание Рузвельта Сталину, по его мнению, “полностью устранило почву для недоверия русских”. Но начало депеши содержало смелую критику избранной Вашингтоном и Лондоном тактики, поставившей самого президента в затруднительное положение. В целом же во всем послании сквозило неодобрение в отношении беспрестанных угроз Черчилля – публично обрушиться на принципы согласованной в Ялте политики по польскому воп-

росу и линии премьер-министра на “разоблачение” советской колонизации Восточной Европы. Вайнант, опираясь на опыт работы в Европейской консультативной комиссии, писал о готовности советской дипломатии к компромиссам¹⁵⁰. Поступившее от Сталина на другой день послание убеждало в том, что в Москве и в самом деле не видят проку в раздувании конфликта, коль скоро все основные принципы совместного ведения войны против общего врага были подтверждены и еще раз зафиксированы в ходе обмена посланиями.

Вероятность знакомства Рузвельта с полученным 5 апреля Леги секретным докладом группы компетентных военных аналитиков под заглавием “О достижении согласия с Советами” также заслуживает быть здесь упомянутой. Главный постулат доклада звучал следующим образом: “Сохранение согласия союзников в процессе ведения войны должно оставаться центральной и приоритетной целью нашей военно-политической стратегии в отношениях с Россией”. Весь же доклад, включая рекомендации и проект послания президента Сталину, по существу был посвящен проблеме устранения кризисных последствий в отношениях между союзниками, вызванных “бернским инцидентом”. Переговоры в Берне, без обиняков заявлялось в докладе, породили “недоразумение такой тяжести, что нельзя жалеть усилий для его скорейшей ликвидации”. Прямо противоположно тому, как это было сделано в посланиях Сталину, в докладе оценивалась степень опасности, возникшей для боевого сотрудничества западных союзников и СССР, и установившегося между ними духа доверия.

Рекомендации экспертов состояли из двух пунктов. В первом излагалось предложение в дополнение к телеграмме от 4 апреля в качестве меры восстановления доверия направить специальное послание президента в Москву с приглашением командировать советских военных представителей на Западный фронт. Во втором предлагалось потребовать от генерала Дина воздерживаться от любых опрометчивых шагов в стиле “жесткой” линии по отношению к Советскому Союзу. Приложенный к докладу проект послания президента США Сталину состоял всего из нескольких строк: “Я настолько сильно обеспокоен заслуживающим всяческого сожаления печальным недоразумением, возникшим между нами, что хотел бы дополнить свое послание от 4 апреля предложением направить группу советских представителей, которым Вы полностью доверяете, на Западный фронт, где им будут предоставлены все возможности наблюдать военные операции и убедиться в лучших намерениях правительств Англии и США”^{*}.

Решение, каким должен быть ответ Сталину, пришло не сразу. Ясно было только одно: это должно оказаться последним послани-

---

^{*} Документ хранится в личном архиве автора благодаря любезности Л.А. Безыменского.

ем, подводящим черту под “бернским инцидентом”. Возникла мысль начать с выражения признательности за “откровенность” в изложении советской позиции, а затем напомнить, как этого хотели Маршалл и генерал Дин, об американском “пакете” претензий к Советскому Союзу. В меморандуме адмиралу Леги, набросав отдельные положения будущего ответа, Рузвельт пространно объяснял, что успехи на Западном фронте тоже достигаются в результате кровопролитных боев. Однако концовка этого наброска, предложенного Леги для размышления и направленного ему 9 апреля, содержала призыв сохранять единство: “Мы сейчас стоим перед самой важной задачей соединения наших усилий ради достижения окончательного разгрома противника. Так сделаем это на разумной основе, как добрые союзники, руководствуясь взаимопониманием. Вы согласитесь со мной, я в этом уверен, что именно в этом корни надежды на создание лучшего мира”¹⁵¹.

Но затем идея “длинного” послания Сталину отпала сама собой. Отложив все, в сущности по совету Вайнанта, Рузвельт считал необходимым охладить пыл Черчилля, похоже, полного решимости организовать антисоветский демарш в парламенте и новую словесную перестрелку по дипломатическим каналам уже по польскому вопросу. 10 апреля он направил в Лондон подготовленную Стеттиниусом телеграмму с призывом проявлять выдержку и осторожность. А 11 апреля Рузвельт продиктовал на этот раз им самим составленное короткое послание премьер-министру: “Я бы хотел, насколько возможно, смягчить этот вопрос, поднятый русскими, поскольку такие вопросы в той или иной форме возникают ежедневно и большинство из них разрешается, как разрешился вопрос о встрече в Берне. Нам все же следует проявить твердость. Пока наша линия поведения была правильной”¹⁵². Окончив диктовать, Рузвельт полистал настольный календарь. “Сегодня не отсылайте это письмо, – сказал он стенографистке. – Отошлите его в четверг, 12 числа”.

Хотелось еще раз проанализировать все эти соединенные между собой глубокой внутренней связью события и факты и сделать единственно правильный шаг, который позволил бы всем ведущим державам антигитлеровской коалиции собраться в Сан-Франциско и быть “на дружеской ноге”. Рузвельт принялся за текст давно обдуманной речи, которую предстояло произнести в День памяти Джефферсона 13 апреля. Это был прекрасный повод накануне Победы вернуться к теме “Век простого человека”. Совсем короткое время, проведенное в Уорм-Спрингсе, прибавило бодрости, подняло тонус. Возвращалось обычное состояние удовлетворения от работы, хотя рядом и не было такой всегда надежной поддержки – Гопкинса, Розенмана, Шервуда. Во второй половине дня 11 апреля Рузвельт продиктовал стенографистке первый вариант речи, начав с обычных напоминаний о месте и роли Джефферсона, государствен-

ного секретаря, президента, ученого, в истории США. Воспользовавшись случаем, Рузвельт не преминул подчеркнуть “особую ответственность США” за положение дел в мире. И далее: “Мы не откажемся от решимости добиваться того, чтобы на протяжении жизни наших детей и детей наших детей не было третьей мировой войны... Мы хотим мира, прочного мира... Еще недавно могущественное, человеконенавистническое нацистское государство разваливается. Возмездие настигло и японскую военщину на ее собственной территории. Она сама напросилась на него, напав на Пёрл-Харбор. Но было бы недостаточно нанести поражение нашим врагам. Мы должны идти дальше и сделать все возможное, чтобы нанести поражение сомнениям и страхам, невежеству и алчности, которые сделали возможными весь этот ужас”.

Рузвельт помедлил немного. Из “запасников” памяти всплыло высказывание Джефферсона о миссии науки быть посредником в устранении международных конфликтов. Следующий абзац речи звучал отголоском бесед с Франкфуртером и Бором: «Сегодня мы сталкиваемся с основополагающим фактом, суть которого состоит в том, что если цивилизации суждено выжить, то мы должны для этого культивировать науку человеческих отношений – способность всех людей, какими бы разными они ни были, жить и трудиться вместе на одной планете в условиях мира.

Разрешите мне заверить вас, что моя рука тверда для работы, которую предстоит сделать, что я тверд в своей решимости выполнить ее, зная, что вы – миллионы и миллионы людей – присоединитесь ко мне для осуществления этой работы.

Эта работа, друзья мои, делается ради мира на земле. Конец этой войны будет означать конец всем попыткам развязать новые войны, бессмысленному способу решения разногласий между правительствами путем массового уничтожения людей. Сегодня, когда мы ополчились против этого ужасного бедствия – войны и создаем условия для прочного мира, я прошу вас сохранять веру в успех. Я измеряю меру достижений на этом пути вашей преданностью делу и вашей решимостью. И всем вам, всем американцам, которые посвящают себя вместе с нами работе во имя прочного мира, я говорю: “Единственной преградой для приближения этого завтрашнего дня будут только наши сомнения в отношении дня сегодняшнего. Так давайте же пойдем вперед во всеоружии сильной и активной веры”»¹⁵³.

Перечитав текст и вписав от руки последнюю фразу, Рузвельт уже знал, что он ответит Сталину. Отброшены были все варианты, в которых сквозил хотя бы намек на желание продолжить “выяснение отношений”. Около полудня того же 11 апреля Рузвельт передал Хассету для отправки в Москву собственноручно написанный им текст телеграммы Сталину. Он был лаконичен: “Благодарю Вас за Ваше искреннее пояснение советской точки зрения в отношении бернского инцидента, который, как сейчас представляется, поблек и отошел в про-

шное, не принеся какой-либо пользы. Во всяком случае не должно быть взаимного недоверия и незначительные недоразумения такого характера не должны возникать в будущем. Я уверен, что, когда наши армии установят контакт в Германии и объединятся в полностью координированном наступлении, нацистские армии распадутся”¹⁵⁴.

Телеграмма была послана 12 апреля из Белого дома в Москву Гарриману и одновременно в Лондон Черчиллю. Связь работала бесперебойно. Через короткий промежуток времени, в тот же день, пришла шифровка от Гарримана с предложением опустить слово “незначительные”. Президент ответил без промедления и в тоне, не терпящем возражений: «Я против того, чтобы вычеркнуть слово “незначительные”, потому что я считаю бернское недоразумение незначительным инцидентом»¹⁵⁵.

Это были последние послания и распоряжения Рузвельта.

11 апреля неожиданно оказалось насыщенным событиями. Помимо чтения прибывших с почтой деловых бумаг, обдумывания речи по случаю Дня памяти Джефферсона и подготовки дипломатических депеш, этот день был заполнен до отказа “мелочами”, каждая из которых оказалась важна сама по себе. Не простым делом было утрясти с пресс-секретарем Хассетом рабочий календарь до конца апреля (президент предполагал уехать из Уорм-Спрингс в среду, 18 апреля, пробыть день в Вашингтоне, а затем отправиться поездом в Сан-Франциско). На утро следующего дня Рузвельт назначил стенографирование своей речи перед участниками учредительной конференции Организации Объединенных Наций. Вечером в малом Белом доме появился министр финансов Генри Моргентау, занявший президента трудным разговором о будущем Германии. Внезапно оборвав беседу в том месте, где Моргентау вернул его к плану расчленения Германии, президент перевел ее в иное русло, в область воспоминаний. Расставаясь, Рузвельт дружески извинился за краткость их беседы, сославшись на предстоящие завтра встречи. Ему хотелось выспаться перед тем, как утром следующего дня его разбудят секретари с всегдашней порцией утренней почты.

12 апреля началось как обычно с чтения газет. Они сообщали о взятии Вены русскими и о боях войск маршала Г.К. Жукова в 40 милях от Берлина, о добровольной сдаче в плен сотен тысяч германских солдат на Западном фронте и о боях англо-американцев в окрестностях Болоньи. Затем сеанс с художницей Е. Шуматовой, заканчивавшей портрет президента. Все время сохранять неподвижную позу было делом утомительным. В короткие промежутки Рузвельт подписывал деловые бумаги и перебрасывался двумя-тремя словами с окружающими. Все восприняли как шутку его реплику о желании подать в отставку с поста президента. Вопрос присутствовавшей тут же его родственницы Лауры Делано: “Вы это серьезно? И что же Вы будете делать?” – не застал его врасплох. “Я бы хотел возглавить Организацию Объединенных Наций”, – ответил Рузвельт.

Где-то сразу после 1 часа дня 12 апреля 1945 г. он внезапно почувствовал “ужасную головную боль”, а затем потерял сознание. В 3 часа 45 минут президент США умер от обширного кровоизлияния в мозг. Уход из жизни Рузвельта накануне исторических событий решающего значения был воспринят как тяжелая утрата прежде всего для трудного дела выработки новой философии безопасности в условиях действия уже проявившихся, но еще не осознанных никем глобальных факторов развития – социально-экономических, геополитических, национальных, военных, научно-технических, – в том числе, путем интернационализации “нового курса”.

Рузвельт был одним из тех немногих политиков, кто шел ощупью к постижению этих драматически обозначивших себя тенденций в условиях общей неопределенности, сложившейся в межсоюзнических отношениях в финальной фазе войны, в условиях размывания привычных стереотипов, перестройки мышления, перехода его в стадию непредсказуемости¹⁵⁶. Понимание реальности безвозвратно ушедшей эпохи элитарной, классово-сословной политики проявилось в его джефферсонизме, в особой чувствительности к миру “простого человека”, миру “одиокой толпы”. Панорама нового мира в его техногенном измерении также занимала существенное место в его “основополагающих предположениях” о будущем. Самое лучшее доказательство тому – четкая установка на достижение абсолютного технологического превосходства над противником с тем, чтобы лишить его любых шансов на спасение.

То, что внес Франклин Рузвельт как государственный деятель и дипломат в летопись американской истории (если иметь в виду ее практический и идеологический аспекты), обеспечило ему особое место рядом с Вашингтоном, Джефферсоном и Линкольном. О роли же Рузвельта в восстановлении позитивной традиции в русско-американских отношениях можно сказать словами Г. Гопкинса: “Рузвельт... – говорил он на встрече с советскими руководителями в Москве в мае 1945 г., – не упускал из виду того факта, что экономические и географические интересы Советского Союза и Соединенных Штатов не сталкиваются. Казалось, что обе страны прочно стали на путь, и он, Гопкинс, уверен, что Рузвельт был в этом убежден, который ведет к разрешению многих трудных и сложных проблем, касающихся... обеих стран и остального мира. Шла ли речь о том, как поступить с Германией или с Японией, или о конкретных интересах обеих стран на Дальнем Востоке, или о международной организации безопасности, или, и это не в последнюю очередь, о длительных взаимоотношениях между Соединенными Штатами и Советским Союзом – Рузвельт был убежден, что все эти вопросы могут быть разрешены и что в этом его поддержит американский народ”¹⁵⁷. Гопкинс, разумеется, тогда не мог говорить об этом вслух, но, по-видимому, в “эти вопросы” входила и атомная проблема.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мировые войны XX века. М., 2002. Кн. 3: Вторая мировая война. Исторический очерк. С. 190.

² *Prange G.W. Miracle at Midway.* N.Y., 1982.

³ *Mahan A.Th. The Influence of Sea Power upon History.* N.Y., 1957. P. 68.

⁴ *Sherwood R.E. Roosevelt and Hopkins. An Intimate History.* Vol. 1–2. N.Y., 1950. Vol. 2. P. 304.

⁵ Речь президента США при вручении верительных грамот послом СССР в США А.А. Громыко 4 октября 1943 г. (Известия. 1943. 6 окт.). Еще в начале февраля 1942 г. по инициативе Рузвельта в госдепартаменте был образован Совещательный комитет по вопросам послевоенной политики во главе в К. Хэллом и С. Уэллесом.

⁶ В этом плане немаловажное значение, по-видимому, придавалось поездке в июле 1943 г. издателя газеты “Нью-Йорк таймс” А. Сульцбергера в СССР. В продолжительной беседе с В.М. Молотовым он прямо заявил о внутренних трудностях, с которыми сталкивалось правительство Рузвельта в осуществлении курса на сотрудничество с союзниками, и о той поддержке, которую оно рассчитывает получить у них, чтобы не дать взять верх противникам продолжения этого курса после войны (см.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1984. Т. 1: 19412–1945. С. 346).

⁷ *Polenberg R. War and Society. The United States, 1941–1945.* Philadelphia; N.Y., 1972. P. 194, 195; *Рузвельт Ф.Д. Беседы у камина.* М., 2003. С. 337.

⁸ FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Special Assistant to the President. 1941–1945. Box 137. Office of War Information. Bureau of Intelligence. Special Intelligence Report “Attitudes toward peace planning” Mar. 6, 1943.

⁹ Гопкинс также обращал внимание на необходимость систематически осуществлять в американском обществе “обучение миролюбию” (Ibid. *Hopkins to H.S. Curtis*, Mar. 24, 1943).

¹⁰ LC. F. Frankfurter Papers. Box 2. Diary. Jan. 16; Febr. 26, 1943.

¹¹ История США. М., 1983. Т. 3. С. 424.

¹² FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Special Assistant to the President, 1941–1945. Box 137. *T. Connally to Hopkins*, May 5, 1943.

¹³ *Luce H.R. The American Century.* N.Y., 1941. P. 27.

¹⁴ LC. F. Frankfurter Papers. Box 2. Diary. Mar. 14, 1943.

¹⁵ LC. Joseph E. Davies Papers. Box 12. Journal. Mar. 14, 1943. Conference with the President.

¹⁶ *Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy.* N.Y., 1979. P. 421.

¹⁷ LC. Joseph E. Davies Papers. Box 13. Diary. May 3, 1943.

¹⁸ *Hoover H., Gibson H. The Problems of Lasting Peace.* Garden City, 1942.

¹⁹ См.: *Фоглессонг Д.С. Американские надежды на преобразование России во время второй мировой войны* // Новая и новейшая история. 2003. № 1. С. 80–105; *O'Neill W.L. A Better World: The Great Schism. Stalinism and American Intellectuals.* N.Y., 1982.

²⁰ *Steele R. Franklin D. Roosevelt and His Foreign Policy Critics* // *Political Science Quarterly.* Spring, 1979.

²¹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 346–347.

²² Антианглийские выпады некоторых органов печати США в годы войны находили сочувственный отклик среди пацифистски настроенных групп, полагавших, что английская дипломатия ловко обманула США, втянув их в войну с Германией ради сохранения Британской империи (см.: NYPL N. Thomas Papers. Box 27. *A.H. Gilbert to Thomas*, Mar. 23, 1944).

²³ LC. Joseph E. Davies Papers. Box 13. *J. Davies to S. Rosenman*, July 29, 1943.

²⁴ LC. B. Long Papers. Box 5. Diaries. Aug. 9, 1943.

²⁵ *Burns J.M.* Roosevelt: The Soldier of Freedom. N.Y., 1970. P. 389.

²⁶ См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 351.

²⁷ *Mark E.* American Policy toward Eastern Europe and the Origins of the Cold War, 1941–1946: An Alternative Interpretation // *Journal of American History*. 1981. Vol. 68. Sept. N 2. P. 315.

²⁸ FDRL. O. Cox Papers. Diaries and Related Material. Box 148. *Cox to H.L. Hopkins*, Oct. 16, 1943.

²⁹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 388–441. С этим заявлением Гарримана перекликалось и высказывание К. Хэлла о роли прессы в деле установления правильных, конструктивных отношений между союзниками. В беседе с послом СССР в США 20 ноября 1943 г. государственный секретарь США сказал, что “он считал бы большим достижением, если бы руководящие органы печати обеих стран не увлекались критикой противоположной стороны”. Далее А.А. Громыко сообщал: “Хэлл при этом признал, что в США имеются “грязные” газеты, которые постоянно критикуют не только Советский Союз, но и правительство США за его дружественную политику в отношении СССР”.

³⁰ *Harriman W.A., Abel E.* Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946. N.Y., 1975. P. 213, 218, 219.

³¹ FDRL. Franklin D. Roosevelt Papers. Map Room. Box 17. Folder 4. *S. Early to H.L. Hopkins*, Dec. 7, 1943.

³² *Dallek R.* Op. cit. P. 440, 441.

³³ *Печатнов В.О.* Московское посольство Аверелла Гарримана (1943–1946 гг.) // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 183.

³⁴ NYPL. N. Thomas Papers. Box 26. *Chester Bowles to Thomas*. Dec. 13, 1943.

³⁵ FDRL. S. Rosenman Papers. General Correspondence. Box 1. *Ch. Bowels to Rosenman*, Dec. 23, 1943.

³⁶ LC. Harold L. Ickes Papers. Box 162. *Ickes to M. A. Le Hand*, Dec. 27, 1943.

³⁷ См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 435.

³⁸ LC. B. Long Papers. Box 149. *C. Bowers to Long*, Mar. 30, 1944.

³⁹ FDRL. S. Rosenman Papers. General Correspondance. Box 4. *R. Sherwood to Rosenman*, Mar. 5, 1944.

⁴⁰ LC. Laurence A. Steingardt Papers. Box 44. *B. Long to Steingardt*, Mar. 24, 1944.

⁴¹ Одним из выразителей этих настроений был Джозеф Кеннеди, в 1938–1940 гг. посол США в Англии (*Beschloss M.R.* Kennedy and Roosevelt. The Uneasy Alliance. N.Y., 1980. P. 167). Союзники в войне 1941–1945 / Отв. ред. А.О. Чубарьян и др. М., 1995. С. 197–224.

⁴² *Wittner L.S.* Rebels against War. The American Peace Movement, 1933–1983. Philadelphia, 1984. P. 111.

⁴³ См.: *Сивачев Н.В.* США: государство и рабочий класс. С. 259.

⁴⁴ Wilcos W.W. The Farmer in the Second World War. Ames (Iowa), 1947. P. 95–96, 249–251.

⁴⁵ “Во всем этом было только одно хорошее, – вспоминает один из персонажей книги Стадса Теркела “Хорошая война”. – У многих моих подруг матери пошли работать на фабрики. Впервые в жизни они работали не дома. И вдруг поняли, что способны на нечто большее, чем стоять у плиты. Помню, как одна из таких женщин пригласила меня на воскресный обед. За столом она и ее сестра горячо обсуждали, как лучше всего затачивать резцы. Никогда в жизни я не слышала ничего подобного. Это было прекрасно” (Terkel S. The Good War. An Oral History of World War Two. N.Y., 1984. P. 119).

⁴⁶ A Report on Wartime Life in the United States / Ed. by J. Goodman. N.Y., 1946. P. 18, 23.

⁴⁷ Goffin T. The Passion of the Hawks: Militarism in Modern America. N.Y., 1964. P. 162.

⁴⁸ Sherry M.S. Preparing for the Nest War. New Haven, 1977. P. 33.

⁴⁹ Koistinen Paul A.C. The Industrial-Military Complex in Historical Perspective: The Interwar Years // Journal of American History 1970. Vol. 56. Mar. P. 819–839.

⁵⁰ Nobble D.F. Forces of Production. A Social History of Industrial Automation. N.Y., 1984. P. 5, 6, 7.

⁵¹ Ibid. P. 12.

⁵² Цит. по: Wittner L.S. Op. cit. P. 115.

⁵³ The American Economic Review. 1943. Vol. 33. Mar. N 1. Suppl. Pt. 2. P. 29, 33, 78, 80, 113, 114, 131.

⁵⁴ Ibid. 1944. Vol. 34. Mar. N 1. Suppl. Pt 2. P. 120, 126, 140, 148.

⁵⁵ Цит. по: Wittner L.S. Op. cit. P. 114.

⁵⁶ Ibid. P. 47, 48.

⁵⁷ Josephson M. Sidney Hillman. Statesman of American Labor. N.Y., 1952. P. 593.

⁵⁸ Gotson R. The AFL Foreign Policy Making Process from the End of World War II to the Merger // Labor History. 1975. Vol. 16. N 3. P. 336.

⁵⁹ История рабочего движения в США в новейшее время: В 2 т. М., 1971. Т. 2: 1939–1965. С. 121–123.

⁶⁰ Polenberg R. Op. cit. P. 203–208.

⁶¹ 1 мая 1944 г. Н. Томас разослал своим сторонникам секретный меморандум, отвергавший идею безоговорочной капитуляции держав “оси” (NYPL. N. Thomas Papers. Box 27. B.D. Wolfe to Thomas, May 2, 1944).

⁶² Ibid. Box 28. W. Hard to Thomas, Mar. 1, 1945; A.M. London to Thomas, May 3, 1945; FDRL. O. Cox Papers. Box 149. FDR’s Memorandum for Secretary of War. Aug. 26, 1944.

⁶³ FDRL. S.I. Rosenman Papers. General Correspondence. Box 2. Isador Lubin to Rosenman. October 17, 1944.

⁶⁴ Ibid. Box 1. W.P. Reuther to FDR. Aug. 23, 1944.

⁶⁵ Barard J. Walter Reuther and the Rise of the Auto Workers. Boston; Toronto, 1983. P. 88–113; Hinshaw J. Steel and Steel Workers: Race and Class Struggle in Twentieth-Century Pittsburgh. Albany, 2002.

⁶⁶ Josephson M. Op. cit. P. 607.

⁶⁷ LC. Kermit and Belle Roosevelt Papers. Box 136. Notes. July 13, 1943.

⁶⁸ Эта тема начиная с лета 1943 г. присутствует в секретной переписке Рузвельта с Черчиллем (см., например: Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. I–III. Princeton, 1984. Vol. II: Alliance Forged. November 1942–February 1944 / Ed. with Commentary by W.F. Kimball. P. 290, 291. Далее:

Churchill and Roosevelt). Многие наблюдатели, не склонные драматизировать события, были поражены всплеском великодержавных настроений, охвативших к концу войны определенные категории граждан США. Имя Рузвельта в этой среде ассоциировалось с чем-то крайне враждебным традициям подлинного американизма, национальному величию и добропорядочности. Супруга видного политолога Чарльза Мерриам писала через неделю после выборов министру внутренних дел Гарольду Икесу о той атмосфере ненависти к Рузвельту, которую подогревают сторонники Дьюи и в которой резко возросла, по ее мнению, вероятность покушения на президента. Очень характерен ответ Г. Икеса, датированный 21 ноября 1944 г.: “Люди Дьюи действительно разожгли худшие настроения, которые мне когда-либо приходилось наблюдать в политической жизни нашей страны; в этой обстановке какой-нибудь полусумасшедший вполне может быть доведен до такого состояния, что решится покуситься на жизнь президента... Это была самая гнусная политическая кампания на моей памяти, и я опасюсь, что она оставит много шрамов, которые не скоро исчезнут” (L.C. Harold L. Ickes Papers. Box 162. *Ickes to Mrs. Ch.E. Meeriam*, Nov. 21, 1944).

⁶⁹ *Culver J.C., Hude J.* Op. cit. P. 277.

⁷⁰ *White D.W.* Op. cit. P. 9.

⁷¹ *Washington Star*. 1944. July 29.

⁷² Слухи о его катастрофически ухудшающемся здоровье вынудили Рузвельта предпринять длительную инспекционную поездку в середине июля 1944 г. на побережье Тихого океана, Гавайи и Аляску (см.: Churchill and Roosevelt. Vol. III. P. 191–193, 243).

⁷³ *Рузвельт Ф.Д.* Указ. соч. С. 342–352.

⁷⁴ Churchill and Roosevelt. Vol. III. P. 208–210.

⁷⁵ Об этом красноречиво свидетельствует запись беседы посла СССР в США с Г. Голкинсом от 13 октября 1944 г. (Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 2. С. 235; Churchill and Roosevelt. Vol. III. P. 209, 210).

⁷⁶ Churchill and Roosevelt. Vol. III. P. 319; см. также: *Израэлян В.Л.* Дипломатия в годы войны (1941–1945). М., 1985. С. 309–314.

⁷⁷ *Dallek R.* Op. cit. P. 381; *Bishop J.* FDR's Last Year. April 1944–April 1945. L., 1975. P. 166.

⁷⁸ L.C. Joseph E. Davies Papers. Box 14. Diary. June 27, 1944.

⁷⁹ L.C. B. Long Papers. Box 5. Diaries. Sept. 26, 1944.

⁸⁰ *Chicago Tribune*. 1944. Sept. 24.

⁸¹ См.: *Израэлян В.Л.* Указ. соч. С. 301.

⁸² *Washington Post*. 1944. Aug. 18.

⁸³ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 2. С. 196.

⁸⁴ FDRL. Personal Letters in the Papers of Harry H. Hopkins. 1930–1946. Roll 17. Stephen Early Memorandum for Miss Kraus, Secretary to Hon. Harry Hopkins. Mar. 27. 1944.

⁸⁵ Ibid. Untitled Article by Harry L. Hopkins (март 1944 г.). Представляется симптоматичным, что Голкинс считал желательным отказаться от “фигуры умолчания”, скажем, в одной из ключевых сфер внешней политики – в колониальном вопросе (“отношение к проблемам эксплуатации малых стран”). Не исключено, что в этом отношении раздумья Голкинса были навеяны ростом антиамериканских настроений в Азии и разочаровавшим всех противников колони-

ализма заявлением Рузвельта от 1 февраля 1944 г. о политике США на континенте. Президент, определяя цели американской политики в регионе, свел их к достижению победы в войне с Японией (см.: *Поздеева Л.В.* Англо-американские отношения в годы второй мировой войны 1941–1945. М., 1964. С. 287).

⁸⁶ FDRL. Personal Letters in the Papers of Harry L. Hopkins. 1930–1946. Roll 17. Untitled Article.

⁸⁷ *Polenberg R.* Op. cit. P. 211, 212.

⁸⁸ FDRL. S.I. Rosenman Papers. General Correspondence. Box 2. FDR Memorandum for the Secretary of State. September 29, 1944.

⁸⁹ Интересные новые материалы и соображения, связанные с подготовительной стадией конференции в Думбартон-Оксе и ее ходом, см.: *Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории. М., 2003. С. 287–298; см. также: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 2. С. 244, 258, 264, 276–276; Churchill and Roosevelt. Vol. III. P. 377, 385.

⁹⁰ L.C. Kermit and Belle Roosevelt Papers. Box 136. Notes (Nov. 1944).

⁹¹ См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 2. С. 144–148, 166, 171.

⁹² *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу: Военные мемуары. М., 1980. С. 321; *Амброз С.* Эйзенхауэр. Солдат и президент. М., 1993. С. 141.

⁹³ В секретном докладе главного резидента УСС (085) в Швейцарии о политической обстановке на оккупированной гитлеровцами территории в начале 1944 г. говорилось: “В Европе нарастает гигантская социальная революция. Это неизбежное следствие землетрясения, которое сотрясало континент на протяжении последних четырех лет. Сочувствие народов, которые пострадали от этой катастрофы, в большей мере на стороне русских, чем на стороне западных держав...” Автор доклада делал следующий вывод: США должны активизировать тайную психологическую войну против СССР, сея недоверие к советской армии и всемирно содействуя насаждению в сознании европейцев представления об “идеализме” Америки (FDRL. Map. Room. Box 171. Naval Aid File. Joint Chiefs of Staff Memorandum for Information N 180. Report of Political Conditions in Occupied Europe. Jan. 17, 1944).

⁹⁴ L.C. Kermit and Belle Roosevelt Papers. Box 136. Запись не датирована.

⁹⁵ National Archives. W. Leahy Papers. Box 4. Memoirs to the President from General Marshal. Mar. 31, 1944. “Analysis of the Russian Front”. (Далее: NA).

⁹⁶ Речь шла о разгроме немцев в ходе победоносной Корсунь-Шевченковской операции (январь–февраль 1944 г.).

⁹⁷ FDRL. O. Cox Papers. Box 150. Diaries and Related Material. Memorandum for Mr. Harry L. Hopkins. Dec. 19, 1944. Subject: “Army and Navy Journal”. Stories about Soviet Strategy.

⁹⁸ См.: *Сиполс В.Я.* На пути к великой победе: Советская дипломатия в 1941–1945 гг. М., 1985. С. 272.

⁹⁹ FDRL. Roosevelt Papers. Map Room. Messages to and from Harry L. Hopkins. Box 13. Hopkins to A. Harriman. Sept. 11, 1944.

¹⁰⁰ *Dallek R.* Op. cit. P. 189; *Moran L.* Churchill: Taken from the Diaries of Lord Moran. The Struggle for Survival 1940–1965. Boston, 1966. P. 173–185.

¹⁰¹ *Lash J.P.* Op. cit. P. 918, 919.

¹⁰² *Израэли В.Л.* Указ. соч. С. 376; *Dallek R.* Op. cit. P. 506.

¹⁰³ *Campbell Th.M., Herring G.C.* The Diaries of Edward R. Stettinius. Jr. 1943–1945. N.Y., 1975. P. 214.

¹⁰⁴ FDRL. S.I. Rosenman Papers. General Correspondence. Box 2. FDR Memorandum for Secretary of State Sept. 29, 1944.

¹⁰⁵ L.C. Joseph E. Davies Papers. Box 15. Journal. Oct. 11, 1944. Hopkins on Unity.

¹⁰⁶ FDRL. Roosevelt Papers. Map Room. Messages to and from Harry L. Hopkins. Box 13. *Hopkins to A. Harriman*, Sept. 11, 1944.

¹⁰⁷ Ibid. *Hopkins to W. Churchill*, Dec. 16, 1944.

¹⁰⁸ *Stettinius E.* Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference. N.Y., 1949. P. 304.

¹⁰⁹ *Hershberg J.G.* James B. Conant. Harvard to Hiroshima and the Making of the Nuclear Age. Stanford (Cal.), 1994. P. 204.

¹¹⁰ См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 2. С. 171.

¹¹¹ См. Там же. С. 177, 178, 181, 184.

¹¹² См.: *Ледовский А.М.* Китайская политика США и советская дипломатия, 1942–1954. М., 1985. С. 73, 74.

¹¹³ NA. W. Leahy Papers. Box 4. Russia (Moscow Mission) 1944. U.S. Military Mission, Moscow, to War Department. Oct. 16, 17, 1944.

¹¹⁴ См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1979. Т. IV: Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Сб. документов. С. 49.

¹¹⁵ *Bishop J.* FDR's Last Year. April 1944–April 1945. L., 1975. P. 245.

¹¹⁶ *Fousek K.* To Lead the Free World. American Nationalism and the Cultural Roots of the Cold War. Chapel Hill, 2000. P. 43.

¹¹⁷ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 2. С. 288.

¹¹⁸ *Clements D.S.* Yalta. N.Y., 1970. P. 84.

¹¹⁹ NA. W. Leahy Papers. Box 4. Russia in Pacific War with Japan (Russian Participation in the War Against Japan). Jan. 23, 1945.

¹²⁰ *Шеввуд Р.* Указ. соч. Т. 2. С. 659.

¹²¹ *Bishop J.* Op. cit. P. 461.

¹²² *Dallek R.* Op. cit. P. 507, 508.

¹²³ L.C. Joseph E. Davies Papers. Box 16. Journal. Jan. 10, 1945.

¹²⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. С. 271.

¹²⁵ *Burns J.M.* Roosevelt: The Soldier of Freedom. P. 572.

¹²⁶ *Gaddis J.L.* Russia, the Soviet Union, and the United States. An Interpretive History. N.Y., 1978. P. 166.

¹²⁷ *Lash J.P.* Op. cit. P. 923.

¹²⁸ *Burns J.M.* Op. cit. P. 583.

¹²⁹ FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Special Assistant to the President, 1941–1945. Box 137. *R.W. Devenport to Hopkins*, Febr. 20, 1945; *Hopkins to R. Devenport*, Febr. 26, 1945.

¹³⁰ *Hershberg J.* Op. cit. P. 215; *Kimball W.F.* The Juggler: Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton, 1991. P. 236, 237.

¹³¹ The Public Papers and Addressess of Franklin D. Roosevelt. Vol. XIII. P. 570–586.

¹³² *Fortune*. 1945. Mar.

¹³³ L.C. J.R. Oppenheimer Papers. Box 62. *F.D. Roosevelt to Oppenheimer*, June 29, 1943.

¹³⁴ Ibid. Box 34. Memorandum of April 18, 1945 from Justice F. Frankfurter to Lord Halifax.

¹³⁵ *Sherwin M.J.* A World Destroyed. The Atomic Bomb and Grand Alliance. N.Y., 1977. P. 284.

¹³⁶ L.C. Herbert Feis Papers. Box 17. *M.M. Gowing* to *Feis*, Sept. 5, 1965.

¹³⁷ L.C. J.R. Oppenheimer Papers. Box 34. Addendum to Memorandum of July 3, 1944. Mar. 24, 1945. By Dr. Bohr.

¹³⁸ Washington Post. 1947. Jan. 28.

¹³⁹ *Sherwin M.J.* Op. cit. P. 7.

¹⁴⁰ L.C. J.R. Oppenheimer Papers. Box 62. *E. Roosevelt* to *Oppenheimer*, Apr. 16, 1954.

¹⁴¹ Harper's Magazine. 1946. Mar.

¹⁴² FRUS. 1966. Vol. 6. P. 708.

¹⁴³ *Егорова Н.И.* Изоляционизм и европейская политика США, 1933–1941. М., 1995. С. 208–210.

¹⁴⁴ FDRL. Franklin D. Roosevelt Papers. Map Room. Box 171. Naval Aides File. *Roosevelt* to *G. Earle*, Mar. 24, 1945.

¹⁴⁵ См.: *Алпровиц Г.* Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам. М., 1968. С. 249, 250.

¹⁴⁶ *Brown A. Cave.* The Last Hero. Wild Bill Donovan. N.Y., 1984. P. 728, 729.

¹⁴⁷ L.C. W. Leahy Papers. Box 20. *J. Davies* to *H. Truman*, June 12, 1945; L.C. Joseph E. Davies Papers. Chronological File. Box 16. Diary. Mar. 30, 1945.

¹⁴⁸ *Kolko G.* The Politics of War. N.Y., 1968. P. 379.

¹⁴⁹ *Bishop J.* Op. cit. P. 545.

¹⁵⁰ FDRL. Franklin D. Roosevelt Papers. Map Room. Box 11. Ambassador Winant to the President. Apr. 6, 1945.

¹⁵¹ Ibid. Box 35. Roosevelt Memorandum for Admiral Leahy. Apr. 8, 1945.

¹⁵² Churchill and Roosevelt. Vol. III. P. 630.

¹⁵³ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. XIII. P. 613–616.

¹⁵⁴ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 2. С. 355.

¹⁵⁵ FDRL. Franklin D. Roosevelt Papers. Map Room. Box 35. *Roosevelt* to Ambassador *Harriman*, Apr. 12, 1945.

¹⁵⁶ См.: *Печатнов В.О.* От союза – к вражде // Холодная война 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М., 2003. С. 28–30.

¹⁵⁷ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 2. С. 400; см. также: *Kimball W.F.* Op. cit. Ch. IX.

“НЕ ПОЗЖЕ, ЧЕМ ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА...”

A QUID PRO QUO

Вице-президент Гарри Трумэн 12 апреля 1945 г. был приведен к присяге в качестве президента США. Сразу же после этого в Белом доме наскоро было проведено заседание кабинета. Продолжить подготовку к открытию 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско конференции, призванной положить начало Организации Объединенных Наций, – вот единственное решение, которое удалось принять на этом траурном заседании. Дождавшись, когда потрясенные случившимся коллеги по кабинету покинут зал, военный министр Стимсон по праву старшего задержался, чтобы кратко, не вдаваясь в детали, проинформировать президента, что США находятся накануне создания принципиально нового “взрывного устройства невероятной разрушительной силы”¹. Оставив недоуменно внимавшего ему, плохо осведомленного о военных и дипломатических секретах Трумэна наедине с обрушившимися на него проблемами, Стимсон, невысоко оценивавший способности Трумэна находить правильные решения, удалился в удрученном состоянии.

И в самом деле, нельзя было исключать, что неосведомленность Трумэна могла заставить его думать какое-то время, что Стимсон имел в виду новый тип обычного артиллерийского снаряда. Но у Трумэна появились и другие “просветители”. Уже на следующий день, 13 апреля, в кабинет президента вошел директор Управления военной мобилизации и бывший сенатор Джеймс Бирнс, с которым Трумэна связывали старая дружба по работе в сенате и общность взглядов на многие вопросы как внутренней, так и внешней политики. Именно он, Бирнс, поведал Трумэну, какие дипломатические преимущества сулит успех Манхэттенского проекта. Бирнс, еще вчерашний Фома-неверующий, на правах чуть ли не создателя и пророка возвестил, “что Соединенные Штаты завершают работу над взрывчатым веществом такой огромной силы, что оно в состоянии уничтожить весь земной шар”².

Этот визит, и этот “инструктаж” оказались очень кстати. Бирнс был участником Ялтинской конференции, он вел ее стенограмму, и у него была отличная от Рузвельтовской позиция по многим обсуждаемым там вопросам. Он дал свое, разумеется созвучное настро-

ниям Трумэна, толкование возникшего в недрах антигитлеровской коалиции дипломатического кризиса. Не будь разговора о Манхэттенском проекте, постижение причин этого кризиса способно было бы повергнуть и более искушенного, нежели Трумэн, политика в мрачное состояние духа. Ободряющая новость об атомной бомбе как о “победоносном оружии”, с лихвой восполняющим слабости военной позиции США в Европе и утверждающим их лидирующую роль в коалиции, существенно разряжала обстановку, в которой уже просматривались контуры грядущего глобального соперничества с Советским Союзом.

В тот момент мнение Бирнса, с которым Трумэн вел переговоры относительно замещения Стеттиниуса на посту государственного секретаря, выраженное в самой непреклонной, жесткой форме, значило многое: атомная бомба создана для того, чтобы быть используемой. Генри Уоллес, имевший уже в начале июля 1945 г. беседу с Бирнсом, позднее свидетельствовал, что последний в качестве довода в пользу применения бомбы напирал на то, что за потраченные на ее производство 2 млрд долл. следует отчитаться именно таким способом и что бомба оказалась очень ко времени, чтобы предостеречь Россию от попыток вести себя бесконтрольно в отношении восточноевропейских стран³. Ощущая себя вблизи решающего изменения в соотношении военных потенциалов союзников, Трумэн и его “команда” начинали иначе, нежели Рузвельт, видеть всю драматургию диалога внутри альянса по вопросам послевоенного мироустройства.

Польский вопрос приковал особое внимание нового президента, проходившего ускоренные курсы дипломатической науки в условиях, накаленных критикой в печати уступок Советскому Союзу, появившимися сомнениями общественности относительно ялтинских решений о формировании польского правительства и ее растущей настороженностью к фигуре Сталина. Трумэн, еще не имевший времени вникнуть в существо “интриги” полностью в этом смысле доверился советам посла Гарримана и государственного секретаря Стеттиниуса “проявить характер”. Приезд 22 апреля Молотова на конференцию в Сан-Франциско послужил детонатором для разрядки скопившегося у президента внутреннего напряжения пополам с негодованием. (Можно только предполагать, как повел бы себя в подобной ситуации Рузвельт, в совершенстве владевший умением контролировать свои эмоции.) Трумэн же счел, что он не должен дать повода обвинить его в мягкотелости. Брифинг, который состоялся в Овальном кабинете по “советской проблеме” (утром 23 апреля), дал возможность продемонстрировать твердость в присутствии А. Гарримана, Э. Стеттиниуса и эксперта по советским делам Чарлза Болен. Тонкости и полутона их выступлений нашли очень слабый отклик у президента – он попросту в них не вникал. Боевой настрой хозяина Овального кабинета проявился во всем блеске. И нет

ничего удивительного, что болезненное всего демонстрацию жесткой твердости и непреклонности, царивших в Белом доме, воспринимал Генри Стимсон: поворот в политике отдалял на неопределенное время или вообще делал бесперспективными планы создания системы международного контроля над атомным оружием. Пытаться в такой обстановке бороться за перелом в настроениях, как того желал Стимсон, было делом, в сущности, безнадежным. И однако, сознавая это, не изменивший себе военный министр решил остаться верным своему решению.

У президента собрался весь цвет военно-дипломатической элиты США. Госдепартамент был представлен Э. Стеттиниусом, Ч. Боленом, А. Гарриманом и Дж. Данном, военная верхушка – Г. Стимсоном, Дж. Маршаллом, Дж. Форрестолом, Э. Кингом и военным советником президента адмиралом У. Леги. Занятый в предшествующие дни подготовкой обстоятельного доклада президенту по атомной проблеме, Стимсон не был готов к обсуждению польского вопроса. “Без предварительного предупреждения, – записал он в тот же вечер в дневнике, – я оказался вовлеченным в одну из самых сложных ситуаций, с которой когда-либо сталкивался на государственной службе”. Этот момент действительно стал кульминацией долгой карьеры Стимсона. И пересказ того, что говорилось в Овальном кабинете перед важной встречей президента с Молотовым, оказался бы бледным и невыразительным. Обстановку, в которой уже в ближайшее время Трумэну предстояло принять решение по атомным делам, лучше всего передал соответствующей записью в дневнике сам Стимсон. Ее прямое воспроизведение дает возможность полнее уловить тот напряженный внутренний диалог, который вел сам с собой руководитель Манхэттенского проекта.

Понедельник, 23 апреля 1945 г.

...Стеттиниус зашел в тупик в переговорах с Молотовым, министром иностранных дел России, который прибыл вчера. Предмет спора – Польша. Судя по всему, русские открыто отказались от договоренности, достигнутой в Ялте, согласно которой предстояло отобрать смешанную делегацию (на конференцию в Сан-Франциско. – *В.М.*), они же настаивают на том, чтобы Люблинское правительство (Временное правительство Польши, сформированное коммунистами и признанное СССР в январе 1945 г.), было признано в качестве правительства Польши. После того как Стеттиниус охарактеризовал эту ситуацию как откровенное нарушение Крымского соглашения, президенту было рекомендовано заявить русским, что он намеревается идти намеченным путем к созыву конференции в Сан-Франциско без люблинской делегации. Отвечая, президент разъяснил с довольно-таки грубой откровенностью, что он собирается сказать русским, а затем заявил, что пригласил нас, чтобы услышать наш совет. Так как я не был в Ялте и не знал, что же там произошло, я оказался в сложном положении. Президент же обратился ко мне первому. Мало того, я никогда не считал правильным принимать решение о конференции в Сан-Франциско без того, чтобы вначале не урегулировать все проблемы, которые могли возникнуть в отношениях между нами, Россией и Англией. Мы пожинаем плоды соб-

ственной глупости, находясь с Россией в натянутых отношениях по вопросу, который, как мне представляется, является очень опасным и по которому она, похоже, не хотела уступать в главном. Кроме того, хотя в Ялте она согласилась на проведение свободных, без вмешательства извне, выборов – для того, чтобы решить вопрос с правительством Польши, однако я знаю из личного опыта общения с другими народами, что нет ни одной страны в мире (Стимсон затем добавил “от руки”: “кроме США и Великобритании”. – *В.М.*), которая знала бы, что такое свободные выборы. Я убедился в этом на опыте Никарагуа и Южной Америки, и я очень встревожен тем, что мы втягиваемся в ситуацию, развитие которой приведет к разрыву отношений с Россией, причиной чего станет самый важный и трудный вопрос, нас разделяющий.

Все эти соображения, как выстрел из ружья, поразили мой мозг, и главное, до того, как я получил время обдумать ситуацию, о которой практически был плохо осведомлен. Вот почему я “притормозил”, сказав президенту, что очень обеспокоен обстановкой, ...и что, по моему мнению, мы должны проявить большую осторожность и подумать над тем, как выправить ситуацию, избежав лобового столкновения. Президент был явно разочарован моими предостережениями и сразу, пройдя по кругу, обратился к Форрестолу. Форрестол еще раз, к моему изумлению, показал себя человеком поддакивающим, заявив, что не склонен соглашаться со мной и полагает, что по отношению к русским нам следует проявить твердость, обуздать их. Я тут же заметил, что убежден в необходимости проявлять твердость в более второстепенных вопросах, в которых мы и в прошлом уступали, что же касается польского вопроса, то он слишком значителен, чтобы попытаться играть на выигрыш. Далее разговор шел в том же духе. В кабинете при этом находились Гарриман, посол США в Москве, и генерал Дин, глава американской военной миссии в СССР. Они длительное время подвергались разного рода ущемлениям со стороны русских, но, как правило, по мелочам, и мы всегда поддерживали их твердую линию в этих вопросах в прошлом; сейчас же они оба под влиянием этого опыта выступили за то, чтобы президент говорил жестким тоном, не миндальничая с русскими. Никто меня не поддержал, пока не дошла очередь до генерала Маршалла, который говорил последним⁴.

Председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Маршалл занял сторону Стимсона. Сразу же вслед за тем военный министр поспешил подняться и попрощаться с сидящими за столом. Он не хотел участвовать в дискуссии с Молотовым. Таким образом, Стимсон не мог знать, что случилось после его ухода из Белого дома. А события там развивались по “кризисному” сценарию. В присутствии Стеттиниуса, Гарримана, Данна и Болена Трумэн в резкой, даже грубой и совсем недипломатичной форме отчитал Молотова за нарушения советским правительством Ялтинских соглашений по Польше. Выдавший виды «мистер “Нет”» был ошеломлен неприкрытым между союзниками и, более того, демонстративно оскорбительным тоном президентского заявления.

Спустя несколько часов, узнав о случившемся, военный министр пережил тяжелые минуты: мир стоял на пороге ядерной эры, которая повелительно требовала от великих держав избегать ссор и стычек. Не теряя надежды поправить положение, Стимсон удвоил уси-

лия по завершению доклада, над которым по его поручению неделю трудились Х. Банди, Дж. Гаррисон и Л. Гровс (генерал, военный руководитель Манхэттенского проекта). Он собирался положить доклад в основу обсуждения всей атомной проблемы с президентом, прерванное смертью Рузвельта и которое должно было стать началом большого разговора об эффективном международном контроле. И (вот разгадка “диссидентства” Стимсона на совещании 23 апреля!) в центре такого обдумывания существа вновь возникшей ситуации находилась Россия – крупнейшая наряду с США военная держава, их союзник и одновременно потенциальный противник, который, наверняка, пожелает встать вровень с США и в атомных вооружениях.

Трумэн был все еще загадкой для тех, кто работал с Рузвельтом, вещью в себе. Известно лишь было, что он как бывший артиллерийский офицер ценил особо высоко превосходящую мощь, знал в ней толк. Но какой станет его дипломатия, наперед никто сказать не мог: слишком эпизодичными (да и то так можно говорить с большой натяжкой) были контакты вчерашнего сенатора и вице-президента с внешней политикой. Но ошибаются те, кто думают, что Трумэн в первое время целиком полагался на советников и именно поэтому де сразу же взял слишком резкий, непримиримый тон в переговорах с Молотовым и Сталиным. Не все советники, как известно, рекомендовали следовать именно такой линии. Бирнс, Леги, Гарриман, Данн, Грю, Форрестол, лучше угадывали настроения Трумэна и действительно были сторонниками “твердости”, но в противовес им Дэвис, Гопкинс, Уоллес и не в последнюю очередь Маршалл придерживались иного мнения.

Стимсон принадлежал к сторонникам “разумной жесткости” в дипломатическом диалоге с Москвой и надеялся, что Трумэну еще только предстоит сделать выбор, к которому его надлежит соответствующим образом подготовить. Отсюда настойчивость Стимсона в скорейшем доведении до сведения Трумэна разброса мнений о будущем международной политики, вступавшей в совершенно новое историческое измерение, когда человеческий гений сделал заложником будущее цивилизации, резко снизив шансы на ее выживание. Каждый пункт меморандума, предложенного им вниманию Трумэна, отражал обновленную логику внешнеполитического мышления, которую усваивал Стимсон, начиная со своей формулы *quid pro quo* (разменной карты в дипломатической игре) и до признания аморальности атомной бомбы как наступательного оружия массового поражения вместе с правом взирать на нее исключительно сквозь призму глобальных интересов США. «Позиция военного министра, – писал американский исследователь Г. Алпровиц, – была совершенно естественной для человека, тесно соприкасавшегося с деятельностью правительства с 1911 года и принимавшего активное участие в руководстве государственными делами. Став на своем веку свидетелем двух европейских войн, в которые оказались втянутыми Соеди-

ненные Штаты, он пришел к выводу, что всеобщий мир – понятие “неделимое”»⁵. Место же России в нем, по Стимсону, было определено ее геополитическим положением и решающей ролью в войне с нацизмом.

24 апреля, перечитав еще раз документ, которому надлежало стать исходной точкой отсчета во внешней политике новой администрации (по крайней мере, так ему казалось), Генри Стимсон письменно уведомил Гарри Трумэна о неотложной необходимости их новой встречи. Отосланная Стимсоном в этот день в Белый дом записка сама по себе была призвана служить прологом к последующему обсуждению всей генеральной линии внешней политики США в новых условиях всеобщей атомной опасности. Военный министр хотел соответствующим образом настроить президента. Психологически этот прием должен был обеспечить успех, вызвав у Трумэна желание мыслить глобально, с опережением событий и с учетом долгосрочной перспективы, не застревая на частностях и не поддаваясь эмоциям. Стимсон писал:

Президенту Гарри С. Трумэну

Уважаемый г-н Президент!

Мне совершенно необходимо как можно скорее переговорить с Вами по чрезвычайно важному и секретному делу. Я вкратце сообщал Вам о нем уже вскоре после Вашего вступления в должность, но с тех пор не считал возможным беспокоить Вас ввиду тех многочисленных трудностей, с которыми Вам пришлось столкнуться. Однако решение этого вопроса представляется мне столь важным для развития нашей внешней политики и столь глубоко занимает мои мысли, что я считаю себя обязанным незамедлительно ввести Вас в курс дела.

24 апреля 1945 г.⁶

Военный министр *Генри Л. Стимсон*

Стимсон получил согласие на встречу, но воистину странные дела творились на Потомаке. Оказалось, встреча нужна была именно Стимсону, а не Трумэну, который, услышав от военного министра еще 12 апреля о чудо-оружии, почему-то не счел необходимым поинтересоваться, что оно сулит союзникам на заключительной стадии Второй мировой войны как на Европейском, так и на Тихоокеанском театрах военных действий. Допустимо, правда, что он и не нуждался в такой встрече, поскольку, имея свои источники информации, составил уже за эти дни представление, с чем имеет дело, и принял решение. Вероятность этого нельзя исключать. Нельзя исключать также и того, что изумившая всех жесткая манера Трумэна в разговорах о русских и с русскими была как раз результатом хорошей осведомленности президента о проекте S-1, прибавившей ему силы духа в ответственный момент встречи с Молотовым.

Может быть, отчитывая советского министра иностранных дел, Трумэн не просто произвольно “повысил голос” до обертонов, а обдуманно прибегнул к новому языку “атомной диплома-

тии”? Но если это так, то попытка Стимсона “вести президента в курс дела” выглядит всего лишь запоздалым жертвоприношением на алтарь здравого смысла, в то время как в реальной жизни поезд уже ушел. Военный советник президента адмирал Леги, для которого Овальный кабинет был доступнее, чем для военного министра, несмотря на собственный скептицизм в отношении бомбы, едва ли мог считать себя обязанным хранить в тайне от президента государственные секреты. С какой стати? С тем чтобы в какой-то момент быть заподозренным в нелояльности к новому хозяину Белого дома? То же можно сказать в отношении и государственного секретаря Стеттиниуса, и еще скорее – старого друга президента Джеймса Бирнса.

Стимсон же по наивности, не желая, очевидно, и думать о неуместности своего демарша, собирался говорить с Трумэном именно о международной политике. Не о военном использовании атомной бомбы в финальной фазе военных действий против Японии, а о международной политике в плоскости тех мучительных размышлений о неминуемых бедствиях для цивилизации в случае, если Соединенные Штаты сделают ставку на атомную бомбу как на главный аргумент в пользу собственного видения мирового порядка без учета мнения других стран. Сама форма меморандума, этого по-своему провидческого, хотя в литературном отношении сырого документа, который 45 минут обсуждали Стимсон с Трумэном 25 апреля, говорит о многом. Он был весь скроен из общих положений, высказанных в разное время в записках Н. Бора и В. Буша Рузвельту, без единого упоминания об организационной стороне дела и чисто военных аспектов, а главное, без увязки с конкретной ситуацией на театрах военных действий. Вот текст этого документа.

*Меморандум, обсужденный с Президентом
25 апреля 1945 г.*

1. Не позже чем через четыре месяца мы, судя по всему, завершим производство самого ужасного оружия, когда-либо известного в человеческой истории, один боеприпас которого может уничтожить целый город.

2. Хотя мы и сотрудничали в развитии этого проекта с Великобританией, физически Соединенные Штаты в настоящее время в состоянии контролировать ресурсы, с помощью которых они могут создать и использовать это оружие, в то время как ни одна другая страна в течение нескольких лет не сможет выйти на тот же уровень.

3. Однако абсолютно очевидно, что мы не в состоянии сохранить за собой эти преимущества на неопределенное время, так как:

а) различные исходные данные, связанные с открытием секрета атомной бомбы и ее производством, хорошо известны многим исследователям во многих странах, хотя немногие ученые сейчас знакомы с процессом в целом;

б) хотя производство бомбы существующими сейчас методами требует огромных научных и промышленных усилий, а также сырьевых ресурсов, которые не неисчерпаемы, но находятся в основном в руках США и Великобритании, очень вероятно, что в будущем более легкие и дешевые методы производства будут открыты учеными вместе с открытием более широко распространенных материалов. В результате весьма вероятно, что в будущем бомба может быть изготовлена и малыми странами, и даже группами людей или в более короткий срок большой страной.

4. В результате этого можно предсказать, что в будущем мы придем к такому положению, когда атомная бомба может быть изготовлена тайно и использована внезапно и эффективно с огромной разрушительной мощностью злоумышленно настроенной страной или группой стран против ничего не подозревающей страны или групп стран, пусть даже более крупных по своей территории или материальным ресурсам. С помощью атомного оружия даже очень сильная, но не ожидающая нападения страна может быть захвачена буквально в считанные дни значительно меньшей страной. Единственное государство, которое могло бы начать производство этого вида оружия через несколько лет, – это Россия.

5. Мир, принимая во внимание уровень морали и уровень технической оснащенности, если развитие пойдет по этому пути, окажется заложником атомной бомбы. Другими словами, современная цивилизация может быть полностью уничтожена.

6. Рассчитывать на содействие какой-либо организации международного сотрудничества без четкого представления политическими лидерами нашей страны, какова разрушительная мощь нового оружия, было бы нереалистично. Ни одна из систем контроля, которая рассматривалась прежде, не может быть признана адекватной нынешней ситуации и способной эффективно контролировать возникшую опасность. Как внутри любой страны, так и в межгосударственных отношениях установление контроля над этим оружием натолкнется на величайшие трудности и потребует таких далеко идущих прав на инспекцию и внутренний контроль, о которых мы ранее никогда и не помышляли.

7. Более того, в свете наших сегодняшних подходов к данному роду оружия вопрос о совладении им с другими странами, включая и условия такого совладения, если вопрос будет решен положительно, становится главным вопросом нашей внешней политики. Следует также принять во внимание, что наша руководящая роль в войне и в производстве этого оружия налагает на нас определенные моральные обязательства, от которых мы не можем уклониться без того, чтобы не взять на себя очень серьезную ответственность за любые катастрофические последствия.

8. Стоит добавить, что если бы проблема правильного использования этого оружия была решена, мы получили бы возможность со-

здать такую модель международных отношений, которая обеспечила бы мир на Земле и спасение нашей цивилизации.

9. Как констатируется в докладе генерала Гровса, сделаны шаги на пути создания специального комитета для подготовки рекомендаций нашим исполнительным и законодательным органам власти, когда секретность уже не будет абсолютной. Комитет этот мог бы давать также рекомендации для военного министерства до того, как на первом плане окажутся послевоенные проблемы. Все рекомендации первоначально, конечно же, должны быть предложены для рассмотрения президенту⁷.

Комментировать этот документ непросто. Взгляды Стимсона в зависимости от политической погоды обретали различные оттенки, а мнение его в тех или иных конкретных случаях могло отличаться от заявленной им ранее позиции. Но доминантой в них все отчетливее проступала именно та точка зрения на проблему в целом, которая была изложена военным министром в беседе с Трумэном 25 апреля 1945 г. Стимсон был озабочен прежде всего правильным пониманием роли атомной бомбы и не исключительно в аспекте американской дипломатии, а для того, что можно было бы назвать планетарной проекцией нового прорыва научного знания в тайны природы с совершенно непредсказуемыми последствиями этого вторжения в мир элементарных частиц. Причина озабоченности Стимсона – в предчувствии катастрофичности для цивилизации (или близости к этому) стихийного, неконтролируемого производства атомного оружия (в том числе, секретным способом группами террористов) и в назревшей необходимости обсудить идею создания международного контрольного органа, а также системы инспекции, что, и это понятно, предполагало еще невиданную, высочайшую степень интернационализации политического мышления всего мирового сообщества.

Второй важный момент – признание, что атомная монополия США – явление временное и что именно Советский Союз станет той страной, которая устремится вдогонку. Предостерегая от иллюзий рассматривать опережение США в области атомных исследований как решающий и неограниченный во времени фактор военного превосходства, Стимсон считал нежелательным обращаться к атомной дипломатии как к универсальному средству ведения дел в мировой политике. Он проповедовал сдержанность в сочетании с твердостью. Военный министр по-прежнему воспринимал это оружие (а он еще не мог знать, чем закончатся испытания бомбы) как козырь в дипломатических переговорах с Советским Союзом, которым надлежало пользоваться лишь в тех случаях, когда могла возникнуть тупиковая ситуация и когда атомная бомба могла послужить средством предупреждения противника в конфликте от обращения к силовым методам решения споров.

Ни меморандум Стимсона, ни доклад Гровса на 24 страницах, оказавшийся на столе у Трумэна в виде приложения к основному до-

кументу по Манхэттенскому проекту, не касались применения атомной бомбы в войне против Японии, а также таких вопросов, как возможность организации предупредительной демонстрации бомбы. Трумэн с трудом одолел чтение этого приложения Гровса. А между тем там был обозначен рабочий график испытаний и производства оружия. В июле Р. Оппенгеймер и генерал Л. Гровс планировали взорвать экспериментальное устройство в Аламогордо (Нью-Мексико), к 1 августа произвести на свет первую атомную бомбу, получившую еще до рождения кличку “Малыш”, и тогда же, в августе, вторую, по имени “Толстяк”.

Находясь в знакомом до мелочей ему кабинете президента, Стимсон развивал свои мысли по поводу меморандума. Трумэн, казалось, был поглощен развернутой перед его взором грандиозной проблемой. Однако в ходе 40-минутной встречи президент не задал ни единого вопроса и, не раздумывая, согласился на создание Временного комитета во главе со Стимсоном и Бирнсом с задачей подготовить решения по всему комплексу вопросов, связанных с завершением работ над атомной бомбой. Военный министр истолковал это как признание президентом обоснованности доводов, изложенных в меморандуме. Он покинул Овальный кабинет с чувством исполненного долга и вполне удовлетворенный приемом. Трумэн, напротив, не вынес из этой встречи положительных впечатлений. Позднее он писал: “Стимсон по крайней мере был так же озабочен вопросом о роли атомной бомбы в истории, как и возможностью сократить сроки войны”⁸. Президенту больше было бы по душе узнать, что военный министр всецело поглощен теми проблемами, которые непосредственно относятся к его компетенции, — подготовкой военного использования атомной бомбы, выбором целей, подбором исполнителей и т.д.

ГАРРИ ТРУМЭН И ДЖЕЙМС БИРНС ДЕЛАЮТ СВОЙ ВЫБОР

Трумэн (ничем не выдавая своих настроений) рассуждал иначе, чем его военный министр, стремившийся заглянуть в дальние дали мировой политики, в чем сам новый президент поначалу не видел никакого проку. Стимсон предлагал “отложить” дипломатическую схватку с Советским Союзом, не спешить с выводами и до завершения войны на Тихом океане и испытания атомной бомбы не делать доминантой советско-американских отношений польский вопрос, по которому, как он полагал, Сталин все равно не уступит Соединенным Штатам. Трумэн решительно не соглашался с такой тактикой. Для него польский вопрос оборачивался пробой сил, ставящей на карту не только его личную репутацию, но и судьбу Европы, а в конечном счете — всего мира.

Драматизм ситуации накануне победного завершения войны в Европе, падения Берлина и выхода Советской Армии на Эльбу вос-

принимался президентом особенно остро и болезненно, поскольку не оставлял ему, вчера еще малоизвестному политику, проснувшегося 12 апреля 1945 г. главнокомандующим воюющих Соединенных Штатов, иного выбора, кроме утверждения американского лидерства с позиции силы, – курс, который, правда, еще только предстояло сформулировать. Идея Стимсона, в случае возникновения конфликтных ситуаций в советско-американских отношениях отодвигавшего использование атомной угрозы на второй план и уповавшего на переговорный процесс, Трумэну представлялась неприемлемой, утопичной, ослабляющей позиции США и его собственные. Для нового лидера США проблема приоритетов решалась в обратном порядке: непосредственные цели и задачи (защита от экспансии коммунизма и укрепление своей репутации жесткого политика) имели преимущество перед перспективными, долговременными, стратегическими (создание безопасного мира) или по крайней мере совпадали с последними.

Беседой 25 апреля Стимсон был попросту дезориентирован; надевший маску заинтересованного собеседника Трумэн не выдал своего скептицизма в отношении концепции перестройки мирового порядка, предусматривающей “либерализацию” атомных секретов и интернационализацию контроля над производством и распространением атомного оружия. По-видимому, для президента согласиться со Стимсоном было равносильно добровольному сложению оружия к ногам нападающего, свирепого видом, но вооруженного пугачом. Куда более реалистично внешнеполитический курс нового президента оценил бывший посол США в Москве Джозеф Дэвис, посетивший Трумэна в Белом доме 30 апреля 1945 г. Он был буквально шокирован тоном, который Трумэн избрал, воспроизводя парафраз своего диалога с Молотовым, состоявшегося неделю назад. Сомнений быть не могло: Трумэн полон решимости в случае необходимости не останавливаться перед эскалацией напряженности в советско-американских отношениях⁹. Трумэн был откровенен с Дэвисом, последний пользовался доверием президента. Дэвис и никто другой числился первым в “коротком списке” кандидатов на должность государственного секретаря в новом кабинете Трумэна¹⁰.

Сила и жесткость – вот что должно было стать опорными элементами новой его, Трумэна, дипломатии – дипломатии страны, взвалившей на свои плечи миссию быть главным защитником и объединителем западного сообщества. Но этой превосходящей силы и бойцовой уверенности в свободе дипломатического маневра просто неоткуда было взяться, если в расчет не принимались уверенность в близком наполнении ударного атомного арсенала и убежденность в невозможности ни для кого приблизиться к тому же уровню. Следовательно, слова обвинения, брошенные Трумэном в лицо Молотову, уже отдавали не просто металлом, а “мощью безмерной и грозной”, во сто крат превышающей возможности обычных арсена-

лов и позволяющей, как заверил Бирнс президента, диктовать американские условия мировому сообществу после войны¹¹. Будущий государственный секретарь, хорошо знакомый с военно-промышленным комплексом США, был абсолютно уверен, что превзойти его уже никому не удастся.

Эту особую уверенность нового президента в превосходстве над СССР да и над любым другим противником, взятую в долг у будущего, но вмонтированную в реальную политику, почувствовал и Ф. Франкфуртер, обративший внимание в беседе с Дэвисом 13 мая 1945 г. на резкое смещение акцентов в дипломатической практике Белого дома после прихода туда Трумэна. «У меня сегодня, – отметил Дэвис, – состоялся продолжительный разговор с судьей Феликсом Франкфуртером. Он встревожен нашими отношениями с Россией. Он считает, что ситуация взрывоопасна. Он был в курсе моей беседы с президентом по этим вопросам и пожелал поговорить со мной о том, что представляется ему важным. Президент, сказал он, несколько дней назад (23 апреля. – В.М.) провел совещание с некоторыми своими военными советниками, включая Стимсона и Форрестала, при этом в ходе совещания очень сильно “стучали кулаками” по столу. Этим стремились выразить следующее: наступило “самое время” занять жесткую позицию по отношению к России; Америка должна разговаривать с нею, только опираясь на силу; единственный язык, который русские способны понять, – это язык силы и т.д., и т.п. Из источников (помимо Стимсона, но вполне надежных) ему стало известно, что Стимсон был против такого подхода, который президент, напротив, как будто поддержал (“пара ударов прямой в челюсть” и т.д.). По словам Франкфуртера, Стимсон настаивал на сдержанной оценке ситуации, заявляя: нам следует признать, что Советы, возможно, не согласны с нами в отношении трактовки договоренностей, достигнутых в Крыму, что всю ситуацию следует оценить с учетом “их интересов”, что к русским следует относиться уважительно...»¹².

Франкфуртер, по понятным причинам особенно чувствительный к позиции руководителя Манхэттенского проекта, имел все основания быть шокированным манерой, в которой Трумэн вел это важное совещание. Как будто кто-то вручил ему страховый полис, гарантирующий неуязвимость. 26 апреля, опасаясь разрастания синдрома антисоветизма, Франкфуртер направил Трумэну и Стимсону письменный отчет-напоминание о своих встречах с Нильсом Бором, в котором обращал особое внимание на опасность разрегулирования отношений с Советским Союзом в случае, если Москва не получит по официальным каналам уведомления о работах над “проектом S-1” и без посторонней помощи сможет убедиться в его осуществлении. “Проф. Бор, – подчеркнул в своем меморандуме Франкфуртер, – дал мне понять, что, используя научный обмен после войны, России будет нетрудно получить

необходимую информацию, не говоря уж о других факторах, которые делают бессмысленным сохранение секретности”¹³. Нет данных, позволяющих высказать предположение, что Трумэн заинтересовался персоной Н. Бора, хотя, направляя свое послание в правительственные круги, Франкфуртер рассчитывал повторить (в этот раз с шансами на успех) эксперимент прямой встречи и диалога науки и политики, проделанный им в 1944 г.

Пришло время сказать, что эти резкие смещения происходили в тот самый момент, когда коалиция союзников находилась накануне великой победы над фашизмом в Европе и когда ее лидеры сосредоточивали уже свое внимание на вопросе скорейшего завершения войны на Тихом океане, основным условием которого было, как все еще признавалось, выполнение Ялтинского секретного соглашения о вступлении Советского Союза в войну против Японии. Однако бросается в глаза, что вопрос о принуждении к капитуляции Японии в напряженных политических дебатах апреля-мая 1945 г. в высшем эшелоне власти в США неизменно фигурировал в качестве подчиненного другому вопросу – о судьбоносном значении бомбы для послевоенного западного, некоммунистического мира. Япония теоретически могла прекратить сопротивление в любой момент (по многим признакам в низах, и в верхах японского общества окрепло желание покончить с войной), но это обстоятельство почти наверняка не отменило бы ни запланированных испытаний в Аламогордо, ни тем более разговора со Сталиным в Потсдаме в том особом ключе, который на дипломатическом языке называют серьезным предупреждением. Иными словами, чтобы ни случилось, в глазах Трумэна бомба была призвана служить средством сдерживания коммунизма и сохранения безусловно лидирующей роли США в мировых делах.

Именно исходя из такой установки, Трумэн отдал предпочтение предложению Стимсона (не главному в перечне высказанных военным министром) отложить намеченную встречу со Сталиным до того момента, когда главный козырь (атомная бомба) будет у него в руках, т.е. до успешного завершения испытаний. Рузвельт на протяжении ряда лет обдумывал вопрос о степени милитаризации внешнеполитической доктрины США, не связывая его, однако, напрямую с американской монополией на атомное оружие. У Трумэна на размышления времени не было. Уже на предстоящем совещании в верхах он планировал встретить “м-ра Россию” и “м-ра Британию”, что называется, без тени робости и без заискивания перед первыми грандами мировой политики: и Сталин и Черчилль обязаны были знать, что право выбирать способ обращения с новым видом оружия и контроля над ним принадлежит исключительно ему, президенту Соединенных Штатов. Знакомство должно было быть скреплено рукопожатием, твердым и многозначительным, как и подобает для уверенного в себе и своих силах лидера.

После 25 апреля Трумэн имел беседы со Стимсоном (2, 3 и 4 мая), но все они касались организационных вопросов, связанных с формированием Временного комитета (Interim Committee), призванного в обстановке абсолютной секретности вынести заключение по вопросу использования атомной бомбы. Нигде, ни в одном документе нет следов того, что президент испытывал желание услышать от Стимсона новый комментарий по поводу менявшейся обстановки. Похоже, его интересовали только технические подробности, а не дискуссии о том, какую политическую компенсацию США могут получить за жесты доброй воли в отношении атомных секретов и подготовки к созданию международного органа, осуществляющего контроль. Несовпадение двух поведенческих моделей, оставшееся незаметным для Стимсона, довольно умело маскировалось Трумэном.

10 мая в разгар очередного кризиса, вызванного односторонними действиями Сталина в польском вопросе и немедленной ответной акцией США в виде прекращения поставок Советскому Союзу по ленд-лизу, Стимсон посвятил в свои планы посла США в Москве Гарримана. Предлогом стал обмен мнениями о поведении Сталина в Восточной Европе в целом. Оба, как сказано в дневнике Стимсона, “говорили конфиденциально о наших проблемах, относящихся к S-1”¹⁴. Нужно ли было Стимсону в чем-то переубеждать Гарримана после того, как он оказался как бы в изоляции на совещании в памятный для обоих день 23 апреля? Скорее всего, нет, хотя посол в решающий момент открыто министра не поддержал. В сущности, оба политика думали об одном и том же. Свою оценку обострившихся в связи с восточноевропейским вопросом советско-американских отношений посол сформулировал в телеграмме Стеттиниусу из Москвы еще 6 апреля 1945 г. Призывая Вашингтон держаться “твердой” линии, он писал: “Как Вы знаете, я являюсь искренним сторонником по возможности самого полного взаимопонимания между нами и Советским Союзом, и поэтому все, что я говорю, продиктовано только одним: как такое взаимопонимание может быть наилучшим путем обеспечено”¹⁵.

Здесь содержится ответ на вопрос, о чем могли говорить Стимсон и Гарриман в преддверии новой встречи в верхах. Конечно же, о тактике предстоящих переговоров со Сталиным. Как считал Стимсон, она должна была предусматривать отсрочку сцены “объяснения” до завершения испытания нового оружия и отказ от ультимативного тона. Такой осторожной и в чем-то традиционной для сложившихся в годы войны советско-американских отношений дипломатией, подкрепленной личными контактами и, главное, решающим перевесом США в качестве вооружений, Стимсон рассчитывал добиться от Советского Союза удовлетворительного (и, заметим, поэтапного), как он говорил, “решения польской, румынской, югославской и маньчжурской проблем”. Атомное оружие в таком варианте не должно было играть роль пистолета, поставленного на предохране-

нитель, но поднесенного к виску противника. Скорее здесь больше подходит сравнение с заряженным ружьем, висящим на стене.

Стимсон всерьез надеялся (так же, как и Рузвельт) в итоге найти рабочий консенсус со Сталиным на основе признания зон ответственности (СССР в восточноевропейском регионе и США к западу от него) и права народов соответствующих стран демократическим путем решать судьбу своих государств. Обе великие державы, как представлялось военному министру, обязаны были совместно и упорно трудиться над созданием основ нового международного порядка. Пункты 7 и 8 меморандума Стимсона от 25 апреля 1945 г., по всему видно, предполагали именно такого рода рабочее соглашение, в противном случае всякие разговоры о контроле над атомным оружием, инспекции и обмене информацией становились ненужными и невозможными. С большой степенью уверенности можно утверждать, что Гарриман не возражал против такого подхода. Довод в пользу такого вывода? Находясь вместе с представителем президента Гопкинсом в Москве в конце мая – начале июня 1945 г., он активно содействовал успеху этой важной дипломатической миссии, развязавшей многие конфликтные узлы в советско-американских отношениях и подготовившей условия для встречи “Большой тройки” в Потсдаме.

Трумэн, не переживший периода привыкания к мысли о том, чем может стать для человечества появление атомного оружия, не подготовленный к внешнеполитической деятельности в условиях коренной ломки всех международных структур и буквально на ходу решавший для себя вопрос об ориентирах дипломатии США в переходный период от войны к миру, психологически в тот момент был куда более склонен придавать *решающее* (не подчиненное) значение атомной бомбе. Артиллерийский капитан времен Первой мировой войны, он имел собственные представления о том, как обращаться с оружием. По его мнению, это оружие следовало расчехлить и привести в состояние готовности для применения на поражение. В противном случае “нечего было огород городить”.

Входя в новую роль, Трумэн, естественно, не стремился афишировать свои взгляды, высказывания президента по вопросу об атомной бомбе в этот период очень скудны. Однако же, судя по многим косвенным признакам, взгляды на новейшее оружие оставались традиционными: оно должно выполнять свою первородную функцию – поражать противника, уничтожать его. Он внутренне соглашался с теми, кто (как Джеймс Бирнс, например) с порога отверг идею превращения бомбы, как говорили, в бутафорскую принадлежность, огородное чучело, способное напугать лишь трусливых. Аморфность такой поведенческой модели, к тому же окариатуренной ее оппонентами, Трумэну импонировала куда меньше, чем иное видение ситуации, согласно которому атомная бомба – всего лишь новый боеприпас, эквивалентный сотне обычных тя-

желых авиабомб, требующий к себе соответствующего, вполне прозаического, без всяких рефлексий и оговорок отношения. Вот это изменение в настроениях в высших сферах Вашингтона после смерти Рузвельта хорошо почувствовали ученые из чикагской “Металлургической лаборатории”, где работал и Лео Сциллард, физик, чья инициативная роль в осуществлении Манхэттенского проекта была общепризнанной.

Еще в конце марта 1945 г. Сциллард попытался повторить попытку Бора повлиять на решение Белого дома по атомной бомбе. Приближавшийся “час X” (день испытания атомной бомбы) вновь сделал Сцилларда пилигримом долга и совести. Имея “на хвосте” секретных агентов генерала Гровса, он приехал 25 марта 1945 г. в Принстон получить от А. Эйнштейна рекомендательное письмо Рузвельту, способное открыть для него двери президентского кабинета. “Д-р Сциллард, – писал о нем Эйнштейн, – сейчас очень обеспокоен отсутствием нормальных контактов между учеными, которые делают эту работу (речь идет об исследованиях в области ядерной физики. – В.М.), и теми членами Вашего кабинета, которые отвечают за формирование политики”. Подобно Бору, Сциллард не мог надеяться, что он прямым путем “выйдет” на президента. Ученый направил письмо Элеоноре Рузвельт и получил положительный ответ: его имя внесено в рабочее расписание президента. Рандеву было назначено на 8 мая 1945 г. и так и осталось пометкой в календарном плане Франклина Рузвельта. Падение Берлина 2 мая подсказало Сцилларду вывод: использование атомной бомбы против Японии не оправдано с военной точки зрения. Война ею проиграна, и подобная “демонстрация” только подтолкнет гонку атомных вооружений с включением в нее России.

В конце мая Сциллард попытался встретиться уже с Трумэном, но в секретариате президента ему посоветовали повидать Джеймса Бирнса, отдохавшего на своей “исторической родине” в городе Спартанбург (Южная Каролина). До его назначения на пост государственного секретаря оставалось несколько дней, но важнейшие внешнеполитические планы Трумэн предпочитал обсуждать именно с Бирнсом. Диалог в Спартанбурге – зеркальное отражение двух противоположных, в сущности, подходов, двух позиций. Одной – возникшей из ясного представления об общечеловеческой природе проблемы во всех ее долговременных глобальных взаимосвязях, другой – ставшей уже решением, прагматичной, зауженной до масштабов военного противостояния, сориентированной на сохранение мирового лидерства с опорой на пятикратное превосходство в средствах сдерживания. Американский историк П. Уайдн описал разыгравшуюся 28 мая в Спартанбурге сцену в форме следующего диалога.

Сциллард: Россия, так же как и США, скоро может стать атомной державой.

Бирнс: По данным генерала Гровса, Россия не имеет урана.

Сциллард: Россия располагает урановыми рудниками Чехословакии. Стоит обдумать предложение об отказе испытать бомбу, что создаст у русских впечатление, будто работы не увенчались успехом.

Бирнс: Это приведет к тому, что Конгресс откажется финансировать ядерные исследования, результаты должны быть очевидны для всех. Россия осуществляет свою экспансию в Восточной Европе, включая родину Сцилларда – Венгрию, и в этих условиях демонстрация бомбы и американской военной мощи сделает Советы более управляемыми.

Сциллард: Манипуляции с бомбой испугают Россию, превратят ее в нашего антагониста.

Бирнс: Бомба поможет вытеснить Россию из Венгрии.

Сциллард: Можно ли сейчас говорить о судьбе маленькой Венгрии, если гонка атомных вооружений в конечном счете может разрушить Соединенные Штаты и Россию!

Ученый вынес из беседы с Бирнсом самые неблагоприятные впечатления. Бирнс позднее отзывался о Сцилларде также очень не лестно. Сциллард, говорил он Э. Теллеру, “ужасный человек”, который так и не понял, что его место в лаборатории, а не в политике¹⁶. Но объяснять провал миссии Сцилларда антипатией, которую он вызвал у Бирнса, было бы неверно. Причина непримиримости их позиций значительно глубже: ученый отвергал политику, базировавшуюся на допущении длительного отставания Советского Союза в области атомных вооружений, в то время как будущий государственный секретарь всецело доверился весьма оптимистическим в этом смысле прогнозам генерала Гровса. Последний не сомневался, что догнать Соединенные Штаты русские смогут только лет через пять, да и то при условии, что весь экономический потенциал СССР будет подчинен созданию атомного оружия. Следовательно, фактическое отставание СССР оценивалось в 15–20 лет¹⁷. Этим и руководствовался Бирнс, осаживая горячего Сцилларда.

Джеймс Бирнс (его считали помощником президента Рузвельта по внутренним делам) пользовался огромным авторитетом. Прослужив в конгрессе 30 лет, он попеременно заседал в палате представителей и в сенате. Был членом Верховного суда, а в годы войны он занимал самый высокий экономический пост в стране – директора Управления военной мобилизации. Близость южанина Бирнса к Рузвельту была хорошо известна, равно как и неодобрение ее Элеонорой Рузвельт. Трумэн сделал Бирнса своим доверенным лицом, хотя Бирнс был его соперником на выборах 1944 г. и, наверное, после смерти Рузвельта воображал именно себя в кресле президента. Этого не случилось, и Бирнс утешился положением конфиденциального советника Трумэна по всем самым острым вопросам внешней политики и национальной безопасности. Селекция кадров для новых структур и приближение к президенту из старой когорты одних и удаление других также входило в функции Бирнса. Так, среди новых

фаворитов в коридорах власти Вашингтона оказался генерал Лесли Гровс, непосредственный руководитель технической подготовки Манхэттенского проекта.

Нужно отдать должное генералу Гровсу: он умело воспользовался своим особым положением, получив возможность острее, нежели большинство из окружавших его ученых и политиков, почувствовать, насколько градусов от мысленно прочерченной Рузвельтом, Гопкинсом и Стимсоном линии в советско-американских отношениях (взятых в контексте атомной проблемы) отклонился после 12 апреля курс нового политического руководства, унаследовавшего эстафету от старой администрации и вместе с нею ее авторитет. Водораздел, проведенный Гровсом в воображении между старым и новым подходами, повлиял и на реакцию, которую вызывало у него решение Трумэна не уступать тем, кто предлагал отказаться от внезапного, без предупреждения, применения атомной бомбы против Японии.

Одним из ярых сторонников такого варианта являлся Сциллард, и Гровс в увидевших свет после войны мемуарах специально выделил в ряду важных событий – в промежутке с момента окончания войны в Европе до испытания атомной бомбы в июле 1945 г. заочный спор “идеалиста” Сцилларда с “реалистом” Трумэном, противостоявшим его натиску. Вот что он писал: “...капитуляция Германии никак не сказалась на враждебной позиции Японии. Несколько позже некоторые ученые стали сомневаться в необходимости использования бомбы против Японии. Многие из них принадлежат к числу людей, бежавших в США, опасаясь расовой политики гитлеровского режима. Для них основным врагом был Гитлер, а поскольку он был уничтожен, они, вероятно, уже не могли найти в себе достаточно энтузиазма, чтобы оправдать применение атомной бомбы для подавления военной мощи Японии.

Одновременно происходили дискуссии о том, как применить бомбу: следует ли нам устроить перед всем миром демонстрацию ее разрушительной силы и затем просто предъявить Японии ультиматум или применить ее без предупреждения. Мне всегда было непонятно, как можно было игнорировать первостепенную важность фактора внезапности применения бомбы с точки зрения ее воздействия на население и правительство Японии. Достижение внезапности было одним из главных мотивов наших усилий по сохранению секретности.

Президент Трумэн знал об этих противоречивых настроениях. Наверное, он в какой-то степени советовался со своей совестью и сердцем, прежде чем принять окончательное решение. Его вывод – придерживаться первоначального плана – всегда был примером мужества и государственной мудрости”¹⁸.

В этом отрывке много натяжек, недоговоренностей, а то и просто искажений. Первое. Никакого официального “первоначального плана” внезапного применения атомной бомбы не существовало.

“Памятная записка из Гайд-парка” по существу оставляла вопрос открытым. Именно Трумэну и его советникам предстояло принять такой “первоначальный план”, Рузвельт только обдумывал его, и трудно сказать, к какому решению он мог склониться, получив сначала письмо Эйнштейна, затем встретившись со Сциллардом (степень вероятности такой встречи была весьма высокой) и, наконец, познакомившись с результатами испытания нового оружия. Один из ближайших сподвижников В. Буша и Р. Оппенгеймера, человек, руками которого была завершена подготовка атомной бомбы на борту самолета Б-29, летевшего бомбить Хиросиму, к ее сбросу на город, Уильям Парсонс, ставший в 1946 г. главой Управления атомного оружия в Пентагоне, писал: “Конечно, невозможно сказать, какова была бы реакция Франклина Рузвельта на результаты взрыва 16 июля 1945 г. ...”¹⁹ Парсонс имел в виду испытания, проведенные Гровсом и Оппенгеймером в Аламогордо. Таким образом, ссылка Гровса на “первоначальные планы” неубедительна. Если они и вырисовывались в мыслях президента Рузвельта, то он и сам не считал их окончательными.

Второе. Способна ли была (и как долго?) Япония к сопротивлению после капитуляции Германии – вопрос не праздный, но тот однозначный ответ, который дал на него в воспоминаниях Гровс, мог удовлетворить только плохо информированных людей. Возможности Японии вести войну, конечно же, в 1945 г. не были исчерпаны, и в Пентагоне не без оснований опасались, что японцы будут драться с фанатичной яростью в случае высадки союзников на территории собственно Японии или в Китае. Предполагалось, что в случае сухопутных операций американцам придется столкнуться с пятимиллионной армией японцев. Но еще в аналитическом обзоре разведслужб США, подготовленном к началу июля 1945 г. (т.е. до испытания атомного оружия), в специальном разделе “Шансы на капитуляцию Японии” прямо говорилось, что “значительная часть населения страны сейчас рассматривает как вероятное полное военное поражение своей страны”. Далее в докладе указывалось, что “вступление Советского Союза в войну (что было предрешиено Ялтинским соглашением) окончательно могло бы убедить японцев в неизбежности полного поражения”. Нельзя пройти мимо и дневниковой записи от 11 августа 1945 г., командующего стратегической авиацией США генерала Карла Спаатса, который отметил, что, услышав впервые в Вашингтоне об атомной бомбе, он отрицательно отнесся к возможности ее применения. Генерал был уверен, что войну можно было выиграть и не прибегая к экзотическому оружию, последствия применения которого непредсказуемы²⁰.

И другие военные специалисты полагали, что продолжение так называемых стратегических бомбардировок Японии “летающими крепостями” (самолетами Б-29) в сочетании с военно-морской блокадой и наступательными операциями советских вооруженных сил

неминуемо должно было вынудить императорское правительство Японии признать свое положение абсолютно безнадежным. Даже если бы такой способ ведения боевых действий привел к затягиванию войны, вероятнее всего, удалось бы избежать не только больших людских потерь, но и того неизбежного морального ущерба, который был связан с решением использовать новое оружие массового уничтожения против ничего не подозревавших и не предупрежденных об опасности мирных жителей двух крупных японских городов.

Доводы в пользу эффекта внезапности, о котором так темпераментно писал Гровс, и с психологической точки зрения не всем казались убедительными. Существовало мнение, что именно такой способ “вразумления” японцев породит явление бумеранга и обернется тяжелыми последствиями для США, практически не приблизив победу. В предупреждении Японии об угрозе применения атомной бомбы видели кратчайший путь к завершению войны через воздействие на пацифистскую партию в правящих кругах Японии. “Я полагаю, – писал тот же У. Парсонс в 1948 г., – что осуществимость и эффективность атомного нападения на города, заводы и т.д. зависят решающим образом от обстоятельств, условия же в Японии в конце июля 1945 г. были идеальными для такого предупреждения”²¹. А его не последовало. Почему? Эдвард Теллер, со свойственной ему прямоотой, в подготовленной в 1957 г. для журнала “Форин афферс” статье высказал мысль, что внезапность нужна была не столько для того, чтобы поставить японцев на колени, сколько для того, чтобы каждый знал, что в будущей войне американцы снова без колебаний применят атомное оружие, сделав бессмысленными всякие расчеты противника на достижение успеха²². Стало быть, предложенное Гровсом ограничительное толкование значения внезапности применения атомной бомбы против Японии является неполным, недостаточным, а скорее всего, ложным. Замысел был гораздо шире.

Версия Гровса кажется тем несуразнее, что к моменту выхода в свет его книги было уже хорошо известно о поведении Японии в критическом для нее июле 1945 г. Обо всем этом достаточно подробно сказано в книгах Г. Алпровица²³, и ниже мы приведем новые данные из архивов. Но основные факты стоит напомнить.

Еще до испытания атомной бомбы поступили первые сведения, что император Японии решил сам вмешаться в события, чтобы положить конец войне. Японский посол в Москве настойчиво искал встречи с Молотовым для обсуждения возможности прибытия в Москву специальной миссии во главе с принцем Канозэ, но послу в такой встрече под предлогом чрезмерной занятости Молотова накануне предстоявшей конференции “Большой тройки” было отказано. И в последующие дни Япония настойчиво добивалась посредничества Москвы, готовая идти на любые условия. Это были уже официальные действия, заставившие впоследствии Д. Эйзенхауэра сказать

Стимсону: “Япония в то время изыскивала какой-нибудь способ капитуляции с минимальной потерей престижа!”

Не будем сейчас касаться вопроса о том, чем руководствовалось правительство СССР, отклонив японские мольбы о посредничестве. Это особая тема, хотя верность союзническому долгу сыграла в этом не самую главную роль. Были и другие причины, в сущности, в чем-то похожие на те, которые определяли поведение США, демонстративно не замечавших мирных инициатив агонизировавшей японской военщины. Трумэну была не нужна преждевременная капитуляция Японии и переговоры, особенно переговоры при посредничестве Москвы. Уже в мае 1945 г. в госдепартаменте ломали голову, как сделать, чтобы ялтинские договоренности по Дальнему Востоку остались чисто призрачными. Исполняющий обязанности госсекретаря Джозеф Грю собирал по этому поводу специальное совещание в составе министра военно-морского флота Форрестала, заместителя военного министра Джона Макклоя и посла Гарримана²⁴.

Как бы то ни было, чтобы обеспечить верховенство американских интересов и исключить повторение ситуации в Европе, где баланс сил сложился в пользу Советского Союза, Трумэн решительно избрал путь эффективной и максимально бескровной для США победы над Японией. К середине мая 1945 г. у него сложилось твердое убеждение, что хотя участие Советского Союза в войне с Японией и имеет военно-стратегическое значение по причине возможных непредвиденных осложнений — неудачи в ходе испытаний атомной бомбы или затяжки военных действий, — однако в завершении войны это значение должно быть минимальным, а победа — непременно американской, сокрушительной и неизгладимой из исторической памяти народов, как взятие Берлина армиями Г.К. Жукова.

По-видимому, без всякого восторга в связи с этим президент воспринял изменения в настроениях пользовавшегося его доверием посла А. Гарримана. Несколько остывший после сцены в Вашингтоне с Молотовым, вызвавшей резкие осложнения в отношениях между США и СССР сразу же после капитуляции Германии, и отчасти под влиянием разговора со Стимсоном Гарриман настойчиво добивался ускорения очередной встречи в верхах. Заместитель госсекретаря Грю зафиксировал в дневнике 15 мая 1945 г. монолог посла на совещании у президента, на котором, помимо Трумэна, Грю и Гарримана, присутствовал еще и советник по русским делам Болен.

А. Гарриман говорил: “...наши отношения с Россией являются проблемой номер один, способной повлиять на будущее человечества, но сейчас разрыв между нашими двумя странами увеличивается. Дополняют общую картину специфические и неотложные вопросы, такие, например, как обращение с Германией на трехсторонней основе, учреждение Контрольного совета и т.д., по которым совместно с Россией не было достигнуто никакого прогресса. Конечно, есть еще и польский вопрос, и многие другие. Создание базы будущих от-

ношений с Россией и урегулирование этих конкретных неотложных вопросов могут быть достигнуты только на трехсторонней конференции, и, чем больше будет затягиваться начало этой встречи, тем хуже. И хотя нельзя не признать, что мы не готовы использовать наши войска в Европе в качестве средства в политическом торге, тем не менее, если встреча состоится до того, как большая часть этих войск будет выведена из Европы, атмосфера будет в этом случае более дружественная и шансы на успех возрастут. Сталин не получает правдивой информации ни от Молотова, ни от кого-либо из других своих людей, и в результате его подозрительность в отношении наших мотивов, которые он объясняет желанием лишить его плодов победы, увеличивается”²⁵.

В тон этому ностальгическому порыву в духе рузвельтовской тактики личной дипломатии Трумэн поддержал мысль о «крайней желательности встречи “Большой тройки»». Но тут же президент фактически отклонил предложение ускорить ее созыв, сославшись на перегруженность внутривластическими делами, подготовку бюджета и т.д. По удивительному совпадению президент и посол, настаивая на разных сроках созыва конференции глав трех союзных государств, думали об одном и том же. Гарриман был озабочен тем, как подкрепить дипломатические усилия мощью армейских корпусов. Трумэн, также не выдавая ничем своего решения, стремился сесть за стол переговоров со Сталиным, имея равенство (а еще лучше перевес) сил, но в ином исчислении. Лучшим временем для randevu со Сталиным и Черчиллем он считал вторую половину июля или август, когда успешное испытание нового оружия полностью развяжет ему руки и избавит от опасений, что длительное пребывание американских войск в Европе (а Гарриман имел в виду именно такую ситуацию) станет невозможным в силу решения конгресса о демобилизации армии или нового всплеска изоляционизма. Именно в эти дни, 15 и 16 мая, в Пентагоне и госдепартаменте проходили встречи Грю, Стимсона и Маршалла. На них определялись временные параметры конференции “Терминал” с таким расчетом, чтобы, как выразился Стимсон, сесть “за карточный стол, имея козырного туза на руках”.

Опасения натолкнуться на упорное сопротивление японцев на заключительном этапе войны и трудности подготовки новой грандиозной десантной операции (второй “Оверлорд”) сделали вопрос об участии Советского Союза в войне на Дальнем Востоке частью другого: как обезопасить тихоокеанский регион от “советского проникновения”? Неопределенность ожидания, оправдаются ли расчеты ученых в мае–июне, неуверенность в успехе заставили Трумэна, Стимсона и Маршалла не порывать с ялтинской договоренностью о вступлении СССР в войну против Японии, которое по-прежнему рассматривалось как важнейшее условие сокращения сроков войны. Трумэн временами был склонен придавать этому первостепенное,

почти решающее значение. Так, согласно записи Грю, 14 июня 1945 г. президент говорил министру иностранных дел Китая, что “его главный интерес сейчас – это увидеть Советский Союз участвующим в войне на Дальнем Востоке, причем ровно столько времени, сколько потребуется для сокращения сроков войны и предотвращения гибели американских и китайских солдат”²⁶. Но призрак большевизма, шагнувший через советско-китайскую границу и Японское море, рождал иные мысли.

Так две линии, причудливо переплетаясь, образовали тугой узел, который надеялись разрубить с помощью приближавшегося испытания атомной бомбы. Удача не только на порядок усиливала позиции США на предстоящих трудных переговорах, но и резко уменьшала сильную зависимость расчетов Пентагона на благоприятный исход военной кампании на Тихоокеанском театре военных действий от сотрудничества с Советским Союзом. Провал испытаний, подтверждение опасений скептиков, напротив, во сто крат увеличили бы цену той договоренности в отношении дальневосточных проблем, которая была достигнута со Сталиным и грозила перечеркнуть, как считали, результаты победы над Японией.

Непредсказуемость положения, заставлявшая Трумэна маневрировать, была связана еще и с распространением среди американцев далеко не растраченного чувства дружелюбия и симпатии к союзнику – СССР, внесшему решающий вклад в победу над нацизмом в Европе. В мае 1945 г. по просьбе государственного департамента были проведены закрытые опросы общественного мнения, призванные пролить свет на изменения в настроениях американцев по отношению к России. Противоположные ожидаемым результаты опросов еще более усложняли задачу Трумэна, чье решение в принципе уже было принято и не предполагало потепления в отношениях между двумя странами, а тем более дальнейшего сближения между ними. 72% опрошенных ответили “да” на вопрос, “следует ли США сотрудничать с Россией после войны”, и только 13% – “нет”²⁷.

Далеко не всем, даже крупным, дипломатам, политикам и обозревателям тогда казалось, что Сталин обманул американцев, произвольно трактуя Ялтинские соглашения по Польше. Обманул или обманулся? Этим вопросом задавались многие, и ответ опять-таки для многих звучал примерно так, как его сформулировал известный обозреватель У. Липпман в беседе с заместителем государственного секретаря Маклишем 23 мая 1945 г. «...Мы, – говорил он в пересказе Маклиша, – неправильно вели себя в отношении России после Ялтинской конференции. Он (Липпман. – В.М.) думает, однако, что результат не будет таким уж плохим, как это считают некоторые журналисты. И он указал в связи с этим на следующие причины: во-первых, русские хотят поддерживать с нами нормальные отношения; во-вторых, Окинава научила нас тому, что мы нуждаемся в поддержке русских в войне,

которую ведем на Тихом океане... М-р Липпман весьма критически отозвался о том, как мы действуем в польском вопросе, сказав, что изначальный текст Ялтинского соглашения был “обманчив” и что русские просто поняли его по-своему...»²⁸.

Россия решает проблемы своей безопасности, когда пытается поставить у власти в Польше и в других приграничных восточно-европейских государствах зависимые от нее политические режимы, – таков был лейтмотив писем многих американцев, поступавших в Белый дом и отражавших тревогу по поводу ухудшения советско-американских отношений после окончания войны в Европе. «Пожалуй, когда речь идет о наших отношениях с Россией, мы поступили бы правильно, – писал Трумэну 15 мая 1945 г. юрист из штата Миссури, – задавая себе постоянный вопрос: “Что бы мы думали о ситуации и что бы мы делали, если бы очутились на месте России?” Только так можно найти правильные решения и избежать неверных оценок»²⁹.

Г. Алпровиц, нарисовав картину сложного дипломатического маневрирования Трумэна в июне 1945 г., связал его поведение целиком с атомными секретами. Президент принимает главный пункт стратегии Стимсона – встреча со Сталиным должна быть отложена до успешного проведения испытаний нового оружия. Идут в ход ссылки на необходимость подготовить “бюджетное послание конгрессу” и другие законопроекты, дабы замаскировать подлинную причину: оттяжка встречи необходима, чтобы прийти к ней в буквальном смысле во всеоружии. Отменяется (временно) жесткий курс в польском вопросе и некоторых других (например, возобновляются поставки в СССР по ленд-лизу). И наконец, происходит внешнее дистанцирование от личности Черчилля и проповедуемых им принципов. Перенос пробы сил на более поздний срок, попытка выиграть время для перегруппировки собственных сил и чисто символическое возвращение к “личной дипломатии” в рузвельтовском стиле – вот в чем, по словам Алпровица, выразился “знаменательный поворот Трумэна” во внешней политике во второй половине июня 1945 г.

В чем недостаток такого “фотографического” изображения дипломатических действий? Прежде всего в их надысторичности. Алпровиц выключил из анализа очень важный фактор – обстановку в стране и за ее пределами. Президент своим непреклонно жестким тоном содействовал распространению нервозности в общественном сознании, которая должна была неизбежно вызвать ответную реакцию Сталина. Но он лучше многих оценил тот факт, что у Москвы все еще сохранялись дипломатические отношения с Токио и в случае возникновения крайнего напряжения в связке США–СССР могло произойти сближение между Москвой и Токио, а тогда из почти военного союзника СССР легко мог превратиться вновь в нейтральную державу, заинтересованную скорее в затяжке

войны на Дальнем Востоке, чем в ее быстрейшем завершении. В этом смысле план Бирнса, целиком построенный на стопроцентной уверенности в скором овладении США сверхмощным оружием, полностью лишал американскую дипломатию способности гибко реагировать на быстро меняющуюся обстановку, пока шансы сторон до конца еще не проявились, а ожидания увидеть США чуть ли не навечно сильнее всех могли обернуться грандиозным и горьким фиаско. Обдумав эту неординарную ситуацию втайне от своих ближайших советников, Трумэн в конце мая проявил просто-таки замечательную изобретательность, приватно подготовив свой главный и решающий ход на дипломатической доске, заставленной тяжелыми фигурами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Sherwin M.J.* A World Destroyed: Hiroshima and the Origins of the Arms Race. N.Y., 1987.

² *Truman H.S.* Memoirs. Garden-City, 1955. Vol. 1: Year of Decisions. P. 21.

³ *Culver J.C., Hyde J.* American Dreamer. The Life and Times of Henry A. Wallace. N.Y., 2000. P. 397.

⁴ Yale University Library. Henry L. Stimson. Diaries. Reel 9. Apr. 23, 1945.

⁵ *Алпровиц Г.* Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам. М., 1968. С. 50.

⁶ Там же. С. 5.

⁷ Yale University Library. Henry L. Stimson. Diaries. Reel 9. Memorandum discussed with the president. Apr. 25, 1945.

⁸ *Truman H.S.* Op. cit. P. 87.

⁹ LC. Joseph E. Davies Papers. Box 16. Journal. Apr. 30, 1945.

¹⁰ Off the Record: The Private Papers of Harry S. Truman / Ed. by Robert H. Ferrell. N.Y., 1980. P. 30, 35; *Alperovitz G.* The Decision to Use the Bomb and the Architecture of an American Myth. P. 213.

¹¹ См.: *Алпровиц Г.* Указ. соч. С. 61.

¹² LC. Joseph E. Davies Papers. Box 16. Journal. May 13, 1945. Sustaining Opinion from Justice Frankfurter.

¹³ NA. RG. 77. Hurrison – Bundy Files. Roll 2. Target 2. File 19. Bohr, Dr. Neils. Account by Justice F. Frankfurter of His First Meeting with Bohr. Apr. 25, 1945.

¹⁴ Yale University Library. Henry L. Stimson Diaries. Reel 9. May 10, 1945.

¹⁵ NA. RG. 59. General Records of the Department of State. Decimal File, 1945–1949. Main File 1945–1949. Box 3428. 711. 61/4-645. A. Harriman to the Secretary of State. Apr. 6, 1945.

¹⁶ *Wyden P.* Day One: Before Hiroshima and After. N.Y., 1985. P. 142–143; *Alperovitz G.* Op. cit. P. 575.

¹⁷ NA. RG. 77. Hurrison – Bundy Files. Roll 2. Target 6. File 12. Intelligence and Security. L.R. Groves. May 21, 1945.

¹⁸ *Гровс Л.* Теперь об этом можно рассказать. М., 1964. С. 224–225.

¹⁹ LC. William S. Parsons Papers. Box 1. *Parsons to G.F. Milton*, Dec. 3, 1946.

²⁰ LC. Carl A. Spaatz Papers. Box 100. Papers and Minutes of Meeting. Terminal Conference. Estimates of the Enemy (as of 6-th, July, 1945). Report of the Combined Intelligence Committee; Box 21. Aug. 11, 1945.

²¹ LC. William S. Parsons Papers. Box 1. Parsons to Livingston Hartley. December 7, 1948.

²² Seeley G. Mudd Library. Hamilton Fish Armstrong Papers. Box 46. Edward Teller. Nuclear Preparedness and Stable Peace. May 8, 1958. Позиция Теллера во многих случаях неверно истолковывалась в исторической и мемуарной литературе. На это обратил внимание А.Д. Сахаров. Он писал в воспоминаниях: “Хочется сказать несколько слов об отношении американских коллег к Теллеру. Оно представляется мне несправедливым (и даже неблагодарным). Теллер исходил из принципиальных позиций в очень важных вопросах. А то, что он при этом шел против течения, против мнения большинства – говорит в его пользу. Ирония судьбы: в 1945 г. Теллер вместе со Сциллардом считал, что нужна демонстрация атомной бомбы, а не ее военное применение, а Оппенгеймер убеждал, что решение этого вопроса следует предоставить военным и политикам (Теллер пишет, что он слишком легко дал себя переубедить)” (Знамя. 1990. № 11. С. 132).

²³ Алпровиц Г. Указ. соч. С. 176–179; *Alperovitz G.* Op. cit. P. 444 etc.

²⁴ The Houghton Library. The Papers of Joseph Clark Grew. Conversation with E. Stettinius. May 12, 1945.

²⁵ Ibid. Conversation with the President. May 15, 1945.

²⁶ Ibid. Conversation with Truman. June 14, 1945.

²⁷ NA. RG. 59. General Records of the Department of State. Decimal File 1945–1949; Main File 1945–1949. Box 3429. 711 61/5-2445. Memorandum for Mr. MacLeish. May 24, 1945.

²⁸ Ibid. Box 3428. 711. 61/5-2345. *A. MacLeish to J. Grew*, May 23, 1945.

²⁹ Ibid. Box 3428. 711. 61/5-1545. *L.J. Weber to H. Truman*, May 15, 1945.

ТЕОДОР РУЗВЕЛЬТ: “ГОВОРИ ВЕЖЛИВО, НО ДЕРЖИ В РУКЕ БОЛЬШУЮ ДУБИНУ”

ПОЛИТИКИ И УЧЕНЫЕ

Успокаивая общественность, ошеломленную и взбудораженную слухами о возможном военном столкновении с русскими, и непосредственно адресуя свой жест примирения Москве, Трумэн санкционировал выступление по радио заместителя госсекретаря А. Маклиша. Поэт и общественный деятель, директор Библиотеки конгресса Маклиш пользовался большой популярностью и авторитетом, к его слову прислушивались. К тому же приход Маклиша в госдепартамент был связан с последними назначениями Рузвельта, и все, что он мог сказать, воспринималось как отголосок идей покойного президента. Одним словом, Трумэн психологически очень верно рассчитал реакцию в США и... в Москве. Особенно в Москве. Она, *по определению*, могла быть только положительной, и никакой другой. Маклиш говорил: “Некоторые комментаторы (американские. – В.М.) открыто заявляли о неминуемом конфликте интересов между русскими и нами и обсуждали вопрос, союзник ли нам Россия, является ли она нашим врагом или нашим другом. Можно было бы сказать: это весьма странные дебаты, если учесть, что солдаты обеих наших стран находятся на территории побежденной Германии и еще свежи могилы, где похоронены павшие в этой общей борьбе (как русские, так и американцы)... Советский Союз и Соединенные Штаты сражались в самых трудных за всю историю союзнических войн географических, экономических и психологических условиях тотальной войны... США и СССР доказали в ходе напряженных переговоров в Думбартон-Оксе, Ялте и Сан-Франциско, что они могут согласовывать свою точку зрения и приходить к взаимопониманию по проблемам, которые не поддавались урегулированию, несмотря на все усилия лучших дипломатов многих генераций, и которые так и остались нерешенными”¹.

Ссылка на Ялту была призвана убедить Москву, что администрация США отмежевывается от той критики в ее адрес, которую в Кремле воспринимали крайне болезненно. Праздничной увертюрой звучал и мотив признания исторической уникальности проделанной совместно обеими странами (Маклиш удивительным образом “забыл” упомянуть при этом союзнические усилия Англии) дипломати-

ческой работы по приведению в порядок мировых дел, запущенных вконец предшествующими поколениями. Это тоже выглядело многообещающе: без встречи в верхах было не обойтись, а такая апелляция к наработанному опыту могла только благоприятно сказаться на ее подготовке. Не избалованные за полтора месяца дружественными заявлениями советские лидеры с облегчением узнали, что новая вашингтонская администрация после серии конфронтационных акций (вроде внезапного прекращения поставок по ленд-лизу) спустилась на землю и объявила о намерении следовать проложенным Рузвельтом курсом, не создавая себе проблем и не мешая Москве “разбираться” с ее собственными, в перечне которых польский вопрос стоял на первом месте.

Обманулся бы тот, кто захотел бы изобразить радиовыступление Маклиша простым, малозначащим эпизодом: госдепартамент уведомил службы за рубежом, что рассматривает его как официальную точку зрения внешнеполитического ведомства США на антисоветскую кампанию в средствах массовой информации. Дипломатам следовало знать, что Вашингтон не намерен пересматривать ни один из фундаментальных устоев внешней политики, следующей принципу незыблемости договоров и отстаивающей цели коалиционной войны. Дипломатический небосвод менял окраску, мрачно-серый тон уступал место светлой гамме. Слухи о третьей мировой войне потеряли остроту. Трумэн подкрепил свою “новую политику” обращением к испытанному его предшественником методу “личной дипломатии”. Едва ли кто-либо из участников совещания у президента 23 апреля (и прежде всего Стимсон) ожидал, что во второй половине мая Трумэн направит в Лондон и Москву личных представителей с заданием обговорить с Черчиллем и Сталиным весь комплекс важнейших вопросов, относящихся к послевоенному мирному урегулированию и составляющих, в сущности, главный предмет разногласий. И в обоих случаях ими стали виднейшие представители рузвельтовской дипломатии, казалось бы, сданной в архив, признанной бесполезной в новых условиях жесткого противостояния интересов двух ведущих мировых держав на военном и политическом поприще. Оба они – и Джозеф Дэвис, и Гарри Гопкинс – были самыми активными и давними поборниками советско-американского сближения, следовательно, появление их в Лондоне и Москве с особыми миссиями можно было трактовать однозначно: президент сделал выбор в пользу сохранения ялтинских договоренностей в их конкретной увязке с возникшими после 8 мая 1945 г. реалиями. И оба они превосходно справились со своей ролью.

Дэвис, убедив Черчилля, что Вашингтон ничего “не затеял за его спиной”, получил взамен заверения премьер-министра в намерении твердо следовать “общему плану” на предстоящей “конференции трех”². Черчилль делал уступку президенту, обещая не создавать перенапряжения в переговорах с русскими и не ставить под уг-

розу взрыва всю ту сложную конструкцию, которая с таким трудом была создана и в которой были воплощены надежды народов на мир и благополучие. Сэр Уинстон не скрывал своего скептицизма, но принял правила игры. “Он сказал, – писал Дэвис в отчете о беседе, – что понимает серьезность возникшей ситуации и что, возможно, в ближайшие недели несколько человек решат вопрос, какой будет жизнь будущих поколений”³.

Сам факт, что выбор пал на Дэвиса, говорил о многом. Ведь на его месте могли оказаться Грю или Бирнс. Но Трумэну было важно, чтобы в Лондон отправился тот, кому Сталин доверял. А генералиссимус не мог ждать подвоха со стороны бывшего посла в Москве, Дэвис в его глазах был человеком, который не мог (по крайней мере не хотел) играть против Москвы.

Итоги миссии Гопкинса в Москву, завершившейся компромиссом по вопросу о составе польского правительства и согласием Сталина на создание в Германии Контрольного совета, оценивались в Вашингтоне еще выше. Через три дня переговоров Гопкинс сообщил Трумэну по каналам связи из Москвы, что ему удалось убедить Сталина в неизменности политики США после смерти Рузвельта по отношению к Советскому Союзу. То ли в назидание президенту, то ли сохраняя верность самому себе, Гопкинс сообщал, что, выдвигая свои контраргументы в дискуссии со Сталиным, он старался избегать угрожающего тона⁴. Но президент мог снести и колкости по сильнее: Гопкинс обрадовал его сообщением о полностью удовлетворяющих американскую сторону итогах переговоров со Сталиным по дальневосточным проблемам, о будущем Китая, а также о планах СССР в отношении Японии. Здесь все оборачивалось как нельзя лучше. Сталин подтвердил обязательство вступить в войну с Японией в августе 1945 г. “...Сталин, – телеграфировал Гопкинс, – не оставил у нас никаких сомнений в том, что он намеревается начать войну в течение августа...”⁵.

Трумэн имел право быть очень довольным своим первым большим дипломатическим успехом, несмотря на тактическое отступление, которое он предпринял. Отношения с Советским Союзом, ставшие до невозможности скверными (поговаривали о новой войне Востока и Запада в Европе), вновь как бы обрели тот характер, который был им присущ к моменту смерти Рузвельта. На политическую арену вернулись апостолы коалиционной войны. Дэвис и Гопкинс одним своим присутствием в Лондоне и Москве порождали надежды на торжество дипломатии международного консенсуса держав-победительниц после войны. Спланированная с санкции Белого дома контрпропагандистская кампания в форме публичных выступлений государственного секретаря Э. Стеттиниуса, его заместителя А. Маклиша, вдовы президента Э. Рузвельт, бывшего вице-президента Г. Уоллеса успокоила американскую общественность, снизив одновременно уровень подозрительности Москвы. В этих выступле-

ниях осуждались воинственные в духе антисоветизма заявления ряда конгрессменов, газетных обозревателей и провозглашалась верность принципам сотрудничества.

Москва немедленно откликнулась на дружественные жесты, выставив им в официальной печати высокие оценки. Посол Гарриман, находившийся в Москве вместе с Гопкинсом, в телеграмме в госдепартамент специально отмечал теплый тон советских комментариев в отношении выступлений Стеттиниуса, Маклиша и Э. Рузвельт. Советская печать, отмечал Гарриман, особо выделила реплику “Вашингтон пост” о том, что миссия Гопкинса должна содействовать улучшению отношений между США и СССР⁶. Гарриман чувствовал себя человеком, надевшим удобную обувь, Гопкинс – миссионером, выполнившим свой последний долг, Трумэн – шахматистом, хитрым маневром переведшим трудную партию в эндшпиль, дающий ему право рассчитывать по крайней мере на почетный ничейный результат. По крайней мере...

Встречи Гопкинса со Сталиным и Дэвиса с Черчиллем начались в один и тот же день – 26 мая 1945 г. Продолжительность их была различной, но в начале июня оба эмиссара возвратились в США. А тем временем в Вашингтоне в обстановке полной секретности решались главные вопросы. Показательно, что Трумэн не увидел надобности в том, чтобы, дождавшись приезда Дэвиса и Гопкинса, обсудить с ними итоги переговоров и спросить совета в отношении подготавливаемых втайне решающего значения акций – проведения испытаний атомного оружия и использования его против Японии. Президент прекрасно знал, что и у Дэвиса, и у Гопкинса могло быть собственное мнение о том, пускать или не пускать в ход “атомный козырь” силовой дипломатии. Оно осталось невостребованным. Оба “миссионера” выводились из игры.

Алпровиц, не колеблясь, утверждает, что атомная мотивация становилась несущей конструкцией дипломатии и военной политики Трумэна, их доминирующей чертой. Прав он или нет, мы это увидим дальше, здесь заметим, что Алпровиц нашел верные слова для иллюстрации того, как игра вокруг атомных секретов начала входить в плоть и кровь межсоюзнических отношений, приводя подчас к разного рода казусам и курьезам. Коснувшись реакции Черчилля на отсрочку встречи в Потсдаме, он писал, что она привела премьер-министра Англии в ярость. Последний “и без того не понимал, почему президент бесконечно тянет, и, полагая, что время для оказания давления на русских может быть упущено, положительно был в бешенстве. Черчилль телеграфировал Трумэну и Сталину, настаивая провести встречу “в самом ближайшем будущем... около середины июня”. 30 мая Сталин ответил, что 15 июля предложил не он, а Трумэн. Черчилль немедленно направил в Москву послание, пронизанное нетерпением: “Я считаю, что 15 июля – повторяю: июля, месяца, идущего вслед за июнем, – является очень поздней датой... Я

предложил 15 июня – повторяю: июня, месяца, идущего перед июлем, – но если это невозможно, почему не 1 июля, 2 июля или 3 июля?” Сталин лаконично ответил: “Хочу еще раз сказать, что дата 15 июля была названа президентом Трумэном...”⁷. Действительно, драматическая и одновременно немного комическая ситуация – Черчилль, ставший жертвой атомной дипломатии. Что могло быть несуразнее?

А тем временем происходили события, в ходе которых окончательно выкристаллизовывались основополагающие принципы той политики, которая предполагала, что отныне США будут участвовать в любых переговорах по вопросам мирного урегулирования как бы в двух ипостасях: в качестве равноправного партнера и одновременно гаранта незыблемости согласованных решений посредством сохранения за *собой* решающего военного превосходства. По иронии судьбы в разработке этого нового способа мышления участвовали многие из тех, кто впоследствии пришел к убеждению (одни раньше, другие позже) в его сомнительной ценности ввиду возникшего примерно через десять лет какого-то подобия ядерного равновесия.

На 31 мая было назначено заседание созданного по предложению Стимсона Временного комитета по атомному оружию (Interim Committee). В него вошли Стимсон – председатель, Гаррисон – его заместитель, Дж. Бирнс – личный представитель президента, В. Буш, Дж. Конант, заместитель министра военно-морского флота Р. Бард и помощник государственного секретаря У. Клейтон, президент Массачусетского технологического института Карл Комптон плюс так называемая группа научных советников: Роберт Оппенгеймер, Артур Комптон, Энрико Ферми и Эрнст Лоуренс. В качестве приглашенных присутствовали генералы Маршалл и Гровс. Это было уже не первое заседание. На предыдущих обсуждались рутинные вопросы, вроде американо-британского партнерства, текст президентского заявления после первого испытания взрывного устройства и др. На 12 ноября было назначено вторжение на Японские острова, и в связи с этим применение атомной бомбы рассматривалось как законная, не противоречащая общепринятым принципам ведения войны акция. Японцы должны были понести возмездие за Пёрл-Харбор. Подразумевалось, что атомные бомбардировки Японии предотвратят гибель тысяч американских солдат, которые не по своей воле и не по вине своей страны оказались участниками войны.

Во вступительном слове Стимсон перевел разговор в заоблачные выси, туманно рассуждая главным образом о революционных изменениях в отношениях человека с природой как следствии прорыва науки в тайны мироздания. Но одна фраза наводила на размышления. Значение нового оружия, сказал он, “выходит за рамки потребностей ведущейся войны”. Военный министр сделал особое ударение на слове *потребности*, как бы пригласив участников заду-

маться над тем, что сулит человечеству в новых условиях извечная традиция решать споры и конфликты, прибегая ко все более разрушительным методам.

Продолжив тему, Буш и Конант первыми затронули болевую точку – как долго США смогут сохранить монополию на атомное оружие и, следовательно, международный контроль. Они оба в тот момент придерживались предположения, что СССР потребуются длительное время для создания собственной бомбы. А. Комптон заявил, что на это уйдет шесть лет. Вердикт Гровса был самым оптимистичным – 20 лет. Оппенгеймер не стал вмешиваться в этот спор, но смело и решительно высказал мысль, авторство которой принадлежало Нильсу Бору: Москве следует сообщить о бомбе раньше, чем она будет использована, и предложить совместную разработку системы международного контроля над атомной энергией. Реабилитированная таким путем концепция достижения согласия между двумя странами – участницами идущей заочно, в тайне от всего мира гонки атомных вооружений вызвала немедленно (как и следовало ожидать) столкновение противоположных мнений. Выразителем одного из них выступил неожиданно для всех (кроме Стимсона) генерал Маршалл, чей независимый голос в политике и высокий авторитет военного придал непопулярной до сих пор идее Бора совершенно особый вес и значение.

Маршалл поддержал опальную концепцию “упреждающей инициативы”, прежде всего ссылаясь на личный опыт. Он заявил, что история претензий и контрпретензий, типичная для советско-американских отношений, базировалась на обвинениях, которые, как правило, оказывались необоснованными. То, что представлялось как недостаток сотрудничества России в вопросах чисто военных, происходило из их (русского) понимания необходимости обеспечить свою безопасность. Он, Маршалл, всегда принимал это как некую реальность и поступал соответствующим образом. Но коль скоро речь идет о послевоенной ситуации и о вещах, которые не имеют прямого отношения к чисто военной сфере, он, не чувствуя себя вправе давать советы, склоняется, однако, к идее создания Соединенными Штатами коалиции стран-единомышленников, они то и вынудят Россию действовать заодно со всеми. В целом же Соединенным Штатам не следует бояться того, что русские получают информацию о Манхэттенском проекте. Более того, это будет означать признание реальности возникших на основе военного сотрудничества и новых межгосударственных отношений США и СССР. Заключительная часть выступления Маршалла походила на повторение предложений, содержащихся в сценарии некоторых ученых и политиков о “визуальном” тесте для русских союзников. Концепция гуманитарной предупредительной акции ему хорошо была известна. Почему бы, задал он присутствующим вопрос, не пригласить двух известных русских ученых побывать на испытательном полигоне в Аламогор-

до, когда там в один из июльских дней будет взорвано экспериментальное устройство – первая атомная бомба? Русские в Аламогордо? По кабинету прошелестел тревожный шумок.

Оппонентом Маршалла выступил личный представитель президента Джеймс Бирнс, долгое время молчавший. Заявление Бирнса, хотя он все еще оставался частым лицом, являлось, в сущности, декларацией о намерении Белого дома. Это было ясно с первого слова, а суть ее была выражена следующим образом. Если США передадут Советскому Союзу информацию о бомбе (пусть даже в самых общих чертах), Москва немедленно потребует права на вступление в англо-американский “атомный клуб”. Бирнс не объяснил, как Москве станет известно о существовании такого партнерского соглашения. Реплику же Буша, что участие англичан в “атомном клубе” не означает, что они получили допуск к технологическим схемам, применяемым на американских атомных предприятиях, и поэтому нечего-де опасаться, что русские могут овладеть секретами в результате простого уведомления о существовании Манхэттенского проекта, он отклонил.

Бирнс категорически настаивал на сохранении полной секретности, утверждая, что дипломатическая ценность бомбы резко снизится, если Сталину станет о ней известно до ее использования. Четко и определенно прозвучала мысль, что США должны оставаться впереди “планеты всей” в исследовательской деятельности и в производстве атомного оружия. Это не помешает, говорил он, оспаривая точку зрения Стимсона, улучшению отношений с Россией. Атомная бомба, таким образом, отрывалась от реального политического контекста, как будто бы его вовсе не существовало. Взоры были устремлены в будущее. Алпровиц поясняет: “Совершенно ясно, что Бирнс рассматривал атомную бомбу в качестве важного инструмента давления, потенциально полезного во всех дипломатических переговорах⁸. Никто не решился возразить Бирнсу, что автоматически означало отклонение предложения генерала Маршалла. Промолчал на этот раз и Стимсон. По согласованию со всеми Артур Комптон подвел итоги утреннего заседания: Соединенные Штаты должны сохранить свои господствующие позиции в сфере атомных вооружений, одновременно стремясь к политическому соглашению с СССР. Никто из присутствующих, резонно заметил историк М. Шервин, не увидел вопиющего противоречия между этими двумя декларируемыми целями⁹.

Затем последовал перерыв на второй завтрак, и весь состав совещания, чинно проследовав в обеденный зал напротив кабинета военного министра, разбился на четыре примерно равные группы, занявшие места за четырьмя столами. За одним из них оказались Стимсон, Бирнс, Лоуренс, Оппенгеймер, Комптон и Гровс. Здесь обсуждали вопрос, который тревожил всех: сбросить бомбу (без предупреждения) или найти способ убедить японцев в бессмысленности

продолжения войны перед угрозой тотального оружия? Взвешивались все “за” и “против”. Оппенгеймер и Гровс отвергли политическое решение, считая, что нельзя предложить ничего равнозначного атомному удару с воздуха. Говоря о других вариантах, они сошлись на том, что ни один из них не даст подлинного представления о страшной силе нового оружия и потому способен принести только противоположный ожидаемому результат. Комптон привел другой довод в пользу “первоначального плана”. По его мнению, уведомление Токио о намерении взорвать бомбу над Японией приведет к повышению боеготовности ПВО противника и непредвиденным осложнениям, а то и к полному срыву самого боевого задания. Все согласились, что наименьший риск и одновременно наибольший эффект достижимы только в том случае, если атомная бомбардировка будет внезапной и неотвратимой, как Божья кара. Оппенгеймер заметил, что число погибших в результате атомных ударов будет не многим больше числа жертв обычных бомбардировок. Он имел в виду “ковровые бомбардировки”, которые разрушили Токио и унесли более чем 900 тыс. жизней мирных японцев¹⁰. Бирнс подвел черту под этим неформальным обменом мнениями: “Если японцам сообщат, что бомба будет использована для поражения какой-либо территории, они переместят туда наших солдат, находящихся у них в плену”¹¹. Ленч подошел к концу. Все поднялись из-за столов и вновь перешли в кабинет военного министра. Совещание продолжалось.

В 14 час. 15 мин. Стимсон предложил вернуться к повестке дня и обсудить вопрос о результативности атомной бомбардировки Японии. Здесь главными экспертами выступали Оппенгеймер и Гровс, высказавшие много предположений о психологическом эффекте и о схеме бомбометания. Сошлись на том, что будут сброшены одна за другой две бомбы. Зашла речь и об объектах, по которым предполагалось нанести удары. Стимсон сказал, что следовало бы исключить из их числа гражданские объекты. Конант уточнил: лучшим объектом мог бы стать военно-промышленный центр, но обязательно окруженный жилыми кварталами. Предложенная формулировка всем показалась удачной. Назавтра Бирнс подытожил дискуссию: “Признавая, что окончательный выбор объекта является преимущественно делом военных, комитет считает, что бомба должна быть сброшена на Японию как можно скорее; она должна быть сброшена на военный завод, окруженный жилищами рабочих; атомная бомбардировка должна быть произведена без предварительного предупреждения”¹².

6 июня Стимсон проинформировал Трумэна об итогах работы Временного комитета. Решение сохранить в секрете от Советского Союза сведения о бомбе до того момента, пока она “не будет успешно сброшена на Японию”, было подтверждено. А дальше Стимсон убедился, что каждый свой шаг президент увязывает с графиком Оппенгеймера–Гровса. Он услышал также из уст Трумэна новость,

которую ждал давно: президент сказал ему, что настоял на созыве конференции в Потсдаме не ранее 15 июля, “дабы мы (создатели атомной бомбы. – В.М.) получили дополнительное время”¹³. Стимсон затронул и еще одну проблему чисто технического порядка, но имевшую прямое отношение к планируемым атомным ударам. Обычные бомбардировки велись американцами с такой нарастающей силой и убийственной методичностью, что на их фоне, как считал военный министр, эффект от атомных ударов мог оказаться смазанным. Трумэн, усмехнувшись, с ним согласился: что ж, мощь американских ВВС, оснащенных даже обычным вооружением, вышла на небывало высокий уровень. Но военный министр не был расположен разделить с президентом его бодрое настроение. Цена этой демонстрации воинской удали могла быть столь велика в пересчете на человеческие жизни, что легко поддавалась сравнению с преступлениями Гитлера. Старый политик явно был смущен тем, что стал свидетелем погребения своей концепции, содержащейся в меморандуме от 25 апреля, и подмены ее другой, которая оправдывала гонку атомных вооружений. Очень трудно оказалось убедить себя в том, что мир поверит в искренность намерений Америки поставить атомное оружие вне закона после того, как оно будет внезапно использовано против ни в чем не повинных людей, и было совсем непохоже, что Трумэна занимали подобные же мысли. Военный министр и президент теряли контакт, расходясь в моральном аспекте решения о военном применении бомбы. Стимсон придавал этому большое значение, Трумэн – второстепенное.

Мучительные шаги к той последней черте, за которой предстояло выбирать цели атомных бомбардировок, Стимсон вынужден был делать в тот момент, когда японцы предпринимали настойчивые попытки добиться от СССР согласия стать посредником в переговорах о мире с США. Об этом Сталин сообщил во время встречи в Москве Гопкинсу. А в начале июня Стимсон получил от оперативного отдела военного министерства доклад, в котором утверждалось, что, подобно немцам, японцы продолжают сопротивление только в надежде добиться капитуляции на приемлемых для себя условиях, хотя их положение безнадежно¹⁴. Разведданные говорили о том, что японцы находились на пределе своих возможностей, обреченность сквозила и в метаниях японского правительства, и в полнейшей утрате инициативы командованием вооруженных сил Японии. Сам собой напрашивался вывод: обещание сохранить императору трон в сочетании с заявлением Советского Союза о вступлении в войну с Японией и продолжением обычных бомбардировок могло в кратчайший срок привести к окончанию военных действий. Было над чем задуматься.

Вскоре же опасения в отношении безупречности принятых Временным комитетом решений усилились. Существенную роль сыграла в этом их критика со стороны представителей той “школы мыш-

ления”, которую сам Стимсон относил к категории “интернационалистов”, т.е. сторонников оповещения Советского Союза о работах по программе атомных исследований и привлечения его к коллективной разработке системы международного контроля. Наиболее обстоятельно и авторитетно альтернативная точка зрения прозвучала в докладе семи крупнейших ученых, работавших в так называемой Металлургической лаборатории при Чикагском университете и тесно связанных с исследованиями в области применения атомной энергии как в мирных, так и военных целях.

Комиссия во главе с лауреатом Нобелевской премии Джеймсом Франком (в нее входили Сциллард, биохимик Рабинович и др.) в начале июня подготовила доклад, в ряде моментов перекликавшийся с позицией Оппенгеймера и Маршалла, высказанной ими на открытии заседания Временного комитета 31 мая. Однако своей аргументированной и бескомпромиссной критикой концепции “первого удара” чикагские ученые создали своеобразную и совершенно новую ситуацию. Отныне еще до испытания атомного оружия в распоряжении администрации имелись две имитационные модели. Авторство одной из них принадлежало Временному комитету. Альтернативный вариант был творением независимых экспертов, в высочайшей компетентности которых не мог сомневаться ни один из членов Временного комитета. Увы, для Стимсона именно это и создавало главную трудность и неудобство.

Фундаментальные послышки “доклада Франка” несли в себе все элементы открытого вызова той общей постановке вопроса, которую обсуждали в кабинете Стимсона 31 мая. Суть дела состояла не в том, “бросать или не бросать бомбу на Японию”. А какими должны быть “условия, делающие международный контроль в наибольшей степени реальным”, – вот что находилось в фокусе внимания авторов доклада, обеспокоенных тем, что “атомный сюрприз” взорвет вместе с японскими городами надежды на мирное будущее, на продолжение Союза трех. “Способ, – писали они, – которым это новое оружие будет продемонстрировано миру, существенным образом определит будущий ход событий”. Во вступительной части они все же в духе известных идей Бора и Эйнштейна изложили свое понимание ответственности ученых, напомнив коллегам во Временном комитете (состав его был засекречен) об их моральном долге. “Но в наше время, – говорилось в докладе, – мы обязаны занимать более активную позицию, так как успехи, которых мы достигли при исследовании атомной энергии, чреватые опасностями несравненно большими, чем все прошлые изобретения. Каждый из нас – а нам хорошо известно состояние атомной науки в настоящее время – постоянно мысленно представляет себе картину внезапного разрушения, грозящего нашей стране катастрофой, подобной Пёрл-Харбору, но в тысячу раз более ужасной”¹⁵.

Следующее положение доклада являлось поистине образцовым анализом-прогнозом тех международных последствий, которые по-

влечет за собой атомная бомбардировка Японии, спланированная в расчете на внезапность и, следовательно, на максимально высокую степень поражения мирного незащищенного населения крупных городов: “Если мы рассчитываем в качестве нашей главной цели на международное соглашение о предотвращении атомной войны и верим, что оно достижимо, то такой вид демонстрации атомного оружия может подорвать все наши шансы на успех. Россия и даже союзные нам страны, которые испытывают не такое серьезное недоверие по отношению к нашим намерениям и методам, а также нейтральные страны будут глубоко потрясены. Может оказаться очень трудным убедить мир в том, что страна, которая оказалась способной тайно изготовить и неожиданно обрушить на головы людей оружие, столь же неразборчивое, как и немецкие самолеты-снаряды, но в миллион раз более разрушительное, заслуживает доверия к декларируемому ею стремлению владеть таким оружием при наличии международного соглашения, запрещающего его применение”.

“Чикагская семерка” во главе с Франком и Сциллардом предусмотрела и “мягкий” вариант ответа на возражения тех, кто хотел “расшлепать” Японию в отместку за агрессию и в назидание будущим поколениям: “Если же полагать, – говорилось в докладе, – что шансов договориться сейчас об эффективном контроле крайне мало, то не только применение этого оружия против Японии, но и простая демонстрация его раньше времени противоречат интересам нашей страны. Отсрочка такой демонстрации в данном случае даст преимущество, ибо задержит на максимально длительный срок развязывание гонки вооружений. Если же правительство приняло решение продемонстрировать в ближайшее время атомное оружие, то ему следовало бы прислушаться к голосу нашей общественности и общественности других стран, прежде чем решиться применить это оружие против Японии. В этом случае и другие нации разделили бы с нами ответственность за столь роковое решение”¹⁶.

Как видим, доклад Франка–Сцилларда (окончательная редакция доклада принадлежала Сцилларду) шел дальше известных предложений Бора, он предполагал активное участие (еще на стадии завершения работы над атомной бомбой) в определении “правил обращения” с этим оружием, помимо США, других стран и коллективную их ответственность за выбор того или иного варианта его использования в войне против Японии. Еще раз была подтверждена показавшаяся Черчиллю утопичной до безумия мысль, что никакие выгоды от опережения в гонке за атомным превосходством не идут в сравнение с теми преимуществами для человечества в целом, которые даст отказ от такой гонки.

“Чикагская семерка” предсказывала углубление взаимного недоверия между Россией и США, чьи отношения неизбежно должны были войти в фазу открытой конфронтации с непредсказуемым финалом. России, говорили они, потребуется всего три или четыре го-

да, чтобы нарушить атомную монополию Америки. Президент и его ближайший советник, Бирнс, напротив, все свои ожидания связывали с побочным и длительным устрашающим действием атомных бомбардировок на Москву. Ударная волна от взрывов, как предполагалось, должна была сделать ее покладистее в переговорах надолго вперед и научить Сталина не переоценивать своих возможностей в Европе и на Дальнем Востоке. Ученые из Чикаго полагали, что демонстрация (без военного применения) атомной бомбы могла бы стать для политиков мощным стимулом к реализации невооруженного потенциала мира в международном сообществе, заменив старые приемы разрешения споров и конфликтов иными – соответствующими характеру эпохи и возникшей глобальной угрозе существования цивилизации. Политики в Вашингтоне мыслили иными масштабами, измерить которые могло лишь то, что непосредственно открывалось воображению лидеров, сформировавшихся в условиях ожесточенных международных конфликтов и войн неустroенного, расколотого и предельно идеологизированного мира, где подозрительность, жестокость и цинизм соседствовали с надеждой построить стабильный мировой порядок на равновесии страха, на силовом противостоянии по крайней мере равновеликих по своим параметрам военных машин, оснащенных как атомным, так и обычным вооружением.

Альтернативный вариант был отклонен. Есть смысл, правда, говорить о вариантах, поскольку доклад Франка–Сцилларда и другие примерно аналогичные предложения постигла одинаковая участь. Джеймс Франк лично отвез доклад “чикагской семерки” в Вашингтон, где 11 июня вместе с Комптоном пытался вручить его Стимсону. Однако в Пентагоне помощник военного министра сказал им, что Стимсон находится вне города и, стало быть, встреча невозможна. В действительности министр не только никуда не уезжал из столицы, но и, как явствует из его же дневника, принял 12 июня еще одного сторонника “неформальной” точки зрения – судью Феликса Франкфуртера. Последний вновь пытался убедить Стимсона поддержать идеи Н. Бора, но в ответ ничего, кроме снисходительных слов в адрес “великого датчанина”, не услышал¹⁷. 18 июня уже Х. Банди предпринял еще одну попытку добиться встречи Бора со Стимсоном, и снова – безрезультатно. Ответ был предельно кратким – “нет”¹⁸.

Возможно, категоричность Стимсона, словно позабывшего о своем меморандуме от 25 апреля, объяснялась тем, что 16 июня он получил из Лос-Аламоса секретное заключение научного совета Временного комитета на доклад Франка–Сцилларда, подписанное Оппенгеймером от имени группы научных консультантов, в которую, помимо него, напомним, входили Комптон, Лоуренс и Ферми. Невозможно восстановить, что предшествовало сочинению Оппенгеймером меморандума из 400 слов, положенного в основу тех дей-

ствий, которые были предприняты правительством США в дальнейшем. Никаких следов той напряженной дискуссии, которую вели четверо ученых в звуконепроницаемом кабинете Оппенгеймера, не осталось. Ясно только одно: хозяин кабинета был настроен самым решительным образом – никаких упреждающих демонстраций, бомба должна быть сброшена на цель в Японии без предварительного предупреждения, внезапно.

Долгое время считалось, что оппонентов у научного руководителя Манхэттенского проекта не было. Как будто бы только поведение Э. Лоуренса выдавало его подавленность и моральный разлад с самим собой. Но вот в 1983 г. Анна Вильсон Маркс, секретарь и доверенное лицо Оппенгеймера, обнародовала то, чем поделился с ней патрон после секретного заседания 15 июня. Она узнала тогда, что обычно неразговорчивый Ферми оказал Оппенгеймеру наиболее упорное сопротивление. Он настаивал поначалу на том, чтобы не рекомендовать военного применения бомбы и максимально долго удерживать ее в секрете, всячески оттягивая момент превращения “изделия” в орудие войны¹⁹. Дебаты заняли немало времени, но в итоге Ферми сдался, и консенсус был достигнут. Можно ли его назвать в полной мере добровольным, сказать трудно. Но строки меморандума Стимсону, названного “Рекомендации о немедленном применении атомного оружия”, несут на себе печать волевых усилий Оппенгеймера. Доклад Франка-Сцилларда, повидимому, послужил раздражителем для “отца атомной бомбы”.

По сути, Оппенгеймер воспроизвел на бумаге и придал законченную форму тем выводам, к которым пришли участники делового ланча у военного министра в Пентагоне 31 мая. Водила ли его пером рука Джеймса Бирнса? Едва ли. Прямой связи здесь обнаружить нельзя. Скорее всего, Оппенгеймер в то время руководствовался внутренним убеждением, что иного решения просто нет. Он шел к нему через предельную поглощенность работой, через сомнения и опасности, жажду познания тайнства и жажду признания. Но по мере приближения к финальной стадии грандиозных работ у Оппенгеймера росло еще и ощущение великой цели – стремление дать для пополнения военного арсенала американской демократии оружие такого рода, которое сделает ее в условиях нестабильного мира непобедимым бастионом, способным выстоять в любой войне и сокрушить любого противника. В сознание ученого глубоко запали рузвельтовские слова из личного послания президента к нему, датированного еще 29 июня 1943 г.: “Что бы враг ни замышлял, американская наука должна быть готовой отразить его вызов равным по силе ответом”²⁰. И в 1945 г. этот призыв, в представлении Оппенгеймера, не только не утратил злободневности, но и приобрел значение императива. Ученый разделял его и не видел оснований изменять ему. Не противоречат этому и сделанные им заявления о желательности привлечения Советского Союза к обсужде-

нию в будущем вопроса о создании системы международного контроля над атомным оружием.

Неудивительно, что “Рекомендации о немедленном применении атомного оружия” Оппенгеймера сочетали в себе черты многих предложений, в которых так или иначе ставился вопрос о будущем сотрудничестве двух стран в области атомной энергии, с чисто военным аспектом, заданным самой темой экспресс-анализа, выполненного по поручению президента научными консультантами Временного комитета.

В первом же пункте документа выдвигалось предложение “до использования оружия” поставить в известность о нем “не только Англию, но и Россию, Францию и Китай”, а также попросить эти страны высказать идеи о “взаимодействии с целью превращения результатов, полученных в этой области, в инструмент улучшения международных отношений”. Далее в “Рекомендациях” излагались различные подходы к проблеме использования атомной бомбы, включая и тот, к сторонникам которого авторы документа причисляли и себя: применение бомбы против Японии спасет жизни американских солдат и будет одновременно служить целям улучшения международной политики в послевоенном мире (теория страха перед абсолютным оружием как фактора, исключающего войну в качестве средства политики). “Общественный просмотр” экспериментальных взрывов отвергался как бесполезный. “Мы не видим никакой приемлемой альтернативы прямому военному применению атомного оружия”, – говорилось в документе²¹.

18 ИЮНЯ 1945 ГОДА: НАЧАЛО АТОМНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Итак, санкция научных корифеев, авторитет которых оставался непререкаемым, была получена. Все, что произошло дальше, принадлежит к числу тех удивительных страниц в истории принятия решения о военном использовании бомбы, которые раскрывают ее скрытый от глаз, острейший психологический подтекст. 18 июня на военном совещании у Трумэна во время обсуждения вопроса о намеченной на 1 октября 1945 г. десантной операции “Олимпик” (высадка на о-ве Кюсю), о чем докладывал генерал Маршалл, внезапно всеми присутствовавшими овладело странное и непонятное стеснение. Поочередно выступавшие участники совещания тщательно обходили тему атомной бомбы, хотя среди них уже не было ни одного, кто не знал бы о Манхэттенском проекте. Президент также смолчал о том, что в арсенале вооруженных сил США в ближайшее время окажется универсальное оружие, способное радикально изменить план операции, а может быть, даже отменить ее. Что это было? Дань осторожности? Едва ли. Просто никто из сидевших тогда в

Овальном кабинете не хотел войти в историю чудовищем Франкенштейном, пожирающим тысячи живых существ. Нужно было сделать решающий шаг, однако никто из высших военных чинов и присутствующих политиков не видел достаточных оснований взять на себя инициативу.

Жребий пал на Макклоя, человека сугубо штатского, но авторитетного помощника военного министра, обычно представлявшего Стимсона там, где требовались согласования с военно-промышленным комплексом и увязки с другими ведомствами, в частности с госдепартаментом. Характерно, что и его мнение прозвучало как бы вне протокола, когда совещание в сущности закончилось. Впрочем, и здесь присутствовал элемент случайности по той простой причине, что Макклой мог и не быть приглашенным на высокое совещание 18 июня, не скажись накануне Стимсон больным. Появление в Овальном кабинете старого государственного деятеля было неожиданным. Для всех. Но не для самого Макклоя. Здесь не обойтись без отступлений и пояснений.

Генри Стимсон, по-видимому, испытал серьезное потрясение после 31 мая. Америкоцентризм Джеймса Бирнса не был чисто словесным экспромтом. Все понимали, что будущий государственный секретарь обнародовал принципы новой внешнеполитической доктрины, базирующейся на опережающие все остальные страны достижения в ядерной физике и производстве атомного оружия. При таком подходе мораль и право становились элементами второстепенными, самодовлеющее значение обретала идея перманентного сохранения абсолютного превосходства в новейших средствах массового поражения. Бирнс с предельной ясностью выражал свои (свои ли?) убеждения и, в отличие от Рузвельта, не заботился о том, чтобы “скруглить” формулировки, сделать их более приемлемыми для партнеров. Правда, часть политиков и ученых эти новые идеи пока воспринимали отвлеченно. Атомное оружие еще не стало реальностью, поэтому вопрос, какую роль оно будет играть во внешнеполитической стратегии, оставался для них открытым. Напротив, военным деятелям предстояло решать стоявшую перед ними практическую задачу буквально завтра, именно на их плечи ложилась тяжелая ответственность за то, что произойдет с сотнями тысяч людей в японских городах, которым предстояло испытать на себе силу нового оружия накануне конца военного лихолетья. Сказать, что в Пентагоне были готовы идти напролом, не видя и не чувствуя, что, применив атомную бомбу против мирного населения, Вашингтон рискует изменить *характер* войны, было бы неверно.

Еще в 20-х числах мая генерал Маршалл обсуждал этот вопрос со Стимсоном в его кабинете. Присутствовавший при этом Макклой предусмотрительно зафиксировал сказанное Маршаллом в специальной записке “для истории”. Он сделал это с согласия самого Маршалла, а Стимсон засвидетельствовал совершение этой многозначи-

тельной записи. По существу, проговаривался вариант, который мог оказаться главным при принятии решения. “Генерал Маршалл, – говорилось в записке, – заявил, что это оружие (атомную бомбу. – *В.М.*) следует вначале использовать против исключительно военного объекта, такого, как крупная военно-морская база, а затем уже, если не будет достигнут окончательный результат (т.е. капитуляция Японии. – *В.М.*)... нам следует определить несколько крупных промышленных зон, которые населению настоятельно предложат покинуть, а японцам будет сказано, что их уничтожат. Конкретных указаний, какая зона подвергнется бомбардировке, сделано не будет, а потому японцы не смогут узнать, где все это произойдет. Следует назвать несколько зон, удар же произвести через короткий промежуток времени”. Маршалл подчеркнул моральное значение такого упреждающего заявления в адрес японцев: “Все усилия следует приложить к тому, чтобы наша репутация в части предупреждения была безупречной, – гласила запись Макклоя. – Мы должны возместить посредством такого предупреждения непоправимые потери, которые могут стать результатом нерасчетливого использования атомного оружия”²².

По всему видно: то, чему с согласия генерала Маршалла Макклой придал форму служебной записки, все три участника беседы рассматривали как свидетельское показание на суде истории. Никому не хотелось оказаться военным преступником, совершившим акт геноцида, хотя частная беседа, пусть даже в кабинете военного министра, никого не могла скомпрометировать. Макклой среди трех менее всего был подвержен комплексам.

Но вернемся к обсуждению вопроса о десантной операции на о-ве Кюсю 18 июня в кабинете Трумэна. Генерал Маршалл нашел достойный выход из положения, уклонившись от рассуждений на тему “атомного варианта”, дав всем понять, что не военным чинам следует принимать политические решения. Сделав доклад, генерал сел, тяжелым взглядом обвел присутствовавших, как бы говоря: “Чей черед?” И каждый следующий говорил об арифметике потерь и о сроках операции “Олимпик”, явно не укладывавшихся в политическое расписание: в 1946 г. предстояли промежуточные выборы в конгресс, и оппозиция – Республиканская партия – готовилась воспользоваться возможным удлинением сроков войны на Тихом океане и, конечно же, большие потери были бы ей на руку. В этом варианте возникал еще один фактор – перспектива усиления позиции СССР в регионе.

Когда очередь дошла до Стимсона, он произнес что-то невнятное о возможности натолкнуться на стойкое сопротивление японцев, могущее закрыть путь к скорой победе, а следовательно к решению всех стратегических задач по исключительно американскому плану. Все высказались в том же духе. И вот наконец-то Макклой. Как в детской игре в считалочку, президент, повернувшись к за-

местителю военного министра, попросил его (Макклой замыкал “опросный лист”) назвать решение, альтернативное тому, о котором шла речь в докладе Маршалла, – высадке американских солдат на островах Кюсю и Хонсю с предполагаемой потерей от 25 до 45 тыс. убитыми за первый месяц боев. Поймав “разрешающий” взгляд Стимсона, Макклой заговорил о реальной альтернативе неудачному повторению высадки американцев на Окинаве в апреле 1945 г. Ею могла быть только атомная бомба. Макклой говорил именно о ней, хотя и не называл “по имени”. Все и раньше других Трумэн оживился, как бы благодаря Макклою за то, что он позволил им, сбросив тяжелый груз, поразмышлять о том, что сулило быстрый успех²³.

Сделаем снова небольшое отступление и зададим вопрос: почему именно Макклой, долгое время не принимавший непосредственного участия в атомных делах, вдруг в кульминационный момент принятия решения по Японии оказался “на виду”, разъясняя военным специалистам, какими “другими методами”, помимо обычных, обладают Соединенные Штаты для того, чтобы в один миг поставить точку в войне? Во-первых, для Трумэна совещание 18 июня давало своего рода возможность глубокого зондажа позиции военной верхушки, часть которой еще пока не поверила в реальность достижения “бескровной” победы, считая Манхэттенский проект “сплошным надувательством”, другая – боялась отрицательно повлиять на боеспособность войск, возбуждая ложные надежды разговорами о “спецоружии”, третья испытывала моральный дискомфорт. Во-вторых, Трумэн неспроста вызвал Макклоя на откровенность. Макклой уже высказывал свои мысли в беседах с Грю, к тому же у него “в запасе” имелось немало и других соображений. В целом же Макклой был решительнее настроен в отношении применения атомной бомбы, нежели Стимсон, хотя и обставлял его рядом существенных оговорок.

Когда предварительно (17 июня) Стимсон и Макклой обсуждали общую позицию на предстоявшем совещании у президента, Макклой предложил рекомендовать президенту направить Японии ультиматум с требованием капитуляции, одновременно обещая сохранить в стране конституционную монархию. Послание должно было содержать угрозу применения атомной бомбы в случае отклонения ультиматума. Таким путем США могли обеспечить себе прочные моральные позиции, даже если придется применить бомбу. С этого Макклой и начал свой монолог, подчеркнув, что по моральным соображениям послание президента должно содержать предупреждение о применении бомбы на случай, если японцы попробуют затеять игру в обмен дипломатическими нотами и затянуть время в расчете (кто знает?) на какие-то существенные уступки или обстоятельства.

Вот эта часть предложения заместителя военного министра вызвала протест и негативные комментарии (только Леги одобрил идею “политического заявления”). С какой стати платить японцам

вежливостью за разбойное нападение на Пёрл-Харбор? Секретность. Скрытность. Внезапность. Эти преимущества не могут быть разменяны на стародавние и к тому же плохо вяжущиеся с тотальной войной понятия чести и человеколюбия. Трумэн, подытожив разноголосый хор “проснувшихся” оппонентов Макклроя, попросил его подготовить проект ультиматума, но без упоминания о бомбе. Японцы не должны ни о чем знать. Таким образом Военный совет решил стоящую перед ним сверхзадачу. Концовке войны на Тихом океане предстояло стать акцией устрашения реального и возможного противника. Оружие массового поражения, еще не родившись, превращалось в оружие возмездия и сдерживания, хотя этот термин еще и не был изобретен.

Таким довольно странным способом было предрешено военное использование (без предупреждения!) атомной бомбы против Японии. Недостатка в идеях не было, но верх взяла та, которая целиком была замкнута на чисто военных целях. Политика как бы была исключена вовсе. Контрпредложение о введении нравственного коэффициента при планировании и осуществлении акции возмездия с применением атомного оружия было выдвинуто, собственно, только для того, чтобы быть отвергнутым. Но сделано это было не единолично президентом, а всем высшим ареопагом армии и флота в присутствии главнокомандующего. Почему не было рассмотрено предложение Маршалла? Только ли по соображениям военно-тактического характера и из стремления использовать фактор внезапности? Очень трудно ответить на эти вопросы. Мы не знаем и никогда не узнаем до конца, чем руководствовался Трумэн, демонстративно отказавшись в присутствии военных говорить о международных аспектах атомной проблемы. Нельзя исключить, например, его настороженности в отношении все еще влиятельных (особенно среди специалистов в области военного планирования) изоляционистских, чисто оборонительных настроений. Глобальная направленность концепции национальной безопасности, обозначенная еще Рузвельтом и которую исповедовали Трумэн и Бирнс, могла натолкнуться на сопротивление все еще многочисленных почитателей так называемого континентализма – военной доктрины, исходящей из принципа достаточности таких военных усилий США, которые не выходят за рамки Западного полушария (за исключением крупных конфликтов вроде мировых войн)²⁴. В Белом доме не хотели дать повода к возврату их популярности.

В сущности, Трумэна после 16 и 18 июня уже не могли интересовать никакие другие экспертные решения и рекомендации. Когда 21 июня под председательством советника военного министра Джорджа Гаррисона (Стимсон, сославшись на недомогание, остался дома) собрался на последнее заседание Временный комитет, для Белого дома это имело уже чисто ритуальное значение. Итог его деятельности был вполне предсказуем: он проштамповал ре-

комендации Совета научных консультантов от 16 июня. Доклад Франка-Сцилларда не рассматривался. С предложением использовать атомную бомбу против Японии без предупреждения согласились, не открывая дискуссию. Коррекции была подвергнута лишь идея предварительного оповещения трех стран: России, Франции и Китая. Последние две было решено не упоминать. Главное внимание перенесено было на Советский Союз. По настоянию Буша и Конанта в решении Временного комитета в существенной части были воспроизведены идеи Бора, высказанные им ровно год назад, — о включении проблемы атомного оружия в контекст будущих советско-американских отношений, причем таким образом, чтобы проблема была повернута в сторону сотрудничества супердержав на благо мира и безопасности народов. В подходящий момент, говорилось в документе, президент США мог бы сказать руководителям Советского Союза, что вопрос об атомном оружии “где-то в будущем подлежит обсуждению, с тем чтобы поставить его на службу миру”²⁵.

В июне и до середины июля 1945 г. Трумэн окончательно остановил свой выбор на двойном решении. Придя без колебаний к выводу о необходимости применения атомной бомбы против Японии (чем скорее, тем лучше), он надеялся таким образом решить сразу несколько труднейших задач: во-первых, сделать ненужным дорогостоящее и рискованное вторжение на Японские острова, избежав больших потерь армии США в живой силе; во-вторых, обеспечить предотвращение вмешательства в войну в больших размерах (или полностью) Советского Союза, что неминуемо после капитуляции Японии привело бы к претензиям Сталина на особую роль на Дальнем Востоке и в Китае в частности; в-третьих, снять вопрос о переброске американских войск из Европы на Дальний Восток, т.е. обеспечить баланс сил на Европейском континенте и тем самым остановить дальнейшее распространение советского влияния.

Но испытание атомной бомбы (несмотря на почти абсолютную уверенность Стимсона в противоположном) могло окончиться и неудачей. На этот случай Трумэн предусмотрел сохранение в силе договоренности со Сталиным о вступлении СССР в войну с Японией. Этот запасной вариант Трумэн считал нежелательным, но, что поделаешь, ничто другое не могло гарантировать приближения окончания войны с Японией, если бы бомба не взорвалась. Все зависело, однако, от правильности определения степени риска столкновения с непредвиденными последствиями таких действий. Трумэн выбрал самый осторожный, спокойный и вместе с тем самый хитроумный план дипломатической игры. Он не торопил Сталина начинать войну против Японии, стремясь временно избегать любых шагов, которые заставили бы советского лидера встать в позу и разыграть собственные “японскую” и “китайскую” карты, воспользовавшись затруднениями США в момент подготовки к высадке десанта.

Миссия Гопкинса в Москву сняла многие проблемы. Трумэн также провел ряд важных встреч с китайским министром иностранных дел Сун Цзывеном, направлявшимся в Москву, внушая ему, что для США нет ничего более важного, чем видеть Советский Союз участником войны против Японии²⁶. Китайский дипломат, впрочем, не догадывался, что, помимо передачи приятных Сталину слов о верности США условиям Ялтинских соглашений, ему предназначалась роль упрямого спорщика, затягивающего переговоры по советским предложениям в связи с урегулированием отношений с Китаем до Потсдамской конференции. В этом им умело руководил в Москве посол Гарриман, четко уяснивший для себя сценарий Стимсона.

Дипломатические калькуляции накануне Потсдама захватили буквально все верхние эшелоны власти в Вашингтоне. Кристаллизация мнений и позиций политиков и групп экспертов проходила неоднозначно. Изломы в тактической линии Белого дома и выбор тех или иных решений уже в форме правительственных установок внешнеполитическим службам приводили к размежеваниям и разногласиям. Это затронуло дипломатов, военных и, конечно же, ученых. Доклад Франка–Сцилларда вызвал резонанс и в недрах Временного комитета, причем в довольно-таки драматических формах. Член комитета заместитель министра военно-морского флота Ральф Бард решил выйти из Временного комитета. Мотив – испытание и применение Соединенными Штатами атомного оружия только подтолкнул русских ускорить работу над собственной атомной бомбой и, стало быть, выведут на новый виток гонку атомных вооружений. Так же как и Маршалл, Бард был очень обеспокоен моральными последствиями для США атомной бомбардировки японских городов. “Ставка столь велика, – писал он в секретном меморандуме в связи с выходом из Временного комитета, – что существует настоятельная необходимость за два или три дня сделать предупреждение Японии... Это будет не только соответствовать моральному облику Соединенных Штатов как великой, человеколюбивой нации, но и справедливо по отношению к нашему народу... Возможно, предупреждение не возымеет действия, но что из того? Я не вижу, что мы что-то в этом случае потеряем”²⁷.

Немалых усилий стоило заместителю министра прорваться через частокор секретарей Белого дома к президенту. Можно было ожидать всякого, но Трумэн (предупрежденный заранее о визите Барда) продемонстрировал отменное самообладание, попав под водопад неотразимых доводов об аморальности внезапного атомного удара по мирному населению, в сущности, уже поверженной страны. В ответ он пообещал Барду серьезно обдумать предложение о предупреждении. Едва ли Бард мог верить президенту до конца, но слово главы государства чего-нибудь да стоило.

Психологические и международные аспекты проблемы отнимали все больше душевных сил и у Стимсона, навевая мрачные пред-

чувствия. Их источник – выходящий из-под контроля уже не только ученых, но и политиков процесс высвобождения адских сил природы, способных взорвать любой самый совершенный мировой порядок. 2 июля Стимсон был в Белом доме, чтобы передать Трумэну вариант обращения к народу в связи с планируемой атомной бомбардировкой, зачитать которое Трумэну предстояло не *до*, а *после* атомной атаки. Зашла речь о позиции членов Временного комитета, о России в связи с S-1, наверное, и о Барде²⁸. По записям в дневнике трудно судить, что еще конкретно волновало Стимсона в тот момент, но хронологическая последовательность событий подсказывает, что вопрос о том, какой из японских городов должен стать первым объектом внезапной атомной атаки, не мог остаться вне внимания собеседников. Более того, именно это неожиданно становилось приоритетной темой во всех рассуждениях вокруг международных аспектов атомной проблемы. Лично для Стимсона она обрела принципиальное значение. Попробуем объяснить это, а попутно также многое другое.

Доклад Франка–Сцилларда (который Стимсон, конечно, прочитал), поступок Барда, как и недвусмысленно выраженное многими высшими военными деятелями мнение о возможности принудить Японию капитулировать, прибегая к обычным бомбардировкам (генералы Арнольд, Эйзенхауэр), не могли бы произвести такого сильного впечатления на военного министра, если бы на повестку дня не встал вопрос о выборе конкретных целей для атомных бомбардировок, основных и запасных. В мае была сформирована специальная авиагруппа № 509 под командованием полковника Поля Тиббитса, воздушного аса, великолепно показавшего себя на опасных испытаниях новых Б-29. Пока парни полковника Тиббитса, не вполне отдавая себе отчет, к какой миссии их готовят, упорно тренировались в точном бомбометании, в Вашингтоне продолжались напряженные дискуссии по вопросу о том, какие японские города будут отданы на заклятие.

Первые прикидки были сделаны еще в декабре 1944 г. генералом Гровсом совместно с Тиббитсом. Их выбор пал на город, который не был разрушен обычными бомбардировками, – Киото. Миллионный Киото казался Гровсу очень подходящим объектом, поскольку его размеры позволяли рассчитывать, что вся разрушительная сила атомного взрыва придется на жилые кварталы и промышленные объекты, расположенные на значительной площади. Следовательно, КПД бомбы будет использован полностью, без остатка. На заседании специального Комитета по выбору цели, собиравшегося под председательством Гровса с участием Оппенгеймера и других ученых, Киото чаще всего фигурировал как кандидат номер один. За ним следовали Хиросима, Иокогама и Кокура.

“Привлекательность” Киото Гровс и другие члены Комитета по выбору цели связывали также с тем, что это был религиозный и интеллектуальный центр Японии, разрушение которого, как счита-

лось, должно было стать особенно чувствительным для японцев. И не только для японцев. Пепелище Киото и гибель его несчастных жителей, сметенных и сожженных заживо в огненном вихре атомного смерча, должны были обеспечить максимальный эффект от демонстрации на деле нового оружия: ожидали реакцию сострадания со стороны мировой интеллектуальной элиты в связи с гибелью ее японских братьев. Разрушения должны были вызвать вселенский шок и одновременно приковать внимание каждого, кто способен задуматься над тем, в чьи руки Провидение вложило меч возмездия. Однако увлеченные идеей достижения наивысшего эффекта, Гровс и другие члены комитета не осознавали, какой урон будет нанесен имиджу Америки в случае, если атомная бомба накроет город-легенду, древнюю столицу и религиозный центр Японии.

Стимсон вынужден был поправить генералов. 12 июня он настоял на том, чтобы Гровс посвятил его во все детали процесса селекции. Разного рода слухи доходили до военного министра, и он не хотел допустить никакой самодеятельности, способной нанести ущерб имиджу страны. Генерал Маршалл был приглашен присутствовать при этом показательном уроке рыцарской морали. В дружественном ему обществе начальника Объединенного комитета начальников штабов Стимсон потребовал у Гровса подробного доклада. Когда генерал добрался до главного, назвав Киото, Стимсон немедленно возразил: “Я не могу дать согласие бомбить этот город”. Спор был недолгим, хотя и напряженным. Гровс очень скоро понял, что военный министр давно обдумал свое решение и не изменит его. Маршалл дипломатично молчал. Так “дублер” Киото – Хиросима оказалась в списке первой. Стимсон в прошлом несколько раз посещал Киото, и город произвел на него огромное впечатление своим непередаваемым своеобразием и атмосферой утонченного величия. Но не только сентиментальные чувства старого государственного деятеля отвели угрозу гибели от древней столицы Японии. В сознании Стимсона возникла мысль, которую и он, и Рузвельт гнали от себя, считая ее отдаленным отзвуком внутренней борьбы, возникшей в душе после появления в Вашингтоне Нильса Бора в 1944 г. с его прозрачными намеками на бесчеловечность и аморальность внезапного применения оружия массового поражения преимущественно в целях психологического воздействия на противника – как реального, так и потенциального. Разделить славу Герострата, уничтожив дотла со всеми его обитателями культурный центр мирового значения, не имеющий серьезных военных объектов, Стимсону хотелось менее всего. И дело было не только в чисто гуманных соображениях. Он понимал, что уничтожение Киото мгновенно обнаружит отсутствие военной необходимости использования атомного оружия, мощь которого (это им было признано публично на заседании Временного комитета 31 мая) многократно превышала потребности обеспечения победы в завершавшейся войне.

Можно представить себе, как старый политик часто наедине с самим собой мысленно возвращался к своим последним беседам с Рузвельтом, стараясь найти в них подтверждение собственным взглядам и предчувствиям. Это было естественным побуждением. Все причастные к созданию атомной бомбы соизмеряли свои действия с предполагаемым поведением внезапно ушедшего из жизни президента, ища либо оправдания, либо осуждения принимаемым решением в потоке с железной последовательностью двигавшихся к роковой черте событий. Так поступали и Буш, и Оппенгеймер. Однако никто не мог знать достоверно общий замысел, если он вообще существовал. Каждый полагался на подсказки интуиции, нравственное чувство и метод экстраполяции (при Рузвельте поступали именно таким образом, следовательно, все дальнейшее поведение должно определяться прецедентом).

Характерно в этом отношении мнение Уильяма Парсонса, одного из ведущих конструкторов Манхэттенского проекта, в составе экипажа Б-29 участвовавшего в атомной атаке на Хиросиму. Возвращаясь к этому эпизоду в связи с усилившейся в конце 1946 г. в среде американской общественности и в печати тенденцией к переосмыслению вопроса о целесообразности бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, он писал журналисту Милтону: "Решение о создании военно-воздушной базы для специальных рейдов на о-ве Тиниан и определение принципов отбора японских городов в связи с выбором цели выкристаллизовались задолго до смерти Рузвельта. Как я полагаю, принципиальное изменение в ситуации сразу после смерти Рузвельта выразилось в стремлении президента Трумэна все эти вопросы вынести на тщательное рассмотрение группы ответственных людей, чей коллективный разум мог бы заменить интеллект Рузвельта. Конечно, невозможно определенно сказать, какой была бы реакция Рузвельта на результаты испытания атомной бомбы 16 июля, но вот поведение Черчилля после этого события вполне можно было экстраполировать, исходя из той политики, которой он следовал до испытания бомбы в штате Нью-Мексико и до бомбардировки Хиросимы. Потому-то вполне логично предположить, что реакция Рузвельта была бы точно такой же"²⁹.

Адмирал Парсонс сознательно допустил натяжки. Политика Рузвельта на заключительном этапе войны отличалась от той, которой отдавал предпочтение Черчилль. Но человека, вставлявшего при полете к Хиросиме детонатор в тело атомной бомбы, можно понять. Комплекс вины? Да, конечно, но не только это. Парсонс, чья карьера в Пентагоне после 1945 г. целиком была связана с перевооружением армии новыми видами средств уничтожения (главным образом атомным оружием), мыслил уже категориями "холодной войны". И решение Рузвельта создать военный арсенал, в принципе дававший США военное превосходство над любым противником, трактовалось им по преимуществу в свете той ис-

ключительно острой ситуации, которая сложилась в международных отношениях после войны. Напротив, Стимсон гнал от себя мысль, что трещины, обнаружившиеся в советско-американских отношениях, превратятся в непроходимые разломы, ликвидировать которые долго никто не сможет. Из своего мысленного общения с тенью Рузвельта Стимсон извлекал иную мораль, нежели Парсонс, менее склонный к рефлексии.

Итак, Стимсон решительно отверг предложение Комитета по выбору цели бомбардировать Киото, который нельзя было отнести к военным объектам без больших натяжек, что давало возможность обвинить США в геноциде. Гровс в воспоминаниях признал, что именно это соображение, а не второстепенные мотивы, заставило Стимсона быть непреклонным. “Во время дискуссии, – писал генерал, – он (Стимсон. – В.М.) рассуждал так: принимая подобное решение, нам следует исходить из той исторической роли, которую США должны будут играть после войны, поэтому (он был твердо убежден в этом) не следует допускать ничего такого, что помешает США играть эту роль”. И далее еще более самокритично: “Дальнейшие события показали всю дальновидность Стимсона. Однако, по-моему, он не предвидел, что большая часть обвинений, которых он так тщательно стремился избежать, будет исходить от американских граждан. После быстрого и отчасти внезапного окончания войны я испытал чувство облегчения по поводу своего поражения в этом споре, позволившего сильно уменьшить число жертв японского народа”³⁰.

Стимсон мог себя поздравить: он отыграл и выиграл важный раунд. Атомная атака на Японию была обеспечена моральным прикрытием, пускай символическим, но прикрытием. Выбор Хиросимы позволял говорить о ее военной целесообразности. В Америке (да и в мире) вообще мало кто знал о Хиросиме, а потому ее легко можно было изобразить в виде столицы военно-промышленного комплекса Японии. Дальше предстояло одолеть еще более высоко поднятую планку. По мнению Стимсона, в наставничестве нуждался сам президент, не искушенный в дипломатическом искусстве и излишне доверчиво полагавшийся на нового государственного секретаря Джеймса Бирнса, поверившего в какой-то момент в чудотворное значение атомной бомбы для американской внешней политики. Нет, конечно, Трумэн не был так прост, чтобы целиком полагаться на своего давнего партнера и наставника по деятельности в сенате, но тревожная перспектива оказаться за одним столом с Черчиллем и Сталиным не вызывала восторга, подталкивая к лежавшему на поверхности решению (использованию в переговорах силового давления). В случае успешного испытания в Аламогордо такой способ развязки сложных дипломатических узлов казался Бирнсу самым подходящим. Твердость госсекретаря внушала уважение и вдохновляла. Находясь в политическом цейтноте, Трумэн явно склонялся к безальтернативному курсу в этом вопросе.

Опасаясь, что события примут именно такой оборот, Стимсон попробовал подступиться к этой деликатной теме в беседе с президентом 2 июля 1945 г., но, по-видимому, в этот день обстоятельного разговора не получилось. Будь оба собеседника расположены углубиться в поднятые ими вопросы, Стимсон поверил бы это своему дневнику. Сделанная же им короткая запись отразила сугубо предварительный характер обмена мнениями, всего лишь касание темы. На следующий день оба, президент и его военный министр, были настроены уже иначе. Один охотно слушал, другой охотно говорил, разворачивая подробную аргументацию и объясняя предложенную им схему-концепцию переговоров со Сталиным об атомном оружии. В ней учитывались все важнейшие моменты прошлого, настоящего и будущего советско-американских отношений, психологические и иные нюансы обстановки. Документы неопровержимо свидетельствуют: Стимсон исходил из возможности и необходимости добиваться эффекта внезапности в сочетании с таким балансированием у последней черты, которое, сохраняя инициативу в руках США, не подрывало бы вместе с тем основ сотрудничества США и СССР в усилиях по восстановлению и поддержанию мира. Военный министр считал, что эта сложная задача вполне выполнима при наличии воли, реализма и переговорного мастерства, которые Стимсон предполагал в президенте после удачно проведенной операции по созыву конференции “Большой тройки”, возвращения на сцену Дэвиса и Гопкинса и искусного оттягивания начала конференции до испытаний в Аламогордо.

О встрече Стимсона и Трумэна 3 июля нам известно из дневника военного министра в пересказе и с комментариями американского экономиста, историка и дипломата Герберта Фейса. Разговор велся вокруг одной темы – как и что следует сказать Сталину об атомном оружии на Потсдамской конференции. Фейс, литературно обработав запись Стимсона, облегчил понимание ее сокровенного смысла и сделанных военным министром предложений. Более выпукло оказались “прописаны” основные пункты беседы, четче обрисован важный подтекст – Советскому Союзу в ближайшей перспективе и на определенных условиях следует открыть доступ в “атомный клуб”. “Стимсон, – писал Фейс, – рекомендовал Трумэну быть очень внимательным и, как только он увидит, что Сталин настроен хорошо, немедленно повести с ним разговор в духе того меморандума, который Стимсон подготовил для президента совместно с Гаррисоном, – другими словами, сказать Сталину, что мы работаем, как черти, для того чтобы создать это новое оружие, что оно практически готово и что мы собираемся применить его против Японии. А вот если оно окажется эффективным, мы предлагаем Сталину вслед за тем начать переговоры с целью установить контроль над ним, обеспечив миру безопасность и устранив угрозу уничтожения цивилизации. Если, продолжал Стимсон, Сталин будет добиваться от прези-

дента детальной информации о характере нового оружия и способов его производства, Трумэн может ответить ему, что мы еще не готовы сообщить эти сведения.

Президент внимательно выслушал эти рекомендации и сказал, что рассматривает их как вполне приемлемые, помогающие найти решение вопроса. Фейс от себя в скобках добавил: “Здесь изложена линия, которой президент в основном следовал в Потсдаме”³¹. Удивительно! Как можно было просмотреть важное отличие того, *что* и *как* сказал Трумэн Сталину в Потсдаме, от того, *что* и *как* ему советовал сказать Стимсон. Слова о международном контроле над атомным оружием Трумэн пропустил мимо ушей, посчитав их, как показали последующие события, мало соответствовавшими обстановке.

Между тем Стимсон сознательно делал акцент именно на этом пункте, резонно полагая, что только таким путем удастся избежать неблагоприятной реакции Сталина или по крайней мере смягчить ее, открыв дорогу к переговорному процессу, а через него – к реальному контролю, устраняющему взаимный страх и недоверие. С каждым днем Стимсон становился все большим приверженцем именно такого синхронного действия (сочетание шокового эффекта с обещанием совместно с СССР искать противоядие от новой общей угрозы). А то, что он не стремился делать из этого большую тайну, наводит на дополнительные размышления. Во всяком случае, уже 4 июля на заседании Объединенного политического комитета в Пентагоне в присутствии англичан Стимсон внезапно (экспромт?) сделал заявление, которое почти слово в слово повторяло его монолог в Овальном кабинете Белого дома в беседе с президентом. Вот протокольная запись: «С. сказал, что его беспокоит то, как пройдет начальная встреча со Сталиным в Потсдаме. Его собственная позиция определяется тем, что через несколько недель после этой встречи последует атомная бомбардировка. Если на встрече ничего не будет сказано о “Тьюб аллойз” (создание атомного оружия. – В.М.), то в этом случае бомбардировка через короткий промежуток времени способна оказать очень сильное негативное влияние на добрые отношения трех союзных держав. Поэтому он посоветовал президенту внимательно следить за атмосферой на встрече. Если по другим вопросам проявится взаимная откровенность, тогда президент мог бы заявить, что в США проведена определенная работа в направлении использования атомной энергии в военных целях и что налицо значительный прогресс в этой области, позволяющий через короткое время применить это оружие, хотя и нет полной уверенности в успехе. Если все закончится успешно, тогда возникнет необходимость провести дискуссию о наилучших способах управления развитием в этой области в интересах всеобщего мира и для того, чтобы не дать атомной энергии стать орудием разрушения. Если Сталин попросит немедленно познакомить его со всеми существенными де-

талями, президент в этом случае мог бы сказать, что он в данный момент не готов сделать это»³².

Во всей истории подготовки американской дипломатии к Потсдамской конференции это заявление Стимсона на Объединенном политическом комитете – одна из самых загадочных страниц. Военный министр (в прошлом государственный секретарь США) вопреки собственным правилам оказался настолько словоохотливым, что в присутствии большой группы дипломатов и ученых, американцев и англичан, позволил себе открыто информировать собравшихся о содержании своей беседы с президентом. Неслыханная вольность для государственного деятеля с безупречной репутацией, чувством долга и ответственности, всегда предельно осмотрительного. Одно из объяснений может быть следующим. Стимсон уже 2 и 3 июля почувствовал холодок в отношении Трумэна к высказанной им идее контроля и участия в нем Советского Союза. Морально же он был связан решением Временного комитета от 21 июня, которое рекомендовало президенту (если он сочтет возможным) высказать идею рассмотреть “где-то в будущем” вопрос об исключении использования атома в военных целях. Да и в личном плане накануне решающих событий Стимсон был заинтересован четко зафиксировать свою позицию в тех вопросах, которые относились к его компетенции и от которых, возможно, зависело, быть или не быть цивилизации. Что бы ни подумал президент, об этом должно было стать известно тем, с кем Стимсон проработал рука об руку много лет, самых тяжелых лет, ставших кульминацией его примечательной во многих отношениях карьеры. История могла призвать к ответу, и публичная исповедь давала шанс избавиться от укоров совести (или смягчить их), которые каждый причастный к Манхэттенскому проекту ощущал по мере приближения “дня X”.

Итак, Стимсон высказался за неперемное сохранение нормальных отношений между союзниками, и именно в этом контексте рассматривал вопрос целесообразности или нецелесообразности оповещения русских на встрече в Потсдаме об овладении США новым видом оружия. В представлении Стимсона такой диалог президента со Сталиным никак не мог быть мимолетным, торопливым разговором “на ходу”, его следовало вести в доверительной, спокойной обстановке, что позволило бы обсудить в принципе и другой сложный вопрос – о будущей системе международного контроля. Военный министр не стремился выглядеть в собственных глазах пацифистом, он сам ожидал, что успешное испытание в Аламогордо даст важные преимущества американской дипломатии, но распорядиться ими следовало, по его мнению, в соответствии с формулой Рузвельта, проявив терпение и тактическую гибкость. Нет никаких свидетельств, что Стимсон торопил проведение испытаний “Толстяка” (взрывного устройства, размещенного на полигоне в Аламогордо) под кодовым названием “Троица”. Эту миссию целиком взял на себя Гровс, максимально ускоривший последние приготовления.

¹ NA. RG 59. General Records of the Department of State. Decimal File, 1945–1949. Main File, 1945–1949. Box 3428. 711. 61/7-1945. E. Durbrow to U.S. Embassy. July 19, 1945. 6 мая 1945 г. Накануне Дня Победы бывший вице-президент и один из самых верных сторонников Рузвельта, Генри Уоллес, сделал мрачную запись в дневнике, которая передавала смятение, испытываемое многими американцами, нашедшими себя вновь в предвоенной атмосфере: “Все больше и больше начинает казаться, что мы живем в психологической обстановке, способствующей нашему скатыванию к войне с Россией... Этого не должно быть. Просто невероятно, что наш народ вынужден двигаться к водовороту, за которым нас неизбежно ждет мировой коммунизм” (цит. по: *Culver J.C., Hyde J. American Dreamer: The Life and Times of Henry A. Wallace*. N.Y., 2000. P. 391).

² LC. Joseph E. Davies Papers. Box 17. Diary. Churchill Reverts to Type. May 26, 1945.

³ LC. William D. Leahy Papers. Box 20. *J. Davies to H. Truman*, June 12, 1945.

⁴ NA. RG. 59. General Records of the Department of State. Decimal File, 1945–1949. Main File 1945–1949. Box 3428. 711. 61/5-2945. H.L. Hopkins to the Secretary of State. May 29, 1945.

⁵ Цит. по: *Алпровиц Г.* Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам. М., 1968. С. 105.

⁶ NA. General Records of the Department of State. Box 3428. 711. 61/5-3145. A. Harriman to the Secretary of State. May 31, 1945.

⁷ *Алпровиц Г.* Указ. соч. С. 103.

⁸ *Alperovitz G.* The Decision to Use the Bomb and the Architecture of an American Myth. N.Y., 1995. P. 213, 214. О дебатах вокруг вопроса о достигнутом преимуществе в атомных вооружениях весной и летом 1945 г. см.: *Поллок Э.* Ошибки, вызванные эмоциями: представления американцев о возможности советских атомных разработок, 1945–1949 гг. // История советского атомного проекта (40-е–50-е годы). Труды международного симпозиума ИСАП-96. М., 2003. Т. 3. С. 200–206.

⁹ *Sherwin M.J.* A World Destroyed: Hiroshima and the Origins of the Arms Race. N.Y., 1987. P. 207.

¹⁰ *Shaffer R.* Wings of Judgment. American Bombing in World War II. N.Y., 1985. P. 128 ff.

¹¹ *Wyden P.* Day One: Before Hiroshima and After. N.Y., 1985. P. 161.

¹² *Sherwin M.J.* Op. cit. P. 209.

¹³ Yale University Library. Henry L. Stimson Diaries. Reel 9. June 6, 1945.

¹⁴ *Израэлян В.Л.* Дипломатия в годы войны (1941–1945). М., 1985. С. 414, 415; *Алпровиц Г.* Указ. соч. С. 111.

¹⁵ *Рузе М.* Роберт Оппенгеймер и атомная бомба. М., 1965. С. 65.

¹⁶ Цит. по: *Sherwin M.J.* Op. cit. P. 211; *Рузе М.* Указ соч. С. 66.

¹⁷ Yale University Library. Henry L. Stimson Diaries. Reel 9. June 12, 1945.

¹⁸ NA. RG. 77. Harrison – Bundy Files. Roll 2. Target 2. File 19. Bohr Dr. Neils. *H.H. Bundy to H.L. Stimson*, June 18, 1945.

¹⁹ *Wyden P.* Op. cit. P. 171.

²⁰ LC. J.R. Oppenheimer Papers. Box 62. *F.D. Roosevelt to Oppenheimer*, June 29, 1943.

²¹ *Sherwin M.J.* Op. cit. P. 304–305.

²² Цит. по: Wyden P. Op. cit. P. 159.

²³ Со всеми подробностями и с учетом доступных сегодня данных о совещании 18 июня рассказано в книге Г. Алпровица (см.: *Alperovitz G. Op. cit. P. 47–72*). Длительное время содержание этой части совещания скрывалось даже от высших правительственных чиновников. Показательно, что, кратко вводя в суть дела госдепартамент, проявлявший понятный интерес к происхождению Потсдамской декларации по Японии, Макклой в 1948 г. говорил только о том, что ответом всех военных руководителей, присутствовавших на совещании, на вопрос, каким путем можно было бы заставить Токио капитулировать, был один-единственный: вторжение (NA. RG. 59. General Record of the Department of State. Decimal File, 1945–1949. Main File 1945–1949. Box 3923. 740. 00119. Potsdam/9-848. Memorandum of Conversation. September 8, 1948. Subject: Origin of the Potsdam Proclamation). О той части совещания, на которой ему довелось стать возбудителем дискуссии об “атомной альтернативе”, Макклой умолчал.

²⁴ *Stoler M.A. From Continentalism to Globalism: General Stanley D. Embick, the Joint Strategic Survey Committee and the Military View of American National Policy during the Second World War // Diplomatic History. Spring 1981. Vol. 5. N 2.*

²⁵ *Sherwin M.J. Op. cit. P. 215.*

²⁶ The Houghton Library. Papers of Joseph Clark Grew. Conversation with Truman. June 14, 1945.

²⁷ Цит. по: Wyden R. Op. cit. P. 175.

²⁸ Yale University Library. Henry L. Stimson Diaries. Reel 9. July 2, 1945.

²⁹ LC. William S. Parsons Papers. Box 1. *Parsons to G.F. Milton*, Dec. 3, 1946.

³⁰ *Гровс Л.* Теперь об этом можно рассказать. М., 1964. С. 232.

³¹ LC. Herbert Feis Papers. Box 65. Memo: Issue of Warning (From July 2 to Potsdam). Биограф Черчилля Норман Роуз пишет об отношении премьера Англии к бомбе: «Алан Брук вспоминал реакцию Черчилля на известие о бомбе. Уинстон возликовал. “Он тут же нарисовал чудесную картину, в которой является единственным хозяином бомб и может сбрасывать их, куда хочет. Он всемогущ! Он диктует условия Сталину!”» (Роуз Н. Черчилль. Бурная жизнь. М., 2003. С. 408).

³² NA. RG. 77. Harrison – Bundy Files. Roll 9. Target 4. File 105. Minutes of Combined Policy Committee Meeting Held at the Pentagon. July 4, 1945. Объединенный политический комитет, работавший в Пентагоне, был одним из органов, который координировал военные усилия США и Англии. Представители Москвы в деятельности подобных органов управления не участвовали, что могло стать одной из причин раскола в “Большой коалиции”. Тем не менее раскола не произошло, хотя, как заметил генерал Маршалл после Ялты, «державы “оси” всегда строили свои планы в расчете на раскол союзников» (цит. по: *Союзники в войне, 1941–1945 / Отв. ред. А.О. Чубарьян, У.К. Кимболл, Д. Рейнолдс. М., 1995. С. 134*).

ПОСЛЕДНИЙ САММИТ И НЕ ТОЛЬКО...

“БОЛЬНОЙ ПРООПЕРИРОВАН СЕГОДНЯ УТРОМ...”

Испытания бомбы были намечены на середину июля, о чем, конечно же, было известно Трумэну, отбывшему 7 июля 1945 г. из Ньюпорта (Вирджиния) в Европу на борту крейсера “Огаста”. Напутствуемый советами Стимсона и внешне благосклонно им внимавший, Трумэн чувствовал себя несколько подавленным, как бегун перед решающим, финальным забегом, сулившим или главный приз, или безвестность. “Я хотел бы никуда не уезжать, — писал он накануне матери и сестре, — но я сделаю это, да к тому же ничего уже нельзя остановить”¹. Полученная накануне прибытия в Берлин информация от и.о. госсекретаря США Джозефа Грю о почти панических настроениях Черчилля в отношении судеб Европейского континента в связи с наступлением коммунизма не прибавляла оптимизма, усиливая упование на чудо преобразования в соотношении сил в Потсдаме после успешного испытания (сбудется ли?) в Аламогордо².

На борту “Огасты”, взявшей курс на Антверпен, и 16 июля в Берлине, куда Трумэн прибыл самолетом, он продолжал размышлять над всеми спорными вопросами, исходя из формулы, которая была согласована им с высшими военачальниками: участие Советского Союза в войне на Дальнем Востоке более чем необходимо, вынужденно необходимо. Ялтинские соглашения должны соблюдаться, хотя возможен и компромисс. Вся подготовка к конференции велась с опорой на этот постулат. Адмирал Леги и генерал Маршалл, не без скепсиса относившиеся к возможностям атомной бомбы, должны были обсудить с советскими военачальниками сроки и детали совместных военных операций. Следуя этой линии при первой же встрече со Сталиным, Трумэн проявил повышенный интерес к позиции Советского Союза в отношении открытия второго фронта против Японии. И 17 июля он записал в своем потсдамском дневнике: “Сталин вступит в войну с Японией к 15 августа”. А двумя строками выше президент отпускал комплименты советскому лидеру: “Я могу иметь дело со Сталиным. Он честен, но чертовски хитер”³. По всему чувствовалось, Трумэн с облегчением обнаружил, что СССР не будет саботировать (или тормозить) выполнение ялтинских договоренностей. Следовательно, война на Дальнем Востоке в любом случае не затянется, десятки и сотни тысяч жизней американских солдат будут сохранены.

Судя по записи в дневнике Трумэна от 17 июля, Сталин вел беседу в наступательном духе, который, впрочем, не смутил президента. Разгадка проста. 16 июля по специальному каналу связи из Вашингтона была получена знаменитая телефонограмма, составленная Джорджем Гаррисоном: “Больной прооперирован сегодня утром. Еще нет полного диагноза, но результаты нас устраивают и превосходят все ожидания...” Стимсон в Потсдаме немедленно познакомил с ней Трумэна, Бирнса и Черчилля. Вечером военный министр сделал новую запись в дневнике: президент “совершенно очевидно приободрился”⁴. Стимсон показал себя и на этот раз прекрасным диагностом. В этот же день, пересказывая беседу со Сталиным, Трумэн вложил в кончик пера всю удаль, на которую был только способен в самый трудный для себя день переговоров: “У меня тоже есть заряд динамита, но я сейчас не намерен его взрывать”⁵. Он обрел средство, а вместе с ним уверенность и жажду перехватить инициативу, чего бы это ему ни стоило. Опасавшийся Сталина Черчилль также должен был знать, что в англо-американском тандеме он, Трумэн, решительно берет на себя лидерство и не намерен пасовать перед авторитетом и славой премьер-министра. Опыт, незаурядные таланты и все прошлые заслуги должны уступить той власти над силами природы, которая способна надолго обезопасить западную цивилизацию (или, как говорил Черчилль, “все, что от нее осталось”) от грозного вала, надвигавшегося с Востока.

Эти доводы незримо присутствовали в беседе Трумэна и Черчилля за завтраком 18 июля. Они обсудили принципиальные стороны вопроса в свете успеха испытания атомной бомбы (Трумэн называл ее Манхэттен), включая и способ оповещения о нем Сталина. Между тем генералиссимус, сам того не ведая, вторгся в беседу своих партнеров, предварительно уведомив Черчилля о полученном им важном послании императора Японии, предложившем ему “положить скорее конец войне”⁶. Не сговариваясь, три лидера отклонили его, посчитав неприемлемым. У каждого для этого были свои мотивы. Черчилль не допускал и мысли об особой миссии России в послевоенном дальневосточном урегулировании. Сталин рассчитывал, вступив в войну, обеспечить выполнение тех задач, которые были зафиксированы в секретном Ялтинском соглашении по Дальнему Востоку. Трумэн руководствовался более сложной гаммой чувств. Он откровенно поведал дневнику: финалом войны должно стать применение атомного оружия, которое заставит Японию капитулировать, скорее всего, *до того*, как “Россия вступит в войну”⁷. Было бы упрощением воспринимать эту короткую запись как отказ от всякого альтернативного видения ситуации. Нет, Трумэн не отказался от прежнего плана – добиться от Сталина твердого обещания начать войну против Японии, но его и военных деятелей оценка необходимости присоединения Советского Союза к коалиционной войне на Дальнем Востоке с каждым днем по мере поступления ин-

формации от Гровса менялась, так как эта необходимость как бы утрачивала значение императива. Конечно, никто не мог заранее знать, как поведет себя первенец Манхэттенского проекта в боевых условиях, но возникало и крепло новое чувство решающего военного превосходства над противниками и союзниками, а вместе с ним желание поскорее сбросить путы, мешавшие действовать, сообразуясь исключительно с тем пониманием ситуации, которое отвечало прежде всего интересам национальной безопасности США.

21 июля в Потсдам специальным курьером был доставлен полный отчет Гровса об испытании атомной бомбы в Аламогордо. Результаты, констатировалось в нем, превзошли все ожидания. Энергия взрыва была эквивалентна взрыву от 15 тыс. до 20 тыс. тонн тринитротолуола. На большом расстоянии от места взрыва, говорилось в докладе, незрячая женщина увидела яркую вспышку. Кто мог представить себе что-либо подобное?

Президент и госсекретарь Бирнс испытывали необычайный подъем. Стимсон, взявший на себя приятную обязанность вручить Трумэну и прокомментировать отчет Гровса, так запечатлел их реакцию: "Доклад вызвал у них приподнятое состояние духа. Президент был невероятно оживлен и снова и снова обращался ко мне с вопросами, пока я находился рядом. Он сказал, что доклад Гровса вызвал в нем прилив совершенно нового чувства уверенности..."⁸. Накануне состоялась нелегкая дискуссия о том, как следует поступать с режимом Франко, о Югославии, Италии, предстояло обсуждение труднейшего польского вопроса, и тот заряд бодрости, который Трумэн получил в перерыве между дневным и вечерним заседаниями 21 июля, незаметно для его партнеров по дипломатическому фехтованию, образно говоря, увеличил длину его клинка вдвое. Как рассказывал потом Черчилль Стимсону, Трумэн на вечернем заседании демонстрировал по любому поводу твердость и наступательность.

Президенту было отнюдь не безразлично, как он будет выглядеть в глазах многочисленных журналистов, аккредитованных на конференции и недовольных окружавшей ее секретностью. Опасаться приходилось, конечно, не самих журналистов, а формируемого ими и настороженно ожидающего результатов конференции общественного мнения США. Регулярно и.о. госсекретаря Грю и его заместитель Маклиш направляли в Потсдам Трумэну и Бирнсу сводки американской печати и данные опросов. Таким образом, та роль, которую после 17 июля выбрал для себя Трумэн, в значительной мере была рассчитана на внутреннее потребление или, иными словами, чтобы угодить американской публике, которой следовало знать, что новый президент не пасует перед партнерами на переговорах и не даст провести себя, как это случилось с Рузвельтом в Ялте (так думали многие).

21 июля в Потсдаме получили из Вашингтона очередной конфиденциальный обзор американской печати. Он был послан

Маклишем на имя госсекретаря Бирнса и касался всех важнейших пунктов повестки дня конференции. Дальний Восток, война с Японией были представлены в обзоре наиболее выпукло, и мнение прессы по этому кругу вопросов было изложено Маклишем по вполне понятным причинам наиболее подробно и дифференцированно. Война на Тихом океане и роль в ней России, отмечал заместитель госсекретаря уже в разделе “Общие принципы”, все больше выдвигаются в центр внимания прессы, единодушно признававшей не только целесообразность участия Советского Союза в войне ради спасения жизней американских солдат, но и открыто говорившей о последствиях такого подключения Москвы к добиванию израненного зверя для послевоенного урегулирования на Дальнем Востоке. Сакраментальный вопрос: каковы цена присоединения России к войне и размер той доли влияния, которую Сталин получит в ходе послевоенного урегулирования в этом регионе? Обозреватели газетного концерна Скриппс-Говарда в один голос заявляли о “колоссальных ставках” русских, одно упоминание о которых задевало самолюбие американцев.

Трумэн, прекрасно понимавший, как сильно его все еще неустойчивый рейтинг зависит от мнения умеренно-консервативных и высокопопулярных изданий Скриппс-Говарда, внимательно вчитывался в соответствующие места мастерски подготовленного обзора Маклиша⁹. Эффект обратной связи всегда был важной чертой американской дипломатии, но, пожалуй, в потсдамской эпопее он проявился особым образом – непосредственно и почти мгновенно. Привычка видеть в прессе сурового и не всегда доброжелательного экзаменатора неожиданно преподнесла по-своему приятный сюрприз. В аналитическом обзоре Маклиша от 24 июля внимание президента обращалось на позицию консервативной “Нью-Йорк геральд трибюн”, которая в передовой оспаривала правоту тех, кто настаивал на пересмотре обязательств США по созданию международно-правовой базы сотрудничества с СССР, а заодно и на ревизии Ялтинских секретных соглашений по Японии. Уничтожение японского милитаризма газета рассматривала в качестве приоритета американской внешней политики, сохранение партнерства с Россией и Китаем – условием *sine qua non* в достижении этой цели¹⁰. Трумэн должен был почувствовать себя польщенным: он выбрал свой путь и, судя по всему, не обманулся в реакции американцев и слева, и справа.

Между 21 и 24 июля завершился окончательный переход Трумэна на новый стиль ведения переговоров. От скованности, зажатости ничего не осталось. Сталин и Черчилль почувствовали это уже вечером 21 июля при обсуждении вопроса о восстановлении дипломатических отношений союзников с новыми правительствами Румынии, Болгарии и Венгрии. Трумэн категорически отказался это сделать, пока они “должным образом” не будут реорганизованы, т.е. не освободятся от тисков советского влияния. В частных беседах (но

так, чтобы его все слышали) он говорил о желании закрыть конференцию и уехать домой. Черчилль, связанный по рукам и ногам греческой ситуацией, на первых порах дискуссии пытался играть роль медиатора, но, получив подробную информацию Стимсона о результатах испытаний в Аламогордо, круто поменял свою позицию. “С этого момента, – вспоминал он впоследствии, – все перспективы изменились, мы имеем дело с новым фактором в истории человечества и обладаем несокрушимой мощью”¹¹. Компромиссные варианты по Балканам, с которыми англичане приехали в Потсдам, были отброшены. “Позиция британского правительства в этом вопросе одинакова с позицией правительства США” – эту фразу, произнесенную Черчиллем в Цецилиенхофе, стали слышать чаще других.

В окружении президента вновь возникла мысль отказаться от подтверждения Ялтинского соглашения со Сталиным по Дальнему Востоку. Еще в мае заместитель госсекретаря Грю (бывший в 1931–1941 гг. послом США в Японии) предложил снять требование о безоговорочной капитуляции Японии, с тем чтобы добиться скорейшего прекращения войны на Тихом океане и тем самым избежать вступления в нее СССР. Но пойти на этот унижительный для американской дипломатии отказ от формулы Рузвельта Трумэн и Бирнс не хотели да и не могли. А продолжение войны против фанатичных японцев, по мнению военных специалистов, неизбежно ставило вопрос о пугающей цифре отданных ей солдатских жизней, а стало быть, и об участии Советского Союза в этой войне с одной-единственной целью – по возможности сократить потери в живой силе и не затянуть военных действий. Военные довольно долго относились к чудо-оружию прохладно и полагались больше на те расчеты, в которых Советскому Союзу предназначалось играть роль молоха, перемалывающего сухопутные силы японской армии. Одной из целей появления Трумэна в Потсдаме было желание услышать от Сталина подтверждение неизменности его позиции в отношении обязательств по секретному Ялтинскому протоколу.

Однако после 21 июля президент уже не стремился осуществлять дипломатический прессинг, добиваясь от Сталина новых заверений в готовности взять на себя часть бремени войны на Дальнем Востоке. Его больше интересовало, что скажут американские военные, если он вдруг даст понять Сталину, что уже не нуждается в его помощи и просит “не торопиться”. Президент через Стимсона запросил мнение председателя Объединенного комитета начальников штабов Маршалла, но тот, подтвердив в принципе возможность такого зигзага, уклонился от прямого ответа. По мнению Маршалла, советские войска уже сковали на границе Маньчжурии большие силы японцев, посему участие Советского Союза в войне с Японией фактически имеет место¹², любые новые меры ничего не изменят. Более решительно в пользу выключения СССР из игры “на выигрыш” был настроен Бирнс, который постоянно высказывал опасе-

ния, что можно напороться на требование Сталина платить дополнительные проценты по счетам в случае, если открытое вмешательство Красной Армии в события произойдет до капитуляции Японии и до применения атомной бомбы. Мнение Бирнса имело существенное значение, а предупреждение ряда американских газетных обозревателей о “непомерной цене”, которую придется уплатить русским за их участие в войне с Японией, заставляло Трумэна еще и еще раз обдумывать заключительные ходы в столь удачно складывавшейся для него дипломатической игре.

В голове Трумэна созрел собственный план. Пусть Сталин в прежнем темпе продолжает передислокацию своих войск на Восток, пусть своим чередом идет согласование планов военных операций. Подготовка и проведение атомных бомбардировок должны заставить врасплох не только японцев, но и русских, снизить риск натолкнуться на упреждающие широкомасштабные действия советского командования и таким образом сорвать замысел Сталина вклиниться в процесс мирного урегулирования на правах равного партнера. Так, изменив сценарий Стимсона, Трумэн пришел к выводу, что атомная бомба не должна стать предметом его специального разговора со Сталиным (возможно, с участием Черчилля). Все должно произойти как бы между прочим, в короткий интервал между заседаниями, вне расписания. Таким путем президент рассчитывал уйти и от темы дальнейшей судьбы атомного оружия, международного контроля над ним. Именно такому сценарию решил следовать Трумэн, а не тому, который предложили Стимсон и Временный комитет. Военные в меру сил помогали президенту осуществить на ходу возникший замысел.

Все шло по плану, с той только разницей, что акценты смещались в сторону признания реальной альтернативы автономных действий, хотя по-прежнему участие России в войне на Тихом океане оставалось центральным вопросом дипломатического обеспечения скорейшего военного разгрома Японии. 24 июля в 11 час. 30 мин. утра у Трумэна состоялось совещание с участием Черчилля, Леги и военных руководителей: Маршалла, Кинга, Арнольда, Б. Сомервелла, А. Брука, Ч. Портала, А. Каннингхэма и Х. Исмейя. Обсуждался доклад Объединенного военного командования о деталях вторжения на Японские острова. В одном из первых пунктов решения было ясно выражено намерение добиваться вступления СССР в войну против Японии¹³.

И самый пристальный наблюдатель не заметил бы колебаний в позиции американцев. Получив напутствие президента, высшие военные чины США во главе с адмиралом Леги проследовали в зал заседаний для встречи с советскими военными представителями, целью которой была координация планов войны против Японии. Первый же вопрос, который адмирал задал генералу А.И. Антонову, касался сроков вступления СССР в боевые действия. Антонов ответил,

что советские войска будут продолжать концентрироваться на границе с Манчжурией и что они окажутся готовыми к ведению военных операций широкого масштаба ко второй половине августа. Было названо число противостоявших Красной Армии дивизий: 20 японских и 20 маньчжурских. Встреча носила дружественный и конструктивный характер, все возникшие в ходе ее вопросы были решены¹⁴. Расставаясь, адмирал Леги, генерал Маршалл и адмирал Кинг, хорошо представляли себе, каким резервом времени располагают Гровс, Оппенгеймер и специальные подразделения ВВС США для подготовки операции “Выдвижной киль”. Все складывалось как нельзя лучше: из докладов Гровса явствовало, что первая атомная бомба могла быть сброшена летчиками полковника Тиббитса сразу же после 3 августа 1945 г. Генерал Антонов невольно подыграл режиссерам дипломатического спектакля.

Ключевая же сцена была разыграна у круглого стола в зале заседаний в Цецилиенхофе 24 июля 1945 г. примерно в половине восьмого вечера. Сохранилось свидетельство присутствовавшего при этом переводчика американской делегации, помощника госсекретаря Чарлза (“Чипа”) Болен, весьма возможно, полностью или частично посвященного в замысел Трумэна. Очень важно отметить, что Болен поделился своими воспоминаниями в качестве одного из двух “посторонних”, присутствовавших при этом разговоре, с Гербертом Фейсом, автором солидной статьи о Потсдаме, опубликованной в 1960 г., в которой тот касался различных обстоятельств беседы двух политиков. Болен посчитал нужным в письме Фейсу быть более откровенным, чем обычно позволял себе: “В отношении последней Вашей статьи могу сказать, что она превосходна... Однако я хотел бы обратить внимание на один момент, имеющий определенное историческое значение, который изложен недостаточно правильно. На странице 15 Вы пишете, что я был рядом с президентом, когда он сказал об атомной бомбе Сталину. Это не совсем точно, в роли переводчика выступал Павлов, переводчик Сталина. Как я себе представляю и как мне помнится, хотя и не могу припомнить никаких особых замечаний президента на этот счет, он хотел, чтобы сказанное им было воспринято как абсолютно непреднамеренная реплика, и поэтому, оставив меня, своего переводчика, позади, он приблизился к Сталину во время короткого перерыва или в конце заседания, с тем чтобы это сделать. Важно отметить, что не я переводил сказанное президентом и потому не слышал, что он говорил. Поэтому я никогда до конца не знал точно, в каком русском переводе реплика Трумэна дошла до Сталина. В целом Павлов был хорошим переводчиком, но ни в коем случае нельзя сказать, что он владел английским в совершенстве. Допустимо, что, если реплика президента была высказана в небрежной, неофициальной манере, она могла и не дойти полностью до Сталина. Это, конечно, всего лишь предположение, поскольку, как я уже писал, не слышал, что было

сказано. Таким образом, полностью эта беседа может быть воспроизведена только президентом Трумэном”¹⁵.

Фейс, историк и дипломат, превосходно умел читать между строк. Ему не нужно было объяснять, почему Болен отказался воспроизвести слова Трумэна, сказанные Сталину: в 1960 г. экс-президент был еще в добром здравии и мог заявить свои претензии Болену как нарушившему его, Трумэна, авторские права. Но, чтобы там ни произошло, характер “уточнения” очевиден: Болен прозрачно намекал, что президент, скорее всего, сам оказался объектом розыгрыша. Трумэну же хотелось представить Сталина публике эдаким простаком, ничего не понявшим из того, что ему было сказано, а потому должным образом и не отреагировавшим на услышанное. Получалось, что Сталин сам не захотел продолжения разговора, в ходе которого неизбежно бы всплыл и вопрос о международном контроле и, об участии СССР в “атомном клубе”, о совместной координации действий штабов, но уже в свете решения об использовании атомной бомбы против Японии. Всего этого Трумэн не хотел и потому, разговаривая со Сталиным, не произнес вслух слов “атомная бомба”. Президентская версия снимала с американской стороны ответственность за патовую ситуацию, возникшую в межсоюзнических отношениях в связи с атомной проблемой. В мемуарах президента мы читаем: в ответ на реплику Трумэна, что Соединенные Штаты располагают “новым оружием невиданной разрушительной силы”, Сталин “не проявил никакого заметного интереса”. Так стоило ли продолжать разговор?

Стимсон, Буш, наконец, Бор ломали голову, как дать знать Сталину, что США и Англия, храня секрет от союзника за семью печатями, к концу войны (точнее, после того как большая война уже закончилась) приготовили ему самый сногшибательный сюрприз, а между тем дело разрешилось само собой. Сталин бесстрастно выслушал это сообщение. «Все, что он сказал, – продолжал Трумэн, – это то, что он рад слышать об этом и надеется на “успешное применение его против японцев нами”»¹⁶. Черчилль, посвященный президентом в “дворцовый заговор” и находившийся поблизости, спросил Трумэна через пару минут: “Как все прошло?” – “Он не задал ни одного вопроса”, – последовал ответ¹⁷.

Это оказалось как нельзя более кстати: вплоть до самого конца конференции Сталин ни единым словом, ни намеком не выказал заинтересованности в сообщенном Трумэном. Как ни в чем не бывало он продолжал участвовать в дискуссиях, не меняя обычную линию поведения. Писатель и историк А. Авторханов сделал на этом основании несколько поспешный вывод: “...Сталин просто проспал радикальную революцию в мировой политике и дипломатии в результате появления термоядерного оружия... Трагизм положения в том и заключается, что на Сталина эта бомба действительно не произвела должного впечатления”¹⁸. Увы, трагизм положения заключался в

прямо противоположном. Наивно говорить о неосведомленности, дремучести Сталина, его невежестве в отношении новейшего оружия массового поражения: интенсивное развитие работ над атомной бомбой в Советском Союзе с 1943 г. это опровергает. Было ли кому подсказать Сталину, как велика роль этого оружия для международных отношений? Разумеется, было. Большая группа выдающихся ученых и организаторов промышленности (и среди них А.Ф. Иоффе, П.Л. Капица, И.В. Курчатов, М.Г. Первухин, Б.Л. Ванников и др.) была способна разъяснить советскому лидеру все относящиеся к делу принципиальные вопросы на систематической основе. Кстати, часто через голову Л. Берии это, “невзирая на лица” и руководствуясь только гражданским долгом, делал П.Л. Капица¹⁹. Дело как раз не в этом – не в непонимании страшной угрозы для страны и мировой цивилизации в целом в результате появления оружия массового уничтожения в руках у монополиста, могущего не устоять перед соблазном его применения. Более правильно говорить о том, что секретничание Трумэна и угрозы исподтишка, к которым президент прибегнул в Потсдаме, вызвали у Сталина обычный для него рефлекс враждебного окружения, побуждая к безудержному расходованию сил и средств на форсирование работ по созданию собственной атомной бомбы, а заодно и для закручивания гаек внутри страны.

ПРАВДИВАЯ ЛОЖЬ, ИЛИ МИР ВСТУПИЛ В НОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Наверняка догадываясь, о чем говорит Трумэн²⁰, Сталин не пожелал воспользоваться шансом для мирной контригры, немедленно завязав диалог по вопросу, который неизбежно должен был оказаться в центре повестки дня дипломатий обеих стран. Законен вопрос: стоило ли делать шаг вперед, переступая через амбиции и ущемленное самолюбие, на пути к большему взаимопониманию и договоренности? Много причин говорит в пользу положительного ответа на этот вопрос. Во всяком случае, советская дипломатия от такой открытости ничего бы не проиграла, а только выиграла; что же касается мирового общественного мнения, то оно также смогло бы по заслугам оценить готовность Москвы, приоткрыв завесу непроницаемой секретности, обсудить комплекс сложнейших вопросов послевоенного урегулирования в контексте мощного прорыва в тайны мироздания в результате открытия новых видов энергии. Сталин “не проспал” эту возможность, он сознательно ухватился за другую, приступив немедленно к разработке на свой манер “образа врага” как для внутреннего, так и для внешнего потребления. Ничто не могло так сильно подействовать на воображение советских людей, как страх перед гибелью от рук воинственной супердержавы, располагающей многократным превосходством в убойной силе в сравне-

нии с любым противником или даже коалицией враждебных ей стран²¹. Удивительно, но Трумэн не предполагал даже, что может столкнуться с явлением бумеранга в своем стремлении обеспечить эффект внезапности.

Любые гипотезы, вроде той, что президент все еще смотрел на атомное оружие лишь как на новый тип артиллерийского снаряда, должны быть отвергнуты. Он прекрасно понимал, чем грозит применение атомной бомбы против объектов, расположенных в городах или вблизи них. Общение со Стимсоном и Гровсом не прошло даром. Доклад последнего от 21 июля с математической точностью продемонстрировал колоссальный разрушительный потенциал атомного оружия. Скептицизм адмирала Леги и некоторых других военных чинов уже не мог оказывать серьезного влияния на президента, его уверенность в успехе была стопроцентной. 25 июля он поверил свои чувства дневнику: «Мы создали самую страшную бомбу в мировой истории. Она способна выжечь все, как это было предсказано в Священном писании о житие в долине Евфрата после Ноя и его знаменитого ковчега. В любом случае мы нашли способ расщепления атома. Эксперимент в пустыне Нью-Мексико увенчался, мягко говоря, потрясающим успехом. 13 фунтов взрывчатки вызвали полное разрушение стальной башни высотой шестьдесят футов, образовали кратер в 6 футов глубины и 1200 футов в диаметре, повалили стальную башню, расположенную в полумиле от эпицентра взрыва, и уложили на землю людей на удалении 10 тыс. ярдов. Взрыв был виден на расстоянии, превышающем 200 миль, и слышен в пределах 40 и даже более миль». Далее следовал пассаж, который дает ясное представление, сколь хорошо Трумэн мог судить о буквально вселенских масштабах разрушений, которые способно было принести использование атомной энергии нечестивыми руками агрессора или политического авантюриста. «Конечно, — продолжал он, — это благо для всего мира, что Гитлер или Сталин с их приспешниками не смогли открыть секрет атомной бомбы. Она выглядит как самое страшное оружие, когда-либо ставшее доступным человеку, хотя это оружие может оказаться и полезным»²².

В дневнике Трумэна нет ни слова о том, что ему важно было знать о реакции Сталина на то новое, что вторглось во взаимоотношения вчерашних партнеров по военному союзу после обмена репликами у круглого стола в Цецилиенхофе 24 июля. А вот госсекретарь Бирнс не скрывал в беседах с членами американской делегации и экспертами, что ожидает перелома в переговорах с русскими и проявления их большей уступчивости по всем важнейшим вопросам, включая и репарационный. Это так сильно смахивало на обычный шантаж, что бывший посол США в Москве Джозеф Дэвис не удержался сделать следующую запись в дневнике: «Этим утром имел продолжительную беседу с Джеймсом Бирнсом. У него все еще масса трудностей с репарационным вопросом (речь идет о

спорах с советской делегацией. — В.М.). Сообщение о деталях успешного испытания атомной бомбы, которое он только что получил, внушило ему уверенность, что Советы пойдут на соглашение в этом вопросе. Я ответил, что думать так — значит “подсчитывать за русских”. Я действовал бы в этой ситуации прямо противоположным образом»²³.

Однако опасения Дэвиса не оправдались. Вторая половина конференции проходила спокойно. Сталин не проявлял ни нервозности, ни замкнутости, которые могли бы свидетельствовать, что между ним и президентом пробежала тень или возникла некая невидимая стена, мешающая решению сложнейших вопросов, вынесенных на обсуждение. Резким диссонансом прозвучала лишь опубликованная 26 июля 1945 г. от имени США, Англии и Китая Потсдамская декларация, в которой три державы (не уведомив об этом СССР) призывали Японию принять условия безоговорочной капитуляции, но атмосфера и после демарша советских представителей, выразивших пожелание отложить опубликование декларации, существенно не изменилась. Заседания шли своим чередом. В последний день, 2 августа, Сталин даже назвал конференцию “удачной”.

Но и американская делегация, готовившая себя к провалу конференции, уже к 26 июля почувствовала, что ее мрачным ожиданиям не суждено сбыться. Более чем критически, даже враждебно настроенный к Советскому Союзу заместитель госсекретаря и член американской делегации Джеймс Данн 26 июля сообщал своему коллеге Маклишу в Вашингтон, что по многим признакам конференция увенчается “исключительным” успехом²⁴. Удивительно, но уже после того, как 21 июля Трумэн в корне поменял стиль своего поведения за столом переговоров — он приобрел наступательность, жесткость и неуступчивость, — ожидаемых срывов не произошло. Напротив, течение переговоров вошло в относительно спокойное русло, стало более устойчивым. Уход Черчилля после поражения консерваторов на выборах в Англии 25 июля также не вызвал осложнений. Трумэн в “утешительной” телеграмме пожелал премьер-министру долгой и счастливой жизни, не преминув очень серьезно посетовать на перст судьбы: «“Большая тройка” таяла на глазах. Из жизни первым ушел Рузвельт, затем политическое фиаско (весьма неожиданное) потерпел Черчилль. Не пришла ли очередь Сталина?». Оказалось, что этот вопрос занимал президента больше всего с точки зрения безопасности в Центральной Европе.

Как ни антипатичен ему был “русский вариант коммунизма” (он воспринимал его как чисто полицейское государство), Трумэн опасался, что уход Сталина приведет к резкой разбалансировке политического положения на огромном пространстве, вызвав новые гигантские потрясения. Президент открыл для себя, что со Сталиным можно ладить, добываясь ощутимых результатов и не обязательно путем непомерных уступок. «Я задаю себе вопрос, — записал он в

дневнике 30 июля 1945 г., – что случится с Россией и Центральной Европой, если “дядя Джо” (Сталин. – *В.М.*) покончит счеты с жизнью. Если какой-нибудь демагог на лошади приобретет контроль за эффективной военной машиной России, он сможет вызвать потрясения в Европе. Мне интересно также знать, существует ли человек, наделенный необходимой силой и чувством перспективы для того, чтобы занять место Сталина и сохранить мир и национальное единство внутри страны. В привычки диктаторов не входит подготовка лидеров, способных унаследовать их власть. На конференции я не видел ни одного русского, который смог бы делать эту работу. Молотов не способен осилить ее... “Дядя Джо” в неплохой форме, но человек смертен, и нам остается только гадать, что нас ждет»²⁵.

Можно строить различные предположения в отношении причин, которые заставили Трумэна “расчувствоваться”. Но так или иначе, он явно больше не испытывал желания “закрыть” конференцию и уехать, нередко посещавшего его в первые дни. “Потеря” Черчилля также не вывела президента из равновесия. Обрел ли он наконец душевный покой, которого ему так недоставало в день отъезда в Потсдам? Очень возможно, и скорее всего, так оно и было, хотя многие исследователи продолжают считать, что Трумэн всего-навсего “досиживал” время, отведенное им самим на конференцию, предвкушая эффект военной демонстрации атомной бомбы. Едва ли это так, и было бы упрощением думать, что президент США, правонаследник Рузвельта, не был заинтересован в успехе конференции. Страна не смогла бы понять президента, если бы он вернулся из Потсдама с пустыми руками и со шлейфом грандиозного дипломатического скандала. Не этого ждали в Америке от только-только вступившего в должность президента, прекрасно понимая, что хотя и Вашингтон, и Москва, а также Лондон будут отстаивать свои интересы на конференции, но у трех союзников есть и общие обязательства. И в числе первых – дать народам Европы по крайней мере ощущение покоя после стольких лет мучений и ужасов и сделать наконец обнадеживающие шаги к решительному уничтожению агрессора и установлению длительного мира в Азии.

Так сильно гордившийся своим неаристократизмом президент не мог обмануть надежд большинства простых людей Америки, в душе полагавших, что сложившееся в годы войны сотрудничество США и Советского Союза перерастет в мирное время в устойчивые отношения доверия и взаимодействия по многим азимутам – в политике, экономике, культуре²⁶. Трумэн не мог себе позволить разочаровать все еще большую часть (это было очевидно) соотечественников, да еще в решающий момент “битвы за Японию”. Реализм Сталина, порой подкупавший самого Трумэна, делал эту цель вполне достижимой. Пример – удовлетворительное решение сложнейших вопросов о западных границах Польши и репарациях. При желании и та и другая стороны были способны полностью заблокировать их

решение. По логике автора книги “Атомная дипломатия” Г. Алпровица, Трумэн и Бирнс, имевшие по атомной бомбе в своих карманах, должны были действовать исключительно с позиции силы, прищипывая рысак раздора. Но в действительности до этого не дошло. Несмотря на возражения англичан и сомнения, испытываемые самим президентом, вопрос о польской границе был решен в духе ялтинской формулы. В репарационном вопросе уступил Сталин. Никаких катастроф не случилось.

Сегодня по меньшей мере спорным представляется и вывод Алпровица, будто после 21 июля, по мнению Трумэна и Бирнса, отпала всякая необходимость в вовлечении России в войну против Японии, а само их пребывание в Потсдаме становилось ненужным в принципе и преследовало лишь одну цель – усыпить бдительность Сталина и тем самым не допустить перехода границы Маньчжурии Красной Армией до того, как Япония капитулирует²⁷. То, что такие мысли в тот момент посещали головы всех причастных к планированию военных операций на Тихом океане и внешней политики США, отрицать не приходится, и мы об этом говорили. В особом досье “Россия” – секретной переписки Харви Банди и Джорджа Гаррисона хранится и короткий набросок соображений для руководства, сделанный рукой Х. Банди и относящийся к концу июля – началу августа 1945 г.: “Нуждаемся ли мы в помощи России в войне против Японии?” – с этой фразы начинается набросок. А далее всего три пункта: “1. Эффект S-1. 2. Проконсультироваться с Маршаллом. 3. Мы получили бы огромный выигрыш, если бы русские лишились возможности в обмен на свое присоединение к войне (против Японии. – В.М.) требовать для себя большой доли участия в переговорах по мирному урегулированию”²⁸.

Не случайно в наброске возникает имя генерала Маршалла. Враг опрометчивых решений, руководитель Объединенного комитета начальников штабов слыл человеком, способным остудить самые горячие головы. Заставить его признать, что одна-две атомные бомбы сделают ненужной высадку на территории Японии и парализуют Квантунскую армию, было невозможно. Значение русской помощи с появлением атомного оружия уменьшилось, но не исчезло совсем – такова была позиция Маршалла²⁹. Не менее весомо и следующее соображение: стопроцентной уверенности в возможности применения атомной бомбы в первые дни августа 1945 г. и неизбежности ее воздействия на позицию правительства Японии не было. Советник военного министра Гаррисон жаждал “попасть в масть” настроению патронов, в напряженном ожидании в Потсдаме встречавших его депеши, но и он, как опытный врач (руководствуясь принципом “не навреди”), взял за правило делать поправки на непредвиденные отклонения в нормальном течении “выздоровления” мнимого больного. Не могло быть полной уверенности в том, что все технические трудности удастся преодолеть к началу августа.

21 июля Гаррисон направил Стимсону зашифрованную телеграмму следующего содержания: “Больной быстро выздоравливает и будет готов к последней операции в конце первой недели августа”. Этот срок был ближе того, что предположительно называл Трумэн Стимсон. Проинформировав президента, он ответил своему помощнику: “Мы очень обрадованы тем очевидным улучшением, которое наблюдается в состоянии больного”. Но 23 июля Гаррисон выдал потрясающий по своей каучуковой сути прогноз: “Операция возможна в любое время, начиная с 1 августа, в зависимости от состояния подготовленности больного и атмосферных условий. С точки зрения состояния больного есть некоторые шансы на то, что операция может быть сделана между 1 и 3 августа, хорошие шансы 4 или 5 августа и, если не произойдут непредвиденные осложнения, почти наверняка – 10 августа”³⁰. Получив анализы такого рода, любой консилиум обязан был внять чувству осторожности при решении вопроса о том, какой режим следует назначить “больному”.

Метеоусловия, непредвиденные технические осложнения и, наконец, неясность в отношении сроков накопления необходимого запаса бомб – вот что ограничивало дипломатическую маневренность Трумэна и заставляло его не отказываться от того варианта, который был связан с вовлечением Советского Союза в войну на Тихом океане. Могли ли Трумэн и Бирнс (а тем более Стимсон и Маршалл) всерьез отступить от Ялтинского секретного соглашения по Дальнему Востоку, коль скоро даже горячий Гровс признавал рискovanность атомной войны “с колес” в условиях неминуемого дробления средств нападения? Положение США, писал он в воспоминаниях, было весьма сложным, «поскольку производственные мощности наших предприятий позволяли изготовить и доставить на Тиниан к 6 августа лишь одну плутониевую бомбу типа “Толстяк” (такую же, какая была испытана в Аламогордо). Следующая подобная бомба могла быть приготовлена к 24 августа, после чего их производство должно было начаться уже быстрыми темпами». И самое важное: «Как я уже говорил, у нас не было твердой уверенности, что урановая бомба “Малыш” вообще сработает. Тем не менее, поскольку все наличные запасы плутония были израсходованы на испытание, против Хиросимы была применена именно эта бомба»³¹.

Так вправе ли мы говорить, что у Трумэна и Бирнса не было никакого резона оставаться дольше чисто протокольного срока в Потсдаме и при случае с легкостью отказаться от той поддержки со стороны Советского Союза, которой они настойчиво домогались на протяжении ряда месяцев? Дипломатия сродни шахматной игре: хороший шахматист никогда не торопится взять незащищенную пешку соперника, предпочитая легкой наживе сохранение темпа атакующей комбинации на направление главного удара. Президент втайне всегда гордился присущим ему чувством ответственности и самоконтроля, исключавших импровизации и зависимость от тех или

иных случайных влияний. К тому же в Потсдаме у Трумэна были высококлассные секунданты, способные предостеречь от грубых ошибок и подсказать правильный ход.

После разговора со Сталиным 24 июля внезапный отъезд из Потсдама становился вдвойне невозможным. Намеченные президентом и его ближайшим окружением предельно близкие сроки атомных бомбардировок совершенно исключали демарш с расставанием. Психологически оно обернулось бы страшным моральным поражением Трумэна после ударов по японским городам. Приняв решение, но еще не нажав на спусковой крючок, Трумэн предчувствовал нравственную драму. В той же дневниковой записи от 25 июля читаем: “Атомное оружие должно быть использовано против Японии в промежутке между сегодняшним днем и 10 августа. Я сказал военному министру Стимсону, что использовать ее нужно так, чтобы объектом стали военные сооружения, солдаты и военные моряки, а не женщины и дети. Несмотря на то, что японцы – варвары, несмотря на то, что они грубы, жестоки и фанатичны, мы как ведущая держава мира, заботящаяся о благе всех людей, не можем сбросить эту ужасную бомбу на обе столицы Японии – старую и новую”³².

Но вот что странно: угроза для жизни женщин и детей как будто бы была предметом особой озабоченности президента, а между тем и ему, и, конечно же, Стимсону было хорошо известно, что выбор целей определялся как раз исходя из задачи достижения максимального эффекта нанесением удара по жилым кварталам. Но это еще не все. Распоряжение, или приказ, санкционировавший атомную бомбардировку, последовал *до того*, как Японии была направлена Потсдамская декларация о безоговорочной капитуляции 25 июля согласно письменному свидетельству самого Трумэна. Он мог быть, разумеется, отменен, но как раз об этом варианте ни в одном потсдамском документе, связанном с бомбой, ничего не говорилось.

И еще. Вполне логично было бы увидеть в той же записи пренебрежительные интонации о конференции, о ее значении. Но текст свидетельствует об обратном. Трумэна занимали мысли о повестке дня конференции, что, бесспорно, отражало серьезность подхода президента к ней и его упорство в достижении целей. Легко опровергается также крайняя точка зрения, согласно которой после 21 июля конференция в Потсдаме в результате обретения дипломатией США атомных мускулов приняла “ироничный характер” по причине того, что она будто бы слишком рано собралась для решения проблем Европы, а необходимость обеспечить объявление войны Советским Союзом Японией начисто исчезла. С ней никак нельзя согласиться. И речь идет не только о конкретных результатах конференции, имевших очевидное конструктивное и общепризнанно важнейшее для Европы значение. В ходе нее появились различные возможности достижения договоренности и по

многим другим злободневным вопросам, таким, например, как иранский. Простор для маневра открывался значительный. И Трумэн использовал свой шанс.

Почувствовав наконец внутреннюю уверенность и передав окончательно в руки военных осуществление главной стратегической задачи, президент США не без удовольствия доигрывал свою партию на конференции. Она уже его не тяготила, вызывая фрустрацию, как это было вначале. Укрепилось стремление утвердить собственную лидирующую роль в радикально обновленной “Большой тройке”. И Потсдам, к которому было приковано внимание всего мира, предоставлял идеальный плацдарм для такого блицвзлета к престижной роли мирового лидера, минуя промежуточные ступени. Понятно в связи с этим, что нормализация отношений с “дядей Джо”, пусть чисто внешняя, не только не могла этому повредить, но, напротив, способствовала бы достижению главной цели, выбивая почву из-под ног критиков, которые досаждали напоминаниями о союзнических декларациях и клятвах.

Ирония истории проявила себя в другом. Обе сверхдержавы – США и СССР, – завершив на оптимистической ноте и по всем формальным признакам даже успешно очередную встречу в верхах, пройдя через сложный подготовительный период согласования и маневрирования приблизились (нельзя сказать, что неожиданно) к самому большому конфликту, ставшему мрачным фоном развития всего послевоенного миропорядка. Возможность (весьма реальная) избежать такого исхода существовала в 1945 г., но она была сознательно отвергнута. Трумэн, произнеся свой монолог о “победоносном оружии”, преднамеренно не назвал его “по имени” и начисто ушел от темы о международном контроле. Сталин, включившись молниеносно в игру, сделал вид, что ровно ничего не понял из того, что ему было сказано. Между тем никаких секретов уже не существовало, и первым шагом Сталина после Потсдама стало форсирование атомных исследований и производства атомного оружия. Американцы решительно взяли курс на ускорение приготовлений к атомным бомбардировкам японских городов. Отчаянная попытка добиться досрочного мира с Японией, предпринятая резидентом УСС в Берне Алленом Даллесом (он прибыл в Потсдам 20 июля с целью сообщить президенту о своих контактах с японцами на предмет капитуляции их страны), была отклонена³³. Стимсон при первой же встрече с будущим директором ЦРУ заявил, что “поезд ушел”.

Одной рукой подписывая в Потсдаме разного рода соглашения, а другой открывая зеленую улицу для сепаратных действий в области производства новейшего наступательного оружия массового уничтожения, и США, и СССР стремительно приближались к той черте, за которой последовало быстрое окостенение межгосударственных отношений и общественных связей, наступил период дипломатической зимы и военной тревоги.

Ирония состояла еще и в том, что ультиматум о безоговорочной капитуляции Японии (Потсдамская декларация), переданный 26 июля от имени США, Англии и Китая, был адресован не только Токио, но фактически и Москве – как последнее предупреждение. Текст декларации, обходившей вопрос о статусе императора и прямо говорившей об уничтожении власти и влияния “тех, кто обманул японский народ и вверг его в войну за мировое господство”, не оставлял у партии японских умеренных и пацифистов ни малейшего шанса добиться мира на не уничижавших достоинство страны условиях. К “военным преступникам”, о неотвратимом наказании которых говорилось в декларации, любой мог отнести и императора. Для фанатично настроенных “твердолобых” милитаристов это был подарок судьбы – в руках у них оказался неопровержимый довод в пользу “войны до конца”. Одним словом, содержание и форма декларации предполагали скорее ее отклонение, чем что-либо другое.

Но точно так же они не предполагали и присоединения к документу Советского Союза, чьи лидеры, находясь в Потсдаме, даже не были проинформированы заранее о готовящемся демарше. И в том и в другом случае каждый должен был оставаться недвижим в “своем квадрате”, отдав инициативу США. Что же получилось? Токийский кабинет (чьи шифры были раскрыты американской разведывательной службой) фактически свернул на тот путь, который был ему уготован США, предложившими “игру в молчанку”. На ультиматум Трумэна он ответил самоубийственной тактикой оттяжек в расчете на посредническую роль Советского Союза. Этот грубейший просчет стоил стране сотен тысяч жизней мирных жителей. Кремль, по-своему оценив ситуацию, двинул тяжелые фигуры вперед и, приняв вызов, без скидок на жертвы, втянулся в гонку ради достижения цели, которая позднее воплотилась в “баланс страха”, уравнение способностей взаимоуничтожения.

Последние дни Потсдамской конференции стали решающими, хотя это и не имело непосредственного отношения к ее повестке дня. Все основные вопросы и документы были обсуждены и согласованы. Однако напряжение не спадало из-за ожидания ответа Японии на ультиматум о капитуляции. Каким он будет и как изменит планы сторон, станут ли намерения реальностью, станет ли мир свидетелем нового *вызова*, который ему уготовили ученые и политики? Военный министр Стимсон, вылетевший в Вашингтон раньше других американских делегатов, 30 июля в своем офисе в Пентагоне одним из первых узнал из газет, что операция “Выдвижной киль” отменена не будет, распоряжение 25 июля остается в силе. Газеты вышли с крупно набранным на первой полосе сообщением: “Япония отклонила ультиматум”.

На светофоре зажегся зеленый свет. Стимсон, Банди, Гаррисон и Гровс засели за текст заявления президента об атомной бомбардировке Хиросимы. 31 июля к вечеру он был готов, и лейтенант Гордон Арнесон, специальный порученец Стимсона, секретарь Времен-

ного комитета, вылетел с ним в Потсдам. Трумэн, ознакомившись с текстом, одобрил его, но отдал тут же распоряжение: ни при каких условиях не предпринимать атомной бомбардировки ранее 2 августа. В этот день участникам саммита предстояло расстаться, пожав друг другу руки, и Трумэн не хотел, чтобы под занавес успешно завершившейся конференции Сталин успел задать ему ряд неудобных вопросов, на которые он не хотел бы отвечать. Но о чем он, по-видимому, не догадывался, так это о том, что Сталин сам стремился избежать еще одного разговора о “победоносном оружии”. Хотя бы потому, что эта тема неминуемо выводила на другую – не заставят ли атомные бомбардировки Японию капитулировать мгновенно и нужно ли вообще участие Советского Союза в войне с ней. Надо ли говорить, что начиная с Ялты Москва строила свои планы, исходя из иного варианта развития событий, автоматически делающего вклад советского оружия в победу над Японией весомым и общепризнанным. Вплоть до 5 августа японский посол в СССР, получивший инструкции из Токио – предложить советскому руководству стать посредником в мирных переговорах с США, не смог добиться согласия Молотова на встречу. 5 августа ему сообщили, что беседа состоится вечером 8 августа. Она состоялась, но была очень короткой. Молотов объявил послу, что с 9 августа Советский Союз считает себя в состоянии войны с Японией.

Трумэн отдал окончательное распоряжение об атомном ударе по Хиросиме на полпути из Европы в Америку на борту все той же “Огасти”, следующей курсом на Ньюпорт. 6 августа бомбардировщик “Энола Гей” сбросил на город атомную бомбу. На то, что происходило в эти дни за плотно закрытыми дверями кремлевских кабинетов, определенный свет проливают воспоминания Н.С. Хрущева. Его память удержала какие-то важные моменты тактического мышления Сталина. К тому же в целом он неплохо передал колорит постпотсдамской фазы в развитии дипломатического соперничества двух главных держав послевоенного мира. Время действия легко узнаваемо – между 2 и 8 августа 1945 г.: “Япония металась в предсмертной агонии и искала возможности выйти из войны. Буквально в последние дни мы включились в войну. Я присутствовал однажды в Москве, когда Сталин торопил военных как можно скорее начать военные действия, иначе Япония капитулирует перед войсками Соединенных Штатов, а мы еще не включились в войну. У Сталина были тогда сомнения, станут ли американцы держать слово. Могут и не сдержат. Условия были таковы: мы получаем территории, которые были отторгнуты от России Японией в 1902–1904 гг., при условии, если мы будем участвовать в этой войне. А если мы не будем участвовать? Если до нашего вступления в войну Япония капитулирует, то другая ситуация складывается, и американцы могут пересмотреть обязательства, которые они нам дали. Скажут: вы не участвовали, и мы не обязаны вам ничем”³⁴.

Насколько кремлевские руководители были уверены в том, что нанесение атомного удара по Японии, о котором говорил Трумэн Сталину в Потсдаме, изменит всю оперативную обстановку на Дальнем Востоке, заставив Японию капитулировать, сказать пока ничего нельзя. Можно только догадываться. Теоретически разрушительная сила нового оружия поддавалась расчету, осуществимость же такой бомбардировки выглядела проблематичной. Но к словам Трумэна в Кремле отнеслись серьезно. Было решено мобилизовать все ресурсы страны – материальные и интеллектуальные – для скорейшего производства собственной атомной бомбы³⁵. Последовавшие вслед за тем события не оставляли другой альтернативы. Два японских города – Хиросима и Нагасаки – были стерты с лица Земли. Человечество вступило в ядерную эру. Увидевший все это с “наблюдательного пункта” в Москве Дуайт Эйзенхауэр сказал, что возникла явная угроза дружественным отношениям двух стран. “Теперь, – заявил он, – никто не чувствует себя в безопасности”³⁶.

* * *

Глубинный смысл внезапно обострившегося и постоянно расширяющегося противостояния двух сверхдержав был очень многим еще не вполне ясен. Триумф по случаю победы приглушил на короткое время разногласия внутри антинацистской коалиции (в понимании характера войны, возникающей из нее новой мировой системы и вектора мирового развития), конфликт геополитических интересов и все несходство идеологических, морально-правовых и управленческих принципов и методов, не говоря уже об отживших традиционных предубеждениях и предрассудках. Оставившая привкус недоговоренности и недоверия конференция в Потсдаме и последовавшая вслед за ней атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки, нежелание обеих сторон найти разумный компромисс по проблемам Восточной Европы, по германскому вопросу и ленд-лизу, по проблемам контроля над атомным оружием и в то же время сходство взглядов по вопросам деятельности ООН, искоренения остатков нацизма и японского милитаризма, колониальному вопросу, на закрепление территориальных изменений, достигнутых в ходе войны, и расчеты на обоюдовыгодное торгово-экономическое сотрудничество – вот из чего сложился контур новой мировой системы, определяемой в первое послевоенное десятилетие силами, представленными в концентрированном виде двумя сверхдержавами.

Так же как и в условиях любого переходного периода, личность политических лидеров накладывала свой, порой решающий отпечаток на формирующийся после 1945 г. (П.А. Сорокин ассоциировал этот период со сгущающимися сумерками ночи) тип международных отношений. Гарри Трумэн – он доказал это решением сбросить атомную бомбу и бескомпромиссной позицией в отношении сохра-

нения монополии на атомное оружие – действовал полностью в духе джексоновской традиции, главной чертой которой, как пишет американский исследователь Уолтер Рассел Мид, является готовность использовать в случае возникновения угрозы национальной безопасности всей имеющейся в распоряжении нации военной мощи³⁷. Это не следует понимать так, что Трумэн был рожден для выполнения охранительной миссии, но вызов истории, сделавшей его президентом США в 1945 г., он истолковал однозначно. В радиообращении к стране в августе 1945 г. он сказал: “Мы говорим сами себе, что вышли из этой войны самой могущественной нацией в мире – возможно, самой могущественной нацией за всю историю человечества. Это абсолютная истина, но не в том смысле, как это представляется некоторым из нас... Речь идет о новом явлении, о котором ранее мы не думали, но которое нам известно сейчас. И вот, что мы должны помнить всегда: общество свободных людей превосходит любое другое общество, каким бы централизованным и дисциплинированным оно ни было по уровню своего военного могущества, стабильности и творческим возможностям”³⁸.

...Первой, кто сообщил Гарри Трумэну, ставшему неожиданно для себя 33-м президентом США, о смерти Рузвельта была Элеонора Рузвельт. “Гарри, президент умер”, – сказала она. И только после того, как прошел шок, придя в себя, Трумэн обратился к миссис Рузвельт со словами вежливого участия: “Чем бы я мог Вам помочь?” В ответ он услышал: “Чем мы все можем Вам помочь? Сейчас только Вы один оказались лицом к лицу с самыми большими трудностями”³⁹. Эти слова первой леди Америки, которая по неформальному праву еще долго ею оставалась, оказались почти пророческими: никакой “мирной передышки” после глобальной мировой войны человечество не получило, напротив, оно столкнулось с новыми, не менее серьезными проблемами на всех уровнях жизнедеятельности и межгосударственных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Truman H.S. Memoirs. Garden-City, 1955. Vol. 1: Year of Decisions. P. 331.*

² NA. RG. 59. General Records of the Department of State. Decimal File, 1945–1949. Confidential File 1945–1949. Box 265.740.00119 (Potsdam) 7-1345. Acting Secretary to the Secretary of State. July 13, 1945.

³ *Mark E. “Today Has Been A Historical One”: Harry S. Truman’s Diary of the Potsdam Conference // Diplomatic History. Winter 1980. Vol. 4. N 1. P. 322.*

⁴ Цит. по: *Sherwin M.J. A World Destroyed: Hiroshima and the Origins of the Arms Race. N.Y. 1987. P. 223; Alperovitz G. The Decision to Use the Atomic Bomb and the Architecture of an American Myth. N.Y., 1995. P. 240.*

⁵ *Mark E. Op. cit. P. 322.*

⁶ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1980. Т. VI: Берлинская (Потсдам-

ская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). Сб. документов. С. 524.

⁷ *Mark E. Op. cit.* P. 318.

⁸ Yale University Library. Henry L. Stimson Diaries. Reel 9. July 21, 1945.

⁹ NA. RG. 59. General Records of the Department of State. Decimal File, 1945–1949. Main File. 1945–1949. Box 3922.740.00119 (Potsdam) 7-2145. A. MacLeish to the Secretary of State. July 21, 1945.

¹⁰ Ibid. 740.00119 (Potsdam) 7-2345. A. MacLeish to Byrnes, July 23, 1945.

¹¹ Цит. по: *Алпровиц Г.* Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам. М., 1968. С. 153.

¹² LC. Herbert Feis Papers. Box 63. Atomic Bomb from Potsdam to the Declaration.

¹³ Ibid. Box 65. Folder: Potsdam. Chronology. 1945. July 24.

¹⁴ NA. General Records of the Department of State. Decimal File. 1945–1949. RG. 59. Confidential File 1945–1949. Box 267.740.0011 (Potsdam)// 2-2348; LC. Carl A. Spaatz Papers. Box 100. Terminal Conference.

¹⁵ LC. Herbert Feis Papers. Box 14. *Ch.E. Bohlen to Feis*, Jan. 25, 1960.

¹⁶ *Truman M.S.Op. cit.* Vol. 1: P. 416.

¹⁷ “Экспромт” был всесторонне продуман и отрепетирован. Впоследствии Трумэн и Бирнс приводили этот эпизод как образец дипломатического искусства в ситуации, когда каждое неосторожное слово могло обернуться громким скандалом с взаимными обвинениями и непредсказуемым финалом. Бирнс признавал за ним ключевое значение в той большой игре, которая велась в Потсдаме вокруг каждого пункта повестки дня и в которой актеры состязались в умении хладнокровием и выдержкой вынудить партнера “открыться” и “пропустить удар”. Характерно, что Бирнс в беседе с Фейсом в 1958 г. решительно отверг версию о том, что сообщением о бомбе Сталина пытались примитивным способом припугнуть или ошарашить. От него ждали другого – уразумения твердого намерения новой администрации удерживать доминирующую роль США в разгроме Японии. Вот запись Фейса: “Бирнс сказал, что он пришел к выводу о катастрофичности для США и Китая включения Советского Союза в войну на Тихом океане. Это, в свою очередь, подвело к мысли, что было бы неплохо, если не сказать сильнее, оставить Сталина не полностью информированным о потенциале атомной бомбы. В противном случае он мог бы ускорить вступление Советского Союза в войну. Вот почему было решено сказать Сталину о результатах испытаний как бы между прочим в конце одного из заседаний глав правительств. Согласовав вопрос о том, что следует говорить, Трумэн с Боленом.... который должен был присутствовать в качестве переводчика, обошел вокруг стола и в самой непринужденной манере сказал Сталину, что хочет проинформировать его о создании в США нового и мощного оружия, которое мы решили применить против Японии. Весь разговор Трумэна со Сталиным, по словам Бирнса, длился не более минуты” (LC. Herbert Feis Papers. Box 65. Potsdam: Announcement of Atomic Bomb to Stalin. HF Meeting with Byrnes. Febr. 27, 1958). Лишь позднее, через пару недель, Сталин должен был пережить свое главное потрясение. Взрывы двух-трех атомных бомб, как полагали, способны были подавить его экспансионистские амбиции и заставить задуматься над тем, стоит ли рисковать победой в войне с Германией, подогревая военную конфронтацию с США и Англией.

¹⁸ Авторханов А. Загадка смерти Сталина // Новый мир. 1991. № 5. С. 197–198.

¹⁹ См.: Каница П.Л. Письма о науке, 1930–1980. М., 1989. С. 232–247.

²⁰ Многочисленные и весьма полные публикации документов по истории советского атомного проекта, появившиеся в последнее время, – прямое свидетельство того, что Сталин был хорошо информирован о Манхэттенском проекте, начиная с самой ранней стадии (см.: Атомный проект в СССР. Документы и материалы. В 3 т. / Под ред. А.Д. Рябева. Т. 1: 1938–1945: В 2 ч. М., 1998. Ч. 1 / Отв. сост. Л.И. Кудинова; М., 2002. Ч. 2 / Отв. сост. Л.И. Кудинова; Т. 2: Атомная бомба. 1945–1954 М.; Саров, 1999. Кн. 1 / Отв. сост. Г.А. Гончаров; М., 2002. Кн. 2–3 / Отв. сост. Г.А. Гончаров; История советского атомного проекта. Документы, воспоминания, исследования / Отв. ред. Е.П. Визгин. СПб., 2002. Вып. 2 и др).

²¹ См.: Мальков В.Л. Игра без мяча: социально-психологический контекст советской “атомной дипломатии” (1945–1949 гг.) // Холодная война 1945–1963 гг.: Историческая ретроспектива / Отв. редакторы Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М., 2003. С. 281–320.

²² Mark E. Op. cit. P. 323–324.

²³ LC. Joseph E. Davies Papers. Box 17 (Potsdam). Journal. July 28, 1945.

²⁴ NA. RG. 59. General Records of the Department of State. Decimal File, 1945–1949. Confidential File, 1945–1949. Box 265.740.00119 (Potsdam) 7-2645. R. Dunn to A. MacLeish, July 26, 1945.

²⁵ Mark E. Op. cit. P. 319.

²⁶ С призывами проявлять терпение и терпимость, хладнокровие и великодушие к Трумэну обращались многие его земляки, жители штата Миссури, те самые избиратели, которым он был больше всего обязан своей феноменально счастливой карьерой (NA. RG. 59. General Records of the Department of State. Decimal File, 1945–1949. Main File, 1945–1949. Box 3428.711.61/5-1445. L.J. Weber to H. Truman, May 15, 1945.

²⁷ См.: Алпровиц Г. Указ. соч. С. 183.

²⁸ NA. RG. 77. Harrison – Bundy Files... Foil 2. Target 3. File 20. Russia. Relating to the Development of the Atomic Bomb 1942–1946. Do We Need Russia in the Japanese War.

²⁹ Герберт Фейс как-то высказал соображение, что до конца июля Маршалл все еще испытывал внутренние опасения, что Сталин под благовидным предлогом откажется от объявления войны Японии (LC. Herbert Feis Papers. Box 63. The Atomic Bomb from Potsdam to the Declaration).

³⁰ Alperovitz G. Op. cit. P. 261.

³¹ Гровс Л. Теперь об этом можно рассказать. М., 1964. С. 257.

³² Mark E. Op. cit. P. 324.

³³ Seeley G. Mudd Library: Allen W. Dulles Papers. Box 21. Dulles to J. Wheeler, Nov. 4, 1967. Позднее при подготовке мемуаров, вспоминая свои тактические маневры в Потсдаме в момент принятия решения об атомной бомбардировке, Трумэн кратко оценил их следующим образом: “Одной из главных задач Потсдамской конференции было обеспечить скорейшее подключение России к войне против Японии, а затем вытеснить ее из Японии. Мне это удалось “ (цит. по: Messer R. Truman and the Bomb: A Post-Revisionist Perspective: A Paper Presented to the Session “Origins and Strategy of the Early Cold War” of the OAH Annual Meeting. Reno, Nevada. Mar., 1988).

³⁴ Хрущев Н.С. Японский синдром // Огонек. 1991. № 16. С. 4. Сами не сознавая того, японцы до последнего момента создавали максимально благоприятные (в том числе психологические) условия для тех, кто, выражаясь фигурально, пустили часовой механизм взрывателя на атомной бомбе. Японцы отклонили ультиматум Трумэна и, не переставая плести тайные интриги в Москве, пытались сделать ее своим поверенным в делах, а может быть, и союзником. Совсем не случайно в докладе Объединенного разведывательного комитета армии США в начале июля 1945 г. появилось такое утверждение: “Бесспорно, главная цель внешней политики Японии – удержание Советов вне войны и вбивание клина между западными державами и СССР” (LC. Carl A. Spaatz Papers. Box 100. Terminal Conference. Appendix “H”).

³⁵ Holloway D. Stalin and the Bomb. The Soviet Union and Atomic Energy, 1939–1956. New Haven; L., 1994; Наука и общество: История советского атомного проекта (40-е–50-е годы). М., 1997. Т. 1.; Атомный проект СССР. Документы и материалы / Под ред. Л.Д. Рябева. Т. II, кн. 1; Игорь Васильевич Курчатов в воспоминаниях и документах / Отв. сост. Ю.Н. Смирнов. М., 2003.

³⁶ Амброз С. Эйзенхауэр. Солдат и президент. М., 1993. С. 186.

³⁷ Mead W.R. The Jacksonian Tradition and American Foreign Policy // National Interest. Winter 1999/2000. N 58. P. 23.

³⁸ Public Papers of the Presidents of the United States, Harry S. Truman: Containing the Public Messages, Speeches and Statements of the President, 1945–1953. Vol. 1–8. Wash., 1961–1966. Vol. 1. P. 213.

³⁹ Leuchtenburg W.E. In the Shadow of FDR. From Harry Truman to Ronald Reagan. Ithaca; L., 1985. P. 1.

ЭПИЛОГ КАК НАЧАЛО. ГЕГЕМОНИЯ ИЛИ ИМПЕРИЯ?

Создание атомного оружия и накопление его запасов порождало особую морально-психологическую обстановку в стране. После 6 и 9 августа 1945 г. чувство безопасности и “удаленности” от очагов возможных конфликтов возросло больше, чем на порядок. В дополнение к географическим преимуществам, военно-технической мощи, превосходящим по всем параметрам любого противника флоту и авиации возникло ощущение всемогущества, отрыва в военном отношении от всех бывших союзников и побежденных вместе взятых. И массовое сознание, и воображение политиков оказались в плену у внезапно возникшей веры в абсолютную несокрушимость и неуязвимость Америки. Джеймс Бирнс, отправляясь на первую сессию Совета министров иностранных дел в Лондон в сентябре 1945 г., обещал использовать в сложных дискуссиях с Молотовым дипломатию “с бомбой в кармане”. Гарри Трумэн, в свою очередь, в речи, произнесенной 27 октября в Нью-Йорке по случаю Дня флота, ни разу не упомянув Советский Союз, заявил, что Америка будет и впредь во что бы то ни стало и как можно дольше удерживать контроль над атомным оружием, относясь к нему как к самому большому секрету. Трумэн отверг любые альтернативы американской монополии¹. Такой же точки зрения придерживались военные круги².

Многие исследователи, тщательно проанализировав мотивацию конфронтационной дипломатии, сменившей счастливый период военного советско-американского консенсуса, приходят к выводу, что психологически она имела под собой “ядерное основание”. На эту особенность обратили внимание одними из первых американский историк Г. Херкен в начале 80-х годов и А.М. Филитов³. Оба они присоединяются к диагнозу, поставленному американским психологом Р. Лифтоном, назвавшим тип внешнеполитического мышления, господствовавшего в поствоенной Америке, “нуклеаризмом”. Этим термином Лифтон обозначал родившуюся новую религию, тотальную идеологию, согласно которой мощь нового технического божества обеспечивает победу над смертью и злом. “Нуклеаристы” отождествляли себя с этой мощью и ощущали потребность доказать себе и другим благодать, исходящую от этого божества. Возникает зависимость от оружия – без него, как мыслят “нуклеаристы”, мир оказался бы вновь во власти сил зла и не смог бы существовать.

На уровне массового сознания почти религиозный экстаз, вызванный обузданием “силы, являющейся источником солнечной энергии” (слова Трумэна из его обращения к нации 6 августа 1945 г.), преломился в подъеме национальных чувств и востребованности героического руководства ради осуществления программы “Американского века”. Джон Фоусек в книге “Во главе свободного мира. Американский национализм и культурные корни холодной войны” пишет: “Несмотря на страхи и озабоченность по поводу самой атомной бомбы, конец войны принес большинству американцев чувство облегчения и национальной гордости. Американский образ жизни доказал, что он выдержал испытание тотальной войной против тоталитаризма... Окрашенный преимущественно в националистические тона момент победы задал основные параметры понимания американской общественностью главных задач внешней политики США в послевоенное время”⁴.

Однако та же самая перестройка мышления создавала для правительства США серьезные проблемы и трудности. Возникла опасность реинкарнации изоляционизма в его крайних формах, победы тенденции к национальной замкнутости по примеру эпохи после Первой мировой войны, сворачивания военного присутствия вплоть до ухода из Европы, “саморазоружения” и самоограничения в отношении обязательств по восстановлению экономик и политических структур стран, разрушенных войной, и вывода их на режим устойчивого развития. Во весь рост встал в связи с этим вопрос, что понимать под национальным интересом США, если течение истории и война сделали мир биполярным и конфронтационным, естественным образом поделив его на “сферы влияния” между двумя сверхдержавами, и если при этом существовали альтернативные варианты послевоенного переназначивания внешнеполитического курса (по типу скорректированной модели экс-президента Г. Гувера в духе демонстративного выхода из договоренностей с Советским Союзом и восстановления Германии как его противовеса или по типу прагматической политики Рузвельта, делающей ставку на утверждение доминирующей роли США в мировых делах, но признающей в силу необходимости долгосрочное сосуществование державных интересов вчерашних союзников – США и СССР)⁵.

Одним из первых в вопросе послевоенного урегулирования и мироустройства с учетом опыта сотрудничества главных союзников в годы войны в 1944 г. попытался разобраться непререкаемый авторитет в международных делах, аналитические способности которого высоко ценил Ф. Рузвельт, публицист У. Липпман. Его вышедшая в том году книга “Цели Соединенных Штатов в войне”⁶ содержала в себе ряд идей, очень напоминающих мысли самого Рузвельта о гармонизации международных отношений на длительный период методом скоординированных действий четырех великих держав и раздела мира на региональные системы – зоны ответственности. Липпман

писал о необходимости создания под эгидой США (географическим и экономическим ядром Запада) превосходящей любого противника объединенной и стандартизированной военной мощи “западного сообщества”. Однако многим показалось, что маститый аналитик, с одной стороны, идеализировал политику Советского Союза, а с другой – недооценил объективную новую роль Соединенных Штатов как уникальной, созидательной и преобразующей мир силы. И щит, и меч одновременно – таким оппонентам Липпмана виделось историческое предназначение Америки в послевоенном мире, едва избежавшем трагической участи быть принесенным в жертву нацистскому тоталитаризму и столкнувшимся с его прототипом – сталинизмом. Минимум доверия Кремлю и максимум опоры на собственные, прежде всего военно-стратегические, преимущества, куда входили монополия на атомное оружие, география, сырьевые и человеческие ресурсы, уровень экономического развития, наука и национальная мораль – так в сжатом виде формулировалась одна из главных установок идеологов новой формации, так называемых атлантистов, полагавших, что в ядерную эру на земном шаре не осталось территорий, которые бы не входили в сферу жизненных интересов США. За вторжением в мировые дела в традициях “фронта” – жестком, бескомпромиссном и без комплексов – стояла культивируемая в духе воинствующего глобализма и признания универсального характера американских ценностей и институтов новая национальная ментальность. После Мюнхена, Пёрл-Харбора, Холокоста цепной, взаимосвязанный характер международных конфликтов для американцев стал ближе и понятнее, чем самые убедительные аргументы тех, кто доказывал уязвимость и рискованность американского военного присутствия на максимальном удалении от границ США. Замечено, что слово “свобода” в 40-х годах обрело особое значение в сознании американцев как чисто “военное слово”⁷.

Национальные интересы США в мире с изменяющимися параметрами развития, с неопределившейся природой межгосударственных отношений, с обрушенной европейской системой не могут регламентироваться какими-либо уставными обязательствами, помимо внутреннего кодекса поведения и традиционных ценностей американской демократии. Примерно так формулировал новое понимание задач внешней политики США Гамильтон Фиш Армстронг, видный и авторитетный специалист в мировых делах, председатель нью-йоркского Совета по внешней политике и редактор полуофициального журнала “Форин афферс”. Армстронг входил в группу специалистов, которые накануне завершения войны работали по поручению государственного департамента над вопросами определения внешнеполитического курса США в послевоенном мире на ближайшую и отдаленную перспективу. Меморандум Армстронга в виде наброска рабочей записки был подготовлен по поручению государственного секретаря Эдварда Стеттиниуса, по-видимому, накану-

не Ялтинской конференции, в любом случае не позднее мая 1945 г. Не будет ошибки видеть в нем эскиз новой внешнеполитической доктрины США, представленной в виде вопросов и ответов на них, содержащих элементы полемики и с “мироносцем” Липпманом, и с непримиримыми противниками сотрудничества с Советским Союзом. Это был взгляд с надеждой на такой желанный для всех долгий мир, но без сантиментов в отношении риска нарушить его там и тогда, где и когда возникнет угроза национальным интересам США⁸.

“Мы не должны уклоняться от нашей обязанности защищать американские интересы в регионах, где велика вероятность возникновения войн и нашего вовлечения в них”. Таким решительным тоном Армстронг заявлял о неотъемлемом праве Америки на вооруженное вмешательство в конфликты на самых удаленных территориях, если там жизнь и деятельность американцев окажется под угрозой. Ставя далее этот вопрос шире, Армстронг распространял это право и на те случаи (как в Польше и Югославии), когда речь могла пойти “об утверждении в них режимов, которые будут проводить демократическую политику внутри страны”, или о борьбе против “тоталитарной тирании и иностранного правления”. Не соглашаясь с существовавшим в “недрах” рузвельтовской администрации мнением о “зонах ответственности” великих держав в послевоенной Европе, Армстронг отверг возможность предоставления Кремлю режима благоприятствования для расширения его влияния в странах Восточной Европы. “Я не считаю, – писал он, – что необходимо или желательно предоставлять ей (России. – В.М.) свободу рук в Восточной Европе или оказывать ей помощь в послевоенной реконструкции в обмен на помощь, оказанную нам в последний момент в войне против Японии”.

Между тем меморандум (записка) Г. Армстронга, объявляя угрожающими американской свободе любые действия других стран, так или иначе ограничивающие влияние Америки на все многообразие процессов в фазе перехода от войны к миру и акцентируя внимание на доверии к американской мощи и на обязательствах США перед теми, “кто говорит нашим языком и следует нашим традициям”, мог бы называться декларацией о намерениях использовать всю военную мощь лидера Запада исключительно по собственному усмотрению, не придавая значения чьему бы то ни было мнению. А.М. Шлезингер, описывая аналогичную ситуацию конца XIX – начала XX в. и ссылаясь на удивительно похожие аргументы Г.К. Лоджа и Т. Рузвельта в пользу агрессивной политики в любой точке земного шара, где предположительно идет “соревнование” за первенство, называл такую философию “превентивным империализмом”. Его скрывая цель – предотвратить цепную реакцию присоединения к расширявшейся советской системе все новых и новых попутчиков⁹.

Разумеется, эта стратегия, строго говоря предполагавшая разрыв со вчерашним союзником, любой успех которого трактовался

как угроза “свободному миру”, нуждалась в очень солидном идеологическом обосновании. Роль такого обоснования выполнила знаменитая “длинная телеграмма” советника американского посольства в Москве Джорджа Кеннана от 22 февраля 1946 г., точнее, та ее версия, которую Гамильтон Фиш Армстронг поместил на страницах июльского номера журнала “Форин афферс” в 1947 г.¹⁰ Американский историк Джон Гэддис пишет, что этот документ на следующие полвека определил очертания американской внешней политики и сделал это более фундаментально, чем критика Джорджа Кеннана — царистского авторитаризма, содействовавшая охлаждению американо-русских отношений на рубеже XIX–XX вв.¹¹ Кеннан, найдя во внешней политике Советского Союза преобладание врожденной враждебности и недоверия к внешнему миру из-за традиционного российского чувства небезопасности (“мании преследования”), так сформулировал свой главный вывод: советской экспансии следует противопоставить американскую готовность прибегнуть к широчайшему спектру действий, в принципе не исключающих “логику силы”, но и не абсолютизирующих ее¹². Предложенная стратегия “сдерживания” за исходные факторы решающего преимущества принимала технологическое превосходство США (впрочем, Кеннан, оставаясь верным себе, никогда не выражал никаких восторгов по поводу американской атомной монополии)¹³, наличие у них стратегической авиации дальнего действия и, главное, время, которое работало на “свободный мир” и против советской системы.

Обстоятельнее всего глобализм доктрины “сдерживания”, выраженной в кеннановской “длинной телеграмме” и статье “Х”, появившейся с легкой руки Армстронга в “Форин афферс”, а также его многочисленных выступлениях и лекциях, смог передать известный американский историк М. Лефлер в центральных разделах своей книги о создании системы национальной безопасности США, поглощавшей в первые годы после Победы все внимание администрации Трумэна. Его общий вывод был сформулирован следующим образом: “Приоритеты Кеннана фокусировались на Западной Европе, а его главными инструментами в достижении цели были экономика, политика и психология. Тем не менее его концепция национальной безопасности касалась Италии и Греции, а также Франции и Германии; она включала в себя заморские базы в Северной Африке так же, как и в западной части Тихого океана, и имела прямое отношение к проблемам рынков, сырья и сферы вложения капиталов в интересах американских промышленных партнеров в Юго-Восточной Азии, Африке и Латинской Америке. Амбиции Кеннана простирались за пределы ближайшей задачи по сдерживанию советской мощи и восстановлению Западной Европы, в его намерения входили подрыв советского влияния в Восточной Европе, изменение советского поведения на мировой арене и в случае удачи ниспровержение коммунистической диктатуры как таковой”¹⁴.

Общим местом является констатация совпадения взглядов, настроений и намерений политиков во главе с Г. Трумэном, оказавшихся у кормила власти после смерти Ф. Рузвельта, и подавляющего числа новых членов конгресса после в целом неудачных для нью-диллеров итогов выборов 1942 и 1944 гг. в палаты конгресса с изложенной Кеннаном стратегией контрсилы, направленной на срыв наступления “русского национализма”, противника искусного, располагающего множеством преимуществ, но недолговечного из-за внутренней несплоченности, нестабильного из-за скрытых конфликтов и ослабленного противоречиями, приобретенными “благодаря последним территориальным приращениям”¹⁵. Доктрина “сдерживания”, принятая на вооружение правительством Трумэна, воплотилась в поведенческом стереотипе американской дипломатии, на много десятилетий вперед сохранившей характер активного контрсилового воздействия на соперника. Инициативное участие Кеннана в качестве главы Отдела планирования государственного департамента (1947–1950) в организации подрывных операций против стран советского блока хорошо иллюстрирует именно эту сторону послевоенной дипломатии США¹⁶. Назначение в январе 1947 г. генерала Джорджа Маршалла новым государственным секретарем, Дина Ачесона его заместителем и внутренняя реорганизация работы внешнеполитического ведомства США также символизировали диверсификацию его функций в сторону расширения военно-стратегической и политико-экономической составляющей.

На что обращается совершенно недостаточное внимание, так это на ясно выраженное в той же “длинной телеграмме” Кеннана важнейшее условие закрепления американского лидерства в послевоенном мире – превращение Соединенных Штатов в подлинный эталон социально-политической системы и экономического благополучия. “Первая новая нация” в его понимании не могла уступать коммунизму в схватке за умы и души людей, в экономическом соревновании. Одержатъ победу в дипломатической борьбе с Москвой, утверждал Кеннан, означало прежде всего быть неравнодушным к “недостаткам самого американского общества, добиваясь его гармонизации и оздоровления”. Но это не все: американцы должны быть “способнее русских” в предъявлении “другим народам” новых идеалов, “намного более позитивной и конструктивной картины мира, чем та, которая была привлекательной в прошлом”¹⁷. Мир стоял на перепутье и от того, насколько привлекательными оказались бы система ценностей, исповедуемых Америкой, и качество жизни американцев, зависело, какой выбор он сделает.

Джон Фоусек очень удачно выразил мысль о совмещении двух задач преобразующей миссии Америки, сформулированных Кеннаном в его “длинной телеграмме”. В следующих словах Фоусек передал двойной смысл формулы “хорошего общества”, позаимствованной Кеннаном у Генри Люса, не лишнего осторожного сомнения

в реальной достижимости поставленной цели: “Америка как пример и Америка как спаситель. Обе эти идеи (и то, что Соединенные Штаты должны служить примером, которому следует весь мир, и, как бы в виде альтернативы этому постулату, то, что они должны спасти мир путем активного вовлечения в мировую политику) были представлены двумя этими гранями во всей американской общественной культуре 1945 г.”¹⁸. Нечто подобное происходило и в советской идеологии. Проекцией этих параллельных процессов стал раскол в мировой интеллектуальной элите, серьезнейший кризис культуры мышления на Западе и усиление сталинского контроля за интеллектуальной деятельностью в СССР. Но, разумеется, вопрос, чья система лучше, капитализм или социализм, решался прежде всего в материальной сфере, в экономике, там, где находился источник жизненных благ.

Стартовые позиции в этом соперничестве двух сверхдержав послевоенного мира оказались абсолютно разными. Никто так, как это сделал в 1945 г. У. Черчилль, не смог столь же убедительно описать подъем американской экономики и достигнутый ею в конце войны по сравнению с другими странами рекордный уровень. Соответствующее место из выступления британского премьера цитируют очень часто, но его следует здесь привести, поскольку оно характерно выборкой показателей, тех самых, которые для *начала постиндустриальной эры* являлись наиболее репрезентативными. “Соединенные Штаты, – говорил Черчилль, – в настоящий момент находятся на самой вершине мировой иерархии стран”. Далее он проиллюстрировал это следующим путем. Америка контролирует добрую половину мощностей обрабатывающей промышленности на планете и производит более половины мировой электроэнергии. Америке принадлежат две трети мировых запасов золота и половина всех валютных резервов. США производят в два раза больше нефти, чем весь остальной мир вместе взятый, владеют самым большим в мире торговым флотом и фактически являются монополистом в растущем производстве летательных аппаратов и в области электроники. Америка, по крайней мере в ближайший период, может рассчитывать на то, что сохранит и свою абсолютную монополию на новые технологии, связанные с производством атомной энергии и современных вооружений¹⁹.

Интересные сопоставления проделаны Дональдом Уайтом. Так, он пишет, что если накануне Первой мировой войны США давали примерно 36% мировой промышленной продукции, то во время бума 20-х годов XX в. эта цифра увеличилась до 42%, затем несколько сократилась с тем, чтобы к 1950 г. достигнуть 50%. Разумеется, нельзя забывать, что и Первая и Вторая мировые войны обошли, фигурально выражаясь, Соединенные Штаты стороной, но тем не менее высочайшие темпы американской экономики были в первую очередь обязаны росту производительности труда, концентрации

капиталовложений в развитие новейших технологий и новым факторам, лежащим в основе ускорения современного технического процесса – обучению молодежи новым профессиям, внедрению научных и опытно-конструкторских разработок в производство, модернизации управленческой деятельности на предприятиях, созданию нового типа взаимоотношений на производстве (прямой результат реформ “нового курса”). Профессионализм американского рабочего и американская предприимчивость наряду с новыми нормами предпринимательской этики стали общепризнанным эталоном для мировой экономики. К концу 40-х годов Америка в значительной степени обновила свой промышленный потенциал. Были созданы оснащенные по последнему слову техники заводы, судостроительные верфи, транспортные средства, предприятия связи, энергетические мощности, коммуникации. За пять лет, с 1940 по 1945 г., валовой национальный продукт вырос вдвое – со 100 млрд долл. до 200 млрд долл. К 1945 г. исчезла безработица²⁰.

Америка стремительно насыщалась товарами, быстро расширялась сфера услуг, росло потребление. К 1950 г. американцы являлись обладателями 70% мирового парка автомобилей, протяженность железнодорожной сети США составляла 35% от общемирового значения, 83% самолетов гражданской авиации приходилось на долю Америки. Она превратилась в страну полной телефонизации. Не было другой такой страны в мире, которая бы располагала столь же высокой насыщенностью рынка товарами повседневного спроса длительного пользования, с которыми связывалось представление о повышенном комфорте и высоком уровне жизни – радио (затем и телевизоры), холодильники, пылесосы, стиральные машины и т.д.²¹ Наблюдался подлинный бум домостроения и создания инфраструктуры в пригородах и крупных городах. Это явление имело место повсюду, от океана до океана, от границ с Канадой до границ с Мексикой.

Бедность осталась, но ее размеры и география изменились. “Другая Америка” обосновалась в трущобах индустриальных городов Севера и Северо-Востока в основном за счет иммигрантов и мигрирующего черного населения южных штатов. Бурная индустриализация Юга, Среднего Запада и Запада с развитием наукоемких отраслей сделала некогда депрессивные регионы процветающими территориями. Фермерство в своей основной массе поправило положение за счет огромного спроса на продовольствие в разоренной войной Европе и правительственных субсидий. Выросли сбережения. Доходы американцев достигли таких размеров, которые били все рекорды этого плана в традиционно благополучных странах. В 1949 г. средний ежегодный доход на человека в США составлял 1453 долл., а такой же доход в Канаде, Новой Зеландии и Швейцарии – 800–900 долл. Еще на ступеньку ниже находились Швеция и Великобритания – 700–800 долл. Статистика показывает, что средне-

годовой доход в Советском Союзе в 1949 г. составлял 308 долл., в Китае – 27 долл.

Экономисты подсчитали, что американцы в день потребляли 3186 калорий, больше чем где бы то ни было в мире. Ближе всего к американцам приближались англичане – 2700 калорий²². Уже к концу войны Ф. Рузвельт с удовлетворением мог констатировать, что страна миновала худшие времена, когда треть нации жила за чертой бедности²³. После войны, во второй половине 40-х годов, в активную часть трудоспособного населения страны пришли многочисленные представители среднего класса, чье благополучие материализовалось во вновь построенном новеньком доме в пригороде, автомобиле и солидном счете в банке. Сменивший Рузвельта в Белом доме новый президент – мало кому известный политик, демонстрируя свою озабоченность национальной безопасностью и мировой политикой и не желая растерять весь политический багаж демократической партии, должен был прилагать особые усилия к сохранению преемственности во внутривластном курсе. Новая послевоенная реконверсия, таким образом, вынудила Трумэна соединить в своем лице ньюдиллера, доделывающего программу своего предшественника, и выразителя интересов новых народившихся страт нации, разделявших, как об этом писал Л. Харц, убеждения, выраженные в “полных вельможного самодовольства разглагольствованиях капиталиста Герберта Гувера”²⁴.

“Президент, – говорил Вудро Вильсон, – свободен быть настолько великим, насколько он способен”. Небесспорность этого суждения не умаляет значения выраженной в нем связи духа и политики. Однако, по-видимому, Гарри Трумэн в отличие от Рузвельта никогда не задумывался над этим постулатом. Он сделан был из другого материала, а главное, никакие внутренние голоса не подсказывали ему, что удивительное сочетание различных обстоятельств само собой вынесет его на порядок выше той планки, которую он сам для себя установил, никогда не помышляя выйти из тени великого политика, своим уходом из жизни подарившего ему национальное признание. “Я слишком мал для той работы, которую призван выполнять”, – совершенно искренне признавался Трумэн сразу после того, как бремя президентства свалилось на его плечи.

Тем не менее заданный стране Великой депрессией и войной вектор сделал из провинциального политика с неартикулированной философией и программой, не уяснившего для себя поначалу до конца ни расстановку мировых сил, ни масштаб национальных внутривластных и внешнеполитических задач, лидера, чья прямолинейность и воля были адекватны обстановке с ее особой жесткостью отношений между двумя сверхдержавами, а стремление идти в ногу со временем в целом соответствовало потребностям общества, вступившего в эру постиндустриализма. Главный урок, который основательно усвоил Трумэн из наследия демократических пред-

шественников – Вудро Вильсона и Франклина Рузвельта, – состоял в том, что в условиях нестабильного, непрерывно революционизирующегося мира доктрина американского либерализма (Американский путь) должна быть пластичной, видоизменяемой, чутко откликающейся на те импульсы, источником которых являются как внутренняя природа, так и внешние условия.

Новый порядок вещей, сложившийся в стране в годы “нового курса” и программа его совершенствования, в несколько абстрактной форме изложенная Рузвельтом в его знаменитых “Четырех свободах” и экономическом Билле о правах, получили в политике и публичных выступлениях тридцать третьего президента более концентрированное выражение. В последовательном виде оно может быть представлено следующим образом. *Первое:* система либерального общества типа *laissez-faire* разочаровала миллионы людей в самих краеугольных принципах американизма. Возникло понимание того, что эта система была разрушительной не только в экономической сфере, где породила неконтролируемую цикличность производства, анархию в финансовой сфере, биржевые катаклизмы и массовую безработицу, но и в политической. Она ответственна за неэффективность деятельности правительства в условиях кризисной ситуации, опасное разрушение вертикали власти (о чем в форме драматических инвектив в адрес прежде всего конгресса заявляли его самые смелые критики – Джексон, Линкольн, Вильсон и оба Рузвельта) вследствие ущемления прерогатив президента или нехватки полномочий для решения объективно назревших нетрадиционных проблем в области внутренней и особенно внешней политики. Разделение властей при всей их непреходящей ценности в ядерную эру начинает смахивать на анахронизм, если президент не является “первым среди равных” и лишен возможности принимать безотлагательные решения чрезвычайной важности. *Второе:* в условиях усилившейся многократно привлекательности идей коммунизма существенное изменение должна претерпеть социальная доктрина капитализма. Как политический реалист Трумэн, несмотря на яростную критику консерваторов и традиционалистов, смело шел на модернизацию социального законодательства (включая и гражданские права афроамериканцев), чувствуя, что лозунгу “государства всеобщего благосостояния” должно быть придано более широкое толкование, нежели это допускал Рузвельт. Борьба мировых идеологий – либерализма и коммунизма – вступила в открытую фазу и обрела планетарный масштаб, и Трумэн был полон решимости не только отстоять рузвельтовский “новый курс” (в обстановке процветающей послевоенной экономики правые силы стремились взять реванш, объявив реформы “нонсенсом”), но и, как выразился один из оппонентов Трумэна, “переплюнуть” его. Кроме того, у Трумэна было много критиков слева (Г. Уоллес и его Прогрессивная партия), не позволявших брать “передышку”.

И те и другие отмечали, что Трумэн намеренно поддался давлению слева, частично позаимствовав у прогрессистов пункты своей программы²⁵, но и те и другие не сознавали полностью, что и “справедливый курс” Трумэна, и последующие программы демократов (“новые рубежи” Кеннеди и “великое общество” Джонсона) вписывались в процесс полевления мирового либерализма, сближения его с идеями социальной справедливости, что было так типично для христианской демократии в Европе и еще в большей степени в Латинской Америке. Когда Трумэн, “убежденный в глупости и жадности лидеров бизнеса”²⁶, говорил о строительстве нового мира, “гораздо лучшего мира”, он понимал, что гарантировать благополучие нового демократического порядка, свободно вписывающегося в американскую систему, нельзя без отдачи должного принципу социальной справедливости, который в условиях постиндустриального общества является не только этическим принципом, но и одним из условий функционирования самой демократической системы. Фирменный лейбл его внутренней политики – “справедливый курс” – отражал особенность социальной доктрины послевоенных демократов. Характерно, что республиканский кандидат на президентских выборах 1952 г. Дуайт Эйзенхауэр, одержавший победу над демократом Э. Стивенсоном, не нашел возможным выдвинуть альтернативную программу “справедливому курсу”. Он воспринял ее как результат общественного консенсуса, как исторический компромисс.

Война удесятерила мощь американской экономики, главного условия социальной стабильности и прочности внешнеполитических позиций. Важно отметить резкое улучшение качественных показателей в методологии управления макроэкономическими процессами и менеджмента, хотя, разумеется, они не отменили экономические циклы. Администрации демократов настойчиво внедряли рациональные ограничения свободной конкуренции в хозяйственной жизни, поддерживая принцип кооперации и макроэкономического регулирования. Страх повторения катастрофы 1929–1933 гг. витал над страной, подавляя недоверие к разрастанию “большого правительства” и его функций.

Известный американский экономист и социолог Даниел Белл писал, что Ф. Рузвельт экспериментировал с широким набором экономических программ. “Немногие из подобных мероприятий были почерпнуты из какой-либо общей теории экономического возрождения; таковой вообще не существовало”. Трумэн в этом отношении был в более удачном положении. На его стороне был опыт, полученный методом проб и ошибок, а также важные достижения в экономической теории: работы К. Кларка, С. Кузнецца, П. Самуэльсона, Дж. Хикса, Э. Фриша, В. Леонтьева, Дж. Гэлбрейта и других, многие из которых могли быть использованы в прикладной политике, в прогнозировании подъемов и спадов, в коррекции межотраслевого баланса, во внешнеторговой деятельно-

сти. Белл продолжает: “Начиная с 1940 г., произошел удивительный расцвет тех областей науки, чьи выводы могут быть применимы к проблемам организованной сложности: теория информации, кибернетика, теория решений и игр, концепция полезности”²⁷. Рыночная экономика благодаря интеллектуальным технологиям получила возможность избавиться от интуитивных суждений, заменив их формализованными алгоритмами, научно обоснованным набором правил решения сложных проблем. Знаменательно, что получившая мировую известность работа Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна “Теория игр и экономическое поведение”, предлагавшая стратегию минимизации максимальных потерь, вышла в 1944 г. А к 1950 г. В. Леонтьев разработал свои таблицы “затраты-выпуск”, легшие в основу индикативного планирования.

В конце 40-х годов США далеко опередили все остальные страны в проведении этой “тихой революции”, в рамках которой технические стороны высокоразвитой экономической теории тесно переплелись с общественной практикой. Трумэн в традициях рузвельтовской открытости новациям в сфере экономического регулирования способствовал внедрению интеллектуальных технологий в правительственную деятельность, непосредственно связанную с совершенствованием механизма взаимодействия государства и хозяйственных субъектов, с осуществлением контроля над стратегически важными ресурсами, включая в первую очередь людские. По его инициативе были созданы важные институты, ставшие частью государственной машины, положено начало перестройки всей системы федеральной службы.

Закон об атомной энергии 1946 г. поставил этот страшный источник могущества, волшебную силу, воплощающую в себе и добро и зло, два лика в одном под исключительную юрисдикцию президента, полностью оградив его от диктата политиков, управленцев и охочих нажимать на спусковой крючок милитаристов. Принятый в том же году Закон о занятости (совершенно исключительная мера для Соединенных Штатов) учредил Совет экономических консультантов при президенте, предоставивший последнему инструмент, с помощью которого Белый дом может вести мониторинг на все важнейшие параметры национальной экономики и вырабатывать рекомендации для устойчивости экономического процесса²⁸. Серьезным преобразованиям в интересах информированности общественности о правительственной финансовой политике явилось повышение статуса федерального Бюро бюджета, предоставившего ему новые полномочия в плане управления и контроля за расходованием средств казны. Трумэн ввел регулярные слушания по бюджету для журналистов, сделав (почти всегда мистические) его статьи прозрачными и понятными для публики. Вместе с рузвельтовскими уверенными шагами в направлении ограничения свободной игры стихийных сил на рынке товаров и труда в банковской сфере эти меры

снимали “ощущение конца”, которое в результате Великой депрессии стало характерным литературным образом целой эпохи.

Фигура самого тридцать третьего президента, начисто лишенного аристократизма, грубоватого, напористого и импульсивного, с простецким юмором – типичные черты для представителя средних слоев западных штатов, как нельзя лучше символизировала важнейшую примету времени, которую Карл Манхейм видел в переходе буржуазной демократии обеспеченных слоев к подобию массовой демократии²⁹. Выходец из семьи среднего достатка в штате, который никогда не славился любовью к местным богачам, Трумэн в первых же актах социального характера продемонстрировал искренность своих намерений служить интересам большинства, теоретически даже вопреки возникшей в постиндустриальном обществе тенденции к созданию новой классовой стратификации с преобладанием меритократии. В упомянутом выше Законе о полной занятости было установлено (по крайней мере формально) в качестве приоритета национальной политики, что каждый американец имеет право на труд и общество ответственно за обеспечение полной занятости.

Следующим по степени важности актом следует считать директиву Трумэна № 9981 от 26 июля 1948 г., требовавшую покончить с расовой дискриминацией при найме на государственную службу, и директиву № 9981 о подготовке десегрегации в вооруженных силах. В июле 1948 г. Трумэн в послании, направленном специальной сессии конгресса (что подчеркивало чрезвычайный характер принимаемых мер), предложил восстановить контроль над ценами, утвердить жилищный билль о строительстве государственного жилищного фонда для малоимущих, принять законы против линчевания и дискриминации в вооруженных силах. 10 пунктов Трумэна выглядели как народная хартия, достраивающая фундамент нового общества, распростившегося с социал-дарвинистской моделью доиндустриальной эпохи. Равенство результатов становилось таким образом целью социальной политики, существенно изменяя доктрину либерализма. Трумэн дописал эту страницу в процессе ее переосмысления, высказав ряд предложений, направленных на ликвидацию ставшей нетерпимой недоступности медицинского обслуживания для больших групп населения, улучшение школьного образования, усиление контроля государства над производством и распределением, расширение производства дешевой электроэнергии путем строительства государственных гидроэлектростроительных и т.д. Ставилась задача увеличить доходы рядовых тружеников путем поднятия минимума заработной платы и оказания прямой помощи фермерам.

Далеко не все пункты этой широкой программы оказались осуществимыми в результате сопротивления консервативных сил в конгрессе, средствах массовой информации, южных расистов и северных антистейкхольдеров, но большинство из них (если не все) оказа-

лись включенными в повестку дня для будущего. Выполнение ее затянулось, но каждый шаг или полшага в этом направлении качественно менял ситуацию в социальном положении основных общественных классов и слоев, а не только верхушки общества. В конечном итоге у американцев к концу XX столетия оказалось больше оснований осторожно говорить о приближении конца эры недостатка благ и более решительно – о становлении общества массового потребления.

Сочетание двух факторов – экономический Ренессанс США на базе тотального технологического обновления плюс изменения в социальной стратификации, содействовавшие укреплению политической стабильности, позволили Соединенным Штатам занять лидирующие позиции в послевоенном мире. Любопытно, что известный историк и политолог К. Филлипс ставил в заслугу Трумэну и его президентству прежде всего внешнеполитический активизм, с которым ни в какое сравнение не шел выглядевший просто буколически интернационализм Вудро Вильсона. Филлипс не случайно называл важнейшими реформами создание в 1947 г. Совета национальной безопасности и Центрального разведывательного управления. И продолжал: “Достижения Трумэна... во внешней политике просто монументальны. Это была эра холодной войны, и оба срока его пребывания на посту президента были омрачены в каждое мгновение такого рода опасностями, которые не знал ни один президент: бесконечное перетягивание каната – верховного лидерства над миром – между двумя враждебными и несовместимыми силами, каждая из которых способна уничтожить другую. Трумэн встретил эту опасность мужественными, изобретательными и долговременными контрмерами. Доктрина Трумэна, Программа европейского восстановления, НАТО, Берлинский авиамост, Корейская интервенция – таковы вехи исторического значения на пути к национальному величию. Они фундаментально и на все времена отразились на судьбе американского народа и всего мира”³⁰. Автор этой похвальной оды политику из штата Миссури, видимо, не случайно исключил из своего перечня “успехи” в накоплении атомного оружия и начало работ над водородной бомбой. Решение Трумэна применить атомное оружие против японских городов и сейчас рассматривается как акт величайшей жестокости.

Но еще вне всякой связи с трумэновскими интервенциями в мировые дела экспансия “американизма” обнаружила себя в конце Второй мировой войны в различных проявлениях, включая в первую очередь амбициозные геополитические проекты, духовное мессианство и военно-стратегическое планирование с опорой на создаваемые на всех континентах военные базы и абсолютное превосходство в новейшем оружии. Сама возможность для всех без исключения послевоенных администраций США (демократических и республиканских) активно проводить политику *Pax Americana* во многом

была обеспечена руководству и моральному примеру Рузвельта. Именно с ним американцы сумели преодолеть синдром сомнения в совершенстве своей цивилизации. “Интернационалист” Рузвельт одним ему доступным способом (здесь уместно употребить термин “виртуозность”, которым Рузвельта наделил У. Липпман) вернул Америке подавленное изоляционистами ощущение своей абсолютной самоценности для мирового порядка. Шаг за шагом он культивировал новое внешнеполитическое мышление, ставящее США при сохранении темпов развития, опережающих многократно любого самого сильного соперника (взятого в отдельности или в блоке с союзниками), во главе принципиально новой системы мирохозяйственных связей и безопасности, опирающихся на идею атлантической солидарности, ресурсное и военное превосходство США³¹.

Появление контуров биполярного мира и вызов, брошенный коммунизмом Западу на заключительном этапе коалиционной войны и после ее окончания, поставили Рузвельта, а затем и Трумэна перед очень серьезной дилеммой: сохранить ли тесные партнерские отношения с Советским Союзом (тем самым добровольно соглашаясь с уравниванием США с советской сверхдержавой) или, опираясь на экономическое и военное (атомное оружие) превосходство, постепенно отвоевать геополитическое пространство, оказавшееся под контролем СССР, сдерживать его устремления к превращению в альтернативный центр силы и в конечном счете добиться либерализации советского режима и рецепции им западных ценностей.

Однако в годы войны США оказались лишенными свободы маневра. Советский Союз внес решающий вклад в освобождение Европы и озабоченный признаваемой всеми проблемой своей безопасности законно предъявил высокие требования в отношении будущего устройства мира и его европейской подсистемы. Возросли и получили признание его притязания на лидерство в антиимпериалистическом движении в колониальном мире. Идеология коллективизма и антибуржуазность приобрели так много фанатично преданных сторонников, что невольно заставляли верить в ее окончательное и полное торжество. В этих условиях, как полагали Рузвельт и Трумэн, Америке ничего не оставалось, как ответить на этот глобальный вызов комбинацией контрмер: вневременным экономическим и научно-техническим превосходством, монополией на сверхмощное оружие, а затем опережающими темпами в его совершенствовании, осуществлением доминирующей роли в международных структурах, таких, как ООН и НАТО, и (последнее по счету, но не по важности) настойчивым продвижением идеи о воплощении на американской земле царства самой совершенной демократии. Антиномия “социализм-капитализм”, снятая реформами “нового курса” в рамках отдельно взятой страны, в мировом масштабе в духе жесткой модальности (общее место для политиков – демократов и республиканцев) была призвана разрешиться победой универсального уклада жизни,

который в наибольшей степени соответствует современному понятию “американизма”, американской системы.

Вторично в XX в. Америка протягивала свою руку тем странам, лидеры которых просили ее о покровительстве, хотя большинство народа этих стран зачастую и не хотело этого. Не беда, что порой это выглядело как союз всадника и лошади. И на этот раз Америка поступала так, ни секунды не задумываясь относительно того, что сулит ей и человечеству в целом вмешательство в дела других стран и целых континентов, в том числе при выполнении карательных функций. Завоеванное “превосходство мощи”, говорит американский историк Бредфорд Перкинс, Соединенные Штаты “хотели использовать... для распространения своей политико-экономической системы на другие страны”. Мы желали, добавляет он, чтобы “весь мир был не просто открыт для его эксплуатации американцами, но и был нам близок по духу”³².

Представления политиков и государственных деятелей Америки конца 40-х годов о переходном периоде к миру не были столь же идеалистическими, как у Вильсона, а их представление о “сферах интересов” вполне четко включало в себя присутствие Соединенных Штатов (в том числе военное) на различных территориях побежденных и дружественных стран. Неверно напрямую увязывать это с противодействием удушению тоталитаризмом стран, куда пришла Красная Армия. Начиная уже с 1943 г., а то и раньше США принимали различные меры “сдерживания” всеобщего полевления в мире, включая в первую очередь Восточную и Западную Европу, оказывали значительную помощь проамериканским режимам, практикуя информационную, морально-психологическую, политическую, финансовую и военную поддержку, подкуп и восстановление партий правого, социал-реформистского и клерикального толка. Позднее в противовес стремлению Советского Союза насадить сверху государственность советского типа в странах, оказавшихся под его контролем, Соединенные Штаты сделали своей государственной доктриной защиту стран “свободного мира”, подрыв внутренней стабильности СССР и его союзников, возрождение или выращивание (как в Японии или Южной Корее) режимов “рыночной демократии”, порой совсем не удовлетворявших американским понятиям о либеральном общественном устройстве. Таким образом, родившаяся в конце XIX в. идея “раздвижной границы” обрела новое дыхание в геостратегии Соединенных Штатов после 1945 г., делающих ставку и на прямое американское военное присутствие в различных регионах планеты, и на консолидацию под эгидой США в военно-политических блоках стран с воскресшей или вмененной демократией³³. Их восстановление и устойчивое развитие при экономической поддержке США создавало необходимые моральные и политические предпосылки для расширения зоны влияния США или, как удачно выразился шведский историк послевоенной внеш-

ней политики Америки Г. Лундстад, “империи по приглашению” (empire by invitation)³⁴. Расширение НАТО на Восток и набирающая мощь глобализация – хорошая иллюстрация удачно найденной метафоре.

Здесь необходимо отметить еще очень важную качественную черту внешней политики США в ядерную эру, связанную с именами Г. Трумэна, Дж. Бирнса, Дж. Маршалла, Д. Ачесона и Дж. Кеннана. Молчаливое признание ими еще до того, как у Советского Союза появилось собственное атомное оружие (1949 г.), наличия условного военного паритета – равной способности двух сверхдержав нанести друг другу неприемлимый урон в случае возникновения атомной войны, даже такой, в которой перевес мог оказаться на стороне США. Ванневар Буш, проанализировав ситуацию осенью 1945 г., назвал причиной патовой ситуации следующее: возможность применения Советским Союзом в качестве контрмеры бактериологического оружия. Другой причастный к созданию американского атомного арсенала ученый, Л. Сциллард, с самого начала усмотрел в накоплении Соединенными Штатами атомного оружия после Хиросимы и проведении серии “устрашающих” испытаний в Тихом океане преимущественно проявление большого блефа, род антидепрессанта для Запада, потрясенного расколом Европы и наступлением коммунизма. Влиятельнейшая фигура в американской дипломатии послевоенных лет Дин Ачесон, один из творцов Атлантического союза, занимавший пост государственного секретаря США в 1948–1953 гг., утверждал, что любое преимущество, достигнутое гонкой атомных вооружений, ничтожно в свете риска атомной войны. Он уподобил ее игре в русскую рулетку, все ставящее в зависимость от случая. “Вывод, к которому я прихожу, – писал он, – сводится к тому, что война между Советским Союзом и Соединенными Штатами окажется, по всей вероятности, настолько опустошительной и кровопролитной для обоих участников, равно как и для других стран, что одна из важнейших целей нашей (и их) внешней политики должна состоять в том, чтобы избежать ее”³⁵.

Таким образом, если воспользоваться суждением известного американского исследователя истории холодной войны Джона Гэддиса, возникло как бы само собой явление “нового рационализма”, выросшее, как он пишет, “из здравого представления о том, что по мере того как оружие становится все более разрушительным, оно становится все менее востребованным”³⁶. Не следует, может быть, так уж безоговорочно соглашаться с маститым историком, но в двухсторонних советско-американских отношениях начиная с 1945 г. в части атомных вооружений и в самом деле возобладал дух конкурентного противостояния пополам со здравомыслием, устойчивый к соблазну действовать “на опережение”.

¹ *Offner A.A.* Another Such Victory. President Truman and the Cold War, 1945–1953. Stanford (Cal.), 2002. P. 109.

² *Тимербаев Р.М.* Россия и ядерное нераспространение 1945–1968. М., 1999. С. 30.

³ *Herken G.* The Winning Weapon: The Atomic Bomb in the Cold War, 1945–1950. N.Y., 1981; *Филитов А.М.* “Холодная война”: Историографические дискуссии на Западе. М., 1991. С. 88.

⁴ *Fousek J.* To Lead the Free World. American Nationalism and Cultural Roots of the Cold War. Chapel Hill; L., 2000. P. 16.

⁵ Альтернатива жесткому антисоветизму была изложена в меморандуме Робинсона–Болена от 10 декабря 1945 г. (см.: *Мальков В.Л.* “Манхэттенский проект”: Разведка и дипломатия. М., 1995. С. 166–169; *Печатнов В.О.* От союза – к вражде: Холодная война 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М., 2003. С. 46, 47.

⁶ *Lippman W.* U.S. War Aims. Boston, 1944; см. также: *Печатнов В.О.* Уолтер Липпман и пути Америки. М., 1994.

⁷ *America Unbound: World War II and the Making of a Superpower* / Ed. by *W.F. Kimball*. N.Y., 1992; *Fousek J.* Op. cit. P. 200.

⁸ The Seeley G. Mudd Library. Hamilton Fish Armstrong Papers. Box 47. Folder “E. Stettinius, 1945”; подробнее см.: *Мальков В.Л.* 1945: как понимали в Америке национальный интерес // Россия XXI. 2000. № 1. С. 158–169.

⁹ *Шлезингер А.М.* Циклы американской истории. М., 1992. С. 210. Интересные теоретические соображения относительно “принципа доверия” в американской дипломатии и военной политики после Второй мировой войны высказаны в статье: *McMahon R.J.* Credibility and World Power: Exploring the Psychological Dimension in Postwar American Diplomacy // *Diplomatic History*. Fall 1991. Vol. 15. N 4. P. 455–471.

¹⁰ *Foreign Affairs*. 1947. July. N 25. P. 566–582.

¹¹ *Gaddis J.L.* We Now Know. Rethinking Cold War History. N.Y., 1998. P. 20.

¹² *FRUS*. 1946. Vol. VI. P. 696–709.

¹³ *Мальков В.Л.* Неизвестный Кеннан: Заметки о морфологии мышления дипломата // Россия XXI. 2003. № 4. С. 136–169.

¹⁴ *Leffler M.P.* A Preponderance of Power. National Security, the Truman Administration and the Cold War. Stanford (Cal.), 1992. P. 181.

¹⁵ Приводимые здесь цитаты даются по тексту “длинной телеграммы” в кн.: *Origins of the Cold War. The Novikov, Kennan and Roberts’ “Long Telegrams” of 1946* / Ed. by *K.M. Jensen*. Wash., 1991. P. 29, 330.

¹⁶ Подробно данный вопрос освещен в следующих принципиально важных исследованиях: *Grose P.* Operation Rollback. America’s Secret War. Behind the Iron Curtain. Boston; N.Y., 2000; *Mitrovich G.* Undermining the Kremlin. America’s Strategy to Subvert the Soviet Bloc, 1947–1956. Ithaca; L., 2000.

¹⁷ *Origins of the Cold War*. P. 31.

¹⁸ *Fousek J.* Op. cit. P. 50.

¹⁹ *Blood, Toil, Tears and Sweat: The Speeches of Winston Churchill*. Boston, 1989. P. 282.

²⁰ *White D.W.* The American Century. The Rise and Decline of the United States as a World Power. New Haven; L., 1996. P. 38, 55, 56.

²¹ *Zakaria F.* From Wealth to Power. Princeton, 1998; *Cohen L.* A Consumers' Republic: The Politics of Mass Consumption in Postwar America. N.Y., 2003.

²² *White D.W.* Op. cit. P. 57.

²³ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, 1928–1945. 13 vol. N.Y., 1938–1950. Vol. 1944–1945. P. 40.

²⁴ *Харц Л.* Либеральная традиция в Америке. М., 1993. С. 252.

²⁵ *Culver J.C., Hyde J.* American Dreamer. The Life and Times of Henry A. Wallace. N.Y.; L., 2000. P. 502.

²⁶ *Шлезингер А.М.* Указ. соч. С. 290.

²⁷ *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999. С. 29, 38.

²⁸ *Лихачева И.В.* США: экономическая наука и экономическая политика. Совет экономических консультантов при президенте. М., 1975.

²⁹ *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 323.

³⁰ *Phillips C.* The Truman Presidency. The History of a Triumphant Succession. N.Y., 1966. P. 401.

³¹ *Кимбол У.Ф.* “Семейный круг”: послевоенный мир глазами Рузвельта // *Вопр. истории.* 1990. № 12. С. 3, 4.

³² *Перкинс Б.* “Холодная война” закончилась. Что дальше? // *Американский ежегодник*, 1994. М., 1995. С. 164.

³³ *McCormick Th.J.* America's Half-Century: United States Foreign Policy in the Cold War and After. 2d ed. Baltimore, 1995.

³⁴ *Lundestad G.* Empire by Invitation? The United States and Western Europe, 1945–1952 // *Journal of Peace Research.* 1986. Sept. P. 263–277.

³⁵ *Ачесон Д.* Демократ о своей партии. М., 1956. С. 44.

³⁶ *Gaddis J.L.* Op. cit. P. 86.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ И ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

АРХИВЫ

Россия

Архив внешней политики Российской Федерации. Фонды 017а, 06, 48₃, 056
Государственный архив Российской Федерации. Фонд 5283
Российский центр хранения документов новейшей истории

США

National Archives, Washington, D.C.
General Records of the U.S. Department of Labor
General Records of the U.S. Department of State. Decimal Files (Record Group 59)
Leahy, William D. Papers
Manhattan Engineering District (Record Group 77)
Office of Scientific Research and Development (Record Group 227)
Office of Strategic Service (Record Group 226)
Pasvolsky, Leo. Files
U.S. Department of Labor. Office of the Chief Clerk, 1933–1934

The Library of Congress, Manuscripts Division, Washington, D.C.

Arnold, Henry H. Papers
Borah, William. Papers
Bush, Vannevar. Papers
Clapper, Raymond. Papers
Davies, Joseph E. Papers
Davis, Norman H. Papers
Dodd, William E. Papers
Feis, Herbert. Papers
Frankfurter, Felix. Papers and Diaries

Frey, John P. Papers
Henderson, Loy. Papers
Ickes, Harold L. Papers
Kennan, George. Papers
Lansing, Robert. Papers
Long, Breckinridge. Papers
MacLeish, Archibald. Papers
Oppenheimer, J. Robert. Papers
Parsons, William S. Papers
Patterson, Robert P. Papers
Pasvolsky, Leo. Papers
Post, Freeland, L. Papers
Roosevelt, Kermit and Belle. Papers
Spaatz, Carl A. Papers
Steinhardt, Laurence A. Papers
Sweetser, Arthur. Papers
Walsh, Thomas J. Papers
Wilson, Woodrow. Papers

The Franklin Delano Roosevelt Library, Hyde Park, New York

Cox, Oscar. Papers
Hickok, Lorena. Papers
Hopkins, Harry L. Papers
Morgenthau, Henry. Papers and Diaries
Roosevelt, Franklin D. Presidential Papers
Rosenman, Samuel I. Papers
Williams, Aubrey. Papers

Georgetown University Library, Washington, D.C.

Kelley, Robert E. Papers

Princeton University, Princeton, New Jersey

Seeley G. Mudd Manuscript Library
Armstrong, Hamilton F. Papers

Baruch, Bernard. Papers
Bullard, Arthur. Papers
Dulles, Allen W. Papers
Kennan, George F. Papers

***Harvard University, Cambridge,
Massachusetts***

Houghton Library
Grew, Joseph C. Papers
Sherwood, Robert E. Papers

***Yale University, New Haven,
Connecticut***

Sterling Memorial Library
Stimson, Henry L. Papers and Diaries.
Microfilm version

***Michigan Historical Collection, Ann
Arbor, Michigan***

Bentley Historical Library
Murphy, Frank. Papers
Vandenberg, Arthur H. Papers

***Wayne State University, Detroit,
Michigan***

Labor History Archives
Kraus H. Collection
Oral History Collection
Reuther, Walter P. Papers

***New York Public Library, New York,
N.Y.***

La Guardia, Fiorello H. Papers
Thomas, Norman. Papers

***Wisconsin State Historical Society
Library, Madison, Wisconsin***

Gumberg, Alexander. Papers
Robins, Raymond. Papers

***Hoover Institution on War, Revolution
and Peace, Stanford, California***

Graves, William S. Papers
Hornbeck, Stanley K. Papers

ПЕРИОДИКА*

Американский ежегодник
Вестник Архива Президента Российской Федерации
Вопросы истории
Источник. Документы русской истории
Международная жизнь
Новая и новейшая история
Отечественная история
Проблемы американистики
Россия XXI
США и Канада: экономика, политика и культура
Advance
Agricultural History
American Federationist
American Historical Review
American Economic Review
Bulletin of Atomic Scientists
Business Week
CIO News
Cold War International History Project, (CWIHP), Woodrow Wilson Center, Washington, D.C.
Detroit Free Press
Diplomatic History
Dissent
Foreign Affairs
Foreign Policy
Journal of American History
Journal of Modern History
Labor History
Nation
National Interest
New Republic
New York Times
New York Times Magazine
Pacific Historical Review
People's Press
Political Science Quarterly
Prologue
Russian Review
Student Outlook
Workers Alliance

---

* В комплектах и за отдельные годы.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, МЕМУАРЫ И ДНЕВНИКИ

Атомный проект СССР: Документы и материалы: В 3 т. / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. 1. 1938–1945: В 2 ч. М., 1998. Ч. 1; 2002. Ч. 2.

Архив полковника Хауза. Т. I–IV. М., 1937–1944.

Громыко А.А. Памятное. Кн. 1–2. М., 1988.

Документы внешней политики СССР. Т. I–XXIV. М., 1957–2000.

Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша, 1789–2001 гг. / Общ. ред. и коммент. Э.А. Иवानяна. М., 2001.

Исии К. Дипломатические комментарии. М., 1942.

Майский И.М. Воспоминания советского дипломата, 1925–1945. М., 1987.

Россия и США: дипломатические отношения, 1900–1917 / Науч. ред. Г.Н. Севостьянов, Дж. Хэзлем. М., 1999.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. документов / М-во иностр. дел. Т. I–VI. М., 1978–1980.

Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945: Документы и материалы: В 2 т. М., 1984.

Советско-американские отношения. Годы непризнания, 1918–1926 / Науч. ред. Г.Н. Севостьянов, Дж. Хэзлем. М., 2002.

Чему свидетели мы были: Переписка бывших царских дипломатов, 1934–1940: Сб. документов: В 2 кн. М., 1998.

Acheson D. Present at the Creation: My Years in the State Department. N.Y., 1969.

Ambassador Dodd's Diary, 1933–1938 / Ed. by W.E. Dodd, Jr., M. Dodd. N.Y., 1941.

Blood, Toil, Tears and Sweat: The Speeches of Winston Churchill / Ed. by D. Cannadine. Boston, 1989.

Bohlen Ch. Witness to History. N.Y., 1973.

Byrnes J.M. Speaking Frankly. N.Y., 1947.

Churchill and Roosevelt: Their Complete Correspondence: 3 vol. / Ed. by W.F. Kimball. Princeton (N.J.), 1984.

Churchill W.S. The Second World War: 6 vol. Boston, 1948–1953.

Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950 / Ed. by Th. Etzold, J.L. Gaddis. N.Y., 1978.

Davies J.E. Mission to Moscow. L., 1942.

FDR: His Personal Letters, 1928–1945: 2 vol. / Ed. by E. Roosevelt, J.P. Lash. N.Y., 1950.

For the President, Personal and Secret: Correspondence between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullitt / Ed. by O.H. Bullitt. Boston, 1972.

Franklin Roosevelt and Foreign Affairs: 3 vol. / Ed. by E. Nixon. N.Y., 1969.

From the Diaries of Felix Frankfurter / Ed. by J.P. Lash. N.Y., 1974.

Grew J.C. Turbulent Era: A Diplomatic Record of Forty Years, 1904–1945: 2 vol. Boston, 1945.

Harriman W.A., Abel A. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946. N.Y., 1975.

Hassett W.D. Off the Record with FDR, 1942–1945. New Brunswick (N.J.), 1958.

Hull C. Memoirs. Vol. 1–2. N.Y., 1948.

- Ickes H.L.* The Secret Diary of Harold L. Ickes. 2 vol. N.Y., 1953–1954.
- Kennan G.F.* Memoirs, 1925–1963: 2 vol. Boston, 1967, 1972.
- Leahy W.D.* I Was There. N.Y., 1950.
- Moley R.* After Seven Years. N.Y., 1939.
- Perkins F.* The Roosevelt I Knew. N.Y., 1946.
- Public Philosopher: Selected Letters of Walter Lippman / Ed. by J.M. Blum. N.Y., 1985.
- Roosevelt E.* This I Remember. N.Y., 1949.
- Roosevelt and Frankfurter: Their Correspondence, 1928–1945 / Ed. by M. Freedman. Boston, 1967.
- Roosevelt F.D.* The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt: 13 vol. / Ed. by S.I. Rosenman. N.Y., 1938–1950.
- Roosevelt Th.* The Works of Theodore Roosevelt: National Edition: 20 vol. N.Y., 1926.
- Stimson H.L., Bundy M.* On Active Service in Peace and War. N.Y., 1948.
- The Cabinet Diaries of Josephus Daniels, 1913–1921 / Ed. by E.D. Cronon. Lincoln, 1963.
- The Diaries of Edward R. Stettinius, Jr. / Ed. by Th. Campbell, G. Herring. N.Y., 1975.
- The Lansing Papers, 1914–1920. 2 vol. Wash. (D.C.), 1939–1940.
- The Letters and Papers of Alfred Thayer Mahan: 3 vol. / Ed. by R. Seager and D. Maguire. Annapolis, 1975.
- The Moffat Papers. Selections from the Diplomatic Journals of J.P. Moffat, 1919–1947 / Ed. by N.H. Hooker. Cambridge (Mass.), 1956.
- The Private Papers of Senator Vandenberg / Ed. by A.H. Vandenberg, Jr. Boston, 1952.
- Truman H.S.* Memoirs by Harry S. Truman: 2 vol. Garden City (N.Y.), 1955–1956.
- U.S. Department of State. Harley Notter. Postwar Foreign Policy Preparation, 1939–1945. Wash. (D.C.), 1950.
- U.S. Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (FRUS), 1911–1952. Wash. (D.C.), 1918–1989.
- United States Bureau of the Census. Historical Statistics of the United States from Colonial Times to the Present. N.Y., 1976.
- Welles S.* Seven Major Decisions. L., 1951.
- Where the Buck Stops: The Personal and Private Writing of Harry S. Truman / Ed. by M.N. Truman. N.Y., 1989.
- Wilson W.* The Papers of Woodrow Wilson: 69 vol. / Ed. by A. Link et al. Princeton (N.J.), 1966–1993.

ЛИТЕРАТУРА

- Батюк В., Евстафьев Д.* Первые заморозки: Советско-американские отношения в 1945–1950 гг. М., 1995.
- Белявская И.А.* Теодор Рузвельт и общественно-политическая жизнь США. М., 1978.
- Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1999.
- Болховитинов Н.Н.* Доктрина Монро: Происхождение и характер. М., 1959.

Болховитинов Н.Н. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980.

Борисов А.Ю. Посол Громыко и послевоенное урегулирование. М., 2000.

Буллард А. Деятельность Америки в Сибири. Владивосток, 1918.

Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003

Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. СПб., 1999.

Ганелин Р.Ф. Советско-американские отношения в конце 1917 – начале 1918 гг. Л., 1975.

Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969.

Дементьев И.П. Идеиная борьба в США по вопросам экспансии на рубеже XIX–XX вв. М., 1973.

Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Первая холодная война: Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. М., 2002.

Егорова Н.И. Изоляционизм и европейская политика США, 1933–1941. М., 1995.

Зимонин В.П. Последний очаг второй мировой. М., 2002.

Золотухин В.П. Фермеры и Вашингтон. М., 1968.

Иванян Э.А. История США. М., 2004.

Игорь Васильевич Курчатов в воспоминаниях и документах / Отв. сост. Ю.Н. Смирнов. М., 2004.

✓ История внешней политики и дипломатии США, 1867–1918 / Отв. ред. Г.П. Куропятник. М., 1997.

История Латинской Америки, 1918–1945 / Отв. ред. Н.П. Калмыков. М., 1999.

История советского атомного проекта (40-е–50-е годы). Т. 1–3 / Гл. ред. Е.П. Велихов. М., 1997–2003.

История США. Т. 1–4 / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 1983–1987.

Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика: К дипломатии для XXI в. М., 2002.

Мальков В.Л. “Новый курс” в США: Социальные движения и социальная политика. М., 1973.

Мальков В.Л. Вудро Вильсон и новая Россия (февраль 1917 – март 1918) // Новая и новейшая история. 1999. № 6. С. 110–128; 2000. № 1. С. 123–133.

Манькин А.С. Изоляционизм и формирование внешнеполитического курса США, 1923–1929. М., 1980.

Манькин А.С. “Эра демократов”: партийная перегруппировка в США, 1933–1952. М., 1990.

Майроф Б. Лики демократии. Американские лидеры: герои, аристократы, диссиденты, демократы. М., 2000.

Наджафов Д.Г. Нейтралитет США, 1935–1941. М., 1990.

Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., 2003.

Нарочницкий А.Л. Внешняя политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. М., 1960.

Никонов В.А. Доктрина “исключительности” и внешняя политика Вашингтона // Проблемы американистики / Отв. ред. Ю.К. Мельвиль, Е.Ф. Язьков. М., 1993. Вып. 9. С. 168–197.

Новый курс Ф. Рузвельта: значение для США и России / Отв. ред. А.С. Манькин, Ю.Н. Роголев, Е.Ф. Язьков. М., 1995.

Общественное сознание и внешняя политика США / Отв. ред. Ю.А. Замошкин. М., 1987.

Орлов А.С. "Чудо-оружие": Обманутые надежды фюрера. Смоленск, 1999.

Орлов А.С. Сталин: в преддверии войны. М., 2003.

Печатнов В.О. Уолтер Липпман и пути Америки. М., 1994.

Печатнов В.О. Московское посольство Аверелла Гарримана (1943–1946 гг.) // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 180–204; № 4. С. 119–150.

Поздеева Л.В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. Т. 1–2. М., 1964, 1969.

Поздеева Л.В. Лондон–Москва. Британское общественное мнение и СССР, 1939–1945. М., 2000.

Ржевевский О.А. Сталин и Черчилль: Встречи. Беседы. Дискусии. Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004.

Севостьянов Г.Н. Европейский кризис и позиция США, 1938–1939. М., 1992.

Севостьянов Г.Н. Москва–Вашингтон: Дипломатические отношения, 1933–1936. М., 2002.

Сивачев Н.В. США: государство и рабочий класс. М., 1982.

Согрин В.В. Политическая история США XVII–XX вв. М., 2001.

Согрин В.В. Политическая власть в США: характер и исторические этапы // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 3–27.

Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000.

Союзники в войне, 1941–1945 / Отв. ред. А.О. Чубарьян, У.Ф. Кимболл, Д. Рейнолдс. М., 1995.

США: Политическая мысль и история / Отв. ред. Н.Н. Яковлев. М., 1976.

Тимербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение, 1945–1968. М., 1999.

Todd Э. После империи. Pax Americana – начало конца. М., 2004.

Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 2000.

Уткин А.И. Рузвельт. М., 2000.

Уткин А.И. Теодор Рузвельт. М., 2003.

Филитов А.М. "Холодная война": Историографические дискуссии на Западе. М., 1991.

Фоглесонг Д. Истоки первого американского крестового похода за "Свободную Россию". Торжество миссионерского мышления над русофилией 1885–1905 гг. // Россия XXI. 2002. № 5. С. 100–133.

Фоглесонг Д.С. Американские надежды на преобразование России во время Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2003. № 1. С. 80–105.

Фрейд З., Буллит У. Томас Вудро Вильсон. Психологическое исследование. М., 1992.

Фурсенко А.А. Нефтяные тресты и мировая политика, 1880-е годы – 1918. М.; Л., 1965.

Фурсенко А.А. С.Ю. Витте и экономическое развитие России в конце XIX – начале XX в. // Новая и новейшая история. 1999. № 6. С. 3–17.

Харц Л. Либеральная традиция в Америке. М., 1993.

Холодная война: Новые подходы, новые документы / Отв. ред. М.М. Наринский. М., 1995.

Холодная война: Историческая ретроспектива / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М., 2003.

Чертина Э.С. Плави́льный котел? Парадигмы этнического развития США. М., 2000.

Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М., 1992.

Язьков Е.Ф. Фермерское движение в США, 1918–1929 гг. М., 1974.

Яковлев Н.Н. Преступившие грань. М., 1970.

Adams B. America's Economic Supremacy. N.Y., 1947.

Adams H. The Education of Henry Adams: An Autobiography. Boston, 1918.

Alperovitz G. Hiroshima: Historians Reassess // Foreign Policy. Summer 1995. N 99. P. 15–34.

Alperovitz G. The Decision to Use the Bomb and the Architecture of an American Myth. N.Y., 1995.

An Uncertain Tradition: American Secretaries of State in the Twentieth Century / Ed. by N. Graebner. N.Y., 1961.

Bandy M. Danger and Survival. N.Y., 1988.

Beale H. Theodore Roosevelt and the Rise of America to World Power. Baltimore, 1956.

Beard Ch.A., Beard M.R. The American Spirit: A Study of the Idea of Civilization in the United States. N.Y., 1942.

Bennett E.M. Franklin D. Roosevelt and the Search for Victory. American–Soviet Relations, 1939–1945. Wilmington, 1990.

Bernstein B.J. Seizing the Contested Terrain of Early Nuclear History: Stimson, Conant and Their Allies Explain the Decision to Use the Atomic Bomb // Diplomatic History. Winter 1993. N 17.

Beschloss M.R. Kennedy and Roosevelt: The Uneasy Alliance. N.Y., 1980.

Beschloss M.R. The Conquerors: Roosevelt, Truman and the Destruction of Hitler's Germany, 1941–1945. N.Y., 2002.

Billington R.A. Westward Expansion: A History of the American Frontier. N.Y., 1949.

Blum J.M. The Republican Roosevelt. Cambridge (Mass.), 1967.

Boot M. The Savage Wars of Peace: Small Wars and the Rise of American Power. N.Y., 2002.

Brands H.W. Woodrow Wilson. N.Y., 2003.

Brands H.W., Jr. Inside the Cold War: Loy Henderson and the Rise of the American Empire, 1918–1961. N.Y., 1991.

Brownell W., Billings R.N. So Close to Greatness: A Biography of William C. Bullitt. N.Y., 1987.

Brzezinski Z. The Choice: Global Domination or Global Leadership. N.Y., 2004.

Burnham J. The Struggle for the World. N.Y., 1947.

Burns E.M. The American Idea of Mission: Concept of National Purpose and Destiny. New Brunswick, 1957.

Burns J.M. Roosevelt: The Lion and the Fox, 1882–1940. N.Y., 1956.

Burns J.M. Roosevelt: The Soldier of Freedom. N.Y., 1970.

Carley M.J. 1939: The Alliance that Never Was and the Coming of World War II. Chicago, 1999.

- Chambers J.M., II.* The Tyranny of Change: America in the Progressive Era, 1890–1920. N.Y., 1992.
- Clemens D.Sh.* Yalta. N.Y., 1970.
- Cohen L.* A Consumer's Republic: The Politics of Mass Consumption in Postwar America. N.Y., 2003.
- Cold War Statesmen Confront the Bomb: Nuclear Diplomacy Since 1945 / Ed. by J.L. Gaddis, Ph.H. Gordon, E.B. May, J.N. Rosenberg. N.Y., 1999.
- Cole W.S.* Roosevelt and Isolationists, 1932–1945. Lincoln; L., 1983.
- Collin R.H.* Theodore Roosevelt: Culture, Diplomacy and Expansionism. Baton Rouge, 1985.
- Cook B.W.* Eleanor Roosevelt. Vol. 1: 1884–1933. Harmondsworth, 1993.
- Cooper J.M., Jr.* The Warrior and the Priest: Woodrow Wilson and Theodore Roosevelt. Cambridge (Mass.), 1983.
- Cooper J.M.* Breaking the Heart of the World: Woodrow Wilson and the Fight for the League of Nations. Cambridge (Mass.), 2001.
- Crapol E.P.* Coming to Terms with Empire: The Historiography of Late – Nineteenth Century American Foreign Relations // Diplomatic History. Fall 1992. Vol. 16. N 4. P. 573–597.
- Culver J.C., Hyde J.* American Dreamer: The Life and Times of Henry A. Wallace. N.Y.; L., 2000.
- Cummings B.* “Revising Postrevisionism” or, The Poverty of Theory in Diplomatic History // Diplomatic History. Fall 1993. Vol. 17. N 4. P. 539–569.
- Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945. N.Y., 1979.
- Daniels J.* The Wilson Era: Years of War and After, 1917–1923. Chapel Hill, 1946.
- Davis K.S.* FDR: The New Deal Years, 1933–1937: A History. N.Y., 1986.
- De Santis H.* The Diplomacy of Silence: The American Foreign Service, the Soviet Union, and the Cold War, 1933–1947. Chicago, 1979.
- Divine R.A.* The Illusion of Neutrality. Chicago, 1962.
- Divine R.A.* The Reluctant Belligerent: American Entry into World War II. N.Y., 1965.
- Doenecke J.D.* William Appleman Williams and the Anti-Interventionist Tradition // Diplomatic History. Spring 2001. Vol. 25. N 2. P. 283–291.
- Donnelly Th.* The Past as Prologue. An Imperial Manual // Foreign Affairs. 2002. Vol. 81. July/Aug. N 4. P. 165–180.
- Donovan R.J.* Conflict and Crisis: The Presidency of Harry S. Truman, 1945–1948. N.Y., 1977.
- Engerman D.C.* Modernization from the Other Shore: American Intellectuals and the Romance of Russian Development. Cambridge (Mass.), 2003.
- Explaining the History of American Foreign Relations / Ed. by M.J. Hogan, Th.G. Paterson. Cambridge (U.K.), 2004.
- Farnham B.R.* Roosevelt and the Munich Crisis: A Study of Political Decision-Making. Princeton, 2000.
- Feis H.* Churchill-Roosevelt-Stalin: The War They Waged and the Peace They Sought. Princeton, 1957.
- Ferguson N.* Colossus: The Price of American Empire. N.Y., 2004.
- Ferrell R.H.* Harry S. Truman: A Life. Columbia (Miss.), 1994.

Ferrell R.H. The Dying President: Franklin D. Roosevelt, 1944–1945. Columbia (Miss.), 1998.

Ferrell R.H. Woodrow Wilson and World War I, 1917–1921. N.Y., 1985.

Fleming Th. The Illusion of Victory: America in World War I. N.Y., 2003.

Foglesong D.S. America's Secret War against Bolshevism: U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920. Chapel Hill; L., 1995.

Freidel F. Franklin D. Roosevelt: The Ordeal. Boston, 1954.

Gaddis J.L. Surprise, Security, and the American Experience. Cambridge (Mass.), 2004.

Gaddis J.L. We Now Know: Rethinking Cold War History. Oxford, 1997.

Galbraith J.R. The Great Crash, 1929. Boston, 1954.

Galenson W. The CIO Challenge to the AFL: A History of the American Labor Movement, 1935–1941. Cambridge (Mass.), 1960.

Gardner L.C. Economic Aspects of New Deal Diplomacy. Madison, 1964.

Gardner L.C. Architects of Illusion: Man and Ideas in American Foreign Policy, 1941–1949. Chicago, 1970.

Gardner L.C. Wilson and Revolutions: 1913–1921. Philadelphia, 1976.

Gardner L.C. A Covenant with Power: America and World Order from Wilson to Reagan. L., 1984.

Gardner L.C. Spheres of Influence: The Great Powers Partition Europe, From Munich to Yalta. Chicago, 1993.

Garthoff R.L. A Journey Through the Cold War: A Memoir of Containment and Coexistence. Wash. (D.C.), 2001.

Gelb L.H., Rosenthal J.A. The Rise of Ethics in Foreign Policy // Foreign Affairs. 2003. May/June. Vol. 82. N 3. P. 2–7.

George A.L., George J.L. Woodrow Wilson and Colonel House: A Personal Study. N.Y., 1956.

Gormly J.L. From Potsdam to the Cold War: Big Three Diplomacy, 1945–1947. Wilmington, 1990.

Grose P. Continuing the Inquiry: The Council on Foreign Relations from 1921 to 1996. N.Y., 1996.

Grose P. Operation Rollback: America's Secret War behind the Iron Curtain. Boston, 2000.

Hannigan R.E. The New World Power: American Foreign Policy, 1898–1917. Philadelphia, 2002.

Harper J.L. American Visions of Europe: Franklin D. Roosevelt, George F. Kennan and Dean G. Acheson. Cambridge, 1994.

Haslam J. Russian Archival Revelations and Our Understanding of the Cold War // Diplomatic History. Spring 1997. Vol. 21. N 2. P. 217–228.

Heald M., Kaplan L.S. Culture and Diplomacy. Westport (Conn.), 1977.

Heinrichs W.H. Threshold of War: Franklin D. Roosevelt and American Entry into World War II. N.Y., 1988.

Herken G. The Winning Weapon: The Atomic Bomb in the Cold War, 1945–1950. N.Y., 1981.

Hershberg J.G. James B. Conant: Harvard to Hiroshima and the Making of the Nuclear Age. Stanford (Cal), 1993.

Hixson W.L. George F. Kennan: Cold War Iconoclast. N.Y., 1989.

Hixson W.L. Parting the Curtain: Propaganda, Culture and the Cold War, 1945–1961. N.Y., 1997.

Hofstadter R. The American Political Tradition and the Men Who Made It. N.Y., 1948.

Hogan M.S. A Cross of Iron: Harry S. Truman and the Origins of the National Security State, 1945–1954. Chapell Hill, 1998.

Holloway D. Stalin and the Bomb: The Soviet Union and Atomic Energy, 1939–1956. New Haven; L., 1994.

Hunt M.N. Ideology and U.S. Foreign Policy. New Haven, 1987.

Huthmacher J.J. Senator Robert F. Wagner and the Rise of Urban Liberalism. N.Y., 1968.

Ikenberry G.J. Illusions of Empire // Foreign Affairs. 2004. Vol. 83. Mar./Apr. N 2. P. 144–154.

Jervis R. Understanding the Bush Doctrine // Political Science Quarterly. Fall 2003. Vol. 118. N 3. P. 365–388.

John Foster Dulles and the Diplomacy of the Cold War: A Reappraisal / Ed. by R. Immerman. Princeton, 1990.

Johnson Ch. The Sorrows of Empire: Militarism, Secrecy and the End of the Republic. N.Y., 2004.

Johnson P. Modern Times: The World from the Twentieth to the Nineties. N.Y., 1992.

Kallen H. Culture and Democracy in the United States: Studies in the Group Psychology of the American People. N.Y., 1924.

Kaplan A. The Anarchy of Empire in the Making of U.S. Culture. Cambridge (Mass.), 2002.

Kennan G.F. The Decision to Intervene. Princeton, 1958.

Kennan G.F. Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston, 1961.

Kennan G.F. Memoirs: 2 vol. Boston, 1967, 1972.

Kennedy D.M. Freedom from Fear: The American People in Depression and War, 1929–1945. N.Y., 1999.

Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. N.Y., 1987.

Kimball W.F. Forged in War: Roosevelt, Churchill and the Second World War. N.Y., 1997.

Kimball W.F. The Juggler: Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton (N.J.), 1991.

Kissinger H.A. Diplomacy. N.Y., 1994.

Knock Th.J. To End All Wars: Woodrow Wilson and the Quest for a New World Order. N.Y., 1992.

Kolko J., Kolko G. The Limits of Power: The World and the United States Foreign Policy, 1945–1954. N.Y., 1972.

Kupchan Ch.A. The End of the American Era: U.S. Foreign Policy and the Geopolitics of the Twenty-First Century. N.Y., 2002.

Kupchan Ch.A. The Rise of Europe, America's Changing Internationalism, and the End of U.S. Primacy // Political Science Quarterly. Summer 2003. Vol. 118. N 2. P. 205–231.

La Feber W. America, Russia and the Cold War, 1945–1984. N.Y., 1985.

La Feber W. The New Empire: An Interpretation of American Expansion, 1860–1898. Ithaca, 1963.

Leffler M.P. A Preponderance of Power: National Security, the Truman Administration, and the Cold War. Stanford (Cal.), 1992.

Leffler M.P. The Specter of Communism: The United States and the Origins of the Cold War, 1917–1953. N.Y., 1994.

Leuchtenburg W.E. In the Shadow of FDR: From Harry Truman to Ronald Reagan. Ithaca; L., 1983.

Levin N.G. Woodrow Wilson and World Politics: America's Response to War and Revolution. N.Y., 1968.

Limerick P.N. Dilemmas in Forgiveness: William Appleman Williams and Western History // Diplomatic History. Spring 2001. Vol. 25. N 2. P. 293–300.

Link A. Woodrow Wilson: Revolution, War and Peace. Arlington Heights, 1979.

Link A.S. Woodrow Wilson and the Progressive Era, 1910–1917. N.Y., 1963.

Lippman W. The Cold War: A Study in U.S. Foreign Policy. N.Y., 1972.

Lippman W. U.S. War Aims. L., 1944.

MacLean E. Joseph E. Davies: Envoy to the Soviets. Westport (Conn.), 1992.

Mahan A.Th. The Interest of America in Sea Power. N.Y., 1897.

Mallaby S. The Reluctant Imperialist. Terrorism, Failed States and the Case for American Empire // Foreign Affairs. 2002. Vol. 81. Mar./Apr. N 2. P. 2–7.

Mandelbaum M. The Nuclear Revolution. N.Y., 1981.

Mann M. Incoherent Empire. N.Y., 2003.

Mark E. October or Thermidor? Interpretation of Stalinism and the Perception of Soviet Foreign Policy in the United States, 1927–1947 // American Historical Review. 1989. Oct. N 94. P. 937–962.

Mark E. The War Scare of 1946 and Its Consequences // Diplomatic History. Summer 1997. Vol. 21. N 3. P. 383–415.

May E.R. From Imperialism to Isolationism, 1898–1919. N.Y., 1964.

May E.R. Imperial Democracy: The Emergence of America as a Great Power. N.Y., 1961.

Mayer A.J. Wilson vs. Lenin: Political Origins of the New Diplomacy, 1917–1918. Cleveland, 1964.

Mayers D. The Ambassadors and America's Soviet Policy. N.Y., 1995.

McCormick Th. America's Half-Century: United States Foreign Policy in the Cold War. Baltimore, 1989.

McCoy D.R. Angry Voices: Left-of-Center Politics in the New Deal Era. Lawrence (Kan.), 1958.

McCullough D. Truman. N.Y., 1992.

McElvaine R.S. The Great Depression: America, 1929–1941. N.Y., 1984.

McFadden D.W. Alternative Paths: Soviets and Americans, 1917–1920. N.Y., 1993.

McGerr M. A Fierce Discontent: The Rise and Fall of the Progressive Movement in America, 1870–1920. N.Y., 2003.

McJimsey G. Harry Hopkins: Ally of the Poor and Defender of Democracy. Cambridge (Mass.); L., 1987.

Mead W.R. The Jacksonian Tradition and American Foreign Policy // National Interest. Winter 1999/2000. N 58. P. 5–29.

- Mead W.R.* Special Providence: American Foreign Policy and How It Changed the World. N.Y., 2001.
- Mearsheimer J.J.* The Future of the American Pacifier // Foreign Affairs. 2001. Vol. 80. Sept./Oct. N 5. P. 46–61.
- Miller N.* Theodore Roosevelt: A Life. N.Y., 1992.
- Miscamble W.* George F. Kennan and the Making of American Foreign Policy, 1947–1950. Princeton, 1992.
- Mitrovich G.* Undermining the Kremlin. America's Strategy to Subvert the Soviet Bloc, 1947–1956. Ithaca; L., 2000.
- Morgenthau H.J.* Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. N.Y., 1948.
- Morris E.* Theodore Rex. N.Y., 2001.
- Mowry G.E.* The Era of Theodore Roosevelt and the Birth of Modern America. N.Y., 1958.
- Navigating the Rapids, 1918–1971: From the Papers of Adolf A. Berle / Ed. by B.B. Berle, T.B. Jacobs. N.Y., 1973.
- New Deal: The National Level / Ed. by J. Braeman, R.H. Bremner, D. Brody. Columbus (Ohio), 1975. Vol. 1.
- Ninkovich F.A.* The Diplomacy of Ideas: U.S. Foreign Policy and Cultural Relations, 1938–1950. Cambridge (Mass.), 1981.
- Nisbet R.* Roosevelt and Stalin: The Failed Courtship. N.Y., 1989.
- Nye J.S.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N.Y., 1990.
- Nye J.S.* The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. N.Y., 2002.
- Nye J.S., Jr.* U.S. Power and Strategy After Iraq // Foreign Affairs. 2003. Vol. 82. July/Aug. N 4. P. 60–73.
- Odom W.E., Dujarric R.* America's Inadvertent Empire. New Haven, 2004.
- Offner A.A.* Another Such Victory: President Truman and the Cold War, 1945–1953. Stanford (Cal.), 2002.
- Origins of the Cold War: The Novikov, Kennan and Roberts "Long Telegrams" of 1946 / Ed. by K.M. Jensen. Wash. (D.C.), 1991.
- Parsons E.B.* Wilsonian Diplomacy: Allied-American Rivalries in War and Peace. St. Louis, 1978.
- Paterson Th.G.* On Every Front: The Making of the Cold War. N.Y., 1979.
- Pfaff W.* The Question of Hegemony // Foreign Affairs. 2001. Vol. 80. Jan./Febr. N 1. P. 221–232.
- Pierce A.R.* Woodrow Wilson and Harry Truman: Mission and Power in American Foreign Policy. Westport (Conn.), 2003.
- Pisani S.* The CIA and the Marshal Plan. Lawrence (Kan.), 1991.
- Piven F.F., Cloward R.A.* Poor People's Movements. N.Y., 1979.
- Potter D.M.* People of Plenty: Economic Abundance and the American Character. Chicago, 1954.
- Quester G.H.* Nuclear Monopoly. New Brunswick (N.J.), 2000.
- Range W.* Franklin D. Roosevelt's World Order. Athens (Ohio), 1959.
- Rhodes R.* Dark Sun: The Making of the Hydrogen Bomb. N.Y., 1995.
- Rosenberg E.S.* Spreading the American Dream: American Economic and Cultural Expansion, 1890–1945. N.Y., 1982.

Saul N.E. Concord and Conflict. The United States and Russia, 1865–1914. Lawrence (Kan.), 1996.

Saul N.E. War and Revolution: The United States and Russia, 1914–1921. Lawrence (Kan.), 2001.

Schild G. Between Ideology and Realpolitik: Woodrow Wilson and the Russian Revolution, 1917–1921. Westport, (Conn.), 1995.

Schlesinger A.M., Jr. The Age of Roosevelt. Boston, 1957–1960. Vol. I–III.

Schwabe K. Woodrow Wilson, Revolutionary Germany, and Peacemaking, 1918–1919: Missionary Diplomacy and the Realities of Power. Chapel Hill, 1985.

Sherwin M.J. A World Destroyed: Hiroshima and the Origins of the Arms Race. N.Y., 1987.

Sherwood R.E. Roosevelt and Hopkins: An Intimate History. N.Y., 1950.

Simes D.K. America Imperial Dilemma // Foreign Affairs. 2003. Vol. 82. Nov./Dec. N 6. P. 91–102.

Smith H.N. Virgin Land: The American West as Symbol and Myth. Cambridge (Mass.), 1950.

Smith N. American Empire: Roosevelt's Geographer and the Prelude to Globalization. Univ. of Cal. Press, 2003.

Smith T. America's Mission: The United States and the Worldwide Struggle for Democracy in the Twentieth Century. Princeton, 1994.

Spykman N.J. The Geography of Peace. N.Y., 1944.

Stephanson A. Manifest Destiny: American Expansionism and the Empire of Right. N.Y., 1995.

Swanberg W.A. Luce and His Empire. N.Y., 1972.

Taubman W. Stalin's American Policy: From Entente to Detente to Cold War. N.Y., 1982.

The Cold War: Opposing Viewpoints / Ed. by W. Dudley. San Diego (Cal.), 1992.

The Development of American Strategic Thought: Writings on Strategy, 1952–1960 / Ed. by M. Trachtenberg. N.Y., 1988.

Thompson J.A. Woodrow Wilson: Profiles in Power. L., 2003.

Toynbee A.J. America and the World Revolution and Other Lectures. N.Y., 1962.

Trachtenberg M. A Constructed Peace. The Making of the European Settlement, 1945–1963. Princeton (N.J.), 1999.

Trani E.P. The Treaty of Portsmouth: An Adventure in American Diplomacy. Lexington, 1969.

Travis F.F. George Kennan and the American-Russian Relations, 1865–1924. Athens (Ohio.), 1990.

Tucker R.C. Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928–1941. N.Y., 1992.

Tucker R.C., Hendrickson D.C. Empire of Liberty: The Statecraft of Thomas Jefferson. N.Y., 1990.

Turner and the Sociology of the Frontier / Ed. by R. Hofstadter, S.M. Lipset. N.Y., 1968.

Tuttle D.W. Harry L. Hopkins and Anglo-American-Soviet Relations, 1941–1945. N.Y., 1983.

Two Hegemonies: Britain, 1846–1914, and the United States, 1941–2001 / Ed. by P. O'Brien, A. Clesse. Asghate (U.K.), 2002.

Unterberger B.M. The United States, Revolutionary Russia, and the Rise of Czechoslovakia. Chapel Hill, 1989.

Victory in Europe: From World War to Cold War / Ed. by A.A. Offner, Th.A. Wilson. Lawrence (Kan.), 2000.

Viton A. American Empire in Asia? N.Y., 1943.

Wallerstein I. The Decline of American Power: The U.S. in a Chaotic World. N.Y., 2003.

Watershed of Empire: Essays on New Deal Foreign Policy / Ed. by L.P. Liggio, J.J. Martin. Colorado Springs, 1976.

Weinberg A.K. Manifest Destiny: A Study of Nationalistic Expansionism in American History. Baltimore, 1935.

West R. The Department of State on the Eve of the First World War. Athens (Ohio), 1978.

White D.W. The American Century: The Rise and Decline of the United States as a World Power. New Haven; L., 1996.

Williams W.A. American-Russian Relations, 1781–1947. N.Y., 1952.

Williams W.A. The Roots of the Modern American Empire: A Study of the Growth and Shaping of Social Consciousness in a Marketplace Society. N.Y., 1969.

Wilson J.H. America Business and Foreign Policy, 1920–1933. Boston, 1971.

Wilson J.H. Ideology and Economics: U.S. Relations with the Soviet Union, 1918–1933. Columbia (Miss.), 1974.

Woods R.B., Howard J. Down of the Cold War: The United States' Quest for World Order. Athens (Ohio), 1991.

Yergin D. The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power. N.Y., 1991.

Zachary G.P. Endless Frontier: Vannevar Bush. Engineer of the American Century. N.Y., 1997.

Zakaria F. From Wealth to Power. Princeton, 1998.

Zubok V., Pleshakov C. Inside the Kremlin's Cold War. Cambridge (Mass.), 1996.

УКАЗАТЕЛЬ

- Австрия 231, 256
Авторитаризм 94
Авторханов А. 537
Аграрный кризис 104, 151
Агрессия Японии против Китая (1931) 207, 239
Адамс Б. (Adams, Brooks) 32–34, 36, 43
Адамс Дж. (Adams, John Quincy) 18, 23
Администрация гидроресурсов долины реки Теннесси 123
Администрация гражданских работ (СВА) 185, 186
Администрация железных дорог (США) 67
Администрация жилищного строительства 196
Администрация национального восстановления (НРА) 126, 183, 184, 314
Администрация общественных работ (ВПА) 185, 186, 292, 314, 316
Администрация по контролю над ценами 202, 422
Администрация по переселению 150
Администрация чрезвычайной помощи (ФЕРА) 121, 127, 128
Акино Кори 131
Александр (Alexander), король Югославии 220
Аллен Дж. (Allen, George E.) 384
Аллен Ф. (Allen, Frederick) 110
Алпровиц Г. (Alperovitz, Gar) 479, 494, 498, 504, 507, 542
Амброз С. (Ambrose, Stephen E.) 439
Американо-испанская война (1898) 16
Американская лига борьбы против войны и фашизма 166, 167
Американская лига свободы 222
“Американская мечта” 13, 65, 69, 139
Американская рабочая партия штата Нью-Йорк 166
Американская революция 25, 27, 60
“Американская система”, американизм 26, 28, 51, 62, 64, 70, 81, 103, 119, 123, 136, 137, 154, 192, 248, 370, 562, 566, 568
Американская федерация труда (АФТ) 56, 125, 155, 158, 159, 161, 164, 167, 173, 184, 193, 330, 370, 428
“Американский индивидуализм” (книга Г.К. Гувера) 154
“Америкэн И.Г.” 75
“Америкэн мэгазин” 436
Англо-бурская война (1899–1902) 29
Англофобия 33
Англо-франко-советские переговоры в Москве и дипломатия США (1939) 264–267, 297–299, 302, 340
Андерсон И. (Anderson, I.H.) 208
Аннексия Гавайских островов (1898) 24
Аннексия Филиппин (1898) 24
Антанта 58, 59, 63, 221
Антиевропеизм 205
Антиимпериалисты 29, 38, 40, 62, 85, 94, 344
Антикоминтерновский пакт (1936) 255, 256
Антимонополизм и антимонополистическое движение 167–169

- Антисемитизм 70
 Антистейтизм 97, 137, 142
 Антитрестовское движение и законодательство 53, 167
 Антонов А.И. 535, 536
 Аншлюс Австрии (1938) 257, 258, 273, 287
 Арденнская операция (1944) 445, 446
 Арита Х. (Arita, H.) 302
 д'Арк Жанна 27
 Армстронг Г. (Armstrong, Hamilton F.) 555–557
 Арнесон Г. (Arneson, R.Gordon) 546
 Арнольд Г. (Arnold, Henry H.) 454, 521, 535
 Артур, король 27, 37
 Ассоциация внешней политики 278
 Астор В. (Astor, Vincent) 115
 Атлантическая хартия (1941) 351, 369, 387, 392, 436, 441, 449
 Атомная дипломатия 480, 483, 505, 514, 553
 Атомная монополия 483, 506, 512, 538, 549, 553, 554, 567
 Ачесон Д. (Acheson, Dean G.) 393, 558, 569

 Бакли А.У. (Barkley, Alben W.) 329
 Балховитинов Н.Н. 84
 Банди М. (Bundy, McGeorge)
 Банди Х. (Bundy, Harvey H.) 479, 512, 542, 546
 Банкирский дом Моргана 76
 Банковский кризис (1933) 120, 121
 Бард Р.А. (Bard, Ralph A.) 505, 520, 521
 Барджесс Дж. (Burgess, John W.) 36, 40
 Барту Л. (Barthou, Louis) 220, 252
 Барух Б. (Baruch, Bernard M.) 114, 115, 187, 318, 322
 Бауэрс К. (Bowers, Claude) 134, 422
 Беверидж А. (Beveridge, Albert J.) 35, 40
 Безыменский Л.А. 463
 Бейкер Н. (Baker, Newton L.) 322
 Бейли Т. (Bailey, Thomas) 44
 Белл Д. (Bell, Daniel) 563, 564
 Беллами Э. (Bellamy, Edward) 180
 Бенсон Э. (Benson, Elmer) 170
 Бентам И. (Bentham, Jeremy) 139
 Бергер С. (Berger, Samuel R.) 7
 Бердяев Н.А. 136
 Берия Л.П. 538
 Бёрл А. (Berle, Adolf A.) 221, 225, 258, 280, 352, 384, 441
 Бёрнс Дж. (Burns, James M.) 203, 353, 358, 449
 “Бернский инцидент” 461, 463–465
 Бернштейн Б. (Bernstein, Barton J.) 208
 “Беседы у камина” 179
 Беспартийная рабочая лига 166
 Бжезинский З. (Brzezinski, Zbigniew) 9
 “Бизнес уик” 267
 “Биржевые новости” 23
 Бирнс Дж. (Byrnes, James F.) 441, 475, 476, 479, 481, 484, 486, 489–491, 499, 503, 505, 507, 508, 512, 513, 515, 518, 524, 531–535, 539, 542, 543, 550, 553, 569
 Бливен Б. (Bliven, Bruce) 240
 Блэк Х. (Black, Hugo) 125
 Блюм Л. (Blum, Leon) 230
 “Боинг” 425
 Болдуин Х. (Baldwin, Hanson W.) 447
 Болен Ч. (Bohlen, Charles) 249, 476–478, 495, 536, 537, 550
 Большеви́зм 65, 67, 72, 73, 224, 226, 232, 237, 281, 382, 497
 Бонне Ж. (Bonnet, Georges) 266, 267
 Бор Н. (Bohr, Niels) 455–457, 465, 481, 486, 487, 490, 506, 510–512, 519, 522, 537
 Бора У. (Borah, William E.) 238, 241–243, 315
 Борис, царь Болгарии (Boris) 386, 387
 Боулс Ч. (Bowles, Chester) 422
 Браеман Д. (Braeman, John) 210
 Брайан У.Дж. (Bryan, William J.) 58, 61, 70, 113, 176, 179, 189, 322
 Брайанизм 175, 176
 Брандейс Л. (Brandeis, Louis D.) 57
 Братства железнодорожников 56
 Броквей Ф. (Brockway, A. Fenner) 130
 Броуди Д. (Brody, David) 183
 Брук А. (Brooke, Alan) 535

- Брюнн Г. Дж. (Bruenn, Howard G.) 462
- Брюссельская конференция по прекращению японо-китайской войны (1937) 257
- Буллит У. (Bullitt, William C.) 221, 225, 231, 232, 245, 247–254, 256, 258, 267, 268, 280, 301, 302, 324, 348, 391, 394, 398, 416, 459
- Буш В. (Bush, Vannevar) 457, 481, 493, 505–507, 519, 523, 537, 569
- Буш Дж.-мл. (Bush, Geogre W.) 7
- Бэрнс Дж.Х. (Burns, James H.) 402
- Бюлов Б. фон (Bulow, Bernard von) 231
- Вагнер Р. (Wagner, Robert F.) 126, 184, 188, 189, 191
- Вайнант Дж. (Winant, John G.) 362, 462–464
- Ванденберг А. (Vandenberg, Arthur H.) 322, 416, 435, 459
- Ванников Б.Л. 538
- Вашингтон Б. (Washington, Booker Taliaferro) 39
- Вашингтон Дж. (Washington, George) 18, 34, 467
- “Вашингтон пост” 504
- Вашингтонская конференция (1921–1922) 72, 73, 239, 292
- Вебер А. (Weber, Alfred) 60, 138, 175, 274
- Веймарская республика 77
- Вейр Э.Т. (Weir, Ernest T.) 320, 322
- Великая депрессия 8, 105, 138, 147, 161, 322, 344, 351, 429, 438, 561, 563
- Великобритания 32, 33, 36, 37, 39, 41, 44, 77, 79, 213–215, 219, 221, 225, 230, 231, 249, 250, 256, 279, 296, 297, 304, 307, 327, 336, 338, 339, 342, 343, 354, 358, 366, 370, 384, 390, 436, 442, 444, 457, 501, 540
- “Великое общество” 563
- Версальский договор (1919) и Версальская система 67–69, 76, 77, 209, 210, 216, 227, 232, 254, 273, 279, 282, 451
- Верховный суд США 57, 227, 311, 313, 316
- Вестингауз Дж. (Westinghouse, John) 49
- Видал Г. (Vidal, Gore) 131
- Визит В.М. Молотова в Лондон и Вашингтон (1942) 374, 375, 397, 398
- Визит Дж. Дэвиса в Москву (1943) 395–401, 417, 419
- Вильсон В.Т. (Wilson, Woodrow T.) 52–70, 73, 78, 100, 103, 120, 126, 132–134, 175, 176, 178, 217, 218, 226, 227, 236, 241, 278, 282, 322, 336, 348, 365, 371, 374, 392, 417, 431, 451, 561, 562, 566, 568
- Вильсон Ч. (Wilson, Charles E.) 424
- Вильсон Э. (Wilson, Edmund) 240
- Вильсонизм 65, 68, 81, 110, 195, 322, 350, 416, 452
- Вильямс В. (Williams, William A.) 31, 208
- Вильямс О. (Williams, Aubrey) 129, 314, 320, 321
- Витте С.Ю. 44
- Война с бедностью 121
- Вольф К. (Wolff, Karl) 440, 461
- Ворошилов К.Е. 399
- Ворс М. (Vorse, Mary Hiton)
- Восстановление дипломатических отношений между США и СССР (1933) 236–248
- “Восточный Локарно” 225, 252
- Временная чрезвычайная администрация помощи штата Нью-Йорк (ТЕРА) 108
- Временный комитет (Interim Committee) 488, 505, 508, 509, 512, 514, 518–522, 527, 535, 546, 547
- Вторая мировая война 9, 50, 180, 198, 268, 273, 274, 307, 366, 402, 437, 480, 559, 566
- “Второй Мюнхен” 265–267, 335, 346
- Второй фронт 364, 372–380, 393–396, 399–404, 433
- Вуд Л. (Wood, Leonard) 40
- Вудин У. (Woodin, William H.) 115, 120
- Выборы 1912 г. 53, 54, 58, 61

- Выборы 1916 г. 56, 57, 62
 Выборы 1920 г. 68, 69, 100, 107, 133
 Выборы 1924 г. 78
 Выборы 1928 г. 100, 107, 155, 241
 Выборы 1932 г. 108, 117, 150, 164, 241, 242, 281
 Выборы 1936 г. 108, 143, 1533, 160, 191–193, 310, 316, 329, 332
 Выборы 1940 г. 153, 165, 197, 287, 298, 317, 319, 322, 325, 326, 328, 329, 331, 332, 372, 428, 450
 Выборы 1944 г. 40 4, 415, 422, 427–429, 431, 450, 558
 Выборы в конгресс 1938 г. 195, 196, 312
 Выборы в конгресс 1942 г. 378, 421, 558
 Выборы губернатора штата Нью-Йорк (1930) 110
 Вышинский А.Я. 355
 Гагская конференция (1929) 77
 Галифакс Э., лорд (Halifax, Lord Edward Frederick) 257
 Гамильтон А. (Hamilton, Alexander) 18, 19, 134
 Гардинг У. (Harding, Warren G.) 76, 77, 98, 239, 337
 Гарднер М. (Gardner, O. Max) 116
 Гарднер Л. (Gardner, Lloyd C.) 64, 208
 Гарнер Дж. (Garner, John Nance) 113, 114, 117
 Гарриман А. (Harriman, W. Averell) 318, 322, 354, 356, 364, 420, 422, 441, 442, 466, 476–479, 488, 489, 495, 496, 504, 520
 Гарриман Г. (Harriman, Henry I.) 124
 Гаррисон Дж. (Harrison, George L.) 222, 479, 505, 518, 525, 531, 542, 543, 546
 Геббельс И. (Goebbels, Joseph P.) 388, 389
 Гендерсон Л. (Henderson, Loy W.) 249, 299, 300, 351, 352, 382
 Гендерсон Н. (Henderson, Nevile) 231
 Геополитика 350, 358, 366, 413
 Георг VI, английский король 279
 Геринг Г. (Goering, Hermann) 338, 341
 Германия 32, 33, 38, 39, 41, 72, 75, 76, 110, 119, 138, 212–216, 218–221, 223–227, 230–232, 246, 247, 249, 252, 255, 256, 279, 282, 289, 290, 292, 294, 296, 298, 300, 304, 305, 315, 336, 337, 343, 346, 352, 355, 358–360, 371, 373, 403, 554, 557
 Германский вопрос 434, 435, 548
 Гиммлер Г. (Himmler, Heinrich) 383
 Гирдлер Т. (Girdler, Thomas M.) 320
 Гитлер А. (Hitler, Adolf) 119, 204, 208, 209, 213, 215–217, 220, 221, 223–227, 230–232, 244, 247, 254–259, 261–267, 273, 275–278, 280–282, 293–295, 297–299, 301–308, 323, 324, 326–328, 337, 339–343, 346, 347, 352–358, 360–362, 365, 369, 374, 380–383, 389–391, 393, 397, 404, 421, 434, 440, 455, 462, 492, 509, 539
 Говард Ч. (Howard, Charles P.) 161, 533
 Гогенцоллерны 60
 Голодные походы безработных 109, 155
 Гомперс С. (Gompers, Samuel) 56, 161
 Гомперсизм 155–157, 193
 Гопкинс Г.Л. (Hopkins, Harry L.) 106–109, 122, 127–130, 148, 177, 181, 184, 186, 190, 197, 222, 262, 269, 312–329, 345–347, 349–354, 356, 357, 359–365, 369, 373–380, 383–388, 394–397, 399–404, 414, 415, 419–421, 435–437, 441–443, 447, 450–454, 464, 467, 479, 489, 492, 502–504, 520, 525
 Горбачев М.С. 131
 “Государство всеобщего благосостояния” (Welfare State) 56, 141, 142, 180, 431, 562
 Гражданская война в Испании и США 207, 228, 229, 261, 280–285
 Гражданская война в России 67, 238
 Гражданская война в США 11, 12, 15, 42, 151
 Гражданский корпус консервации природных ресурсов (СКК) 185
 Грамон С. (Grummon, Stuart E.) 268

“Граница” 10–69, 73, 81, 555, 568
 Греция 557
 Грин У. (Green, William) 125
 Гровс Л. (Groves, Leslie R.) 455, 479,
 483, 484, 490–494, 505–508, 521,
 522, 524, 527, 532, 536, 539, 543,
 546
 Громыко А.А. 365, 372, 393, 402, 419,
 435
 Гроу М. (Grow, M.)
 Грю Дж. (Grew, Joseph) 290, 300, 441,
 479, 495, 496, 497, 503, 577, 530,
 532, 534
 Гувер Г. (Hoover, Herbert C.) 75, 77,
 98, 106, 108, 109, 111, 112, 115–117,
 121, 123, 152, 154, 155, 164, 179,
 180, 239, 240, 286, 327, 416, 459,
 554, 561
 Гувер Э. (Hoover, J. Edgar) 384, 385
 Гэддис Дж. (Gaddis, John Lewis) 42,
 71, 209, 449, 557, 569
 Гэлбрейт Дж. (Galbraith, John
 Kenneth) 81, 563
 Дайс М. (Dies, Martin) 330
 Даладьё Э. (Daladier, Edouard) 215,
 260, 280, 294
 Даллек Р. (Dallek, Robert) 207, 339,
 416, 421, 441
 Даллес А. (Dalles, Allen) 383, 461, 545
 Данилевский Н.Я. 30, 31, 84
 Данн Дж. (Dunn, James C.) 301, 477–
 479, 540
 Дарвин Ч. (Darwin, Charles) 43
 Дарлан Ж. (Darlan, Jean) 382, 391
 Дауэс Ч. (Dawes, Charles G.) 77
 Движение безработных 157, 159, 163,
 180, 186, 190, 194–196, 312
 Де Голль Ш. (De Gaulle, Charles) 269,
 382
 Де Кокс Л. (De Caux, Len) 193
 Дебс Ю. (Debs, Eugene V.) 53, 62,
 175
 Девенпорт Р. (Devenport, Russell) 450
 Девото Б. (De Voto, Bernard) 426
 Декларация независимости 34
 Делано Л. (Delano, Laura) 466
 Демократическая партия 99, 100,

107, 110, 113–118, 129, 139
 Дербер М. (Derber, Milton) 147
 Дери Дж. (Dern, George) 120
 “Десять пунктов Трумэна” 565
 Джей Дж. (Jay, John) 19
 Джексон Э. (Jackson, Andrew) 18, 562
 “Дженерал моторс компани” 79
 “Дженерал электрик компани” 76,
 424, 425
 Джервис Р. (Jervis, Robert) 8
 “Джефферсон и Гамильтон” (книга
 К. Бауэрса) 134
 Джефферсон Т. (Jefferson, Thomas)
 18, 21, 22, 34, 134, 464–467
 Джилпин У. (Gilpin W.) 22
 Джозефсон М. (Josephson, Matthew)
 332, 344
 Джонсон Хью (Johnson, Hugh) 126,
 183, 184, 314
 Джонсон Л. (Johnson, Lindon B.) 563
 Джонсон Хайрам (Johnson, Hiram)
 251, 349
 “Джорнел оф коммерс” 242
 Джоунс Дж. (Jones, Jesse) 318
 Дикгофф Г. (Dieckhoff, Hans) 231
 Дин Дж. (Deane, John R.) 441, 445,
 446, 463, 464, 478
 “Дипломатия канонеров” 102
 “Длинная телеграмма” Кеннана 557,
 558, 570
 “Доброго соседа” политика 102, 204
 Договор девяти держав (1922) 72,
 239, 292
 Договор пяти держав (1922) 72, 239,
 292
 Додд У. (Dodd, William) 216–232, 254,
 257, 258, 263, 264, 278, 279
 “Доклад Франка” 510–512
 Доктрина “открытых дверей” 40, 41,
 43, 44, 46
 Доктрина Монро 32, 34, 46
 Доктрина Трумэна 566
 Дольфус Э. (Dollfuss, Engelbert) 220
 Донован У. (Donovan, William J.) 385,
 391
 Дрейер М. (Dreier, Mary E.) 278
 “Другая Америка” 560
 Дубинский Д. (Dubinsky, David) 429

- Дуглас П. (Douglas, Paul H.) 169
 Дуглас У. (Douglas, William O.) 327, 328
 Дьюи Дж. (Dewey, John) 169, 241
 Дьюи Т. (Dewey, Thomas E.) 437, 441
 Дэвис Джером (Davis, Jerome) 241
 Дэвис Джозеф (Davies, Joseph E.) 127, 254–264, 269, 275, 276, 280, 286–288, 293–299, 337, 340, 351, 359, 363, 379, 394–401, 416–419, 434, 442, 448, 461, 479, 485, 486, 502–504, 525, 539, 540
 Дэвис Джон У. (Davis, John W.) 222
 Дэвис Дэвид (Davies, David) 276
 Дэвис Кеннет (Davis, Kenneth) 203
 Дэвис Норман Х. (Davis, Norman H.) 101, 102, 214, 215
 Дэвис Уильям Р. (Davis, William Rhodes) 338
 Дэниелс Дж. (Daniels, Josephus) 226, 254, 278
 Дюпон А. (Du Pont, Alfred) 222
 “Дюпон де Немур компани” 76
 Дюпон Л. (Du Pont, Lammont) 322
 Дюпон П. (Du Pont, Pierre S.) 115
 Дюранти У (Duranty, Walter) 240, 266
 Екатерина II, императрица 19
 Жуков Г.К. 466, 495
 Закон Адамсона (1916) 57
 Закон Блэка–Коннери о справедливом найме рабочей силы (1938) 196
 Закон Вагнера о трудовых отношениях (1935) 160, 188, 189
 Закон Гласса (1913) 55
 Закон Джонсона о взыскании иностранных долгов (1934) 251, 349
 Закон Клейтона (1914) 56
 Закон о банках (1933) 121
 Закон о восстановлении промышленности (НИРА, 1933) 124–126, 151, 157, 178, 183, 184, 189
 Закон о восстановлении сельского хозяйства (AAA, 1933) 122, 123, 130, 149, 151
 Закон о полной занятости (1946) 564, 565
 Закон о кредитовании фермерских хозяйств (1933) 122, 124
 Закон о социальном страховании (1935) 160, 188, 189
 Закон о тарифах (1913) 55
 Закон о чрезвычайной помощи по безработице в штате Нью-Йорк (закон Уикса) 136
 Закон о чрезвычайных работах (1933) 121
 Закон об атомной энергии (1946) 564
 Закон Тайдингса–Макдаффи о предоставлении независимости Филиппинам (1934) 204
 Закон Хепбёрна (1906) 53
 Законодательство о нейтралитете 205, 206, 265, 267, 282, 335, 336, 338, 349, 357
 Законопроект Вагнера о государственном жилищном строительстве 191
 Законопроект сенатора Х. Блэка (о 30-часовой рабочей недели) 125
 Законопроект, объявляющий “суды Линча” уголовным преступлением (1934) 191
 Захват Чехословакии гитлеровской Германией и дипломатия США 263, 264, 290, 299, 323
 “Золотая лихорадка” 20
 Зона Панамского канала 24
 “Зоны ответственности” 554, 556
 Игнатъев М. (Ignatieff, Michael) 6
 “И.Г. Фарбениндустри” 75
 Иден А. (Eden, Anthony) 353, 377, 402
 Извольский А.П. 46
 Изоляционизм 25, 32, 34, 62, 68–70, 92, 95, 100, 101, 205, 206, 208, 222, 224, 225, 229, 237, 257, 281, 294, 302, 323, 325, 332, 339, 345, 369, 370, 416, 417, 420, 496, 554, 567
 Икес Г. (Ickes, Harold L.) 113, 120, 148, 185–187, 190, 228, 231, 294, 300–302, 315, 318, 325, 346, 349, 422

- “Империя по приглашению” 569
 “Имперское президентство” 140
 Имперство и общественная мысль
   США 5–9, 18, 31, 37
 Интервенционализм 25, 35
 Интервенция США и Японии в Со-
   ветской России (1918–1920) 67,
   246
 Иоффе А.Ф. 538
 Иракский кризис 5, 6
 Исмей Х.Л., сэр (Ismay, Hastings L.)
   535
 Италия 282, 284, 292, 300, 323, 371,
   532, 557
 Итон И. (Yeaton, Ivan D.) 363

 Калинин М.И. 237, 243, 360, 365
 Каммингс Х. (Cummings, Homer) 120
 Канарис В. (Canaris, Wilhelm) 385, 390
 Каннингхэм А. (Cunningham, Andrew)
   535
 Каноз Ф., принц (Konoye, Fumimaro)
   494
 “Капитализм всеобщего благополу-
   чия” (Welfare capitalism) 78
 Капитуляция Франции (1940) 327
 Капица П.Л. 538
 “Карантинная речь” Ф. Рузвельта
   (1937) 207, 280, 311
 Касл У.-мл. (Castle, William R., Jr.)
   240
 Кассини А.П. 16
 Каттинг Б. (Cutting, Bronson) 120
 Кацура (Katsura) 45, 46
 Квебекская конференция (1943)
   401–403, 405, 419
 Квебекская конференция (1944) 434,
   444
 Кейнс Дж. (Keynes, John M.) 64, 139,
   317
 Келли Р. (Kelley, Robert F.) 221, 245,
   249
 Келли Э. (Kelly, Edward J.) 329
 Кендрик Дж. (Kendrick, John
   Whitefield) 81
 Кеннан Дж. (Kennan, George Frost)
   209, 249, 262, 287, 337, 342, 382,
   441, 458, 557, 558, 569
 Кеннеди Д.М. (Kennedy, David M.) 71,
   81, 260, 261, 351
 Кеннеди Дж. (Kennedy, John F.) 563
 Кеннеди Дж. (Kennedy, Joseph P.) 115,
   187, 296, 318, 324, 338
 Кеннеди П. (Kennedy, Paul) 47
 Кеннеди Т. (Kennedy, Thomas J.) 330
 Кент Р. (Kent, Rokwell) 370
 Керк А. (Kirk, Alexander) 264
 Кертти М. (Curti, Merle) 29
 Кимболл У. (Kimball, Warren F.) 142,
   203, 338, 382, 434
 Кинг Э. (King, Ernest J.) 377, 379, 403,
   404, 413, 447, 454, 477, 535,
   536
 Кинселла У. (Kinsella, W.E.) 210
 Киркендолл Р. (Kirkendall, Richard)
   150
 Китай 497, 503, 514, 519, 540, 546,
   550, 561
 Китайская революция 132
 Клейтон У. (Clayton, William L.) 505
 Клинтон У. (Clinton, W.) 7
 Клэппер Р. (Clapper, Raymond) 280,
   299, 300, 307, 308
 Коалиция “нового курса” 190, 195,
   197
 “Кодексы честной конкуренции”
   125–127, 149, 152, 183, 184
 Кокс О. (Cox, Oscar) 133, 356–358
 Колко Г. (Kolko, Gabriel) 40
 Комиссия палаты представителей по
   расследованию антиамерикан-
   ской деятельности 330
 Комитет по гражданским правам 166
 Комитет производственных профсо-
   юзов 161
 Коммаджер Г. (Commager, Henry
   Steel) 68, 70
 Коммонс Дж. (Commons, John R.) 241
 Коммунистический Интернационал
   (Коминтерн) 245, 251, 253, 275,
   399, 417
 Комптон А. (Compton, Arthur H.)
   505–508, 512
 Комптон К. (Compton, Karl T.) 505
 Комура Ю. (Komura, Baron Jutaro)
   44

- Конант Дж. (Conant, James B.) 457, 505, 506, 508, 519
- Конгресс производственных профсоюзов (КПП) 163, 164, 166, 193, 194, 311, 320, 330, 332, 370, 428, 429
- Коннелли Т. (Connally, Thomas T.) 414
- Коннери У. (Connery, William P.)
- Континентализм 518
- Конференция в Думбартон-Оксе (1944) 435, 442, 443
- Конференция в Сан-Франциско (1945) 476, 477
- Конференция по разоружению в Женеве и США (1932–1935) 213, 214, 216, 219
- “Королларий Теодора Рузвельта” 39, 102, 204
- Костиган Э.Р. (Costigan, Edward P.) 120
- Кофлин Ч. (Coughlin, Charles Edward) 153
- “Красная паника” (1918–1920) 66, 98, 182, 420
- Крейги Р. (Craigie, Robert Leslie) 302
- Крок А. (Krock, Arthur) 321
- Кроули Г. (Croly, Herbert) 38, 52
- Крымская (Ялтинская) конференция (1945) 438–451, 475, 497, 556
- Ксенофобия 70, 71
- Кулидж К. (Coolidge, Calvin) 76, 77, 97, 98, 113, 114, 123, 239
- Кулондр Р. (Coulondre, Robert) 255, 256
- Купер Х.Л. (Cooper, Hugh L.)
- Курчатов И.В. 538
- Кэри Дж. (Carey, James) 320
- Лаваль П. (Laval, Pierre) 253
- Лагардия Ф. (La Guardia, Fiorello H.) “Лайф” 414
- Ламонт Т. (Lamont, Thomas W.) 322
- Ландин Э. (Lundeen, Ernest) 188
- Ласки Г. (Laski, Harold L.) 332, 344
- Лафоллет Р., мл. (La Follette, Robert M., Jr.) 120, 170
- Лафоллет Р., ст. (La Follette, Robert M.) 78, 189
- Лафоллет Ф. (La Follette, Philip F.) 170
- Леги У. (Leahy, William D.) 447, 454, 463, 464, 477, 479, 481, 517, 530, 535, 536, 539
- Лейдлер Г. (Laidler, Harry) 169
- Лейхтенберг У. (Leuchtenburg, William E.) 190
- Леман Г. (Lehman, Herbert H.) 127
- Ленд-лиз 349, 350, 352, 353, 356, 357, 364, 370, 373, 377, 393, 440, 488, 498, 502, 548
- Ленин В.И. 239, 248
- Леонтьев В. 563, 564
- Лефлер М. (Leffler, Melvyn P.) 557
- Ли Р. (Lee, Raymond) 373
- Лига наций 64, 66, 68, 72, 73, 101, 102, 105, 114, 216, 221, 222, 251, 252, 257, 392
- Лига независимого политического действия (ЛНПД) 169
- Лига объединенных фермеров 169
- Лилиенталь Д. (Lilienthal, David E.) 197
- Линдли Э. (Lindley, Ernest K.) 111
- Линк А. (Link, Arthur S.) 67, 98
- Линкольн А. (Lincoln, Abraham) 38, 39, 54, 310, 327, 332, 467, 562
- Липпман У. (Lippmann, Walter) 61, 70, 116, 117, 137, 177, 218, 223, 421, 497, 498, 554–567
- Литвинов М.М. 219, 222, 244, 245–248, 250, 252, 255, 256, 263, 266, 267, 295, 299, 300, 397
- “Литерари дайджест” 242
- Ллойд Джордж Д. (Lloyd George, David) 63
- Ловетт Р. (Lovett, Robert A.) 241
- Лодж Г.К. (Lodge, Henry Cabot) 35, 68, 556
- Лозовский С.А. 355
- Локарнские соглашения (1925) 254
- Локк Дж. (Locke, John) 115, 117, 139
- Лонг Б. (Long, Breckenridge) 298, 335, 341, 354, 365, 374, 418, 419, 423, 435

- Лонг Х. (Long, Huey P.) 115, 153, 189
 Лоуренс Д. (Lawrence, David) 432
 Лоуренс Э. (Lawrence, Ernest O.) 505, 507, 512, 513
 Лубин И. (Lubin, Isador) 429
 Лундестад Г. (Lundestad, Geir) 569
 Льюис Дж. (Lewis, John L.) 148, 161, 163, 165, 166, 195, 320, 323, 330–332
 Льюис С. (Lewis, Sinclair) 70, 278
 Лэндон А. (Landon, Alfred M.) 192, 193, 307, 310, 416
 Люс Г. (Luce, Henry) 414, 415, 426, 430, 558
- Маевский-Малевич Н.А. 46, 47
 Майрофф Б. (Miroff, Bruce) 18
 Майский И.М. 360, 377
 Макаду У. (McAdoo, William G.) 114, 117
 Макартур Д. (MacArthur, Douglas A.) 119, 454, 460
 Макдональд К. (MacDonald C.A.) 211
 Макдональд Р. (MacDonald, John Ramsay) 214, 215
 Макинтайр М. (McIntyre, Marvin) 259, 261, 349
 Маккинли У. (McKinley, William) 35, 40, 58, 66, 422
 Макклой Дж. (McCloy, John) 495, 515–518
 Маккормик Р. (McCormick Robert R.) 461
 Маклиш А. (MacLeish, Archibald) 445, 497, 501–504, 532, 540
 Макэлвейн Р. (McElvaine, Robert S.) 117, 311
 Малькова И.К. 9
 Манн Т. (Mann, Thomas) 180, 274, 303
 Манхейм К. (Mannheim, Karl) 565
 Манхэттенский проект 405, 455, 457, 475–477, 479, 484, 490, 492, 506, 507, 513, 514, 517, 523, 527, 532, 551
 Марк Э. (Mark, Edward) 419
 Маркс А.В. (Marks, Anne Wilson) 513
 Маркс К. (Marx, Karl) 211
 Маркс Ф. (Marx, Frederick) 203
- Марокканский кризис и Т. Рузвельт 45
 Маршалл Дж. (Marshall, George C.) 376, 377, 379, 401, 436, 439, 440, 447, 454, 464, 477–479, 496, 505–507, 510, 514–518, 520, 522, 530, 534–536, 542, 543, 551, 558, 569
 Массовые движения социального протеста 156–159, 182
 Международная экономическая конференция (1933) 215, 251
 Международный суд 102, 223
 “Мексикан Галф компани” 74
 Мексиканская революция (1910–1917) 132
 Мелвилл Г. (Melville, Herman) 26
 Меллон Э. (Mellon, Andrew) 75, 76
 Меритократия 565
 Мид У. (Mead, Walter Russell) 6, 549
 Миколайчик С. (Mikolajczyk, Stanislaw) 433
 Микоян А.И. 295
 Миллер А. (Miller, Aaron D.) 208
 Миллер Н. (Miller, Nathan) 38
 Милюков П.Н. 17, 31
 Миссии полковника Э. Хауза в Европу 59
 Миссия Гопкинса в Москву (1941) 359–362, 374, 395
 Миссия Джеймса Муни (1939) 340, 341
 Миссия С. Уэллеса (1940) 340, 341
 “Мозговой трест” 109, 111, 112, 137, 177
 Мойзис Л. (Moyzisch, Ludwig) 389
 Моли Р. (Moley, Raymond) 112–116, 121, 204, 242
 Молотов В.М. 268, 287, 295, 299, 305, 342, 354, 355, 361, 374–378, 392, 397–399, 415, 417, 420, 462, 476–480, 485, 494–496, 541, 547, 553
 Монтгомери Д. (Montgomery, David) 193
 “Моральное эмбарго” 342, 367
 “Моральный капитализм” 51, 52, 64
 Морган Дж. (Morgan, John Pierpont) 76, 77

- Морган Т. (Morgan, Ted) 203
 Моргентгау Г. (Morgenthau, Henry) 248, 354, 457, 466
 Моргенштерн О. (Morgenstern, Oskar) 564
 Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (1943) 403, 420
 Моффат Дж.П. (Moffat, J. Pierrepont) 306
 Мур Р. (Moore, Robert Walton) 219, 224–226, 228, 229, 279
 Муравьев М.Н. 16
 Муссолини Б. (Mussolini, Benito) 206, 215, 230, 256, 257, 260, 263–265, 273, 276–278, 282, 301, 303, 323, 341, 381
 Мэдисон Дж. (Madison, James) 18, 19
 Мэррей Ф. (Murray, Philip) 330, 370
 Мэрфи Ф. (Murphy, Frank) 182, 318
 Мэхэн А. (Mahan, Alfred Thayer) 32, 33, 40, 413
 Мюнхенские соглашения (1938) 260, 261, 263, 273, 275, 276, 278, 280, 301
 Нагасаки 523, 548
 Най Джеральд (Nye, Gerald P.) 205
 Най Джозеф, мл. (Nye, Joseph S.) 5
 Нападение Японии на Пёрл-Харбор (1941) 371, 412, 416, 505, 518, 555
 Народный фронт в странах Европы 160, 171, 196, 252
 НАТО 566, 567
 Национальная администрация восстановления 126, 183, 184
 Национальная ассоциация промышленников 184
 Национальная фермерская стачечная ассоциация 169
 Национальное бюро по трудовым отношениям 126
 Национальный комитет демократической партии 133
 Национальный фермерский союз 169
 Начало Великой Отечественной войны советского народа и США 356–360
 Невинс А. (Nevins, Allan) 424
 Нейман Дж. фон (Neumann, John von) 564
 Нейрат К. фон (Neuratt, Konstantin von) 216, 231, 440
 “Нейшн” 121
 Нибуэр Р. (Niebuhr, Reinhold) 241
 “Новая свобода” 52, 54, 64
 “Новые рубежи” 563
 “Новый курс” 8, 113–115, 117, 118, 122, 123, 128, 129, 131, 134, 137–139, 154, 159, 164, 177, 180, 182, 183, 185, 187, 192, 194, 198, 275, 310, 317, 319, 323, 325, 332, 391, 422, 441, 467, 560, 562
 Новый либерализм (“новая демократия”) 65, 66, 70, 93, 132
 “Новый национализм” 52
 “Новый республианизм” 322, 323
 “Новый тред-юнианизм” 158, 159, 165, 195, 197, 311
 Нокс Ф. (Knox, Frank) 328
 Норрис Дж. (Norris, George W.) 123, 124
 Ноубл Д. (Noble, David F.) 425
 “Нью рипаблик” 129, 240
 “Нью-Йорк геральд трибюн” 278, 322, 533
 “Нью-Йорк таймс” 6, 118, 240, 266, 447
 “Нью-Йорк уорлд” 134
 Объединенные Нации 371, 391, 402, 404, 428, 438, 452
 Объединенный комитет начальников штабов 440, 478, 522, 534, 542
 Оккупация Никарагуа (1926) 74
 Оккупация Францией Рейнской области и США (1923) 76, 77
 Олсон Ф. (Olson, Floyd B.) 170
 Операция “Оверлорд” (1944) 385, 402, 422, 423, 433, 496
 Оппенгеймер Р. (Oppenheimer, J. Robert) 455, 458, 484, 493, 505–508, 510, 512–514, 521, 523, 536

Организация Объединенных Наций (ООН) 435, 448, 451, 453, 466, 475, 548, 567
Оффнер А. (Offner, Arnold A.) 212
Павлов В.Н. 536
Палассе О. (Palasse, Auguste-Antoine) 262
Панамериканский союз 74
Панамский канал и США 39
Панславизм 24
Папен Ф. фон (Papen, Franz von) 386, 389, 390, 459
Парижская мирная конференция (1919–1920) 64, 93
Паррингтон В. (Parrington, Vernon L.) 29
Парсонс У. (Parsons, William) 493, 494, 523, 524
Пассос Дж. (Passos, John Dos) 71
Патерсон Дж. (Patterson Joseph) 461
Первая мировая война 15, 46, 48, 56, 60, 61, 68, 71, 73, 79, 109, 132, 136, 143, 147, 176, 205, 223, 274, 307, 341, 374, 380, 402, 430, 489, 554, 559
Первухин М.Г. 538
Перкинс Б. (Perkins, Bredford) 24, 568
Перкинс Ф. (Perkins, Frances) 120, 178, 182, 188, 189, 203, 330
Печатнов В.О. 21
Пий XII, папа (Pope Pius XII) 340
Пирсон Д. (Pearson, Drew) 419
Питтмэн К. (Pittman, Key) 225
План Дауэса 75, 77
План Макдональда 213, 214
План Меллона 76
План реорганизации правительства 140, 141, 311, 316
План Рузвельта–Уэллеса 265, 280, 303
План Таунсенда 188
План Юнга 75, 77
Поздеева Л.В. 263
“Покончить с нищетой в Калифорнии” (ЭПИК) 170
Политика “нейтралитета” 167
Политика “сдерживания” 557, 558, 568

Политические репрессии в СССР и общественное мнение США 258
Полк Дж. (Polk, James Кнох) 22
Польский вопрос 433, 443, 461, 462, 464, 476, 477, 484, 488, 498, 502, 532
Польский коридор 267
Польша 224, 252, 306, 335, 346
“Поправка Платта” 39, 204
Популистское движение, популизм 38, 113
Портал Ч. (Portal, Charles) 535
Портсмутская конференция (1905) 44, 45
Постиндустриализм 561, 563, 565
Постиндустриальное общество 140
Потемкин В.П. 268
Потопление “Лузитании” 62
Потсдамская конференция (1945) 461, 509, 520, 525–527
Поход ветеранов Первой мировой войны на Вашингтон (1932) 109, 114, 182
“Предопределение судьбы” (Manifest Destiny) 20
Прибалтийские государства 224, 267
Программа европейского восстановления 566
Программа строительства военно-морского флота в США 224
Прогрессивная партия Г. Уоллеса 562
Прогрессивная партия штата Висконсин 170
Прогрессивная партия, прогрессисты 53, 70, 78, 99, 108, 167, 188
“Прогрессивная эра”, прогрессивизм 47, 52, 68, 69, 73, 78, 104, 112, 136, 141, 189, 430
Продажа Россией Аляски (1867) 23, 24
Производительность труда в промышленности США 81
Протестантский рационализм 24
“Процветание” 8, 47, 97, 155, 425
Проектор Д.М. 389
Пью Дж. (Pew, Joe) 322

- Рабинович Ю. (Rabinowitz, Eugene) 510
- Рабоче-фермерские партии 165, 170, 195, 320, 329, 330
- Рабочий альянс Америки 163, 164, 194, 321
- Рабочий вопрос 98, 132
- Райт Г. (Wright G.) 48
- Расизм, расовая сегрегация, межрасовые отношения 151–153
- Раскоб Дж. (Raskob, John J.) 99, 103, 113–115
- Распутин (Новых) Г.Е. 113
- Ревизионистское направление в историографии внешней политики США 208, 210, 212
- Рейберн С. (Rayburn, Sam) 141
- Рейган Р. (Reagan, Ronald Wilson) 97
- Рейтер У. (Reuther, Walter P.) 429
- Рейхсбанк Германии 77, 383
- Ремилиитаризация Гитлером Рейнской области (1936) 254, 307
- Ренсимен У., лорд (Runciman, Lord Walter) 262
- Репарационная проблема и США 76, 77
- Репарационный вопрос (1945) 539, 541, 542
- Республиканская партия 100, 102, 106, 115, 141
- Реформа налогообложения 189
- Речь Рузвельта на съезде демократической партии в Чикаго 2 июля 1932 г. 114, 115
- Речь Ф. Рузвельта в Мильтоновской академии (1926) 134
- Речь Ф. Рузвельта в Оглторпском университете (1932) 112
- Речь Ф. Рузвельта о “забытом человеке” (1932) 112
- Речь Ф. Рузвельта по случаю инаугурации 4 марта 1933 г. 119
- Риббентроп И. фон (Ribbentrop, Joachim von) 299, 303, 305, 361, 383, 386, 389
- Риос Ф. де лос (Rios, Ferdinando de los) 264
- Робинс Р. (Robins, Raymond) 238, 242, 243, 278, 294, 300, 301, 315, 325
- Роджерс У. (Rogers, Will) 106
- Розенман С. (Rosenman, Samuel I.) 177, 314, 329, 383, 418, 422, 445, 464
- Рокфеллер Дж., мл. (Rockefeller, John D., Jr.) 13, 14, 124
- Рокфеллер Н. (Rockefeller, Nelson A.) 322
- Россия (СССР) 5, 10, 14–19, 22–24, 30–34, 38, 41–43, 66, 67, 72, 90, 93, 210–222, 224, 226, 230, 232, 236–269, 292, 296–301, 342, 363, 370, 382, 476, 479, 482, 486, 507, 519–521, 525, 527, 530, 533, 535, 541–543, 546, 550, 553
- Роупер Д. (Roper, Daniel C.) 120, 216, 220
- Рузвельт А. (Roosevelt, Anna) 451, 459, 460
- Рузвельт Белль (Roosevelt, Bell) 430
- Рузвельт Теодор (Roosevelt, Theodore) 32, 35–45, 52, 53, 58, 62, 63, 68, 100, 102, 108, 176, 204, 323, 501, 562
- Рузвельт Франклин Д. (Roosevelt, Franklin D.) 9, 100–103, 105–127, 129–143, 147–150, 152–157, 159–162, 164–168, 171, 175–198, 203–210, 212–219, 222–224, 226–233, 236, 237, 239, 240–251, 258, 260–263, 265, 267–269, 275, 276, 278, 280–282, 285–290, 292, 294–296, 298, 299, 302, 303, 306, 310–332, 335–354, 356–366, 369–372, 374–383, 390–405, 413–423, 427–439, 441–467, 476, 479, 481, 487, 489–493, 501–503, 515, 518, 522–524, 527, 532, 534, 540, 541, 549, 554, 556, 558, 561–563, 567
- Рузвельт Элеонора (Roosevelt, Eleanor) 111, 117, 132, 134, 179, 181, 236, 245, 318–321, 326, 329, 441, 450, 458, 490, 491, 503, 504, 549
- Рузвельт Эллиот (Roosevelt, Elliott) 366

- Рундштедт Г. фон (Rundstedt, Gerd von) 327, 445
 Русская революция 1917 г. 66, 67, 132, 420
 Русско-японская война (1904–1905) 43, 44, 46, 83, 300
 Рут И. (Root, Elihu) 46
 Сахаров А.Д. 500
 Свитцер А. (Sweetser, Arthur) 392, 398, 415
 Свэнсон К. (Swanson, Claude) 120
 Священный союз 33
 Сигемицу 256
 “Сидячие забастовки” 162, 182, 311, 312, 316
 Синклер Э. (Sinclair, Upton) 170, 180
 “Система Мэйо” 78
 “Система Тэйлора” 78
 Сквирский Б.Е. 238
 Скриппс–Говарда газетный трест 533
 Славянофильство 30, 31
 Смирнова Н.Д. 386
 Смит Адам (Smith, Adam) 99
 Смит Альфред (Smith, Alfred E.) 113, 114, 117, 135, 222, 241, 242
 Смит Генри (Smith, Henry Nash) 21
 Совет национальной безопасности 566
 Совет по внешней политике 555
 Совет экономических консультантов 564
 Советско-германский пакт о ненападении (1939) 274, 302–305, 308, 361
 Советско-финская война и США (1939, 1940) 336, 339, 346
 Советско-чехословацкий договор о взаимопомощи (1935) 226
 Советско-японский конфликт на реке Халкин-Гол (1939) 273, 290, 300
 Советско-японский пакт о нейтралитете (1941) 462
 Совещательная комиссия по национальной обороне 330
 Соглашение Арита–Крейги (1939) 302
 Соглашение Рута–Такахиры (1908) 46
 Соглашение Тафта–Кауры (1905) 45
 Сол Н. (Saul, Norman S.) 13
 Сомервелл Б. (Somervell, Brehon) 535
 Сорокин П.А. 10, 548
 Социал-дарвинизм 29, 112
 Социал-демократия 118, 133, 136, 170
 Социалистическое движение 38, 62, 99, 117, 138, 159, 173, 188, 425
 Спаатс К. (Spaatz, Carl A.) 493
 Спенсер Г. (Spenser, Herbert) 29, 43
 “Справедливый курс” 563
 Спринг Райс С. (Spring Rice, Cecil) 41
 Сталин И.В. 254, 258, 265, 268, 275, 287, 295, 296, 298, 299, 302, 354, 355, 361, 365, 372–374, 376–378, 393–395, 397–401, 404, 405, 417, 420, 430, 433, 435, 438, 441, 443, 445, 446, 448, 450, 462–465, 476, 479, 484, 487–489, 496–498, 502–505, 507, 509, 512, 519, 520, 524–527, 530, 531, 533–542, 544, 545, 547, 548, 550, 551
 Сталинградская битва 380, 393, 396, 412, 413
 Сталинизм 258, 293, 555
 “Стандарт Ойл Ко” 13, 74
 Стачечное движение 157, 158
 Стеттиниус Э. (Stettinius, Edward R.) 322, 443, 464, 476–478, 481, 488, 503, 504, 555
 Стивенсон Э. (Stevenson, Adlai E.) 563
 Стимсон Г. (Stimson, Henry L.) 217, 281, 283, 285, 286, 288, 301, 328, 346, 351, 358, 359, 362, 363, 365, 455–458, 475, 477–481, 483–489, 492, 495, 496, 498, 502, 505–510, 512, 513, 515–522, 524–527, 530–532, 534, 535, 537, 539, 543–546
 Страус Д. (Straus, Jesse I.) 108
 Струве П.Б. 17, 18
 Стэндли У. (Standley, William H.) 393, 396, 397, 399, 420
 Сульцбергер А. (Sulzberger, Arthur H.) 417

- Сун Цзывень 520
 Сзиллард Л. (Szillard, Leo) 490–4936
 510–5136 519–5216 569
 Сьюард У. (Seward, William Henry)
 23, 24, 34
- Тагвелл Р. (Tugwell, Rexford G.) 132,
 150, 189, 318
 Тайдингс М. (Tydings, Millard) 293,
 295
 “Тайм” 131, 414
 Такер Р. (Tucker, Robert C.) 21, 269
 Талли Г. (Tully, Grace) 319
 Таусенд Ф. (Townsend, Francis Everett)
 189
 Тафт Роберт (Taft, Robert A.) 322,
 357, 459
 Тафт Уильям (Taft, William Howard)
 35, 45, 46, 52, 53, 105, 281
 Твен М. (Twain, Mark) 27, 28, 38
 “Твердый индивидуализм” 106
 Тегеранская конференция (1943)
 403–405, 420, 421, 434
 Теллер Э. (Teller, Edward) 491, 494,
 500
 Тёркел С. (Terkel, Louis “Studs”)
 Тёрнер Ф. (Turner, Frederick Jackson)
 19–22, 26
 Тиббитс П. (Tibbits, Paul W.) 521, 536
 Тихоокеанский пакт о ненападении
 248, 250
 Тойнби А. (Toynbee, Arnold J.) 61, 71
 Токвиль А. де (Tocqueville, Alexis de)
 10, 17, 155
 Томас Н. (Thomas, Norman) 117, 207,
 427–429
 Томас Р. (Thomas, R.J.) 330
 Томпсон Д. (Thompson, Dorothy) 193,
 278
 Торговая палата США 124
 Торговля оружием американских
 производителей с Германией 223
 Треvelyан Дж. (Trevelyan, George
 Otto) 45
 Трейси Д. (Tracy, Daniel) 330
 Трояновский А. А. 267
 Трумэн Г. (Truman, Harry S.) 281, 357,
 437, 458, 461, 475–481, 483–493,
 495–499, 501–505, 508, 509, 514,
 516–521, 523–527, 530–554, 558,
 561–567, 569
 Турция 385–390
 Тютчев Ф.И. 10
- Уайдн П. (Wyden, Peter) 490
 Уайт Д. (White, Donald W.) 17, 52, 559
 Уилер Б. (Wheeler, Burton) 459
 Уилки У. (Willkie, Wendell) 322, 323,
 330–332, 348, 372, 415, 450
 Уитмен У. (Whitman, Walt) 26
 Уиттнер Л. (Wittner, Lawrence S.) 424
 Уманский К.А. 267, 268, 299, 300,
 302, 342, 343, 355
 Уолл М. (Woll, Matthew) 429
 Уоллес Г. (Wallace, Henry A.) 120,
 149, 192, 323, 324, 329, 330, 415,
 430–432, 437, 476, 479, 503,
 562
 Уорд Д. (Ward, Geoffrey) 203
 Уордсуорт Дж. (Wardsworth, James
 W.) 222
 Уотсон Э. (Watson, Edwin) 349
 Управление военной мобилизации
 475, 491
 Управление военной промышленно-
 стью 126
 Управление планирования нацио-
 нальных ресурсов (УПНР) 187
 Управление стратегических служб
 (УСС) 381, 383, 385, 388, 440, 461,
 545
 Уэллес С. (Welles, Sumner) 254, 256,
 265, 268, 280, 285, 288, 294, 298,
 303, 318, 324, 335, 340–343, 354,
 355, 357, 362, 415, 416, 419
- Файн С. (Fine, Sidney) 184
 Файт Д. (Fite, G.C.) 122
 “Файт” 167
 Фарли Дж. (Farley, James A.) 110, 120,
 128, 317, 318, 326, 328
 Февр Л. (Febvre, Lucien) 212
 “Федералист” 18, 19
 Федеральная резервная система 55
 Федеральное бюро расследований
 (ФБР) 180, 331, 384, 385, 407

- Феймонвилл Ф. (Faymonville, Philip) 262, 287, 363
- Фейс Г. (Feis, Herbert) 348, 358, 378, 525, 526, 536, 537, 550, 551
- Фергюсон Н. (Ferguson, N.) 6
- Фермерское движение 109, 110, 122, 168, 169, 180
- Ферми Э. (Fermi, Enrico) 505, 512, 513
- Филитов А.М. 553
- Филлипс У. (Phillips, William) 218, 220
- Фиппс Э. (Phipps, Sir Eric Clare Edmund) 218, 230
- Фиске Дж. (Ficke, John) 29–32, 34
- Фитин П.М. 391
- Фиш Г. (Fish, Hamilton) 1296 459
- Фонер Ф. (Foner, Philip S.) 50
- Форд Г. (Ford, Henry) 50, 79, 320
- “Форд компани” 75, 79
- “Фордизм” 49, 78, 79
- “Форин афферс” 5, 101, 494, 555, 557
- Форрестол Дж. (Forrestal, James V.) 424, 477–479, 486, 495
- Фоусек Д. (Fousek, John) 554, 558
- Франк Дж. (Franck, James) 510–513, 519–521
- Франкенстин Р. (Frankenstein, Richard) 330
- Франко Ф. (Franco, Francisco) 2288, 231, 263, 273, 285, 532
- Франко-советский пакт о взаимопомощи (1935) 225, 253, 257
- Франкфуртер Ф. (Frankfurter, Felix) 117, 137, 177, 178, 191, 197, 241, 242, 332, 344, 414, 416, 455, 456, 458, 465, 486, 487, 512
- Франциск Ассизский 127
- Франция 273, 276–279, 292, 297, 299, 301, 304, 307, 327, 336, 338, 339, 342, 343, 345, 347, 379, 401, 514, 519, 557
- Фрей Дж. (Frey, John) 155, 156
- Хадсон Р. (Hudson, Robert) 263, 265
- Хайэм Ч. (Higham, Charles) 340
- Ханна М. (Hanna, Marcus Alonzo) 35
- Харпер Дж. (Harper, John Lamberton) 203
- Харпер С. (Harper, Samuel N.) 241, 266
- “Харперс” 458
- Харрингтон Ф. (Hurrington, F.C.) 314
- Харц Л. (Hartz, Louis) 40, 52, 117, 118, 139, 198, 561
- Хассет У. (Hassett, William D.) 462, 465, 466
- Хатчмейкер Дж. (Huthmacher J.J.) 191
- Хауз Э. (House, Edward M.) 59, 216, 223, 241, 340, 341
- Хейнрикс У. (Heinrichs, Waldo H.) 203
- Хёрд Ч. (Hurd, Charles) 118
- Херкен Г. (Herken, Gregg) 553
- Херст У. (Hearst, William Randolph) 114, 115, 117, 461
- Хершберг Дж. (Hershberg, James) 450
- Хиккок Л. (Hickok, Lorena) 177, 179, 181, 190
- Хиллмэн С. (Hillman, Sidney) 161, 165, 166, 178, 330–332, 429
- Хиросима 493, 5523, 524, 547, 548, 569
- Холмс О. (Holmes, Oliver Wendell) 132
- Холодная война 5, 523
- Холокост 232, 555
- Хорнбек С. (Hornbeck, Stanley K.) 288–292, 294, 301–306, 346, 352
- Хоу Л. (Howe, Louis McHenry) 108, 111, 312
- Хоули Э. (Hawley, Ellis W.) 124, 125
- Хрущев Н.С. 547
- Хьюз Ч. (Hughes, Charles Evans) 75
- Хэй Дж. (Hay, John) 35, 40, 43, 58
- Хэлл К. (Hull, Cordell) 113, 120, 147, 211, 214, 217, 219, 221, 222, 224, 229–231, 245, 250, 251, 259, 263, 267, 281, 283, 286–289, 291, 292, 296–298, 304, 318, 324, 342, 352, 355, 365, 384, 403, 405, 415, 419, 435, 436
- Центральное разведывательное управление (ЦРУ) 566**
- Чейз С. (Chase, Stuart) 169**
- Чеймберс Дж. (Chambers, John W. II) 35**

- Чемберлен Н. (Chamberlain, Neville) 209, 256, 257, 259, 260, 262, 263, 266–268, 277, 278, 280, 294, 295, 301, 302, 328
- Черчилль У. (Churchill, Winston S.) 160, 286, 307, 345, 349, 353, 354, 360, 362, 366, 369, 375, 377, 379, 380, 382, 392, 393, 395, 396, 398, 400–405, 415, 430, 434, 438, 441, 443–445, 448, 450, 454–457, 461, 462, 464, 466, 487, 496, 498, 502–505, 511, 523, 524, 530–535, 537, 540, 541, 559
- “Четыре полицейских” 392, 415, 452
- “Четыре свободы” Ф.Д. Рузвельта 351, 430, 562
- “Четырнадцать пунктов В. Вильсона” 67, 94
- Чеффи З. (Chafee, Zeohariah) 241
- Чехословакия и предвоенный кризис 231, 252, 256
- “Чикаго трибюн” 435
- Чилстон А., лорд (Chilston, Lord Aretas Akers-Douglas) 256, 257
- Чичерин Г.В. 239
- Чолгош Л. (Czolgosz, Leon) 35
- Чув Ф.И. 375
- Шахт Я. (Schacht, Hjalmar) 77, 223, 383
- Шелленберг В. (Schellenberg, Walter) 383
- Шервин М.Дж. (Shervin, Martin J.) 507
- Шервуд Р. (Sherwood, Robert E.) 128, 203, 314, 319, 337, 338, 345, 347, 349, 350, 354, 356, 361, 383, 402, 413, 423, 445, 460, 464
- Шерман Дж. (Sherman, John) 326
- Шлезингер А., мл. (Schlesinger, Arthur M., Jr.) 14, 18, 55, 60, 73, 205, 556
- Штейнгардт Л. (Steinhardt, Laurence) 264, 268, 299, 342, 351, 354, 355, 358–361, 384–386
- Шуз Дж. (Shouse, Jouett) 222
- Шуматова Е. (Shoumatoff, Elizabeth) 466
- Эйзенхауэр Д. (Eisenhower, Dwight D.) 382, 396, 423, 439, 445–447, 454, 494, 521, 548, 563
- Эйнштейн А. (Einstein, Albert) 372, 455, 490, 493, 510
- Экономические кризисы 13, 19, 31, 49, 70, 79, 154, 313
- Экономический билль о правах 432, 562
- Элиот Дж.Ф. (Eliot, George Fielding) 278, 279, 292
- Эмерсон Р. (Emerson, Ralf Waldo) 26
- “Эпоха нормальности” 73, 97
- Эрл Дж. (Earle, George H.) 386–388, 390, 391, 459, 460
- Эрли С. (Early, Stephen) 254, 263, 295, 298, 421, 434
- Эррио Э. (Herriot, Edouard) 214
- “Юнайтед фрут компани” 6, 74
- Юнг К.Г. 20, 60
- Япония 43–46, 72, 90, 213–221, 226, 241, 246, 247, 249, 251, 252, 255, 256, 289, 300, 305, 315, 344, 352, 355, 362, 371, 439, 444, 447, 449, 487, 490, 493–495, 503, 516, 517, 519–522, 524, 530–533, 535, 540, 542, 544, 546, 547, 550, 556

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава I	
ШАГИ КОМАНДОРА: ОТ КОНТИНЕНТАЛИЗМА К МЕССИАН- СКОМУ ИМПЕРИАЛИЗМУ ЯНКИ	
О “подвижной границе” и само собой напрашивающихся параллелях	10
“... Они ничего не боятся и все покоряют”	15
Они обозначили национальные цели	22
В ранге великой державы	35
Что хорошо для Америки	69
Глава II	
“НЕТ ПОВОДА ДЛЯ СТРАХА, КРОМЕ САМОГО СТРАХА”	
“Процветание” в руинах	97
Как помочь “забытому человеку”?	107
Реформы “ста дней”	120
“Политическая экономия” Рузвельта: размышления об истоках госу- дарства всеобщего благосостояния	131
Глава III	
“ТОЛПА” И ХОД СОВРЕМЕННОГО ПРОГРЕССА	
Франклин Рузвельт: “Одна треть нации живет в плохих домах, плохо одега и плохо питается”	147
Левый марш	154
Прогрессивизм образца 30-х годов: благо или зло?	167
Глава IV	
“ЧУТЬ-ЧУТЬ ЛЕВЕЕ ЦЕНТРА”	
Формула успеха	175
“Нашли ли мы долину счастья?”	183
Глава V	
“КАРАНТИН” ДЛЯ АГРЕССОРОВ ИЛИ ПОЛИТИКА “УМИРОТВОРЕНИЯ”?	
Немного полемики	203
Европа далекая и близкая	212

Глава VI	
СОВЕТСКИЙ ФАКТОР	
География и геополитика	236
Токсины “холодной неопределенности”	248
Глава VII	
НАД ПРОПАСТЬЮ	
Жить по формуле: “оставаться вне войны”. Внутренний аспект	273
Сумерки дипломатии неучастия	281
Глава VIII	
КРИТИЧЕСКИЙ ПУНКТ: ЧИСТО АМЕРИКАНСКИЕ ВЫБОРЫ 1940 ГОДА	
Не дать погубить страну	310
Судьбоносное решение: третий срок	317
Глава IX	
“МЫ ДОЛЖНЫ СТАТЬ ВЕЛИКИМ АРСЕНАЛОМ ДЕМОКРАТИИ”	
Дипломатия двойного назначения	335
Первый саммит	356
Глава X	
ФРАНКЛИН РУЗВЕЛЬТ: “МЫ, АМЕРИКАНЦЫ, ПОКИНУЛИ НАШИ ПАЛУБЫ И ЗАНЯЛИ МЕСТА У ОРУДИЙ”	
Коалиционная стратегия: кто “за” и кто “против”	369
“Мы поступим правильно, достигнув взаимопонимания с Советами...”	393
Глава XI	
ПРОБЛЕМА ВЫБОРА	
На пороге “Американского века”	412
“Век простого человека”	423
Ялта. Дорога к храму?	438
Прощальное послание	451
Глава XII	
“НЕ ПОЗЖЕ, ЧЕМ ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА...”	
A Quid pro quo?	475
Гарри Трумэн и Джеймс Бирнс делают свой выбор	484
Глава XIII	
ТЕОДОР РУЗВЕЛЬТ: “ГОВОРИ ВЕЖЛИВО, НО ДЕРЖИ В РУКЕ БОЛЬШУЮ ДУБИНУ”	
Политики и ученые	501
18 июня 1945 года: начало атомной дипломатии	514

Глава XIV

ПОСЛЕДНИЙ САММИТ И НЕ ТОЛЬКО ...

“Больной прооперирован сегодня утром ...” 530

Правдивая ложь, или мир вступил в новое измерение 538

Глава XV

ЭПИЛОГ КАК НАЧАЛО. ГЕГЕМОНИЯ ИЛИ ИМПЕРИЯ? 553

БИБЛИОГРАФИЯ 572

УКАЗАТЕЛЬ 586

Научное издание

Мальков
Виктор Леонидович

ПУТЬ К ИМПЕРСТВУ

АМЕРИКА
в первой половине XX века

Зав. редакцией Н.Л. Петрова

Редактор Л.А. Зуева

Художник В.Ю. Яковлев

Художественный редактор Т.В. Болотина

Технический редактор З.Б. Павлюк

Корректоры З.Д. Алексеева, А.В. Морозова,
М.Д. Шерстенникова

Подписано к печати 24.06.2004
Формат 60 × 90¹/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 38,0. Усл.кр.-отт. 38,5. Уч.-изд.л. 41,6
Тираж 600 экз. Тип. зак. 3422.

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ “АКАДЕМКНИГА” РАН

Магазины “Книга-почтой”

121099 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
E-mail: akadem.kniga@G23.relcom.ru
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 76; (код 812) 235-40-64

Магазины “Академкнига” с указанием “Книга-почтой”

690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 (“Книга-почтой”); (код 4232) 45-27-91
antoli@mail.ru
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 (“Книга-почтой”); (код 3433)
50-10-03 KNIGA@SKY.ru
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 (“Книга-почтой”); (код 3952) 42-96-20
val@igc.irk.ru
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
AKADEMKNIGA@KRASMAIL.RU
220012 Минск, проспект Ф. Скорины, 72; (код 10375-17) 232-00-52, 232-46-52
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00 akadkniga@voxnet.ru;
akadkniga@nm.ru; http://akadkniga.nm.ru
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
113105 Москва, Варшавское ш., 9, Книж. ярмарка на Тульской (5 эт.); 737-03-33,
737-03-77 (доб. 50-10)
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60 akademkniga@mail.ru
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 (“Книга-почтой”);
(код 3832) 30-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru
142290 Пушкино Московской обл., МКР “В”, 1 (“Книга-почтой”);
(код 277) 3-38-80
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65 ak@akbook.ru
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 51-60-36
akademkniga@mail.tomsknet.ru
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 (“Книга-почтой”); (код 3472) 24-47-74
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

Коммерческий отдел, г. Москва

Телефон 241-03-09

E-mail: akadem.kniga@g 23.relcom.ru

akadkniga@voxnet.ru

Склад, телефон 291-58-87

Факс 241-02-77

---

*По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (095) 334-98-59
E-mail: initsiat@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru*

THE PATH TO EMPIRE

AMERICA

in the first half
of the twentieth
century

ISBN 5-02-009854-X

9 785020 098541

NAUKA